

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОНД

АНАНЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2016
ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА
МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
25–29 октября 2016 года

Том 2

Ответственные редакторы
А.В. Шаболтас, Н.В. Гришина, С.В. Медников и Д.Н. Волков

Санкт-Петербург
2016

ББК 88.3
А64

Редакционная коллегия:

доц. *А.В. Шаболас*, доц. *Н.В. Морошкина*, проф. *Н.В. Гришина*,
доц. *А.Е. Ловягина*, ст. преп. *С.В. Медников*, доц. *Н.Л. Ильина*,
доц. *Л.А. Верецагина*, доц. *Д.Н. Волков*, проф. *И.И. Мамайчук*
доц. *Н.Л. Коновалова*, проф. *С.Н. Костромина*, доц. *Г.Л. Исурина*
доц. *Ю.Г. Демьянов*, доц. *В.Б. Чесноков*, доц. *А.Д. Наследов*,
доц. *Л.И. Августова*, доц. *Ю.А. Макаров*, доц. *В.А. Гершкович*,
проф. *В.М. Аллахвердов*, проф. *Л.Г. Почебут*, проф. *О.С. Дейнека*,
доц. *И.А. Самуйлова*, проф. *Л.А. Головей*, проф. *Г.С. Никифоров*,
доц. *З.Ф. Дудченко*, проф. *Н.С. Хрусталева*, доц. *Н.Л. Плешкова*,
доц. *Е.И. Петанова*, проф. *Н.А. Логинова*, проф. *С.Д. Гурьева*,
доц. *О.В. Защиринская*, ст. преп. *Т.С. Войт*,
доц. *С.П. Шклярчук*, ст. преп. *О.Г. Мокрецова*,
доц. *Т.Н. Беркалиев*, доц. *Э.Б. Карпова*

А64 Ананьевские чтения – 2016: Психология: вчера, сегодня, завтра:
материалы международной научной конференции, 25–29 октября
2016 г., в 2-х томах. Том 2./отв. ред. *А.В. Шаболас*, *Н.В. Гришина*,
С.В. Медников, *Д.Н. Волков* – СПб.: Айсинг, 2016. – 460 с.
ISBN 978-5-91753-131-1

Материалы сборника отражают тематику и содержание докладов, представленных на традиционной международной конференции «Ананьевские чтения». Конференция 2016 года была посвящена 50-летию открытия факультета психологии в Санкт-Петербургском государственном университете. Наряду с историческим экскурсом, связанным с юбилейной датой и посвященным истории зарождения и становления университетской психологической науки, основное содержание издания составляют публикации, отражающие современный этап развития науки и практики по основным направлениям психологии. В материалах сборника представлены работы психологов Санкт-Петербургского университета, других университетов, многих научных и практических центров России, а также стран ближнего и дальнего зарубежья.
Материалы представлены в редакции авторов.

ББК 88.3

*Издание материалов научной конференции осуществлено
при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-06-14081*

ISBN 978-5-91753-131-1

© Авторы тезисов, 2016
© СПбГУ, 2016

ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

Алёшичева А.В., Самойлов Н.Г.

НЕОБХОДИМОСТЬ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ УПОРЯДОЧЕННОСТИ И СТРУКТУРИРОВАННОСТИ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ

Здоровье человека является непреходящей ценностью, обуславливая полноценное проявление и самореализацию его в обществе. А это означает, что здоровье является высшей ценностью не только для отдельно взятого субъекта, но и для общества. В связи с этим, здоровье каждого члена общества выступает мерой качества жизни людей, определяемого политикой государства. Именно поэтому проблема созидания, укрепления и сохранения здоровья остается актуальной в разные периоды времени.

Однако несмотря на многовековую историю и желание многочисленных исследований решить ее как можно полнее, много вопросов остаются нерешенными. Так, в рамках этой проблемы в настоящее время назрела необходимость определить структурную организацию, соподчиненность, соотношение и показатели, которыми пользуются исследователи при изучении и описании здоровья и его компонентов. При этом если речь вести о здоровье личности, то очевидно следует соотносить «личность» и «здоровье» как целое и часть.

А это означает, что:

- здоровье является компонентом личности;
- в свою очередь, здоровье представляет собой сложную, многокомпонентную и разноразмерную систему;
- здоровье зависит от особенностей структуры и функций личности и одновременно оно определяет степень проявления активности ее структурных компонентов.

Представление о здоровье человека нуждается в структурированности, поэтому его составляющие как систему можно по убывающей расположить в следующей последовательности: уровни, подходы, категории, критерии.

Итак, что касается уровней здоровья, то выделяют: физический, психический, социальный и душевный. Однако кроме этих уровней рассматривается психологическое (И.В. Дубровина), моральное (А.В. Сахно), профессиональное (В.А. Пономаренко, С.Н. Шингаев), сексуальное (В.А. Ананьев), духовное (Н.П. Шмелев), эмоциональное (Л.В. Тарабакина), личностное (М.В. Сокольская).

Очевидно, все более мелкая дифференциация здоровья имеет смысл при изучении «индивидуальных и личностных характеристик, являющихся показателями различных уровней здоровья человека» (М.В. Сокольская, 2012, с. 3). Хотя мы больше склоняемся к мысли В.А. Ананьева, когда он, говоря о психологическом аспекте здоровья, отмечает: «мы снова дифференцируем, дробим до бесконечности здоровье, в то время когда надо уже объединять, интегрировать, рассматривать человека как психосоматическое целое духовное существо» (В.А. Ананьев, 2006, с. 39).

Более того, внутри индивидуального здоровья, например, Б.С. Братусь (1988) выделяет три уровня:

- 1) личностно-смысловой;
- 2) индивидуально-психологический;
- 3) психофизиологический.

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

А по М.В. Сокольской (2012) имеется пять уровней личностного здоровья:

- 1) метасистемный;
- 2) системный;
- 3) субсистемный;
- 4) компонентный;
- 5) элементный.

Существует также представление о популяционном и планетарном уровне здоровья (К. Лоренц, В.И. Вернадский).

Таким образом, мы видим, что даже краткая характеристика использования авторами понятия «уровень психического здоровья» свидетельствует об отсутствии общепринятого мнения и четкой позиции в понимании, чем «уровень» отличается, например, от видов здоровья.

Бражникова А.Н.

ДОБРОТА КАК ОСНОВА ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА

Проблема психического здоровья человека на современном этапе приобретает особую значимость и, несмотря на значительное количество работ (Б.С. Братусь, И.А. Бабаева, М.И. Воловикова, С.Ю. Горбунова, Г. С. Никифоров и др.), не исчерпывает себя, раскрываясь перед исследователями во все новых и новых аспектах. В современной психологии ключевым остается вопрос о том, что именно считать признаком психического здоровья, в чем проявляется здоровье, полноценное развитие личности. В качестве одного из важных признаков психического здоровья ряд ученых называют способность к саморегуляции, которая определяется как сознательные воздействия человека на присущие ему психические явления (процессы, состояния, свойства), выполняемую им деятельность, собственное поведение с целью поддержания (сохранения) или изменения характера их протекания. Многие психологи и психиатры определяющую роль в обеспечении здоровой психики отводят особенностям взаимосвязи и взаимодействия личности с внешним миром. Под психическим здоровьем мы будем понимать интегральную характеристику психической сферы человека, основу которой составляет переживание общего душевного комфорта, обеспечивающее адекватную регуляцию собственных психических процессов и поведения. Психическое здоровье зависит от многих внешних и внутренних факторов и находит отражение в следующих характеристиках: адекватное восприятие социальной действительности; интерес к окружающему миру; адаптация (равновесие) к физической и общественной среде; направленность на общественно полезное дело; культура потребления; альтруизм; ответственность перед другими; бескорыстие в поведении и т.д. (Б.С. Братусь, Г.С. Никифорова и др.). То есть акцент делается на нравственных характеристиках личности, обеспечивающих адекватную условиям окружающей среды регуляцию поведения и деятельности. Из нравственных характеристик личности мы выделяем доброту. С точки зрения ряда отечественных и зарубежных авторов, проявление доброты представляется нерешенной загадкой. Исследования в зарубежной психологии показывают, что добрые поступки служат нескольким целям: 1) улучшить собственное благополучие, 2) повысить социальный статус и заслужить одобрение других, 3) поддержать образ «Я», 4) справиться с собственными эмоциями и настроением (I. Ajzen, M. Fishbein). Многие отечественные психологи (Б.С. Братусь, Н.А. Коваль и др.) указывают на то, что проявление доброты есть нормальное и должное отношение человека к другим людям, к окружающему миру в целом. В наших исследованиях доказывается, что проявления доброты, мотивированные исключительно внутренними

побуждениями и ради благополучия другого человека, возможны лишь при наличии в человеке любви. Внешние действия, пусть и полезные для окружающих, но не одухотворенные «продуктивной любовью», остаются лишь формальным обрядом. Выделяя доброту как основу психического здоровья человека, следует отметить, что многие психиатры (В.Е. Рожков и др.) указывают на то, что альтруизм является мощным психотерапевтическим средством борьбы с болезнью, чаще всего являющейся порождением духовной опустошенности, запущенности и оскудения личности и достойных ее чувств, устремлений и идеалов. А.Ф. Лазурский, основываясь на тщательных наблюдениях, пришел к выводу, что здоровье личности в наибольшей степени обеспечивает идеал бескорыстного отношения к другому. Исследования современных отечественных психологов Б.С. Братуся, М.И. Володиковой, А.Л. Журавлева и др. также доказывают, что отклонения личности, невротическое развитие тесно связаны с эгоцентрической ориентацией; в то время как наиболее благоприятные условия для развития личности создает противоположная эгоцентрической просоциальная ориентация.

Таким образом, доброта, основанная на любви к людям, выражающаяся в желании и готовности бескорыстно помочь другому, поделиться с ним теплотой, милосердием, может выступать существенным фактором, основой психического здоровья человека.

Бызова В.М., Калашикова Ю.А.

ПСИХИЧЕСКАЯ РИГИДНОСТЬ И РЕФЛЕКСИВНОСТЬ КАК ФАКТОРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

В связи с современными условиями жизни людей назревает необходимость учитывать такую структурную составляющую здоровья, как психологическое благополучие. Актуальность исследования психологического благополучия объясняется тем, что данный конструкт не используется в классической медицинской практике, между тем как является залогом здоровья индивида, источником совладания с различного рода негативными воздействиями. Психологическое благополучие невозможно свести к физическому и психическому здоровью индивида; оно представляет собой качественно новое образование, включающее как сохранность физиологических и психических процессов, так и возможности для субъективной реализации индивидуального личностного потенциала. Мы предполагаем, что рефлексивность как свойство личности, характеризующее её способность к самопознанию и познанию окружающего мира, обладает потенциалом для воздействия на психологическое благополучие и здоровье человека. Ригидность-флексibilitätность как психическое свойство, характеризующее способность человека к быстрой перестройке когнитивных, эмоциональных и поведенческих процессов в ответ на требования ситуации, обладает потенциалом влияния как на процессы рефлексии, так и психологическое здоровье и благополучие.

В данной работе нами изучаются рефлексивность и психическая ригидность в качестве возможных факторов психологического благополучия личности. В исследовании приняли участие 94 человека, студенты факультета психологии СПбГУ (средний возраст – 18,5 лет), в том числе 82 девушки и 12 юношей. В работе были использованы следующие методики: «Шкала психологического благополучия» К. Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко (2005); «Опросник рефлексивности» А.В. Карпова (2003); «Томский опросник ригидности» Г.В. Залевского (1987). По полученным результатам была проведена клинико-психологическая беседа. Выборка была разделена в соответствии с уровнем ригидности-флексibilitätности.

Результаты. Психическая ригидность положительно взаимосвязана с рефлексивностью личности ($p < 0,01$). Это можно объяснить тем, что рефлексия является неспецифическим ког-

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

нитивным механизмом совладания и поведенческой регуляции. Психическая ригидность отрицательно связана с общим показателем психологического благополучия ($p < 0,01$). Рефлексивность и психологическое благополучие статистически не взаимосвязаны ($p > 0,1$). Возможно, рефлексивность не оказывает непосредственного влияния на психологическое благополучие. У лиц со средними показателями психической ригидности рефлексивность и психологическое благополучие положительно взаимосвязаны ($p < 0,06$). Это может быть объяснено как оптимальной выраженностью всех изучаемых признаков, так и особенностями исследования на данной выборке.

Таким образом, рефлексивность не является детерминирующим фактором психологического благополучия. В свою очередь, психическая ригидность – является; и также положительно связана с рефлексивностью. Это означает, что в психологической практике применения методов интервенции, связанных с рефлексивностью, стоит попутно осуществлять способы нивелирования негативных эмоциональных переживаний, которые могут проявляться в ходе рефлексии. Кроме того, «рефлексивные» техники должны учитывать, что процесс рефлексии неспецифичен, и на него может оказывать влияние «ригидный характер» личности. При учёте того, что рефлексивность не является непосредственной детерминантой психологического благополучия, «рефлексивные» методы терапии должны проводиться в комплексе с методами, затрагивающими другие психические свойства и личностные предикторы психологического благополучия. Дальнейшие исследования по проблеме могут быть направлены на уточнение характера и конкретизацию взаимосвязей между рефлексивностью, психической ригидностью и психологическим благополучием на различных выборках, а также на формирование таких «рефлексивных» методов терапии, которые учитывали бы вышеуказанные особенности.

Валеева Г.В.

ДИНАМИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ОЗДОРОВЛЕНИЮ – КРИТЕРИЙ ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ

Ухудшение состояния здоровья привело к запросу общества на оздоровление. Управляемый процесс осознанного оздоровления опирается на критерий здоровья. Подходы к здоровью, обуславливающиеся спецификой конкретных наук со своими критериями, привели к большому разнообразию определений. Но здоровая личность представляет собой интеграцию физической, психологической, социальной составляющих, находящихся в динамическом равновесии, развитии, следовательно, критерий ее здоровья должен отвечать этим требованиям.

Докажем, что динамика психологической готовности к оздоровлению (далее ПГКО) им отвечает.

Теоретическую основу нашего исследования составили научные взгляды А.А. Деркача, Е.П. Ильина, Л.А. Кондыбовича, рассматривающих психологическую готовность-состояние; Н.В. Никифорова, З.И. Тюмaseвой, трактующих здоровье - систему взаимосвязанных благополучий: физического, психологического, социального; оздоровление-метадеятельность.

Анализируя эти труды, мы рассмотрели динамику ПГКО как интегральное состояние психологических характеристик субъекта оздоровления, объединяющихся в иерархически взаимосвязанные компоненты (психоэмоциональный, когнитивный, психофизический, ценностно-мотивационный), базирующихся на его «Я-концепции» и функционирующих как психологическая целостность, чье физическое выражение - оздоровительная деятельность [Г.В. Валеева, З.И. Тюмaseва 2014].

ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

Используя программу комплексной диагностики «Гармония», с 2008 г. проводя исследование субъективной составляющей здоровья, (авт. свид. № 2014661107, 2014 г) [Г.В. Валеева, З.И. Томасева, И.Л. Орехова, 2015] выявили дезадаптацию у 30% студентов 1-3 курса и 50% педагогов (общей численностью 2000 человек) по компонентам ПГКО: психоэмоциональный – повышенная, высокая фрустрационная напряженность, тревога, ригидность, истошаемость; когнитивный – несформированная потребность в здоровье, представление о результате оздоровления; психофизический – жалобы на состояние сердечно-сосудистой, костно-мышечной систем; ценностно-мотивационный – состояние повышенной, высокой агрессивности, терминальные, инструментальные ценности эгоцентрической направленности, несоответствующие оздоровлению.

Динамика ПГКО понимается как изменение актуального уровня её компонентов, направленное на расширение адаптационных возможностей всех субъектов образования на основе субъект-субъектных отношений, оздоровительных технологий. Положительная динамика является лишь результатом проведения программы группового и индивидуального психологического консультирования, тренингов: психоэмоциональный и психофизический компоненты – дезадаптация снижается ($p < 0,03(0,023)$; $p < 0,02(0,013)$; $p < 0,01(0,001)$) и ($p < 0,01(0,000; 0,002)$); когнитивный – повышается уровень сформированности представления об оздоровлении ($p < 0,01(0,000)$); ценностно-мотивационный компонент – выраженность дезадаптации по показателю «агрессия» снижается ($p < 0,01(0,001)$), уровень сформированности «ценностей-средств», соответствующих сформированной готовности к оздоровлению, повышается ($p < 0,03(0,027)$).

На основе факторного анализа и системы критериально-уровневого оценивания выделили уровни ПГКО, сформулировали рекомендации по её развитию.

Высокий уровень – выраженность характеристик в границах тестовой нормы (здоровье), необходимо развитие представления об оздоровлении; средний (переходная зона/«З-е» состояние) – групповое, индивидуальное психологическое консультирование, развитие представления об оздоровлении; низкий – дезадаптивная зона (болезнь) – длительное оздоровительное консультирование, в соответствии с состоянием психологических характеристик.

Подведём итог: динамика ПГКО – критерий здоровья личности, т.к. характеризует направленность личностного развития; лишь в процессе психологического консультирования достигается положительная динамика ПГКО, т.к. оно нормализует психоэмоциональный компонент с наибольшим весом в структуре.

Исследование внедрено в обучение студентов, педагогов, психологов, тьюторов, в психологическое консультирование.

Ванюхина Н.В., Григорьева О.В.

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДЕТЕЙ

В настоящее время проблема информационной безопасности привлекает все большее внимание ученых и практиков, так как во многом именно от нее зависит безопасность финансов, репутации и имиджа организации. Однако в своей массе население еще далеко от осознания значимости соблюдения правил информационной безопасности в ежедневной жизнедеятельности. Особо неудовлетворительно обстоит дело с обеспечением родителями безопасности детей в интернет-пространстве.

Опрос родителей (50 человек), педагогов (30 человек) и психологов (20 человек) показал, что все знакомы с физическими последствиями чрезмерного увлечения компьютером в виде ухудшения зрения и осанки. Вместе с тем, всего 30% выборки уверенно определили в ка-

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

честве отрицательного феномена интернета кибербуллинг (виртуальное издевательство). Еще 20% опознало данное явление после дополнительных разъяснений. Половина опрошенных признались, что не задумывались над возможностью травли, шантажа, остракизма с помощью интернета. 60% респондентов волнует, что дети могут увидеть в виртуальной сети информацию сексуального характера.

К сожалению, так же стремительно, как развивается техника, возникают и новые возможности нарушения информационной безопасности детей. И знание о том, как появляются дети, обнаруженные в сети, может стать самым невинным итогом путешествий по интернету. Почерпнув детали личной жизни из странички в Твиттере, злоумышленнику легко убедить ребенка и педагога, что родитель прислал его забрать ребенка из школы. В сети циркулируют психологически грамотно составленные инструкции для детей, как «стать феей огня», тайно пустив «волшебный газ» из плиты, или как «отрастить крылья», прыгнув из окна. Появились сайты, на которых за пятьдесят дней подростков склоняют к самоубийству.

Во многом причины недостаточного внимания родителей к данным проблемам коренятся в их слабой компьютерной грамотности. Современное понятие компьютерной грамотности включает в себя не только совокупность умений и навыков пользования компьютером [1], но и понимание методов медиавоздействия [2], а также способность им противостоять. Таким образом, даже когда родители являются уверенными пользователями компьютера, они не всегда полностью отдают себе отчет обо всех возможностях современных интернет-технологий и степени их влияния на людей. Во время опроса родителей младших школьников (50 человек) было выявлено, что только у 2% семей нет компьютера, планшета или смартфона. В 10% семей родители не умеют пользоваться интернетом, в то время как их дети делают это свободно. Лишь 24% родителей систематически контролируют активность детей в интернете. В остальных семьях родительский контроль сводится к ограничению времени, проведенном за компьютером/планшетом, без анализа содержимого действий детей в интернете.

С развитием техники отгородиться от нежелательной информации стало практически невозможно, а ее привлекательность и убедительность выросла во много раз за счет интерактивности, красочности, многократного повторения и др. Единственной возможностью повышения информационной безопасности детей является работа с ними через их родителей, которых, в свою очередь, необходимо просвещать в вопросах компьютерной грамотности и безопасности.

Литература:

1. Безрукова В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). - Екатеринбург, 2000. - 937 с.
2. Садыкова, Г.В. Инновационные технологии преподавания английского языка: Методическое пособие для студентов IV курса отделения английского языка и литературы (На английском языке). / Сост. Г.В. Садыкова. - Казань: Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова - Ленина, 2003. - 30 с.

Власова А.Ю., Правдина Л.Р.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ У ЛИЦ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ

Проблема субъективного благополучия личности приобретает особую важность в связи с экономическими изменениями и усилением динамики жизни в целом. Дискуссионным оста-

ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

ется вопрос о том, что выступает необходимым условием состояния субъективного благополучия. Это обуславливает необходимость определить, что служит основанием для внутреннего равновесия личности, из чего оно складывается, каким образом можно помочь личности в решении проблемы благополучия. Поэтому важной задачей в изучении субъективного благополучия является выделение основных детерминант, определяющих состояния психологического благополучия, выявление их соотносительной значимости. Кроме того, существуют иные самостоятельные психологические феномены, оказывающие влияние на состояние субъективного благополучия личности. Одним из них является эмоциональная устойчивость личности, особо актуальный феномен в условиях ситуации быстрых преобразований, в которой находится общество сегодня. Эмоциональная устойчивость как свойство личности оказывает влияние на состояние субъективного благополучия. Цель исследования – изучить психологические особенности субъективного благополучия у лиц с разным уровнем эмоциональной устойчивости.

Руководствуясь эвдемонистическим, ценностным, субъектным подходами, а также четырехуровневой структурой интегративного здоровья, мы предположили, что в качестве детерминант субъективного благополучия выступают экзистенция, телесность, психологическое благополучие, эмоциональная компетентность и вовлеченность. Детерминанты пронизывают все уровни субъективного благополучия (духовная, социальная, психологическая и физическая сферы), определяя личностные особенности восприятия и понимания. Психологическая составляющая субъективного благополучия является интегративным компонентом, объединяющим все сферы.

Методический инструментарий составили методики, соответствующие основным детерминантам субъективного благополучия: методика «Шкала экзистенции» А. Лэнгле, авторская методика «Опросник телесности» Л.Р. Правдиной, методика «Шкала психологического благополучия» К. Рифф, опросник эмоционального интеллекта «ЭмИн» Д.В. Люсина; а также методика «Прогноз». Выборка составила 51 человек, служащие, слушатели программы подготовки по направлению «Психология здоровья» АПП ЮФУ.

В результате исследования обнаружены значимые взаимосвязи основных детерминант субъективного благополучия у участников исследования, большое количество взаимосвязей компонентов психологического благополучия с показателями других детерминант.

Анализ результатов исследования эмоциональной устойчивости позволил разделить всех испытуемых на три группы: респонденты с неудовлетворительным уровнем эмоциональной устойчивости, с удовлетворительной устойчивостью, с хорошей эмоциональной устойчивостью. В результате однофакторного дисперсионного анализа мы выяснили, что некоторые параметры значительно более выражены в определенных группах. Группа респондентов с хорошим уровнем эмоциональной устойчивости отличается высокими показателями: управление средой, личностный рост и автономия, средним уровнем ответственности, низкой способностью самодистанцироваться. Группа респондентов с удовлетворительной эмоциональной устойчивостью характеризуется высокими способностями самодистанцироваться и ответственностью. Группа респондентов с неудовлетворительной эмоциональной устойчивостью характеризуется средним показателем личностного роста. Показатели психологического благополучия значительно выше у группы лиц с хорошим уровнем эмоциональной устойчивости, чем у иных двух групп. Полученные результаты исследования расширяют область существующих теоретических представлений о субъективном благополучии, могут быть использованы в процессе построения учебных курсов по психологии здоровья и психологического благополучия личности, а также в практической деятельности психологов.

Водопьянова Н.Е., Шевлякова С.А.

**РЕСУРСЫ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ РЕГУЛЯЦИИ,
СПОСОБСТВУЮЩИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ
ВЫГОРАНИЮ**

Профилактика профессионального выгорания относится к числу актуальных и социально значимых проблем для теории и практики сохранения профессионального здоровья и психологической безопасности субъектов труда.

С позиций экзистенциально-аналитического подхода такие субфакторы выгорания, как эмоциональное истощение и мотивационно-установочная редукция, ведут к развитию «экзистенциального вакуума», снижению ощущения осмысленности жизни в настоящем моменте и обесцениванию смысла будущей жизни [1, 2, 4]. Представители экзистенциального подхода считают, что синдром выгорания развивается тогда, когда субъект профессиональной деятельности в течение длительного времени не принимает или не «подпитывается» ценностями данной деятельности, когда профессиональная деятельность не способствует развитию индивидуальности человека [5]. Феноменологический анализ и обобщение результатов наших эмпирических исследований свидетельствует о том, что нарастание симптоматики психического выгорания сопровождается снижением показателей ценностно-смысловых ресурсов [4].

В частности, в исследовании представителей помогающих профессий (143 учителя общеобразовательных школ) на основе корреляционного и регрессионного анализа установлено, что на статистически значимом уровне на устойчивость к эмоциональному истощению и деперсонализации влияют следующие ценностно-смысловые регуляторы жизнедеятельности: индекс «ресурсообеспеченности», осмысление своего прошлого и настоящего как важных периодов самореализации (показатели «результат» и «процесс жизни» по тесту СЖО), преобладание значимости смыслов содержания профессиональной деятельности над значимостью смыслов социального признания.

На устойчивость к выгоранию по субфактору «редукция личных достижений» значимое влияние оказывают такие ценностно-смысловые ресурсы, как свобода выбора и возможность реализовать свои потенциалы в труде (самореализация), достойная заработная плата.

Выводы

К ценностно-смысловым (мотивационно-побуждающим) ресурсам противодействия профессиональному выгоранию относятся: признание позитивного опыта в прошлом, нахождение смыслов труда в настоящем времени, построение реальных планов своего будущего. Полученные результаты позволяют рассматривать синдром выгорания, с одной стороны, как дезадаптацию к профессиональной деятельности и прямой «путь» к профессиональным деформациям, с другой стороны, как следствие «утраты» ценностно-смысловых ресурсов, препятствующих профессионально-личностному развитию и устойчивому функционированию специалистов «субъект-субъектных» профессий.

Литература

1. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С., Синдром выгорания: диагностика и профилактика. 2-е изд. – СПб.: Питер, 2008. - 336 С.
2. Водопьянова Н.Е., Виданова Ю.И. Психическое выгорание как барьер профессиональной самореализации личности// Проблемы исследования синдрома выгорания и пути его коррекции у специалистов «помогающих» профессий. Сб.науч.ст./под ред. В.В.Лукиянова. Курск: ГКУ, 2007. - С. 30-31.

3. Водопьянова Н.Е. Ресурсное обеспечение противодействия профессиональному выгоранию субъектов труда: автореф. дисс. докт.психол. наук: 19.00.03. / Водопьянова Наталья Евгеньевна. – СПб. – 2014. – 48 с.
4. Лэнгле А. Эмоциональное выгорание с позиции экзистенциального анализа// Вопросы психологии, №2, 2008. - с. 3-16.
5. Чудновский В.Э., Бодалев А.А., Вайзер Г.А., Вахромов Е.Е., Карпова Н.Л., Суворов А.В. Роль смысловых ориентации и акме в профессиональной деятельности (опыт теоретико-экспериментального исследования) Психологический журнал, 2004, т.25, №1. - С. 9–20.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 15-06-106 38*

Воищева Н.М.

ВЛИЯНИЕ ИЕРАРХИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПРОАКТИВНЫХ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ ЭКОЛОГОВ

Тема проактивного поведения является достаточно новой для исследователей как в России, так и за рубежом. Согласно нашим представлениям, проактивность – это смыслоцентрированное свойство взрослой здоровой личности [3]. Наиболее распространенным инструментом для измерения проактивности является опросник «Проактивное совладающее поведение» Аспинвалла, Шварцера и Тауберта, разработанный в 1999 году и адаптированный в России Е.С. Старченковой [1]. Авторы опросника выделяют шесть копинг-стратегий, которые дают человеку возможность не только справляться со стрессовыми вызовами, но и способствуют продвижению к важным жизненным целям. Оценка выраженности копинг-стратегий производится сравнением получаемых суммарных по шкале значений со средними по выборке.

Ранее нами было показано, что специалисты, использующие копинг-стратегию «проактивное преодоление», зачастую имеют более низкие показатели профессионального выгорания, чем те, кто эту стратегию не использует [2]. В то же время, не всегда высокие абсолютные показатели по шкале «проактивное преодоление» гарантируют низкий уровень выгорания. В силу этого нами была сформулирована гипотеза о влиянии иерархической структуры проактивных копинг-стратегий на развитие выгорания.

В исследовании приняла участие 149 профессиональных экологов. Методики: Опросник «Проактивное совладающее поведение» Аспинвалла, Шварцера и Тауберта (1999) в адаптации Старченковой Е.С., опросник «Профессиональное выгорание» К. Маслач, С. Джексон в адаптации Н.Е. Водопьяновой (2001); тест «БАК-конфликт» В.Ю. Слабинского, разработанный на базе Висбаденского опросника Н. Пезешкиана, Х. Дайденабаха (2003).

Выведение среднеарифметического балла по каждой шкале позволяет выстроить иерархию копинг-стратегий и учесть данный фактор в целях выявления его влияния на профессиональное выгорание и профессиональное здоровье испытуемых.

У экологов с низкой степенью профессионального выгорания (n=26) иерархическая структура выглядит следующим образом: 1 – проактивное преодоление, 2 – превентивное преодоление, 3 – рефлексивное преодоление, 4 – стратегическое планирование, 5 – поиск эмоциональной поддержки, 6 – поиск инструментальной поддержки. У экологов с крайне высоким профессиональным выгоранием (n=22) иерархия проактивных копинг-стратегий отличается тем, что на 1 месте находится рефлексивное преодоление, а на 3 – проактивное.

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Разделение всех экологов (n=149) на 2 группы по принципу главенства рефлексивного преодоления над проактивным в качестве группирующей переменной показало по критерию Манна-Уитни, что у экологов, у которых доминирует копинг-стратегия «рефлексивное преодоление», определяются достоверно более высокие показатели по шкале «эмоциональное истощение» и более низкие по шкале «профессиональная успешность», что ведет к психосоматизации и снижению уровня профессионального здоровья.

Выводы: главенство рефлексивного преодоления над проактивным в иерархии проактивных копинг-стратегии является фактором эмоционального истощения, снижения профессиональной успешности и, как следствие, ухудшения профессионального здоровья специалистов.

Литература:

1. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. – СПб. : Питер, 2009. – 336 с.
2. Воищева Н.М. Проактивное совладающее поведение как ресурс профессионального здоровья//Ананьевские чтения – 2015: Фундаментальные проблемы психологии: материалы научной конференции, 20–22 октября 2015 г. / отв. ред. В.М. Аллахвердов. – СПб.: СПбГУ. Скифия-принт, 2015. – с. 272-273
3. Слабинский В.Ю., Воищева Н.М. Проактивность как смыслоцентрированное свойство личности / Когнитивная психология: методология и практика. Коллективная монография. Под науч. ред. В.М. Аллахвердова, Н.В. Дмитриевой, О.В. Заширинской, С.Н. Костроминой, Т.В. Черниговской, Ю.Е. Шелепина. - СПб.: ВВМ, 2015. - С. 161-170.

Ельникова О.Е.

ИНТЕРНАЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ МОДЕЛЬ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ

Тенденции последних лет неутешительно свидетельствует, что уровень здоровья населения РФ постоянно снижается. Стараясь ответить на вопрос «Как поднять уровень здоровья?», нельзя забывать, что физическое здоровье зачастую обусловлено психическим состоянием человека. На изучение субъективного психического отражения состояния здоровья направлено наше исследование.

В исследовании принимали участие 110 испытуемых разных групп здоровья. В качестве диагностического инструментария использована методика «Уровень субъективного контроля» Дж. Роттера в адаптации Е.Ф. Важина, С.А. Голынкиной, А.М. Эткинда. Вариабельность сердечного ритма (ВРС) фиксировалась при помощи «Омега-М» (программно-аппаратный комплекс Центра биомедицинских исследований «Динамика», г. Санкт-Петербург). Анализировались следующие показатели: индекс напряжения (ИН) регуляторных систем; LF; HF. Рефлексометрические измерения проводились и обрабатывались по методике РеБОС (Вергунов Е.Г.). Особенностью программы было то, что в трех сериях (тренировочной, простой и сложной сенсорных реакциях) потоки сигналов во второй половине задания повторяли потоки сигналов в первой. Испытуемым не сообщалось об этом, но в процессе выполнения задания они могли интуитивно отразить указанный принцип. Результатом рефлексометрии является сравнение показателей: время реакций и количество ошибок.

В ходе первого этапа исследования была проведена диагностика степени осознанности причин потери здоровья. Так как локус контроля обозначает систему убеждений личности относительно того, где располагаются силы, влияющие на результаты действий, мы

использовали методику «Уровень субъективного контроля». В результате: у испытуемых с хроническими заболеваниями диагностируется высокий уровень интернальности и высокий уровень интернальности в сфере здоровья. Полученные результаты позволили разделить испытуемых на две группы: с высоким уровнем интернальности и с низким уровнем интернальности.

В ходе следующего этапа исследования у всех испытуемых записывалась ВРС в двух ситуациях: в состоянии оперативного покоя и в процессе беседы о состоянии здоровья. В результате: у испытуемых с низким уровнем интернальности в ходе записи во время беседы о состоянии здоровья выявлен более высокий ИН регуляторных систем, который возрос по сравнению с фоновой записью, при этом у людей с высоким уровнем интернальности данный показатель изменился незначительно. Так же произошло снижение показателя HF, что указывает на снижение активности механизмов саморегуляции. А у испытуемых с высоким уровнем интернальности показатель HF снизился незначительно. То есть эмоциональное напряжение у испытуемых с высоким уровнем интернальности ведет к мобилизации, тогда как в группе с низким уровнем интернальности отмечается снижение всех видов центрального управления состоянием.

Данные, полученные в ходе диагностики эффективности анализа сенсорного потока средствами РеБос, указывают, что испытуемые с высоким уровнем интернальности демонстрируют постоянство реакций: неизменное среднее время реакций и количество ошибок. Испытуемые с низким уровнем интернальности улучшали свои результаты от серии к серии и «отразили» наличие повтора структуры сенсорного потока во второй части.

Анализ данных свидетельствует о том, что интернальность, с одной стороны, способствует снижению эмоциональности, увеличению самоконтроля, а с другой - приводит к понижению чувствительности к сенсорному потоку. Человек, принимающий на себя ответственность за свое состояние здоровья (об этом говорит высокая интернальность), вырабатывает устойчивую модель поведения, но не обязательно направленную на укрепление здоровья.

Ермакова Е.С., Блинова Е.Н.

ОТНОШЕНИЕ К ЗДОРОВЬЮ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТАРШЕКЛАССНИКОВ И СТУДЕНТОВ

В исследованиях последних лет установлено, что как школьники, так и студенты считают здоровье значимой ценностью, при этом у первых оно уступает место категориям, связанным с поддержанием отношений с окружающими и приобретением самостоятельности, а у вторых тесно связано с представлением о собственной эффективности [1, 2].

Для эмпирического изучения места отношения к здоровью в системе ценностных ориентаций старшеклассников и студентов использовались опросник «Отношение к здоровью» Р.А. Березовской и методика диагностики системы ценностных ориентаций личности Е.Б. Фанталовой. Выборка состояла из учащихся 11-х классов средней образовательной школы и студентов первого курса вуза в количестве 60 человек.

Анализ результатов показал, что здоровье входит в число наиболее значимых для молодых людей ценностей, наряду с любовью и счастливой семейной жизнью. Мотивационный и когнитивный компоненты отношения к здоровью у опрошенных являются достаточно сформированными, аффективные реакции молодых людей на изменения в состоянии их здоровья вполне справедливы и оправданны, в поведенческом компоненте обнаружены традиционные установки.

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Сравнение структур ценностных ориентаций школьников и студентов выявило, что в представлении большинства испытуемых здоровье связано с такими категориями, как «красота природы и искусства», «материально обеспеченная жизнь», «творчество» и «познание». Специфичными для школьников стали связи с такими ценностями, как «интересная работа» и «наличие хороших верных друзей». Школьники, для которых здоровье является желаемой ценностью, более заинтересованы в творческой самореализации, нежели студенты, используют полученные знания для работы над своим состоянием. Студенты воспринимают здоровье, скорее, как ограничивающий фактор в процессе творческой самореализации, а познание дает им возможность формировать определенное представление о проблемах здоровья.

Старшеклассники более, чем студенты, доверяют специалистам в вопросах здоровья, более активны в использовании большинства методов для его поддержания. Тем не менее, высокая привлекательность здоровья у школьников связана использованием нерациональных моделей поведения в ситуациях его ухудшения и состоянием обеспокоенности. В случае, когда здоровье является для них доступной ценностью, эмоциональное отношение приобретает и вовсе негативный характер, хотя модели поведения становятся более грамотными.

Студенты, в отличие от старшеклассников, склонны объяснять большинство проблем, в том числе недостаточную заботу о своем здоровье, недостатками финансов. Чаше школьников они оказываются в состоянии раздраженности. При этом высокая ценность здоровья связана у них с позитивными эмоциями и рациональными моделями поведения, в то время как высокая доступность – с равнодушием и самостоятельными решениями по его сохранению.

Выводы:

1. Отношение к здоровью, включая различные его компоненты, оказывается более сформированным у студентов, нежели у школьников, при условии равных оценок его привлекательности или доступности.

2. Школьники проявляют достаточно высокую активность в заботе о своем здоровье, но не всегда способны выбрать правильную стратегию сохранения здоровья. Студенты испытывают объективные трудности, связанные с социально-экономическими условиями жизни, что влияет на их мотивацию, возможность заботиться о своем здоровье и ухудшает эмоциональное состояние.

Практическая значимость результатов исследования заключается в разработке профилактических мер, направленных на формирование у молодежи представления о своем здоровье, мотивации в отношении его сохранения и укрепления.

Литература:

1. Басалаева Н.В., Захарова Т.В. Отношение к здоровью как критерий психологического здоровья студентов-первокурсников // Международный журнал экспериментального образования. - 2013. - №1. – С. 53-56.
2. Тырнова О.А. Особенности ценностных ориентаций современной молодежи // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. - 2010. - №3. – С. 71-75.

Киреева Н.Н., Анисимов А.И.

РЕСУРСЫ ДУХОВНОГО ЗДОРОВЬЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ (НА ПРИМЕРЕ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ)

Трудные профессиональные ситуации могут выступать индикатором актуализации ресурсов духовного здоровья. Острая необходимость использовать собственные ресурсы, и в

ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

первую очередь - духовные ресурсы, возникает при столкновении с проблемой эффективного совладания в кризисных ситуациях.

На основе современной концепции ВОЗ здоровье принято рассматривать в двух аспектах: «баланс здоровья» и «потенциал здоровья». Понятие «баланса здоровья» трактуется как динамическое равновесие между организмом человека и окружающей средой при установлении стабильной связи человека с окружающим внешним миром. «Потенциал здоровья» - это ресурсы человека, или способность каждого человека противостоять влияниям окружающей среды, угрожающим балансу здоровья.

Само здоровье в целом оценивается как ресурс для каждодневной жизни, являясь источником и фундаментом жизнедеятельности.

Многими исследователями здоровье рассматривается как интегративная характеристика человека. В структуре здоровья наряду с физическим и психическим компонентами выделяются и более высокие уровни: «психологическое», «личностное», «нравственное», «душевное» и «духовное» здоровье. При этом наполнение содержанием данных понятий в рамках ресурсного подхода имеет примерно один и тот же смысл, а именно: способность субъекта «преодолевать трудные жизненные ситуации, решая задачи целеполагания, адаптации и саморегуляции» (О.И. Даниленко).

В данной работе мы применяем ресурсный подход в контексте духовного здоровья.

Рассмотрение феномена «духовное здоровье» связано с проблемой духовности.

Д.А. Леонтьев рассматривает духовность как высший уровень человеческой саморегуляции, понимаемой как система механизмов управления человека собственным поведением, побуждаемым ценностями. Соотношение личностных ценностей в рамках смысловой регуляции может являться источником смыслообразования и характеризовать степень духовности человека и осмысленность его жизни. Осмысленность жизни он считает энергетической характеристикой смысловой сферы.

Исследователями выделяется большое разнообразие ресурсов духовного здоровья: рефлексивность, проактивность и один из важнейших ресурсов - экзистенциальная исполненность.

Экзистенциальная исполненность (ЭИ) – понятие, используемое В. Франклом для описания качества жизни человека. В ЭИ проявляется осмысленность жизни личности, принятие себя, позитивная оценка качества своей жизни и удовлетворенность ею. ЭИ характеризуется степенью осознанности собственного существования.

В контексте ресурсного подхода одним из индикаторов наличия или истощения ресурсов здоровья, в том числе и духовного, по нашему мнению, может быть такое явление, как профессиональное выгорание (ПВ).

Н.В. Гришина считает, что синдром выгорания связан с экзистенциальными проблемами человека и прежде всего с проблемой смысла жизни и его потерей. Как показывают исследования Н.Е. Водопьяновой, профессиональное выгорание сопровождается снижением жизнеобеспечения необходимыми ресурсами и проявляется в большой степени в потере смысла собственной деятельности.

Это послужило основанием для выдвижения гипотезы о взаимосвязи ресурсов духовного здоровья и степени ПВ.

Цель эмпирического исследования – изучение связи ресурсов духовного здоровья и степени ПВ у медработников.

В исследовании приняли участие 61 медработник.

Методы исследования: «Шкала экзистенции» (А. Лэнгле, К. Орглер) и опросник «Профессиональное выгорание» (Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова).

По данным опросника «ПВ» выделены две группы: с низкой степенью ПВ (33 чел.), с высокой степенью ПВ (28 чел.).

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Результаты сравнения по непараметрическому критерию Манна-Уитни показали, что медработники с низкой степенью ПВ превосходят своих коллег с высокой степенью ПВ по показателям Шкалы экзистенции: самотрансценденция, свобода, ответственность, персональность, экзистенциальная исполненность.

Подтвердилась гипотеза о связи ресурсов духовного здоровья и степени ПВ у медработников.

Колесников В.Н., Мельник Ю.И.

СИСТЕМНОЕ ОПИСАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Предварительный анализ проблемы психологического благополучия позволил установить, что сам термин «психологическое благополучие» относится к классу нестрогих понятий и наполняется различным содержанием, иногда далеким от психологии. Много исследований посвящено изучению, а в конечном итоге составлению списка качеств и характеристик психологического благополучия, но остается открытым вопрос как все эти характеристики трансформируются в психологическое благополучие, и можно ли говорить об «идеальных характеристиках» психологического благополучия. Скорее здесь стоит вопрос своеобразной компетенции «сворачивать» свои качества в интегральное состояние психологического благополучия, которое необходимо рассматривать как системное явление. Психологическое благополучие как своеобразную систему представила в свое время Воронина А.В. (Воронина, 2002). Психологическое благополучие состоит из четырех относительно автономных иерархических уровней:

Уровень психосоматического здоровья – как отражение взаимосвязи психической и соматической сферы человека.

Уровень социальной адаптированности – как состояние уравновешенности с социальной средой.

Уровень психического здоровья – как проявление внутренней целостности и определенности, гармонии с окружающей средой, личной зрелости и согласия с самим собой.

Уровень психологического здоровья – как способность к нахождению смысла своего существования.

Каждый уровень – это соответствующий уровень функционального здоровья человека, которые в совокупности и образуют целостность, т.е. полноценное здоровье. Таким образом, психологическое благополучие выступает целостным системным объектом и может быть описано и исследовано с помощью ключевых системных конструктов. Методологию такого системного описания разработал В.А. Ганзен (Ганзен, 1984), предложив использовать для описания психологических явлений, которые претендуют на целостность понятийный общенаучный пентабазис, состоящий из четырех рядоположенных понятий – пространство, время, энергия и информация и одного объединяющего – субстрат. Следуя логике системного описания можно представить четыре уровня психологического благополучия через данные системные конструкты.

Пространственной характеристике психологического благополучия соответствует уровень социальной адаптированности как способ выстраивания конструктивных отношений человека в социальном пространстве. Временной характеристике психологического благополучия соответствует уровень психического здоровья человека как длительность поддержания своей внутренней целостности и гармонии. Характеристике энергии психологического благополучия соответствует уровень психосоматического здоровья как отражение энергетических

ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

возможностей человека. Информационной характеристике психологического благополучия соответствует уровень психологического здоровья как информационная мера удовлетворенности и осмысленности своей жизнедеятельности.

В целях эмпирического исследования психологического благополучия как системного явления с каждым уровнем психологического благополучия мы связали соответствующие психологические показатели. Уровню психосоматического здоровья соответствует показатель здорового поведения как отсутствие вредных привычек и следование здоровому образу жизни. Уровню социальной адаптированности соответствует показатели оценки качества социальной поддержки. Уровню психического здоровья соответствуют показатели уровня тревожности и депрессии. Уровню психологического здоровья соответствуют показатели эмоционального благополучия и удовлетворённости жизнью. Результаты наших эмпирических исследований показали, что именно психологическое здоровье выступает ключевым элементом в структуре психологического благополучия. Показатели эмоционального благополучия и удовлетворенность жизнью собрали наибольшее количество значимых корреляционных связей с другими показателями психологического благополучия.

Константинова А.А., Шклярчук С.П.

К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ЗДОРОВЬЕ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

На сегодняшний день одним из наиболее важных вопросов является формирование и сохранение психологического здоровья человека. Современные требования диктуют необходимость развития у него представлений о своем здоровье, ведь общепринято признание физического и психического здоровья в качестве основного условия свободной деятельности человека, его развития и совершенства.

По мнению С.П. Безносова, для нормального самочувствия и здоровья очень велика роль социальной среды. Однако она может наносить и негативный отпечаток. Здесь идет речь о профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов (далее - сотрудники), чья служба проходит в высокой интенсивности, напряженности, экстремальности и при постоянном взаимодействии с людьми разного контингента. Поэтому общая направленность на обеспечение благополучия человека в структуре оптимизации его деятельности делает данную проблему особенно актуальной.

Исходя из этой мысли, нами было продолжено исследование, целью которого стало более полное изучение внутренней картины здоровья (ВКЗ) сотрудников.

В исследовании применялись: методика диагностики социально-психологической адаптации (К. Роджерса и Р. Даймонда), «Методика Ш. Шварца для изучения ценностей личности» (в адаптации Карандашева В.Н.), тест «Нервно-психическая адаптация» (И.Н. Гурвич), копинг-тест Р. Лазаруса и С. Фолкмана (в адаптации Крюковой Т.Л., Куфтяк Е.В., Замышляевой М.С.), методика «Ценностные ориентации» (М. Рокич), опросник «Уровень субъективного контроля» («УСК»), полуструктурированное интервью (с последующим контент-анализом) по разработанной нами анкете, стандартизированное наблюдение и биографические данные. Обследовано 147 человек – мужчин и женщин в возрасте 21 – 46 лет, работающих в одном из подразделений вневедомственной охраны.

Исследование изучения ВКЗ сотрудников позволяет сделать следующие основные выводы:

1. Наибольший процент респондентов (51,8%) определяет понятие «здоровье» с позиции медико-биологических представлений: «Здоровье – это когда у человека ничего не болит;

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

это состояние организма; отсутствие болезней, хорошее самочувствие; хорошее питание; положительное физическое состояние». Респонденты меньше внимания уделяют психологическому благополучию, эмоциональной составляющей в поддержании здоровья, не выделяя в понятии «здоровье» психологического компонента.

2. Остается немаленький процент сотрудников (24,3%), которые не смогли сформулировать определение здоровья, что подтверждает предположение о меньшей дифференцированности представлений о здоровье у респондентов.

3. К ведущим ценностям испытуемые отнесли - «Доброта», «Безопасность», а к числу отвергаемых - «Власть», «Стимуляция», «Традиции». Из беседы и методики Ш. Шварца высокий ранг по ценности «Безопасность» говорит нам о том, что они готовы совершать активные целенаправленные действия по сохранению и укреплению своего здоровья. Однако по результатам методики М. Рокича, только 44,14% сотрудников «здоровье» ставят на 1 место.

4. 72,17% опрошенных относят себя к группе здоровых, несмотря на наличие напряжённых оперативно-служебных и служебно-боевых условий, конфликтных ситуаций, опасных для жизни обстоятельств, связанных с применением оружия.

5. В трудной ситуации ведущие стратегии совладения - «планирование решения проблемы», «самоконтроль» и «положительная переоценка». Способность прикладывать усилия по созданию положительного значения с фокусированием на росте собственной личности имеет личностный смысл по укреплению и сохранению здоровья. Данный факт подтверждается результатами опросника «УСК»: 79,8% респондентов готовы брать на себя ответственность за свои поступки, свою жизнь, за то, что происходит с ними вокруг них.

6. Сотрудники продолжают недооценивать либо вытеснять влияние внешних негативных факторов, которые впоследствии сказываются на состоянии здоровья, продолжительности и удовлетворенности своей работой.

7. Респонденты сознательно признают важность и нужность своего здоровья и желание знать больше в области здоровья (57,2%).

Корчуганова И.П.

УСЛОВИЯ СОХРАНЕНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ ПЕДАГОГА

Многоаспектная тема здоровья педагога по-прежнему остается актуальной, и в программу обучения педагогов ЦТиО ежегодно включаются мероприятия, направленные на его сохранение и укрепление: семинары, тренинги, практикумы, мастер-классы, выездные занятия с участием специалистов ЦППМСП и т.п. В 2014 и 2015 гг. было проведено исследование субъективной оценки факторов риска, отрицательно влияющих на здоровье педагога и факторов, способствующих сохранению и укреплению здоровья. Выборка составила 66 учителей и педагогов дополнительного образования. Анализ полученных данных позволил выделить ряд внешних и внутренних факторов, которые, по мнению педагогов, создают риск для здоровья или оказывают положительное влияние.

Среди внешних факторов риска выделены социально-экономические: снижение престижа педагогического труда и низкая оплата; снижение ответственности родителей; недостаточную правовую незащищенность педагога; неудовлетворительные материально-технические условия труда. Много высказываний имеет отношение к управлению в сфере образования: большие объемы различных видов работ, отчетной документации, которые не входят в основные обязанности и не оплачиваются; необходимость работать более 8 часов в день и др. (84,8%). Многие пишут о переполненности классов, при наличии детей с ЗПР, ОВЗ. Процесс

ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

инклюзивного обучения детей с ОВЗ не обеспечен экономически: педагог получает дополнительную нагрузку, но не получает помощи (33%). Значимым фактором педагоги считают социальные отношения в коллективе и отношения с родителями учащихся. Необходимость преодолевать перегрузки, разрешать конфликтные ситуации, работать со сложными категориями родителей и детей.

Внутренние факторы риска были представлены в высказываниях гораздо хуже. Количество высказываний здесь в 4,5 раз меньше, нежели о внешних факторах. Отмечены лишь несколько причин, но весьма существенных: индивидуальные физиологические особенности педагога, невозможность своевременно приступить к лечению (некому заменить на работе); нервная система постоянно находится в режиме повышенного напряжения и т.п.

Вторая группа высказываний отражала факторы, способствующие сохранению здоровья. Лишь несколько человек (4,5%) указали хорошее здоровье как фактор противодействия стрессам и перегрузкам. Большинство респондентов выделяет длительный летний отпуск как условие, способствующее укреплению здоровья (78,8%). Отмечают признательность родителей и детей как фактор – плюс. Положительное влияние оказывают социальные и экономические факторы: поощрения администрации, хороший психологический климат в коллективе, поддержка (9 %). Важна также профессиональная методическая поддержка, наличие специальной литературы (10%). Некоторые педагоги отмечают культурные факторы: богатство культурной среды Санкт-Петербурга, культуру отношений участников образовательного процесса и отношений в семье, взаимную поддержку (9 %).

В данном блоке высказываний было выделено больше внутренних факторов: активность и спорт, укрепление здоровья и сохранение хорошего самочувствия; особенности эмоциональной системы, её стойкость и равновесие, адаптивность; организация отдыха (45%). Важным фактором выступают оптимизм, самосовершенствование и профессиональное развитие, наличие друзей (30%). В числе внутренних условий, называют потребность в достижении успехов, наличие достижений, вера в себя (15%).

Таким образом, факторы риска педагоги чаще связывают с внешними условиями, а возможность сохранить здоровье чаще объясняют своими личностными свойствами. Педагоги (чаще женщины) не концентрируют внимание на таких важных условиях сохранения здоровья, как активность, качественное сбалансированное питание, здоровый образ жизни. Результаты этого и других исследований позволяют говорить о необходимости формирования культуры здоровья и здорового образа жизни у педагогов.

Лукиянченко Н.В., Аликин И.А., Аликин М.И.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ С ЭМОЦИОНАЛЬНЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ И ДИСПОЗИЦИОННЫМ ОПТИМИЗМОМ У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Проблема эмоционального выгорания в настоящее время - одна из наиболее активно обсуждаемых в психологических источниках. Перспективным направлением проблемного дискурса является поиск личностных характеристик, способных детерминировать качество эмоциональной жизни, и которые при этом можно целенаправленно формировать. В качестве таких характеристик обсуждаются эмоциональный интеллект и оптимизм, причем исключительно в положительном ключе. В то же время в ряде источников появились замечания о том, что их роль в жизнедеятельности личности не столь однозначно позитивна. В целях более обоснованного и дифференцированного с точки зрения гендерных различий понимания осо-

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

бенностей связи этих характеристик с качеством эмоциональной жизни мы провели эмпирическое исследование.

В исследовании приняли участие 72 респондента (случайная выборка) в равном соотношении мужчин и женщин.

В качестве методического обеспечения использовались следующие методики: тест эмоционального интеллекта (Холл); тест диспозиционного оптимизма (Ч. Карвер и М. Шейер); тест эмоционального выгорания (Б. Маслач).

При обработке данных подсчитывались корреляционные связи между показателями эмоционального интеллекта и диспозиционного оптимизма с показателями эмоционального выгорания отдельно у мужчин и у женщин. Результаты оказались очень различными у представителей того и другого пола. Так, в выборке мужчин не было выявлено положительной роли этих эмоционально-личностных характеристик в препятствовании выгоранию. И даже наоборот: такой показатель выгорания, как редукция достижений, оказался в прямой связи с эмоциональной осведомлённостью, самомотивацией и эмпатией, общим показателем эмоционального интеллекта и показателем выраженности оптимистических установок. Только одна связь оказалась обратной и свидетельствующей о том, что эмоциональная осведомлённость в определённой мере может препятствовать деперсонализации.

В женской же выборке картина корреляционных связей имеет совершенно другой характер. И общий показатель эмоционального интеллекта и показатели шкал управления эмоциями, самомотивации, распознавания эмоций, а также все показатели теста диспозиционного оптимизма имеют отрицательные связи с показателем эмоционального истощения. Управление эмоциями, распознавание эмоций и общий показатель эмоционального интеллекта имеют отрицательные связи с показателем деперсонализации. В отличие от мужской выборки, в женской редукция достижений оказалась практически независимой от эмоционального интеллекта, а выраженность оптимистических установок может её проявлению даже способствовать.

Таким образом, опираясь на результаты исследования, мы можем говорить о том, что роль эмоционального интеллекта и диспозиционного оптимизма в отношении развития эмоционального выгорания далеко не однозначна и имеет разный характер у мужчин и женщин. В большей мере различия касаются эмоционального истощения. У женщин эмоциональный интеллект и оптимизм могут играть профилактическую роль в его возникновении. У мужчин же эмоциональное истощение не зависит от этих личностных характеристик. И вместе с тем они повышают вероятность формирования феномена редукции достижений.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 16-16-24022/16.*

Маркеева Е.А., Аверьянова О.Ю.

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ РАБОТНИКОВ ПОЖАРНОЙ ОХРАНЫ

Профессия пожарного относится к категории социально важных для общества и государства. Она связана с работой в экстремальных условиях, «залповой» максимальной мобилизацией физических и психических ресурсов для решения социально значимых оперативных задач. Чрезвычайные обстоятельства создают экстремальные условия деятельности пожарных в связи с угрозой для их жизни и здоровья сотрудников, а также с угрозой жизни, здоровью, благополучию окружающих, с массовыми человеческими жертвами и значительными материальными потерями.

ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

Основные этапы боевой деятельности пожарных включают в себя боевые действия по тушению пожаров, такие как [Шувалов М.Г., 1998]:

- обработка вызовов;
- выезд и следование к месту вызова (пожара);
- разведка;
- спасение людей и имущества;
- боевое развергивание;
- ликвидация горения;
- выполнение специальных работ;
- сбор и возвращение в подразделение.

Важным стрессогенным фактором, влияющим на психику пожарного, является и сигнал тревоги. Более 70% пожарных при получении сигнала тревоги испытывают нервно-эмоциональный дискомфорт, а более 50% сдвигов частоты сердечных сокращений связаны с эмоциональным компонентом кардиальной реакции [Артамонова Г.К., Лоскутова Е.Е., Муша В.И., 2011].

Психогенным фактором, влияющим на психику сотрудников пожарной охраны, является также состояние пострадавших людей, например в результате различных катастроф, аварий, пожаров в зданиях массового пребывания людей (кинотеатрах, театрах, музеях, торговых центрах, школах, садах, промышленных предприятиях и т.д.) [Шойгу Ю.С., 2007].

Таким образом, основными стресс-факторами, вызывающими нервно-психическое напряжение у пожарных в боевой обстановке, является опасность, создающая угрозу жизни, дефицит времени на принятие решений и выполнение действий, необычность условий рабочей среды [Титаренко М.С., Шклярчук С.П., 2010].

Условия профессиональной деятельности спасателей и пожарных предъявляют повышенные требования к эмоциональной сфере и личностным характеристикам специалистов. Именно наличие определенных профессионально важных качеств определяет надежность и эффективность профессиональной деятельности профессионала в нестандартных ситуациях [Шойгу Ю.С., 2007].

Известно, что экстремальные условия деятельности пожарных тесно связаны с возникновением чрезмерного эмоционального напряжения, которое может приводить к различным формам психической дезадаптации, в том числе и формированию синдрома эмоционального выгорания.

Влияние этих и еще целого ряда других негативных факторов при полном или частичном неумении сотрудников с ними бороться, способствует возникновению невротических расстройств, проявляющихся в симптомах эмоционального, умственного истощения, физического утомления, личной отстраненности и препятствует исполнению сотрудниками служебных обязанностей [Черникова О.А., 2006].

Подводя итоги, следует отметить, что деятельность сотрудников пожарной охраны сопряжена с высокой эмоциональностью, с перегрузками, связанными с такими особенностями работы, как:

- непрерывное нервно-психическое напряжение, вызываемое систематической работой в необычной среде, постоянная угроза жизни и здоровью, отрицательные эмоциональные воздействия;

- большие физические нагрузки;
- необходимость поддерживать интенсивность и концентрацию внимания;
- проведение работ в ограниченном пространстве;
- высокая ответственность каждого пожарного за действия и решения;
- наличие неожиданных и внезапно возникающих препятствий, осложняющих выполнение боевой задачи.

Таким образом, профессиональная деятельность работников пожарной охраны характеризуется воздействием множества стрессогенных факторов и предъявляет повышенные требования к психологической устойчивости и психологическим качествам личности, обеспечивающим эффективность деятельности в экстремальных условиях. Оценка и формирование психологической устойчивости относится к числу приоритетных задач профотбора, служебно-профессиональной и оперативной подготовки сотрудников пожарной охраны [Шойгу Ю.С., 2007].

Морозов А.В.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ ЛИЧНОСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЕЁ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Особенность современного информационного пространства в немалой степени определяется тем, что в зону его охвата попадают не только различные средства массовой информации, масс-медиа, роль которых весьма динамично меняется в зависимости от культурно-исторического контекста. С появлением Интернета информационное пространство расширилось до беспрецедентных размеров, предоставляя трибуну каждому, кто считает необходимым предоставить информацию или собственное видение окружающих событий всему миру. Те реальные возможности, которые современный Интернет предоставил людям, породили оружие невиданной силы, которое попало в руки разного рода экстремистов и террористов, породив инновационную разновидность терроризма – «кибертерроризм» [1].

Возникновение новых информационных технологий, дифференциация роли и места Интернета в жизни окружающего нас социума породило новые проблемы, связанные, в первую очередь, с созданием безопасных условий существования в данной среде.

Именно поэтому в современной практической социальной психологии одной из наиболее актуальных становится проблема психологического здоровья людей. Психологическое здоровье – это существенная реальность, позволяющая человеку быть самодостаточным, когда он всё в большей степени в своем поведении и отношениях нацелен не только на нормы, задаваемые извне, но и на внутренние самоориентиры.

Внимание к психологическому здоровью предполагает, прежде всего, заботу о внутреннем мире человека: его чувствах и переживаниях, увлечениях и интересах, способностях и знаниях, к жизни как таковой, поиску и нахождению её смысла для себя [2].

Для практической социальной психологии одной из наиболее приоритетных становится задача создания таких условий жизнедеятельности людей, в которых бы они не только ощущали свою защищенность, но и испытывали чувство удовлетворения от достижения базальных потребностей, а также сохраняли и развивали своё психическое здоровье.

Некоторые опрометчиво причисляют современное информационное оружие к «гуманным средствам ведения войны», сравнивая его с обычными видами вооружения. На самом деле – такое оружие намного изощреннее и губительнее для человечества, по сравнению с любым другим средством массового уничтожения, так как направлено на подавление наиболее сложного и уникального механизма человека – его психики. Такое оружие калечит людей без видимых внешних следов, опустошая и искажая при этом их внутренний мир. Пролонгированное воздействие высококачественной дезинформации подавляет способность субъекта воздействия к целостной и гармоничной жизни, порождая асоциальное и антисоциальное поведение.

ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

Основной угрозой для участников информационного взаимодействия становится высокая вероятность получения ими такой психологической травмы, результатом которой становится ущерб развитию и здоровью, отсутствие удовлетворения базальных потребностей, отсутствие возможности достижения самоактуализации [3].

К различным формам психологического насилия относятся:

- публичное унижение,
- оскорбление,
- высмеивание,
- угрозы,
- принуждение сделать что-либо против своего желания,
- игнорирование,
- неуважительное или недоброжелательное отношение.

Трансляции сцен насилия могут усугубить не только психические травмы пострадавших, но и нанести непоправимый ущерб как психике, так и психологическому здоровью огромного числа людей, не имеющих отношения к происходящему.

Литература:

1. Зинченко Ю.П., Шайгерова Л.А., Шилко Р.С. Психологическая безопасность личности и общества в современном информационном пространстве // Национальный психологический журнал. – 2011. – № 2. – С. 48-59.
2. Морозов А.В. Прикладная психология и психоанализ о поиске смысла жизни как актуальном ресурсе здоровьесбережения // Прикладная психология и психоанализ, 2016. – № 2. URL:<http://ppip.idnk.ru>
3. Морозов А.В., Радченко Л.Е. Воздействие средств массовой информации на здоровье и воспитание старших подростков. – М.: Изд. И. Балабанова, 2010. – 240 с.

Муралова А.В., Полозова В.В.

СТЕПЕНЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЦ, СКЛОННЫХ К ЗАВИСИМОСТИ ОТ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Актуальность темы обусловлена широтой использования социальных сетей среди молодежи, которая зачастую перерастает в компульсивное влечение к Интернет-общению. В соответствии с биопсихосоциальным подходом к этиологии аддикций (Griffiths, M.D., 2005) и синдромной моделью аддикций (Shaffer, H.J., 2004), предполагается, что люди, страдающие зависимостью от социальных сетей, демонстрируют симптомы, аналогичные формам зависимого поведения, равно как химическим, так и нехимическим. Ряд исследователей считает, что переход индивида от нормативного использования социальных сетей к проблемному связан с использованием их как механизма для преодоления стресса, одиночества или депрессии (Хи, Н., & Тан, В.С.У., 2012). В соответствии с актуальностью исследования была сформулирована цель: изучить степень психологического благополучия и жизненной удовлетворенности у лиц, склонных к зависимости от социальных сетей.

В исследовании были использованы методики: тест Интернет-зависимости Чена (шкала CIAS) (в адапт. В.Л. Малыгина, К.А. Феклисова) авторская модификация, Шкала психологического благополучия К. Рифф, Шкала безнадежности А. Бека, Методика субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона. Пятифакторный личностный опросник (Р. МакКрае, П. Коста). Исследование проводилось среди студентов высших учебных заведений в возрасте от 18 до 24 лет (n=41).

В результате проведенного исследования у 52,5 % студентов была выявлена склонность к зависимости от социальных сетей, выражающаяся в таких симптомах как: сверхценность, изменения в настроении, рост толерантности, наличие абстинентного синдрома, конфликт. После разделения на две группы в соответствии с данным критерием было выявлено, что для молодых людей со склонностью к зависимости от социальных сетей характерны более низкие показатели психологического благополучия ($p \leq 0,05$), что в большей степени выражается в недостаточном самопринятии ($p \leq 0,05$) и низких показателях управления средой ($p \leq 0,01$). Также статистически значимые различия были получены по критерию безнадежности ($p \leq 0,05$), которая оказалась более свойственна студентам со склонностью к зависимости. Исследование личностных особенностей показало, что в данной группе студентов более ярко выражены такие личностные характеристики, как интроверсия ($p \leq 0,05$) и повышенная эмоциональность ($p \leq 0,05$). По критерию субъективного переживания одиночества значимых различий получено не было. В рамках корреляционного анализа показатель «конфликт» шкалы Интернет-зависимости продемонстрировал наибольшее количество корреляционных связей, будучи напрямую связанным с компульсивными симптомами зависимости ($r = 0,648, p \leq 0,05$), личностными характеристиками (эмоциональная неустойчивость ($r = 0,536, p \leq 0,05$), безнадежность ($r = 0,446, p \leq 0,05$)), а также обратно взаимосвязан с показателем психологического благополучия ($r = -0,451, p \leq 0,05$). Так можно заключить, что при зависимости от социальных сетей нарастание интрапсихических конфликтов связано с потерей контроля над своим влечением. Наличие данных симптомов зависимого поведения сказывается на развитии эмоциональной неустойчивости, в свою очередь, усиливающую симптоматику зависимости. Можно предположить, что разрешение интрапсихического конфликта на стадии формирования зависимого поведения может стать центральным элементом психокоррекционного воздействия.

Результаты свидетельствуют о высокой степени распространенности проблемы зависимости от социальных сетей, а также указывают на сниженное психологическое благополучие исследуемых с зависимостью. Исследование может способствовать определению мишеней психологической коррекции. Тем не менее, необходимо проведение дальнейших исследований для изучения детерминант и определения механизмов развития данного типа зависимости.

Натаров В.И. (Александров)

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЗРЕЛОСТИ – ПРОФИЛАКТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ РУКОВОДИТЕЛЯ

Актуальность исследования определяется тем, что в современных организациях работа первых лиц на 80-90% определяют результативность работы организации и эффективность персонала в целом. И во-вторых, исследования взаимосвязи профессиональной деятельности и болезней показали, что руководители в восемь раз чаще страдают от инфаркта миокарда, чем представители других профессий. Поэтому объектом исследования были директора – более 300 человек от 25 до 70 лет.

Концептуальной основой исследования являются идеи Б.Г. Ананьева (1980) о билатеральной регуляции целостного поведения человека как высшего контура регуляции поведения и основы творческого долголетия.

Эти идеи сформулированы как гипотезы, что профессиональная зрелость руководителя (ПЗР) проявляется в способности создавать зрелую организационную культуру (ОК) и корпоративную культуру (КК). И что ОК определяет результативность, а КК - эффективность персонала. И что, соответственно, недостатки ОК проявляются как профессиональная деформация, а недостатки КК - как профессиональное выгорание персонала.

Предмет исследования - профессиональная зрелость руководителя как основа профилактики его профессиональных заболеваний.

Гипотеза: развитие ПЗР является основой для профилактики выгорания индивидуальности руководителя: недостатки ОК проявляются как низкий уровень тайм-менеджмента и как профессиональная деформация руководителя; недостатки КК проявляются как низкий уровень стресс-менеджмента и как профессиональное выгорание руководителя.

Методы определялись целями каждого из этапов исследования: наблюдение, анализ проблем руководителей, тренинги, факторный анализ и другие. Получены данные, что у 92% руководителей наблюдались явления ПВ. И что уровень проф. зрелости определяет уровень управленческих компетенций, адекватность и стрессоустойчивость самооценки в конфликтных ситуациях (Г.С. Никифоров, С.М. Шингаев, 2015).

Анализ данных показывает, что ПЗР как форма профилактики ПВ проявляется в интеграции основных сфер жизнедеятельности руководителя: 1 - здоровье физическое; 2 - психологическое здоровье как качество общения с родными; 3 - профессиональная самореализация как социальное здоровье; 4 - нравственное здоровье индивидуальности руководителя как его основные морально-этические ценности.

Во-вторых, ПЗР проявляется в ориентации на постоянное самообучение и самовоспитание руководителя. Которые, в-третьих, на уровне возглавляемой руководителем организации проявляются как делегирование руководителем своих полномочий своим заместителям – «снятие» стресса «власти и ответственности» путем распределения ее в своей команде.

В четвертых, ПЗР проявляется в стремлении создать организационную и корпоративную культуру высшего уровня зрелости, - когда зрелость организационной культуры определяется ее соответствием законодательно правовой базе государства; и социальной справедливостью с позиции персонала организации. А зрелость корпоративной культуры определяется, в основном, законами командообразования: доверия, честности, порядочности – нравственными и психологическими законами.

Выводы: 1. Развитие ПЗР является основным средством сохранения эффективной профессиональной деятельности руководителя;

2. Качество и содержание развития ПЗР определяются интеграцией основных сфер жизнедеятельности руководителя, поэтому предметом развития ПЗР должны быть, одновременно, четыре уровня организации руководителя (его систем ценностей): 1 - здоровье (психофизиология, стресс-менеджмент); 2 - психология общения (тренинги переговоров); 3 - профессиональное развитие и самообучение (профессиональные сообщества, издания, ассоциации, тренинги профессиональных навыков); 4 - самовоспитание как определение общественного, государственного смысла и значения своей профессиональной деятельности (миссия, стратегия развития компании).

3. Стресс- и тайм-менеджмент являются эффективными методами профилактики профессионального выгорания.

Никифоров Г.С., Дудченко З.Ф.

ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ В РОССИИ

Психология здоровья как новая область научных исследований начала оформляться в отечественной психологии в конце 20 века. В настоящее время ее проблематика привлекает к себе повышенное внимание и регулярно обсуждается на психологических конгрессах, конференциях и симпозиумах. По этому направлению в России изданы учебник, учебные пособия,

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

практикумы и монографии. Базовый курс по психологии здоровья читается во многих высших учебных заведениях в нашей стране. В отдельных институтах и университетах созданы кафедры, научным направлением которых является психология здоровья, под руководством ведущих ученых проводится подготовка магистрантов по профилю психологии здоровья. Представляется целесообразным введение предмета психологии здоровья в учебный процесс в среднеобразовательных школах.

В Федеральном законе от 29 декабря 2012 года «Об образовании в Российской Федерации» №273 подчеркивается, что образование – это единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах не только самого человека, но и семьи, общества и государства; что основная цель воспитания и обучения состоит в интеллектуальном, духовно-нравственном, творческом, физическом и профессиональном развитии человека.

Психология здоровья как научное направление занимает одну из приоритетных позиций в решении общегосударственной задачи по развитию и воспитанию здоровой нации. Главный акцент в этой области знания должен делаться на изначальном формировании здоровой психики и последующем поддержании ее функционирования в таком качестве. Воспитание и обучение можно обозначить как непрерывный процесс формирования здоровой личности на всех уровнях образования. В центре внимания человек как субъект здоровой психики, забота о здоровье здорового человека. В стратегическом отношении принципиально большего эффекта следует ожидать, если сосредоточить необходимые усилия на предотвращении самих причин, которые приводят к психическим заболеваниям. В связи со сказанным психологию здоровья следует рассматривать как научную дисциплину о психологическом обеспечении здоровья человека на всем протяжении его жизненного пути.

Для удовлетворения обусловленной практическими нуждами потребности в психологах здоровья следует использовать все доступные формы обучения: специалитет, бакалавриат, магистратура, аспирантура, в том числе открытие новых профильных кафедр, а также новой научной специальности для защиты диссертационных работ в области психологии здоровья.

Неуклонное нарастание публикаций по этому направлению позволяет вполне обоснованно ставить вопрос и о создании специального журнала «Психология здоровья».

Психология здоровья сосредоточена на решении ряда основополагающих вопросов, имеющих свою специфику рассмотрения на разных этапах жизненного пути человека. К их числу следует прежде всего отнести: отношение к здоровью; психологические основы здорового образа жизни; критерии психического и социального здоровья; барьеры здорового поведения; гендерный фактор в психологии здоровья; разработку концепции здоровой личности. Психологическое обеспечение здоровья находит свое практическое решение в разработке конкретных тем, составляющих содержание онтогенеза. Речь идет об улучшении условий формирования психического здоровья, культуры здоровья детей раннего и дошкольного возраста; о здоровьесберегающих принципах и технологиях в школьной образовательной среде; о психологическом статусе здоровой семьи; психологическом обеспечении профессионального здоровья; профилактике старения и психологических факторах долголетия.

Психологи здоровья имеют возможность применять полученные знания и решать соответствующие профессиональные задачи в учреждениях здравоохранения, образования, социальной помощи населению, в сфере управления, производства и бизнеса. Специалисты в области психологии здоровья востребованы в культурно- и спортивно-оздоровительных центрах, научно-исследовательских центрах, центрах здоровья, консультативных центрах психического здоровья.

Никифоров Г.С.

В.М. БЕХТЕРЕВ И СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Академик Владимир Михайлович Бехтерев (1857–1927) – ученый-энциклопедист с мировым именем, оставивший яркий след в истории науки. Его авторское наследие поражает воображение не только объемом созданного, но и широтой распределения творческой активности. Его перу принадлежат работы в области медицины, физиологии, педагогики, психологии, в том числе общей и детской психологии, а также психологии личности.

Впервые в мировой научной практике Бехтерев подходит к решению поставленных задач с позиций комплексного подхода. Вопросы развития личности и обеспечения ее здоровья изучаются в тесной взаимосвязи представленности в человеке биологического, психологического и социального начал.

Велика его заслуга в том, что исследователи физиологии нейронов, биохимии мозга, которых еще до сравнительно недавнего времени мало интересовала психическая деятельность, уже начали сотрудничать с теми, кто изучал психику, игнорируя мозг. Он решительно выступал за развитие объективной психологии, подчеркивая ограниченные возможности в познании человека субъективной, умозрительной психологии, отдавая предпочтение одному из важнейших методов – эксперименту. С позиций экспериментальной психологии более убедительно выглядит перспектива получения точных и доступных верификации результатов. В связи со сказанным необходимо подчеркнуть, что востребованность эксперимента, по крайней мере в современной отечественной психологии, заметным образом исчезает. По образному выражению Б.Ф. Ломова, такая ситуация уводит психологию в «ледяную» область вербальных абстракций, порождая вместо дискуссии о существе дела спор о словах.

Значение трудов Бехтерева, как свидетельствуют тенденции развития науки в начале XXI века, обретает все большую притягательную силу. Одной из характерных особенностей развития человечества в настоящее время является его вступление в энергетическую эру. Впервые в отечественной психологии к теме энергии обратился Бехтерев. Ученый считает, что психология как наука не может ограничиваться изучением одних лишь психических явлений, оставляя без внимания сопровождающие их разнообразные колебания скрытой в нервной системе энергии.

Бехтерев говорил о необходимости выделения психологии детского возраста, подчеркивая важность воспитания человека с раннего детства. Под его руководством велось комплексное изучение нервной и психической деятельности ребенка со дня его рождения, были разработаны соответствующие методы изучения нервно-психического развития ребенка. Одним из первых он начал проводить исследование внушения, его роли в общественной жизни и силы воздействия слова на психику человека.

Бехтерева по праву считают одним из основоположников социальной психологии. Он первым в отечественной психологии дал определение предмета, задач и методов социальной психологии, предпринял попытку разработать ее теоретические основы, явился основателем экспериментального направления в этой области знания в нашей стране.

Велика заслуга Бехтерева в изучении процессов трудовой деятельности человека, в разработке проблем психологии и физиологии труда, в создании учения о профориентации и научной организации труда.

Тему психического здоровья российского народа Бехтерев формулирует в самом начале своей научной деятельности. Разработанные им основные положения концепции здоровой личности оказались пророческими и получили убедительное подтверждение в дальнейшем развитии наук о человеке, в том числе и становлении психологии здоровья как самостоятель-

ного научного направления во второй половине XX века. Мысли Бехтерева относительно условий формирования здоровой личности и главенствующей роли социального начала в жизнедеятельности человека значительно опередили во времени довольно близкие по смыслу рассуждения, представленные в зарубежной, прежде всего, гуманистической психологии.

Нурлыгаянов И.Н., Соломина Е.Н.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ И МЕХАНИЗМЫ СОВЛАДАНИЯ У УЧИТЕЛЕЙ-ДЕФЕКТОЛОГОВ

Проблема профессионального самоопределения учителя-дефектолога достаточно широко раскрыта в психолого-педагогической науке. Вместе с тем анализ качеств индивидуальности, способствующих/препятствующих стагнации и деформации профессионального становления дефектологов, упускается из сферы научного познания. Важной составляющей в сохранении профессионального здоровья и противостоянии деструктивным изменениям выступает психологическая устойчивость личности.

В.Н. Мясищев отмечает, что радикал личности определяется «вкладом» биологического и социального в такие характеристики, как цельность, способность к усилию и самообладанию, устойчивость, выносливость к трудностям и сопротивление внешнему принуждению. По мнению Л.В. Куликова, психологическая устойчивость рассматривается как сложное качество личности, объединяющее уравновешенность, стабильность, сопротивляемость. С исследовательской позиции интересным выступает изучение роли механизмов совладания в поддержании психологической устойчивости учителя-дефектолога.

Показатели устойчивости диагностировались посредством теста «Прогноз для оценки нервно-психической устойчивости» и шкалы нервно-психического напряжения (Т.А. Немчин), копинг-механизмы – методикой «Стратегии совладающего поведения». Обработка результатов осуществлялась с использованием корреляционного анализа Пирсона. В исследовании участвовало 32 учителя-дефектолога.

Первая группа – связи между показателями устойчивости и стратегиями совладания, сопряженными с эмоционально-поведенческой регуляцией деятельности. Связи между показателями стратегии конфронтации и нервно-психическим напряжением, и нервно-психической устойчивостью отражают импульсивность и реактивность в поведении. Невыдержанность и несдержанность являются результатом разрядки эмоционального напряжения. В психологическом портрете может проявляться высокая конфликтность в сочетании с недостаточным обоснованием собственных действий. Наличие сопряженности между нервно-психической устойчивостью и стратегией самоконтроля позволяет предположить, что в поведении учителя, особенно в сложные периоды, актуализируются импульсивность и вспыльчивость, недостаточный уровень саморегуляции при выражении эмоций. Нервно-психическая неустойчивость коррелирует со стратегией поиска социальной поддержки. Обращение за разными формами помощи – эмоциональной, информационной, действенной, указывает, с одной стороны, на зависимость от окружения и неверие в собственные силы, а с другой – на невозможность экстраполяции помощи со стороны и степени ее эффективности. В действительности это может вести к противоположным результатам: неуравновешенность в эмоциональной сфере, в поведении и поступках отталкивает от человека, и вместо поддержки он получит травмирующий опыт.

Вторая группа – связи между показателями эмоциональной устойчивости и стратегиями совладания, сопряженными с когнитивной регуляцией деятельности. Содержательный

ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

анализ взаимосвязи нервно-психического напряжения и стратегии принятия ответственности указывает на экстернальную локализацию в интерпретации источников стрессогенных ситуаций. Связь нервно-психического напряжения со стратегией положительной переоценки свидетельствует об ослаблении позитивных аспектов при восприятии и интерпретации событий. Юмористическое отношение к происходящему при переживании тензионных состояний сменяется на пессимистическое, что только усиливает депрессивные и негативные тенденции. Взаимосвязь нервно-психической устойчивости и стратегии планирования решений говорит о снижении способности к адекватному прогнозированию межличностного и профессионального пространства и конструированию адаптивных моделей поведения.

Полученные результаты позволяют констатировать, что механизмы совладания выступают фактором, детерминирующим психологическую устойчивость учителя-дефектолога, а также наметить направления работы по сохранению стрессоустойчивости и резистентности к деструктивным изменениям у учителей-дефектологов.

Пилишина А.В.

ВЛИЯНИЕ ЗАВИСТИ НА ПСИХИЧЕСКОЕ, ФИЗИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ

В современном обществе происходят бурные изменения, которые остро влияют на здоровье, социальные отношения и внутренний мир человека. В этих условиях актуализируются проблемы дисгармонии и социальной изолированности, возрастают различия между отдельными социальными группами и слоями общества. В последнее время в России идет интенсивная разработка методологических проблем по изучению здоровья, выявлению адаптивных резервов, сохранению и увеличению потенциала личности. Крупнейший ученый Ф. Александер отметил, что причина телесных заболеваний напрямую связана с психикой, а эмоциональное состояние непосредственно влияет на состояние его здоровья.

В рамках нашего исследования мы обратились к изучению влияния чувства зависти на психическое, физическое и социальное здоровье личности. Зависть можно интерпретировать как стойкое психическое образование, охватывающее целый ряд различных форм социального поведения и чувств, выступающее агрессивно-разрушительной силой. Зависть - это социально неодобряемая эмоция, поэтому ее часто подавляют, что служит основой для накопления отрицательной энергии внутри человеческого организма. Чувство зависти приводит к искажению картины мира, как следствие, тяжело переживается субъектом и может приводить к соматическим и психическим нарушениям, происходящим в организме. Острое переживание чужого превосходства может привести к появлению характерных физиологических симптомов: «бледнеет от зависти» за счет сужения кровеносных сосудов, или «желтеет от зависти», поскольку кровь насыщается желчью. Кроме того, зависть может послужить толчком к асоциальным действиям, толкать на преступления, совершение эмоционального и физического насилия над другими людьми и т.д.

Мы проводили комплексное исследование взаимосвязи психического, физического и социального здоровья и склонности личности к зависти. В исследовании приняли участие 46 мужчин и женщин в возрасте от 25 до 50 лет, имеющих полное высшее образование. Исследование проходило в два этапа: на первом применялась методика «Исследование завистливости личности» Т.В. Бесковой, состоящая из двух шкал: «зависти-неприятия» и «зависти-уныния». На втором этапе мы использовали методики по комплексной оценке психического, физического и социального здоровья (Г.С. Никифоров, Л.И. Августова).

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам: респонденты с низким уровнем социального и психического здоровья обладают высокой степенью завистливости по шкале «зависть- уныние». Субъект «зависти-уныния» часто умалчивает, игнорирует достижения конкурента, как несуществующие, или же намеренно восхваляет достоинства менее достойного человека. Он испытывает постоянное беспокойство, неудовлетворенность и желание навредить, что приводит к расстройствам нервной и других систем организма. Глубокая грусть и страх переходят в нервический дистресс, невыносимое чувство унижения и озлобленность. Для субъекта «зависти-уныния» приемлемой является дискредитация соперника или же дискредитация желаемого предмета. Респонденты с высоким уровнем завистливости по шкале «зависть- неприязнь» испытывают эмоциональный дискомфорт, успехи и достижения другого провоцируют межличностную неприязнь, вражду, агрессивное поведение.

Проведенное исследование подтверждает наши гипотезы и доказывает влияние чувства зависти на психическое, физическое и социальное здоровье.

Портнова А.Г.

ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

КАК РЕСУРС ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ

В условиях реформирования российской социально-экономической сферы профессиональное долголетие, самосовершенствование субъекта трудовой деятельности, личностно-профессиональное развитие на протяжении всей жизни становятся как в ряд актуальных задач социальной сферы, здравоохранения, так и индивидуальной жизненной перспективой человека. Не прекращающаяся по достижении пенсионного возраста профессиональная деятельность, с учетом психических состояний человека, может служить фактором развития личности, являться резервом повышения продуктивности, улучшения социального самочувствия, а также сохранения здоровья стареющего человека.

Актуализация проблемы ресурсов профессионального долголетия в контексте психических состояний медицинских работников может служить основой профилактики синдрома их эмоционального выгорания. Методологической основой выступили подходы В.А. Ганзена и В.Н. Юрченко, Л.В. Куликова, Г.С. Никифорова, Е.П. Ильина, А.Б. Леоновой, Р. Конечного и М. Боухала.

С целью описания связи психических состояний со стажем работы медицинских работников было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 79 медицинских работников (26-78 лет), врачи (44 чел.) и средний медицинский персонал (35 чел.) со стажем работы от 5 до 55 лет (5-9 лет – 38 %, 10-20 лет – 28 %, 21-55 лет – 34 %). Опросники «САН» и «Определение доминирующего состояния и настроения» (Л.В. Куликов), восьмицветовой тест М. Люшера и анкета «Важность и удовлетворение потребностей» (Л.В. Куликов) позволили получить результаты, которые были подвергнуты математико-статистической обработке с использованием программы «SPSS 12.0». При математической обработке данных использовался корреляционный анализ, определение значимости различий средних (t-критерий Стьюдента). Все результаты анализировались по группам с учетом должностей и стажа работы испытуемых.

С увеличением стажа работы у молодых врачей повышается их активность, критичность, адекватность самооценивания, эмоциональная устойчивость и оптимизм, отражающие успешность в овладении профессиональной ролью, формирование перспективы личностного

и карьерного роста ($p \leq 0,05$). Наибольшую эффективность врачи показывают в первые 10 лет профессиональной деятельности. Впоследствии наблюдается сужение интересов, понижение настроения, негативные изменения эмоционального фона. Нарастает усталость, формируется склонность к формализации и автоматизации деятельности, появляется некоторая инертность, шаблонность в действиях. К 20 годам стажа снижается уровень эмоциональной устойчивости и общий уровень удовлетворенности жизнью, нарастает уровень эмоциональной напряженности. Врачи с большим стажем работы склонны испытывать беспричинное беспокойство. Вероятно, несбывшиеся планы карьерного, профессионального и личностного роста, сохранение низкого уровня оплаты труда, неблагоприятных условий работы, увеличение нагрузки, способствуют снижению настроения, нарастанию усталости, напряженности и тревоги, что определяется в терминах «эмоционального сгорания», приводят к раннему уходу из профессии, чувству социальной невостребованности. Феномен профессионального долголетия характеризует только тех врачей, которые сумели освоить новые виды деятельности, повысить социальный статус и уровень оплаты труда, получить доступ к другим видам ресурсов.

В группе среднего медицинского персонала с увеличением стажа работы наблюдалось повышение настроения, удовлетворенности, уверенности в себе. У медсестер, как и у врачей, при наличии 10-летнего стажа, выявлялись признаки эмоционального выгорания, однако оно было выражено не столь значительно, не приводило к уходу из профессии. Психопрофилактическая работа заключается в поиске ресурсов личностно-профессионального развития, формировании новых оснований деятельности, овладении новыми видами деятельности, знаниями, умениями, навыками. Освоение ресурсов профессионального долголетия придает чувство личностной значимости и востребованности у медицинских работников.

Разумникова О.М., Евстафьева В.А.

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИОРИТЕТОВ МОТИВАЦИОННЫХ ИНДУКТОРОВ ПОВЕДЕНИЯ ПРИ СТАРЕНИИ

Изучение психологических механизмов старения привлекает все большее внимание исследователей. Это обусловлено увеличением продолжительности жизни и так называемым «успешным старением», необходимыми составляющими которого является активная жизненная позиция и достаточно высокий уровень когнитивных и физических функций. Для активизации потенциальных ресурсов нервной системы и организма в целом успешно применяются различные программы когнитивной тренировки или аэробного фитнеса. Однако существенной проблемой является частое отсутствие у пожилых людей мотивации к освоению новых видов знаний и тех форм деятельности, которые могли бы быть профилактическими средствами замедления развития нейродегенеративных заболеваний и инвалидизации. В связи с этим целью нашего исследования стало изучение возрастных особенностей мотивационных индукторов для выявления перспектив их использования при психологической поддержке «успешного старения».

В исследовании приняли участие 145 человек пожилого ($65,1 \pm 5,8$ лет) (ГрС) и молодого ($20,0 \pm 1,1$ лет) (ГрМ) возраста. Для анализа содержания и временной перспективы мотивации поведения нами был разработан перечень мотивационных индукторов с использованием когнитивно-динамического подхода Нюттена. При заполнении опросника респондентам предлагалось сделать выбор в значимости пяти форм поведения, ориентированных на когнитивную, физическую, социальную активность, рациональное питание и эмоциональное состояние, ранжируя их по пятибалльной системе. Эти компоненты (фактор ПОВЕДЕНИЕ), выбранные на основании литературных данных о социально-психологических составляющих «успеш-

ного старения», а также факторы ВРЕМЯ (индукторы прошлого - настоящего – будущего) и ВОЗРАСТ анализировали методом дисперсионного анализа.

Было установлено, что вне зависимости от возраста минимальный ранг выбран для компонента «социальная активность», а максимальный, свидетельствующий о наибольшей значимости этих форм поведения, - для когнитивной и физической активности. Взаимодействие факторов ВОЗРАСТ x ПОВЕДЕНИЕ было обусловлено достоверно большей значимостью в ГрС, чем в ГрМ мотивационных индукторов когнитивной и физической активности (с приоритетом последней в ГР_С, но первой в ГР_М) и меньшей – индукторов эмоционального состояния и рационального питания. Post-hoc анализ взаимодействия ВОЗРАСТ x ПОВЕДЕНИЕ x ВРЕМЯ показал усиление указанных возрастных различий в профиле мотивационных индукторов в ситуации «будущее» при отсутствии таких различий в прошлом и тенденции к формированию усиления значимости когнитивной и физической активности в настоящем. Минимальный ранг оценки значения социальной активности и отсутствие изменений этого эффекта во временной перспективе можно рассматривать как удовлетворенность респондентов своим социальным окружением, а возрастные особенности в смене приоритетов физической и когнитивной активности – как естественный интерес к познанию у студентов и озабоченности своим физическим состоянием у пенсионеров. При этом согласно выделенному профилю мотивационных индукторов пожилые люди считают важным и признают необходимость дальнейшей целенаправленной деятельности по сохранению своих умственных способностей (тренировка памяти, обучения новому) и физического состояния (занятия спортом). Наша практика, однако, свидетельствует о сложности не только организации систематической когнитивной тренировки с использованием компьютеризированных программ, но и даже однократного тестирования внимания или памяти у пожилых людей, возможно, вследствие либо их опасений представить себя в невыгодном свете, либо нежелания тратить время на освоение новых видов деятельности. Следовательно, полученные результаты указывают на перспективы дальнейшей психолого-социальной работы с представителями старшего возраста для реального воплощения их пока только потенциальных представлений о достижении желаемой цели: высокого качества жизни в постпенсионный период.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 15–06–10052.*

Самаль Е.В.

ПРОБЛЕМА ПСИХИЧЕСКОГО ВЫГОРАНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Проблема здоровьесбережения в современных психологических исследованиях приобретает статус актуальной и значимой. В условиях глобальных перемен, обусловленных политической и экономической нестабильностью, расширяющимся межкультурным пространством, научно-техническим прогрессом и растущим информационным потоком, каждый профессионал ставится перед необходимостью осознать важность укрепления собственного здоровья. Только здоровая во всех отношениях личность способна адаптировать собственный образ жизни, в том числе и профессиональный, стиль взаимодействия с окружающими людьми к быстрым переменам, стремиться к актуализации личностного потенциала и стать ценным ресурсом в стремительно развивающемся обществе. Вопрос сохранения и укрепления здоровья любого специалиста считается одними из приоритетных в сфере его жизненных и профессиональных интересов и ценностей. Под профессиональным здоровьем в психологической науке понимают

«способность организма сохранять и активизировать компенсаторные, защитные, регуляторные механизмы, которые обеспечивают трудоспособность, эффективность и развитие личности специалиста в условиях протекания профессиональной деятельности» [1].

В течение последних лет проблема сохранения психического здоровья педагога стала особенно острой. Многочисленные исследования показывают, что педагогическая профессия – одна из тех, которая в большей степени подвержена влиянию «психического выгорания», т.к. профессиональный труд педагога отличается очень высокой эмоциональной сложностью и загруженностью.

Учитывая эмоциональную сложность и загруженность труда педагога, в нашем исследовании было важно выяснить, как педагоги преодолевают профессиональный стресс, какие стратегии являются успешными и наоборот. Было выдвинуто предположение о том, что психическое выгорание педагогов находится во взаимосвязи с непродуктивными копинг-стратегиями. В исследовании приняли участие 60 педагогов общеобразовательных школ. Для исследования психического выгорания использовалась методика А.А. Рукавишникова, для исследования выраженности копинг-стратегий – методика «Определение копинг-стратегий» Р. Плутчика, Г. Келлермана, Х. Конта (в адаптации Т.А. Крюковой).

Результаты корреляционного анализа показали, что психоэмоциональное истощение взаимосвязано у педагогов с копинг-стратегией «Отрицание»: психоэмоциональное истощение растёт, если педагог избегает негативной информации, источником которой являются жалобы родителей, конфронтация со стороны учащихся и замечания со стороны руководства. Личностное отдаление и профессиональная демотивация как составляющие психического выгорания взаимосвязаны с копинг-стратегией «Проекция»: их проявление выше, если у педагога выражен бессознательный перенос собственных неприятных чувств, желаний и стремлений на другое лицо. Иными словами, нежелание педагога анализировать свои промахи, ошибки, поведение и, при этом, осуждение аналогичного поведения в коллегах и родителях учащихся способствует отдалению педагога от профессиональной деятельности и снижает профессиональную мотивацию. Общий уровень психического выгорания педагогов взаимосвязан с копинг-стратегиями «Вытеснение», «Регрессия» и «Проекция»: он растёт, если снижается способность педагога забывать собственные промахи и не всегда приемлемые мотивы тех или иных профессиональных поступков; если чаще проявляется склонность к трансформации своего поведения в ранние, незрелые, детские формы и к бессознательному переносу собственных неприятных чувств, желаний и стремлений на другое лицо (чаще всего ученика).

Таким образом, демонстративное поведение, избегание новой информации, несовместимой со сложившимися представлениями о себе и перенос собственных неприятных чувств, желаний и стремлений на другое лицо способствуют возникновению синдрома психического выгорания в профессиональной деятельности педагогов.

Литература:

Психология здоровья: Учебник для вузов / под ред. Г.С. Никифорова. – СПб: Питер, 2006. – 526 с.

Семёнова Е.М., Цмыг Т.А.

ВЛИЯНИЕ СТАЖА РАБОТЫ НА ПРОЯВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У МЕДИЦИНСКИХ СЕСТЕР

На фоне всевозрастающего интереса к проблеме профессионального выгорания специалистов разных профессий до сих пор остается мало освещенной проблема профессионально-

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

го выгорания такого специфического контингента медработников, как медицинские сестры. В то же время известно, что деятельность медицинской сестры постоянно связана с процессом общения с пациентами, обладающими диагнозами разной степени сложности. Это предполагает высокую и непрерывную психоэмоциональную нагрузку, а также необходимость принятия решений в экстремальных ситуациях.

Мы предположили, что существуют различия в проявлениях симптомов профессионального выгорания у медицинских сестер с разным стажем работы. В исследовании приняли участие 50 медицинских сестер со стажем работы от 0 до 25 лет. С помощью методики «Опросник выявления эмоционального выгорания» – MBI (К. Масlach и С. Джексон, адаптация Н.Е. Водопьяновой), нами были получены следующие результаты:

- У медицинских сестер со стажем (0 – 3 года) определены низкие и средние показатели по всем симптомам выгорания. У 20% медсестер данной группы наблюдается высокий уровень выгорания. Это говорит о том, что синдром выгорания может формироваться на начальных этапах профессионализации личности как результат «шока», вызванного противоречиями между ожиданиями личности и реальной действительностью.

- В группе медсестер со стажем 4 – 9 лет отсутствуют высокие показатели по общему уровню выгорания и по его симптомам. Данный период профессиональной деятельности является самым благоприятным для медсестер.

- У медсестер со стажем работы от 10 до 15 лет наблюдается существенное повышение уровня деперсонализации. В этот период у медсестер начинается процесс переосмысления своих взглядов на профессию. Это переживается как профессиональный кризис, который приходится на данный стаж работы.

- В период 16 – 20 лет нахождения в профессии у 60% медсестер выявлен высокий уровень выгорания. Они входят в так называемый период стагнации, останавливаются в своем профессиональном росте. Это приводит к повышению физической и эмоциональной утомляемости, а впоследствии и к самому выгоранию.

- После 20 лет работы по специальности медицинские сестры выгорают на 90%. Они истощены, проявляют цинизм как способ отстраненности от людей. Это проявляется в нарушении профессиональных и этических норм, раздражительности, сокращении времени, затраченного на пациента.

Далее, используя однофакторный дисперсионный анализ, мы определяли влияние стажа работы на проявления синдрома профессионального выгорания у медицинских сестер. Дисперсионный анализ показал наличие значимых взаимодействий переменных «истощение» ($p = 0,0004$), «цинизм» ($p = 0,0004$) и «успешность профессиональной деятельности» ($p = 0,03$). Это говорит о том, что сравниваемые группы испытуемых (с разным стажем) имеют разные степени развития симптомов выгорания. То есть развитие симптомов выгорания у сравниваемых групп зависит от профессионального стажа. Выявлено, что по показателю «истощение» группа медсестер со стажем 21 – 25 лет значимо отличается от всех других групп. Симптом «деперсонализация» (цинизм) ярко проявляется у медсестер в период стажа 4 - 9 лет, и его пик приходится на завершающий период профессиональной деятельности. Редукция профессиональных достижений значимо повышается после 10-15 лет работы по специальности, происходит регрессивный процесс в профессиональном развитии медсестер. Показатели выгорания значимо отличаются у медицинских сестер с небольшим стажем работы (до 9 лет) от показателей медсестер со стажем работы 10 лет и выше.

Таким образом, установлено, что на профессиональное выгорание медсестер стаж оказывает значительное влияние. Чем выше стаж профессиональной деятельности, тем больше выражены симптомы профессионального выгорания. Данные, полученные в работе, помогут руководству медицинских учреждений планировать и реализовывать программу профилактики выгорания.

Сивуда О.А.

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА ОТНОШЕНИЯ К ЗДОРОВЬЮ УЧАЩИХСЯ КАДЕТСКОГО КОРПУСА ИНТЕРНАТНОГО ТИПА РАЗНЫХ ЛЕТ ОБУЧЕНИЯ

В отношении к здоровью выделяют когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Своеобразие эмоционального компонента, с точки зрения Васильевой О.С. и Филатова Ф.Р., проявляется в индивидуальности и субъективности, в то время как когнитивный и поведенческий компоненты – это в значительной степени интерперсональные феномены, так как их форма и содержание определяется характером распространенных социальных представлений и выработанных культурой стратегий и тактик оздоровления. Исследование именно индивидуальных различий и привлекло наше внимание. Объектом изучения выступили учащиеся кадетского корпуса интернатного типа мужского пола 8 (67 человек) и 11 классов (68 человек). Данная выборка позволяет рассмотреть специфику эмоционального компонента отношения к здоровью в зависимости от возраста. В качестве метода исследования выступил опросник «Отношение к здоровью», составленный Р.А. Березовской, а если быть точными, два блока вопросов, относящихся к эмоциональной шкале. Первый блок позволяет оценить эмоциональное состояние респондентов в ситуации хорошего самочувствия. Получилось, для кадет, обучающихся в восьмом классе, первостепенным оказывается именно переживание позитивных эмоций, которое сопровождает состояние физического благополучия (выборы ответов «Я доволен» - 58 выборов и «Я счастлив» - 53 выбора из 67). В одиннадцатом классе на первое место выходит переживание важности и необходимости здоровья («Я испытываю чувство внутреннего удовлетворения» - 67 ответов, «Я чувствую уверенность в себе» - 66 выборов, «Я чувствую себя свободно» - 64 выбора из 68). Возможно, это связано с тем, что чем младше рассматриваемый возраст, тем больше отношение к здоровью как к чему-то абстрактному. В выпускных классах уже в большей степени здоровье осознается как инструмент для достижения важных жизненных целей, как необходимость для максимальной реализации своих внутренних ресурсов. Интересно, что меньше всего в обеих группах выбирался ответ «Мне это безразлично». Таким образом, состояние физического благополучия не сопровождается равнодушием в обеих исследуемых группах. Во втором блоке испытуемым была предложена противоположная ситуация – ситуация ухудшения здоровья и какие эмоции в связи с этим испытываются. И вот в данной ситуации наблюдается полное совпадение описываемых эмоциональных состояний. А именно лидируют выборы ответов «Я озабочен», «Я чувствую себя подавлено», «Я расстроен» и «Я испытываю сожаление». Обобщая полученные данные, можно сказать, что ситуация болезни в любом случае не оставляет кадет равнодушными, вызывая негативные и эмоции и беспокойство по поводу состояния своего здоровья. Однако стоит обратить внимание на тот факт, что в обеих возрастных группах реже всего выбирается чувство стыда. Вполне возможно это является показателем низкого уровня личной ответственности за состояние своего здоровья. В завершении стоит отметить, что полученные данные требуют уточнения и анализа в сравнительной ситуации с другими возрастными и профессиональными группами.

Соколовская Т.В.

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ ПСИХОЛОГА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Главной задачей практической психологии является обеспечение психического здоровья населения, оказание конкретной помощи человеку, раскрытие и развитие его потенци-

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

альных ресурсов, улучшение качества жизни. Используя конструктивные техники и приемы, психолог помогает пациенту решить проблемы, затрудняющие его жизнь. Для оказания психологической помощи необходим не только определенный уровень квалификации и профессионализма специалиста, но и морально-нравственные качества. Однако в последние годы мы сталкиваемся с рядом проблем, когда на манипулятивном уровне используются возможности практической психологии, которые зачастую приводят к дезадаптации человека, обратившегося за помощью.

Широкое распространение в настоящее время получили различные тренинговые группы: «личностного роста», «социально-психологические тренинги», «тренинги лидерских качеств» и другие. Человек, оказавшийся в сложной ситуации, ищет помощи и обращается в первую очередь к рекламе, которая призывает его пройти тренинг, который позволит разрешить все его проблемы. Обычному человеку практически невозможно разобраться в программе, содержании такого тренинга и тем более в квалификации и профессионализме ведущих группу специалистов. Потенциальный клиент не осознает применяемого по отношению к нему ряда манипулятивных техник социального влияния, поскольку в сложной для себя жизненной ситуации теряет возможность критически оценить предлагаемый «продукт», желание и надежда блокируют защитные механизмы, повышают внушаемость и делают его доступным для манипуляций тех, кто представляется специалистом в данной области. Происходит практически тоже самое, что случается с людьми, попадающими в секты и деструктивные культы, такие группы в западной литературе обозначаются как «псевдопсихотерапевтические». В последнее время психологами, психотерапевтами, психиатрами отмечается увеличение числа клиентов, обращающихся за помощью после прохождения подобных тренингов. Например, некоторые руководители групп, проводящие тренинги «лидерских качеств», используют техники и приемы, не развивающие лидерские качества, такие как эмпатия, аутентичность, умение критически оценивать ситуацию, быстро принимать адекватное решение в критической ситуации, а подавляющие волевые функции человека, способность к рефлексии, искажающие реалистичное представление о себе и окружающем мире. Девизом таких групп всегда является: «Цель оправдывает средства», что в конечном счете приводит к дезинтеграции личности и потере собственной идентификации.

Роль личности психолога во взаимодействии с людьми, обращающимися за помощью, во многом определяется не только суммой накопленных специальных знаний, но и в значительной степени морально-нравственными установками. Действительный профессионализм базируется на способности понимать, отражать, контролировать прежде всего собственные реакции, возникающие в процессе взаимодействия с человеком, обратившимся за помощью. Таким образом, целью любого психологического воздействия является расширение самосознания пациента, жизненных перспектив и возможностей их реализации. В то время в упомянутых выше тренинговых группах целью руководителей является прямо противоположное: сужение зоны жизненного пространства, самосознания, формирование чувства вины, тревоги, фобий, что нередко приводит к психологическим срывам. В других случаях, к формированию ощущения себя «сверхчеловеком», способным управлять, манипулировать окружающими людьми, что в конечном счете приводит также к дезадаптации личности. Механизмы, техники и приемы психологического воздействия, могут быть как конструктивными, так и деструктивными. В связи с вышесказанным в настоящее время актуальными задачами подготовки и повышения квалификации специалистов в области психологии являются методы, направленные на формирование зрелого, ответственного отношения к себе и профессиональной деятельности.

Соловьева С.Л.

ОСНОВЫ ПСИХОТЕРАПИИ ДЛЯ ПРАКТИЧЕСКИ ЗДОРОВЫХ

Психическое здоровье понимается как состояние полного физического, психологического и социального благополучия, являющееся оптимальной предпосылкой самоосуществления человека.

Социальная среда предъявляет разнообразные, не всегда согласующиеся друг с другом требования, которые могут превышать ресурсы личности. Понимание того, что люди не всегда успешно справляются с задачами адаптации, отражается в понятиях «социально-стрессовые расстройства», «синдром менеджера», «синдром хронической усталости». Часто под содержанием социальной жизни понимаются многочисленные микротравмы, тот социальный «стресс-опланктон», который обрушивается на личность, формируя ситуацию неопределенности и ожидания с дефицитом времени и информации, с непрогнозируемым исходом.

Существуют и внутриличностные источники дискомфорта; поведение человека, как правило, полимотивировано: одновременно могут существовать тенденции, для реализации которых требуются разные формы поведения. В реальности побеждает тенденция, обладающая наибольшей мотивирующей силой, для реализации которой в актуальной ситуации есть соответствующие условия, в то время как остальные тенденции остаются неудовлетворенными. Хроническая неудовлетворенность сопровождает человека в течение всей его жизни, что является как источником развития и личностного роста, так и почвой для формирования разнообразной пограничной нервно-психической патологии.

Психическая реальность человека предполагает и наличие собственной динамики, связанной с переработкой травматического опыта, интеграцией его в картину мира, с внутриличностными переживаниями детских и взрослых травм, некритично усвоенных сценариев, социальных предписаний, ограничений, запретов, аффективно заряженных образов, впечатлений и воспоминаний. Вся эта психическая реальность, в разной степени структурированная, регулярно продуцирует дискомфорт, нарушения самочувствия и саморегуляции. В отношении каждого человека существуют ситуации повышенной уязвимости, когда он нуждается в профессиональной психологической помощи, обозначаемой понятием «психотерапия».

Оказывая психологическую помощь «практически здоровой» личности, специалист по психическому здоровью строит взаимоотношения с ней на основе партнерства и безусловного принятия, основанного на уважении человеческой природы и признании уникальности каждой личности, что диктует отказ от попыток каким-либо образом эту личность изменить. Ориентиром психологического воздействия, который не всегда проговаривается и далеко не всегда реализуется, является идентичность клиента как наивысшая ценность, задающая направление психотерапии.

Психотерапия для здорового человека, отказываясь от глубинного вторжения в личность, предполагает возможность психологической интервенции лишь на уровне психического состояния. Основной целью такой психотерапии является помощь в создании собственного ресурсного состояния клиента, в котором он наиболее продуктивен. Состояние клиента, чтобы быть ресурсным, должно ориентироваться на его индивидуальные нормы в отношении основных параметров психического состояния. Конкретным объектом воздействия наиболее часто являются тревога, депрессия, враждебность.

В основе психокоррекционного воздействия лежит понимание того, что биологически целесообразный аппарат эмоций, которые мы часто обозначаем как «негативные», предназначен для выживания. В среднем диапазоне значений индивидуальной нормы компоненты комплекса негативной аффективности приобретают адаптивное значение: тревога квалифи-

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

цируется как чувствительность к опасности и мобилизация необходимых ресурсов; депрессия выражается в лишенном иллюзий реализме с активизацией интеллектуальных процессов; агрессивность обеспечивает самосохранение личности, ее способность отстаивать собственные ценности.

Старовойтова С.Ю., Фукин А.И.

ОТНОШЕНИЕ К ЗДОРОВЬЮ СТУДЕНТОВ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Формирование здорового образа жизни в современных условиях представляется достаточно сложным и трудоемким процессом, соответственно, чем раньше данный процесс будет начат, тем более эффективным он окажется.

Процесс формирования ценностного отношения к здоровью происходит через самопознание, самосохранение, саморазвитие личности, через гармонизацию отношений человека с самим собой, с окружающими людьми, с природой, через постоянный духовно-нравственный поиск, обращенный и к себе, и к миру. Для того чтобы управлять своим здоровьем, человеку, прежде всего, необходимо изменить свое ценностное к нему отношение, взять на себя ответственность за свое здоровье, получить необходимую сумму знаний. Нами было рассмотрено отношение к здоровью студентов психолого-педагогического направления. Было проведено исследование, направленное на изучение отношения к здоровью студентов. Всего в исследовании принимали участие 50 студентов. В исследовании применялась методика «Отношение к здоровью» Березовской Р.А. В ходе проведенного исследования были получены следующие результаты:

основными ценностями студентов являются счастливая семейная жизнь, интересная работа, материальное благополучие – 93%, 7% - интересная работа, материальное благополучие, признание окружающих, верные друзья. Ценность здоровья у испытуемых данной группы получает наименьшую значимость. Непременными условиями достижения успеха в жизни 70% испытуемых данной группы считают нужные связи, 28% материальный достаток, 2% испытуемых – упорство и трудолюбие. В определении здоровья испытуемые данной группы примерно в равной степени отметили важность психического и соматического в структуре здоровья – 43% испытуемых и 47% испытуемых определили здоровье, как отсутствие болезней. На 90% испытуемых максимальное влияние на осведомленность о факторах, влияющих на состояние здоровья, оказывают средства массовой информации, 3% - специализированная литература и 7% - врачи. По мнению студентов, наиболее значительное влияние на состояние их здоровья оказывает образ жизни – 85% и вредные привычки 15%. Оценка благополучия своего здоровья испытуемыми данной группы: 76% испытуемых относятся к этому безразлично, 23% испытуемых чувствуют себя свободно, когда их здоровью ничего не угрожает, 1% испытуемых чувствуют себя счастливыми в таких ситуациях. В случае ухудшения состояния здоровья 93% испытуемых проявляют беспокойство, а 7% испытуемых просто расстраиваются. Для поддержания собственного здоровья 70% испытуемых следят за своим весом, а 30% испытуемых посещают спортивные секции (фитнес и восточные танцы). Недостаточную заботу о собственном здоровье 83% испытуемых связывают с нехваткой времени, а 17% испытуемых не видят в этом необходимости, так как являются здоровыми. В случае возникновения недомогания 93% испытуемых обращаются за помощью к друзьям или близким, а 7% испытуемых посещают врача.

В итоге наше исследование показало, что студенты вузов, несмотря на то, что невысоко оценивают значимость здоровья, тем не менее, стараются заниматься спортом и избавляться

от вредных привычек. Кроме того, информацию о здоровье определенная часть испытуемых данной группы получает из специализированной литературы, и такая же часть испытуемых обращается в случае возникновения недомогания к врачу за помощью.

Старченкова Е.С., Захарова А.А

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ У СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИОНОМИЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ

Профессиональная деятельность является важным периодом в жизни человека. Работа может оказывать амбивалентное влияние на стиль жизни человека, его физическое и психическое здоровье, а в конечном счете, и на долголетие. В связи с этим необходимым является сквозное психологическое сопровождение человека на всех этапах профессиональной деятельности от «входа» в профессию до «выхода» из нее (Г. С. Никифоров). Профессиональная деятельность специалистов соционических профессий содержит определенные риски ухудшения профессионального здоровья: высокая насыщенность рабочего дня, обусловленная общением с другими людьми; большое количество различных по смысловому и эмоциональному содержанию деловых контактов; высокий уровень ответственности за результат общения; необходимость понимания индивидуальных особенностей, притязаний и экспектаций своих партнёров по общению; притязания на неформальное общение при решении различных вопросов; наличие конфликтных и напряжённых ситуаций общения, связанных с недоверием, несогласием и отказом от дальнейшего взаимодействия и др. (Н. Е. Водопьянова и Е. С. Старченкова). В связи с этим важной задачей психологии труда является поиск путей укрепления профессионального здоровья представителей соционических профессий.

Цель исследования – изучить гендерные особенности профессионального здоровья у специалистов соционических профессий.

В исследовании приняли участие специалисты соционических профессий в количестве 119 человек (56 мужчин и 63 женщины, средний возраст - 31,5 год). Использовалась методика оценки профессионального здоровья (Г. С. Никифоров, Р. А. Березовская, Н. Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова).

Результаты. Физический уровень профессионального здоровья. Дисперсионный анализ выявил значимые различия между мужчинами и женщинами по показателям физического уровня профессионального здоровья: «Самочувствие» и «Активность» выше у мужчин ($p < 0,01$), а «Частота заболеваний» реже у женщин ($p < 0,05$). То есть, мужчины более склонны оценивать уровень своего физического здоровья лучше по сравнению с женщинами, однако женщины в меньшей степени, чем мужчины подвержены хроническим и простудным заболеваниям.

Психологический уровень профессионального здоровья. Мужчины по сравнению с женщинами имели более высокие показатели по шкалам «Эмоциональное благополучие» ($p < 0,01$) и «Внимание» ($p < 0,05$), в то время как у женщин был более выражен такой компонент выгорания, как «Деперсонализация» ($p < 0,05$). Таким образом, мужчины по сравнению с женщинами чувствуют себя более спокойными и эмоционально благополучными, а также оценивают уровень своего внимания выше. Женщины по сравнению с мужчинами чаще склонны к отстранённому и формализованному общению с клиентами и коллегами.

Социальный уровень профессионального здоровья. Дисперсионный анализ выявил значимые различия по таким шкалам, как «Удовлетворённость трудом» ($p < 0,05$) и «Профессиональный авторитет» ($p < 0,01$). Мужчины по сравнению с женщинами были больше удовлет-

ворены работой и переживали значимость и важность собственного опыта для своих коллег и подчинённых.

Таким образом, в целом мужчины-специалисты социономических профессий обладали более высокими показателями по всем трем уровням профессионального здоровья: физический, психологический и социальный. Женщины были менее подвержены простудным и хроническим заболеваниям и были более склонными к формализованному общению с реципиентами.

Толочек В.А., Белик В.В., Панов А.Ю

АКТУАЛИЗАЦИЯ РЕСУРСОВ, ДИНАМИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ И ДЕСТРУКЦИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОЦИОНОМИЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ

На протяжении XX ст. в исследованиях разных составляющих профессионального становления субъекта (ПСС) преобладали вопросы «результативностных» составляющих деятельности человека – продуктивности, качества, надежности и др. С конца XX ст. ученые стали чаще обращаться к сопряженным аспектам ПСС – развитие человека как личности и субъекта труда, его удовлетворенность трудом, эволюция на протяжении всей карьеры, отдаленные по времени эффекты – социальной, личностной и психофизиологической «цены» труда и карьеры, профессиональное выгорание, деструкции и т.п. Вопросы здоровья профессионала, его гармоничных социальных связей, его самореализации в разных сферах жизнедеятельности стали предметом отдельной психологической дисциплины – психологии здоровья (Г.С. Никифоров и др.).

В цикле наших исследований рассматриваются связи видов внесубъектных и интрасубъектных ресурсов, меры их актуализации субъектами, динамики их профессионального становления – стадий и факторов развития и инволюции, основных причин активизации деструктивных процессов и пр. Целью настоящей работы было изучение связей динамики профессионального становления субъектов, видов, актуализируемых внесубъектных и интрасубъектных ресурсов у представителей социономических профессий. Гипотезы: 1. Для представителей разных профессий характерны специфические динамика профессионального становления субъектов, паттерны актуализируемых ресурсов, особенности деструкций. 2. Спонтанно формируемые динамика профессионального становления субъектов, паттерны и мера актуализируемых ресурсов слабо согласованы.

Организация исследования. Изучались большие гомогенные профессиональные выборки (148 менеджеров, 135 преподавателей высшей школы, 92 учителей в возрасте от 30 до 54 лет). В ситуациях профессионального обучения испытуемые в анкете «Динамика ПСС» оценивали уровень развития профессионализма и его поддерживающих систем на протяжении карьеры от 0 до 8 баллов в пятилетних интервалах в разные периоды жизни (от 20 лет до актуального возраста субъектов, так и прогнозируемые изменения в будущем – до 65 лет, отвечая на ряд вопросов: «Как бы Вы определили уровень развития ... в возрасте ...»). Изучалось не содержание «профессионализма» и др. систем, а динамика изменений в возрасте от 20 до 65 лет в представлениях субъектов. Респондентам предлагался тезаурус рабочих понятий. Они оценивали условия родительской и своей семьи, профессиональной микро-среды, социальной мезо- и макросреды (24 переменных), возрастную динамику профессионализма (10 переменных) и динамику эволюции 18 физиологических и психологических систем (180 переменных).

Результаты исследования: 1. В отношении всех изучаемых составляющих профессионального становления субъектов имеет место выраженная межличностная вариативность на протяжении всей карьеры (от 20 до 65 лет). Во всех группах есть субъекты, у которых сформированы эффективные психологические системы, обеспечивающие их успешную профессиональную, а также преобладают субъекты с неоптимальными процессами профессиональной эволюции/инволюции, с ограниченной актуализацией разных условий как ресурсов. 2. Представители всех выделенных профессиональных групп различаются в отношении: а) восприимчивости к факторам социальной среды и их оценки как «факторов профессионализма»; б) динамики процессов профессионального становления; в) динамики деструктивных процессов. 3. Актуализируемые ресурсы среды, следовательно, и динамика профессионального становления субъекта, равно как и ее сопровождающие деструкции, представляют собой целостный синдром.

Ходырева Н.В.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В РАМКАХ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ ЗДОРОВЬЯ

За 35 лет своего развития современная психология здоровья прошла определенные этапы и оформилась в четыре специализированных подхода: в клиническую психологию здоровья, психологию общественного здоровья, психологию здоровья сообществ и критическую психологию здоровья. В докладе будут представлены результаты теоретического анализа этих подходов, их эпистемологии, методологии, задачи и ценности.

Из критики игнорирования психологических факторов и процессов в биомедицинской модели возникла клиническая психология здоровья. Она заняла доминирующее положение с ее «биопсихосоциальной моделью» (БМСМ) в клинической области системы здравоохранения и частично перекрывается с клинической психологией. БМСМ утверждает, что здоровье и болезнь являются результатом комбинации факторов, включающих биологические характеристики, поведенческие факторы и социальные условия. Несмотря на широкое признание клинической психологии здоровья, существует критика самой модели в том, что она не дает объяснений, как именно психосоциальные процессы влияют на здоровье и болезнь (Marks, 2002).

Психология общественного здоровья (ПОЗ) является составной частью системы здравоохранения, работающей в направлении укрепления здоровья и профилактики. Среди проблем общественного здравоохранения выделяют понимание и изменение здорового поведения, массовое информирование о здоровье, болезни и рисках, обучение врачей эффективному общению с пациентами и понимание того, почему некоторые слои общества более здоровы, нежели остальные. Продвижение ПОЗ в социальных процессах, пропагандистской деятельности, переговорах, создании сообществ и социального капитала сближает ее с психологией здоровья сообществ (ПЗС), созданной на основе научных исследований и общественной деятельности. ПЗС может быть определена как теория, исследования и социальные меры по содействию благополучию, увеличению возможностей, а также предотвращению развития проблем у сообществ, групп и отдельных лиц (Gittel & Vidal, 1998). ПЗС включает в себя работу с членами уязвимых общин и групп и направлена на «расширение прав и возможностей», которые уменьшают уязвимость. Данный подход рассматривает индивидуальное здоровье как результат социальных, экономических и политических факторов, отличаясь от двух вышеописанных подходов, и поэтому может интегрироваться с критической психологией здоровья (КПЗ).

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Она сформировалась к 1999 году для исследования влияния социальных, политических и культурных проблем (например, бедности, расизма, сексизма, насилия, политического угнетения и т. д.) на неравный доступ к здоровью. КПЗ выражает критическое отношение к позитивистской эпистемологии и призывает использовать социальный конструктивизм, а также различные качественные и интерактивные методы исследования в понимании здоровья и болезни. Более того, она активно стремится содействовать улучшению качества жизни населения, особенно тех групп, которые наиболее нуждаются в этом (Lyons, A. & Chamberlain, K., 2006).

Комплексные исследование в рамках КПЗ осуществляются с акцентом на такие социально- культурные факторы как гендер, этническая принадлежность и социально-экономический статус в реальном контексте. КПЗ ставит своей целью проанализировать, как власть, экономика и макросоциальные процессы влияют и/или структурируют институты здоровья, создавая барьеры для достижения здоровья. В заключение будут обсуждены возможности проблематичной интеграции этих подходов для повышения эффективности работы здравоохранения.

Шаповал В.А.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ КАК ПСИХОДИНАМИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ

Актуальность исследования проблемы профессионального психологического здоровья (ППЗ) сотрудников полиции (СП) на фоне устойчивого роста числа противоправных действий и дисциплинарных нарушений, совершаемых самими правоохранителями, а также имеющих место и широко освещаемых в СМИ резонансных случаев их агрессивно-насильственного и неадекватного поведения сегодня ни у кого не вызывает сомнений. С учетом экстремального и гиперстрессового характера профессиональной деятельности СП, наделенных широкими властными полномочиями, уровень их ППЗ в конечном итоге определяет авторитет государственных органов исполнительной власти в целом.

В современных условиях радикального изменения ландшафта российских правоохранительных структур, вызванного процессом создания Росгвардии, представляющей по мнению компетентных критиков «прообраз полиции 2.0», остро требуется организация более эффективной по сравнению с ныне существующей системы психологического обеспечения, ядром которой должны стать прежде всего комплексная психолого-психиатрическая экспертиза и прогнозирование ППЗ кандидатов на службу (учебу), а также его скрининг и мониторинг у СП.

Серьезные затруднения в успешном решении данной задачи обусловлены латентностью большинства отклонений в ППЗ; ведущей ролью бессознательного в системе детерминации девиантного поведения СП, а также низким психометрическим качеством большинства традиционно (и зачастую нелегитимно) используемых тестовых «брендов» [Сугоняев К.В., 2012; Шаповал В.А., 2013], проблемой их использования и ограниченностью концептуально-методологических подходов, лежащих в их основе, порождающей проблему так называемых симулякров [Алехин А.Н., 2011].

ППЗ СП в качестве теоретического концепта для валидной психодиагностической миссии было выбрано нами не случайно. Во-первых, оно наиболее полно интегрирует в себе практически весь набор требований к профессионально-психологическим характеристикам личности кандидатов на службу и СП, отраженных в современной нормативно-правовой базе.

Во-вторых, в отличие от патоцентрического понятия «психическое здоровье» - зоны исключительной правой ответственности врачей-психиатров (Закон РФ от 2 июля 1992 г. N 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании») - нормоцентрически трактуемый концепт ППЗ вполне вписывается в зону правой ответственности психологов. И в-третьих, в контексте современного компетентностного подхода ППЗ правомерно рассматривать в качестве универсальной, неспецифической профессиональной мета-компетенции СП.

В качестве наиболее релевантной концепции ППЗ нами была взята за основу, адаптирована и экстраполирована из динамической психиатрии в профессиональную психодиагностику Я-структурная концепция Г. Аммона, позволяющая рассматривать, измерять и оценивать ППЗ как результат соотношения конструктивных (ресурсно-компенсаторных) и деструктивно-дефицитарных, (деадаптирующе-лимитирующих) компонентов неосознаваемой Я-структуры личности СП, а также выполнять роль карты в проведении последующих адресных психокоррекционных и психопрофилактических мероприятий. На ее основе концепт ППЗ был операционализирован в валидный психодиагностический конструкт «Ресурс ППЗ», измеряемый с помощью интегральных шкал Психодинамически ориентированного личностного опросника (ПОЛО) «Ресурс», созданного на базе Я-структурного теста Г. Аммона (ISTA) специально для ситуации экспертизы и массовых психодиагностических обследований полицейских.

Данный психодиагностический комплекс послужил основой для разработки автоматизированной с помощью лицензионной программы ABBYY FormReader (FlexiCapture) экспертной психодиагностической системы для оценки, прогнозирования и мониторинга ППЗ кандидатов на службу и СП. С учетом возможностей современных IT система позволяет решать задачи оперативного психодиагностического мониторинга ППЗ неограниченных по численности контингентов СП и других силовых ведомств от локального (подразделения) до регионального, общеминистерского и общегосударственного уровня.

Шингаев С.М.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ МЕНЕДЖЕРОВ НА ЭТАПЕ «ВЫХОДА» ИЗ ПРОФЕССИИ

В психологии здоровья актуальной выступает тема сохранения профессионального здоровья пожилых людей. При наличии основательных научных трудов (А.А.Дыскин, А.Л.Решетюк, С.В.Алексеев, Н.А.Виноградов, Г.С.Никифоров) остаются недостаточно изученными вопросы сохранения профессионального здоровья менеджеров предпенсионного возраста, психологической помощи вышедшим на пенсию пожилым людям.

В течение пятнадцати лет (2002-2016 гг.) нами проводились эмпирические исследования, посвященные изучению психологических аспектов профессионального здоровья менеджеров, в том числе на этапе «выхода» из профессии. При этом изучались: самооценка состояния здоровья; симптомы ухудшения здоровья управленцев; способы сохранения здоровья после выхода на пенсию; место здоровья в системе ценностей. Выборка формировалась из людей предпенсионного и пенсионного возраста, имеющих (имевших) отношение к управленческой деятельности (113 человек).

Выявлены основные проявления стресса и ухудшения здоровья: повышение артериального давления, чувство усталости, мышечное напряжение, нарушения сна, повышенная раздражительность, немотивированное беспокойство по разным поводам, что обусловлено возрастными особенностями, спецификой приближения этапа завершения профессиональной карьеры.

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Отмечается тенденция роста оптимизма в самооценке здоровья у ряда пенсионеров как «нормального» (33% предпенсионеров и 49% пенсионеров оценивают его таким образом) и снижения самооценки здоровья как «хорошего» (21% у предпенсионеров и 9% у пенсионеров).

97% менеджеров-предпенсионеров определились с тем, чем будут заниматься на пенсии (увлечения, связанные с активной деятельностью - путешествия, поездки на море, танцы, походы в лес, посещение бассейна; воспитание внуков; физический труд на даче и дома). Каждый третий предполагает продолжить работать, чтобы финансово помогать детям и внукам. При выходе на пенсию менеджеры в первую очередь обращают внимание на домашние дела (21%), работу на даче (16%), заботу о детях и внуках (16%), путешествия (3%). Большая часть пенсионеров (39%) продолжили профессиональную деятельность. Наиболее распространенные хобби пенсионеров: садоводство, вождение автомобиля, чтение книг, посещение театров, кулинария, разгадывание кроссвордов, сбор ягод и грибов, охота, рыболовство, катание на велосипеде, прогулки по лесу и в парках, походы по магазинам. Общение с близкими людьми и получение дополнительного образования выходят все больше на первый план. Часть пенсионеров, бывших менеджеров, осваивают новые виды деятельности, тем самым словно продолжая профессиональную деятельность (освоение платежных терминалов, посещение кружков компьютерной грамотности, рисование, ведение дневников).

В рамках разработанной нами программы психологического обеспечения профессионального здоровья менеджеров на разных этапах его профессионального пути были сформулированы первоочередные шаги по поддержанию здоровья на этапе «выхода из профессии». К ним в первую очередь относится разработка и внедрение обучающих семинаров.

Проведенные нами в ряде коммерческих организаций программы для сотрудников пожилого возраста «Health-management» показали их высокую эффективность. Оценивая по 5-балльной шкале полезность программы, респонденты поставили в среднем 4,9 балла. Ключевыми темами программы являются: life-management (определение жизненных приоритетов и стратегических целей; социальные и психологические факторы пенсионного возраста); time-management (планирование и расстановка приоритетов: управление своей работоспособностью на пенсии); stress-management (причины возникновения и признаки стресса в зрелом и пожилом возрасте; самодиагностика физиологических, психологических и поведенческих признаков стресса; управление стрессом с учетом индивидуальных личностных особенностей; сохранение физического и психического здоровья в зрелом возрасте); основы геронтопсихологии; рекомендации по поддержанию физического и психического здоровья; образ жизни на пенсии и оздоровительные практики.

Юсупова Г.В.

ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ ПОДРОСТКОВ:

ПРОБЛЕМЫ ДИАГНОСТИКИ И КОРРЕКЦИИ

Психическая организация подростка неустойчива, причем на всех уровнях: интеллект, чувства, эмоции. Возрастной кризис наиболее ярко отражается на эмоциональной сфере подростков. Для них характерна частая смена настроения, тревожность, у них легко возникают страхи, депрессивные состояния, энергетические спады. В связи с этим актуальным является исследование психоэмоционального здоровья подростков; своевременное выявление подростков, входящих в группу риска, в том числе по суицидальному поведению; проведение профилактических мероприятий и коррекции психоэмоциональных состояний подростков.

Обзор исследований ряда авторов по сходной проблематике позволил выделить маркеры психоэмоционального благополучия подростков и скомпоновать валидный диагностический инструментарий. Для экспериментального исследования были привлечены подростки 14-15 лет, учащиеся казанских школ и средних специальных учебных заведений.

Для оценки общего фона настроения и энергетического ресурса подростков применялся «Цветовой тест Люшера». Эмоционально-личностные особенности подростка (черты характера и особенности эмоционального реагирования) оценивались при помощи проективной методики «Несуществующее животное». «Тест самоотношения» В.В. Столина, С.Р. Пантелева выявил особенности самоотношения подростков как детерминанту их эмоционального благополучия. Многие исследователи (Личко А.Е., Леонгард К., Шмишек Х.) указывают на связь акцентуаций характера подростка и суицидальных рисков. В группу риска входят подростки со следующими акцентуациями – истероидная, циклотимная, невротическая, эмоцентрическая и интроективная. Эти параметры диагностировались нами по методике «Тест на выявление акцентуаций характера» Х. Шмишека.

Выявленные составляющие психоэмоционального благополучия подростков легли в основу разработанной нами «Карты психоэмоционального здоровья» (Карта ПЭЗ), в которой впоследствии фиксировались данные о состоянии подростков.

В ходе реализации комплексной диагностики и психотерапевтической программы была дана общая характеристика психоэмоционального состояния подростков, и проведен детальный анализ динамики состояний подростков группы риска.

В результате коррекционного воздействия у учащихся изменились следующие показатели:

- показатели общего фона настроения и энергетики пришли в норму,
- повысились показатели самопонимания и самооценки,
- оптимизировались значения по самообвинению и социальной аддикции (как крайней степени зависимости от мнения окружающих),
- оптимизировались значения эмоциональной лабильности (устойчивости-неустойчивости).

Ряд показателей ещё требует пристального внимания специалистов (дальнейшего приближения их к норме), однако, в целом, подростки группы риска перешли в новый статус психоэмоционального здоровья – относительное благополучие. Это свидетельствует о том, что у подростков повысились адаптационные способности, необходимые для того, чтобы самостоятельно и успешно справляться со стрессовыми ситуациями.

Разработанная исследователями «Карта психоэмоционального здоровья» может быть предложена для внедрения в практику работы школьных психологов с целью мониторинга состояний подростков. Таким образом, можно сделать вывод, что комплексные диагностические, профилактические и коррекционные мероприятия оказывают положительное влияние на оптимизацию психоэмоционального статуса подростков.

Литература:

1. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. Изд. 2-е доп. и перераб. - Л.: Медицина, 1983. – 375 с.
2. Леонгард К. Акцентуированные личности. -- Ростов Н/Д: Феникс, 2000. — 544 с.
3. Сакович Н.А. Диалоги на Аидовом пороге. Сказкотерапия в профилактике и коррекции суицидального поведения подростков. — М. Генезис. 2012 г. – 215 с.

КОГНИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И НЕЙРОНАУКИ

Акбирова Р.Р., Прохоров А.О.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОНЯТИЙНЫХ СТРУКТУР МЕНТАЛЬНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ У ШКОЛЬНИКОВ

В настоящее время в психологической науке существует не так много работ, посвященных представлениям о психических состояниях. Исследование понимания психических состояний, проблема специфичности представлений о психических состояниях являются актуальными в психологии.

В рамках данного исследования мы попытались рассмотреть, каким образом психическое состояние отражается в сознании субъекта, какие представления о психических состояниях являются универсальными, а какие – специфичными.

Объект исследования – ученики средних (6-8) и старших (9-11) классов. Выборка - 114 испытуемых, среди которых 62 – учащиеся 6-8 классов, 52 – учащиеся 9-11 классов.

Эмпирическое исследование состояло в определении, охарактеризовании испытуемыми психических состояний: восторг, веселость, ревность, влюбленность (состояния высокого уровня психической активности); утомление, жалость, тоска (состояния низкого уровня психической активности); раздумье, симпатия, удовольствие, спокойствие (относительно равновесные состояния).

Также нами был проведен анализ толковых словарей Ожегова, Даля и др. для того, чтобы сравнить внутреннее понимание психических состояний испытуемых с общепринятым.

Оценивалась глубина понимания перечисленных психических состояний. Во многих определениях наблюдается наличие признаков, характеризующих ряд физиологических реакций и внешнее проявление состояний. Так состоянию веселость 17% учеников средних классов и 9% старшеклассников дали такое определение: «веселость – это когда человек смеется». Ряд определений включают в себя также накопленные следы переживаний, особенности осуществленных ранее деятельностей. Например, 29% учащихся 6-8 классов и 34% учащихся 9-11 классов определили психическое состояние удовольствие как «наслаждение». Следует отметить, что отчетливость понимания психических состояний, то есть способность вербализовать, определить понимаемое, лучше удается старшеклассникам, тогда как у учащихся средних классов больше встречаются такие определения, как «ревность – когда ревнуешь», «спокойствие – когда тебе спокойно».

Те психические состояния, которые чаще актуализируются у ребенка и наиболее интенсивно переживаются, осознаются им лучше. Этим можно объяснить выявление существенных различий между внутренним пониманием значений психических состояний и их общепринятой формулировкой в известных словарях. Определения, данные в словарях можно охарактеризовать как типичные словесные описания психических состояний. Наиболее низкие показатели (нетипичные описания) у учащихся 6-8 классов в понимании таких состояний, как влюбленность (3%) и симпатия (4%), у учащихся 9-11 классов – влюбленность (6%) и спокойствие (6%). Наибольшее число совпадений для учащихся 6-8 классов пришлось на состояния раздумье (71%) и утомление (70%), для учащихся 9-11 классов – утомление (75%).

Полученные результаты исследования позволяют сформулировать следующие обобщения:

1. Определения психических состояний отражают субъективные отношения, то есть понимание показывает прежде всего отношение.

2. Понятийная структура образа психических состояний характеризуется обязательной включенностью чувственно-сенсорного компонента. Таким образом, понимание психического состояния определяется через переживание этого состояния субъектом в прошлом. Чем интенсивнее переживаемые психические состояния будут в большей степени состоять из чувственной основы понятийной мысли.

3. У учащихся старших классов способность к вербализации развита лучше, чем у учащихся средних классов. При определении значений психических состояний учащиеся старшего звена используют большее количество конструкторов и чаще обращают внимание на психологические характеристики состояний и реже – на описание конкретных ситуаций, в которых, так или иначе, возможны переживания данного состояния.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ номер 15-06-00884*

Алексеева Е.М., Рудик Е.А.

АССОЦИАТИВНЫЕ ПОЛЯ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ

Целью ассоциативных исследований является реконструкция семантико-ассоциативных полей и изучение репрезентаций различных явлений. Представления о психических явлениях, в частности о психических состояниях, остаются еще недостаточно изученными, несмотря на уже имеющиеся работы (Дорфман, 1997; Сергиенко, 2002; Barret, Fossum, 2001 и др.).

Настоящая работа нацелена на изучение того, какие ассоциации на различные эмоциональные состояния возникают у людей, насколько они могут быть типичными или индивидуальными, одиночными или множественными.

В исследовании использовался метод свободного ассоциирования. Задачей ставилась реконструкция семантико-ассоциативных полей наиболее типичных для молодых людей психических состояний. Круг опрошенных людей включал 30 студентов обоих полов в возрасте от 18 лет до 21 года. Испытуемым предлагалось написать свои ассоциации к 25 понятиям эмоциональных состояний.

Затем полученные данные были проанализированы и отобраны те состояния, в которых можно наиболее структурированно выделить ядро, различные слои и периферию ассоциативных полей. От 10 до 26,7% респондентов написали множественные ассоциации (т.е. более одной) к каждому состоянию.

С состоянием счастья ассоциируются, прежде всего, любовь (23% опрошенных), семья (13,3%), жизнь и легкость (10%), улыбка, спокойствие и радость (6,7%). К периферии ассоциативного поля счастья относятся ребенок, рост, вдохновение, смех (3,3%). Количество множественных ассоциаций составило 23,3%. Ядро ассоциативных полей состояния утомления образовали: сон (23,3%), усталость (16,7%), учеба (10%). Печаль, тяжесть, истощение, лень (по 3,3%) вошли в периферию данного ассоциативного поля. С восторгом у большинства опрошенных ассоциируются радость (30%), счастье (26,7%), удивление (10%), салют (6,7%). К периферии ассоциативного поля восторга относятся красота, интерес, озарение, сила (3,3%). Количество множественных ассоциаций составило 36,7%. В ядро ассоциативного поля состояния тоски вошли грусть (20%), печаль и дом (13,3%), одиночество (6,7%), глупость, любовь, чай, музыка (3,3%). Множественные ассоциации составили 26,7%. Ассоциативное ядро состояния веселости: еда (16,7%), смех (13,3%), мороженое (10%), ванная и комедия (6,7%). В периферию вошли: люди, бег, спокойствие, шутка (3,3%). С влюбленностью, прежде всего, ассоциируются счастье (13,3%), весна и окрыленность (10%), эйфория и полет (6,7%). Душа,

волшебство, легкость и радость вошли в периферию данного ассоциативного поля и составили 3,3%. Ядро ассоциативного поля одиночества образовали следующие состояния: скука (13,3%) покой и грусть (10%), печаль (6,7%), периферию составили дождь, пустота, музыка, темнота, серость (3,3%). С радостью ассоциируются, прежде всего, счастье (16,7%), хорошее настроение (10%), солнечный день, легкость и радуга (6,7%). К периферии данного ассоциативного поля относятся свадьба, семья, салют, шоколад, спокойствие (3,3%). С нерешительностью ассоциируются неуверенность (20%), страх (10%), сомнение (6,7%). Усталость, ответы в тесте, подросток, движение на месте, волнение и признание (по 3,3%) вошли в периферию ассоциативного поля. С раздумьем ассоциируются, прежде всего, мысль (16,7%), спокойствие, книга (6,7%), К периферии относятся усталость, уныние, умственная деятельность, беспокойство и замкнутость (3,3%). Количество множественных ассоциаций составило 30%. Ядро ассоциативного поля спокойствия составили тишина и умиротворение (13,3%), книга (10%), гармония (6,7%). Ассоциативную периферию наполнили такие ассоциации, как чай, бодрость, старание, уют, вечер (3,3%).

Проведенное исследование имеет теоретическое и практическое значение. Оно вскрывает механизм образования конкретных ассоциаций у человека. Выявление универсальных и специфических компонентов в представлениях о состояниях может продемонстрировать важные закономерности в формировании структуры представлений человека о своей внутренней жизни.

**Исследование выполнено при поддержке проекта РФФИ номер 15-06-00884а.*

Аллахвердов М. В., Стародубцев А. С.

ВЛИЯНИЕ ПРЕДСКАЗУЕМОСТИ СТИМУЛА НА ЭФФЕКТ СТРУПА

Задача Струпа демонстрирует невозможность человека выполнить инструкцию нечто игнорировать. Задание классификации слов по их значениям выполняется хуже, если цвет целевого слова не совпадает с его значением (например, слово «зеленый», написанное синим цветом). Мы полагаем, что эффект Струпа вызван сознательным контролем испытуемых. Контроль выполнения задачи игнорирования ведет к тому, что в сознание попадает то, что требовалось игнорировать. Альтернативное объяснение: контроль необходим для выполнения теста Струпа, лишь он способен из всех результатов обработки стимула актуализировать те, которые относятся к задаче.

В многочисленных экспериментах показано, что снижение сознательного контроля приводит к уменьшению эффекта Струпа. При загрузке внимания выполнением параллельной задачи величина эффекта Струпа снижается (Киреева, 1986, Raz, 2006). Различные версии усложнения задачи Струпа (например, замена задачи классификации цветов задачей классификации оттенков цветов) также приводит к уменьшению величины интерференции (Аллахвердов, Аллахвердов 2015).

Одним из способов усложнения задачи Струпа является расширение набора предъявляемых стимулов. Чем больше вариантов стимулов предъявляется в эксперименте, тем менее предсказуемый следующий стимул и тем сильнее нагрузка на систему когнитивного контроля. Если допустить, что контроль увеличивает эффект Струпа, то расширение алфавита стимулов должно уменьшать эффект Струпа. Если допустить, что когнитивный контроль необходим для успешного выполнения задачи Струпа, то расширение алфавита стимулов должно вызывать больший эффект Струпа. Тем не менее многие авторы не получили какого-либо изменения эффекта при

расширении набора струп-стимулов (Martijn2010, Chuderski 2011, McClain 1983). Наряду с предсказуемостью стимулов в данных исследованиях также изменялось множество возможных ответов, которые мог дать испытуемый. Например, если нажатие одной кнопки соответствует большому набору стимулов, то реакция в ответ на один из данных стимулов является менее автоматичной. Именно это могло повлиять на полученные в описанных исследованиях результаты.

Целью настоящего исследования является изучение влияния предсказуемости стимула на величину эффекта Струпа. В разработанном нами экспериментальном дизайне использовалась модификация Струп-теста, которая позволила проконтролировать изменение диапазона возможных реакций испытуемого. В центре экрана испытуемым предъявлялось слово, цвет которого не совпадал со значением. Слева, справа, сверху и снизу от стимула располагалось по одному квадрату, каждый из которых был окрашен в один из четырех цветов. Цвет сигнализировал о том, какой ответ обозначает соответствующая кнопка на клавиатуре. Например, если справа появлялся красный квадрат, то нажатие кнопки «вправо» соответствовал ответ «красный». Цвета всех 4 квадратов менялись в каждой пробе. Среди четырех квадратов всегда присутствовали такие, цвет которых соответствует значению и цвету целевого слова. Задача испытуемого была нажать на ту кнопку, которая в данной пробе была связана со значением целевого слова. Важно, что сигнальный квадрат каждого цвета появлялся одинаковое число раз верху, внизу, справа и слева. В эксперименте приняло участие 3 группы испытуемых (по 12 человек), в которых варьировался алфавит струп-стимулов: он мог быть сформированным из набора, состоящим из 4, 5 или 6 цветов, и соответствующих им слов. Каждый набор состоял из 240 стимулов. Результат показал значимое снижение времени реакции при расширении алфавита струп-стимулов ($F=321$ $p<0,001$): при использовании всего четырехцветов средняя скорость реакции равнялась 1175 мс, пяти – 1071 мс, шести – 959 мс.

Таким образом, ответ на менее предсказуемый стимул в задаче Струпа дается быстрее. Можно предположить, что при непредсказуемости стимула сознательный контроль переключается с задачи игнорирования на решение задачи предсказания следующего стимула, что ведет к уменьшению эффекта Струпа.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ номер 15-06-05112а*

Аллахвердов М.В.

НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ ТЕКСТА КАК УСЛОЖНЕНИЕ ПРОЦЕССА ИГНОРИРОВАНИЯ В ИНТЕРФЕРЕНЦИОННОЙ ЗАДАЧЕ

Эффект перцептивной интерференции Струпа проявляется в большом количестве различных задач. Так, в многочисленных экспериментах было показано, что эффект возникает не только в классическом варианте теста Струпа, когда испытуемый должен назвать цвет чернил слова, которое обозначает какой-то другой цвет, не читая само слово (например, слово «ЖЕЛТЫЙ», написанное синим цветом), но и в его модифицированных версиях (см., например, MacLeod, 1991; Аллахвердов, Аллахвердов, 2015). Одной из таких версий теста Струпа является эмоциональный Струп-тест (ЭСТ). ВЭСТ испытуемый значительно дольше выполняет задание называния цвета, если в качестве игнорируемого слова выступает эмоционально значимый концепт. Похожий эффект демонстрируется и в исследованиях Л.Е. Осипова (Аллахвердов, 1993), который в оригинальных экспериментах демонстрирует, что предъявление 4-значных чисел может вызывать интерференцию, если само число имеет какой-то смысл (например, при предъявлении «1812», окрашенного в красный цвет, испытуемый будет дол-

ше называть цвет числа, чем если ему предъявляется «1435»). Такие результаты объясняются в рамках предположений, высказываемых В.М. Аллахвердовым о возникновении интерференции в следствие работы процессов сознательного контроля (Аллахвердов, Аллахвердов, 2014). Данная теория предполагает, что чем сложнее дополнительная задача игнорирования, тем выше будет эффект интерференции.

Для проверки этой гипотезы мы использовали текст, который имеют низкую контекстную предсказуемость – юмористические высказывания, основанные на эффекте обманутого ожидания, в которых вторая часть предложения не соответствует ожиданиям субъекта, сформированным первой частью данной шутки. В качестве контрольных стимульных предложений использовались нейтральные предложения, образованные из шуточных таким образом, чтобы вторая часть совпадала с ожиданиями испытуемого, то есть имела высокую контекстную предсказуемость.

В эксперименте приняло участие 50 человек (72% женщин, Мвозраст = 20 лет), которые случайным образом распределялись в контрольную (КГ) или экспериментальную (ЭГ) группу. Все испытуемые проходили 4 этапа эксперимента. Первые три – одинаковые для обеих групп: этапы классического теста Струпа (словесная карта, цветовая карта и струп-карта) (Stroop, 1935). На каждом из них на экране компьютера испытуемым предъявлялось одновременно 20 наборов по 5 стимулов (всего 100 стимулов). На четвертом этапе ЭГ предъявлялись 19 юмористических предложений, в которых каждое слово было окрашено в один из 4 цветов: красный, желтый, синий, зеленый. КГ предъявлялись 19 нейтральных предложений, также окрашенных в эти 4 цвета. Задача испытуемого на всех этапах была одинаковая: как можно быстрее нажимать на клавишу, соответствующую правильному ответу для каждого стимула-слова.

Статистический анализ данных позволил сделать следующие выводы. На всех 4 этапах значимых различий во времени выполнения задания между двумя группами не обнаружено ($F(3, 164) = 0,257$, $p = 0,85$), однако обнаружены различия между этапами ($F(3, 164) = 2,632$, $p = 0,05$). Так на 1 этапе испытуемые в среднем тратили 894 мс на стимул, на 2 этапе – 836 мс, на 3 этапе – 965 мс, и на 4 этапе 903 мс. Попарное сравнение по фактору «Этап» показало отличие 2 и 3 этапов ($p = 0,02$), что говорит о наличии в нашем исследовании классической Струп-интерференции. Интерференция между 4 и 2 этапом не такая значительная (такой результат соответствует еще результату Кляйна (Klein, 1964)), однако для проверки гипотезы важно было проверить, что в этом случае интерференционный эффект у ЭГ больше, чем у КГ. Величина интерференции рассматривалось нами как отношение средних времен испытуемого на двух этапах. Для ЭГ это отношение составило 1,13, а для КГ – 1,07. Данное различие является значимым ($t = 1,7207$, $p = 0,045$). Полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что менее предсказуемый текст увеличивает величину интерференции в задаче Струпа.

** Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых МК-5126.2015.6*

Ананьева К.И., Басюк И.А., Демидов А.А.

ОСОБЕННОСТИ ОКУЛОМОТОРНОЙ АКТИВНОСТИ В ЗАДАЧАХ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ДОВЕРИЯ К ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ РАЗНЫХ РАСОВЫХ ГРУПП

Достаточно хорошо известны факты о том, что культурный контекст определяет конкретные стратегии зрительного восприятия объектов. Показано, что для представителей вос-

точных культур характерна холистическая стратегия восприятия окружающего мира, а для представителей западной культуры – аналитическая (напр., Calradaetal., 2010). Применительно к процессу распознавания лиц это находит выражение в том, что представители западных культур обычно фиксируют области рта и глаз, в то время как представители восточных культур – область носа, хотя точность распознавания лиц в обеих популяциях примерно одинаковая. В настоящем исследовании мы задались целью выявить связь окулomotorной активности испытуемых-монголоидов с решением задач по межличностному доверию.

Исследование проведено в г. Кызыл с привлечением 45 испытуемых-добровольцев туvinской национальности в возрасте от 15 до 25 лет с нормальным или скорректированным до нормального зрением. Стимульный материал предъявлялся на мониторе ноутбука с диагональю экрана 15 дюймов. Порядок предъявления стимульного материала и работы испытуемых был следующий: вначале демонстрировалась фиксационная точка на 1 сек, после этого на монитор ноутбука выводилось тестовое фотоизображение – изображение лица, время его экспозиции составляло 3 сек, после чего испытуемые должны были ответить на вопрос: «Вызывает ли у Вас доверие человек, изображенный на фотографии?». Ввод ответа осуществлялся при помощи клавиш «Влево» - «да» или «Вправо» - «нет», после выбора окончательного ответа, испытуемый подтверждал ответ нажатием клавиши «Enter». После подтверждения ответа запускался новый цикл с новым тестовым фотоизображением. Среди фотоизображений присутствовали как фотографии европеоидов, так и фотографии монголоидов.

Тестовые фотоизображения представляли из себя фотографии анфас, при этом лицо занимало 80% высоты фотоизображения. Угловой размер лица на фотоизображении составлял $\sim 10^\circ$.

В процессе работы испытуемых с фотоизображениями производилась регистрация движений глаз испытуемых с помощью айтрекера SMI RED-m. Частота съемки – 120 кадров в секунду.

Предъявление стимульного материала, сбор ответов испытуемых, а также управление установкой регистрации движений глаз производилось при помощи авторского программного обеспечения, основанного на Python 2.7.6 и его расширении PsychoPy 1.80.06.

При обработке полученных данных производился анализ частоты ответов «доверяю» испытуемых относительно различных фотоизображений, а также производился анализ окулomotorной активности испытуемых в связи с различными вариантами ответа. Зрительные фиксации выделялись при помощи алгоритма I-DT, реализованного в виде пакета для среды R 3.1.0. Статистическая обработка результатов выполнялась при помощи пакета SciPy 0.13.3, использовался тест Манна-Уитни для оценки уровня достоверности наблюдаемых различий в окулomotorных показателях.

Получены следующие предварительные результаты.

Анализ окулomotorных показателей в случае ответов «Доверяю» и «Не доверяю» выявил следующее:

1. при оценке лиц монголоидного типа в случае ответов «Не доверяю» достоверно выше число фиксаций в нижней (ниже линии ноздрей) и средней (от ноздрей до бровей) зонах лица;
2. между оценками «Доверяю» и «Не доверяю» относительно европеоидных лиц достоверных различий в окулomotorных показателях не выявлено;

3. при сопоставлении оценок «Доверяю» между монголоидными и европеоидными фотоизображениями выявлено достоверно большее число фиксаций в левой зоне лица при оценке монголоидных лиц;

4. при сопоставлении оценок «Не доверяю» между монголоидными и европеоидными фотоизображениями выявлено достоверное большее число фиксаций монголоидных фотоизображений в правой и средней частях лица натурщика.

Для полноты рассмотрения данных необходимо включение в анализ данных по европейской выборке испытуемых. Работа выполнена в рамках гранта Президента РФ для молодых ученых МК-7445.2015.6 «Кросс-культурные инварианты окулomotorной активности в процессах межличностного восприятия»

Андриянова Н. В.

ВЛИЯНИЕ ВРЕМЕННОГО ИНТЕРВАЛА НА ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОВТОРЯЮЩИХСЯ ОШИБОК

Данная работа посвящена возникновению повторяющихся ошибок. Ряд исследований показывает, что люди склонны повторять свои ошибки в различных задачах (Аллахвердов 1993, VanRullen, Koch, 2003; Hajcak, Simons, 2008). При этом важно, что повторение ошибок не связано с тем, что некоторые задачи оказываются более сложными, поэтому именно в них чаще повторяются ошибки. Ряд авторов считает, что повторение ошибок связано с имплицитным заучиванием неверного решения. Например, К. Хамфрейс, Х. Мензис и Д. Лейк (Humphreys, Menzies, Lake, 2010) изучали повторяющиеся ошибки при произношении определенных пар слов и показали, что если человек ошибочно воспроизвел пару слов, то при следующем предъявлении данной пары вероятность ошибки увеличивалась в 4 раза. Более того, авторы показали, что повторение ошибки не связано со сложностью для человека конкретных стимулов. При проведении тестовой серии эксперимента через 48 часов ошибки из тренировочной серии не имели тенденцию повторяться чаще случайного.

Данное исследование тоже связано с контролем сложности задачи. В эксперименте в качестве стимулов использовались анаграммы слов из 6 букв. Стимулы предъявлялись на 10 секунд. Задачей испытуемого было решить анаграмму и ввести ответ на компьютер. В эксперименте приняло участие 40 человек (по 20 в контрольной и экспериментальной группе). В экспериментальной группе обучающая серия состояла из 20 анаграмм, предъявляемых в случайном порядке. Тестовая серия 1, которая следовала сразу после обучающей, состояла из 20 тех же анаграмм и 10 новых анаграмм. Вторая часть эксперимента проводилась через два дня после первой и включала в себя тестовую серию 2 – 20 анаграмм из обучающей серии и 10 новых анаграмм, и тестовую серию 3 – 30 анаграмм из тестовой серии 2 и 10 новых анаграмм. В контрольной группе обучающая и тестовая серия 1 были такими же, как в экспериментальной. Тестовая серия 2 проводилась сразу после тестовой серии 1 и также включала 20 анаграмм из обучающей серии и 10 новых анаграмм.

Результаты экспериментальной группы показали, что в тестовой серии 1 испытуемые хуже решали анаграммы, которые они не решили в обучающей серии, чем новые. Однако в тестовой серии 2 значимых различий между нерешенными и новыми анаграммами получено не было. В тестовой серии 3 испытуемые решали хуже нерешенные анаграммы из тестовой серии 2, но не было значимых различий между нерешенными анаграммами из обучающей серии и новыми. Таким образом, люди не склонны повторять ошибки, совершенные два дня назад. Более того, они склонны совершать новые ошибки и повторять их. Однако результаты контрольной группы не отличаются от экспериментальной. В тестовой серии 1 испытуемые хуже решали анаграммы, которые они не решили в обучающей серии, чем новые, в тестовой серии 2 значимых различий между нерешенными и новыми анаграммами получено не было.

Также был проведен анализ времени правильных ответов после нерешенных анаграмм. В тестовой серии 1 время правильных ответов для анаграмм, не решенных на обучающей серии значимо выше, чем для новых (в обеих группах). В тестовой серии 2 контрольной группы

время правильных ответов для анаграмм, не решенных ранее также значимо выше, чем для новых. Однако в тестовой серии 2 экспериментальной группы нет различий по времени решения между новыми анаграммами и нерешенными ранее. Следовательно, испытуемые тратят больше времени на правильное решение нерешенных ранее анаграмм, чем новых, что могло бы говорить о том, что нерешенные анаграммы более сложные. Однако данный эффект не проявляется при решении анаграмм через два дня.

Таким образом, нам не удалось обнаружить различий по количеству ошибок при решении нерешенных ранее анаграмм сразу и через 2 дня. Однако было обнаружено, что через 2 дня испытуемые не склонны замедлять правильные решения нерешенных анаграмм. Следовательно, более долгое решение этих анаграмм не связано с их сложностью.

**Исследование поддержано НИР из средств СПбГУ №8.38.287.2014 «Закономерности работы сознания в процессах познания» 2014-2016 г.*

Антропова Л.К., Куликов В.Ю.

КАРДИОВАСКУЛЯРНАЯ РЕАКТИВНОСТЬ, ВЫЗВАННАЯ КОГНИТИВНОЙ НАГРУЗКОЙ, У СТУДЕНТОВ МЛАДШИХ КУРСОВ С РАЗНЫМ ЛАТЕРАЛЬНЫМ ПРОФИЛЕМ

Одной из актуальных проблем психофизиологии является изучение психофизиологических механизмов когнитивных процессов у студентов младших курсов с межполушарной асимметрией.

Цель исследования: оценить кардиоваскулярную реактивность, вызванную когнитивной нагрузкой, у студентов с разным латеральным профилем.

Объект и методы исследования. Обследовано 42 студента 2 курса НГМУ в возрасте 18-22 лет (средний возраст $18 \pm 0,32$ года). В экспериментальную выборку входило 13 юношей и 29 девушек. Испытуемые не имели заболеваний сердечно-сосудистой, нервной систем и расстройств в сенсорной, моторной и психической сферах. Исследование проходило в три этапа. На первом этапе оценивался профиль сенсомоторной асимметрии по стандартному набору проб, выявляющих ведущую руку, ногу, глаз, ухо, и определялся тип функциональной межполушарной асимметрии («Типология 2» Е. С. Жариков, А. Б. Золотов). На втором – измерялся уровень систолического (САД) и диастолического (ДАД) давления и частота пульса (П). Показатели САД, ДАД и пульса определялись трижды до, во время и после когнитивной нагрузки. В качестве когнитивной пробы использовался тест на семантическую вербальную беглость (СВБ). Тест СВБ предполагал генерацию списка слов определенной категории в течение 1 минуты. Далее подсчитывалось количество слов, и определялась успешность выполнения теста. Когнитивная проба проводилась трижды: на три разные категории слов. Всего произведено 78 измерений. На третьем этапе – записывалась электроэнцефалограмма (ЭЭГ) с повторением теста на СВБ. Полученные результаты обрабатывались с помощью комплекса прикладных программ, «Statistika 10». Анализ безартефактных участков ЭЭГ проводился с помощью программы Win EEG.

Результаты исследования. Анализ латеральных показателей выявил преобладание среди студентов лиц с правым сенсомоторным профилем (86%) и доминированием у них амбидекстрального типа межполушарной асимметрии психических процессов (81%). Результаты сравнительного анализа кардиоваскулярной реактивности (t-критерий) демонстрировали высокий уровень различия показателей САД, ДАД и частоты сердечных сокращений (ЧСС)

при когнитивной пробе и исходных данных ($p = 0,000$). С помощью корреляционного анализа установлено влияние когнитивной нагрузки на кардиоваскулярную реактивность. В частности, выявлена взаимосвязь относительной реактивности диастолического давления и пульса с аналогичными фоновыми показателями (соответственно $r = -0,391$; $r = -0,327$ $p = 0,01$). Интересно, что у юношей показатель относительной реактивности диастолического давления был ниже, чем у девушек ($p = 0,05$); с возрастом относительная реактивность пульса при выполнении когнитивного задания снижалась ($r = -0,328$ $p = 0,05$). При этом более успешное выполнение теста на СВБ сопровождалось большей реактивностью вегетативных показателей, выражавшихся в увеличении артериального давления и ЧСС во время выполнения пробы СВБ ($r = 0,348$; $p = 0,002$, $r = 0,459$ $p = 0,000$), а также в быстром их возвращении к исходному уровню. И наконец, анализ корреляций обнаружил связь сосудистой реактивности со специализацией полушарий: изменение САД и ЧСС сопряжено с левополушарной асимметрией ($r = 0,312$ $p = 0,008$).

Анализ фоновой электроэнцефалограммы выявил асимметрию амплитуды альфа-ритма, ассоциированную с сенсомоторным профилем ($p = 0,05$), и изменение пространственно-временной организации биоэлектрической активности в альфа, бета 1 и бета 2 диапазонах в ходе когнитивной нагрузки ($p = 0,02$).

Выводы. Полученные результаты указывают на влияние когнитивной нагрузки на вегетативную регуляцию, связь успешности когнитивной пробы с кардиоваскулярной реактивностью, взаимосвязь сосудистой реактивности с латеральной организацией психических процессов и изменение биоэлектрической активности мозга.

Арутюнова К.Р., Бахчина А.В., Александров Ю.И.

РЕШЕНИЕ МОРАЛЬНЫХ ДИЛЕММ И ДИНАМИКА СЕРДЕЧНОГО РИТМА ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ АЛКОГОЛЯ

Воздействия алкоголя на социальное поведение человека могут сильно различаться: начиная от антисоциальных и агрессивных проявлений, которые связываются с подавлением моральной составляющей действий (Heath, Hardy-Vallee, 2015), и заканчивая выраженными проявлениями альтруизма и помощи другим (Steele et al., 1985). Подобные разнонаправленные эффекты алкоголя относят к феноменам «алкогольной миопии», — примитивизированного, упрощенного восприятия, которое зависит от конкретных деталей ситуации и социального контекста (см. обзор в Steele, Josephs, 1990). Такое рассмотрение воздействий алкоголя на социальное поведение согласуется с данными о том, что алкоголь селективно угнетает активность высокодифференцированных систем опыта в поведении (Alexandrov et al., 1990, 1991, 1993, 1998; Alexandrov, Alexandrov, 1993; Безденежных, Александров, 2001), что лежит в основе снижения сложности соотношения индивида со средой. Системные механизмы воздействия алкоголя на социальное поведение человека, и в частности, на моральную оценку действий, требуют дальнейшего изучения.

Целью данной работы было выявление воздействий алкоголя (этанол, 1г/кг) на моральную оценку допустимости действий, а также анализ динамики показателей сердечного ритма при решении моральных дилемм. Участники исследования ($n=40$) проходили тестирование дважды с интервалом в 2-4 месяца: один раз они оценивали действия героев моральных дилемм (см. в Arutyunova et al., 2013) после принятия алкогольного напитка (водка 40% с соком) и один раз – после принятия безалкогольного напитка (сок). Порядок условий алкоголь/без алкоголя был контрбалансирован.

Результаты показали, что моральные оценки под воздействием алкоголя могут меняться разнонаправленно, при этом разные люди начинают оценивать одни и те же ситуации более сходно. Под воздействием алкоголя по выборке наблюдалось увеличение частоты сердечных сокращений (ЧСС, тест Стюдента для зависимых выборок, $n=33$, $t=4.785$, $p<0.001$), что соответствует данным литературы о влиянии алкоголя на ЧСС (напр., Peterson et al., 1996; Conrod et al., 2001). Более того, обнаружена обратная корреляция между ЧСС и временем решения моральных дилемм под воздействием алкоголя (коэффициент корреляции Спирмена $r=-0.443$, $p<0.001$), но не в ситуации без алкоголя ($r=0.012$; $p=0.954$). Т.е., вероятно, что, когда алкоголь оказывал более выраженное воздействие на состояние человека, его видение ситуаций упрощалось в большей степени, и принятие решения происходило быстрее.

Показатели динамики сердечного ритма традиционно используются как физиологические корреляты эмоциональных и когнитивных процессов (Bradley, 2009). Например, показано, что при переживании интенсивных эмоций (Valenza et al., 2012) и в стрессе (Melillo et al., 2011; Бахчина, 2016) вариабельность сердечного ритма (BCP) падает. В целом высокая BCP связывается с наиболее эффективным и адаптивным поведением: например, люди с высокой BCP быстрее и точнее справляются с когнитивными задачами, и их эмоциональные ответы в большей степени соответствуют ситуации (Thayer, Lane 2000; Thayer et al., 2009; Park, Thayer, 2014). В данном исследовании под воздействием алкоголя наблюдалось достоверное уменьшение BCP (тест Стюдента для зависимых выборок, $n=33$, $t=3.622$, $p<0.002$) и снижение сложности сердечного ритма ($n=33$, $t=2.564$, $p<0.016$), измеренное по показателю аппроксимированной энтропии (ApEn, Pincus, 1991).

Таким образом, связанные с алкоголем (1) снижение индивидуальных различий в моральных оценках, (2) корреляция ЧСС со снижением времени решения моральных дилемм и (3) уменьшение вариабельности и сложности сердечного ритма могут быть отражением процессов «дедифференциации» поведения, упрощения соотношения индивида со средой и его системной организации (уменьшение вклада дифференцированных систем), что феноменологически может быть рассмотрено как проявление «алкогольной миопии».

** Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 14-06-00680а*

Балин В.Д., Абашева К.А., Прилипко М.А.

СТАБИЛИЗИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

Проблема сознания - важнейшая для психологии. В литературе, в основном, обсуждаются философские проблемы сознания в ущерб психологическим. При такой постановке вопроса на первый план выходят аспекты сознания, представляющие его как инструмент познания. Психологический же аспект проблемы подразумевает изучение механизмов формирования сознания, его эмпирических характеристик, функций, видов, форм, и т.п. Здесь можно говорить об общественном и индивидуальном сознании, имеющем, в свою очередь, разные формы. В индивидуальном выделяются предикторы сознания, бессознательное, подсознательное, самость, мирознание, самосознание, надсознание, сверхсознание. Формы общественного: коллективное бессознательное, моральное, экономическое, юридическое сознание. Предлагаемая постановка вопроса позволяет проводить экспериментальное изучение сознания, результаты которого могут быть проверены другими исследователями.

Предикторы сознания - психологические и психофизиологические явления, лежащие в основе индивидуального сознания. Это сенсорный и полисенсорный образ, поле зрения, психологическая установка, схема тела.

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Поле зрения - это «пространство, видимое глазом при фиксации в одной точке» (ПЗ). Его параметры определялись с помощью периметра О. Ферстера: измерялись границы поля для каждого глаза в горизонтальном (со стороны виска и носа) и вертикальном (сверху и снизу) направлениях.

Схема тела - система обобщенной чувствительности собственного тела в покое и движении, задающая индивидуальные пространственные координаты и способствующая формированию взаимоотношений человека со средой. В нашем исследовании индикаторами схемы тела являлись показатели кинестетических и тактильных представлений по шкалам методики Шиана; опорно-двигательные показатели методики «Состояние здоровья»; показатели методики самооценки «Опросник исследования образа тела» и параметр статокенизограммы - коэффицент Ромберга.

Обследованы 38 испытуемых в возрасте от 17 до 52 лет, 18 мужчин и 19 женщин.

Корреляционный анализ показал прямую связь полей зрения с критической частотой слияния мельканий (КЧМ). Так, суммарный шкальный показатель ширины поля зрения, рассчитанный как сумма стандартизованных шкальных оценок границ ПЗ, коррелирует с КЧМ на правом ($r=0,42$; $p \leq 0,05$) и левом ($r=0,39$; $p \leq 0,05$) глазу, и отрицательно - с дисперсией КЧМ левого глаза ($r=-0,44$; $p \leq 0,05$), что свидетельствует о стабилизирующей функции поля зрения. Дисперсия КЧМ говорит о неустойчивой работе зрительного анализатора, а высокая частота КЧМ - о высокой степени активации.

Отдельные показатели границ поля зрения связаны с длительностью решения задач на сложение фигур (правая назальная граница, $r=-0,36$; $p \leq 0,05$), что может свидетельствовать о связи между структурой ПЗ и пространственным интеллектом. Яркость образов представления зрительной модальности, выявленная с помощью методики Шиана, коррелирует с правой нижней ($r=0,4$; $p \leq 0,05$) и левой верхней ($r=0,4$; $p \leq 0,05$) границами поля зрения.

Характеристики схемы тела в основном положительно связаны между собой, а также с показателями здоровья.

Статистический анализ показал также, что предикторы не связаны между собой напрямую, они ортогональны. Чтобы говорить об их совместном влиянии на поведение, необходимо найти способ их суммации. Мы применили процедуру шкалирования, что позволяет сопоставлять несопоставимые показатели. Применение шкальных оценок позволило увеличить количество связей интегрального показателя схемы тела с характеристиками полей зрения.

Полученные данные позволяют предположить, что схема тела, как и поле зрения, являясь интегральными характеристиками психики, выполняют стабилизирующую функцию, делая организм тем самым более устойчивым к внешнему и внутреннему воздействию. Индивидуальное сознание, являясь интегральным свойством психики, стабилизирует себя, окружающую среду и место субъекта в этой среде.

Басюл И.А.

ИНТЕРФЕЙС МОЗГ-КОМПЬЮТЕР НА ВОЛНЕ P300: ДИНАМИКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОКУЛОМОТОРНОЙ АКТИВНОСТИ И КОМПОНЕНТ N200 И P300 ВЫЗВАННОГО ПОТЕНЦИАЛА

Интерфейс мозг-компьютер (ИМК) — это технология, в которой определенные показатели ЭЭГ преобразуются в команды управления для внешних устройств. Одной из перспективных модификаций является ИМК на волне P300. Однако, данная модификация существен-

но зависит от окуломоторной активности оператора. Изучению особенностей окуломоторной активности оператора в ИМК-P300 посвящено настоящее исследование.

ИМК на волне P300 был реализован на базе 8-канального электроэнцефалографа, частота оцифровки сигнала – 500 Гц, использовались отведения Cz, Pz, O1, O2, PO3, PO4, PO7, PO8. Регистрация направленности зпора осуществлялась при помощи установки SMI HiSpeed, скорость видеорегистрации - 500 к/с.

Тест-объектом служила матрица символов: 33 буквы русского алфавита и 3 служебных символа были представлены в виде таблицы 6 x 6. Строки и столбцы матрицы ритмично выделялись подсветками, длительность подсветок составляла 180 мс, интервал между окончанием одной подсветки и началом следующей – 100 мс. Подсветки объединялись в циклы, в каждом цикле каждый столбец и строка подсвечивались по 5 раз в случайной последовательности.

В ходе эксперимента задание для испытуемых формулировалось в виде трех различных инструкций: (1) «Смотреть на целевой символ и стараться не смотреть на остальные», далее – «Наблюдение», (2) «Подсчитать количество подсветок, попавших на целевой символ», далее – «Счет», (3) «Напечатать, работая в системе ИМК, целевое слово», далее – «Печать». Блок с инструкцией «Наблюдение» всегда шел первым, в начале эксперимента. Блоки «Счет» и «Печать» менялись местами: у 8 испытуемых первым шел блок «Счет», у 6 испытуемых блок «Печать» шел перед блоком «Счет».

В исследовании приняли участие 14 испытуемых от 18 до 25 лет с нормальным или скорректированным до нормального зрением.

Обработка данных производилась в программной среде Python 2.7.3, а также в среде статистической обработки R. Детекция фиксаций проводилась с использованием алгоритма I-DT (dispersionthresholdidentification), минимальная продолжительность фиксации – 50 мс, максимальная дисперсия – 40 точек (1° при расстоянии до экрана 60 см). Анализировалось общее количество фиксаций за время работы с целевыми символами, а также продолжительность и дисперсия фиксаций. Проводилось сопоставление данных характеристик для трех режимов работы испытуемых: «Наблюдение», «Счет» и «Печать».

При обработке ЭЭГ-данных осуществлялась фильтрация в диапазоне 1-13 Гц. Теменно-затылочные отведения из-за большого сходства сигнала были усреднены в две затылочные группы: отведения O1, PO3, PO7 – в группу GO1, отведения O2, PO4, PO8 – в группу GO2. Анализировали амплитуды потенциалов P300 в отведении Pz и N200 в усредненной группе GO1 в различных режимах.

Достоверность различий оценивалась при помощи Т-критерия Вилкоксона.

Обработка результатов выявила однонаправленную динамику амплитуд потенциалов P300 и N200 и ряда показателей окуломоторной активности. Так, наибольшая амплитуда P300 и N200 наблюдается в режиме «Счет», наименьшая – в режиме «Наблюдение». Отличия между режимами «Счет» и «Печать» по этому показателю оказались статистически недостоверны. Аналогичная динамика прослеживается для дисперсии фиксаций и их продолжительности при сопоставлении режимов работы между собой: минимальная дисперсия, т.е. наибольшая плотность фиксационного «пятна», наблюдается в режиме «Счет», наибольшая – в режиме «Наблюдение». Наибольшая продолжительность фиксаций выявлена для режима «Счет», наименьшая – для режима «Наблюдение». Как и в случае с ЭЭГ-данными, различия между режимами «Счет» и «Печать» невелики и статистически недостоверны. Таким образом, впервые были выявлены условия работы оператора, влияющие на количественные характеристики не только потенциала P300, но и N200. Для более глубокой оценки этих факторов будут проведены дополнительные исследования.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 15-36-01386*

Баулина М.Е.

ОСОБЕННОСТИ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ГИПЕРКИНЕТИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ

В последнее время специалисты уделяют внимание поиску мозговых коррелятов нарушений психических функций, сопровождающих гиперкинетические расстройства. По некоторым данным нейроанатомические изменения, прежде всего, затрагивают связи между фронтальной корой и базальными ганглиями с преимущественной локализацией в правом полушарии [1, 2]. Другие исследования, базирующиеся на данных электроэнцефалографии, выявляют изменения биоэлектрической активности головного мозга, нарушения структурно-функциональной организации левого полушария, незрелость системы регуляции внимания, незрелость системы коркового торможения [3, 4].

Данная работа посвящена изучению зрительного восприятия у младших школьников с гиперкинетическими нарушениями. Исследование проводилось в период с октября 2014 по апрель 2015 года на базе школ Северного округа г. Москвы. В экспериментальную группу вошли 15 учащихся вторых и третьих классов, укомплектованных из воспитанников компенсирующего детского сада по решению психолого-медико-педагогической комиссии и обучающихся по программе массовой школы. Средний возраст обследуемых – 8 лет 9 месяцев. Контрольную группу составили 15 учащихся вторых и третьих классов с нормотипическим развитием. Средний возраст детей из контрольной группы составил 8 лет 8 месяцев.

Для диагностики особенностей зрительного восприятия младших школьников с гиперкинетическими нарушениями нами были использованы нейропсихологические пробы: узнавание зачёркнутых, наложенных и недорисованных изображений; пробы на зрительно-пространственный гнозис (копирование изображений с поворотом на 180° и проба «Наклон воды» (Ж. Пиаже); копирование фигуры Рея-Тейлор. Результаты выполнения проб оценивались по балльной шкале, где 0 баллов соответствовали отсутствию ошибок, а 3 балла – ошибкам в более чем половине предъявленных изображений, а также выраженным искажениям или «потере» нескольких элементов при копировании фигуры Рея-Тейлор.

В качестве статистического метода для оценки значимости различий результатов двух групп был использован U-критерий Манна-Уитни.

По результатам исследования, у детей 8-9 лет с гиперкинетическими расстройствами значимо чаще, по сравнению с детьми контрольной группы, выявляется дефицит развития компонентов зрительного восприятия, проявляющийся следующими особенностями:

1. Недостаточность координатных представлений и метрических синтезов.
2. Нарастание фрагментарности восприятия предметных изображений при усложнении условий восприятия.
3. Использование хаотической стратегии восприятия и копирования, проявляющейся в непоследовательном переходе от одного воспринимаемого объекта к другому в рамках одного перцептивного поля.
4. Недостаточное развитие связи «зрительный образ – слово», проявляющееся наличием большого количества перцептивно-вербальных ошибок при узнавании изображений.

Полученные результаты могут указывать на комплексные и многокомпонентные нарушения структуры процесса зрительного восприятия, связанные как с несформированностью функций задних отделов правого полушария, так и с заинтересованностью передних отделов левого полушария головного мозга.

Литература:

1. Баулина М.Е. Системный подход к анализу нарушений письменной речи в детском возрасте // Системная психология и социология. 2014. № 1 (9). С. 73-78.
2. Баулина М.Е. Актуальные проблемы диагностики синдрома дефицита внимания с гиперактивностью у детей // Практическая медицина. 2013. №1 (66). С. 150-152.
3. Грибанов А.В., Депутат И.С., Нехорошкова А.Н., Панков М.Н., Старцева Л.Ф. Клинико-физиологические проявления синдрома дефицита внимания гиперактивностью у детей // ВНМТ. 2013. №3. С. 91-97.
4. Моница Г.Б., Лютова-Робертс Е.К., Чутко Л.С. Гиперактивные дети: психолого-педагогическая помощь. Монография. — СПб.: Речь, 2007.

Башмакова Я. П., Аванесян М. О.

СТРАТЕГИИ ПОСТРОЕНИЯ СЕРИИ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ

Метафора – это когнитивный инструмент, который помогает нам доносить информацию о каком-либо объекте, явлении так, что собеседник не просто понимает, о чём речь, но и смотрит на этот объект с другой, новой для него, стороны. Несмотря на большой исследовательский потенциал, тема метафоры, а особенно создания метафоры, остаётся практически не изученной. Только в последние годы иностранные исследователи начали более активно задаваться вопросами о том, как происходит процесс создания метафоры: какие когнитивные процессы задействованы в нём (Beatty, Silvia, 2013; Chiappe, Chiappe, 2007), какие регионы мозга отвечают за создание метафор (Benedek et al., 2014), как особенности личности человека влияют на качество продуцируемых метафор (Beatty, Silvia, 2012). Ключевым вопросом теории по-прежнему является то, каким образом происходит поиск образа для создания метафоры.

Целью нашего исследования стало изучение роли интеллектуальной задачи (ИЗ) в процессе поиска и отбора образов при создании метафоры. ИЗ понимается нами как побуждение к созданию метафоры, смысловое содержание которого сформулировано самим человеком или кем-либо другим. Выполнение ИЗ включает ряд требований: выделение объекта и его основных свойств, контекста его рассмотрения, того, как относится к нему создающий метафору и воспринимающий её. Гипотеза исследования состояла в том, что при уточнении исходной ИЗ в процессе создания серии метафор, предыдущие семантические области поиска образа остаются активированными и продолжают влиять на создание следующих метафор.

Общая выборка составила 43 человека, из них 37 девушек, 4 юноши, 2 не указали пол. Возраст испытуемых – 16-21 год. В выборку вошли студенты высших и средних специальных учебных заведений.

Для проверки гипотезы была создана анкета с заданиями, которую испытуемые выполняли самостоятельно. В первом задании предлагалось создать метафору, описывающую чувство скуки, а в следующих трех заданиях – развить тему скуки, добавляя визуальное и звуковое представление этого чувства. Задания уточняли исходную ИЗ и, как следствие, давали нам необходимый материал для проверки гипотезы. В заданиях 5-8 предлагалось представить скуку как животное, место, время суток, природное явление и ответить на дополнительные вопросы. В 9 задании мы просили описать случай из жизни, когда человек испытывал скуку, и указать другие эмоции, которые он тогда ощущал. Ответы помогли нам более точно выделить смысловые признаки концепта «скука», с помощью которых потом проводился анализ метафор из первых заданий.

При обработке ответов к заданиям 1-4 было выделено 3 стратегии построения серии образов (СП): дополнение (исполнение всех заданий посвящено дополнению самого первого

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

образа, его детализации), трансформация (характеристики первого образа берутся за основу при выполнении последующих заданий), смена (разные образы от задания к заданию).

Применив критерий корреляции Спирмена, мы обнаружили умеренные положительные связи на значимом уровне ($p < 0,05$) между всеми этими переменными: СП, преемственностью (повторным использованием) смысловых признаков понятия «скука», количеством использованных признаков, качеством метафоры (оцененным экспертами) и её параметрами – образностью, понятностью, точностью. Было выявлено, что при стратегии смены чаще всего используется 2-3 признака, а при двух других – 4-5.

Исходя из полученных результатов, можно сделать несколько выводов:

1. Гипотеза частично подтвердилась: преемственность признаков имела место при стратегиях дополнения и трансформации.
2. Наиболее эффективной СП, скорее всего, является дополнение или трансформация: связь преемственности использованных признаков с качеством метафор говорит в пользу этого.
3. Смысловая наполненность зачастую выше при использовании стратегий дополнения и трансформации, что также свидетельствует об их эффективности.

Беловол Е.В.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К КОГНИТИВНЫМ СТИЛЯМ: ЭМПИРИЧЕСКОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ МОДЕЛИ

Введение. В настоящее время в психологии когнитивных стилей описано множество когнитивных стилей, и предложен ряд подходов к их пониманию. Один из них – аналитический, представители которого описывают и изучают отдельные когнитивные стили. Наряду с аналитическим подходом существует структурный подход, в рамках которого когнитивные стили рассматриваются как единая структура. Третий подход – интегративный. Сторонники этого подхода рассматривают когнитивные стили в качестве составляющей более сложной структуры, как, например, в модели «луковицы» стилей учения Карри или часть модели интеллекта Холодной. Такое разнообразие подходов делает результаты в этой области неоднозначными и противоречивыми (Холодная, 2004, Беловол, 2011).

Работа посвящена эмпирическому построению функциональной модели когнитивных стилей, основанной на подходе когнитивной психологии к последовательности и этапам переработки информации и на взглядах отечественных психологов на основную функцию психики как отражательную. В рамках модели предполагается, что индивидуальные особенности формирования образа-отражения определяются уникальными сочетаниями когнитивных стилей на каждом из последовательных этапов переработки информации.

В исследовании проверялась гипотеза, что в зависимости от индивидуального сочетания когнитивных стилей эффективность перестройки при распознавании знакомых семантических множеств на незнакомые несемантические будет разной.

Метод. Для доказательства выдвинутой гипотезы спланирован и проведен специальный эксперимент, и создана ситуация, в которой испытуемому необходимо было оперировать знакомыми множествами (буквы, цифры) и множествами, прототипов которых нет его в памяти.

В исследовании определялись когнитивные стили, которые в соответствии с гипотезой исследования должны обеспечивать эффективность выполнения предложенного задания: выделение фигуры из фона, категоризация, ригидность-гибкость познавательного контроля.

Результаты. Дисперсионный анализ подтвердил правоту предположения. Для переменных диапазон категоризации и зависимость от поля был выявлен значимый основной эффект ($F=5,92$ и $5,54$ соответственно, $p \leq 0,05$). Значимое взаимодействие второго порядка было выявлено между переменными зависимость от поля и диапазоном категоризации. Однако основным результатом, подтверждающим правомерность выделения групп в соответствии с последовательными этапами переработки информации, является наличие значимого взаимодействия третьего порядка между такими когнитивными стилями как зависимость от поля, ширина диапазона эквивалентности и гибкость-ригидность познавательного контроля ($F=4,03$, $p \leq 0,05$).

Результаты сравнительного анализа групп, объединенных единством последовательности когнитивных стилей, показали, что быстрее всего перестраиваются на выполнение необычного задания, лица полезависимые, с широким диапазоном эквивалентности и гибкие, при этом лица полнезависимые с узким диапазоном эквивалентности и ригидные выполняют задание хуже всего (значение критерия Краскелла – Уоллиса $T = 73,5743$, $p \leq 0,01$).

Обсуждение. Таким образом, полученные результаты подтвердили правомерность предложенной модели. В соответствии с предлагаемым подходом, рассматриваемым в рамках когнитивной психологии, когнитивные стили выполняют функцию «инструментов» формирования образа отражения, причем каждый из когнитивных стилей связан с определенным этапом формирования этого образа (этапом переработки информации в определении когнитивной психологии) и определяет индивидуальную специфику соответствующего этапа. При этом функционирование когнитивных стилей не зависит от предмета отражения и их общие закономерности проявляются на всех уровнях взаимодействия субъекта с окружающим его миром, а именно на уровнях субъект – объектного, субъект – субъектного взаимодействия, а также при взаимодействии субъекта с окружающим его миром.

Литература:

1. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. – СПб.: Питер, 2004. – 384 с.
2. Беловол Е.В. Пол и когнитивный стиль: артефакт исследования или закономерность? // Вестник РУДН. Серия психология и педагогика. М.: РУДН, 2011, №5.

Берлов Д.Н.

ПРОЯВЛЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ПРОТЕКАНИИ БИНОКУЛЯРНОЙ КОНКУРЕНЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СТРУКТУРЕ ЭНЦЕФАЛОГРАММЫ

Явление бинокулярной конкуренции заключается в субъективном чередовании некомбинирующихся между собой изображений, предъявляемых раздельно левому и правому глазу. Имеющиеся данные [1] свидетельствуют о существенных индивидуальных различиях в протекании бинокулярной конкуренции, однако их характер отличается для разных параметров. Если скорость бинокулярной конкуренции является устойчивой типологической характеристикой, то асимметрия бинокулярной конкуренции (являясь отражением глазодоминирования), вероятно, в большей степени определяется процессами индивидуальной адаптации и текущей задачей. Мы предположили, что обнаруженные различия могут проявляться и в специфике формирования кортикальных пространственных структур ЭЭГ при выполнении других задач.

В ЭЭГ исследованиях приняло участие 32 человека в возрасте от 18 до 27 лет. Для инициирования бинокулярной конкуренции применялись ортогональные решетки, предъяв-

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ляемые с помощью стандартного линзового стереоскопа. Длительность наблюдения составила 2 минуты, смену фаз регистрировали по моторной реакции испытуемых в режиме двухальтернативного вынужденного выбора, которая обрабатывалась с помощью специального программного обеспечения. По результатам анализа были выделены группы испытуемых с преобладанием правого или левого глаза и с высокой или низкой скоростью бинокулярной конкуренции. ЭЭГ регистрировалась в 16 зонах коры мозга по системе отведений 10-20 в различных состояниях: в фоне при открытых и закрытых глазах, выполнении корректурной пробы и решении арифметических задач. Показатель пространственной синхронизации ЭЭГ вычислялся с помощью коэффициента линейной корреляции, как для различных пар отведений, так и усредненный по зонам.

Результаты показали, что испытуемые с высокой скоростью бинокулярной конкуренции характеризовались более низким уровнем пространственной синхронизации по сравнению с испытуемыми с низкой скоростью (средние значения 0,476 и 0,540 соответственно, $P < 0.05$). Наибольшие различия между группами наблюдались для отведений F8, T3 и T4. В целом испытуемые с высокой скоростью бинокулярной конкуренции продемонстрировали менее высокий уровень корреляций между лобными зонами и теменными, височными и затылочными зонами при открытых глазах в фоне. Возможно, более высокий уровень передне-задних связей может стабилизировать текущую перцептивную гипотезу, уменьшая частоту переключений.

Испытуемые с преобладанием левого глаза при бинокулярной конкуренции характеризовались более низким уровнем пространственной синхронизации по сравнению с испытуемыми с преобладанием правого глаза (средние значения 0,449 и 0,561 соответственно, $P < 0.01$). Наибольшие различия между группами наблюдались для отведений F3, F8, P3 и P4. В целом, испытуемые с преобладанием правого глаза показали более высокие корреляции между симметричными зонами. Возможно, что правое полушарие, преобладающее у человека при выполнении пространственных задач, способно обеспечить доминирование левого глаза самостоятельно. Левое же полушарие, больше специализирующееся на вербальных стратегиях, вынуждено обращаться к правому полушарию.

Обнаруженные закономерности были характерны для всех экспериментальных условий, за исключением ситуации решения арифметических задач у лиц с разной скоростью бинокулярной конкуренции. Паттерн корреляционных связей непосредственно при наблюдении бинокулярной конкуренции схож с аналогичными паттернами при открытых глазах, однако характеризуется более высокими значениями для зон F7 и F8. Таким образом, индивидуальные особенности протекания бинокулярной конкуренции могут быть связаны со спецификой межзонального коркового взаимодействия, которое отражается в корреляционных структурах ЭЭГ.

Литература:

1. Берлов Д.Н., Кануников И.Е., Павлова Л.П. Бинокулярная конкуренция и функциональная межполушарная асимметрия: от асимметрии к взаимодействию полушарий // Функциональная межполушарная асимметрия: хрестоматия. - М.: Научный мир. – 2004. – С. 258-286.

Болотова А.К., Чеврениди А.А.

ВРЕМЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ И ЛИЧНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ПРЕДИКТОРЫ КАРЬЕРНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ

Исследование потенциальных возможностей человека создает перспективу отбора и подготовки специалистов высокого уровня, способных к карьерным достижениям в динамич-

но изменяющемся обществе. При этом особое внимание в нашем проекте уделяется выявлению совокупности индивидуально - личностных качеств и временной перспективы личности как индикатора карьерных достижений.

Субъективная ценность времени как личностного ресурса, протяженность временной перспективы и ее событийная насыщенность могут выступать регуляторами организации деятельности и построения карьеры (К.А. Абульханова, Т.Ю. Базаров, А.К. Болотова, Ф. Зимбардо, Б.В. Зейгарник).

В соответствии с концепцией личностного потенциала Д.А. Леонтьева, личностный потенциал может обуславливать самореализацию личности и ее успешную адаптацию в профессии и карьере. Личностный потенциал представляет собой интегральную характеристику индивидуально-психологических особенностей личности, позволяющих сохранять стабильность деятельности и смысловых ориентаций на фоне давлений и изменяющихся внешних условий. В нашем исследовании к структуре личностного потенциала относятся такие характеристики, как жизнестойкость, смысложизненные ориентации, мотивация на успех, готовность к рискам и временная перспектива. Поскольку психическое развитие и самореализация связаны с успешностью деятельности, мы предполагаем возможным рассматривать реализацию личностного потенциала в единстве его временных отношений, таких как наличие временной перспективы и особенности временной организации деятельности.

Одним из немаловажных факторов, способствующих самореализации человека, является его достижения в карьере. Понятие самореализации и личностных достижений разрабатывается во многих науках, но в психологических исследованиях эта проблема получила наибольшее представительство по количеству разрабатываемых тем и проблем (Б.Г. Ананьев, Т.Ю. Базаров, Б.Л. Еремин). Однако мы не нашли исследований, где наряду с личностными свойствами рассматривалась бы роль времени, временных перспектив в развитии карьеры, что придает нашему исследованию определенную актуальность и новизну подхода к выявлению предикторов выстраивания карьеры.

Наш пилотный проект (60 респондентов) показал, что руководители с высокой ориентацией на будущее способны рационально распоряжаться своими ресурсами, как внутренними (способности, направленность, мотивы), так и внешними (материальные, природные, временные), что является немаловажным основанием для реализации успешной профессиональной карьеры. Наши результаты показали, что значимые личностные показатели, по параметру жизнестойкость-вовлеченность свидетельствуют о том, что в напряженных ситуациях личность способна сохранять внутреннюю сбалансированность, не снижая успешности в деятельности, и готова действовать вопреки неблагоприятным обстоятельствам. Выявленная в нашем исследовании связь мотивации на успех и ориентации на будущее в группе менеджеров, может объясняться способностью к целеполаганию, разведению значимых жизненных целей во времени и готовностью к прогнозированию. Эти тактики выступают необходимым инструментом планирования карьеры. Проанализировав связь личностных свойств и временных представлений в группе топ-менеджеров, мы обнаружили некоторые их личностные особенности, способствующие успешной карьере. Это способность человека к высокой осмысленности своей жизни, жизнестойкости, готовность к рискам, построению целей с ориентацией на временную перспективу будущего.

Полученные в плотном исследовании данные показывают, что высокие показатели ориентации на временную перспективу будущего, временная компетентность и целеполагание в совокупности с личностными свойствами можно рассматривать в качестве предикторов карьерных достижений. Однако каков характер связи личностных свойств и особенностей построения временных перспектив в разных группах респондентов в зависимости от статуса, возраста, гендерных особенностей, нам предстоит выявить в будущих исследованиях на большой выборке испытуемых.

Бунькова Л.Г., Созинов А.А.

НЕОДНОРОДНОСТЬ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НЕРВНЫХ КЛЕТОК, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ВЫПОЛНЕНИЕ ПОВЕДЕНЧЕСКОГО АКТА

В рамках психологической проблемы научения разрабатываются представления о формировании и модификации «когнитивных» структур, обеспечивающих решение новых поведенческих задач. В основе этих процессов лежат изменения активности групп нервных клеток (нейронов). С системно-эволюционной точки зрения, в процессе научения происходит специализация нейронов относительно новой системы поведенческого акта (Швырков, 1993) и модификация нейронов, принадлежащих ранее сформированным системам (Александров, 2005). Соответственно, при регистрации активности нейронов в ходе выполнения животными новых форм поведения каждый нейрон классифицируется в соответствии с его специализацией относительно актов этого поведения. В то же время эксперименты с регистрацией нейронной активности при введении животным алкоголя показали, что группа нейронов одной специализации может быть неоднородна, так как только часть нейронов изменяют активность в ходе выполнения поведения под действием алкоголя (Alexandrovetal., 1993).

В литературе имеются данные о соответствии между морфологическим типом нейрона и его вовлечением в обеспечение поведения (Зайцев, 2014; Wilsonetal., 1994). При этом классификация нейронов по морфологическим типам производится на основе электрофизиологических характеристик их активности. Описание связи характеристик вовлечения нейрона в обеспечение поведения с его морфологическими особенностями может, с одной стороны, позволить сформировать представление о морфологическом разнообразии нейронов одной специализации. С другой стороны, нейроны, различающиеся по морфологическому типу, могут быть по-разному вовлечены в обеспечение поведения.

Цель работы — изучение системной организации поведения посредством оценки соответствия между особенностями вовлечения нейронов в обеспечение поведения и их морфологическими характеристиками.

В качестве экспериментальной модели для исследования динамики мозгового обеспечения формирующегося поведения использовано циклическое инструментальное пищедобывательное поведение, реализуемое кроликами в экспериментальной камере. Нажатие педали на левой или правой стороне камеры приводит к автоматической подаче соответственно левой или правой кормушки с порцией пищи. Регистрация активности нейронов проводилась в двух областях лимбической коры мозга обученных кроликов в ходе выполнения этого поведения.

Для всех нейронов оценивали вероятность активации в каждом из актов. Специализированным относительно системы определенного поведенческого акта считали нейрон, вероятность активации которого в этом акте равна единице (всегда активируется при выполнении данного акта) (см. методику подробнее в Казымаев и др., 2012). Для разделения нейронов на группы с разной предполагаемой морфологической принадлежностью проведен кластерный анализ с использованием трех показателей ширины спайков нейронов.

В анализ было включено 117 нейронов. Сравнение долей нейронов различного типа специализации не выявило значимых различий между кластерами. Таким образом, на данном этапе исследования и выборке нейронов связи между особенностями вовлечения нейронов в обеспечение поведения и их морфологическими характеристиками не выявлено. Полученные результаты соответствуют предположению о неоднородности группы нейронов, специализированных относительно одних и тех же актов поведения.

Литература:

1. Александров Ю.И. // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2005. Т.55. №6. С. 842-860.
2. Зайцев А.В. Автореф. дисс. на соискание уч. степ.докт. биол. наук. – СПб, 2014.
3. Казымаев С.А. и др. // Экспериментальный метод в структуре психологического знания / Отв. ред. В.А. Барабанщиков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – С. 777-781.
4. Швырков В.Б. // Психологический журнал. 1993. Т.14. №3. С. 15-27.
5. Alexandrov Yu.I. et al. // Acta Physiologica Scandinavica. 1993. V.149. P. 105-115.
6. Wilson F.A. et al. // Proceedings of the National Academy of Sciences. 1994. V.91. No.9. P. 4009-4013.»

** Исследование выполнено в рамках государственного задания ФАНО РФ номер 0159-2016-0012.*

Бурмистров С.Н.

РОЛЬ ЭКСПЛИЦИТНОГО ЗНАНИЯ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ИМПЛИЦИТНОГО ВЫБОРА

За несколько последних десятилетий накоплено множество данных, свидетельствующих о существовании процессов неосознаваемой обработки информации. Слепозрение при кортикальной слепоте, неосознаваемая обработка речи у больных афазией, прайминг-эффекты при амнезии и нормальной памяти, имплицитное заучивание сложных грамматических правил и другие феномены дают основания утверждать, что приобретение знания не ограничивается областью сознания. Многие современные теории объясняют эти явления тем, что обучение происходит в двух функционально независимых системах (см., например, Hayes, Broadbent, 1988; Reber, 1993). В то же время ряд исследователей утверждает, что по-прежнему не обнаружено ни одного убедительного доказательства этого положения (см., например, Green, Shanks, 1993; Shanks, St.John, 1994).

Представленное далее исследование направлено на обнаружение эффектов взаимодействия осознаваемых и неосознаваемых процессов.

Метод. В эксперименте приняли участие 45 человек. Испытуемых случайным образом распределили на три равные группы: две экспериментальные (ЭГ1 и ЭГ2) и одну контрольную (КГ).

Использованный метод основан на экспериментальной парадигме заучивания искусственных грамматик. Для проведения процедуры были разработаны две грамматики (ГА и ГБ). В обучающей части процедуры, в течение 4-х минут испытуемые изучали ГА. Затем предъявлялась инструкция, в которой сообщалось, что в тестовом задании требуется классифицировать (определить соответствие грамматике) серию строк. Кроме того, испытуемым ЭГ1 сообщалось, что при составлении строк тестовой серии применялось выученное ранее правило (ГА), но с новым набором букв. В ЭГ2, напротив, указывалось, что при составлении строк использовался тот же набор букв, но изменилась структура правила.

В тестовом задании испытуемым всех групп поочередно предъявлялись 32 строки. В ЭГ1 и КГ половина (16) строк отвечали ГА (релевантная условию задания), другая половина строк включала 8 строк, составленных в соответствии с ГБ (иррелевантная условию задания), и 8 аграмматических строк. В ЭГ2 половина (16) строк отвечали ГБ (релевантная условию

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

задания), другая половина строк включала 8 строк, составленных согласно ГА (иррелевантная условно задания), и 8 аграмматических строк. Последовательность предъявления строк определялась в случайном порядке. Время демонстрации каждой строки составляло 2 сек. После каждого ответа требовалось оценить степень уверенности, используя 4-х бальную шкалу. Оценка уверенности проводилась в соответствии с субъективным критерием разграничения имплицитного и эксплицитного знания Д.Берри и З.Динеса (Berry, Dienes 1993), согласно которому применение имплицитного знания соответствует значениям шкалы 1 и 2, а эксплицитного 3 и 4.

Результаты. Анализ полученных данных показал, что количество правильных ответов при имплицитном применении знания в ЭГ1 (56,5%) и КГ (65%) значимо превышало уровень случайного угадывания (для ЭГ1 $p < 0,05$, для КГ $p < 0,001$), а в ЭГ2 (49%) не отличалось от соответствующего уровня ($p = 0,759$). При этом в группе ЭГ2 испытуемые чаще случайного совершали ошибку, считая правильными строки, составленные в соответствии с ранее заученной грамматикой (ГА), хотя в инструкции явно указывалось, что новые строки будут составлены с использованием другой грамматики (ГБ) ($p = 0,041$). Обнаруженный эффект объясняется неумышленным (имплицитным) переносом заученного ранее эксплицитного знания на новые условия решения задачи.

Закключение. Обнаруженные результаты позволяют сделать следующие выводы: (1) Знание, приобретенное сознательно и целенаправленно, может проявляться имплицитно, не обнаруживая своего присутствия в сознании. (2) Эффекты проявления этого знания могут носить как позитивный характер (способствовать правильному решению задачи), так и негативный (вносить ошибки). (3) Полученные результаты свидетельствуют о существовании системных связей между эксплицитными и имплицитными когнитивными процессами.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 16-16-63002*

Бызова В.М., Перикова Е.И.

РОЛЬ ПОЛЕЗАВИСИМОСТИ-ПОЛЕНЕЗАВИСИМОСТИ В ВОСПРИЯТИИ НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ ВИЗУАЛЬНЫХ СТИМУЛОВ

Зрительная система человека зачастую имеет дело с неполной и зашумленной информацией, однако субъекту с высокой степенью точности удается быстро принимать правильные решения (Корнилова, Тихомиров, 1990; Никифоров, 1996; Гусев, 2004). Ошибки восприятия становятся явными, когда человек сталкивается с условиями, которые искажают восприятие пространства – слабоструктурированные, фрагментарные или иллюзорные изображения. Изучение восприятия в подобных условиях направлено на понимание базовых процессов работы познавательной системы.

Цель исследования состоит в выявлении роли полезависимости - полenezависимости в восприятии неопределенных визуальных стимулов на примере слабоструктурированных изображений.

В исследовании приняли участие 379 респондентов в возрасте от 18 до 42 лет. Выборку составили 240 представителей русского этноса и 34 - коми этноса.

В качестве стимульного материала были использованы пятна (карты) Роршаха (Роршах, 2003), а для оценки уровня выраженности полезависимости-полenezависимости - тест «Включенные фигуры» Готтшальдта (Холодная, 2004). Исследование проводилось в групповой форме. В ходе предъявления карт респондентам предлагалось записывать ответы в пря-

мом, обратном и двух боковых положениях карт. По окончании предъявления карт предлагалось дать письменный комментарий об особенностях восприятия пятен.

В качестве параметров теста Роршаха использовались следующие: целостность, крупные и мелкие детали, кинестезия, цвет, оригинальность и продуктивность. Полученные данные подлежали качественной и количественной обработке (SPSS Statistics 19.0).

Корреляционный анализ показал, что полнезависимые респонденты в процессе восприятия карт Роршаха чаще давали целостные ($r=-0,239$; $p<0,01$), кинестетические ($r=0,677$; $p<0,01$) и оригинальные ($r=0,556$; $p<0,01$) ответы. Полезависимые респонденты предпочитали выделять цветовые характеристики ($r=-0,207$; $p<0,01$) изображений.

Возрастная специфика восприятия неопределенных визуальных стимулов проявилась в том, что 18-19-летние респонденты оказались более продуктивными ($F=7,93$; $p=0,000$), склонными обращать внимание на мелкие детали ($F=6,444$; $p=0,004$), по сравнению с более старшей выборкой. Респондент более старшей возрастной группы чаще обращался к цветовым характеристикам ($F=3,90$; $p=0,010$) и крупным деталям ($F=2,66$; $p=0,082$).

В выборках представителей русского и коми этносов обнаружено как сходство, так и различие в восприятии неопределенных визуальных стимулов. Сходство в том, что полнезависимые субъекты в обеих этнических группах были более продуктивными в процессе восприятия слабоструктурированных изображений (коми – $r=0,391$, $p<0,05$; русские – $r=0,552$, $p<0,05$). Специфика полнезависимых респондентов коми этноса состояла в преобладании кинестетических характеристик ($r=0,645$, $p<0,01$) воспринятых изображений. Полнезависимые представители русского этноса, помимо кинестетических характеристик ($r=0,668$, $p<0,05$), отличались целостными ($r=0,458$, $p<0,05$) и оригинальными ответами ($r=0,552$, $p<0,05$).

На основании качественного анализа комментариев респондентов о процессе восприятия неопределенных визуальных стимулов были выделены эмоциональный и когнитивный компоненты. Эмоциональный компонент отношения проявлялся в однозначно позитивных или негативных, а также в «амбивалентных» оценках, что соотносилось с изменением психического состояния респондентов в процессе восприятия. Среди факторов изменения выделены следующие: структура пятна и цвет, утомление и выраженная включенность респондентов в процесс восприятия пятен. Когнитивный компонент восприятия отражал активизацию мышления, памяти, внимания, воображения, а также стратегии анализа визуальных стимулов.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о специфике восприятия и преодоления визуальной неопределенности при разной выраженности полезависимости-полнезависимости.

Быкова Е.Е., Ушакова О.В.

КОГНИТИВНЫЕ НАРУШЕНИЯ У ПАЦИЕНТОВ С РАССЕЯННЫМ СКЛЕРОЗОМ

Введение. Рассеянный склероз (РС) – одна из наиболее тяжелых форм органической патологии центральной нервной системы и наиболее частая (после травмы) причина стойкой нетрудоспособности у молодых людей, что говорит о социальной значимости проблемы. На трудоспособность и качество жизни пациентов с РС существенно влияет изменение высших психических функций.

Когнитивные нарушения при РС отмечены многими исследователями, но сведения об их частоте, степени выраженности в клинической картине заболевания противоречивы. Наруч-

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

шение когнитивной деятельности может оказывать значительное влияние на качество жизни и состояние пациентов даже при отсутствии выраженных очаговых расстройств.

В нашей стране когнитивные нарушения у пациентов с рассеянным склерозом недостаточно изучены. В частности, не изучены нарушения памяти, внимания, мышления с точки зрения нейропсихологии.

Цель исследования: Выявить когнитивные нарушения у пациентов с РС.

Задачи исследования: Изучить логическую память, механическую память, опосредованную память и оценить степень нарушения данных видов памяти у пациентов с РС.

Изучить объем произвольного внимания и скорость переработки информации.

Изучить устойчивость к интерференции, регуляции и контролю психической деятельности у пациентов с РС.

Изучить возможность удержания двигательной программы у пациентов с рассеянным склерозом.

Изучить уровень тревоги и уровень настроения у пациентов.

Для выполнения поставленных задач стало возможным использование следующих методов:

«Пиктограмма» А.Р. Лурия; PASAT; «Изучение логической и механической памяти»; Методика словесно-цветовой интерференции (Тест Струпа); Трехэтапная проба «Кулак-ребро-ладонь» А.Р. Лурия; «Шкала депрессии» А.Т. Бека; Оценка тревожности Ч.Д. Спилберга и Ю.Л. Ханина; «Запоминание 10 слов» А.Р. Лурия.

Объектом исследования послужили пациенты с РС. Исследование проводилось на базе гор. больницы № 31, в ГЦРС СПб.

Общее число пациентов, принявших участие в исследовании, – 31 человек (16 мужчин и 15 женщин, средний возраст женщин – 40, мужчин – 36 лет).

Результаты. Мы выявили, что у пациентов с РС наблюдается различная степень нарушений различных видов памяти; а также ригидный контроль и слабая автоматизация познавательных функций, скорость переключения внимания также низкая.

Выводы.

1. При оценке степени нарушения различных видов памяти у пациентов с РС было выявлено следующее: у большинства пациентов уровень долговременной памяти низкий; у половины пациентов низкий уровень долговременной ассоциативной памяти; у незначительного количества пациентов может наблюдаться низкий уровень словесно-логической памяти; уровень смысловой памяти у большинства пациентов в норме; уровень механической памяти у большинства пациентов низкий. 2. У женщин достоверно сохраннее следующие виды памяти: долговременная, смысловая, механическая, логическая, опосредованное запоминание и объем памяти. 3. Несмотря на то, что в Европейских странах PASAT используется непосредственно для диагностики слухоречевой логической памяти, мы считаем, что методика «10 слов» А.Р. Лурия является наиболее информативной, хотя и более длительной по времени в ситуации исследования. 4. У всех пациентов сужен объем произвольного внимания, скорость переключения внимания низкая. 5. Чем больше продолжительность заболевания, тем больше вероятность отсутствия работы у пациента. 6. У всех пациентов устойчивость к интерференции низкая, ригидный (жесткий) познавательный контроль, слабая автоматизация познавательных функций. 7. Несмотря на вышеперечисленные нарушения, у всех пациентов сохранно мышление. 8. У большинства пациентов было выявлено удержание двигательной программы только при проговаривании инструкции. 9. У большинства пациентов выявлено снижение настроения. 10. У большинства пациентов выявлен высокий уровень личностной и ситуативной тревожности. При этом ситуативная тревожность у работающих лиц достоверно выше, чем у неработающих.

Вартанов А.В., Громова Д.С.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ОЗНАЧИВАЕМОГО СТИМУЛА

В системной организации человеческого сознания выделяются три образующие: значение, личностный смысл и чувственная ткань (Леонтьев, 1975). При этом значение играет наиважнейшую роль, придавая чувственному образу новое качество – означенность. Однако личностный смысл – пристрастное отношение субъекта к миру, является еще более базовым образованием. Формой его проявления выступает эмоциональная окраска воспринимаемого объекта. Хорошо известно, что одно и то же слово, произнесенное с разным эмоциональным выражением, будет иметь разное значение для слушателя, т.е. значение знака может модулироваться эмоцией. Но возможно ли противоположное влияние: изменение эмоциональной оценки некоторого объекта через его означивание, если оно не затрагивает ситуацию и не изменяет отражение этого объекта? Может ли измениться оценка какого-нибудь эмоционального проявления после придания ему значения?

С одной стороны, эмоции являются эволюционно «древней», первичной системой отражения, стабильно функционирующей не только у человека, но и у животных. Поэтому такое влияние невозможно, эмоции должны оцениваться одинаково вне зависимости ни от чего. Но с другой стороны, эволюционно более «молодая» система сознания, завязывая «узел» общения и обобщение на значении (Выготский, 1960), может оказаться способной «перенастроить» и восприятие эмоций. Вероятность этого еще повышается, если допустить, что звуковой язык человека сформировался на базе эмоциональных звуковых сигналов (Вартанов, Швырев, 2016), что предполагает способность произвольно управлять проявлением эмоций, скрывать переживаемые и нарочно выражать не переживаемые эмоции, что должно влиять и на их восприятие.

Данное исследование основывается на использовании при формировании искусственных понятий специальных стимулов, изначально не несущих никакого значения для испытуемого, но обладающих определенным эмоциональным содержанием. Для этого использовались звуки, которые издавались кошками в различных ситуациях и которые были субъективно специфицированы в предварительных экспериментах по многомерному шкалированию, т.е. было количественно установлено, какую именно эмоцию и по каким качествам (построена 4-мерная сферическая модель эмоций) выражал каждый звук (всего 18 стимулов). Основная идея эксперимента заключалась в том, чтобы сравнить посредством прямого шкалирования изменение эмоционального содержания этих неречевых звуков до и после специального процесса обучения, в ходе которого некоторые из этих звуков были ассоциированы со словами русского языка. В эксперименте приняло участие 11 испытуемых, из них 6 прошли опрос по всем четырем шкалам. Определенные звуки в обучающей серии означивались словами «Да», «Нет», «Хорошо», «Плохо». В расширенном эксперименте были добавлены слова «Веселый», «Простой», «Темный», «Медленный», «Длинный», «Теплый». До и после означивания по каждому из ранее выделенных шкал (хорошо–плохо, ясность–удивление, притяжение, страх–ярость) в отдельности баллом оценивались все звуки, в том числе и не означивавшиеся в обучении (не менее 10 раз каждый в случайном порядке).

В результате по каждому испытуемому в отдельности и по всей группе испытуемых совместно показано, что обуславливание приводит к значимому (по доверительным 95% интервалам) изменению средних оценок эмоционального восприятия в направлении, соответствующем присвоенному значению. Наиболее сильные изменения произошли по шкалам «Удивление» и «Знак» для слов «хорошо» и «плохо». Существенно изменили свое исходное

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

эмоциональное содержание также стимулы, означаемые словами с меньшей эмоциональной нагрузкой, а также некоторые неозначенные стимулы, хотя были и не изменившиеся стимулы.

Литература:

1. Вартанов А.В., Швырёв В.В. Субъективное восприятие и формальный анализ речевых звуков русского языка // Психологический журнал, 2016, том 37, № 3, с 73-89.
2. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М., 1960.
3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., Полтиздат, 1975.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ номер 14-06-00327а*

Галанина А.Н., Вартанов А.В.

ЗРИТЕЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫРАЖЕНИЯ АСИММЕТРИЧНОГО ЛИЦА

Восприятие эмоций - важная часть адаптивного поведения и социального взаимодействия. При этом важное значение имеет взаимосвязь лицевой экспрессии и межполушарной асимметрии (Dimond, 1976, Хомская, 1992, Костандов, 2004). Между тем, остается не до конца ясным, обусловлены ли особенности восприятия эмоций асимметрией ее выражения (в связи со спецификой моторного управления, приводящего к асимметрии выражения эмоции в мимике человека), т.е. «асимметрией стимула», или она определяется межполушарной асимметрией воспринимающего субъекта, т.е. «асимметрией воспринимающего мозга»? Исходя из сведений о полушарном контроле в зрительном восприятии, была выдвинута гипотеза о том, что правши будут концентрировать свое внимание на левой половине воспринимаемого лица. Левши же, в свою очередь – на правой. А значит, если асимметрия воспринимающего субъекта играет роль в восприятии выраженности эмоции на асимметричном лице, при большей выраженности эмоции слева, правши будут в целом переоценивать выраженность эмоции, а левши недооценивать.

Методика: Испытуемыми выступали 15 человек (все женщины) в возрасте от 18 лет до 25. Образование испытуемых – неоконченное высшее. Эксперимент проводится с использованием системы Presentation на персональном компьютере, ответ испытуемый дает посредством нажатия клавиш с цифрами на клавиатуре. Для съема ЭЭГ и обработки использовалась программа BrainWin.

Стимульный материал (37 стимулов) – стандартизированные изображения лица человека. Каждый стимул представлял собой симметричные и ассиметричные изображения лиц на черном фоне, искусственно сгенерированных программой FaceGen с различным, количественно определенным по силе, выражением шести базовых эмоций (гнев, отвращение, страх, грусть, радость, удивление). Испытуемым предлагалось оценить степень выраженности эмоции (ее интенсивность) от 1 до 9.

Результаты: В результате обнаружено, что для разных базовых эмоций обнаруживаются три типа шкал: линейная зависимость величины ощущения от стимула, логорифмическая зависимость (показана Фехнером), экспоненциальная зависимость (показана Стивенсоном). Показано, что различия в оценке выраженности эмоций между праворукими, леворукими, правоглазыми и левоглазыми испытуемыми нет. Так, ассиметричные лица с большей выраженностью эмоции слева (4|2) или справа (2|4), оцениваются испытуемыми как равные, а промежуточное для них симметричное (3|3) оценивается ниже. Это верно для всех эмоций.

Анализ времени реакции показывает общую тенденцию оценки асимметричных лиц по сравнению с симметричными как более естественную и легкую задачу, которая выполнялась быстрее. Существенной разницы во времени реакции между исследуемыми группами испытуемых не выявлено.

Обнаружено также, что у леворуких испытуемых на 80 мс видно значимое ($p < 0.05$) различие (по t -критерию Стьюдента) в амплитуде ВП для эмоции радости на симметричное и асимметричное лица в отведениях F4, T3, Fz, F7, Cz, F3, C3. Для праворуких испытуемых обнаруживаются значимые различия на 480 мс для эмоции удивления на симметричное и асимметричное лица в отведениях F7 и T4.

Выводы

1. Леворукие и праворукие испытуемые, а также левоглазые и правоглазые испытуемые оценивают лицевую экспрессию одинаково.

2. Асимметричные лица испытуемые переоценивают в большую сторону, преувеличивая выраженность эмоции (вне зависимости от стороны асимметрии), им требуется меньше времени.

3. ВП на асимметричные и симметричные лица у левой различаются на 80мс после подачи стимула для эмоции радости.

Список литературы:

1. Костандов Э.А. Психофизиология сознания и бессознательного, 2004
2. Хомская Е.Д., Батова Н.Я. Мозг и эмоции. Нейропсихологическое исследование. — М., 1992.
3. Dimond S. J., Farrington L., Johnson P. Differing emotional response from right and left hemispheres. — Nature, 1976, v. 261, No. 562, p. 690—692.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ номер 16-18-00066*

Гершкович В.А., Нелюбов М.И., Попова А.С.

АТРИБУЦИЯ ИСТОЧНИКА ИЛЛЮЗОРНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

В повседневной жизни в процессе совместного взаимодействия участники обмениваются идеями и информацией, в результате чего может формироваться некая общая мысль, которая не высказывается в процессе обсуждения. Спустя некоторое время человеку может казаться, что эта мысль была высказана и была высказана именно им. Цель настоящего исследования – выявить, каковы закономерности атрибуции сгенерированной, но не высказанной в процессе взаимодействия, информации. В исследованиях ложных воспоминаний известен следующий эффект: при предъявлении списка слов, семантически связанных с не предъявляемым критическим словом, люди в дальнейшем ошибочно воспроизводят и узнают это критическое слово (Roediger, McDermott, 1995). В нашем исследовании эта методика была использована для провокации ситуации, когда на основе предъявляемой информации генерируется, но не высказывается, определенное слово. Мы ожидали, что источник сгенерированной, но не вербализованной в условиях совместного взаимодействия, информации будет чаще атрибутироваться человеком себе, чем партнеру по взаимодействию.

В исследовании приняло участие 40 человек (от 18 до 26 лет).

Испытуемым предъявлялось 5 списков по 10 семантически связанных слов, формирующих ложные воспоминания (Нелюбов, Гершкович, 2013).

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Условия совместного взаимодействия реализовывались с помощью компьютерной программы. Испытуемому на мониторе предъявлялось изображение условного партнера, а также две стопки карточек. Испытуемый должен был, щелкнув на любую из стопок, «вытянуть карточку» и вслух прочитать появившееся на ней слово. После чего был ход «партнера», который также выбирал карточку, предъявлялось и озвучивалось написанное на ней слово. Всего предъявлялось 50 слов-целей, последовательно каждый список. Испытуемому давалась инструкция запомнить все предъявленные слова. На втором этапе, который для ЭГ1 следовал сразу после этапа запоминания, а для ЭГ2 – через неделю, испытуемые выполняли задачу атрибуции источника. В случайном порядке предъявлялись ранее запоминаемые слова, а также 5 критических слов. Задача испытуемых – указать, кто именно произносил предъявляемое слово.

В ЭГ1 испытуемые атрибутируют слова-цели чаще правильно, чем неправильно ($p=0,0001$), однако обнаруживается сдвиг критерия принятия решения - испытуемые чаще дают ответы «другой» ($p = 0,004$). Критические слова значимо чаще атрибутируются другому (64%), чем себе (36%) ($p = 0,005$), при этом различие в ответах «другой» для критических слов и слов-целей выражено лишь на уровне статистической тенденции ($p = 0,068$).

В ЭГ2 испытуемые атрибутируют слова-цели практически случайно, но на уровне тенденции сохраняется стратегия чаще давать ответы «другой» ($p = 0,077$). Однако критические слова испытуемые чаще атрибутируют себе (71%), чем партнеру (29%) ($p = 0,0001$).

В ЭГ1 на уровне статистической тенденции наблюдается отрицательная взаимосвязь между количеством правильно атрибутированных целей и Я-атрибуцией критических слов ($r = -0,370$, $p = 0,10$). Однако в ЭГ2 количество правильных атрибуций слов-целей положительно коррелирует с Я-атрибуцией критических слов ($r=0,463$, $p = 0,040$).

Таким образом, с течением времени у людей не только возникает иллюзия, что некоторая информация была высказана в процессе совместного взаимодействия, но и склонность считать себя авторами этого «иллюзорного» высказывания. Причем эффективность запоминания основной поступающей информации позволяет избежать иллюзии лишь в случае немедленного припоминания, а в случае отсроченного лишь усиливает иллюзию. Мы связываем возникающие эффекты с тем, что, по мере увеличения времени между запоминанием и тестированием, испытуемые все более начинают полагаться на возникающее при предъявлении стимула чувство знакомости и считают свои собственные предшествующие действия причиной его возникновения.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 16-06-00858*

Горбунов И.А.

НЕЙРОДИНАМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КАК ОСНОВА МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ И МОДЕЛИРОВАНИЯ ПСИХИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ

В современной психофизиологии используется методология математических моделей нейронных сетей (ММНС) для описания механизмов психических явлений. Психологами принимается новая «нейросетевая» метафора для понимания работы когнитивных процессов. В 90-е годы доминировала «компьютерная» метафора, базирующаяся на понимании психики как компьютерной программы. С 80-х годов началось бурное развитие ММНС, проявившееся сначала в появлении модели «ассоциативной» сети, а затем в раз-

работке алгоритма обратного распространения ошибки Руммельхартом (Rumelhart D. E. et al. 1988). Стало понятно, что работа ММНС существенно отличается от компьютерных алгоритмов, зато очень похожа на психические явления. В основе обучения ММНС, лежит избегание ошибок. В современной психофизиологии множество теорий базируется на идее научения как минимизации ошибки прогноза событий (Hull C.L. 1929, Анохин П.К 1975, Rescorla R. Wagner A. 1972, Friston K. 2005). При знакомстве с особенностями работы ММНС и схожих алгоритмов встает вопрос: что именно изучают когнитивные психологи, не проявления ли свойств реальных мозговых нейронных сетей, модели которых разработаны математиками?

Можно перечислить множество особенностей ММНС, которые отличаются от компьютеров, но похожи на проявления человеческой психики. Разработаны ММНС, которые схожи по структуре и функциям с различными отделами мозга и нервной системы (Arbib M.A. 2003).

Существуют работы, исследующие динамику нейросетей как в сфере эффективности обучения, так и мониторинга их поведения, изучаются их траектории в ключе теорий динамического хаоса (Arecchi F. T. 2003, Рабинович М. И. и др. 2010). Изучение динамических характеристик функционирования нервной системы и поведения по сравнению с динамикой работы их ММНС позволяет соотносить психические явления с их моделями, уточняя структуру их гипотетических механизмов.

Принципы обучения различных типов ММНС существенно различаются. В последнее десятилетие появляется большое количество работ, в которых несколько разных по принципу обучения ММНС комбинируются в одной сети, успешнее выполняющей свои функции (Fera F. et al. 2005, Oh J. et al. 2015, Mnih V. et al. 2015). Мы предлагаем использовать этот подход для изучения механизмов психики. Он позволяет понимать работу мозга и нервной системы в целом как комбинацию различных подсетей, выполняющих свои функции различными способами. Для того, чтобы дифференцировать все подобные подсети в мозге, не достаточно анатомического принципа, так как в разных условиях один и тот же элемент в мозге может участвовать в разных «подсетях». Здесь помогает эффект распространяемой по сети ошибки, связанной с обучением. В разных подсетях за модификацию межнейронных связей могут отвечать разные виды ошибки. Эти сигналы распространяются в мозге, например, разными нейромедиаторами.

Все эти подсети в реальном мозге функционируют в единой нейродинамической системе. В ней происходит их взаимодействие, переключение, выделение ресурсов - функции, которые можно назвать саморегуляцией. Нейродинамическая система это совокупность различных по функциям нейросетей мозга, анатомически состоящих из нейронов различных мозговых модулей. Дифференциация этих нейросетей проводится с учетом видов ошибок, участвующих в обучении. Она может быть смоделирована из отдельных известных ММНС разных типов, взаимодействующих друг с другом. Результаты поведения и динамика изменений модели должна совпадать по определенным параметрам с нейродинамикой и поведением человека, в психике которого функционируют явления, представленные данной нейродинамической системой. Функционирование системы должно иметь определенную динамику, параметрами которой будет сложность (в терминах нелинейных динамических систем), упорядоченность (в терминах энтропии) и другие.

Данный подход реализуется в работах лаборатории психофизиологии СПбГУ и работах коллег и учащихся, проводящих эксперименты на ее базе.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ номер 16-06-00182*

Давыдова Е.Ю.

МНОГОУРОВНЕВАЯ ОЦЕНКА КОГНИТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ОПТИМИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ

Исследовательская деятельность студентов является комплексным показателем эффективности обучения, оптимизация которого зависит от ряда трудноучитываемых факторов [1].

Неразрывное единство структурной основы, процессуального и содержательного состава мышления [3] позволяет рассматривать процесс решения любой когнитивной задачи как модель исследовательской деятельности. Однако общепринятые системы оценки интеллекта измеряют лишь наличный уровень знаний и мыслительных операций индивида, не отражая особенности процесса решения, что подтверждается противоречивостью данных о связи эффективности деятельности с отдельными показателями когнитивных процессов. В тоже время деятельностный подход дает теоретические основания для использования в качестве критериев оценки когнитивного процесса характеристик совершенных действий [2].

Целью настоящего исследования было создание многоуровневой системы оценки результатов решения когнитивных задач в рамках деятельностного подхода и дифференционно-интеграционной парадигмы. Были поставлены задачи: типологизация ответов, комплексный анализ связи психофизиологических и личностных характеристик индивидов с преобладанием ответов определенного типа; психолого-педагогическая оценка результатов с точки зрения оптимизации процесса обучения. Экспериментальную группу составили студенты-психологи 19-22 лет (56 чел), участвовавшие в комплексном психологическом исследовании. В качестве когнитивной задачи использовали 8 субтест шкалы Векслера «недостающие детали». Критерии типологизации: степень совершенности ожидаемого действия, соответствие результата полученному заданию и «идеальному» ответу. Было выделено 5 вариантов: 1- действие не совершенно; 2 – совершенное действие не соответствует заданию (умозрительные ответы, дополняющие, а не детализирующие образ); 3 - действие соответствует заданию, но выполнено неточно или не полностью (ответ неверный, названы менее обязательные детали); 4- действие совершенно, ответ достаточный (описано функциональное значение детали); 5 – действие совершенно, ответ исчерпывающий. Среди неверных ответов преобладал вариант 2 (74%), среди верных – 4 (87%). Корреляционный анализ выявил значимую положительную связь представленности умозрительных ответов (2 тип) с такими характеристиками как экстернальность, нарциссизм, наличие шизотипических черт, объем непроизвольного запоминания слов, и низкая вратываемость. Снижение результативности деятельности у индивидов с большим количеством умозрительных ответов обусловлено преимущественно личностными особенностями. В условиях ограниченного времени направленность вовне, удовлетворенность собственными действиями при низком уровне мобилизации препятствует проявлению дискриминативных способностей мозга, неразрывно связанных с уровнем интеллекта. Исследовательская деятельность студентов этой группы также характеризовалась рядом особенностей. При выраженном интересе к предмету исследований и творческом подходе к выдвижению гипотез, наблюдалось невнимание к деталям, трудности аргументирования, низкая эффективность самостоятельной работы. Учет этих особенностей при индивидуальном планировании исследовательской деятельности заметно повысил результативность работы.

Выводы: 1. Многоуровневая система оценки результатов деятельности позволяет оценить возможные причины снижения эффективности конкретной когнитивной деятельности.

2. Преобладание умозрительных ответов при нахождении недостающих деталей может свидетельствовать о нарушении баланса дифференциации и интеграции когнитивных процессов, обусловленного своеобразием эмоционально-личностных характеристик.

3. Анализ ошибок в аспекте деятельностного подхода – эффективный инструмент оптимизации процесса обучения.

Литература:

1. Бордовская Н.В. и соавт. Деятельностный подход к изучению исследовательского потенциала студента // Международный журнал экспериментального образования №1. 2012 С.81
2. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1975.
3. Чуприкова Н.И. Психика и психические процессы //М. ЯСК 2015. С. 473,

Дикий И.С., Дикая Л.А., Лаврешина А.Ю.

НЕЙРОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ ТВОРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СФЕРЫ ИСКУССТВА С РАЗЛИЧНЫМ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ УРОВНЕМ

В последние годы исследователи проявляют повышенный интерес к изучению функционирования мозга во время творческого процесса у представителей сферы искусства. Наиболее подходящими участниками таких исследований являются практикующие музыканты, художники, актеры и поэты, поскольку их интенсивное многолетнее обучение может оказать существенное влияние на функционирование нейронных цепей, связанных с творчеством.

Целью исследования является изучение нейрофизиологических коррелятов творческой активности у представителей сферы искусства с различным профессиональным уровнем.

В исследовании приняли участие 104 праворуких практикующих представителя сферы искусства (художники, музыканты и поэты) в возрасте 18-29 лет (50 мужчин и 54 женщины), разделенные на две группы – профессионалы (48 человек) и любители (56 человек). Участники, которые имели высшее специальное образование и большой опыт работы в творческих видах деятельности, были включены в группу профессионалов. К группе любителей отнесены участники, которые не имели высшего специального образования, но имели большой опыт работы в творческих видах деятельности.

Участникам было предложено в умственном плане выполнить творческие задания в соответствии с их сферой профессиональной деятельности – придумать художественную композицию, написать стихотворение, сочинить мелодию. После записи ЭЭГ участникам исследования предлагалось в любой форме воспроизвести созданное.

Запись ЭЭГ проводилась в состоянии покоя и во время творческого процесса от 21 электрода в соответствии с международной системой 10-20. Мы анализировали спектральную мощность и когерентность ЭЭГ для пяти частотных диапазонов (4-35 Гц). Для статистической обработки применялся дисперсионный анализ MANOVA и сравнительный *posthoc* анализ.

Результаты и обсуждение. Отличительные паттерны ЭЭГ во время творческого процесса были выявлены для представителей обеих групп - профессионалов и любителей. Профессионалы характеризовались преобладающей активностью коры левого полушария головного мозга одновременно с высокой межполушарной интеграцией вдоль оси творчества (когерентность ЭЭГ между передними отделами правого полушария и задними отделами левой) в высокочастотных диапазонах ($p < 0,05$). У любителей творческая активность вызвала высокую активацию и взаимодействие в основном между отделами правого полушария мозга ($p < 0,05$).

Увеличение спектральной мощности в передних и задних областях коры правого полушария в альфа-диапазоне во время творческого процесса, характерное для любителей, отра-

жает снижение корковой активации и активное участие воображения в творческом процессе.

Творческая продуктивность профессионалов и любителей обеспечивается разными способами. В результате богатого опыта у профессионалов в коре сформировались длиннодистантные функциональные связи, соединяющие одновременно как передние и задние отделы коры мозга, так и оба полушария. Это позволяет им быстро интегрировать большое количество информации, одновременно извлекаемой из памяти и создаваемой в процессе воображения. Мозговая активность любителей направлена в основном на устранение контроля сознания для безкритичного генерирования новых идей.

Заключение. Мы выявили различия нейрофизиологических коррелятов художественного творчества на примере жизненных, профессионально специфических ситуаций у представителей сферы искусства в зависимости от их профессионального уровня. Профессионалы характеризуются высокой функциональной специализацией мозга для выполнения профессиональных творческих задач.

**Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ, проект № 2141.*

Добрин А.В.

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ТОНУСА У ДЕТЕЙ 7-8 ЛЕТС РАЗЛИЧНЫМ ТИПОМ ПРОФИЛЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СЕНСОМОТОРНОЙ АСИММЕТРИИ

Многочисленные исследования показывают, что эмоции играют важную роль в жизнедеятельности человека, однако в настоящее время существуют противоречивые данные о том, что касается представлений о сущности эмоциональных проявлений, механизмах их возникновения и классификации [4]. В одной из таких классификаций выделяют устойчивые эмоциональные состояния, которые являются эмоциональной составляющей психических реакций и определяются как эмоциональный тонус (настроение) [2].

С поступлением в школу количествоэмоциогенных объектов увеличивается [2], способствуя возникновению эмоциональной лабильности и вегетативных реакций, приводя к изменению настроения у детей, которое, согласно ряду авторов, является одним из условий успешности учебной деятельности в младшей школе[1]. В свою очередь процесс обучения в начальной школе связан с особенностями адаптации к учебной деятельности, на которую влияет тип латерального профиля [4]. Установлено, что тип профиля функциональной сенсомоторной асимметрии (ФСМА) связан с различными психологическими параметрами и, в частности, с особенностями эмоциональной сферы [1;3;4]. Задачей нашего исследования стало изучение особенностей эмоционального тонуса у детей младшего школьного возраста с различным типом профиля ФСМА.

Нами было обследовано 150 испытуемых в возрасте 7 - 8 лет. Оценка профиля ФСМА осуществлялась при помощи наиболее часто встречающихся в литературе проб [3]. Особенности настроения изучались при помощи методики «Цветовой тест» М. Люшера (восьмицветныйсубтест).

По результатам исследования было установлено, что у большинства детей эмоциональное состояние в норме (47,3%), у 30% выявлено преобладание отрицательных, а у 22,7% - положительных эмоций. Распределение параметра «настроение» по типам профиля показало, что среди испытуемых с правым (45,1%) и смешанным (56,5%) типом профиля ФСМА преоб-

ладает эмоциональное состояние, характеризующееся как нормальное. В тоже время в группе детей с левым профилем эмоциональное состояние, характеризующееся как нормальное, выявлено лишь у 39,4%.

Обнаружено, что настроение детей с левым типом профиля ФСМА ($20,39 \pm 9,54$) статистически достоверно отличается от настроения детей с правым ($13,92 \pm 6,95$) типом профиля ФСМА. В свою очередь настроение детей со смешанным ($16,78 \pm 7,00$) типом профиля статистически достоверно отличается от настроения детей с правым ($13,92 \pm 6,95$) типом профиля ФСМА.

Дети, имеющие левосторонний тип профиля ФСМА, характеризуются преобладанием отрицательных эмоций. Эмоциональное состояние детей с правым и смешанным профилем ФСМА в норме ($13,92 \pm 6,95$ и $16,78 \pm 7,00$ соответственно).

На основании полученных результатов нами были сделаны выводы о том, что дети 7-8 лет с левым типом профиля ФСМА характеризуются значительным преобладанием отрицательных эмоций по сравнению с детьми с правым профилем. Это может свидетельствовать о нарушении адаптационного процесса или о наличии проблем у ребенка, которые он не может преодолеть. Полученные нами данные соотносятся с данными о том, что дети с левым типом профиля ФСМА эмоционально лабильны, тревожны, подвержены утомляемости [3]. Возникновение подобных индивидуально-психологических особенностей связывается с низким уровнем адаптационных механизмов [3,4] и появлением специфической учебной деятельности, связанной с чрезмерными нагрузками на ребенка [1;5].

Литература:

1. Безруких, М.М. Трудности обучения в начальной школе: причины, диагностика, комплексная помощь. – М.: Эксмо, 2009. – 464 с.
2. Ильин, Е.П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2001. – 752 с.
3. Леутин, В.П., Николаева, Е.И. Функциональная асимметрия мозга: мифы и действительность. – СПб.: Речь, 2008. – 368 с.
4. Николаева, Е.И., Морозова, А.Н. Особенности адаптации к школьному обучению детей с разными профилями сенсомоторной асимметрии // Ученые записки СПбГУ им. акад. И.П. Павлова. – 2007. – Т.14, – №4. – С.44-47

** Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 14-06-00195*

Душабаев З.Р.

К ВОПРОСУ ОБ ОТЛИЧИИ ИНТЕЛЛЕКТА И ПАМЯТИ

Интеллект, как полагал В. Штерн, есть некоторая общая способность приспособления к новым жизненным условиям. Если такое понимание интеллекта верно, то гипотетически можно предполагать, что динамика развития интеллекта и памяти должны отличаться. Эту гипотезу мы решили проверить на материале развития интеллекта и памяти у дошкольников. Исследование было выполнено в ГБДОУ № 35 Московского района Санкт-Петербурга в 2001 – 2016 гг. (заведующая Л.С. Фролова). Изучались дети подготовительных групп.

Для измерения интеллекта детей мы использовали батарею субтестов, в которую входили различные задания: рассказ по сюжетным картинкам, таблицы Равена, субтест на внимание: «найди 2 одинаковых изображения из 6 предъявленных»; субтест по Векслеру: «составь целое изображение лошади из деталей». Графическое задание: «перерисуй домик». Мнемиче-

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ский субтест: «запомни нарисованные изображения», где ребёнку предъявляется на 20 секунд страница с 9 рисунками знакомых предметов. Использовался субтест «определи одно лишнее слово из 5 предъявленных» и три словесно-логические задачи по А. З. Заку. Сырые баллы, полученные при выполнении субтестов, суммировались, и эта сумма говорила об уровне развития интеллекта в целом («общий интеллект»).

Среди 180 детей мы отобрали первую группу, состоящую из 22 испытуемых с высокими результатами запоминания - сокращенно ВХП (в среднем по 7,5 предметов) и такую же вторую выборку, состоящую из 22 детей, с низкими показателями памяти - сокращенно ВПП - (в среднем по 3,9 предметов). В группе ВХП память была почти в 2 раза лучше, чем в ВПП. Оказалось, что несмотря на двукратное различие этих двух групп в мнемических способностях, никакими существенными различиями в уровне интеллекта указанные выборки не различались. Так, общий интеллект в ВХП составлял в среднем 41,8 балла, а в группе ВПП - 42,0 балла. С таблицами Равена эти группы справились практически одинаково: ВХП в среднем заработала по этому показателю 19,2 балла, а ВПП - 19,5 балла. Результаты тестирования внимательности оказались у этих групп практически одинаковыми: ВХП - 3,5 балла, а ВПП - 3,4 балла. При решении словесно-логических задач эти группы заработали по 1,6 балла.

У интеллекта существуют разные составляющие, нам было интересно каково влияние памяти на развитие интеллекта у детей подготовительной группы. Для удобства анализа мы ввели показатель скорости развития интеллекта. Для определения этой скорости сначала вычисляется разница в сырых баллах субтеста (в начале и конце учебного года), затем определяется процент прибавки по отношению к началу учебного года, и далее полученные проценты делятся на количество месяцев, прошедших за время стартовой и финишной диагностики. В результате мы определяем скорость развития, то есть на сколько процентов прибавился показатель интеллекта за один месяц. Мы взяли данные на 247 испытуемых за последние 15 лет наблюдений. Скорость развития общего интеллекта составляла 2,66 процентов в месяц. Значительно отличались темпы развития отдельных составляющих интеллекта. Наибольший вклад в развитие интеллекта внесли конструктивные способности («состав целое изображение лошади из деталей» 9,52% в месяц). Мы взяли данные на 247 испытуемых за последние 15 лет наблюдений. Скорость развития общего интеллекта составляла 2,66 процентов в месяц. Значительно отличались темпы развития отдельных составляющих интеллекта. Наибольший вклад в развитие интеллекта внесли конструктивные способности («состав целое изображение лошади из деталей» 9,52% в месяц), на втором месте рост внимательности детей (6,01%), на третьем месте развитие словесно – логического мышления (4,71%), на четвертом месте улучшение графических способностей (3,65%), на пятом месте динамика развития по субтесту Равена (2,26%), на шестом месте формирование понятийного аппарата («определи одно лишнее слово») и умение составить рассказ (по 1,93% в месяц). На последнем месте оказалась скорость развития мнемических способностей (1,57% в месяц). Исходя из наших данных, можно признать, что развитие интеллекта не определяется улучшением мнемических способностей детей, и соответственно, противопоставление памяти и интеллекта имеет под собой определенную фактическую основу.

Защиринская О.В., Немировская К.А.

ПОНИМАНИЕ ТЕКСТОВ СТАРШЕКЛАССНИКАМИ С ЛЕГКОЙ УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ

Проблема понимания занимает центральное место в когнитивной психологии. В рамках междисциплинарного подхода (Л.М. Шварц; А. Ламминпя, Ю.Е. Шелепин, О.В. Защиринская) изучаются вербальные и невербальные паттерны распознавания текстовых и рисуночных зрительных стимулов при разной степени четкости предъявляемых изображений. Объек-

том нашего исследования стали старшеклассники с легкой умственной отсталостью. Общее количество участников исследования составило 85 человек. В предварительном исследовании приняли участие 25 студентов 1–4 курсов факультета психологии СПбГУ в возрасте от 18 до 25 лет. В эмпирическом исследовании было обследовано 40 человек в возрасте от 15 до 19 лет – старшеклассников с разным уровнем интеллектуального развития трех учебных заведений (20 человек – нормально развивающиеся школьники, 20 – учащиеся с легкой умственной отсталостью).

Исследование проходило в несколько этапов. На начальном этапе разрабатывался визуальный ряд, состоящий из сюжетных изображений и текстов разной степени четкости. Данные стимулы были предложены для просмотра студентам в предварительном исследовании. Все изображения и тексты были обработаны с помощью метода вейвлетной фильтрации, который обеспечивает размытость стимулов с переменным шагом в области низких частот. В качестве текстов были использованы – примерно равные по объему фрагменты русских народных сказок черными буквами на сером фоне. В качестве сюжетных изображений использовались комиксы Бидструпа. При предъявлении разновидностей текстов и комиксов мы регистрировали количество и длительность саккад и фиксаций, время просмотра/прочтения, «зоны интересов» (метод регистрации движений глаз), субъективные оценки понимания предъявленных стимулов (метод опроса), ключевые понятия, наблюдаемые в ответах обследуемых (метод контент-анализа). В ходе предварительного исследования удалось выявить, на каком уровне размытия у студентов возникали трудности в распознавании материалов. Были подсчитаны средние оценки понимания обследуемых. Оказалось, что значительные затруднения в понимании текстов у студентов наблюдаются после 5 стимула, а в понимании изображений – после 3. Данный факт стал основополагающим при разработке дизайна исследования для старшеклассников с легкой умственной отсталостью. Было принято решение использовать именно те стимулы, которые хорошо понимаются студентами, поэтому стимульный материал сократили до 3 текстов и 2 комиксов. Процедура исследования стала более легкой и доступной для учащихся со сниженным уровнем интеллекта.

Школьники с легкой умственной отсталостью в большей степени ориентированы на эмоциональный аспект при анализе текстов и изображений. Интерпретация средств невербальной коммуникации партнеров по общению становится ведущей когнитивной основой для понимания сюжета картинок. Для учеников важна безопасность происходящих событий, что связано со спецификой формирования ментальных установок в процессе приобретения социального опыта. Со значительной частотой в их устных и письменных высказываниях встречаются понятия, обозначающие события с разной степенью витальной угрозы: «неудавшийся прыжок» (50% из числа обследуемых), «носилки для пострадавшего» (20%), «больница» (15%), «помощь» (15%), «удушение» (10%), «потерявший сознание» (5%), «несчастный случай» (5%).

Учащимся с легкой умственной отсталостью трудно воспринять текст при высокой степени размытости: количество и длительность фиксаций резко снижается. Ученикам не удается зафиксировать взгляд на отдельных словах, чтобы воссоздать смысл прочитанного. В данном случае анализ текста требует наличия и активизации волевых усилий, которые у умственно отсталых учащихся развиты в недостаточной мере. В целом, была выявлена корреляция между субъективной оценкой понимания и количеством слов при описании сюжета текстов и комиксов ($p < 0,01$), между числом фиксаций и количеством слов в аннотации ($p < 0,05$).

Данное исследование может найти применение при разработке стратегий коррекционного вмешательства.

Зябирова Д.З., Шевырёва Т.В.

РАЗВИТИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ С УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ

На современном этапе развития образования, в условиях реализации интегрированно-го и инклюзивного подходов к обучению детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), большое внимание уделяется развитию личности учащихся, в том числе и умственно отсталых. Недостаточность гнозиса, праксиса, речи и эмоций у этой категории детей проявляется, как правило, меньше, чем недоразвитие мышления. Значительный вклад в понимание природы мышления внесли работы Л.И. Анциферовой, Д.Н. Богоявленского, А.В. Брушлинского, Л.С. Выготского, В.В. Давыдова, Е.Н. Кабановой – Меллер, А.М. Матюшкина, Н.А. Менчинской, О.К. Тихомирова, Ж. Пиаже и других исследователей, в которых мышление исследуется как процесс познавательной деятельности индивида, характеризующейся обобщенным и опосредованным отражением действительности. Мышление рассматривается как отношение субъекта к объекту. Если таким объектом является естествознание, то говорят о естествоведческом мышлении. В качестве методологической основы нашего эксперимента явились также знания об общих и специфических закономерностях аномального развития (Г.Я. Трошин, В.И. Лубовский и др.)

Цель исследования - изучение у подростков с умственной отсталостью развития естественно-научного мышления как теоретического и эмпирического, включающего эмпирически-бытовую и эмпирически-научную стадии. Гипотеза исследования заключалась в том, что к 15-16 годам у умственно отсталых учащихся возможно формирование естествоведческого мышления. В исследовании приняли участие 30 учеников: 10 человек - экспериментальная группа, 20 человек – контрольные группы. Экспериментальную группу составили 10 подростков с нарушениями интеллекта 14-15 лет. В исследовании использовались метод тестирования и метод математической статистики. Для эксперимента был разработан тест, построенный на межпредметном материале (биология, природоведение, география). Принципы построения данного теста были взяты из работы Г.А. Берулава «Психология естественно-научного мышления». Эксперимент позволил выделить доминирующий способ естественно-научного мышления учащихся, а в качестве критерия оценки выступает сформированность действия теоретического обобщения. Результаты исследования показали:

1. У большинства (71%) учащихся с умственной отсталостью мышление сформировано на эмпирически-бытовой и эмпирически-научной стадиях, что связано, по-видимому, с недостатками современного содержания естественно-научного образования, когда естественно-научное мышление формируется на основе внутриспредметных теоретических обобщений.
2. Преобладание (44%) в структуре эмпирически-бытовой стадии развития естествоведческого мышления умственно отсталых подростков, по-видимому, является важным фактором адаптации этих учащихся к окружающему миру.
3. Естествоведческое мышление умственно отсталых учащихся имеет свои специфические особенности.
4. Достаточно высокий процент теоретического типа мышления (29%) может свидетельствовать о том, что целенаправленные занятия по формированию мышления существенно изменяют способы ориентировки ребёнка в окружающем мире, приучают его выделять существенные связи и отношения между объектами, что приводит к росту его интеллектуальных возможностей. Подростки начинают ориентироваться не только на цель, но и на способы её достижения. А это меняет их отношение к задаче, ведет к оценке собственных действий и разграничению правильных и неправильных. Формируется более обобщенное восприятие окру-

жающей действительности, начинается осмысление собственных действий, прогнозирование хода простейших явлений, понимание временной и причинной зависимости.

Проверенная эффективность проведённой экспериментальной коррекционной работы подтверждает положение о ведущей роли обучения в психическом и, в частности, в умственном развитии.

Иванова Е.Н.

КОГНИТИВНАЯ ДИНАМИКА ПРИ ОБУЧЕНИИ МЕДИАТОРОВ

В докладе рассматриваются результаты исследования когнитивной динамики на примере изменения установок слушателей, связанных с директивностью, в ходе обучения медиации. Под директивностью в медиации мы понимаем уровень вмешательства медиатора, который проявляется в двух направлениях: а) степень экспертной (в области предмета спора) директивности, то есть активность вмешательства медиатора в решение содержательных вопросов; б) уровень процессуальной власти медиатора, под которой мы понимаем введение и поддержание правил взаимодействия в медиации. Директивность напрямую связана с возможностью сохранять нейтральность и является принципиально важной характеристикой для медиаторов.

Для классической фасилитативной медиации, которой обучались испытуемые, важна низкая степень экспертной директивности, и допустима разная степень процессуальной директивности вплоть до высокой. Медиатор не даёт советов, не принимает решения за стороны, зато может настаивать на соблюдении определённых им правил, апеллируя к необходимости их соблюдения для обеспечения эффективности переговоров.

Выявленные в предыдущих исследованиях автора сложности в устойчивом формировании стратегий конструктивного поведения в конфликте послужили основанием для проведения дополнительного изучения динамики установок специалистов при обучении медиации.

Для исследования из 52 юристов были отобраны 28 участников, которые в ходе тренинга явно продемонстрировали директивную установку в работе с клиентами. Использовался анализ аудио- и видеозаписей их работы в качестве медиаторов и их комментариев во время обсуждения. Определялось количество признаков директивной и пассивной установки, определялась статистическая достоверность изменения их соотношения в ходе обучения. Исследование подтвердило предположение:

1. Первая стадия изменения существующей установки индивида и соответствующей ей стратегии работы с конфликтом является её смена на противоположную. Это имеет место даже при сформированной мотивации на изменение и приобретение новых умений.

2. При этом не происходит когнитивное усложнение и обогащение установок. Фактически «антисценарий» является проявлением той же установки. Полоса спаяны, агглютинированы, между ними не остаётся места другим вариантам. В результате факты, не вписывающиеся в полярные крайности, вытесняются даже при повторении. На этой стадии изменение оказывается иллюзорным и непрочным.

3. Антисценарий выполняет, в том числе, и функцию неосознаваемой когнитивной защиты за счёт:

- а) упрощения, типичного для конфликтной ситуации, ухода от сложности вопроса;
- б) попытки спасения лица - «вы же видите, я делаю, как вы сказали, а это не работает».

4. Формирование переходных степеней происходит сложнее и требует особых условий: времени, атмосферы безопасности, дополнительной информации, опыта проживания разных ролей и дополнительных усилий. Освоение континуума предполагает преодоление агглюти-

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

нации понятий (в данном случае - директивность-пассивность) за счёт возникновения родственных «перпендикулярных» конструктов, не укладывающихся в линию между полюсами:

Если «есть место» (запрос) или нет противоречия с существующим набором данного конструкта, то новая информация легко вписывается (при этом есть риск непрочности), если нет – надо расширить этот набор.

5. От когнитивной сложности и глубины зависит как продуктивность выработки новых стратегий поведения в конфликте, так и их прочность. Способствуя росту этих когнитивных параметров, можно повысить эффективность поведения в конфликте.

5. При формировании спектра переходных степеней достигнутый результат оказывается прочным, но возможны рецидивы в ситуациях эмоциональной регрессии в сходных с прошлым опытом ситуациях.

Отслеживание когнитивной динамики показало необходимость профессиональной поддержки, регулярного повышения квалификации, в частности, за счет прохождения дополнительного обучения и супервизии.

Иванчей И. И., Михайленко А. В.

НЕОСОЗНАВАЕМЫЙ ПЕРЕНОС ПОБОЧНОГО ПРОДУКТА РЕШЕНИЯ ОДНОЙ ЗАДАЧИ НА ДРУГУЮ

Исследование посвящено изучению феномена переноса побочного продукта результата решения одной задачи на решение последующей. Классические исследования в этой области проводил Я.А. Пономарёв («Психология творческого мышления», 1960 г.). Эти эксперименты интересны тем, что они предвосхищали эпоху исследований имплицитного научения на западе (пионерская работа А. Ребера вышла в 1967 г.). Кроме того, в них возможно наблюдение редкой ситуации, в которой человек обладает релевантными выполняемой задаче эксплицитными знаниями, однако применяет их неосознанно. В данной работе была предпринята попытка воспроизвести один из опытов Пономарёва, применив новую меру переноса с целью обнаружить неосознаваемый перенос.

Было сконструировано специальное оборудование: «Политипная панель», планки для её заполнения и лабиринт. С помощью политипной панели испытуемые выполняли «образующую» задачу – пытались положить на неё планки с отверстиями таким образом, чтобы покрыть все шпильки и цилиндры на панели (планки складываются на панели только одним определённым образом). После выполнения задачи на политипной панели испытуемым давалась вторая («выявляющая») задача – «Лабиринт». Особенность «Лабиринта» состояла в том, что путь от стартовой к конечной точке повторял положение планок на политипной панели. Таким образом, побочный продукт (в терминах Пономарёва) выполнения задачи на политипной панели мог помочь испытуемым успешно выполнить задачу «Лабиринт». В нашем предыдущем эксперименте (Иванчей, 2016) после образующей задачи испытуемым давалась подсказка о том, что оптимальное решение задачи «Лабиринт» полностью повторяет решение первой задачи. Пономарёв показал в своей работе (1960), что перенос побочного продукта с одной задачи на другую происходит, только при наличии такой подсказки. Мы использовали альтернативные показатели для выяснения того, переносит ли человек побочный продукт деятельности в предыдущей задаче на новую задачу без информирования о том, что задачи связаны. Пономарёв опирался на количество ошибочных ходов в лабиринте; мы же проанализировали характер ходов в лабиринте. Решение задачи фиксировалось на видеокамеру, затем

все движения испытуемого в лабиринте разделялись на: а) ошибочное движение (тупик); б) правильное движение в соответствии с предыдущей задачей; в) правильное движение, не соответствующее предыдущей задаче. Испытуемые экспериментальной группы (ЭГ) проходили лабиринт после политипной панели; испытуемые контрольной группы (КГ) проходили лабиринт без политипной панели. Гипотеза заключалась в том, что испытуемые ЭГ будут совершать больше ходов типа «б», чем в КГ.

В эксперименте приняло участие 20 человек (9 женщин, 11 мужчин 18–33 лет), случайным образом распределённые на две группы.

Результат. Процент ходов типа «б» составил 22,3% в КГ и 26,0% в ЭГ. Это различие не достигло уровня статистической значимости, $t(18) = 0,77$, $p = 0,452$. Мы также проанализировали динамику изменения доли разных типов ходов в двух группах. Пробы каждого испытуемого были разбиты на пять равных блоков. В каждом блоке была подсчитана доля ответов каждого типа. Статистически значимая динамика изменения доли определённых ходов наблюдается только в ЭГ: доля ходов типа «б» увеличивается с 23% в первом блоке до 33% в пятом (линейная регрессия, $p = 0,032$). Все остальные показатели изменяются на статистически незначимом уровне.

Таким образом, гипотеза в изначальной формулировке не подтвердилась. Однако анализ динамики ходов разного типа показал, что в процессе решения задачи «Лабиринт» испытуемые, выполнявшие эту задачу после «Политипной панели», всё чаще начинают ходить по переходам, совпадающим с расположением планок из предыдущей задаче. На этом основании можно сделать вывод о том, что перенос побочного продукта деятельности может происходить полностью неосознанно.

** Исследование выполнено при поддержке НИР СПбГУ №8.38.287.2014.*

Клочкова О.И.

ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ БЕТА – СПЕКТРА ПРИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ НАГРУЗКЕ

Электрическая активность мозга может служить непосредственным индикатором многих психофизиологических состояний. Известно, что синхронизация бета-ритма (от 18 до 24 Гц) зависит от задачи: трудная задача ведет к увеличению активности в диапазоне 14–20 Гц [1]. Регистрируя спектр функции биоэлектрической активности (фБА) при интеллектуальной компьютерной нагрузке, можно судить об изменениях биоэлектрических частот, которые возникают в мозге человека [2]. Под интеллектуальной нагрузкой понимается компьютерная позиционная игра, смысл которой состоял в скорейшем нахождении одинаковых картинок, которые находятся в закрытом виде (рубашкой вверх). После клика мышкой картинка на короткое время открывается и ждет клика на другой картинке: если изображения картинок одинаковы – обе исчезают, и их клетки становятся недоступными; если таблички разные, обе остаются на поле и закрываются. Цель игры – очистить все поле от картинок. Минимальное количество кликов – 36.

В работе исследуется динамика изменений бета-биоритмики (18–24 Гц) коры головного мозга человека путем регистрации спектра функции биоэлектрической активности (фБА) в зависимости от номера сеанса позиционной компьютерной игры.

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Материал и методы. Измерения выполнены в лаборатории экологической нейрокибернетики НИЦ «Арктика» ДВО РАН на программно-аппаратном комплексе «Регистратор спектра биоэлектрической активности головного мозга – «РС МЭГИ-01». Методика съема позволила надежно регистрировать суммарную (глобальную) активности мозга с выделением спектральных гармоник в диапазоне 27-0,1 Гц и временем интегрирования 160 сек (длительность кадра)[3].

В фоновом состоянии (до компьютерной игры) перед испытуемым стоял включенный ноутбук с позиционной игрой: испытуемый двигал компьютерную мышь и производил клики бесцельно[2].

Использовались данные 26 испытуемых мужского пола и 44 испытуемых женского пола, каждый из которых провел не менее трех сеансов компьютерной игры. Измерены данные разностной спектральной функции семи испытуемых – женщин в возрасте от 23 до 58 лет. Испытуемые взаимодействуют с ноутбуком в процессе четырех сеансов (кадров) позиционной компьютерной игры.

Статистический анализ проводился в программах Statistica 10, вычисления и графики сделаны в MS Excel 2010. После проверки на нормальность распределения данных использовалась параметрическая статистика при доверительной вероятности $P=0,95$

Результаты. Разностная функция для левого полушария значительно отличается от правого полушария согласно t - критерию Стьюдента на уровне значимости $p<0,05$.

Анализ показал, что фБА в области альфа-спектра имеет тенденцию к росту в направлении от первого сеанса к четвертому в обоих полушариях.

В области бета-ритма значительный всплеск наблюдается в четвертом сеансе игры в обоих полушариях. В остальных сеансах функция фБА близка к фоновым в области бета-ритмов.

Именно в четвертом сеансе наблюдаются значительное увеличение разностной спектральной функции при частоте 14,02431 Гц на 70% для левого полушария и на 50% для правого.

Обсуждение. Увеличение биоэлектрической активности мозга в четвертом сеансе позиционной компьютерной игры можно связать с необходимостью более часто пользоваться рабочей (оперативной) памятью в процессе игры, т.к. все картинки уже ранее встречались и кодировались в предыдущих сеансах. Изменилось только их положение.

Литература:

1. Кропотов Ю.Д. Количественная ЭЭГ, когнитивные вызванные потенциалы мозга человека и нейротерапия / Перевод с англ. под ред. В.А. Пономарева-Донецк: Издатель Заславский А.Ю., 2010.-512 с.
2. Ключкова О.И., Воробьева Е.Ю., Погорелова Е.Ю., Старцева М.С., Шабанов Г.А., Рыбченко А.А. Функциональная межполушарная асимметрия вызванной электромагнитной активности мозга в процессе позиционной компьютерной игры //Сб.статей ЦНС «Международные научные исследования» по материалам IV международной научно-практической конференции: «Проблемы и перспективы современной науки», Часть 2, г. Москва: сборник статей (уровень стандарта, академический уровень).- Москва: «ISI-journal», 2016, с. 36-39
3. Патент на полезную модель № 72395. Заявка №2007145888. Приоритет от 3 декабря 2007 г. Магнитоэнцефалографический спектральный анализатор сумматор биопотенциалов головного мозга человека. Авторы: Лебедев Ю.А., Шабанов Г.А., Рыбченко А.А., Максимов А.Л. ГУ РЧ МНИЦ «АРКТИКА» ДВО РАН, директор Максимов А.Л. Опубликовано: 20.04.2008 года Бюл. №11.

Клочкова О.И., Воробьёва Е.Ю., Старцева М.С.

ЧАСТОТНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ВОЗРАСТНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ БЕТА СПЕКТРА БИОЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЗГА В ПРОЦЕССЕ ПОЗИЦИОННОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЫ

В психофизиологии при выявлении изменений мозговых процессов в ходе овладения определенными видами психической деятельности наиболее продуктивно используются методы вызванной биоэлектрической активности. Измеряя спектр функции биоэлектрической активности (фБА) для испытуемых разного возраста в процессе какой-либо деятельности, можно судить об изменениях биоэлектрических частот, которые возникают в мозге человека [1-3].

В данном исследовании рассматриваются проявления возрастных изменений в диапазоне β -волн. Под β -ритмами понимают частоты свыше 13 Гц [3].

Методы. Измерения выполнены в лаборатории нейрокибернетики НИЦ «Арктика» ДВО РАН на программно-аппаратном комплексе с регистратором спектра «МЭГИ-01» и аппаратом нормализации и коррекции функций «АНКФ-01» [4,5]. Полоса охвата фильтров составила от 0,2 до 27 Гц. Время суммации составило 160 секунд (длительность кадра). На основе быстрого преобразования Фурье строилась разностная спектральная фБА(сеанс2) фБА(фон): т.е. разностная функция биоэлектрической активности мозга испытуемого в состоянии с открытыми глазами минус фБА испытуемого в состоянии фона с открытыми глазами без интеллектуальной нагрузки.

Для анализа данных использовались значения 26 точек спектральной матрицы измерений. В фоновом состоянии (до компьютерной игры) испытуемый двигал компьютерную мышь и производил клики бесцельно [1].

Измерены данные фБА семи испытуемых – женщин, постоянно занятых интеллектуальной работой с использованием компьютера, в возрасте от 23 до 58 лет. Испытуемые взаимодействуют с ноутбуком в процессе четырех сеансов (кадров) позиционной компьютерной игры. Для анализа они были объединены в возрастные группы (по 2 человека): группа «Студ» (средний возраст 22,5 года), группа «Ср» (средний возраст 40лет), группа «СрСт» (средний возраст 54 года) и группа «Ст» (средний возраст 58 лет).

Целью работы является анализ частотных изменений максимумов разностной функции биоэлектрической активности мозга в диапазоне бета-ритмики с возрастом в процессе второго сеанса позиционной компьютерной игры.

Результаты. Анализ показал, что у первой возрастной группы наблюдается небольшое количество положительных максимумов в левом полушарии на частоте 15,00375 и 13,64046 Гц, последний наблюдается и в правом полушарии.

У 2-ой возрастной группы (Ст) в левом полушарии наблюдается увеличение количества максимумов и их амплитуды. Большинство максимумов локализуется в области частот: 14,02431-13,50253 Гц и 13,23719-13,22225 Гц. Появляются отрицательные пики (торможение) на частотах 16,69665 и 13,36682 Гц.

В 3-ей возрастной группе (СрСт) пропадают положительные максимумы. Наблюдается только отрицательные пики в левом и правом полушарии. В левом на частотах 18,02371 и 16,69665 Гц. В правом проявляются четыре максимума в области частот 19,65499-15,27636 Гц.

В самой возрастной группе (Ст) активность мозга проявляется слабо. Положительных пиков вообще не обнаружено. Отрицательных выявляется два максимума в правом и левом полушарии в области частот 19,65499-16,69665 Гц. При подсчетах учитывались максимумы, амплитуда которых больше 0,1.

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

В результате проведенного исследования установлено, что у испытуемых во 2-ом сеансе игры в β -диапазоне с увеличением возраста наблюдается исчезновение положительных пиков фБА и увеличение отрицательных. Наибольшее количество положительных пиков зафиксировано в средней возрастной группе.

Литература:

1. Клочкова О.И., Воробьева Е.Ю., Погорелова Е.Ю., Старцева М.С., Шабанов Г.А., Рыбченко А.А. Функциональная межполушарная асимметрия вызванной электромагнитной активности мозга в процессе позиционной компьютерной игры //Сб.статей ЦНС «Международные научные исследования» по материалам IV международной научно-практической конференции: «Проблемы и перспективы современной науки», Часть 2, г. Москва: сборник статей (уровень стандарта, академический уровень).- Москва: «ISI-journal», 2016, с. 36-39
2. Шабанов Г.А., Максимов А.Л., Рыбченко А.А. Функционально – топическая диагностика организма человека на основе анализа ритмической активности головного мозга.- Владивосток: Дальнаука, 2011.- 206 с.
3. Кропотов Ю.Д. Количественная ЭЭГ, когнитивные вызванные потенциалы мозга человека и нейротерапия/ Перевод с англ. под ред. В. А. Пономарева.- Донецк: Издатель Заславский А.Ю., 2010.- с 86-87
4. A.A. Ribchenko, G.A. Shabanov, U.A. Lebedev, V.I. Korochentcev. RS MEG1-01 Coil Recorder of Spectrum of Magnetolectric Activity of Human Brain // Biomedical Engineering. Vol. 47, No.6. – March, 2014. – pp. 282-284.

Королькова О.А.

ЭФФЕКТ АДАПТАЦИИ КАК СПОСОБ ИЗУЧЕНИЯ СТРУКТУРЫ ПЕРЦЕПТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА ЭКСПРЕССИЙ ЛИЦА

В исследованиях восприятия эмоциональных экспрессий лица человека сформировались два основных теоретических направления. Согласно многомерному подходу, все эмоции и их внешние выражения могут быть описаны небольшим набором биполярных характеристик, таких как положительная/отрицательная валентность эмоции и активация/инактивация. Другая точка зрения предполагает небольшое число категорий базовых эмоций, несводимых к многомерному базису и представляющих собой качественно различные паттерны физиологических реакций, субъективных переживаний и внешних проявлений. Несмотря на значительное число исследований, посвященных восприятию экспрессий лица, вопрос о том, какой из этих подходов точнее характеризует структуру воспринимаемых эмоциональных состояний по выражению лица коммуниканта, остается открытым.

Уточнению вопроса о соотношении воспринимаемых экспрессий в их представленности наблюдателю может способствовать изучение эффекта перцептивной адаптации к эмоциональному лицу. Он заключается в том, что после продолжительного рассматривания лица, выражающего определенную эмоцию, чувствительность наблюдателя к проявлениям этой эмоции снижается, а его оценки смещаются в сторону, противоположную адаптору. Нас интересовало, как будет меняться восприятие выражения лица после адаптации к различным экспрессиям.

Многомерный подход предсказывает существование пар оппонентных эмоций, таких как радость и печаль. В таком случае при адаптации наблюдалось бы не только избирательное

уменьшение чувствительности к эмоции-адаптору, но и избирательное увеличение чувствительности к эмоции, противоположной адаптору. Напротив, если базовые эмоции являются независимыми перцептивными категориями, можно ожидать только снижения чувствительности к эмоции-адаптору, тогда как на восприятие других категорий эмоций данный адаптор не повлияет.

В психофизическом исследовании сопоставлялось восприятие экспрессий в условиях перцептивной адаптации и без нее. Исследование включало 2 этапа. На первом этапе участники ($N=26$) классифицировали экспонируемые на 50 мс изображения лица натурщицы, выражающей 6 базовых эмоций (радость, удивление, печаль, страх, отвращение и гнев) разной степени интенсивности (8 градаций от практически спокойного лица до сильно выраженной эмоции). Предлагалось семь категорий ответа: 6 эмоций и «спокойствие». По результатам строились индивидуальные психометрические функции и определялась интенсивность каждой экспрессии, соответствующая 50% верных ответов. На втором этапе шесть изображений (по одному для каждой эмоции) демонстрировались в условиях адаптации. Адапторами служили динамические изображения сильно выраженных эмоций и спокойное лицо. Каждый из семи адапторов демонстрировался с каждым из шести тестовых изображений. Длительность адаптора составляла 6050 мс, межстимульного интервала – 100 мс, тест-объекта – 50 мс. Задача была аналогична задаче первого этапа.

Результаты показали, что после адаптации к сильно выраженным экспрессиям доли верных оценок в ряде случаев действительно меняются по сравнению с условием адаптации к спокойному лицу. В частности, адаптация к динамической экспрессии радости значительно ухудшает точность оценок радости ($\chi^2(1)=45,2$; $p<0,001$), но улучшает распознавание печали ($\chi^2(1)=23,1$; $p<0,001$); после адаптации к отвращению ухудшается распознавание гнева ($\chi^2(1)=11,5$; $p=0,005$) и на уровне тенденции снижается распознавание радости ($\chi^2(1)=7,0$; $p=0,05$); точность оценок удивления падает после адаптации к удивлению ($\chi^2(1)=49,0$; $p<0,001$), страху ($\chi^2(1)=105,6$; $p<0,001$) и печали ($\chi^2(1)=21,1$; $p<0,001$).

Полученные результаты не позволяют сделать однозначного вывода в пользу многомерного либо категориального подхода, однако хорошо согласуются с данными других исследований. Предположительно, механизм оппонентного кодирования определяет восприятие экспрессий, расположенных вдоль оси валентности, тогда как для эмоций других модальностей основным является категориальный, дискретный способ репрезентации.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 15-36-01281*

Костина Д.И., Аллахвердов В.М.

ВЛИЯНИЕ ВЕРНЫХ И ОШИБОЧНЫХ ОТВЕТОВ В ОДНОЙ ЗАДАЧЕ НА НЕГАТИВНЫЙ ПРАЙМИНГ В ДРУГОЙ

Известно как влияние эмоций на когнитивную деятельность, так и обратное влияние (напр., Storbeck, Clore, 2008; Chetverikov, 2014). В.М. Аллахвердов (2001, 2009) предложил концепцию, согласно которой эмоциональные сигналы играют роль неспецифической обратной связи, оценивающей совпадение/несовпадение результатов в параллельных и независимых познавательных блоках, тем самым отражая эффективность работы когнитивной системы в целом. Из идеи неспецифичности следует, что сигнал о правильности или ошибочности, полученный в связи с решением одной задачи, может быть принят как сигнал о решении другой задачи.

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Ранее (Костина, 2015) исследовалось влияние «сигнала о правильности» на негативный эффект соответствия (Eimer, Schlaghecken, 1998), проявляющийся в замедлении реакции на стимулы «<<<» и «>>>» после предъявления соответствующего этим стимулам прайма. По нашим данным, верный ответ на иррелевантную задачу, предъявленный сразу после прайма, менял направленность эффекта: прайм начинал ускорять реакцию на идентичную ему цель, тогда как в других условиях замедлял.

Мы сделали попытку проверить полученные результаты на другом виде негативного прайминга. Задача испытуемых состояла в распознавании медленно проявляющихся слов. Перед каждой целью предъявлялись праймы двух типов: основной (ОП) — слово, совпадающее или не совпадающее с целевым, и два типа дополнительных: арифметический прайм (АП) — простой пример (напр., «4 + 8», «11 - 3») и верный или ошибочный ответ на него; нейтральный прайм (НП) - строки «xxxxx» и «x». В каждой пробе на экране появлялись: маска на 100 мс; арифметический пример на 33 мс; маска на 250 мс; ОП на 17 мс; маска на 250 мс; ответ на арифметический пример на 33 мс; маска на 333 мс. После этого появлялось целевое слово, медленно проявлявшееся из черного прямоугольника: требовалось как можно быстрее распознать слово и нажать клавишу «пробел», после чего ввести слово в поле для ответа. Выборку составило 30 человек (24 жен.; 6 муж.; ср. возраст 21). Каждому испытуемому предъявлялось 96 проб.

ANOVA (ОП × АП) показал значимый общий эффект ОП: $F(1, 29) = 7,95$; $p = 0,009$. Испытуемые реагировали медленнее, когда ОП совпадал с целевым словом (1793 против 1781 мс), т.е. наблюдался негативный прайминг. Эффект взаимодействия факторов оказался не значим ($F < 1$).

Для первой половины эксперимента (48 проб) взаимодействие факторов значимо: $F(2, 58) = 3,73$; $p = 0,030$. В условиях с НП и верным АП прайминг-эффект не выражен ($p > 0,3$), в условиях же с ошибочным АП наблюдается значимый негативный прайминг (-36 мс; $t = 3,50$; $df = 29$; $p = 0,002$). При рассмотрении второй половины эксперимента обнаруживается только общий эффект ОП: $F(1, 29) = 6,41$; $p = 0,017$. Т.е. при НП негативный прайминг усиливался от первой половины эксперимента ко второй. Ошибочный АП действительно усиливал негативный прайминг, но только в первой половине эксперимента. Вопреки ожиданиям, ослабления негативного прайминга в условиях с верным АП не происходило.

Мы предполагали, что иррелевантный «сигнал о правильности», полученный сразу после прайма, побуждает когнитивную систему больше опираться на данный прайм при подготовке ответа на цель, за счет чего негативный прайминг будет ослабевать или даже сменяться позитивным. Одновременно с этим ожидалось, что «сигнал об ошибочности» может усиливать негативный прайминг. В наших исследованиях влияние дополнительного прайма оказалось различным для двух видов негативного прайминга: в одном случае воздействие оказал «сигнал о правильности» в другом — сигнал об ошибке.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 16-06-00858.*

Костина Д.И., Моргунова В.А., Науменко О.В.

ВЛИЯНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ САТИАЦИИ НА ПОСЛЕДЕЙСТВИЕ НЕГАТИВНОГО ВЫБОРА

Под семантической сатиацией понимается переживание утраты смысла слова при его многократном повторении. Внешне это проявляется в таких эффектах, как замедление отнесе-

ния экземпляра к категории, название которой подверглось сатиации (Tian, Huber, 2010), или ослабление ускоряющего действия многократно повторенного прайма (Blacketal, 2013). Ингибирующее влияние сатиации наблюдается в задачах, связанных с повторяемыми стимулами (напр., Jakobovits, Lambert, 1962). Но какой эффект будет оказывать иррелевантная сатиация (ИС)?

Мы изучали влияние ИС на последствие негативного выбора (ПНВ), проявляющееся в тенденции повторно не осознавать ранее не осознанное при сохранении контекста. Понятие ПНВ было предложено в теории В.М. Аллахвердова (2000) для объяснения повторных ошибок пропуска и ряда других экспериментальных эффектов.

В данной теории предлагается рассматривать сатиацию как проявление общего закона, согласно которому неизменное содержание перестает осознаваться. Его место в сознании должно быть занято чем-то иным, поэтому можно ожидать, что концентрация внимания на повторяющихся стимулах будет облегчать осознание ранее негативного выбранного.

В эксперименте 1 испытуемым на 150 мс с маскойкой предъявлялись круглые шкалы с 50 делениями, на одно из которых указывала стрелка. Далее появлялась пустая шкала, на которой требовалось отметить нужное деление. Эксперимент включал 6 повторяющихся дважды блоков из 4 стимулов. Из анализа был исключен блок 1 (тренировочный). После каждого блока участникам, в зависимости от группы, предъявлялось для чтения 10 слов или одно слово, повторенное 10 раз. Выборку составили 38 человек (28 жен., 10 муж.; ср. возр. 21,9).

ПНВ рассчитывалось как разность процента правильных ответов после ошибки (ср. 32,7%) и при первом предъявлении (ср. 46,6%); последствие позитивного выбора (ППВ) — как разность процента правильных ответов, данных повторно (ср. 60,0%) и при первом предъявлении.

При простом сравнении двух групп по выраженности ПНВ не было обнаружено значимых различий: $t(36) = 0,08$; $p = 0,9$. При проведении ANOVA помимо фактора группы учитывалась выраженность ППВ (больше или меньше медианы). Был обнаружен значимый эффект взаимодействия факторов: $F(1, 34) = 4,93$; $p = 0,033$. Для испытуемых с выраженным ППВ (больше медианы) ПНВ в группе с сатиацией оказалось выражено значимо меньше (3,84%), чем в контрольной группе (-14,27%): $t(17) = 2,31$; $p = 0,034$. Т.о., ИС ослабляла тенденцию повторно ошибаться, но только у испытуемых, склонных повторять правильные ответы.

В эксперименте 2 испытуемые запоминали два ряда из 9 бессмысленных слогов. Каждый ряд предъявлялся до тех пор, пока не воспроизводились все слоги, но не более 10 раз. Мы предположили, что ИС будет уменьшать число требуемых попыток посредством ослабления ПНВ. После каждой попытки испытуемым нужно было прочесть 10 слов или одно слово, повторенное 10 раз. Порядок условий варьировался между группами. Выборку составили 20 человек (17 жен.; 3 муж.; ср. возр. 21).

При проведении ANOVA («условие» × «группа») был обнаружен значимый эффект условия: $F(1, 18) = 1,54$; $p = 0,013$. Вопреки гипотезе, в условии с сатиацией испытуемым требовалось больше попыток для запоминания: 6,65 против 5,05; кр. Вилкоксона: $p = 0,015$.

Ранее на материале другой задачи было показано фасилитирующее влияние ИС (Науменко и др., 2014), что согласуется с результатами первого эксперимента, но не второго. Однако в эксперименте 2, в отличие от предыдущих, основная задача не менялась на протяжении блока, и испытуемые могли продолжать концентрироваться на ней и во время чтения слов. Вероятно, в этом случае необходимого сосредоточения на повторяющихся стимулах не происходило. Чтение же разных слов не позволяло удерживать внимание на задаче запоминания, и такая смена контекста сама могла ослаблять ПНВ. Роль направленности внимания в возникновении эффекта ИС требует дальнейшего изучения.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ номер 16-36-00297 мол_а*

Котов А.А., Менжинский Р.С.

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ РАЗЛИЧИМОСТЬ В ЗРИТЕЛЬНОМ ПОИСКЕ ПОДДЕРЖИВАЕТ ПАМЯТЬ ОБ ОБЪЕКТЕ

Недавно в фокусе внимания целого ряда исследователей (Lupyan, 2008; Richler, Palmeri, Gauthier, 2013; Котов, Котова, 2016) оказался эффект смещения памяти об объекте по направлению к прототипу. Значимым фактором, вызывающим данный эффект, выступает название запоминаемого объекта: испытуемые хуже помнят объекты, которые они называли, по сравнению с теми, которые не называли. По-видимому, название активирует обобщенный категориальный образ, мешающий запоминанию индивидуальных признаков. Участие речи в данном эффекте является опосредованным. Например, похожий эффект возникает после выполнения задачи на индуктивный вывод (Sloutsky, Fisher, 2004): из-за усиления процессов категоризации память об объектах тоже ухудшается. В нашем эксперименте мы изучали влияние нового фактора - уровня категориальной различимости объектов при зрительном поиске. Испытуемые ($N=85$) выполняли задачу на зрительный поиск целевого объекта среди объектов другой категории и, после нахождения, запоминали его. Зрительный поиск был организован по-разному: в условии с низкой категориальной различимостью (НКР) цель (например, изображение собаки) окружали похожие объекты (например, изображения кошек), в условии с высокой категориальной различимостью (ВКР) – непохожие объекты (например, изображения ламп). Затем испытуемые выполняли тест на запоминание, в котором должны были распознать виденные ранее целевые объекты среди похожих на них новых объектов.

Мы предполагали, что, поскольку в условиях НКР зрительный поиск цели затруднен, испытуемые будут произносить «про себя» название цели для ее нахождения. В условии ВКР поиск происходит легче и необходимости в назывании цели не будет. Поиск с разной категориальной различимостью приведет к тому, что испытуемые будут хуже распознавать виденные объекты среди новых после поиска с НКР, чем после поиска с ВКР.

Мы провели четыре эксперимента, изменяя время на запоминание целевого объекта после его нахождения (дополнительное время не предоставлялось, 0,5 сек и 3 сек) и категориальные ожидания (пробы с условиями НКР и ВКР демонстрировались блоками по шесть однотипных проб, что увеличивало категориальные ожидания, или в случайном порядке). Выполнение теста на запоминание оценивалось подсчетом количества правильных обнаружений, ложных тревог и показателя чувствительности (d').

Мы обнаружили, что в экспериментах с отсутствием времени на запоминание и недостаточным временем (0,5 сек) уровень запоминания (d') в условиях НКР и ВКР не различался ($p>0.1$). В условиях же с достаточным временем на запоминание (3 сек), как мы и предполагали, после поиска с НКР испытуемые хуже распознавали виденные объекты ($d'=0.89$), чем после поиска с ВКР ($d'=1.34$), $t(58)=2.80$, $p<0.01$. При этом разница в чувствительности определялась количеством ложных тревог (их было больше в условиях с НКР), а не правильных обнаружений. Эксперимент с нарушением категориальных ожиданий (случайное предъявление проб с НКР и ВКР) тоже показал, что в условиях НКР испытуемые хуже распознавали тестовые объекты, чем в условиях ВКР, $t(32)=2.02$, $p<0.05$. Эта разница также определялась количеством ложных тревог, а не правильных обнаружений. Таким образом, категориальная различимость, а не категориальные ожидания, определяла эффект смещения памяти к прототипу.

Литература:

1. Котов А.А., Котова Т.Н. Название объектов помогает дошкольникам запоминать новую информацию о категории. Вопросы психологии. 2016. Т.3, с.1-10.

2. Lupyan, G. (2008). From chair to “chair:” A representational shift account of object labeling effects on memory. *J. Exp. Psychol. Gen.* 137, 348–369.
3. Richler, J. J., Palmeri, T. J., Gauthier, I. (2013). How does using object names influence visual recognition memory? *J. Mem. Lang.* 68, 10–25.
4. Sloutsky, V. M., Fisher, A. V. (2004). When development and learning decrease memory: Evidence against category-based induction in children. *Psychological Science*, 15, 553–558.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ номер 15-06-02233 А*

Кулиева А.К., Кувалдина М.Б.

ВЛИЯНИЕ КОНГРУЭНТНОСТИ ПРАЙМИНГА НА «ЧУВСТВО КОНТРОЛЯ»

Sense of Agency («чувство контроля», в дальнейшем — SoA) — субъективное переживание себя как субъекта своего действия и, через него, изменений в окружающем мире (Haggard & Trakiris, 2009). SoA является одним из маркеров произвольно совершаемого человеком действия (Haggard, 2008). Одним из факторов, влияющих на интенсивность переживания SoA, является сенсомоторная беглость совершаемого действия. В исследованиях Wenke et al. (2010), Sidarus et al. (2013) сенсомоторная беглость и, следовательно, SoA усиливалась путем предъявления испытуемому конгруэнтного подпорогового прайма, то есть предъявления подсказки до самой цели на 17 мсек. Было получено, что SoA увеличивается при совпадении подпороговой подсказки и цели, однако влияние надпорогового прайминга исследовано не было. Мы предположили, что при надпороговом прайминге SoA будет сильнее по сравнению с ситуацией подпорогового прайминга, а время реакции испытуемых замедлится. При этом различия между пробами с конгруэнтным и неконгруэнтным праймом будет таким же, как и при подпороговом.

В эксперименте приняли участие 16 человек (12 жен), в возрасте от 18 до 25 лет (MDN = 21).

Праймом было изображение стрелки, направленной направо или налево. Стрелка-цель также могла указывать направо, налево или в обе стороны. После ответа испытуемому в качестве обратной связи предъявлялся круг одного из шести цветов. Каждая проба представляла собой последовательность из прайма, цели, ответа испытуемого, обратной связи и задачи на оценку уровня контроля (SoA). Первая задача — нажать на клавишу в соответствии направлением цели (подсказанный выбор) или самостоятельно выбрать, какую клавишу нажать, если стрелка указывает в обе стороны (неподсказанный выбор). Вторая задача - оценить по шкале от 1 до 8, насколько сильно выражено чувство контроля над выполнением задачи при условии данной обратной связи (цвета предъявляемого круга). При этом цвет обратной связи зависит от нажатой испытуемым клавиши («направо» или «налево») и ее соответствия направлению стрелки-прайма (зависимый цвет). При этом в трети проб цвет обратной связи не зависел от условий задачи (нейтральный цвет). Эксперимент был разделен на 6 блоков по 48 проб (всего 288 проб). В каждом новом блоке цвета перемешивались.

В эксперименте использовался смешанный экспериментальный план. Варьировались следующие внутригрупповые факторы: выбор испытуемого (подсказанный/ неподсказанный), конгруэнтность прайма (конгруэнтный/ неконгруэнтный/ отсутствие прайма), длительность прайминга (17 мсек/ 250 мсек). Межгрупповой фактор — последовательность блоков с подпороговым и надпороговым праймингом.

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Как ожидалось, конгруэнтный прайминг (как подпороговый, так и надпороговый) ускоряет время реакции ($F(1,12) = 6,983$; $p < .05$), уменьшает количество ошибок ($F(1,12) = 6,330$; $p < .05$), влияет на выбор испытуемых ($F(1,12) = 24,682$; $p = .000$) и усиливает SoA ($F(1,12) = 5,882$; $p < .05$) по сравнению с неконгруэнтным.

Значимых различий между надпороговым и подпороговым праймингом обнаружено не было ни для одной из зависимых переменных. Однако были обнаружены различия в зависимости от группы. Испытуемые, которым вначале предъявлялись блоки с надпороговым праймингом, в целом работали быстрее ($t(4048) = 2,485$; $p < .05$) и выше оценивали SoA ($t(4048) = -24,260$; $p = .000$), по сравнению с теми, кто вначале выполнял пробы с подпороговым праймингом. Этот результат свидетельствует о влиянии процесса научения на формирование чувства контроля.

Наша гипотеза о более выраженном влиянии надпорогового прайминга на SoA не подтвердилась. При этом подтвердилась вторая гипотеза о том, что надпороговый прайминг так же, как и подпороговый, влияет на сенсомоторную беглость и на чувство контроля над выполнением действий.

Лазарева Н. Ю.

ВЛИЯНИЕ ПЕРЕГРУЗКИ ПОДСИСТЕМ РАБОЧЕЙ ПАМЯТИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЭФФЕКТА СЕРИИ

На данный момент описано достаточно большое количество феноменов и экспериментальных эффектов, связанных с ограничением зоны поиска решения. Данная проблема остается актуальной в связи с тем, что механизмы эффектов фиксированности до сих пор не раскрыты.

Согласно теории Х. Хелсона (Хелсон, 1975), все множество эффектов фиксированности можно условно разделить на два класса: 1. эффекты длинной серии, в которых фиксированность вызвана общей структурой опыта; 2. эффекты серии, возникающие в самой ситуации решения после выполнения серии схожих задач.

Нас интересуют эффекты второго типа и их возможная связь с переработкой информации в различных подсистемах рабочей памяти (РП). За основу мы берем представления А. Д. Бэддели (Бэддели, 2011) о блоковой специфике строения РП. По нашему мнению, фиксированность возникает как результат формирования и сохранения схемы успешного решения, которая может храниться в разных блоках РП. В нашем эксперименте мы постараемся помешать формированию эффекта серии, вводя параллельную задачу во время решения установочных задач, тем самым перегружая соответствующий блок рабочей памяти.

Целью нашего исследования является рассмотрение роли РП в эффекте серии.

Экспериментальная выборка: 40 испытуемых в возрасте от 18 до 22 лет.

Основная гипотеза: фиксированность является результатом формирования и сохранения схемы успешного решения в РП.

Частные гипотезы: 1. эффект серии не будет формироваться при параллельной загрузке специфического блока РП; 2. эффект серии будет формироваться при параллельной загрузке неспецифического блока РП; 3. устойчивость и формирование эффекта будет зависеть от сложности специфической загрузки РП.

Процедура исследования: Каждому испытуемому предлагалось решить 6 установочных задач, в которых решение всегда находилось по одному принципу (в 4 действия). После их решения нужно было решить 7-ю критическую задачу, которая решалась более простым

способом (в 2 действия). В качестве задач, моделирующих эффект серии, нами были взяты модифицированные задачи Лачинсов. Как во время решения установочных, так и во время решения критической задачи, испытуемые должны были выполнять параллельную задачу. В качестве задач, параллельно загружающих специфический блок, РП были взяты задания типа:

1. Специфическая для задач Лачинсов простая загрузка (выбор на четность или нечетность числа);
2. Специфическая для задач Лачинсов сложная загрузка (выбор наибольшего из двух предъявляемых чисел);
3. Нетипичная для задач Лачинсов загрузка (выбор на вертикальность или горизонтальность предъявляемой фигуры).

Анализ полученных результатов

Частные гипотезы 1 и 2, в которых мы предположили, что фиксированность не будет формироваться под воздействием типичной параллельной задачи и будет формироваться под воздействием атипичной параллельной задачи, не подтвердилась.

На формирование фиксированности оказывает влияние как атипичная, так и типичная загрузка. А разница во времени между 6-ой установочной и 7-ой критической задачами значительно отличается в зависимости от наличия или отсутствия параллельной задачи ($F = 9.13$, $p = .003$, $\eta^2 = 0.06$).

Частная гипотеза 3 также получила своё частичное подтверждение. Простая типичная загрузка сохраняет «после фиксированный» длинный путь решения 7-й критической задачи в группе с установкой. Время решения критической задачи после серии установочных задач значительно больше, чем в условиях не фиксированности ($F(1, 18) = 4.90$, $p = .04$). В свою очередь, сложная типичная загрузка и атипичная загрузка оказывают влияние на эффект серии и мешают его формированию. Таким образом, на устойчивость и силу эффекта серии влияет степень и сложность загрузки РП.

Выводы:

1. Достаточно сложная вторичная задача оказывает значительное влияние на формирование эффекта серии.
2. Специфика формирования схемы успешного решения не выявлена, по всей видимости, конкуренция происходит за общий когнитивный ресурс.

Малкова Е.Е., Гурьев В.С.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МЫШЛЕНИИ КАК ФУНКЦИИ ПОЛУЧЕНИЯ ПОЛЕЗНОГО РЕЗУЛЬТАТА В РАМКАХ ТРАДИЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Проблема мышления занимала людей с самого начала развития наук о человеке. Первоначально мышление, как и остальные психические процессы, представлялось произвольным накоплением ассоциаций с последующей их произвольной репродукцией. Однако, Вюрцбургская школа рассматривала мышление уже как внутреннее активное действие, когда впервые были поставлены вопросы целенаправленности, регуляции и развития этого процесса. Дальнейшее его рассмотрение как поэтапного, развернутого во времени процесса связано с именем О.Зельца, который понимал его как функционирование интеллектуальных операций.

Новый аспект мышления был выделен представителями гештальтпсихологии, где решающим фактором признавалась организация условий задач. В русле поведенческого направления утверждалось наличие в структуре любого вида деятельности процессов компарации (сличения) внешних воздействий с внутренним состоянием организма и оценки результатов

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

действий, осуществляемых этой системой. И только в рамках психоанализа на первый план была выдвинута проблема мотивов человеческого поведения, а также бессознательного в игнорирования противоречий когда мышление могло быть направлено на получение не реальных, а воображаемых результатов (Блэйлер Э., 2004). Так, в познавательной теории мотивации на первое место выходит мотивация достижения как движущая сила мышления. Идея полимотивированности деятельности и мышления привела к пониманию мышления как процесса разрешения несоответствия между различными мотивационными тенденциями человека (физиологическими, психологическими, социальными, духовными).

Ж.Пиаже (2003) использовал термин «интеллект» как реальное биологическое мышление, противопоставляя его мышлению формально-логическому, с которым до этого оно отождествлялось в психологии и философии. Согласно принципам системогенеза (Швырков В.Б., 2006; Александров И.Ю., 2008) познавательный опыт, накопленный человеком к определенному периоду представляется как совокупность функциональных систем, характеризующихся возможностью ассимилировать новый опыт, реализуя тем самым восходящую системную регуляцию. В то же время Л.С.Выготский (2015) указывал на социальный генезис высших психических функций, которые, изначально являясь внешними социальными операциями, постепенно «интериоризируются» и сращиваются с низшими психическими функциями.

Благодаря развитию кибернетики сформировалось понимание мышления как системы обработки информации в свете формальной и математической логики. Невозможность описания природы человеческого мышления в ее терминах была показана О.К.Тихомировым (1984), эмпирически развившим теоретическое положение о единстве интеллекта и аффекта. Дж. Келли также рассматривал в качестве основной функцию предвосхищения событий на основе личностных конструкторов.

В педагогической психологии мышление связывается с обучаемостью, где процессы научения и научного познания понимаются, как нечто осознаваемое, однако современное знание всё чаще апеллирует к неосознаваемым аспектам (интуиции). По мнению М.Полани (1985) в основе интуиции лежит «периферическое» знание, которое используется, как «интерпретативная система», задающая «фон» решения любой мыслительной задачи. А.Г.Свердлик (2016) приводит множество примеров, в которых описывается опыт неалгоритмического решения задач показывая, когда строго логические доказательства получают посредством преодоления «логического разрыва». Известный лингвист Дж.Лакофф предложил гипотезу о метафорической природе мышления, которую в свете когнитивной психологии доказал совместно нейropsychологом Р.Нуньесом (2000).

В рамках психологии мышление понимается как высшая психическая функция, обусловленная операциональными, динамическими и личностными характеристиками (Зейгарник В.Б., 2012).

Таким образом, мышление рассматривается, как полимотивированный целостный этапный процесс, отличающийся многоаспектностью и многоуровневостью, имеющий осознаваемые и неосознаваемые фазы, функциональным смыслом которого, является решение конкретной проблемной ситуации.

Морошкина Н.В., Иванчей И.И., Карпов А.Д., Овчинникова И.В., Тихонов Р.В.

РОЛЬ КРИТИЧЕСКОЙ УСТАНОВКИ В УСВОЕНИИ НЕЯВНЫХ КОВАРИАЦИЙ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ПЕРВОГО ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Изучение принятия решения в условиях социального влияния имеет долгую историю в психологии. Несмотря на тот факт, что первые, и, возможно, самые известные эксперименты

в данной области, демонстрируют эффект конформизма в перцептивных задачах (Sherif, 1937; Asch, 1951). Большинство последующих исследований было посвящено изучению социальных переменных, связанных с проявлением конформизма, таких как размер группы, статус ее участников и т.д. (подробнее см. Cialdini, Goldstein, 2004), тогда как когнитивные механизмы обработки информации в условиях социального влияния долгое время оставались за пределами интереса психологов. Настоящая работа посвящена вопросу о том, насколько мнение других людей может повлиять на формирование имплицитных стереотипов в отношении такого параметра как женская привлекательность, и будет ли мнение группы, высказанное в отношении одних девушек-моделей, влиять на индивидуальные решения испытуемого в отношении других девушек-моделей, обладающих сходными характеристиками.

Выборка: 88 добровольцев (30 муж.) в возрасте от 18 до 39 лет, не имеющих психологического образования. Испытуемые были случайно распределены по трем группам.

Эксперимент состоял из двух этапов: обучающего и тестового. На обучающем этапе испытуемым предъявлялось 20 фотографий девушек с указанием оценки их привлекательности по десятибалльной шкале. В группе 1 в инструкции сообщалось, что оценка привлекательности, указанная под фото, была получена в ходе опроса группы других испытуемых. Группе 2 сообщалось, что указанная под фото оценка привлекательности была получена в результате оценки объективных параметров лица (таких как симметрия, пропорциональность и т.д.), в группе 3 сообщалось, что оценка под фото – это случайное число, сгенерированное компьютером.

Задача испытуемых состояла в том, чтобы запомнить лица «привлекательных» девушек (чья оценка >5). При этом испытуемые группы 1 и 2 должны были отмечать те случаи, когда предъявленная под фото оценка не совпадала с их собственным впечатлением о привлекательности девушки.

В предъявление стимульного материала во всех трех группах была введена неявная ковариация между типом прически и оценкой привлекательности девушек, о чем испытуемые не знали (половине испытуемых каждой группы более высокие оценки предъявлялись у девушек с распущенными волосами, а другой половине – у девушек с убранными волосами или стрижкой). На тестовом этапе испытуемым предлагалось самостоятельно оценить по десятибалльной шкале привлекательность двадцати восьми новых девушек, запечатленных на фото. По окончании эксперимента испытуемые отвечали на вопросы интервью, в ходе которого выяснялось, заметили ли они неявную ковариацию на обучающем этапе и опирались ли на нее при принятии собственных решений. По результатам интервью из анализа были отсеяны ответы 10 человек. Анализ остальных ответов показал, что эффект научения наблюдался только в группе 3 ($F(1,23) = 6.64, p = 0.017$), испытуемые которой оценивали привлекательность новых девушек в соответствии с неявной ковариацией, навязанной на обучающем этапе. В среднем они оценивали девушек с «правильным» типом прически на 0,5 балла выше, чем девушек с «неправильным» типом. В группе 1 и 2 научение отсутствовало ($F(1,24) = 0.18, p = 0.675$ и $F(1,29) = 1.81, p = 0.18$). При этом по данным интервью две трети испытуемых из группы 1 и 2 (39 человек из 60) отметили, что оценки девушек на первом этапе показались им неадекватными, тогда как в группе 3 таких было менее половины (11 из 30 чел.).

Полученные данные свидетельствуют о том, что в ситуации критической установки, когда испытуемый не просто запоминает предъявленную ему информацию, но и выносит собственное мнение относительно нее, влияние навязываемой информации значительно снижается. Однако в ситуации, когда такая критическая установка не сформирована, даже заведомо irrelevantные закономерности имплицитно усваиваются и влияют на выносимые оценки.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 15-36-01355*

Николаева Е.И., Новикова А.В.

СООТНОШЕНИЕ УРОВНЕЙ ИНТЕЛЛЕКТА И КРЕАТИВНОСТИ У ДЕТЕЙ РАЗНОГО ВОЗРАСТА

Изучение соотношения интеллекта и креативности у человека связано с целым рядом сложностей. Прежде всего, нет общепринятых определений для каждого из этих понятий, а потому результат в значительной мере зависит от теоретических подходов, применяемых авторами исследований. Тем не менее, существование широко используемых методов оценки каждого из этих параметров позволяет сравнить психометрические показатели и сделать предсказания в рамках теоретических представлений, заложенных в тестах.

Результаты исследований связи креативности и интеллекта крайне противоречивы. С одной стороны, есть данные о наличии значимой корреляции между этими параметрами (Hennessey, Amabile, 2010), с другой - доказывається незначимость этих связей. Есть мнение, что возможны любые сочетания интеллекта и креативности (Дружинин, 2014), а потому есть индивидуумы с высокими уровнями обоих параметров, с низкими их значениями, а также люди с высоким уровнем одного параметра и низким уровнем - другого.

Можно предположить, что специфика соотношения креативности и интеллекта определяется не только условиями развития индивидуума (Холодная, 2015, Николаева, 2015) и его индивидуальными особенностями, но и возрастом.

Именно поэтому целью исследования явилось изучение уровня интеллекта и креативности у детей 7-8 лет и младших подростков 12-13 лет. Возраст был выбран на основе данных о том, что именно в данном возрастном диапазоне лежат существенные перестройки, предопределяющие развитие интеллекта и креативности у детей.

В исследовании участвовало 160 детей, 80 учеников 1-2 классов 7-8 лет (37 мальчиков и 43 девочек) и 80 учеников 5 класса 12-13 лет (40 мальчиков и 40 девочек).

Для решения поставленных задач были использованы следующие методики: Прогрессивные матрицы Дж. Равена (2002) и Батарея тестов «Творческое мышление», представляющая собой модификацию тестов Гилфорда и Торранса в русской адаптации Е.Е. Тунник (2002).

Сравнение средних параметров уровня интеллекта и креативности не выявили различий между детьми разного возраста.

Регрессионный анализ обнаружил в целом по группе испытуемых слабое влияние независимой переменной «уровень интеллекта» на зависимую переменную «уровень креативности» ($R^2=0,070$, $\beta=0,265$, $p=0,049$). Поскольку мы применили линейный регрессионный анализ, то R^2 представлял собой процент объясненной дисперсии зависимой переменной в связи с изменением независимой переменной (7%), p – уровень значимости, β – коэффициент регрессии.

Принципиально иная картина наблюдается у младших подростков - 12-13 лет. У них отмечается значимая связь между уровнем интеллекта и уровнем креативности (при $R^2=0,074$, $\beta=0,272$, $p=0,043$).

Итак, наши данные свидетельствуют о том, что уровень интеллекта и уровень креативности неодинаковым образом связаны у детей разного возраста. У детей 7-8 лет они не зависят друг от друга. Тогда как в возрасте 12-13 лет есть слабая, но значимая связь между ними.

Возникает предположение, что соотношение креативности и интеллекта с возрастом меняется подобно тому, как соотносятся до трех лет мышление и речь. До трехлетнего возраста у детей независимо развивается мышление и речь, а в возрасте трех лет, когда они начинают взаимно влиять друг на друга, интенсивнее начинает развиваться каждый из этих параметров, что существенно меняет познавательные возможности ребенка. Точно также интеллект и креативность развиваются у детей относительно независимо. Изменения, связанные с созреванием структур мозга, ведут к соединению этих характеристик, что позволяет в пубертатный период решать задачи более сложного уровня и адаптироваться к взрослой жизни. Это предположение требует доказательств, но дает направление для дальнейшего исследования.

Осорина М.В., Устинова В.А.

ПОСТЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮИРОВАНИЕ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ПОНЯТИЙНОГО МЫШЛЕНИЯ (ОБОСНОВАНИЕ МЕТОДА)

Осознание субъектом специфики собственных когнитивных процессов является важным фактором развития его метакогнитивных способностей. Однако основной массив метакогнитивного опыта личности представляет собой «неявное знание» субъекта, которое обычно он самостоятельно артикулировать не может. Есть основания считать, что потенциально субъект является уникальным аутентичным экспертом по отношению к собственной ментальной сфере. Проблема заключается в том, как помочь субъекту эксплицировать свое экспертное знание – как его извлечь, как материализовать в языковой форме и сделать предметом рефлексии, анализа, обсуждения, осознания. Мы полагаем, что одним из эффективных способов такой экспликации является постэкспериментальное интервью, осуществляемое сразу после выполнения интеллектуальной работы (напр., решения задач).

Обоснование этого метода строится на следующих утверждениях:

1) субъект имплицитно знает о своем мышлении то, чего не знает психолог-исследователь; 2) субъект не знает о своем мышлении то, что знает о нем психолог-исследователь, так как он является профессиональным экспертом-когнитологом по отношению к ментальной сфере людей; 3) психолог-исследователь способен помочь эксплицировать «неявное знание» субъекта о его мышлении и превратить это «молчаливое знание» в словесное высказывание; 4) психологическим инструментом, при помощи которого запускается актуализация и вербализация «молчаливого знания», является вопросно-ответный метод, который обычно используется при экспликации экспертного знания [1].

Будем использовать термин «постэкспериментальное интервьюирование» для обозначения целостного процесса интервьюирования, включающего стадию установления контакта, процедуру задавания вопросов, касающихся событий в ментальной сфере субъекта, происходивших в ходе выполнения им тестовых задач, стадию выхода из контакта, а также привходящие особенности организации ситуации интервьюирования и существенные аспекты поведения самого интервьюера.

Под термином «постэкспериментальное интервью» будет пониматься результат интервьюирования, представленный в виде аудиозаписи, а также в расшифрованной форме в виде напечатанного словесного текста, который может стать предметом психологического анализа.

Эффективность постэкспериментального интервьюирования (ПЭИ) особенно значительна при качественно-феноменологическом дизайне исследования, который широко используется при изучении особенностей понятийного мышления. Мы использовали собственную профессиональную модификацию ПЭИ для микроструктурного анализа процесса мышления при выполнении методик «Обобщение по существенному признаку (понятийные триады)», «Целое–часть» и «Часть–целое». По результатам применения каждой из этих методик с каждым из 18 респондентов было проведено развернутое постэкспериментальное интервью, в котором последовательно обсуждалось обдумывание и ход решения каждого задания соответствующей методики. В целом на интервьюирование респондента уходило от 80 до 150 минут. Беседа записывалась на диктофон, а затем проводился микроструктурный анализ расшифровок этих интервью.

Показана эффективность вопросно-ответного метода для экспликации таких аспектов ментального опыта субъекта как эмоциональная реакция субъекта на стимульные задания, динамика процесса и специфика продуктов интеллектуальной деятельности, особенности ин-

дивидуальных ментальных репрезентаций стимульного материала, когнитивные привычки и особенности метакогнитивной регуляции.

Литература:

1. Червинская К. Р. Психология извлечения экспертных знаний субъектов труда: Автореф. дисс. д-ра психол. наук. – СПб., 2010.

Первушина О.Н., Шабалин А. П.

ВЛИЯНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРАЙМИНГА НА РЕШЕНИЕ МОРАЛЬНЫХ ДИЛЕММ

В настоящее время происходит интенсивное развитие междисциплинарного поля исследований проблемы осуществления морального выбора. Несмотря на значительное количество работ, рассматривающих различные аспекты морального поведения с позиций психологии, нейрофизиологии и нейротеки, можно отметить недостаточную изученность влияния, оказываемого неосознаваемыми когнитивными процессами на выносимые субъектом моральные суждения. Целью данного исследования, воспроизводящего и логически дополняющего один из экспериментов Р. Брудерса, К. ван ден Боса, П. Мюллера и Дж. Хама (Broeders et al., 2011), являлось установление степени влияния эффектов семантического прайминга на решение моральных дилемм. Р. Брудерс и соавторы, опираясь на теорию двойного процесса Дж. Грина, полагают, что на осуществляемый моральный выбор влияет доступная субъекту в текущий момент времени информация. В проведённом ими эмпирическом исследовании было показано, что прайминг моральными правилами «спасти жизни» или «не убивать» повышает их когнитивную доступность, что находит прямое отражение в выносимом испытуемыми моральном суждении; также было установлено, что эффекты прайминга обнаруживаются лишь в случае «дилеммы моста», не проявляясь при решении классической «дилеммы вагонетки». В отличие от экспериментов Р. Брудерса и соавторов, в настоящем исследовании в качестве праймов использовались 2 набора из 6 афоризмов известных авторов; 3 афоризма являлись общими для обоих наборов, другие 3 обладали утилитаристской или же деонтологической направленностью. Выборка (60 человек в возрасте от 18 до 25 лет, средний показатель – 20 лет) случайным образом была разделена на 6 групп: 2 контрольные группы (без прайминга), которым предъявлялись наборы из 4 дилемм, включающие либо «дилемму моста», либо «дилемму вагонетки»; 2 экспериментальные группы с утилитаристским праймом, которым предъявлялись наборы с «дилеммой моста» или «дилеммой вагонетки»; 2 экспериментальные группы с деонтологическим праймом, которым также предъявлялись наборы с «дилеммой моста» или «дилеммой вагонетки». Испытуемым сообщалось, что они участвуют в исследованиях влияния ситуации неопределённости на переключаемость внимания и скорость вработываемости, предполагающих выполнение 3 заданий. Первым заданием являлось запоминание и объяснение своими словами смысла шести афоризмов. Вторым заданием являлось решение набора дилемм, преподносимое испытуемым в качестве задания для переключения внимания. Участникам исследования предлагалось оценить приемлемость некоторого варианта поведения по шкале от 1 до 7. После решения дилемм испытуемые должны были назвать общее содержание и авторов продемонстрированных ранее афоризмов. После выполнения всех трёх заданий испытуемым предлагался опросник Кроуна – Марлоу; затем производился дебрифинг. При попарном сравнении с использованием U-критерия Манна – Уитни между 3 группами, которым предъявлялся

набор дилемм, включающий «дилемму вагонетки», значимых различий обнаружено не было; при сравнении 3 групп, которым предъявлялся набор дилемм, включающий «дилемму моста», были обнаружены статистически значимые различия между экспериментальными группами в оценке приемлемости утилитаристского варианта поведения в «дилемме моста». Таким образом, семантический прайминг влияет на принятие решения в ситуации столкновения с «дилеммой моста»; при этом данный эффект отсутствует в случае других дилемм. Это может быть обусловлено конфликтным характером «дилеммы моста», провоцирующим возникновение чувства неопределённости. Можно также предположить, что в ситуации, характеризующейся высокой степенью неопределённости, человек более «чувствителен» к тем влияниям, которые позволяют преодолеть состояние неопределённости и когнитивного конфликта. Полученные данные, свидетельствующие о влиянии ситуативных переменных на поведение человека в ситуации морального выбора, представляют значительный интерес для социальной психологии и психологии морали.

Прохоров А.О.

МЕНТАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ

Изучение психических состояний ставит вопрос об их отображении в сознании человека. Результаты такого отображения в виде образа и знания, как совокупности субъективных суждений о состоянии, связаны с ментальными репрезентациями. Изучение ментальных репрезентаций состояний имеет особую значимость, так как это особый вид репрезентации того, чему нет соответствий в объективном предметном мире.

На наш взгляд, возникновение и закрепление ментальных репрезентаций психических состояний обусловлено следующим психологическим механизмом. Внутренние ощущения и впечатления, вызванные событиями и ситуациями переживаемыми субъектом, проходя этап сличения с содержанием более раннего опыта, формируют соответствующие ментальные структуры, связанные с актуализированным состоянием. Возникшие ментальные структуры, отражающие и отображающие психическое состояние в виде образа, вербальной репрезентации или символа, фиксируются и закрепляются в структурах памяти, формируя субъективный ментальный опыт. Этот процесс связан с осознанием и рефлексией, а также со смысловыми структурами сознания. В него также включены когнитивные и субъектно-личностные характеристики человека.

Можно предположить, что содержание ментальных репрезентаций психических состояний включает ряд составляющих: типичные ситуации (события), вызывающие психические состояния, основные виды проявлений состояний (психомоторные, эмоциональные и пространственные паттерны), а также образы и символику психических состояний. Эти характеристики будут отличаться у лиц разных профессий, культур, возраста, пола и др.

В проведенных нами исследованиях изучались ассоциативные (связь репрезентаций состояний с ситуациями жизнедеятельности), оценочные (описание состояний с помощью семантического дифференциала в модификации В.Ф.Петренко), понятийные (сравнение определений со словарной справкой – определениями из толковых словарей Даля, Евгеньевой, Ожегова и др.) и образные характеристики репрезентаций психических состояний (идентификация состояний в различных ситуациях и временных форматах). В исследованиях приняли участие 358 чел, все - студенты разных курсов и специализаций. В статистической обработке применялись корреляционный, кластерный, структурный анализ и др.

Результаты исследований позволили установить, что ситуации жизнедеятельности ассоциативно связаны с репрезентациями состояний определенного знака, интенсивности, длительности. Типичные ассоциативные связи присущи большинству респондентов, они означены и закреплены в языке. Наиболее выраженную ассоциативную связь с ситуациями имеют психические состояния, противоположные по знаку и значению и характеризующиеся высокой или низкой степенью психической активности. При изучении понятийного уровня были выявлены существенные различия между пониманием значений психических состояний респондентами и их общепринятой формулировкой (словарной справкой). Исследования показывают, что понимание значений психических состояний зависит от опыта и возраста респондентов, а также личностного смысла, который вкладывался испытуемыми в определения состояний. Исследование оценочных характеристик позволило установить, что ментальным репрезентациям психических состояний присущи ядерные, околождерные образования и периферия. Каждое состояние характеризуется собственным набором элементов, составляющих ядро его ментальной репрезентации. Выявлено, что в образных характеристиках репрезентаций состояний ведущими являются показатели физических и физиологических проявлений, особенности поведения, а также описание чувств, испытываемых в этом состоянии. Образ психического состояния стабилен, устойчиво воспроизводится, в том числе и в стрессовых, напряженных ситуациях.

Сейферт И.В., Осорина М.В.

**ИССЛЕДОВАНИЕ СПОСОБНОСТИ К ПОНИМАНИЮ
И ПРЕОБРАЗОВАНИЮ ЛОГИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ
У СТУДЕНТОВ-«ТЕХНАРЕЙ» И У СТУДЕНТОВ-«ГУМАНИТАРИЕВ»:
В ЧЕМ СХОДСТВО ИХ ТИПИЧНЫХ ЗАТРУДНЕНИЙ**

Понимание логической структуры высказываний и тем более – способность к целенаправленному совершению логических преобразований с ними, является важной характеристикой зрелости ума. В предыдущем исследовании удалось показать, что успешность студентов-«технарей» 1 года обучения в освоении математических понятий, а также прогноз относительно их дальнейшей академической карьеры больше всего предопределяется двумя факторами: 1) умением формировать образно-пространственные репрезентации математических объектов и 2) сформированностью логических способностей [1].

Задачи данной работы: 1) каковы наиболее типичные затруднения студентов при решении логических задач разных типов; 2) существуют ли затруднения, равно типичные как для студентов-«технарей», так и для «гуманитариев». Участники: 2 группы добровольцев-первокурсников: 58 студентов ИТМО и 18 психологов СПбГУ.

Использовался стимульный материал, незнакомый студентам: две авторские методики И.В.Сейферт. В первой в качестве стимульного материала использовались 4 пословицы (напр., «Без труда не вынешь и рыбку из пруда»), по отношению к которым надо было выполнить три задания: 1) для каждой сформулировать фразу, которая в общем виде отражает ее смысл; 2) каждую сформулировать в форме «Если А, то В», при этом и А, и В сформулировать позитивно, без использования частицы «не» и «нет»; 3) сформулировать для каждой из пословиц обратное утверждение: «Если В, то А».

Во второй методике использовались 2 стимульных высказывания, построенных по правилам русского языка и имеющих логический смысл, но состоящих из бессмысленных слов. Первое высказывание было истинным: «Малявая каляка – замазая», а далее требовалось вы-

брать из 13-ти высказываний про «каляку» те, которые являются верными. Например: «Существует малявая каляка, которая не замаза», «Все незамазые каляки не малявы» и т.д. Второе истинное стимульное высказывание было: «Если квазипука силезая, то она бракутая». К ней -13 вариантов, из которых надо было выбрать все верные.

Стимульные фразы имели логическую структуру, которую реципиент должен был опознать, а бессмысленность слов не давала возможности опереться на содержание, обычно помогающее уловить логику. Работа с таким материалом позволяла оценить способность студента к выявлению логической структуры высказывания в «чистом» виде, без смысловых подсказок. Обычно именно содержание помогает понять логический смысл высказывания. Например, если истинное высказывание – теорема «Дифференцируемая функция непрерывная», то студенты-«технари» легко распознают, что утверждение «непрерывная функция дифференцируема» будет ложным. Им помогает содержание: они много раз видели, что существуют непрерывные, но не дифференцируемые функции.

При работе с высказываниями про «каляку» и «квазипуку» подавляющее большинство студентов-«технарей» и «гуманитариев» без содержательной подсказки не способны увидеть разницу в построении верных и ложных утверждений.

Выяснилось, что общей проблемой для всех студентов было построение обратных высказываний, что они не понимают разницы между достаточными и необходимыми условиями.

Исследование способности к формальным логическим преобразованиям на материале использованных методик помогает обнаружить и более существенные дефициты в познавательных способностях первокурсников. Выяснилось, что 96% всех студентов путают описание объекта с его существованием. С их точки зрения, как только объект описан, он сразу начинает существовать. Рассуждать о несуществующих объектах в математике не принято. Теоремы о существовании вводятся для практически всех математических объектов. Однако для большинства студентов введение определения равносильно теореме существования.

Полученные результаты значимы для оптимизации преподавания базовых курсов в начале обучения в вузе.

Литература:

1. Осорина М.В., Сейферт И.В. О роли образного и словесно-знаковых языков в формировании математических концептов у студентов инженерных специальностей // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 16. 2015. Вып. 2. С. 30-45.

Сергеев С.Ф., Чивиксина М.С.

ОСОБЕННОСТИ ГЛАЗОДВИГАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ПОЛЯРНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОГНИТИВНОГО СТИЛЯ «ПОЛЕЗАВИСИМОСТЬ - ПОЛЕНЕЗАВИСИМОСТЬ» В ЗАДАЧАХ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОИСКА

Исследование посвящено актуальной теме – выявлению индивидуальных особенностей глазодвигательной активности у полярных представителей когнитивного стиля “полезависимость – поленезависимость” методом айтрекинга при решении задач когнитивного поиска в сети Интернет.

Когнитивный стиль «полезависимость – поленезависимость» выделен Г. Уиткиным с соавторами при изучении соотношения в перцептивной деятельности зрительных и пропри-

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

орецептивных ориентиров. Тенденция опираться на внешнее видимое поле получила название полнезависимости, а тенденция контролировать зрительные впечатления за счет проприорецепции – полнезависимости. Показано наличие различий между представителями данных групп в личностной и когнитивной сферах.

В дальнейшем полнезависимость стала рассматриваться в более широком контексте как умение преодолевать влияние видимого поля и структурировать его, выделяя в нем отдельные элементы. При этом у полнезависимых, напротив, все элементы зрительного поля жестко связаны и не могут быть произвольно выделены субъектом. Детали у полнезависимых трудноотделимы от пространственного фона.

Проведено экспериментальное исследование по регистрации различий глазодвигательной активности испытуемых, обладающих полярными характеристиками когнитивного стиля «полнезависимость – полнезависимость», с помощью айтрекера Tobii TX 300 в процессе выполнения перцептивного теста «Включенные фигуры» (тест Готтшальдта) и задач информационного поиска в сети Интернет. Исследование проводилось в юзабилити-лаборатории Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого в апреле – мае 2016 года с использованием пакета Tobii Studio 3.4. Выборка составила 15 человек, из них 8 девушек и 7 молодых людей в возрасте от 18 до 23 лет.

Предмет исследования – изучение особенностей работы механизмов глазодвигательной системы полярных представителей когнитивного стиля «полнезависимость – полнезависимость» при решении когнитивных задач.

Выведена и подтверждена гипотеза о существовании различий в стратегии поиска и форме паттернов движений глаз у представителей полярных групп стиля «полнезависимость – полнезависимость».

Для дифференцирования респондентов по степени выраженности стиля «полнезависимость–полнезависимость» использовался авторский компьютерный вариант теста «Включенные фигуры» (Embedded Figures Test (EFT)) К. Готтшальдта. Данный тест представляет собой разновидность перцептивных тестов. Суть теста заключается в том, испытуемый должен выделить простую эталонную фигуру на сложном фоне. Быстрое и правильное нахождение характеризует полнезависимость, а медленное и ошибочное – полнезависимость.

Анализ результатов экспериментов показал, что полнезависимые испытуемые сначала внимательно исследовали фигуру на сложном фоне, делая много фиксаций на фигуре, а затем просматривали простые фигуры, выискивая подходящую фигуру, изредка возвращаясь к сложной.

Полнезависимые совершали больше фиксаций на фигуре со сложным фоном и на простых фигурах. Их стратегия поиска отличается от стратегии поиска полнезависимых. Сначала они смотрели на одну из простых фигур, делая несколько фиксаций, затем изучали сложную фигуру. Независимо от того, подходила первая фигура или нет, они просматривали все простые фигуры, сравнивая их со сложной. За счет этого увеличивалось время ответа и количество фиксаций на сложном фоне и простых фигурах. Полнезависимые давали ответ сразу, как только находили подходящую фигуру.

Во время проведения эксперимента подтверждена еще одна индивидуальная особенность информационного поведения полярных представителей когнитивного стиля. Полнезависимые показали себя как более общительные, задавали дополнительные вопросы по поводу проведения и выполнения заданий, были чувствительны к подсказкам. Полнезависимые задавали мало вопросов и молча, быстро и точно, выполняли предложенные задания.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 15-06-10640.*

Сергеева А.С., Сергеев С.Ф.

ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ В ОБУЧАЮЩИХ СИСТЕМАХ

В докладе рассматриваются проблемы, возникающие при включении человека в сложноорганизованные обучающие системы и среды. В рамках постнеклассических представлений о функционировании человеческой психики проведен теоретический анализ влияния механизмов сознания на обучение. Показано, что сознание не служит для отражения объективной реальности и получения знаний, а решает задачу конструирования субъективного мира, представляющего собой сумму компромиссов между субъектом и динамическими средами его опыта. Сознание осуществляет селекцию и гармонизацию полезной для обеспечения жизнедеятельности человека информации (Аллахвердов, 2003).

Роль сознания в обучении в значительной мере противоречива и запутана. Оно одновременно является источником поступающей новой информации и искажающим ее фактором, ведет к появлению объективно противоречивой для внешнего наблюдателя и непротиворечивой для рефлексирующего субъекта картины мира. Отмечена важная роль мультимодальности сенсорного опыта человека в процессах взаимодействия сознательной и неосознаваемой форм порождения и обработки знаний. Рассматривается качественное различие между физической реальностью и ее моделью представленной в субъективном мире человека. Постулируется наличие в сознании человека некоторой виртуальной динамической модели. В этой модели мир природы ограничен от человека и противопоставлен ему, являясь источником событий, составляющих содержание его бытия. Граница, выстроенная в сознании, делит конструируемую реальность на внутренний и внешний миры. Они носят различную значимость для субъекта, определяя характер его деятельности.

Проведен анализ моделей структуры реальности и действительности в виде картины мира предложенных К. Поппером, К.К. Колиным, Р. Редфильдом, Г. Ротом. Особое внимание уделено нейробиологической модели субъективной реальности В.Я. Сергина, в которой предложена гипотеза автоотождествления, постулирующая вторичный характер осознаваемых человеком сенсорных категорий. Процессы автоотождествления происходят циклически, и их частота определяет темп субъективного времени.

Авторами настоящего доклада предложен механизм порождения субъектной среды (мира действительности) в соответствии с которым среда, воспринимаемая человеком, является организованным элементом субъективной реальности, конструируемым организмом в процессе анализа существенных отношений организма и физической реальности. Она представлена в виде координирующихся друг с другом аутопоэтических систем, обеспечивающих включение организма и субъекта в нишу индивидуального существования, является сложноорганизованной эволюционирующей самоорганизующейся системой, возникшей в результате взаимодействия и координации аутопоэтических систем организма. Субъективная реальность является результатом редукции физической реальности в гетеросистемной организации человеческой психики. Показано влияние механизмов сознания на интеграцию человека с искусственными обучающими средами. Сделан вывод о том, что для повышения эффективности сложных обучающих эргатических систем необходимо учитывать свойства сознательной регуляции субъекта, его зависимость от контекста. Для защиты от деструктивного действия механизмов сознания на обучение целесообразно ограничивать вмешательство пользователя в критические режимы функционирования создаваемой сложной обучающей системы.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 15-06-10640*

Скиртач И.А., Ковшыв Е.М.

**ОСОБЕННОСТИ МЕДЛЕННОВОЛНОВОЙ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ
АКТИВНОСТИ МОЗГА В ПРОЦЕССЕ МУЗЫКАЛЬНОГО ТВОРЧЕСКОГО
ПРОЦЕССА, ИНИЦИИРОВАННОГО СТИМУЛЬНЫМ МАТЕРИАЛОМ
РАЗЛИЧНОГО ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА: АГРЕССИВНОГО ИЛИ
МИРОЛЮБИВОГО**

Повышенный интерес к поиску психофизиологических механизмов творческой активности продиктован не только теоретическим интересом исследователей к столь сложному явлению, но и поиском решения целого ряда практических задач, среди которых и формирование творческих продуктивных коллективов, и разработка процедур реабилитации, и разработка проблемы адаптации, и коррекция агрессивного поведения. Современные тенденции к пониманию агрессии в психологической науке заключаются в бимодальном толковании этого понятия и содержательному его разделению на «негативную» и «позитивную» агрессию (Ильин Е. П., 2014; Шестакова Е. Г., Дорфман Л. Я., 2009). При этом «позитивная» агрессия реализуется через конструктивное агрессивное поведение, которое будет способствовать адаптации, успешному преодолению фрустрирующей ситуации, а «негативная» агрессия проявляется в деструктивном агрессивном поведении, что потенциально сопряжено с негативными последствиями как для самого человека, так и для окружающих (Liu J., 2004). «Позитивная» агрессия может выступать в качестве источника активности индивида, представляя собой составную часть его творческого потенциала, силу, задающую вектор стремления к достижениям.

Проблема соотношения и влияния творчества на проявления агрессии поднималась неоднократно в работах современных психологов (Скрипник Т. В, 2007; Тютюева И. А., 2015). Особое место в этом направлении занимает исследование музыкального творчества.

В нашей работе была поставлена задача изучения психофизиологических коррелятов музыкальной творческой деятельности, в качестве стимулов к которой выступили мелодии с агрессивным и миролюбивым «характерами». В исследовании приняли участие 136 музыкантов в возрасте от 19 до 36 лет. Психофизиологическое исследование проводилось при помощи метода ЭЭГ. Рассматривали следующие частотные диапазоны: дельта1 (0,5–2,0 Гц), дельта2 (2,0–4,0 Гц), тета (4,0–8,0 Гц) альфа (8,0–13,0 Гц), бета1 (13,0–24,0 Гц), бета2 (24,0–35,0 Гц). Для фрагментов записи ЭЭГ проводился спектральный анализ. Суть процедуры исследования заключалась в том, что музыкантам последовательно предлагалось создать импровизацию на каждую из прослушанных мелодий.

Исследование позволило выявить тенденцию к активации фронтальных зон во многих диапазонах, что некоторыми авторами интерпретируется как существование реципрокных отношений между фронтальной корой и лимбической системой (Денисова И. А., 2010, 2011), что объяснимо как регулирующее воздействие коры мозга на эмоциональную сферу. Поэтому, несмотря на ожидаемую индукцию негативных эмоций в ответ на мелодию агрессивного «характера», сопровождаемую на физиологическом уровне повышением активности тета-ритма преимущественно в правом полушарии, выявлено обратное явление, что может быть интерпретировано как положительная эмоциональная реакция на сам процесс создания импровизации. Интересным результатом исследования была выявленная в процессе импровизации независимо от «характера» мелодии медленноволновая активность во фронтальных и окципитальных областях, которая в большинстве случаев может быть расценена как проявление патологического режима работы мозга, однако данные ряда работ (Базанова О. М., 2011; Murphy M., Donovan S., Taylor E., 1997) свидетельствуют о наличии значимых изменений дель-

та- и тета-ритма в состоянии высокой концентрации и собранности при выполнении особых задач в состоянии так называемого «потока», что имеет большое сходство с неглубоким медитативным состоянием. В целом, говоря об особенностях импровизации на мелодии с разным «характером», следует подчеркнуть, что процессы, протекающие в головном мозге во время творческой деятельности, индуцированной мелодией с агрессивным и миролюбивым «характерами», имеют больше сходств, чем различий.

**Работа выполнена в рамках проектной части внутреннего гранта Южного федерального университета № 213.01-07-2014/15ПЧВГ «Угрозы национальной безопасности в условиях геополитической конкуренции и модели агрессивного и враждебного поведения молодежи».*

Созинова И.М., Бахчина А.В., Александров Ю.И.

ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ СЕРДЕЧНОГО РИТМА ПРИ РЕШЕНИИ МОРАЛЬНЫХ ДИЛЕММ НА РАЗНЫХ СТАДИЯХ ОНТОГЕНЕЗА

Моральные правила являются одной из древних форм регуляции взаимоотношений между людьми, обеспечивающей низкий уровень дифференциации, оценку поведения с позиций «хорошо»/ «плохо», «достижение»/ «избегание» (Александров, Александрова, 2009). Нравственное отношение к другим формируется при взаимодействии с морально сообществом от реализации наиболее древних форм поведения к реализации вновь сформированных (Созинова, Александров, 2014).

Индивидуальное развитие происходит путем увеличения дифференциации функциональных систем (Швырков, 2006; Александров, 2008), формирующихся в процессе системогенеза и фиксирующих этап онтогенеза. Поведение индивида осуществляется путем одновременной актуализации систем, сформированных на разных этапах онтогенеза. Таким образом, можно предположить, что вклад в обеспечение поведения, связанного с актуализацией моральных правил (например, решение моральных дилемм) выше для древних систем.

В литературе отмечается, что снижение ВСР (вариабельности сердечного ритма) может являться признаком дедифференциации системного обеспечения реализуемого поведения, иными словами — снижение вклада новых систем в обеспечение поведения (Бахчина, 2016; Acharya et. all, 2006). Следовательно, мы предполагаем, что характеристики ВСР в фоне выше у детей на поздних этапах онтогенеза, и этот эффект отсутствует при решении моральных дилемм.

Таким образом, задачей исследования было сопоставить характеристики ВСР детей на разных стадиях онтогенетического развития до и при решении моральных дилемм.

В исследовании принимали участие дети 4-11 лет (N=72). Было проведено интервью с детьми: вначале проводилась беседа на запланированные темы (хобби, друзья и т.д.); далее предлагалось решить моральные дилеммы «свой» - «чужой» (Созинова, Александров, 2014). В течение всего эксперимента проводилась непрерывная регистрация динамики сердечного ритма (СР) с помощью фотоплетизмографического датчика (BM SWOP-48) или беспроводного пульсометра (Zephyr, HMx2).

Для анализа все данные участников исследования были поделены в соответствии с возрастной группой: 4-5 лет (N=16), 6-7 (N=22), 8-9 лет (N=13), 10-11 (N=13). В ходе анализа спектральных характеристик ВСР было выявлено, что в фоне ВСР достоверно выше в старшей группе по сравнению с младшей (Манн-Уитни, $p=0,025$), при этом таких различий

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

не было обнаружено на этапе решения моральных дилемм. Также было обнаружено, что с возрастом увеличивается число различий между дилеммами по характеристикам ВСР (Уилкоксон, $p < 0,05$; группа 8-9 лет: различия HF в одной паре дилемм; группа 10-11 лет: различия LF в двух парах дилемм; HF в двух парах дилемм).

Различия в ВСР между возрастными группами в фоне и их отсутствие во время решения моральных дилемм может свидетельствовать о процессе дедифференциации при решении моральных дилемм. Иными словами, можно сказать, что увеличение «веса» более ранних систем в актуализированном при решении моральных дилемм наборе приводит к сближению детей разных возрастных групп по характеристикам ВСР.

Увеличение с возрастом междилеммных различий характеристик ВСР можно объяснить увеличением системной дифференциации, которая выражается в росте поведенческого и физиологического разнообразия у индивидов. Иначе говоря, в старшей группе моральные дилеммы различимы по их вегетативному обеспечению (определенному по характеристикам ВСР), в то время как в младшей группе решение моральных дилемм по вегетативному обеспечению более гомогенно.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 15-06-10895а*

Стародубцев А. С., Аллахвердов В. М.

ВЛИЯНИЕ ПРЕДСКАЗУЕМОСТИ СТИМУЛА НА ЭФФЕКТ СТРУПА

Будем различать сознание как эмпирический феномен (осознаваемое содержание) и как теоретический конструкт (механизм), который принимает в себя осознаваемые переживания и проводит с этими переживаниями работу. Осознанное содержание может появляться и изменяться только в результате неосознаваемых процессов, а потому работа механизма сознания осознаваться не может. Одной из главных функций Сознания как теоретического конструкта является избавление содержания сознания от противоречий (Аллахвердов, 2000). Есть масса наблюдений и экспериментальных исследований, демонстрирующих: если поступающая информация противоречит имеющимся представлениям, то она часто вообще не осознается; а если осознается, то в искаженном виде – противоречия неосознанно сглаживаются; а если она все же проникает в содержание сознания, то существует выраженная тенденция вытеснить ее оттуда или рационализировать – объяснить, почему противоречие возникло (см. обзор: Науменко и др., 2015). Если предъявить испытуемому противоречивый текст, то противоречие фиксируется почти мгновенно: об этом, например, свидетельствует повышенная активность вызванных потенциалов на промежутке 400-600 мс после прочтения противоречивого предложения (O'Rourke 2014, Kim 2011). Противоречивые предложения, попадающие в содержание сознания, требуют большей работы с ними. Поэтому, по нашему предположению, осознанные противоречия дольше задерживаются в содержании сознания, по сравнению с непротиворечивыми предложениями. Испытуемому предъявлялись 40 предложений, каждое из которых могло быть представлено в противоречивом или непротиворечивом вариантах. Противоречивое предложение (Пр. Пр.) минимально отличалось от непротиворечивого (Н.Пр.). К примеру, непротиворечивый вариант предложения звучал как «Оба города представляли из себя пару прекраснейших городов Античной Греции», противоречивый вариант звучал схожим образом, за исключением того, что слова «пару» было заменено на слово «трио». На фазе заучивания испытуемым было предъявлено 40 предложений, 20 из которых были Пр.Пр., а 20 – Н.Пр. Фаза узнава-

ния состояла из двух этапов: первый этап состоялся сразу после заучивания, второй этап – через неделю после заучивания. На каждом из этапов фазы узнавания предъявлялись по 20 предложений, 10 из которых были Пр.Пр., 10 – Н.Пр. Причем только в половине предложений испытуемому показывался тот вариант, который ранее предъявлялся. Испытуемым (сразу после предъявления и через неделю) надо было указать, предъявлялась ли такая формулировка данного предложения. Количество испытуемых – 24 человека, для каждого предложения три фактора (противоречивость на этапе предъявления, противоречивость на этапе узнавания, предъявляется ли данное предложение сразу или через неделю) были контрбалансированы. Результаты не показали никаких значимых отличий для мгновенного воспроизведения. Для воспроизведения через неделю обнаружено значимое влияние фактора «противоречивость предложения на этапе предъявления» ($p=0,018$ $F=8,1$). Через неделю после фазы запоминания испытуемые лучше выполняют задачу узнавания тех предложений, которые неделю назад предъявлялись в противоречивом варианте: 57% правильно опознанных непротиворечивых предложений и 72% правильно опознанных противоречивых. Таким образом, противоречивые предложения входят в содержание сознания с маркировкой, что они противоречивы, поэтому механизм сознания с ними дольше работает и, соответственно, существовавшии дольше сохраняет эти предложения в осознанном содержании сознания.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 14-06-00302а*

Столетний А. С., Киной В. Н.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОГО ЭЭГ – БОС ОБУЧЕНИЯ

Оценка влияния психофизиологических свойств личности на результат ЭЭГ–БОС–обучения остается, на сегодняшний день, одной из актуальных проблем современной психофизиологии [1]. К настоящему моменту накоплено не так много сведений по данной проблематике. В разные годы множеством авторов рассматривались в качестве предикторов эффективности БОС такие показатели как уровень тревожности, экстраверсии, показатели шкал по тестам ММРІ и опроснику Кэттелла, [2,3,4]. Несмотря на это, вклад особенностей личности в процесс обучения расценивался неоднозначно, даже при использовании одних и тех же психодиагностических методов. Таким образом, вопрос о влиянии психофизиологических характеристик личности на эффективность БОС–тренинга по–прежнему остается актуальным.

В эксперименте участвовали 17 испытуемых – добровольцы, студенты ЮФУ. Каждый из них прошел сессию ЭЭГ – БОС, состоявшую из 12 сеансов и предвалявшее эксперимент психодиагностическое тестирование. В батарею тестов входили опросники Г. Айзенка, Я. Стреляу, Ч. Спилбергера – Ю. Ханина и корректурная проба Б. Бурдона. В ходе сеансов БОС испытуемые обучались снижению альфа – индекса в теменных областях (отведения ЭЭГ Р3 и Р4) и бета-2 – индекса в передних областях коры (F3 и F4). В качестве обратной связи участникам предоставлялись изображение и мелодия. Задачей испытуемого было очистить изображение от помех и увеличить громкость мелодии. Эксперимент был реализован на приборе «Энцефалан 131–01» фирмы «Медиком МТД», г. Таганрог, и программном обеспечении «РЕ-АКОР» для БОС–тренингов. Обработка результатов психодиагностического тестирования и БОС–сессии выполнялась с помощью программ Microsoft Office Excel 2016 и языка программирования для статистических расчетов «R» версии 3.3.0.

Расчет эффективности методом кривой обучения показал, что, в среднем, испытуемым, в ходе БОС-обучения, успешно удавалось снижать альфа – индекс на 62,17%, а бета-2 – индекс на 124,33 % от изначальных фоновых показателей. Для каждого испытуемого были рассчитаны коэффициенты регрессии по показателям эффективности выполнения сценариев. Используя эти данные вместе с результатами психодиагностического тестирования, с помощью метода множественной линейной регрессии с BIC – оптимизацией, удалось построить достоверные регрессионные модели ($p < 0,038$ и $p < 0,0106$ соответственно для альфа и бета тренинга). С помощью этих моделей были определены предикторы, которые частично влияют на показатель успешности БОС-обучения по данным сценариям. Для альфа – сценария это личностная тревожность, переключаемость внимания, подвижность нервной системы и экстраверсия; для бета – сценария – личностная тревожность, переключаемость внимания, подвижность и сила торможения нервной системы, психотизм.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о непосредственном влиянии индивидуальных психофизиологических свойств личности на эффективность БОС-обучения. Остается открытым вопрос о степени влияния каждого из перечисленных предикторов. Тем не менее, такой подход дает возможность с помощью психодиагностики облегчить выбор и персонализацию протокола для БОС, сделать его более индивидуальным и, как следствие, и более эффективным в терапевтическом плане; выявить и охарактеризовать другие свойства личности, влияющие на БОС-тренинг.

Литература:

1. Сороко С.И., Трубачев В.В. Нейрофизиологические и психофизиологические основы адаптивного биоуправления. Санкт-Петербург: Политехника сервис. 2010. 607 с.
2. Konareva I. N. Correlations between the Psychological Peculiarities of an Individual and the Efficacy of a Single Neurofeedback
3. Session (by the EEG Characteristics) // Neurophysiology. 2006. V. 38. N.3. P. 239–247.
4. Price J., Budzynski T. Anxiety, EEG patterns, and neurofeedback // Introduction to quantitative EEG and neurofeedback. Advanced theory and applications. – 2009. – С. 453 – 470.
5. Yamaguchi H. Characteristics of alpha-enhancement biofeedback training with eyes closed // Tohoku Psychol. 1980. N.1. P. 40–50.

Тихонов Р.В., Морозкина Н.В.

**РОЛЬ ИМПЛИЦИТНОГО НАУЧЕНИЯ В ВЕРОЯТНОСТНОМ
ПРОГНОЗИРОВАНИИ НА ОСНОВЕ НЕСКОЛЬКИХ ПАРАМЕТРОВ**

Уже более 70 лет для изучения научения вероятностным закономерностям используется парадигма «научения на основе нескольких параметров» (multiple-cue learning; MCL), суть которой в том, что участник определяет вероятность того или иного исхода на основе нескольких других характеристик. Однако до сих пор нет чётких представлений о степени осознанности знаний, приобретаемых в ходе выполнения такой задачи. Одни авторы утверждают, что знания носят исключительно осознаваемый характер (наприм., Lagnado et al., 2006), в то время как другие (сторонники многосистемного подхода) придерживаются противоположной точки зрения, указывая на расхождение между осознаваемыми знаниями и успешностью выполнения задачи (наприм., Gluck et al., 2002).

Цель данного исследования — сравнить успешность научения и уровень осознанности полученных знаний при целенаправленном и непреднамеренном обучении в задаче MCL.

Была разработана задача, имитирующая ситуацию торговли на валютной бирже. Использовались 6 валютных пар-предикторов (например, «доллар США к датской кроне», «евро к австралийскому доллару» и т.п.) и 1 целевая валютная пара, относительно которой принималось решение. Каждая валютная пара принимала один из четырёх вариантов значений: рост (1), сильный рост (2), падение (-1), сильное падение (-2). На основе этих значений участники принимали решение о том, будет ли целевая валютная пара расти или падать. Использовались 4 релевантные и 2 нерелевантные валютные пары: 2 пары были положительно связаны с целевой, 2 — отрицательно и 2 — никак не связаны. Варьировалась также сила этой взаимосвязи. После каждого ответа участники делали ставку от 1 до 100 «у.е.», в зависимости от уверенности в ответе. Размер ставки прибавлялся к игровому балансу, если ответ был правильным и вычитался в случае ошибки.

Эксперимент состоял из обучающей серии (80 проб), тестовой серии без обратной связи (60 проб) и письменного опроса. Использовались 2 метода оценки уровня осознанности знаний: 1) диссоциативный тест (см.: Морошкина, Иванчей, 2012) и 2) тест классификации (классификация стимулов на положительные, отрицательные и нерелевантные).

В исследовании участвовали 20 человек: 12 человек обучались с обратной связью («ЭГ1», целенаправленное обучение) и 8 человек — через запоминание валютных пар («ЭГ2», непреднамеренное обучение).

Результаты. Доля правильных ответов в тестовой серии оказалась выше уровня случайного угадывания только в ЭГ1 (60%; $t = 2,76$; $p = 0,019$), но не в ЭГ2 (55%). Диссоциативный тест успешно выполнили только 3 участника из ЭГ1 и 1 участник из ЭГ2. В тесте классификации в ЭГ1 точность составила 42%, что выше случайного угадывания (33%) на уровне стат. тенденции ($t = 1,99$; $p = 0,072$). В ЭГ2 этот показатель составил 27% и значимо не отличается от случайного угадывания. Сравнение успешности научения участников, показавших высокую экспликацию хотя бы в одном тесте ($n = 10$), с участниками с низкой экспликацией не выявило значимых различий. Однако обнаружена положительная корреляция суммарного уровня экспликации по двум тестам с успешностью научения (0,452; $p = 0,046$; $N = 20$).

Взаимосвязь между размером ставки и правильностью ответов не обнаружена ни в одном условии. Удивительно, что при этом в ЭГ1 было обнаружено повышение среднего размера ставки с течением времени, а также от обучающей ($M = 33$) к тестовой серии ($M = 40$) ($t = -2,69$; $p = 0,021$).

Таким образом, научение было обнаружено только в условии целенаправленного обучения с обратной связью, однако участники лишь частично осознали заложенную закономерность и не смогли использовать эксплицированные знания при определении размера ставок. Рост ставок отражает парадоксальный рост уверенности с течением времени при отсутствии её взаимосвязи с правильностью ответов, что требует дополнительного изучения. Полученные результаты свидетельствуют в пользу многосистемного подхода к познанию и поднимают вопрос о роли этих систем и характере их взаимодействия.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 16-06-00858*

Федорова В.Д., Прохоров А.О., Хасанзянова В.М.

ДИНАМИКА АССОЦИАТИВНЫХ И ОБРАЗНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК МЕНТАЛЬНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ

Понятие ментальной репрезентации является одним из самых сложных в психологии, и, несмотря на повышенный интерес исследователей к данной проблеме, многие вопросы в

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

этой области до сих пор остаются открытыми.

С позиции М.А. Холодной, «Ментальная репрезентация - это актуальный умственный образ того или иного конкретного события (то есть субъективная форма «увидения»)» происходящего). Иными словами, ментальные репрезентации являются оперативной формой ментального опыта, они изменяются по мере изменения ситуации и интеллектуальных усилий субъекта, являясь специализированной и детализированной умственной картиной события» [Холодная М.А.].

Цель исследования заключалась в выявлении различий в ассоциативных и образных характеристиках ментальных репрезентаций психических состояний до и после проведения сеанса релаксации Дж. С. Эверли, Р. Розенфельд.

Для проведения исследования использовался ассоциативный эксперимент (направленные ассоциации) и методика «Рельеф психического состояния» А.О. Прохорова. Исследование проводилось в несколько этапов. Первый этап – сбор фоновых данных. Затем был проведен сеанс релаксации Дж. С. Эверли, Р. Розенфельд. После чего проводился повторный эксперимент.

Общая схема ассоциативного эксперимента была такова: испытуемым предъявлялось слово-стимул и требовалось дать первые три пришедшие на ум ассоциации. Для эксперимента были отобраны 14 психических состояний: раздумье, усталость, вдохновение, тоска, радость, неуверенность, удовольствие, симпатия, страх, заинтересованность, счастье, сострадание, волнение, бодрость. В исследовании приняли участие 20 студентов в возрасте 18-19 лет.

В ходе исследования, по отношению к фоновым данным, были выявлены изменения ассоциативных характеристик ментальных репрезентаций, различные для состояний разного уровня психической активности. Так, для состояний высокого уровня психической активности, наблюдается уменьшение физиологических характеристик и отсутствие категории «действия» в генеративных характеристиках. Существенные изменения наблюдаются при описании состояния страха в секторе физиологических реакций: их уменьшение с 26% до 15%.

При описании относительно равновесных состояний (сосредоточенность) выявлено уменьшение плотности ядерных образований семантических пространств. В секторальных характеристиках – увеличение эмоциональных компонентов, а также уменьшение количества предметных и когнитивных составляющих.

Для состояний низкого уровня психической активности характерны различия в секторальных характеристиках (появление физиологических реакций и отсутствие когнитивных характеристик). Также наблюдается увеличение количества генеративных высказываний.

В образных характеристиках ментальных репрезентаций психических состояний после воздействия, обнаружены изменения в когнитивных показателях, связанных с сообразительностью, находчивостью, логичностью; изменения со стороны физиологической реактивности: умеренное повышение мышечного тонуса; со стороны переживаний: веселость, легкость, раскованность, активность переживаний; со стороны поведения: устойчивость, уверенность в поведении, оптимистичность, зазорность и др. Изменения в температурных ощущениях (до воздействия - 7, после воздействия - 8,89), по шкале переживаний: веселость (до - 7,06, после - 8,17), оптимистичность (до - 7,28, после - 8,33), раскрепощенность переживаний (до - 6,94, после - 8).

Таким образом, в результате воздействия обнаружены следующие тенденции изменений: в образных характеристиках ментальных репрезентаций психических состояний - физиологические проявления, уверенность в поведении, проявление переживаний и работа желудочно-кишечного тракта. В ассоциативных характеристиках ментальных репрезентаций - увеличение физиологических и эмоциональных компонентов секторальных и генеративных характеристик.

Холодная М.А.

ПОНЯТИЙНЫЕ СПОСОБНОСТИ КАК ОСНОВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ И ЛИЧНОСТНОЙ ПРОДУКТИВНОСТИ

Наши исследования позволяют говорить о существовании особой психической феноменологии, а именно понятийных способностях (семантических, категориальных, концептуальных). Ключевую роль понятийного мышления в структуре индивидуальности подчеркивали в своих работах Л.С. Выготский, Б.Г. Ананьев, Л.М. Веккер.

Семантические способности - характеризуют особенности оперирования содержанием знаков (словесных, визуальных и др.) в рамках индивидуального ментального лексикона. Категориальные способности - обеспечивают отнесение объекта к определенной категории на основе преобразований в системе категориальных признаков разной степени обобщенности, а также образование связей в системе видовых и родовых понятий. Концептуальные способности - лежат в основе процесса порождения новых ментальных содержаний (имплицитных связей, интерпретаций, метафор, нарративов и т.д.).

Ведущую роль по отношению к организации интеллектуальной деятельности и регуляции социального поведения играют концептуальные способности, поскольку они отвечают за контроль процессов переработки информации в условиях порождения некоторой новой объективированной ментальной продукции.

Согласно результатам ряда исследований, уровень сформированности понятийных способностей тесно связан с различными аспектами интеллектуальной деятельности: вербальной и невербальной креативностью, за исключением показателя оригинальности (невербальная креативность) (Холодная, 2012; Трифонова, 2015); интеллектуальной (учебной) компетентностью, в терминах меры сложности порождаемых авторских текстов (Сиповская, 2016); школьной успеваемостью и учебными достижениями студентов (Ясюкова, 2005; Трифонова, 2015; Кибальченко, 2011) и др.

В свою очередь, понятийные способности играют особую роль в эмоционально-личностном развитии интеллектуально одаренных подростков: снижается категоричность, эгоизм, упрямство, психическое напряжение и, напротив, повышается уровень волевого самоуправления, доброжелательное отношение к другим людям, социальный интеллект (Ясюкова, Белавина, 2010).

Понятийные способности связаны со стратегиями совладающего поведения: в юношеском возрасте лица с более высокими показателями понятийных способностей, наряду с проблемно-ориентированными стратегиями, в большей мере склонны использовать эмоциональные и социальные стратегии совладания с трудной жизненной ситуацией, демонстрируя мобильность и вариативность совладающего поведения (Холодная, Алексапольский, 2010).

Способность к концептуализации (объяснению, интерпретации, моделированию событий и ситуаций) имеет отношение к формированию и мобилизации индивидуальных ментальных ресурсов в разных возрастах. На основе процесса концептуализации субъект наделяет объекты внешней (объектной, природной и социальной) и внутренней (интрапсихологической) среды ресурсным значением, и именно процесс концептуализации помогает человеку справиться с трудной жизненной ситуацией (Хазова, 2014). Напротив, если способность к концептуализации (интерпретации) эмоционально-трудной ситуации снижена, то имеет место дезадаптивное поведение (использование убийства как средства разрешения межличностного конфликта в семье) (Виноградова, 2004).

Наконец, понятийные способности являются фактором интеллектуальной сохранности в пожилом возрасте, переводя интеллект в режим централизованного функционирования (Хо-

лодная, 2012). Отмечается, что в пожилом и старческом возрасте нарративная деятельность («нарративный интеллект» как способность организовывать свой опыт в виде устных либо письменных историй) выступает в качестве предпосылки высокого качества жизни (Bruner, 1999; Randell, 1999).

Таким образом, ключевую (ресурсную) роль в интеллектуальной и личностной продуктивности на разных этапах возрастного развития играют понятийные (прежде всего концептуальные) способности, обеспечивающие порождение новых ментальных содержаний и контроль за процессом их объективации.

Целяева С.И.

ВЫДЕЛЕНИЕ КРИТЕРИЕВ КОГНИТИВНОЙ УСПЕШНОСТИ РЕСПОНДЕНТОВ НА ПРИМЕРЕ ОЦЕНКИ ИХ РАБОТЫ С РИСОВАННЫМИ СИТУАЦИЯМИ

Традиционно изображения как особый вид когнитивных задач используются в интеллектуальных тестах. В своем исследовании мы выбрали рисованные ситуации как удачную модель для изучения интеллектуальной успешности респондентов и причин когнитивных затруднений, с которыми они сталкиваются.

По данным предыдущих исследований было выявлено, что успешность понимания рисованных ситуаций взрослыми людьми невысока. Большинство респондентов способны опознать изображенные объекты, главных героев, их действия. Намного реже отвечающие понимают выражения лиц героев, их эмоции, чувства, желания и мысли.

Трудности, с которыми сталкиваются взрослые респонденты в процессе понимания рисованных ситуаций, не связаны с низким уровнем интеллекта как таковым. В нашем исследовании принимали участие люди с высшим образованием, что являлось показателем их интеллектуальной зрелости. Мы предположили, что интеллектуальные трудности вызваны спецификой эмоциональных реакций респондентов на личностно значимые элементы изображенной ситуации и связаны с работой защитных механизмов.

Цель исследования заключается в описании интеллектуальных затруднений респондентов в процессе работы с рисованными ситуациями как с интеллектуальными задачами.

Задачи: выделение критериев оценки интеллектуальной успешности респондентов, описание трудностей и выяснение возможных причин затруднений участников исследования.

В качестве стимульного материала были использованы рисованные ситуации разных видов: юмористические сюжетные изображения, социальные знаки (традиционный и креативный случаи использования), ребусы.

Респонденты отвечали на субтесты из теста Векслера «Складывание картинок» и «Недостающие детали», тесты «Индекс жизненного стиля» (измерялась работа защитных механизмов), «Опросник Спилберга» (измерялась личностная и ситуативная тревожность), «Рисунок несуществующего животного» (измерялись тревожность и агрессивность). После проводилось глубинное полуструктурированное интервью с респондентами.

Участие в исследовании приняли студенты и взрослые с высшим образованием по разным видам специальностей – техническим и гуманитарным общей численностью 80 человек.

Была разработана система критериев для оценки ответов респондентов: результативность, точность, последовательность, допущенные ошибки.

Результативность мы понимаем как набор интеллектуальных действий, которые удалось выполнить респонденту в процессе решения задачи.

Точность мы рассматриваем как набор «идеальных» интеллектуальных шагов, совершение которых является необходимым и достаточным условием для максимальной успешности отвечающего.

Последовательность подразумевает такую упорядоченность интеллектуальной работы, которая позволяет решить задачу максимально быстро. Респонденту необходимо выделить самые информативные зоны изображения и структурировать собранную информацию в определенном порядке, чтобы решить задачу.

Допущенные ошибки включают в себя различные затруднения по критериям результативности, точности и последовательности, а также личностные уловки, которые используют респонденты, чтобы прикрыть огрехи в своей работе. Мы выделили ошибки респондентов в отдельный критерий для того чтобы иметь возможность их подробного качественного анализа.

В результате нам удалось выяснить, что:

- допущенные респондентами ошибки можно разделить на несколько видов (ошибки по результативности, точности, последовательности);

- наибольшие затруднения респондентов связаны с точностью и последовательностью выполнения интеллектуальных действий;

- причины ошибок респондентов связаны с эмоциональными реакциями тревоги или раздражения, а также с работой психологических защитных механизмов.

Литература:

1. Холодная М. А. Психология понятийного мышления: От концептуальных структур к понятийным способностям. М.: Институт психологии РАН, 2012. 288с.
2. Щербакова О. В., Осорина М. В. Юмористический компонент как фактор повышения сложности интеллектуальных задач (на примере теста Д. Векслера) // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер.12. 2009. Вып.1 ч.1. С. 108–115

Четикова К.А., Горбунов И.А.

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЕЙ СОБЫТИЙ ПРИ ШИЗОФРЕНИИ

Способность к прогнозированию – одна из определяющих когнитивных характеристик, которая, по мнению Карла Фристонa (Friston К., 2003), играет базовую роль для успешного научения и, следовательно, адаптации к изменениям окружающей среды (Павлов И.П., 1951; Анохин П. К., 1970).

Известно, что способность к адаптации у больных шизофренией снижена. Причиной этому может служить неспособность к эффективному научению, а значит – к прогнозированию событий. В исследованиях прогностической способности мозга путём регистрации компонентов MMN и P300 вызванных потенциалов в ответ на стандартные и девиантные стимулы были найдены отличия в мозговых ответах здоровых испытуемых и испытуемых с диагнозом «шизофрения» (Umbricht et al. 2003). В большинстве исследований для шизофрении был продемонстрирован дефицит генерации MMN и P300 по сравнению с нормой. Однако, некоторые исследования дали противоположный результат (Michie 2001). Поэтому до конца не сформулирован четкий ответ на вопрос о причинах и следствиях нарушений когнитивных способностей при шизофрении.

В основе нашего подхода стоит предположение о наличии двух параллельных механизмов прогнозирования - эксплицитном и имплицитном (модель Gluck and Bower's (1988)),

баланс между которыми может нарушаться, что в общем случае ведет к формированию определенных когнитивных стилей, а в крайних значениях служит основой для формирования продуктивной симптоматики при шизофрении и, возможно, других психозах. Мы предположили, что отсутствие учета наличия двух параллельных механизмов в предыдущих исследованиях вызывало противоречия в их результатах за счет преимущественного акцента на один из них в экспериментальной процедуре при исследовании больных шизофренией.

Таким образом, мы использовали улучшенную экспериментальную процедуру, оценивающую работу двух когнитивных механизмов предсказания последовательностей событий. В исследовании приняли участи 24 здоровых испытуемых и 6 испытуемых с диагнозом «шизофрения». Участникам демонстрировался ряд последовательностей, содержащих стандартные и девиантные стимулы для ситуаций эксплицитного и имплицитного прогнозирования. Одновременно производилась фиксация компонентов MMN и P300 ВП с помощью ЭЭГ.

Также, для дополнительного контроля выраженности черт когнитивных стилей у испытуемых, мы использовали комплекс психологических методик (тест Струпа, тест включенных фигур Готтшальдта, методика «Свободная сортировка объектов», методика Мюнстерберга, тест на эмоциональный интеллект Н. Холла). Данный комплекс методик позволил выделить отличия в стилях познавательной деятельности испытуемых, знание о которых послужило для ответа на вопрос о взаимосвязи между видами прогнозирования и когнитивными особенностями, которые они детерминируют.

Были получены следующие результаты: предрасположенность к имплицитному прогнозированию положительно зависит от таких характеристик когнитивного стиля как полезависимость и синтетичность; к эксплицитному – от таких характеристик, как избирательность внимания и гибкий познавательный контроль, что отражено в выраженности определенных компонентов ВП ($F(7,310394)=4,5066, p=.00005$).

Для людей с диагнозом «шизофрения» существует взаимосвязь высоких значений характеристик когнитивного стиля «полезависимая синтетичность» с преобладанием работы системы имплицитного прогнозирования (для аудиальной модальности: $F(42,292558)=1,9212, p=.00031$, для визуальной модальности: $F(42,182294)=1,7750, p=.00146$).

Полученные результаты хорошо соотносятся с гипотезой о наличии двух прогностических механизмов, что даёт основу для новых дискуссий относительно причин когнитивных нарушений при шизофрении.

Таким образом, проделанная работа открывает широкие перспективы для дальнейших исследований, результаты которых будут полезны как для разработки объективных психофизиологических методов диагностики психических заболеваний, так и для ответа на вопрос о взаимосвязи когнитивных функций человека с функциями мозга.

**Выполнено при поддержке проекта РФФИ номер 16-06-00182*

Чередникова Т.В.

СВЯЗЬ НАРУШЕНИЙ ФОРМАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ С ЭМОЦИОНАЛЬНО-МОТИВАЦИОННЫМИ И ЛИЧНОСТНЫМИ РАССТРОЙСТВАМИ ПРИ ШИЗОФРЕНИИ

Множество современных психологических теорий связывают формальные или структурные нарушения мышления при шизофрении с расстройствами других психических процессов и личности. Среди отечественных теорий доминируют представления о мотивационной

и эмоционально-личностной детерминации структурных нарушений мышления (Зейгарник, 1962; 1986; Рубинштейн, 1978; Блейхер, 1985 и др.), в то время как за рубежом выделяют когнитивные детерминанты расстройств мышления (Harrow, Quinlan, 1985; Kleiger, 1999; Kuperbergetal., 2011; и др.).

С целью проверки гипотез о связи шизофренического мышления с эмоционально-личностными и мотивационными нарушениями было проведено корреляционное исследование в выборке расстройств шизофренического спектра РШС: 175 человек с клиническими диагнозами параноидной (70 человек) и простой шизофрении (40 чел.), шизоаффективного (30 чел.) и шизотипического (32 чел.) расстройств. Были использованы известные методики изучения личностных и эмоционально-волевых расстройств (тест MMPI, тест «Цветоструктурирование», Цветовой тест Люшера), а также специально разработанные критерии количественной оценки нарушений мышления (НМ), параметров мотивационного и эмоционально-волевого дефицита, традиционно выявляемых в патопсихологическом эксперименте на уровне качественного анализа психической деятельности в классических когнитивных тестах внимания, памяти и мышления (Рубинштейн, 1978; Зейгарник, 1986 и др.).

В результате исследования было выявлено 93 слабых и умеренных, но значимых корреляций ($r < 0,456$, $p < 0,05-0,001$) отдельных структурных НМ с показателями эмоционально-волевого и мотивационного дефицита при РШС. Однако детальный содержательный анализ этих корреляций показал их преимущественно коморбидный, а не причинно-следственный характер. При этом учитывалось многостороннее понимание «коморбидности» симптомов при психической патологии (Kessler, 1995; Нуллер, 1993; 1997; Лазебник, 2005). Специфику корреляций патологического мышления составили тонко градуированные энергоинформационные и энергодинамические зависимости. Пример последних – корреляции Множественных версий ответа в тестах мышления с позитивной эмоциональной реакцией на раскраску рисунка птицы в тесте «Цветоструктурирование» и со шкалой гипомании в тесте MMPI. Поскольку увеличение активности и объема мыслительной продукции (несколько версий вместо одной) требует больше энергии, как и рост интенсивности позитивных эмоций (гипомания, позитивный эмоциональный отклик на рисунок), то эти корреляции отражают энергодинамические связи, опосредованные общим уровнем энергетического потенциала психики. Пример энергоинформационных связей демонстрируют отрицательные корреляции выраженности патофеноменов абстрактного, символического и понятийного мышления (индекс абстрактности /конкретности, латентные концепты, символизм и др.) с пресыщаемостью в тестах внимания и мышления, или снижением эмоционально-мотивационного компонента деятельности, который обеспечивает энергетические затраты, более выраженные при абстрагировании и обобщающих формах мышления. При этом ряд НМ (резонерство, неологизмы, вычурность, псевдоабстрактность, далекие ассоциации, латентные понятия, сверхвключаемость, персеверации и фрагментарность) никак не были связаны с эмоционально-мотивационными переменными.

Полученные результаты не поддерживают эмоционально-мотивационные теории формальных нарушений мышления, но свидетельствуют об известных энергоинформационных закономерностях мышления, сформулированных в информационной теории психики Л.М. Веккера (1976).

Корреляции НМ с расстройствами личности также были редкими, слабыми, часто непрозрачными для интерпретации или отрицательными, как например корреляции психастении (9 шкалы теста MMPI) с некорректируемостью, сверхвключаемостью и парадоксальностью, что исключает возможность личностной детерминации даже некоторых нарушений мышления.

Черенкова Л.В., Соколова Л.В.

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБРАБОТКИ ИНФОРМАЦИИ С УЧАСТИЕМ
МАГНО- И ПАРВОЦЕЛЛЮЛЯРНЫХ КАНАЛОВ ЗРИТЕЛЬНОЙ
СИСТЕМЫ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ТИПИЧНЫМ И
АТИПИЧНЫМ РАЗВИТИЕМ**

Исследовалась специфика участия парво- и магноцеллюлярной систем обработки зрительной информации в процессе формирования целостного образа у детей дошкольного возраста с типичным и атипичным развитием. У детей с типичным развитием разного возраста и пола были установлены возрастные и гендерные различия при обработке информации в пределах магно- и парвоцеллюлярных каналов зрительной системы. У детей с диагнозом расстройство аутистического спектра (ДА), как и у детей с диагнозом «задержка психического развития» (ЗПР), было выявлено ослабление деятельности нижнего уровня магноцеллюлярной системы обработки зрительной информации, что выражалось в достоверно более высоких значениях порогов обнаружения контраста при последовательном предъявлении стимулов. Были получены данные о взаимосвязи степени снижения эффективности обработки информации на нижнем уровне магноцеллюлярной системы обработки зрительной информации и уровня общего нарушения речи вне зависимости от неврологического статуса. При анализе порогов обнаружения контраста при одновременном предъявлении стимулов более высокие значения были выявлены только для группы детей с тяжелой формой проявления ДА, осложненной задержкой психического развития. Эти данные позволяют говорить о снижении эффективности деятельности парвоцеллюлярного канала обработки зрительной информации у этой категории детей. Это подтвердили и данные о снижении амплитуды вызванных потенциалов в затылочных областях коры при предъявлении зрительных стимулов как с низкой, так и с высокой пространственной частотой только у детей с ДА.

При изучении порогов обнаружения общего направления движения зрительных объектов, позволяющих выявить степень эффективности магноцеллюлярного канала обработки информации, было показано, что оценка общего направления движущихся объектов достоверно ниже у детей с ЗПР и легкой формой ДА по сравнению с типично развивающимися детьми. При этом была установлена корреляция выраженности выявленного дефицита обработки зрительной информации с уровнем общего речевого развития ребенка. При тяжелой форме проявления ДА различение стимулов было возможно только при их медленном смещении, порог восприятия движения у таких детей был достоверно выше, чем у типично развивающихся детей, но не отличался от такого у детей с ЗПР.

При изучении порогов обнаружения общего направления движения по признакам ориентации стационарного объекта достоверные отличия были выявлены только у детей с ДА, что свидетельствует об ослаблении процесса обработки зрительной информации на верхних уровнях парвоцеллюлярной системы. При этом проявление отмеченного дефицита зависит от степени выраженности аутистического расстройства.

При исследовании способности детей к опознанию формы зрительного стимула при изменении его цвета, размера, местоположения, количества алфавита признаков и стимулов (в условиях их одиночного или «фонового» предъявления) было выявлено, что у детей с ЗПР и легкой формой ДА время опознания фигуры достоверно возрастало только при увеличении числа возможных местоположений целевого объекта среди предъявляемых фигур и коррелировало с уровнем общего нарушения речи, что свидетельствует о меньшей эффективности функционирования магноцеллюлярной системы обработки зрительной информации. Недостаточно полная обработка информации о динамических свойствах изображений, по-види-

мому, приводит к снижению эффективности процесса интеграции локальных динамических сигналов в единый глобальный образ, инвариантный к преобразованию признака локализации объекта. У детей с тяжелой формой проявления ДА было выявлено устойчивое возрастание времени опознавания фигур, что свидетельствует о полном отсутствии у этой группы детей способности к инвариантному опознанию формы объекта относительно изменения данных признаков.

Чилигина Ю.А.

ВЛИЯНИЕ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО СТРЕССА НА АУТОХРОНОМЕТРИЧЕСКУЮ ТОЧНОСТЬ СТУДЕНТОВ

Субъективное восприятие временных интервалов характеризует аутохронометрическую точность индивидуальных «биологических часов». Индивидуальный отсчет времени отражает эндогенную ритмику и её изменение под влиянием различных факторов. Известно, что восприятие времени будет зависеть от ряда факторов: возраста, пола, уровня адаптационных резервов, физической тренированности, хронотипа, степени эмоционального напряжения (Моисеева, 1989). Утомление, перенапряжение, стрессовые состояния вызывают субъективную недооценку (укорочение) временных интервалов. Психоэмоциональный стресс характеризуется сложным взаимодействием неспецифических физиологических и психологических проявлений функциональной активности, проявляющихся в развитии компенсаторно-приспособительных реакций в организме. Удачной моделью психоэмоционального стресса является ситуация экзамена. Устный ответ на первом экзамене для студента первого года обучения в ВУЗе будет определенным испытанием, вызывающим психоэмоциональную реакцию. Целью данного исследования было оценить влияние экзаменационного стресса на длительность индивидуальной минуты. В качестве критерия изменения отсчета времени использовали тест «Индивидуальная минута», суть которого заключалась в субъективной оценке студентом временного интервала. Участники эксперимента отсчитывали про себя 60 с, фиксируя начало и конец отсчета нажатием клавиш на клавиатуре компьютера. Обследовано 28 студентов первого курса НГУ им. П.Ф. Лесгафта, направления адаптивная физическая культура, давших добровольное согласие на участие в экспериментах. Исследования проводились в промежутке между 11 и 12 ч, в обычные учебные дни и во время первого устного экзамена (непосредственно после ответа экзаменатору). Психодиагностические особенности оценивали с помощью тестов Айзенка (уровень экстраверсии-интроверсии и нейротизма), Ч. Спилбергера и Ю.Л. Ханина (уровень личностной и реактивной тревожности (во время экзамена)). Достоверность отличий определяли с помощью t-критерия Стьюдента и по критерию Манна-Уитни. Исследования показали, что большинство студентов в обычные учебные дни характеризовались средними значениями личностной и реактивной тревожности от 31 до 45 баллов. 5 человек имели тревожность более 45 баллов. 22 человека из 28 были экстраверты. Время индивидуальной минуты составило $64,5 \pm 5,4$ с. Выделили две группы: первая с высоким нейротизмом ($16 \pm 1,8$ отн.ед.) и личностной тревожностью ($44,8 \pm 5,3$ отн.ед.) и вторая группа - с низким нейротизмом ($7,6 \pm 2,5$ отн.ед.) и личностной тревожностью ($39,8 \pm 5,5$ отн.ед.). У студентов с высоким нейротизмом в обычные учебные дни длительность индивидуальной минуты в покое составила $61,5 \pm 2,0$ с, что достоверно ($p < 0,05$) ниже по сравнению с группой с низким нейротизмом ($68,0 \pm 5,3$ с). После экзаменационного ответа наблюдали сокращение длительности индивидуальной минуты, в группе с высоким нейротизмом до $52,3 \pm 5,6$ с, в группе с низким нейротизмом до $63,2 \pm 7,4$. Реактивная тревожность в первой группе достоверно ($p < 0,05$) увеличилась с 41 ± 3 до 50 ± 5

отн.ед. Таким образом, экзаменационный стресс вызвал недооценку астрономической минуты в большей степени у лиц с высоким уровнем нейротизма и личностной тревожности. Высокий уровень тревожности отражается в индивидуальных уровнях активации нервных процессов. Незначительное укорачивание временных интервалов характерное для лиц второй группы свидетельствует о высоких адаптивных возможностях у лиц с низким нейротизмом. В целом студенты первого года обучения успешно справляются с психоэмоциональным напряжением, возникающим во время экзамена, о чём свидетельствует незначительное отклонение (на 10%) индивидуальной субъективной минуты от астрономической.

Литература:

Моисеева, Н.И. Восприятие времени человеческим сознанием // Хронофизиология и хрономедицина. – М.: Наука, 1989. С. 262-277.

Шаманова С. В., Котова Т. Н., Котов А. А.

РОЛЬ ОСТЕНСИВНОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ В ОБОБЩЕНИИ НАЗВАНИЙ ОБЪЕКТОВ У ДЕТЕЙ 2-3 ЛЕТ

В настоящее время в области когнитивного развития широко обсуждается, по какому принципу происходит выбор существенных признаков при формировании ранних обобщений названий. С точки зрения некоторых авторов, название соотносится с наиболее заметными признаками объекта, благодаря действию нестратегических механизмов памяти и внимания и способности к статистическому научению (Smith, Jones&Landau, 1996). С точки зрения других, в когнитивном развитии человека ключевую роль играет способность использовать информацию, намеренно сообщаемую взрослым. (G. Csibra& G. Gergely, 2006).

Котова и Котов ввели понятие референциального намерения, понимая под ним намерение сообщить название объекта, выступающее как приглашение к приобретению совместного знания о том, как объект называется, и показали его особую роль в формировании слова как единицы знаковой системы (Kotova&Kotov, 2015).

В этом исследовании мы использовали понятие остенсивной демонстрации признака, так же понимая его как приглашение к приобретению совместного знания об объекте, но относящееся не к его названию, а к признаку, который должен был выступать в качестве основания для обобщения названия. Мы предположили, что остенсивная демонстрация признака фасилитирует выбор данного признака как основания для обобщения, в большей степени, чем приоритет признака для памяти и внимания.

Межсубъектный экспериментальный план содержал два условия. Испытуемым 2,5-3,5 лет мы демонстрировали специально изготовленные объекты, один из которых называли искусственным словом. Называемый объект обладал двумя локальными признаками, которые можно было предъявлять так, чтобы испытуемому был виден только один из них. В каждом условии название объекта сочеталось с предъявлением одного из признаков трижды, с другим признаком – дважды. Признак, получавший приоритет с точки зрения памяти и внимания, демонстрировался остенсивно в соответствующем условии. В условии с остенсивной демонстрацией признака, экспериментатор указывал ребёнку на него, произнося фразу: «Видишь, какой он? У зарипа (название объекта) всегда бусинки!». В условии без остенсивной демонстрации экспериментатор произносил фразу: «Удивительно! А ещё зарип можно поставить так! Так бусинки видно!», привлекая внимание к признаку, но не приглашая к приобретению совместного знания о нём как о признаке категории. Характер сформированного обобщения

тестировали, предлагая ребёнку выбор по названию из трёх объектов. Один из объектов был нерелевантным, каждый из двух других содержал один из двух локальных признаков названного при демонстрации объекта.

В отсутствии остенсивной демонстрации испытуемые формировали обобщение по признаку, получившему приоритет с точки зрения памяти и внимания, выбирая объект, обладающий этим признаком значимо чаще, чем было бы при случайном выполнении теста (χ^2 (2, N=18) = 7,00, $p < 0,05$). Следовательно, самого по себе статистического преимущества было достаточно для усвоения связи названия с определённым признаком.

Однако, при остенсивной демонстрации распределение ответов не отличалось от случайного (χ^2 (2, N=25) = 0,32, $p = 0,852$). То есть приоритет данного признака для внимания и памяти оказывался недействительным в условиях, когда тот же приоритетный признак демонстрировался остенсивно.

В этом эксперименте, называя объект для ребёнка, мы не контролировали присутствие индикаторов референциального намерения по отношению к слову. Объясняя полученные результаты, мы предположили, что именно их наличие могло привести к случайным ответам испытуемых в условии с наличием остенсивной демонстрации. Дважды встречающиеся в процедуре индикаторы намерения создания совместного знания, по-видимому, приводили к формированию двух репрезентаций объекта в совместном знании, не позволяя испытуемым устойчиво ориентироваться на определённый признак (см. также Kotova&Kotov, 2014). В дальнейшем мы планируем провести сходное исследование, намеренно варьируя наличие или отсутствие референциального намерения.

Шпагонова Н.Г., Садов В.А., Петрович Д.Л.

СВЯЗЬ ФИЗИЧЕСКИХ, СЕМАНТИЧЕСКИХ И ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПАМЯТИ

Динамические характеристики эталона памяти исследовались в работах отечественных и зарубежных авторов. Показано, что с течением времени хранения эталона в памяти забывания не происходит, а, наоборот, увеличивается точность опознания, различения. Установленные факты динамики характеристик эталона в процессе хранения не зависели от модальности и особенностей стимулов (громкость, цвет, длительность, длины линий), а также от методов исследования: узнавания, воспроизведения, психофизических методов (Корж, 2009; Данилова, Моллон, 2007; Шпагонова 2009). Целью данного исследования является выявление связи личностных характеристик (экстраверсия-интроверсия, нейротизм, ситуативная и личностная тревожность) с характеристиками семантического описания и воспроизведения длительности эталона (устойчивость и точность) в процессе его хранения в долговременной памяти. Процедура и методы исследования. В качестве эталона был выбран звуковой фрагмент – пение птиц в лесу (2449мс) – как наиболее приятный, естественный, известный, сильный по сравнению с другими фрагментами (Садов, Шпагонова, 2008). В исследовании использовались следующие методы: семантический дифференциал (СД) для описания звукового фрагмента, метод воспроизведения длительности, личностный тест ЕРІ Г. Айзенка (адаптация В.М. Русалова), тест ситуативной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина. Исследование проводилось индивидуально и состояло из пяти серий. Эталон предъявлялся однократно для запоминания в первой серии. Через 20 минут испытуемый воспроизводил длительность эталона нажатием на клавишу. В каждой серии испытуемый оценивал характеристики звукового фрагмента по признакам СД, заполнял тест ситуативной тревожности и воспроизводил дли-

тельность звукового фрагмента. Следующие серии проводились через 7, 14, 21, 28 дней после первой серии. В эксперименте приняли участие более 90 человек. Результаты исследования показали наличие нелинейного тренда при воспроизведении длительности эталона в процессе отдельного эксперимента. Выявлена недооценка длительности эталона в среднем по группе и у большей части испытуемых. Наибольшие изменения величины эталона происходили в самом начале хранения с 20 минут до 7 дней. В процессе хранения эталона увеличивалась точность его воспроизведения. С увеличением длительности хранения в долговременной памяти эталон оценивался как менее приятный, звонкий, знакомый, живой, более длинный, утомительный, законченный. Корреляционный анализ показал, что с увеличением ситуативной тревожности уменьшается точность воспроизведения длительности эталона. Ситуативная тревожность испытуемых изменяется в процессе хранения эталона в долговременной памяти. Они становятся менее тревожными на 14 день хранения, с последующим увеличением тревожности до 28 дня. С ситуативной тревожностью связаны почти все признаки семантического описания звукового фрагмента. Корреляционный анализ показал, что с увеличением ситуативной тревожности звуковой фрагмент оценивается как более низкий, плоский, краткий, толстый, раздражающий, обрывистый, тяжелый, унылый, утомительный, жесткий, грустный и менее яркий, встречаемый, одушевленный, стандартный, комфортный, сильный, приятный, природный, знакомый, звонкий, радостный, четкий, счастливый, громкий, благоприятный, живой. Корреляционный анализ показал также, что с увеличением личностной тревожности и нейротизма звуковой фрагмент оценивается как более обрывистый. А с увеличением экстраверсии звуковой фрагмент оценивается как более мягкий, благоприятный, тонкий и менее утомительный. Таким образом, процесс сохранения и воспроизведения длительности эталона связан с личностными характеристиками испытуемых. Н.Н. Корж считает, что сенсорный эталон проявляется в памяти не отдельным сенсорным признаком, а приобретает более богатую «фактуру» и смысл, что предполагает рассмотрение экспериментальных данных в личностном контексте (Корж, 2009).

** Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 150610438а.*

Щербакова О.В., Никифорова Е.А.

РОЛЬ IQ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ В ПОНИМАНИИ ПЕРЕНОСНОГО СМЫСЛА ВЕРБАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ

Способность к пониманию переносного смысла является важной составляющей понятийного мышления (Веккер 1976). Вопреки классическим возрастным нормам (Пиаже 2004), понятийное мышление оказывается недостаточно сформированным у современных взрослых людей (Осорина и др. 2011). Наше исследование было направлено на выявление характера связи между успешностью реконструкции переносного смысла вербального текста, уровнем концептуальных способностей и IQ. Предполагалось, что понимание переносного смысла текста будет тем полнее, чем выше IQ и чем лучше сформированы концептуальные способности.

В качестве вербальных текстов с переносным смыслом были отобраны 9 притч, для понимания которых испытуемым не требовалось к.-л. специальных знаний. На основе глубинных полуструктурированных интервью с испытуемыми пилотажной группы притчи были объединены в 3 набора по 3 текста в каждом. В каждом из наборов 2 текста совпадали по существенному признаку (смыслу), а 3-й был интерферирующим, схожим с 1 из 2-х текстов по к.-л. второстепенному признаку (присутствию одних и тех же персонажей или внешнему

сходству их действий). На пилотажном этапе для каждой притчи были разработаны критерии оценки полноты понимания и выделены основные идеи (смысловые инварианты), вычленение которых необходимо для адекватной реконструкции ее смысла.

С каждым испытуемым ($N = 23$, 17-23 г.) исследователь работал индивидуально: он последовательно предъявлял 3 стимульных набора; для каждого набора испытуемых просили сформулировать основные идеи всех 3-х текстов и объединить любые 2 из них так, как покажется правильным. После предъявления каждого набора и выполнения задания проводилось полуструктурированное интервью (ср. t 90 мин.). Полнота понимания каждой притчи оценивалась от 0 до 2 б. в зависимости от буквальности/обобщенности данной испытуемым интерпретации. За каждое объединение 2-х притч по существенному, инвариантному признаку ставился 1 б.

Уровень сформированности концептуальных способностей оценивался с помощью методик М.А. Холодной: «Понятийный синтез» (ПС) и «Условный собеседник» (УС). Категориальные способности измерялись с помощью методики «Обобщение трех слов» (ОТС) (Холодная 2012). Для диагностики IQ использовались «Прогрессивные матрицы» Дж. Равена (ПМ).

При проведении регрессионного анализа суммарный балл за понимание всех притч в 3-х наборах выступал как зависимая переменная, баллы за выполнение методик М.А. Холодной и ПМ – как независимые. По результатам анализа из регрессионной модели были исключены 3 независимые переменные: баллы за выполнение методик ПС, ОТС и теста ПМ; осталась 1 независимая переменная – сумма баллов за выполнение методики УС: $r = 0,674$, $r^2 = 0,454$, $p = 0,003$. Т.е. концептуальные способности, лежащие в основе умения передавать смысл отдельных понятий, объясняют 45% дисперсии для успешности понимания притч.

При сравнении групп испытуемых, объединивших притчи по существенному признаку в 1, 2 или 3-х наборах, с помощью критерия Н-Краскалла – Уоллеса статистически значимых различий ни по одному из других показателей обнаружено не было. Однако на уровне тенденции было установлено, что у испытуемых, объединивших притчи на основе существенных признаков в большем количестве наборов, баллы за решение методик ОТС (ср. ранги: 3, 9 и 15, $p = 0,098$) и УС (ср. ранги: 3, 9, 17, $p = 0,074$) выше, чем у тех, кто при объединении притч чаще ориентировался на несущественные, внешние признаки. При увеличении объема выборки эта связь может стать значимой.

Интересно, что не было выявлено связи IQ с таким аспектом понятийного мышления, как понимание переносного смысла. Этот факт согласуется с результатами наших предшествующих работ, где было показано, что IQ и реальная умственная продуктивность являются относительно независимыми переменными (Shcherbakova, Makarova 2014). Полученные результаты позволяют сделать вывод о частичной связи способности к пониманию переносного смысла текстов с концептуальными способностями.

** Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ №МК-7507.2016.*

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Аванесян М.О., Тарасова Д.Д.

СФОРМИРОВАННОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИЧНОСТИ И ОПЫТ БЛИЗКИХ ОТНОШЕНИЙ

Психологическое пространство личности можно определить как «субъективно значимый фрагмент бытия, определяющий актуальную деятельность и стратегию жизни человека» (Нартова-Бочавер, 2005, с. 98). Неотъемлемыми характеристиками жизненного пространства являются его границы, определяющие существование «Я» и зону перехода между «Я» и «не-Я», а также возможность включения («внутри») или исключения («вовне») объекта из жизненного пространства (Burtis, Rempel, 2004). Предполагается, что особенности психологического пространства определяются опытом ранних детско-родительских отношений (Нартова-Бочавер, 2005).

Выдвинута гипотеза, что сформированность автономности психологического пространства будет связана с установками человека в близких отношениях. Выборку составили молодые взрослые (61 чел., от 21 года до 32 лет (м. – 28%, ж. - 72%), средний возраст - 25 лет ($\pm 5,65$ лет). Все участники на момент проведения исследования состояли в близких отношениях и более года проживали совместно с партнером. Участие в исследовании было добровольным и анонимным. Особенности психологического пространства личности определялись методикой «Суверенность психологического пространства (С.К.Нартова-Бочавер, 2005)», в которой выявлялись различные измерения психологического пространства: суверенность физического тела, территории, мира вещей, привычек, социальных связей, ценностей. Установки в текущих отношениях выявлялись с помощью опросника «Опыт близких отношений» (Р.К.Фрейли, К.Бреннан и Н.Уоллер, в адаптации Т.В.Казанцевой, 2010), который содержит две ортогональные шкалы: тревожность в отношениях привязанности и избегание близости в отношениях. Для цели исследования была составлена анкета, состоящая из биографических вопросов, связанных с опытом отношений, а также вопросов, касающихся автономности психологического пространства в текущих отношениях.

Результаты. Пренебрежение и неуважение родителями свободы телесного пространства и территории ребенка, связано с тем, что будучи взрослым, он переживает тревожность при установлении близких отношений, т.е. он не уверен в надежности и отзывчивости своего партнера ($r=-0,277$ и $r=-0,259$; $p<0,05$; здесь и далее – коэф.Спирмена). Если родители не уважали временную организацию жизни и планы ребенка (суверенность привычек), настаивали на принятии им неблизких ценностей (суверенность ценностей), то во взрослом возрасте он более склонен переживать дискомфорт при психологическом сближении с другим человеком и формировании зависимости от него ($r=-0,273$; $p<0,05$ и $r=-0,384$; $p<0,01$). Данные результаты в целом согласуются с результатами, полученными Т.В.Казанцевой на выборке разновозрастных людей (2010). Также выявлено, что установка на избегание отрицательно связана с удовлетворенностью текущими отношениями ($r=-0,255$; $p<0,05$). Кроме того, длительность текущих отношений отрицательно связана с тем, уважали ли когда-то родители временную организацию деятельности ребенка или вторгались в нее, когда им это было нужно ($r=-0,293$; $p<0,05$).

На основе анкеты выяснилось, что удовлетворенность текущими отношениями связана с наличием у человека в доме места, где он может побыть наедине со своими мыслями

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

($r=0,374$; $p<0,01$), наличием вещей, которые он не разрешает брать своему партнеру ($r=-0,280$; $p<0,05$), разделением ценностей и традиций партнера ($r=0,258$; $p<0,05$).

Итак, несмотря на существование различных измерений психологического пространства (телесного, территориального, временной организации, ценностей), мы можем говорить о том, что они формируют целостную реакцию человека на установление комфортной дистанции и доверия в близких отношениях. Человек готов впустить другого в свой жизненный мир и установить с ним отношения надежной привязанности, только обладая сформированным и достаточно автономным психологическим пространством.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 15-36-01357*

Авдеева М.В., Курбатова Т.Н.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ИСПОЛНЕННОСТЬ ЖЕНЩИН В ПЕРИОД «ПОЗДНЕЙ ВЗРОСЛОСТИ»

В настоящее время в связи с развитием медицины, а также стремительной тенденцией к увеличению средней продолжительности жизни в развитых странах, приводящей к старению населения, все более актуальной становится проблема психологического переживания старости. В нашей стране это в большей степени касается пожилых женщин, поскольку именно здесь доля женщин, доживающих до этого возраста, значительно выше, чем мужчин (Арефьева Т.К., 2000; Краснова О.В., Лидерс А.Г., 2002).

Старческий возраст, как еще было отмечено Б.Г. Ананьевым, не является остановкой в развитии, хотя в этом возрасте наступают определенные физиологические изменения, которые отражаются и на психическом состоянии человека. В нем есть что-то «хорошее», позволяющее полноценно проживать свою единственную жизнь, получать от нее новизну ощущений, удовлетворение, радость, принятие.

Продуктивным представляется подход А. Ленгле (Ленгле А., 2009, 2015), в рамках которого рассматривается понятие экзистенциальной исполненности – чувства, объединяющего ощущения исполнения своих жизненных целей, ощущение соответствия решений и поступков сущности человека, ощущение внутреннего согласия. Чувство экзистенциальной исполненности по-особому переживается в разном возрасте и последствия ее дефицита также ощутимы в каждом возрастном периоде, но именно для тех, кому за 75, острота этого переживания наиболее ощутима, а последствия наиболее драматичны.

В рамках данного исследования проверялась гипотеза о том, что выраженность экзистенциальной исполненности женщин в период поздней зрелости способствует более высокому уровню психологического благополучия, выражающемуся в реализации жизненных целей и обладании базовыми ценностями.

Выборку исследования составили 74 женщины в возрасте от 75 до 85 лет. На предварительном этапе, по «Шкале экзистенции» А. Ленгле, респонденты были разделены на две группы. В первую группу вошли 46 женщин со средним и выше показателем экзистенциальной исполненности. Во вторую – 28 женщин с низким показателем экзистенциальной исполненности.

Кроме Шкалы А. Ленгле использовались: Анкета «Я и Мир» Дж. Бьюджентала, «Шкала психологического благополучия» К. Рифф, и «Жизненные цели» Дж. Крамбау.

Было обнаружено, что в целом у женщин со средним и выше показателем экзистенциальной исполненности значимо более высокие показатели по шкалам: «Общий показатель

психологического благополучия» ($t(72) = -5.763, p < 0.001$), «Жизненные цели» ($t(72) = -4.770, p < 0.001$), «Позитивные отношения» ($t(72) = -8.117, p < 0.001$). Базовые ценности: «Социальные контакты» ($\chi^2(1, N = 74) = 5.09, p < 0.05$) и «Благополучие» ($\chi^2(1, N = 74) = 10.753, p < 0.001$), а также они обладают статистически достоверно более низкими значениями по шкале «Суицидальные мысли» ($t(72) = -5.672, p < 0.001$).

Это значит, что женщины, которым за 75 лет, со средним и выше уровнем экзистенциальной исполненности, чувствуют себя благополучными, у них в большей степени осмысленны и достигнуты жизненные цели, они способны поддерживать позитивные отношения с окружающими людьми, обладают широким набором актуальных жизненных ценностей, спокойнее относятся к смерти.

Таким образом, можно говорить о том, что экзистенциальная исполненность как понимаемое в широком смысле чувство исполненности жизни, сопряжено с более благополучной старостью, а также играет роль мощного антисуицидального мотива.

Отсюда вытекает практическая значимость данного исследования, заключающаяся в осуществлении психологической поддержки лиц преклонного возраста, которая должна выражаться (кроме всего прочего) в работе по осмыслению, принятию своей жизни, сохранению фундаментальных человеческих ценностей.

Аришуляк А.Е.

ПЕРЕЖИВАНИЕ ЛИЧНОСТНОГО ВЫБОРА ЮНОШАМИ И ДЕВУШКАМИ С РАЗНЫМИ СТРАТЕГИЯМИ АДАПТАЦИИ

Проблема принятия решений связаны с анализом роли и места процессов принятия решения в системе целенаправленной сознательной деятельности человека. А.В. Карпов, О.К. Тихомиров отобрали множественную функционально-уровневую регуляцию принятия решений. В исследовании использованы положения А.К. Осницкого, О.А. Конопкина о месте и роли осознанного регуляторного опыта в произвольной активности человека.

Целью исследования стало выявление особенностей субъективного конструирования и переживания выбора в ситуациях разного уровня значимости при разной стратегии адаптации в юношеском возрасте.

Эмпирическая выборка: 60 человек в возрасте от 19 лет до 21 года (возрастной период ранней молодости).

Методы исследования: мельбурнский опросник принятия решений, тест «личностные факторы принятия решений» Д.А. Леонтьева.

В ходе исследования респонденты были разделены по типу адаптации: «чистые» субъективные интерналисты и объективные экстерналисты и «смешанные» объективные интерналисты и субъективные экстерналисты. При помощи дисперсионного анализа были выявлены отличия в переживании индивидуального выбора у респондентов с различным типом адаптации.

Результаты анализа показывают, что основательность выбора связана с ориентацией на достижение и новизну. Более того, обдуманный и ответственный судьбоносный выбор совершают люди, стремящиеся к поиску положительного смысла в произошедшем событии, не склонные перекладывать на окружающих вину за пережитое и предпочитающие сложные задачи, а обдуманный повседневный (бытовой) выбор — те, которые предпочитают использовать рациональные стратегии принятия решений, верят в свои силы, считают свою жизнь достаточно осмысленной.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Окрыляющее и хорошее отношение к процессу собственного выбора коррелирует с верой в свои силы и предпочтением такой стратегии когнитивной регуляции эмоций, как отвлечение на мысли о других, более приятных ситуациях вместо размышлений о пережитых затруднениях.

Удовлетворенность судьбоносным выбором коррелирует с предпочтением сложных задач и неопределенности, со склонностью использовать такую стратегию реагирования на негативные события, как размышления о возможных шагах выхода из сложной ситуации. Удовлетворенность повседневным выбором связана с ориентацией на достижение и новизну, волевым самоконтролем, настойчивостью, осмысленностью жизни.

Эмоциональный компонент выбора проявляется в оценочной активности человека в ситуации выбора.

Интеллектуальный компонент выбора проявляется в способности человека сформулировать альтернативные цели, найти способы реализации выбранной альтернативы.

Волевой компонент выбора реализует непосредственно усилия выхода из этого состояния путем принятия решения в пользу одной из альтернатив.

Стратегии адаптации будут определять переживание выбора через то, насколько человек осознает свои цели, осознает основания предпочтения выбранной альтернативы, прогнозирует последствия выбора.

Литература:

1. Карпов, А. В. Психологический анализ процессов принятия решения в деятельности/ А. В Карпов. — Ярославль: ЯрГУ, 1985. — 80 с.
2. Тихомиров, О.К. Понятия «цель» и «целеобразование» в психологии/ О.К Тихомиров // Психологические механизмы целеобразования. М.: Наука, 1977. С.5-20

Басимов М.М.

НЕЛИНЕЙНАЯ ПСИХОЛОГИЯ НА ПРИМЕРЕ ПЯТИФАКТОРНОЙ МОДЕЛИ ЛИЧНОСТИ

Под корреляцией исследователи в основном понимают наличие линейной связи – самой простой и наглядной. Иначе говорят об отсутствии корреляции. При этом очень часто многие интересные зависимости, будучи нелинейными, пропускаются, т.к. для них коэффициенты корреляции имеют малые значения по абсолютной величине.

Мы предлагаем новый подход к построению меры статистической связи в психологических исследованиях, который реализуется через использование авторского метода множественного сравнения для квантильных разбиений данных по каждому измеряемому психологическому параметру. Метод позволяет для изучаемой матрицы данных определить формы всех отобранных сильных зависимостей, сделав это в единой системе измерения, достигаемой нормировкой коэффициентов силы связи, в результате которой аналоги единичной корреляции (пропорциональные зависимости) принимают значения равные или близкие единице.

В докладе мы рассмотрим пример нелинейной психологической системы по результатам построения типологии зависимостей изучаемых параметров (соотношение линейности и нелинейности, преобладающие формы нелинейных связей) для исследования пятифакторной модели личности (Big Five). Задача решалась для трех вариантов квантования независимой переменной: разбиение упорядоченного множества на триады, кварты и квинты.

Японский исследователь личности Хийджиро Тсуйи, адаптируя американскую пятифакторную личностную методику для японской популяции, предложил биполярность для

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

каждого фактора. Мы использовали адаптацию японской версии «Большой пятерки» на русском языке (А.Б. Хромов).

В нашем примере анализа нелинейных свойств пятифакторной модели личности были получены следующие результаты: для триад 2 сильные нелинейные зависимости, для кварт – 11 (1 в рамках одного фактора), для квинт – 27 (5 в рамках одного фактора). При этом сильных линейных зависимостей с коэффициентом корреляции по модулю больше 0.5 выявлено только 6.

Таким образом, факторная модель, базирующаяся на линейных корреляциях, оставляет вне поля зрения почти в семь раз больше (40 против 6) не менее значимых нелинейных зависимостей, причем только 6 из них связывают параметры, относящиеся к одному фактору. Все это говорит о нелинейном характере моделей в теории личности. Рассмотрим пример интерпретации одной зависимости.

Зависимость параметра «Привлечение внимания – избегание внимания» (Y) от параметра «Мечтательность – реалистичность» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X-1 (Y= -703); X-2 (Y=-93); X-3 (Y= +1261); X-4 (Y= +17)

Коэффициент силы связи = 0.65 (0.13)

Коэффициент корреляции = 0.17

Зависимость параметра «Привлечение внимания – избегание внимания» от параметра «Мечтательность – реалистичность» имеет максимум (+1261) на третьей кварте независимого параметра и значительную общую возрастающую динамику зависимого параметра при сравнении его значений для первой (-703) и четвертой (+17) кварт независимого параметра.

Таким образом, в начале шкалы параметра-причины с ростом реалистичности и уходом от мечтательности (с 1 по 3 кварту) наблюдается быстрый рост зависимого параметра в сторону избегания внимания. Но в дальнейшем эта монотонная (при этом далеко не линейная) связь (совместное увеличение зависимой и независимой переменных) меняет свое направление на противоположное: на смену возрастанию приходит убывание. Критическое насыщение по реалистичности способствует противоположному эффекту – резкому изменению (бифуркации) складывающейся поначалу простой и легко интерпретируемой монотонной зависимости. В этом случае линейные аппроксимации анализируемых параметров могут привести к упрощенному и ошибочному пониманию изучаемого предмета – личностной типологии.

Приведенные результаты, как, впрочем, и результаты других исследований, позволяют говорить о возможности новой синергетической парадигмы в психологической науке, направленной на изучение, прежде всего, нелинейных эффектов психологических систем.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ номер 16-06-00273а*

Боголюбова О.Н., Ледовая Я.А., Чурилова А.Г.

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ДИСТРЕССА В СЕТИ «ИНСТАГРАМ»

Процесс публикации фотографии своей жизни, получение обратной связи от друзей в виде лайков и комментариев способствуют формированию новой виртуальной идентичности человека). Аккаунты пользователей социальных сетей создают Я-нарратив человека, историю его жизни в визуальных репрезентациях («life-story»), сопровождаемых подписями (хештегами или субъективными рассуждениями). Следует также отметить, что в сети «Инстаграм» пользователи чаще публикуют фотографии, свидетельствующие о позитивных моментах их жизни: о красивой квартире, хорошем внешнем виде, веселой компании друзей и т.д. Таким

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

образом, в сети создается картинка идеализированной жизни, которая репрезентирует и подкрепляет идеализированное представление человека о себе и своей жизни. Сервис «Инстаграм» также позволяет исследовать то, как люди, выкладывая изображения и отмечая их хештегами, визуально репрезентируют понятия, заключающиеся в хештегах.

При этом публикующиеся эмпирические данные имеют противоречивый характер: социальные сети и порождают новые формы взаимодействия, и способствуют сокращению привычных форм коммуникации, в социальных сетях пользователи получают как позитивные, так и негативные эмоции. Сервис «Инстаграм» способствует спонтанному самовыражению через оперативную публикацию фотографий (или видео), но также способствует накоплению негативных переживаний в связи с возможностью наблюдать яркие моменты жизни «друзей» по сети.

Данное исследование было направлено на изучение образных (загружаемые изображения) и вербальных (метки-хештеги) репрезентаций психологического дистресса в социальной сети «Инстаграм». Основными задачами исследования были: выявить различия между репрезентациями психологического дистресса среди тех, кто пользуется английскими и русскими понятиями-хештегами, и среди способов изображения различных вариантов психологического дистресса. В процессе исследования был проведен сбор изображений и данных о них при помощи интерфейса прикладного программирования (API) сервиса «Инстаграм». Был проведен контент-анализ изображений (N=1800), по 10 хештегам, описывающих психологический дистресс (anxiety, depression, fear, stress, worry, беспокойство, депрессия, страх, стресс, тревога). Выборка изображений в процессе качественного контент-анализа, выполненного тремя экспертами, была разбита на категории и подкатегории (текст, человек, часть тела, люди, животное, объект, еда, природа, город, напиток, лицо, рисунок, абстракт).

Результаты оценки частот встречаемости категорий, выявленных контент-анализом, показали, что существуют различия между образными и смысловыми репрезентациями различных вариантов психологического дистресса. Различия есть внутри количества категорий, встречающихся в связи с понятиями «anxiety», «depression», «fear», «stress», «worry» на английском языке и понятиями «тревога», «депрессия», «страх», «стресс», «беспокойство» на русском языке. Так, в репрезентациях понятия «fear» присутствует много изображений, содержащих мотивирующие тексты. Понятие «depression» представлено в большей степени изображениями с текстами, посвященными отношениям между людьми, а понятие «stress» отражено через изображения лиц и объектов, связанных с учебой. В русскоязычном сообществе «Инстаграм» понятие «тревога» часто имеет армейский контекст: изображены люди в военной форме, оружие и т. п. Понятие «депрессия» выражается через изображения лиц (часто — «селфи»), природы и города, а понятие «стресс» репрезентируется и проживается через изображения еды и объектов. В целом англоязычные понятия, связанные с психологическим дистрессом, чаще всего выражаются в виде изображений с текстом, а также в виде изображений лиц людей, особенно «селфи». Русскоязычные понятия в большей степени выражены в изображениях фигуры человека, объектов, а также «селфи».

** Исследование выполнено при поддержке гранта СПбГУ номер 8.38.351.2015*

Бучек А.А.

ОТНОШЕНИЕ К ЭТНИЧЕСКОМУ ПРОСТРАНСТВУ КАК СПОСОБ САМООСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Введение категории социально-исторического образа жизни как источника развития личности позволяет исследовать развитие личности на пересечении двух осей в одной системе

координат – оси исторического времени жизни личности и оси социального пространства ее жизни [1]. Ось исторического времени образа жизни личности в определенном обществе дает возможность выделить тот объективный социальный режим, который задан личности – исторически обусловленную протяженность детства в этой культуре; объективный режим смены игры – учебной деятельностью, трудом; распределение временного бюджета на «работу» и на «досуг», характерное для этого типичного образа жизни. Другой осью образа жизни обозначено социальное пространство, предметная действительность, в которой существуют на данном интервале исторического времени различные «институты социализации», большие и малые социальные группы, участвующие в процессе приобщения личности через совместную деятельность общественно-исторического опыта. Это объективно существующее в окружающем человека мире особое социальное измерение, создаваемое совокупной деятельностью человечества, названо полем значений: «поле значений отдельный индивид находит как вне-его-существующее – им воспринимаемое, усваиваемое, поэтому так же, как то, что входит в его образ мира» [2, с. 172]. При этом «распознавать» социальное пространство легче всего в рамках совершенно другой культуры, другого образа жизни, поскольку оно кажется столь естественным, что становится незаметным для ее носителей [1].

Целью исследования вылилось изучение отношения личности к этническому пространству. По мнению исследователей, именно понятие «этническое пространство» позволяет комплексно охватить весь круг «обстоятельств» этнической жизни: и процесс освоения этносом конкретной экологической ниши, и его становление как генетического тождества, и субъективный процесс осознания этносом себя как самостоятельного субъекта истории. Этнос как социальное сообщество обладает сложным внутренним миром, миром именно человеческих взаимодействий. Речь идёт о самобытной этнокультурной самореализации этноса в процессе исторического развития. Вместе с тем, признается, что этническое пространство – это не совокупность этнических элементов в рамках его исторического пространства, а скорее духовный компонент окружающей среды, позволяющий личности выстроить отношение к миру в целом.

В ходе работы осуществлялся анализ ответов респондентов разной этнической принадлежности – представителей коренных малочисленных народов Северо-Востока России, проживающих в национальных поселках Камчатского края. Общее количество респондентов – 117 человек.

Система представлений об этническом пространстве, особенностях своей этнической общности в сравнении с иноэтническим окружением определялась нами с помощью специально разработанной анкеты (этнопсихологического опроса), направленного на исследование аффективного компонента этнической самоидентификации - чувства принадлежности к своей этнической общности и связанные с этим переживания.

В ходе исследования доказано, что отношение личности к этническому пространству может быть признано важнейшим индикатором целостности и устойчивости этнического самосознания личности в его идентификационных характеристиках. Оно обусловлено целостностью, органичностью процесса этнической социализации личности в определенной культуре и не проявляется как некая вещественная данность. Оно является мыслительной конструкцией, логической абстракцией, позволяющей создавать, конструировать не только этническую историю группы, но и выступает своеобразным ресурсом личности и способом ее самоосуществления в этническом пространстве.

Литература:

1. Асмолов А.Г. Психология личности – М.: Смысл, 2001. – 367 с.
2. Леонтьев А.Н. Формирование личности // Психология личности в трудах отечественных психологов / Сост. Л.В. Куликов. – СПб., 2000. - С. 166 – 178.

Бычкова И.М.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ МУЗЫКАЛЬНО ОДАРЕННЫХ ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕЙ

Наряду с понятием «эмоциональный интеллект» в последнее время в психологической науке все чаще используется понятие «эмоциональная креативность», которое было предложено американским психологом Дж. Эвериллом в рамках развиваемой им социально-конструктивистской теории эмоций. Эмоциональная креативность рассматривается Дж. Эвериллом как генерирование новых (отличных от нормативных), эффективных (имеющих определенную индивидуальную или групповую ценность) и аутентичных (отражающих индивидуальность творца) эмоциональных синдромов (Валуева, 2010). Выборку исследования составили музыкально одаренные подростки (возраст - 13 лет) и юноши (возраст - 16 лет). В контрольную группу испытуемых вошли учащиеся, не являющиеся музыкально одаренными. В качестве методики исследования использовался адаптированный Е.А. Валуевой на российской выборке опросник «Эмоциональная креативность» Дж. Эверилла, который включает 3 шкалы – эмоциональная готовность (знания об эмоциях и значение, придаваемое эмоциональной жизни), новизна (генерирование новых, отличных от нормативных эмоций) и аутентичность/эффективность (генерирование эмоций, отражающих индивидуальность творца и имеющих определенную индивидуальную или групповую ценность). Сопоставительный анализ данных, полученных от экспериментальной и контрольной группы испытуемых показал, что в 13-летнем возрасте у музыкально одаренных девочек и мальчиков показатели по шкалам ЭКр выше, чем у испытуемых контрольной группы. Статистически значимые различия (по U-критерию Манна-Уитни) выявлены между музыкально одаренными девочками и девочками контрольной группы по шкалам «новизна» ($U=110$, при $p\leq 0,05$), «готовность» ($U=96$, при $p\leq 0,05$). Полученные результаты указывают на то, что музыкально одаренные девочки в большей степени осознают переживаемые ими эмоции, а также способны к генерированию эмоций, отличных от нормативных. Анализ данных по показателям развития ЭКр между мальчиками экспериментальной и контрольной групп позволил выявить значимые различия по шкалам «новизна» ($U=68$, при $p\leq 0,05$) и «эффективность» ($U=54,5$ при $p\leq 0,05$). Таким образом, музыкально одаренные мальчики обладают более выраженной способностью к созданию необычных эмоций и их эффективному использованию. Эти результаты соотносятся со спецификой деятельности музыкально одаренных мальчиков: необходимостью выражать в исполняемом музыкальном произведении эмоции, вложенные в нее композитором, и при этом вносить в музыку свои эмоциональные переживания. В 16-летнем возрасте статистически значимые различия ($U=63,5$, при $p\leq 0,01$) выявлены между 16-летними девушками экспериментальной и контрольной групп по шкале «новизна» ($U=78$, при $p\leq 0,05$), что свидетельствует о более высокой способности к созданию новых, отличных от обыденных эмоций у музыкально одаренных девушек. У музыкально одаренных юношей показатели по шкалам ЭКр выше, чем у юношей контрольной группы. Значимые различия между юношами не выявлены. Таким образом, в результате сопоставительного анализа полученных в исследовании данных выявлено, что у музыкально одаренных испытуемых во всех изучаемых возрастах показатели по уровню эмоциональной креативности выше, чем у испытуемых контрольной группы.

Валуйская Т.Л.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ СТУДЕНТОВ С РАЗНЫМИ МУЗЫКАЛЬНЫМИ ПРЕДПОЧТЕНИЯМИ

Психология музыкальных предпочтений становится все более популярным направлением эмпирических исследований. Во многих работах изучается связь музыкальных предпо-

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

чтений с интеллектуальными и личностными переменными. В исследовании под руководством А. Норта (North, 2010) на выборке 36 518 человек было выявлено, что музыкальные предпочтения связаны с личностными и интеллектуальными особенностями слушателей. Более значимыми факторами музыкального вкуса являются возраст, пол и материальный достаток. Связь музыкальных предпочтений с эмоциональной регуляцией установлена не была. Однако, в музыкальной психотерапии музыку целенаправленно используют для оптимизации эмоциональных состояний, опираясь на жанровую специфику музыкальных произведений и личностные черты слушателей. Таким образом, противоречивость имеющихся сведений обусловила актуальность исследования взаимосвязи музыкальных предпочтений студентов со структурой и уровнем их эмоционального интеллекта.

В исследовании приняли участие 54 студента гуманитарных специальностей в возрасте 19 – 25 лет. Из них – 40 девушек и 14 юношей.

Эмоциональный интеллект в данном исследовании определялся как способность понимать отношения личности, репрезентируемые в эмоциях и управлять эмоциональной сферой на основе принятия решений. Для изучения эмоционального интеллекта и его составляющих был использован тест EQ Н. Холла, включающий 5 шкал: 1. Эмоциональная осведомленность; 2. Управление своими эмоциями (скорее эмоциональная отходчивость, эмоциональная неригидность); 3. Самомотивация (скорее как раз произвольное управление своими эмоциями); 4. Эмпатия; 5. Распознавание эмоций других людей (скорее умение воздействовать на эмоциональное состояние других людей) (Лобанов, 2008).

Музыкальные предпочтения изучались путем опроса. Студенты должны были назвать 3 своих любимых музыкальных произведения. На следующем этапе была определена жанровая принадлежность этих произведений. Таким образом, если 3 или 2 произведения, названные одним респондентом, принадлежали одному жанру, то делался вывод о предпочтении данного музыкального направления.

Больше всего студентов назвали любимыми произведения классической музыки: 37,6 % (25 % опрошенных предпочли серьезную классическую музыку, 12,6 % – легкую классическую музыку). Остальные предпочтения распределились следующим образом: поп-музыку, рок-музыку и произведения других жанров выбрали по 20, 8 % респондентов.

Далее были изучены различия в степени выраженности составляющих эмоционального интеллекта у любителей разных музыкальных жанров. Статистическая обработка данных производилась с помощью критерия Манна – Уитни. Достоверные различия в эмоциональной осведомленности были выявлены между группами студентов, предпочитающих серьезную классическую музыку и рок ($p < 0,01$); серьезную классику и другие жанры ($p < 0,05$) (в пользу любителей классики). Любители поп-музыки показали более высокую эмоциональную осведомленность, чем любители рока ($p < 0,05$) и других музыкальных жанров ($p < 0,05$). Наиболее эффективны в самомотивации, управлении эмоциями других людей, проявлении эмпатии студенты, предпочитающие легкую классическую музыку и поп-музыку. Они существенно превосходят по этим показателям эмоционального интеллекта любителей рок-музыки ($p < 0,05$). Те, кто предпочитают поп-музыку, превосходят любителей серьезной классической музыки по показателю «управление своими эмоциями» ($p < 0,05$).

Таким образом, больше всего различий в EQ выявлено между группами студентов, предпочитающих поп-музыку и рок-музыку. Самый высокий эмоциональный интеллект свойственен любителям поп-музыки. Самый низкий EQ – у тех студентов, которые назвали любимыми произведения рок-музыки. Предпочтение произведений «легкого жанра» может быть связано не просто с эмоциональностью или принципом удовольствия, но и с более глубоким пониманием собственных эмоций и эмоций других людей, а также более совершенной эмоциональной регуляцией.

Ванданова Э.Л.

МАРГИНАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ: ПОИСКИ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Первый существенный момент в рассмотрении заявленной нами проблемы - это обоснование того, что мы действительно изучаем человека, а не социологическую абстракцию. Термин «маргинальность» используют в научной литературе для определения поведения человека, чаще дезадаптивного, деструктивного, используют для обозначения аномии, т.е. социологического термина введенного Дюркгеймом. В результате оба термина приобрели сходное наполнение и определение, которое трактует маргинальность в качестве социального процесса. Вместе с тем, очевидно, что нельзя рассматривать социальное явление без определения психологических характеристик человека. Здесь мы наблюдаем факт слияния, пусть даже ассоциативно, разных явлений в одно, что позволяет нам представить их как единую культурно-психологическую реальность.

Дальнейшее развитие этого направления видится нам как поиск методологических оснований определения маргинальности и маргинальной личности. Двигаясь в этом направлении, возможно рассмотрение маргинальности в контексте термина «культурно-психологическая реальность» предложенного М.А. Гусельцевой для обозначения исследовательской единицы (Гусельцева, 2013). Такое обозначение маргинальности как исследовательской единицы будет опираться на положения методологии историко-генетического подхода, способствующей изучению проблемы по вертикали (в разные возрастные и исторические периоды) и горизонтали (в разных психолого-педагогических направлениях); системно-деятельностного подхода, помогающей структурировать различные концепции в целостную систему, раскрывающей специфику проблемы и способы ее изучения.

Второй момент связан с тем, насколько явление маргинальности может быть отнесено к разряду теорий, изучающих отдельные аспекты глобализации и эволюционности процессов. Наша задача осложняется тем, что, с одной стороны, мы хотели бы уйти от эмпиризма в исследовании проблемы маргинальности и понять ее не как совокупность эмпирически наблюдаемых симптомов, феноменов и актов, а как глубокий сущностный процесс, который появляется через те или иные явления и факты. В этой связи становится важным признание в качестве методологических предпосылок к построению методологии психологии маргинальности: идеи системной антропологической психологии (В.Е. Ключко, О.М. Краснорядцева, Э.В. Галажинский), идей становления этнокультурной идентичности и «поведения личности в условиях высокой неопределенности и множественности выбора в поликультурном обществе» (Г.У. Солдатова), становления идентичности в транзитивном обществе (Т.Д.Марцинковская, М.С. Гусельцева).

Явление маргинальности наиболее ярко проявляется в периоды активизации этногенетических процессов. Так мы подходим к еще одному важному моменту в изучении поставленного нами вопроса.

Третий момент - изучение маргинальной личности трудно представить без обращения к теории этногенеза. В области теории этногенеза для нас наиболее значимы достижения отечественных исследователей: теория Ю.В. Бромлея, спорная биолого-этнографическая концепция этноса Л.Н. Гумилева, теория этногенетических модусов развития В.П. Алексеева. Столь же значимы для построения теории маргинальной личности концепции, раскрывающие основное содержание этнопсихологических явлений, разработанные психологами, философами, этнографами. К ним относятся работы М. Мид, Р. Бенедикт, Леви-Стросс, М. Сегала, Д. Кемпбелла, М. Коула. Не менее важны традиционно рассматриваемые межкультурное взаимодей-

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ствие и межэтнические контакты в рамках социогенеза, теоретические идеи Л.М. Аболина о принципе равновесия между сохранением самобытной культуры и развитием межкультурного взаимодействия разных этносов.

Таким образом, концептуально значимыми направлениями в изучении маргинальной личности являются: вектор, затрагивающий культурно-психологические феномены этногенеза; вектор, затрагивающий феномены психологической транзитивности; вектор, учитывающий принципы системной антропологической психологии.

Водяха С.А.

КРЕАТИВНОСТЬ КАК ПРЕДИКТОР СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Креативность, с точки зрения социально-психологического подхода, рассматривается как личностный потенциал, позволяющий справляться с трудными ситуациями. Бэйти и Фернхам считают, что творческий человек имеет два атрибута. Первый - аналитичность, способствующая глубинной идентификации и картированию проблемной ситуации. Вторым атрибутом креативной личности является творческая мысль, использующая силу воображения и мышления для формирования новых эталонов творческого продукта. Формирование любой новой программы поведения требует применения креативных способностей, т.к. творческое поведение регулируется антиципирующими схемами поведения индивида. Таким образом, можно предположить, что креативность связана с саморегуляцией поведения и эмоций. Саморегуляция эмоций тесно связана с уровнем эмоционального интеллекта.

Креативность может стать хорошей стратегией в приобретении инновационных способностей совладания с болезнями и профессиональными стрессовыми ситуациями. Одним из главных преимуществ способности регулировать эмоции является снижение уровня выраженности негативных эмоций и культивирования положительных. Таким образом, люди, которые являются умелыми в регулировании их эмоций, могут компенсировать свои негативные эмоции.

Чан выявил, что существует положительно значимая связь между воспринимаемой креативностью и эмоциональным интеллектом. Другие исследования не подтверждают связь эмоционального интеллекта и креативности. Зенанси и Любарт исследовали связь между эмоциональным интеллектом и творчеством в двух исследованиях. Результаты показали отрицательную связь между этими двумя показателями. Таким образом, результаты исследований по изучению взаимосвязи между этими двумя компонентами не однозначны.

Согласно некоторым исследованиям, положительная корреляция между эмоциональным интеллектом и воспринимаемой креативностью может быть объяснена тем, что, вероятно, одним из путей повышения креативности является эмоциональный интеллект.

На основании вышеизложенного, было сделано предположение, что, несмотря на недостоверность данных о соотношении между креативностью и социальным интеллектом, существуют значимые различия в показателях эмоционального интеллекта старшеклассников.

Исследование проводилось среди 249 старшеклассников г. Екатеринбурга в возрасте от 14 до 17 лет.

Для проверки гипотезы использовались следующие методики:

1. Методика Н.Холла на определение уровня эмоционального интеллекта.
2. Опросник креативной идентичности С.А. Водяхи.

Испытуемые были разделены на группы в зависимости от выраженности креативной идентичности.

Стоит отметить значимые различия между креативными и некреативными школьниками по такому важному показателю как эмпатия (7,24 против 5,106, $p=0,0488$). Творческие школьники значимо лучше понимают эмоций других людей, умеют сопереживать текущему эмоциональному состоянию другого человека, а также готовы оказать поддержку. Креативность способствует формированию умения понять состояние человека по различным невербальным признакам.

Также наиболее существенны различия креативов в способности распознавать эмоции других людей (7,103 против 3,063 $p=0,00092$). Креативы умеют эффективно воздействовать на эмоциональное состояние других людей, понимая, почему окружающие реагируют на их поведение именно так. Они умеют хорошо управлять своим имиджем и формировать в сознании окружающих идеальный образ себя.

В целом уровень эмоционального интеллекта креативных старшеклассников выше, чем у их сверстников-некреативов (30,22 против 22,93 $p=0,0437$). Это означает, что креативность является значимым предиктором социального интеллекта.

Волкова Е.Н.

КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА Б.Г.АНАНЬЕВА И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ

Термин «субъектность» не нов для отечественной науки. Можно даже сказать, что в явной или неявной форме субъектность присутствует в основных концепциях отечественной психологии, каждая из которых раскрывает свой ракурс понимания и изучения субъектности человека.

Под субъектностью мы понимаем личностную способность к взаимообусловленным изменениям человеком себя и окружающего мира. Человек в концепции Б.Г.Ананьева рассматривается как единство и целостность структур индивида, личности и субъекта деятельности. Уникальная совокупность характеристик этих структур образует индивидуальность человека. Различная степень изменчивости этих структур и управляемости изменениями раскрывается в концепции Б.Г.Ананьева и задает методологическую основу изучения субъектности человека.

Структура человека как индивида представляет собой совокупность возрастно-половых и индивидуально-типических свойств. Индивидуные свойства человека менее, чем все другие, вариабельны и практически не являются предметом преобразования конкретного человека, хотя и модифицируются под влиянием социальной истории человечества. Возможность изменения появляется на уровне человека как субъекта деятельности. В концепции Б.Г.Ананьева эта возможность представлена через способность к овладению - созданию, выбору или использованию средствами для преобразовательной деятельности. Характеристика человека как личности определена его статусом и включает в себя системы общественных функций-ролей и целей и ценностных ориентаций. Выбор ролей, определение целей и ценностных ориентаций производится самим человеком и осуществляется как действительный свободный выбор. Принципиальная возможность такого выбора есть преобразование человеком самого себя. Несмотря на то, что действия и поступки человека детерминированы другими людьми (и во многом совершаются благодаря им), активность этих проявлений - это активность самого человека. И поскольку эта активность, хотя бы в потенции, имеет сознательный характер, она неотделима от ответственности. Свободный выбор человека - это всегда ответственный, нравственный выбор.

Несомненно, разделение в структуре человека подструктур личности и субъекта представляется несколько искусственным. Если различение структур индивида и личности как

различение природного и социального в человеке имеет смысл, то лишение личности субъектности (т.е. активной, преобразующей субстанции) и субъекта личностности (т.е. смысловой наполненности и направленности) неоправданно. Следует сказать, что сам Б.Г.Ананьев понимал сильное “притяжение” друг к другу этих подструктур. Более того, его мысль о поисках решения проблемы личности в личностной психологии - это обращение к субъектным характеристикам человека. Субъектные свойства человека рассматриваются Б.Г.Ананьевым в соотношении процессов преобразования человеком внешнего мира и процессов изменения человеком самого себя в ходе его практической деятельности с целью усиления направленного воздействия на внешний мир.

Несмотря на то, что Б.Г.Ананьев не оперировал термином “субъектность», его концепция человека позволяет определить существенные характеристики для анализа субъектности: субъектность является уровневой характеристикой человека, субъектные свойства появляются только на определенном уровне развития - личностном - и определяются балансом процессов экстерииоризации и интериоризации; функции субъекта в человеке неразрывно связаны с продуктивностью выполняемой им деятельности; не всякое отношение к деятельности раскрывает субъектные свойства человека: деятельность субъекта характеризуется не только продуктивностью, но и носит преобразующий характер, т.е. функции субъекта конгруэнтны творчесткости человека.

Эти особенности оказываются решающими при изучении процесса развития субъектности человека в онто- и профессиогенезе.

Глушинский А.В, Меньшикова Л.В.

СООТНОШЕНИЕ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА И МЕЖЛИЧНОСТНОЙ ПРИВЯЗАННОСТИ

Проблема перфекционизма привлекает внимание исследователей в контексте невротического стремления личности к совершенству.

Последнее время различают патологический и нормальный перфекционизм. Нормальный перфекционизм предполагает здоровое стремление к самосовершенствованию без конфликта с другими мотивами. Патологический - включает чувства тревоги, вины, стыда, сложности в межличностных отношениях. Патологический перфекционизм происходит из детского опыта взаимодействия с неодобряющими родителями, любовь которых зависит от результатов деятельности ребенка [1,5].

Привязанность - эмоциональная связь, которая объединяет человека с одним или несколькими людьми во времени и пространстве. Объект привязанности – это база безопасности ребенка в исследовании мира, гарант защищенности. Отношения ребенка с родителем являются прототипом последующих отношений [1].

Наша работа направлена на исследование особенностей межличностной привязанности у людей с патологическим перфекционизмом.

Большинство исследований посвящено когнитивным аспектам перфекционизма, аналогичных исследований в психоаналитической парадигме нами обнаружено не было.

Психодиагностический комплекс: дифференциальный тест перфекционизма Золотаревой А.А.; шкала перфекционизма Фроста; шкала перфекционизма Р. Слейни; опросник отношений Д. Гриффина, К. Бартоломью.

Выборка: 54 респондента, от 25 до 45 лет, с высшим образованием, у 16 человек выявлен патологический перфекционизм, у 18 - нормальный.

Результаты исследования:

В результате исследования выявлено, что у людей с патологическим перфекционизмом преобладают боязливый и избегающий стили привязанности. Патологические перфекционисты склонны отрицать потребность в близости, более эмоционально дистанцированы от других людей. Они испытывают сложности в проявлении чувств, установлении глубоких отношений. Им присущ высокий уровень тревожности в межличностных взаимодействиях, страх неудачи приводит к избеганию межличностных интеракций, близких отношений, поверхностным контактам.

У людей с нормальным перфекционизмом преобладает надежный стиль межличностной привязанности. То есть их межличностные отношения содействуют самооценности личности, позитивному отношению к себе и другим, они способны к близким отношениям с сохранением личной автономии.

Тревожная привязанность связана с параметрами перфекционизма: «родительская критика», «обеспокоенность ошибками», «прокрастинация», «несоответствие». То есть, чем более противоречивое отношение значимого близкого в раннем детстве, тем больше страх отвержения, промедление в деятельности, страх несоответствия, переживания при малейшей неудаче и критике.

Замкнутый тип привязанности связан с «родительскими ожиданиями», «отношением» и «личными стандартами». То есть, чем больше значимый близкий дистанцирован от ребенка, тем больше мнение ребенка, что родитель имеет относительно него высокие ожидания, тем выше он устанавливает собственные стандарты, тем больше сложности в отношениях.

Основываясь на предположении, что патологический перфекционизм происходит из детского опыта взаимодействия с неодобряющими, «условно любящими», родителями, в качестве перспективного направления дальнейших исследований можно предложить исследование специфики проявления перфекционистских черт у детей и их родителей.

Литература:

1. Воликова С.В. Современные исследования детского перфекционизма // Социальная и клиническая психиатрия. - 2012 - № 2.
2. Золотарева А.А. Диагностика индивидуальных различий перфекционизма личности: дис. канд. псих. наук: 19.00.01 / Золотарева Алена Анатольевна. - М., 2012.
3. Пушкина А.В. Особенности соотношения перфекционизма и нарциссизма // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. - 2015. - № 4.
4. Flett G., Hewitt P. Perfectionism: Theory, Research and Treatment // American Psychological Association, 2002.

Гришина Н.В.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Экзистенциальная психология является одним из наиболее интенсивно развивающихся направлений психологии 21 века. В центре внимания экзистенциальной психологии - «психологическое бытие» человека (Р. Мэй), что отвечает потребностям интеграции психологического знания, которую в свое время Б.Г. Ананьев называл одной из важнейших задач психологии.

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Место экзистенциального подхода в современной психологии определяется новыми вызовами современной реальности к психологической науке и практике и освоением психологией нового проблемного пространства. Д. Леонтьев называет экзистенциальную психологию зоной ближайшего развития психологической науки (2016). Основанием для этого является представление о неопределенности как фундаментальной характеристике современного мира, что созвучно экзистенциальному подходу, описывающему существование человека в пространстве возможностей и неопределенности, в котором сам человек выступает определяющим началом.

Экзистенциальная психология, акцентирующая внимание на существовании человека в мире, предполагает развитие соответствующего подхода в области психологии личности. Важной задачей в этой связи является поиск новых языков описания психологической проблематики и психологической реальности человека.

Экзистенциальный подход к психологии личности отличается от существующих теорий личности, традиционно описывающих совокупность, структуру и соотношение устойчивых характеристик, обуславливающих особенности поведенческих проявлений человека. В рамках экзистенциального подхода к психологии личности используются понятия экзистенциальной мотивации, самодетерминации, жизнестойкости, экзистенциального выбора и др.

Среди этих понятий особое место, на наш взгляд, должно принадлежать понятиям экзистенциального опыта и экзистенциальной идентичности.

Понятие опыта, первоначально представленное в науке как философская категория, является интегральным понятием, относящимся к целостным проявлениям активности человека. Понятие опыта в психологии еще нуждается в разработке, однако в современной психологии заметна тенденция к возрастающему интересу к использованию интегральных понятий, в том числе, например, понятий когнитивного опыта и жизненного опыта.

Экзистенциальный опыт является обобщенным ценностно-смысловым регулятором жизнедеятельности человека, интегрирующим его жизненный опыт, субъектные свойства и стиль жизни. Разработка понятия экзистенциального опыта и описание его эмпирических характеристик позволили нам, наряду с его ролью регулятора активности человека на разных уровнях жизнедеятельности, рассматривать экзистенциальный опыт как важнейший источник личностных изменений и опыт «вершинных переживаний», дающий человеку ощущение высших смыслов своего существования.

Особая роль экзистенциального опыта в становлении личности определяется тем, что именно на его основе, на основе переживания человеком экзистенциальных ситуаций и осуществления им экзистенциальных выборов, организуется экзистенциальная идентичность человека.

Одним из базовых постулатов экзистенциализма является представление о том, что человек рождается индивидом, но ему лишь предстоит стать экзистенциальной индивидуальностью. Становление экзистенциальной индивидуальностью есть движение к экзистенциальной идентичности. Экзистенциальная идентичность как осознание себя и своего существования в контексте бытия описывается следующими характеристиками: это идентичность зрелого человека, отвечающая определенному уровню его развития; экзистенциальная идентичность (в отличие от личностной и социальной идентичности, развитие которых инициируется задачами развития и поиска своего места в меняющейся реальности) человека является ответами на «вызовы изнутри»; экзистенциальная идентичность определяет базовый жизненный стиль человека и др.

Разработка понятий экзистенциального опыта и экзистенциальной идентичности позволяют оценивать их как обладающих важным эвристическим потенциалом.

Даниленко О.И., Юревич О.И.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ХАРАКТЕРИСТИК АНТИЦИПАЦИОННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И УРОВНЯ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

В условиях перемен в экономической, общественной и культурной жизни для человека как субъекта собственной жизни особое значение приобретает способность предвидеть, предотвращать и преодолевать трудности. Эта характеристика личности становится предметом исследования в рамках актуальной проблематики опережающего (проактивного) совладания. Представляется, что новые перспективы в разработке этого направления психологии открывает обращение к концепции антиципационной состоятельности, предложенной В.Д.Менделевичем.

Антиципационную состоятельность (прогностическую компетентность) он определяет как способность с высокой вероятностью предвосхищать ход событий, прогнозировать развитие ситуаций и собственных реакций на них, а также действовать с временно-пространственным упреждением (Менделевич, 1996). Первоначально проблема антиципационной состоятельности рассматривалась в рамках клинической психологии. В дальнейшем она стала изучаться применительно к здоровой личности (Абитов, 2007; Сумина, 2008; Ничипоренко, Мухамадиева, Менделевич, 2010 и др.).

Рассматривая антиципационную состоятельность в рамках проблематики психологии проактивного совладания, мы опираемся на понимание антиципационной состоятельности как характеристики личности, способствующей успешному совладанию с трудностями. Одним из важных показателей успешности совладания человека с жизненными трудностями является уровень субъективного благополучия. Следуя определению Эд. Динера, мы понимаем субъективное благополучие как интегральное психологическое образование, включающее оценку и отношение человека к своей жизни и самому себе и несущее активное начало (Diener, 1984. P. 2).

Цель нашего исследования: выявить связи между уровнем субъективного благополучия и антиципационной состоятельностью личности. Гипотеза: существует связь между показателями субъективного благополучия и антиципационной состоятельностью; чем выше антиципационная состоятельность, тем выше субъективное благополучие личности. Предметом исследования является взаимосвязь характеристик антиципационной состоятельности и уровня субъективного благополучия. Объект исследования - показатели антиципационной состоятельности личности и уровень субъективного благополучия. В исследовании приняли участие 135 человек в возрасте от 18 до 45 лет, проходившие обучение в сообществе молодых предпринимателей «Бизнес-квартира». Методики: Шкала субъективного благополучия Pettudel-Badoux et al. (адаптация проведена в НПЦ «Психодиагностика» Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова в 1988 г.) и «Тест антиципационной состоятельности» (Менделевич, 2003). Тест позволяет получить данные по трем шкалам (личностно-ситуативная, пространственная, временная) и общий показатель уровня антиципационной состоятельности. Методы математической статистики: первичные статистики и корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена).

Результаты исследования. Обнаружено, что показатель субъективного благополучия коррелирует с двумя характеристиками антиципационной состоятельности: личностно-ситуативной ($r = -0,29$, $p < 0,001$) и пространственной ($r = -0,26$, $p < 0,01$), а также с общим показателем антиципационной состоятельности ($r = -0,31$, $p < 0,001$). Поскольку шкала субъективного благополучия является обратной, отрицательная корреляция свидетельствует о том, что чем выше личностно-ситуативная и пространственная антиципационная состоятельность, тем выше субъективное благополучие человека.

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Полученные результаты в целом подтвердили нашу гипотезу о характере связи субъективного благополучия и антиципационной состоятельности. Неожиданно для нас не обнаружены взаимосвязи субъективного благополучия с временной составляющей антиципационной состоятельности. Дальнейшие исследования, мы надеемся, помогут объяснить этот результат.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 16-06-00477a*

Даниленко О.И.

СВЯЗЬ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ Личности у российских и китайских студентов

В современной научной литературе обсуждается проблема универсальности и/или культурной специфичности психологических феноменов и закономерностей. Материал для дискуссии дают данные эмпирических исследований, полученные на выборках представителей разных культур. Предметом нашего исследования стала взаимосвязь между субъективным благополучием и жизнестойкостью у людей, сформировавшихся и живущих в разных странах, а именно — у российских и китайских студентов.

Молодой человек, обучающийся в вузе, неизбежно встречается с трудностями, как актуальными, так и антиципируемыми (в том числе в связи с будущим трудоустройством), что провоцирует переживание стресса. Поскольку стресс сопровождается негативными эмоциональными переживаниями, уровень субъективного благополучия можно рассматривать как один из показателей более или менее успешного преодоления стресса. Важным личностным ресурсом для этого является жизнестойкость личности (S. Maddi, S. Kobasa, Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова и др.).

Наша гипотеза состоит в том, что как в российской, так и в китайской выборке существует позитивная связь между показателями уровня субъективного благополучия и жизнестойкости личности. Ее проверка осуществлялась при использовании эмпирических данных, полученных в ходе выполнения ВКР студентами О.И. Юревич (данные по российской выборке), Сюй Идань и Ли Цзыхань (данные по китайской выборке).

Российская выборка включала 108 человек от 17 до 27 лет. Использовались методики: Шкала субъективного благополучия Petrucci-Badoux et al. (адаптация проведена в НПЦ «Психодиагностика» Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова в 1988 г.) и тест жизнестойкости С. Мадди (адаптация Д.А. Леонтьева и Е.И.Рассказовой, 2006). Китайская выборка включала 180 китайских студентов от 18 до 24 лет. Для определения уровня субъективного благополучия использовался опросник Index of Well-Being (Campbell et al, 1976), адаптированный Yao Chunsheng, He Nailing и Shen Qi (1995); для определения уровня жизнестойкости опросник С.Мадди адаптированный Zheng Zijian и Tang Yan (2010).

Кроме трех компонентов жизнестойкости, которые входят в модель С.Мадди и С.Кобейса (вовлеченность; контроль; принятие риска), в китайскую модель вошли еще два компонента: самоконтроль (установка на контроль своих эмоций, желаний, целей, поведения) и выносливость (установка на гибкое реагирование, способствующая быстрому восстановлению после неудачи). Для обработки данных использовались методы математической статистики: первичные статистики и корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена).

Результаты исследования. Выявлены взаимосвязи уровня субъективного благополучия и компонентов жизнестойкости; в российской выборке: вовлеченность (-0,744***), контроль (-0,636***), принятие риска (-0, 575***), общий показатель жизнестойкости (-0,731***); в

китайской выборке: вовлеченность (-0,394**), самоконтроль (-0,205**), контроль (-0,239**), выносливость (-0,248**), принятие риска (-0,235**), общий показатель жизнестойкости (-0,384**). Показатели использованных методик для исследования субъективного благополучия имеют «обратный» характер: т. е. чем они ниже, тем выше субъективное благополучие респондентов. Обнаруженные отрицательные корреляции свидетельствуют о том, что более высоким показателям уровня субъективного благополучия соответствуют более высокие показатели компонентов жизнестойкости.

Положительные взаимосвязи между уровнем субъективного благополучия и показателями жизнестойкости выявлены в выборках как российских, так и китайских студентов. Таким образом, наша гипотеза получила подтверждение. Полученные данные позволяют утверждать, что и для российских, и для китайских студентов жизнестойкость личности является существенным личностным ресурсом, способствующим совладанию с трудностями.

** Исследование проводится при поддержке гранта РГНФ номер 16-06-00477а*

Долгих А.И., Розум С.И.

ВЗАИМОСВЯЗЬ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И САОМОТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Исследовалась взаимосвязь автобиографической памяти и самоотношения в рамках влияния работы с автобиографическими воспоминаниями в условиях когнитивного диссонанса на самоотношение личности.

Актуальность рассматриваемой работы заключается в существовании разногласий разных исследований относительно эффектов работы с автобиографической памятью: с одной стороны, работа с автобиографической памятью является ресурсом для достижения личностных изменений. С другой стороны, наша память тесно связана с представлениями личности о себе и является «фактологической базой», подтверждающей их.

Таким образом, было сделано предположение, что работа с противоречивой информацией и последующая за ней работа с автобиографическими воспоминаниями могут привести к изменениям представлений о себе. Для его экспериментальной проверки были сформулированы гипотезы:

1. В условиях отсутствия противоречивой информации о своих личностных особенностях работа с автобиографическими воспоминаниями не приведет к изменению самоотношения личности.

2. В условиях наличия противоречивой информации о своих личностных особенностях проводится работа с автобиографическими воспоминаниями, которая приведет к изменению самоотношения.

Для проверки гипотез была разработана экспериментальная процедура, позволяющая создать условия для возникновения когнитивного диссонанса в отношении информации о себе (дезинформация), а также условия для активной работы с автобиографическими воспоминаниями (схема интервью).

Были подобраны методы и методики сбора эмпирической информации, при помощи которых измерялись: личностные особенности участников (пятифакторный опросник в адаптации А. Б. Хромова), самоотношение личности (методика исследования самоотношения С. Р. Пантилеева), самооценка личностных особенностей (биполярная шкала), показатели работы с автобиографическими воспоминаниями (латентное время воспроизведения, объем воспоминаний).

Также, был разработан дизайн исследования, позволяющий варьировать 2 фактора: наличие когнитивного диссонанса, наличие работы с автобиографическими воспоминаниями.

Участники были подразделены на 3 группы:

«Когнитивный диссонанс» - проводилось интервью в условиях искусственно созданного когнитивного диссонанса относительно личностных особенностей участников.

«Интервью» - проводилось интервью без создания когнитивного диссонанса

«Контрольная» - участники дважды заполняли психодиагностические методики.

При сравнительном анализе изменений самоотношения в разных группах было статистически достоверно установлено, что в группе «Когнитивный диссонанс» было получено больше изменений, чем в группе «Интервью». Гипотеза о влиянии работы с автобиографическими воспоминаниями в условиях когнитивного диссонанса на самоотношение личности подтвердилась.

При сравнительном анализе изменений самоотношения в разных группах были получены статистически достоверные различия между группой «Интервью» и «Контрольной» группой. Гипотеза об отсутствии влияния работы с автобиографическими воспоминаниями в ситуации без когнитивного диссонанса на самоотношение личности (гипотеза о взаимной связи автобиографической памяти и самоотношения личности) не подтвердилась.

Сравнительный анализ качественных показателей самоотношения личности до и после процедуры эксперимента показал, что изменения направлены на увеличение самоуважения и аутосимпатии и снижение внутренней неустойчивости. Контент-анализ текстов воспоминаний показал, что личности, ориентирующиеся на воспоминания с позитивной и смешанной оценкой себя, больше меняют свои представления о себе, чем те, кто ориентируются на воспоминания с негативной окраской.

Проведенное исследование имеет прямое отношение к решению задач по психологической коррекции проблем, связанных с самоотношением личности. Полученные результаты исследования могут быть использованы в качестве рекомендаций при работе с автобиографическими воспоминаниями в целях саморазвития.

Есманская Н.Е., Нгуен Ван Ум Ньи

ЛИЧНОСТНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ РОССИЙСКИХ И ВЬЕТНАМСКИХ СТУДЕНТОВ

Современное положение российского и вьетнамского общества рассматривает проблему о личностном благополучии как об одном из приоритетных направлений исследования психологического сознания людей. Актуальность проблемы личностного благополучия студентов определяется ее высокой значимостью для разрешения важнейших проблем конструктивного развития и функционирования личности.

В России и за рубежом было исследовано влияние разносторонних объективных и субъективных факторов на психологическое благополучие личности (М. Селигман, Э. Динер, Н. Брэдберн, К. Рифф, М. Аргайл), обнаружены его связи с осмысленностью жизни (Д. А. Леонтьев), суверенностью психологического пространства (Е. Н. Панина), взаимосвязью личностного благополучия и социальной активности (К. А. Абульханова, Л. Г. Дикая, Р. М. Шамяинов). Во Вьетнаме данная проблема была изучена в работах Н.Ч. Тхуат, З.Т. Дам, Ч. Т. Ло.

Целью нашего исследования являлось изучение личностного благополучия российских и вьетнамских студентов. Респондентами были 120 человек (60 девушек и 60 юношей) факультета философии и психологии Воронежского государственного университета.

В своей работе мы опирались на концепцию о личностном благополучии Н. Бредберна, К. Рифф, теории гуманистического подхода представления о позитивных аспектах функционирования личности (А. Маслоу, К. Роджерс) и работы вьетнамских психологов (Н.Ч. Тхуат, З.Т. Дам, Ч. Т. Лю).

В данном исследовании использовались: шкала М. В. Соколовой об изучении субъективного благополучия, шкала К. Рифф об изучении уровня диагностики актуального психологического благополучия человека на данном жизненном этапе, тест М. Аргайла о диагностике уровня счастья, где переживание счастья рассматривалась как индикатор личностного благополучия.

Результаты проведенного теоретического и эмпирического исследования позволили сформулировать следующие выводы: 1) у российских студентов доминирует компонент «Напряженность и чувствительность». Это говорит о том, что они обладают субъективным переживанием тяжести выполняемой работы, потребностью в уединении и необходимостью взаимодействовать с людьми. У вьетнамских студентов наиболее выражен компонент «Психоэмоциональная симптоматика», что означает переживание чувства беспредметного беспокойства, нарушение сна и чрезмерную остроту реакций на незначительные препятствия.

2) у российских и вьетнамских студентов наиболее выражен компонент «Личностный рост». Они воспринимают себя «растущими» и открытыми новому опыту. Наименее выражен компонент «Автономия», что характеризует студентов как самостоятельных, независимых, способных противостоять попыткам общества заставить думать и действовать определенным образом.

3) переживания счастья как индикатора личностного благополучия свойственно российским и вьетнамским студентам, однако преобладает средний показатель, что означает неполное ощущение счастья.

Полученные результаты исследования могут быть использованы в работе практических психологов. В то же время данная работа поставила ряд новых вопросов, определяющих перспективы дальнейших исследований по рассматриваемой проблеме.

Жижина М.В.

ИМИДЖ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ В СВЯЗИ С ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ ВОЗРАСТОМ ЛИЧНОСТИ

В междисциплинарных теоретических исследованиях имидж рассматривается, с одной стороны, как результат жизнедеятельности человека, а с другой, как средство управления жизненной перспективой личности. Однако на практике, к сожалению, не всегда имидж отражает жизненную перспективу человека и его потребности в самоактуализации. Вместе с тем, коррекция и формирование нового имиджа многими авторами справедливо расцениваются как важные факторы зоны ближайшего развития личности. При этом понятно, что имидж человека на протяжении всего жизненного пути не является чем-то статичным и неизменным, хотя бы в силу возрастных факторов, изменений социального статуса, и, конечно же, в связи с внутренними преобразованиями, связанными с личностным ростом, постановкой новых жизненных целей и задач.

В то же время, в современных социально-психологических концепциях имиджа отсутствуют представления о детерминации формирования имиджа психологическим возрастом личности, хотя, на наш взгляд, при анализе процессов коррекции и формирования имиджа изучение этой взаимосвязи представляется продуктивным. Опыт показывает, что этот, на первый взгляд, теоретический вопрос имеет непосредственный практический выход в технологиях имидж-проектирования.

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Как известно, психологический возраст как интегральный показатель отношения человека к времени своей жизни, может быть синхронным, опережающим или отставать от хронологического возраста. В психологических исследованиях уже установлено, что в более зрелом возрасте ощущают себя моложе своих лет, а в юности напротив, старше своих лет. Стихотворение Анны Ахматовой «Я научилась просто, мудро жить», написанное поэтессой в 23 года, служит, на наш взгляд, тому прекрасным примером.

Конкретнее, психологический возраст – это мироощущение человека, мера психологического прошлого, уровень жизненной активности, состояние души, выражающее отношение человека к своей жизни, к себе самому, способность и желание строить планы на будущее. Все эти показатели не могут не отразиться, как минимум, на внешнем виде, а как максимум – на всех составляющих имиджа человека. Исследования показывают, что отсутствие жизненных планов связано с отсутствием образа будущего. Психологическая «старость» может наступить в сравнительно молодом возрасте, когда человек оценивает большую значимость событий, относящихся к прошлому, и не видит для себя значимых, вдохновляющих его событий в будущем.

Широко распространенный тест Р. Кастенбаума на определение психологического возраста содержит в себе четыре показателя: самоощущение, внешний вид, интересы, мера жизненной активности. Можно утверждать, что названные показатели относятся ко всем компонентам имиджа человека. Более того, воздействуя на эти компоненты, можно скорректировать психологический возраст и связанный с ним имидж личности. Это означает, что процесс формирования, становления и функционирования имиджа происходит в трех важных компонентах психологического времени – прошлое, настоящее, будущее. В этом смысле можно рассматривать имидж как следствие прошлого, имидж – актуальный или сегодняшний, текущий и имидж – цель, перспективный, желаемый.

Обобщая сказанное, отметим, что на процесс формирования имиджа и собственно на стратегию и тактику его проектирования (в том числе, и на коррекцию имиджа) влияют в равной мере не только события прошлого и настоящего, но и перспективные задачи на будущее и мечты человека. Следовательно, теоретический анализ позволяет предположить, что имидж и психологический возраст личности должны быть взаимосвязаны. Другими словами, в имидже личности найдет отражение психологический возраст: т.е. изменения психологического возраста личности будут влиять на изменения имиджа личности, и, в свою очередь, корректировка и формирование нового имиджа должны повлечь за собой изменения психологического возраста личности.

Зайцева Ю.Е., Исаева А.Н.

СТРАТЕГИИ И СТИЛИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ Я-НАРРАТИВАХ

Исследования автобиографических Я-нарративов людей различных поколений, проводимые нами на материалах Биографического фонда СИ РАН, с целью выявления социально-когнитивных механизмов конструирования идентичности, потребовали учета стиливых особенностей осмысления своего жизненного опыта. Приписывая значения фактам своей биографии и извлекая смыслы из жизненных событий, человек не только проектирует образ своего Я, но и создает феноменологический мир, пространство и время принятия жизненных решений. Стратегия выбора своей будущей идентичности в динамике жизненного пути, согласно теоретической модели М. Берзонского (1992, 2011), связана с правилами принятия решения относительно внедрения новых аспектов идентичности: нормативный стиль (с

оглядкой на прошлую идентичность и значимых других); информационный (с ориентацией на максимально полную информацию о возможных будущих идентичностях); диффузно – избегающий (удерживающий себя от определенности относительно своего я). Подчеркивая не только множественный, но и текучий характер идентичности современного человека, автор указывает на временный характер статуса ее достигнутой (осознанной) приверженности определенным жизненным ориентирам, придающим уверенность в себе и осмысленность жизненных перспектив). Единственным новообразованием зрелости становится формирование устойчивых стилевых особенностей поиска новых идентичностей. Эмпирический анализ особенностей конструирования идентичности как жизненной истории («нарративной идентичности» по Д. Макадамсу) на материале корпуса автобиографий оказался затруднен отсутствием стандартизированной модели кодирования стиля по дискурсивным маркерам в текстах Я-нарративов. Нами был проведен сравнительный нарративный анализ на материале эмпирической базы 43 устных автобиографических интервью, их письменных Я-нарративов (сочинение на тему «Краткая история моей жизни», стандартизированное по объему и времени написания), перечня (кратких письменных описаний) семи Я-определяющих воспоминаний, на основе которых строилась устная автобиография. Выборку исследования составили представители двух поколений: 25 человек (10 м, 15 ж) в возрасте 18 – 25 лет (1991 – 1999 год рождения, поколение Y) и 18 человек (4 м, 14 ж) в возрасте 35 – 55 лет (1961 – 1981 год рождения, поколение X). Диагностировались также предпочитаемые каждым из участников стратегии конструирования личной идентичности и общая степень ее текущей достигнутой (опросник ISI-5, М. Берзонского, в адаптации Зайцевой, Исаевой, 2015). Подтверждая теоретическое положение М. Берзонского о закреплении с возрастом стратегий в виде стилей, среди испытуемых старшей возрастной группы оказалось значимо большее количество людей, у которых одна стратегия явно доминировала (высокие значения только по одной шкале у 11 взрослых и 5 молодых испытуемых соответственно), среди молодых чаще ($N=14$) встречались люди с яркой выраженностью нескольких стратегий (хи-квадрат, $p=0,013$). Ценностными особенностями поколений можно объяснить большую выраженность нормативной стратегии в группе старших ($p=0,001$, U – Манна – Уитни). В целом описание эмоциональных переживаний было более характерно для молодых людей вне зависимости от стиля ($p=0,003$, хи – квадрат Пирсона), старшим присуща большая лаконичность ($p=0,02$, U – Манна – Уитни, количеству слов на семь Я-определяющих событий), интерпретируемая нами как степень интегрированности значимых Я-определяющих воспоминаний в виде сконденсированного личностного смысла жизненных событий. Качественный анализ автобиографий показал ряд паттернов конструирования Я-историй, только усиливающихся с возрастом, выявлены особенности тематического и временного согласования жизненных событий и их интеграции у людей с различными стилями идентичности, кодируемые для дальнейшей работы с корпусом автобиографий.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 15-36-01357*

Зачесова И.А., Афиногенова В.А.

ОРГАНИЗАЦИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПОВСЕДНЕВНОГО ДИСКУРСА НЕЗНАКОМЫХ ЛЮДЕЙ

Изучение интенциональной организации дискурса повседневного общения незнакомых людей открывает новую и интересную грань в области междисциплинарных исследова-

ний, связанных с анализом коммуникативных процессов. В отличие от институциональных дискурсов, повседневное общение характеризуется принципиальной открытостью границ, установкой участников на возможность не следовать никаким институциональным нормам, свободной сменой коммуникативных ролей собеседников. Обычные условия формирования повседневного дискурса – это неофициальность и непринужденность общения, непосредственное участие говорящих в разговоре, неподготовленность речи, ее автоматизм, преобладающая устная форма общения. В совокупности перечисленные особенности повседневной коммуникации определяют специфику организации повседневного дискурса.

Настоящее исследование нацелено на изучение организации и функционирования повседневного дискурса между незнакомыми людьми. Ставились следующие задачи: охарактеризовать интенциональный состав диалоговых форм дискурса между незнакомыми людьми в разных социально-коммуникативных контекстах; выделить и охарактеризовать ведущие интенциональные направленности собеседников (ВИН), частные интенции в их составе и характер реализуемого в их последовательности взаимодействия коммуникантов. Диалоги записывались в обычных местах городского общения незнакомых людей (городские улицы, остановки транспорта, городской и пригородный наземный транспорт, государственные и коммерческие учреждения). Было записано 20 диалогов, по 10 в каждой ситуации формального/неформального повседневного общения. Для выявления интенционального своеобразия речи в разных коммуникативных условиях использовался метод интен-анализа (Павлова, 2000, 2003). В ситуации неофициального общения выделяли две формы взаимодействия. Первая — короткое информационное, при котором согласованные ведущие интенциональные направленности (ВИН) «запросить информацию» – «предоставить информацию» выполняют двойную функцию. Это и «побуждение — поддержание диалога», и «просьба — оказание помощи». Ответные реакции выражают согласие адресата или содержат самоохранительные интенции («выразить недовольство коммуникантом», «оправдаться»). Во второй форме неофициального общения на первый план выходят фактические интенции «поговорить», «сообщить», «поделиться», при этом интересы собеседников не сталкиваются. Интенции «выразить мнение», «привлечь внимание», «сообщить» направлены на вовлечение незнакомого собеседника в диалог. В исследуемом материале нами не было выделено попыток прямого побуждения к действию в виде инструктивных диалогов. Их место занимают просьбы, подкрепленные этикетными выражениями. Попытки сопротивления воздействию в диалогах между собеседниками в неофициальном статусе в изученном материале выражались в интенциях неконфликтного характера — «выразить мнение», «выразить сомнение», «пояснить» и даже «выразить согласие». В ситуации формального общения ведущие интенциональные направленности собеседников различаются у представителей разных ролей: для «клиента» характерны ВИН «обозначить проблему / привлечь организацию к ее решению» (сообщить, критиковать, привлечь внимание, просить), «выразить претензию» (выразить недовольство, выразить удивление, пожаловаться). Речевое воздействие со стороны представителей организации (менеджеров) организуется в диалоге вокруг ВИН «привлечь / удержать клиента» (предложить решение, уточнить, принести извинения), «изменить мнение» (информировать, пояснить, оправдаться, убедить). Тактики воздействия со стороны клиента построены на выражении недовольства и попытках привлечь организацию к решению проблемы. Таким образом, интен-анализ диалоговых форм повседневного дискурса между незнакомыми людьми выявил различия в интенциональной организации диалогов, записанных в разных социально-коммуникативных ситуациях, определяющих характер взаимодействия.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 15-06-10507а*

Злобина М.В., Первушина О.Н.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И СТАТУСЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

В современном мире человек сталкивается новыми, неопределенными ситуациями и совершает выбор. Делая очередной выбор, человек, с одной стороны, опирается на уже имеющиеся у него результаты предыдущих выборов. С другой стороны, он формирует основание для будущих выборов, конструируя свою идентичность. Идентичность это «внутренняя самосоздающаяся, динамическая организация потребностей, убеждений, ценностей, которые проявляются через наблюдаемые паттерны решения проблем. По мере принятия все более разнообразных решений относительно себя и своей жизни развивается структура идентичности, повышается осознание своих сильных и слабых сторон, целенаправленности и осмысленности своей жизни» [1]. Постигание нового – это всегда продвижение по пути к построению идентичности. Соответственно, чем успешнее решаются новые задачи, которые содержат элементы неопределенности, тем легче достигается идентичность. Мы предполагаем, что толерантность к неопределенности отражает отношение личности к таким ситуациям.

Целью настоящего исследования является выявление связи между ТН и статусами эго-идентичности с последующим выявлением роли ТН в формировании статуса эго-идентичности.

Общее количество испытуемых составило 98 человек в возрасте от 17 до 26 лет.

Для измерения толерантности к неопределенности нами были использованы методика МакЛейна в адаптации Е.Н.Осина [3] и методика Баднера в адаптации Т.В.Корниловой [2]. Для диагностики статусов эго-идентичности нам был использован СЭИ-тест Е.Л.Солдатовой [4].

Обработка полученных данных проводилась с помощью программы Statistica 6.0. Для проверки связей между ТН и статусами эго-идентичности был использован коэффициент ранговой корреляции г-Спирмена.

В результате были получены положительные связи показателей ТН с предрешенным вариантом развития эго-идентичности и обратная связь с диффузным вариантом развития эго-идентичности. Также были обнаружены положительные связи с предрешенными статусами таких компонентов эго-идентичности как «Эмоциональная зрелость», «Сила Эго», «Осознание собственных ценностей», «Осознанность жизненного пути», обратные с диффузным «Принятием настоящего», диффузной «Эмоциональной зрелостью», достигнутым «Соответствием Себе» и достигнутым «Осознанием жизненного пути».

Результаты позволяют предположить, что высокие показатели ТН связаны с высокой удовлетворенностью жизнью, отсутствием внутренних конфликтов, связанных с предопределенными изменениями. Людям с более высокой ТН свойственна абсолютизированная ценность собственной независимости и уникальности, «инфантильно-волшебное» представление о своем жизненном пути, отрицание возможности и способности переживания сильных эмоций, в том числе отрицательных, «легкое» отношение к собственной системе ценностей и целей, нарочито вычурная, демонстрируемая уверенность в себе. Напротив, им в меньшей степени свойственно реалистичное представление о своем жизненном пути, стремление подавлять собственные сильные переживания и их проявления, не признавать эмоции, стремление поскорее оказаться в будущем или фиксация на более привлекательном прошлом, «мужество быть собой», соответствие своему Я. ТН в качестве детерминанты в формировании идентичности требует дальнейших исследований.

Литература:

1. Marcia I E. Development and validation of ego identity status. I I. Personal. Soc. Psychl. 3:551-8, 1966
2. Корнилова Т.В., Чумакова М.А. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера – Экспериментальная психология. 2014. Т.7. №1. С.92–110.
3. Осин Е.Н. Факторная структура русскоязычной версии шкалы толерантности к неопределенности Д.МакЛейна – Психологическая диагностика, 2010, №2
4. Солдатов Е.Л. «Нормативные кризисы развития личности взрослого человека». Автореферат диссертации на соискание степени доктора психологических наук. Екатеринбург, 2007

Иванова Н.А.

КУЛЬТУРНЫЕ И ВОЗРАСТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ВЫБОРЕ ЦЕННОСТЕЙ У ИГРОКОВ В МАССОВЫЕ ОНЛАЙН-ИГРЫ

Исследование проводилось в октябре 2015 года в рамках изучения аудитории массовых многопользовательских онлайн-игр. Целью исследования было выяснить, какие ценности являются наиболее значимыми для аудитории игроков, выявить возрастные и кросс-культурные различия в выборе ценностей. Методом исследования был онлайн-опрос. В опросе принимали участие 17155 человек, 98% из них мужчины, возраст от 12 до 60 лет, из них 11382 участника из России и СНГ, 2188 из Европы, 2898 из Северной Америки и 687 из Азии. Для исследования была использована авторская анкета, созданная на основе теории базовых ценностей Ш. Шварца. Игрокам предъявлялся список из 10 кратких определений базовых ценностей с просьбой выбрать от 1 до 3 наиболее важных лично для респондента (приводились только описания ценностей без названий).

Результаты анализировались по 4 регионам: 1) Россия и СНГ, 2) Европа, 3) Северная Америка (США и Канада), 4) Азия, а также по 3 возрастам (12-23; 24-35; 36 и старше). Предпочтение той или иной ценности в группе определялось процентом игроков, выбирающих ценности из предложенного списка. Все описанные различия между культурными и возрастными группами значимы (хи-квадрат Пирсона, $p < 0,01$).

1. Общие ценности. Респонденты, независимо от региона, чаще всего выбирали Самостоятельность, Благополучие близких, Достижения. Реже всего во всех регионах выбирали Стимуляцию и Власть.

2. Культурные различия. По предпочтениям ценностей респонденты из России и стран СНГ отличаются от всех остальных регионов, тогда как остальные похожи между собой.

В русскоязычной выборке значительно меньше тех, кто выбрал как ценность Гедонизм, Традиции, и больше тех, кто выбрал Достижения. Для них значительно важнее Благополучие близких и значительно менее важно благополучие всего человечества (Универсализм). Для представителей остальных регионов Гедонизм с большим отрывом занимает первое место. При условии выбора от 1 до 3 вариантов, его выбирает большинство респондентов (около 60% во всех регионах, кроме России и СНГ).

3. Возрастные различия. Молодые русскоязычные игроки более похожи на респондентов-ровесников из остальных регионов мира по распределению выборов ценностей.

- У группы 12-23 лет во всех регионах самые часто выбираемые ценности Гедонизм, Достижения, Самостоятельность. У русскоязычных респондентов к этим трем добавляется Благополучие близких. У азиатских юношей к этим трем добавляются Традиции.

- У средней группы (24-35 лет) в России и СНГ на вершине Благополучие близких, Достижения, Самостоятельность. В Европе, Северной Америке и Азии на вершине Гедонизм, Самостоятельность, Благополучие близких, Достижения.

- У старшей группы (старше 36) в России и СНГ на вершине с большим отрывом Благополучие близких, далее - Самостоятельность и Достижения. У старшей возрастной группы в Европе, Северной Америке и Азии на вершине Гедонизм, Самостоятельность и Благополучие близких.

Чем старше игроки русскоязычного региона, тем реже они выбирают Гедонизм, тем меньше им кажется ценной Власть, тем меньше важны для них Приличия. При этом чем старше русскоязычная группа, тем важнее для нее Безопасность, а также Благополучие близких. У респондентов старше 36 лет меньше ценность Достижения.

Для европейских игроков старшего возраста выше ценность Самостоятельности, Благополучия близких, при этом ниже, чем для молодых, ценность Власти, Достижения и Традиций.

Для североамериканских игроков старшего возраста выше ценность Самостоятельности, Благополучия близких, при этом ниже ценность Власти и Традиций.

У SEA игроков более старшего возраста увеличивается ценность Благополучия близких, ценность Власти и Приличий и при этом снижается ценность Традиций, Достижений и Благополучия человечества.

Были выявлены универсальные для разных культур и специфичные ценностные выборы. Русскоязычные респонденты по ценностным выборам отличаются от игроков из остальных регионов. Молодые игроки из разных регионов более похожи друг на друга по ценностным выборам, старшие игроки существенно различаются.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 15-36-01357.*

Ильных А.Е., Асанова Н.В.

КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КРЕАТИВНОСТИ И ШИЗОТИПИЧЕСКИХ ЧЕРТ ЛИЧНОСТИ

Креативность в широком смысле имеет важное значение, как на индивидуальном, так и на общественном уровне. Согласно Sternberg и Lubart (2006), креативность можно рассматривать как слияние личных качеств (интеллектуальных способностей, мотивации) и окружающей среды (общества, культуры). Csikszentmihalyi (1999) предположил, что креативность является культурным феноменом, а не просто психическим процессом. На самом деле, культура влияет не только на то, как творчество рассматривается и оценивается (Kaufman, 2009), культура может также определять, как креативность связана с личностными чертами (Ilinsky et al, 2013), в том числе психопатологическими.

Некоторые исследования ставят в противоположность друг другу западную и восточную культуры (Heine, 2012), с учетом влияния индивидуализма и коллективизма. Markus и Kitayama (1994) утверждают, что люди, которые живут в индивидуалистских и коллективистских культурах, в результате социализации осознают себя по-разному. Представители индивидуализма воспринимают себя как отдельных лиц, прямо выражают свои личные чувства и мнения. Представители коллективизма, напротив, рассматривают себя как часть социальной группы и стараются соответствовать нормам группы. Творчество может быть понято как форма индивидуализированного поведения. Ng (2003) исследовал представителей Китая и США и обнаружил, что общество либерального индивидуализма является более благоприятным для людей, занимающихся творческой деятельностью, чем общество конфуцианства. Это, в свою очередь, напрямую связано с психологическим здоровьем и проявлением психических болезней.

ней. Таким образом, целесообразно предположить, что креативность, как форма индивидуального поведения, более приемлема в индивидуалистских культурах, чем в коллективистских. Тем самым мы предполагаем, что в западной культуре (Германия) креативность будет иметь меньше связей с психопатологическими чертами личности, чем в более коллективистской культуре (Россия).

Выборку составили 54 студента Берлинского университета им. А. Гумбольдта (32 девушки, средний возраст 21.9 лет) и 58 студентов Новосибирского государственного технического университета (27 девушек, средний возраст 21.7 лет).

Измерение креативности осуществлялось при помощи Теста оценки творческого мышления Торренса (TTCT, Torrance; 1966; субтест «Круги») и Теста отдаленных ассоциаций (RAT, Mednick, 1962). Мы анализировали общую креативность как среднее арифметическое значений вербальной оригинальности, образной оригинальности, беглости и гибкости.

Для оценки шизотипических черт использовалась диагностическая методика «Выраженность шизотипических черт» (SPQ, Raine, 1991), включающая девять субшкал - идеи отношения, социальная тревожность, необычные убеждения/магическое мышление, необычные перцептивные ощущения, эксцентричное/странное поведение и внешность, отсутствие близких друзей, странная речь, суженный аффект и подозрительность/наличие параноидных идей.

Результаты исследования. Для того, чтобы определить, в какой степени шизотипические черты могут служить предикторами параметров креативности, был применен метод множественной регрессии.

Регрессионная модель общей креативности на выборке русских студентов не включала ни одного значимого предиктора из числа субшкал SPQ. Это означает, что креативность русских студентов слабо связана с психопатологическими, а именно шизотипическими, чертами личности.

Регрессионная модель общей креативности на выборке немецких студентов содержала четыре значимых предиктора и была статистически достоверна, $F(5, 39) = 8,28$, $p < 0,001$, объясняя приблизительно 51% от общей дисперсии ($R^2 = 0,515$, $\Delta R^2 = 0,10$). Основными предикторами общей креативности были выявлены: отрицательно - странная речь и суженный аффект; положительно - необычные убеждения и отсутствие близких друзей.

Таким образом, в результате исследования была показана специфика связи шизотипических черт личности и креативности с точки зрения культуры.

Ишанов С.А., Осин Е.Н.

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ ЭГО НА ПЕРЕЖИВАНИЕ ОДИНОЧЕСТВА И УЕДИНЕНИЯ

В психологии имплицитно подразумевается, что личность с более развитой структурой «Эго» способна больше выдерживать чувство одиночества и создавать для себя ситуации уединения. Теоретики и практики психологии личности (Ф.Перлз, Э.Фромм, С.Мадди, К.Г.Юнг, Дж.Бьюдженталь и др.) [2] отмечают, что развитие личности приводит к признанию и принятию факта собственного одиночества, что помогает справиться с ним путем создания из потенциального одиночества ситуаций уединения. Однако, в проведенном нами теоретическом обзоре [1] не было обнаружено эмпирических доказательств, подтверждающих данное положение. Практическая актуальность исследования связана с пониманием границ консультативной и психотерапевтической помощи, часто направленных на развитие у человека структуры «Эго».

Гипотеза: уровень развития Эго отрицательно связан со склонностью к переживанию одиночества и положительно со способностью находить ресурс в уединении. Эмпирические

методики: Незаконченные предложения вашингтонского университета (методика на определение уровня развития «Эго» Д. Левинджер), в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой, Н.А. Михайловой; Дифференциальный опросник переживания одиночества (ДОПО) Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева. Стратегия проведения исследования: интернет-опрос, 215 респондентов (170 женщин и 45 мужчин). Математическая обработка осуществлялась в программе SPSS Statistics 16.0, с применением критерия коэффициента корреляции Пирсона.

ДОПО включает в себя три шкалы: «Общее переживание одиночества» (показывает степень актуального переживания одиночества); «Зависимость от общения» (описывает отношение человека к одиночеству); «Позитивное одиночество» (отражает способность находить ресурс в уединении).

В исследовании не подтвердилась связь между уровнем развития Эго и переживанием одиночества ($p=0,296$). Связи не было обнаружено также и со шкалами «Зависимость от общения» ($p=0,614$) и «Позитивное одиночество» ($p=0,170$). Полученные результаты не говорят о влиянии развития Эго на переживание одиночества и стремление создавать ситуации уединения. Уровень развития Эго не способствует уменьшению переживания одиночества, связанного с нехваткой близкого общения с другими людьми. Людям с любым уровнем Эго в равной степени присуще чувствовать себя одинокими. Более высокие показатели развития Эго не прогнозируют более толерантное отношение к переживанию одиночества, ситуациям уединения и одиноким людям. Высокий уровень развития Эго не предсказывает способности находить ресурс в уединении, а также творчески его использовать для самопознания и саморазвития.

Полученные результаты можно понять через особенность понятия «Эго» в концепции Левинджер: сложная диалектика внутреннего и внешнего, дифференцированные когнитивные стили, большее понимание межличностных отношений, ориентация на социальную заботу, все, что характерно для более высоких уровней развития Эго, не предсказывает реализацию этого в поведении [3]. На наш взгляд, особенность более высокого уровня развития Эго может еще состоять в способности «переплавки» одиночества в уединение, что нами не исследовалось. Возможно, именно здесь наиболее важен показатель уровня развития Эго.

Литература:

1. Ишанов С.А. Личностные предпосылки переживания уединения. Магистерская диссертация (научный руководитель Е.Н. Осин). М.: НИУ ВШЭ, 2015.
2. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 1. С. 55–81.
3. Manners J., Durkin K. A Critical Review of the Validity of Ego Development Theory and Its Measurement // Journal of Personality Assessment. 2001. 77 (4). P. 541 – 567

Кабрин В.И.

НА ПУТИ К НОМО NOETICUS: УПРАВЛЕНИЕ НООДИНАМИКОЙ КРЕАТИВНЫХ СОСТОЯНИЙ СОЗНАНИЯ

Очередной техногенный взрыв цивилизации уже активно используется теми, кто намерен своеобразно применить возникшее в результате очень «оцифрованное», «кибернетизированное», «умнеее на глазах» High-tech-железо. Оно помогает установить все большую власть над человечеством или увековечить «собранный по случаю» внушительный капитал своего рода. Современные технократы с оптимизмом констатируют, что паутина и социальные

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

сети вкупе с искусственным интеллектом воплощают идею ноосферы в реальность.

В этих обстоятельствах обретает особую остроту и «вечно новая» проблема создания благоприятных условий для эволюции и может быть эмерджентности сознания, обеспечивающего перспективу Homo Noeticus. Еще в 60-х годах Б.Г. Ананьев, по сути, в первом отечественном труде по полноценной антропологии принял в качестве одной из основных идею ноосферы в более широком духовном смысле, как это понимал П.Т. Шарден. Речь шла о духовном эйдетическом измерении индивидуальности. Позднее, в 70-80 годах 20 века, Homo Sapiens стал осознаваться опасными для себя и планеты техногенными революциями, особенно в сфере взаимоистребления и гиперпотребления. Поэтому одна из первых репрезентативных антологий по трансперсональной психологии ее редактором Дж. Уайтом прямо «Посвящается Homo Noeticus, рождающемуся ныне высшему виду человечества».

Развивая идеи о ноосферном масштабе всего спектра измененных состояний сознания (предмет современной трансперсональной психологии) мы предположили, что сама ноодинамика имеет транскоммунитивную природу (преодоление границ между разнокачественными коммуникативными мирами – встреча с новым). Это позволило в лаборатории психологических практик ТГУ начать экспериментальную программу различения базового (Ч. Тарт), измененных (К. Уилбер и др.) и креативного состояний сознания (далее БСС, ИСС, КСС). КСС возникают в спектре ИСС, сохраняя транскоммунитивность с БСС (в этом его специфика). Дело в том, что почти архетипической является проблема невыразимости ярчайших впечатлений ИСС при попытке их перевода в БСС, существующая тысячелетия. В связи с тем, что КСС, сохраняя многие свойства ИСС, не теряет транскоммунитивности с БСС, возникает перспектива обнаружения множества транскоммунитивных эйдетических порталов между КСС и БСС, которые создают основу эмерджентной эволюции сознания на качественно новый уровень Homo Noeticus.

В лаборатории создана технология управления актуализацией КСС на основе интенсивного синестезического восприятия импровизации фрактала, синхронизированного со свободной музыкальной импровизацией. Создается впечатление, что хорошо гармонизированный динамический фрактал, с одной стороны, отображает эйдетику скрытой в природе гармонии, с другой же стороны, он таким же образом отражает эйдетическую ноодинамику сознания человека; а синхронизированная синестезия гармонии визуального и аудиального планов ведут к расширению сознания, в котором потенциально могут достигать взаимной гармонии (транскоммунитивности) ИСС, КСС и БСС.

При этом музыканты чувствуют себя вовлеченными в синхронизацию музыкальной и фрактальной динамик, что усиливает не только специфику их переживаний, но и тех, кто активно наблюдает за данным процессом. Первые эксперименты магистрантов с помощью контент-анализа изменений сознания до и после синестезического воздействия подтвердили достоверность предложенной модели. Но это лишь начало восстановления эйдетической нозтической природы человека.

Калугин А.Ю.

СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ АКТИВНОСТЬ И ВАРИАНТЫ СМЫСЛА ЖИЗНИ

Смыслообразующая активность – это активность, направленная на выбор, интериоризацию (усвоение, присвоение) и соотнесение личностью ценностей в определенной внутренней иерархии (Калугин, 2015). Таким образом, эмпирическое изучение смыслообразующей активности связано с изучением трех процессов смыслообразования: 1) выбором из множе-

ства социальных ценностей; 2) интериоризацией отобранных ценностей; 3) выстраиванием внутренней иерархии личностных ценностей (смыслов).

Изучение последнего процесса смыслообразования позволило выявить структуру ценностно-смысловой сферы личности, представленную совокупностью ценностных векторов (Там же), что открыло возможность рассмотрения полюсов ценностных векторов как вариантов смысла жизни и потребовало дальнейших эмпирических исследований.

На выборке 287 респондентов, из которых 181 девушка и 106 юношей в возрасте 18 – 26 лет ($M = 21,5$, $SD = 2,2$), были выявлены три основных ценностных направленности личности (ценностных вектора): направленность на осмысление жизни, направленность на мир, направленность на себя. Ценностный вектор может иметь два противоположных направления, таким образом, три вектора дают шесть вариантов смысла жизни: направленность на осмысление жизни, либо экзистенциальный эскапизм; направленность на самоактуализацию, либо на самоутверждение; направленность на сохранение собственной индивидуальности, либо на растворение и потерю себя (Калутин, 2016).

Далее следовало проверить: действительно ли полюса ценностных векторов представляют собой варианты смысла жизни и могут дифференцировать испытуемых? По трем ценностным векторам-факторам был проведен кластерный анализ методом К-средних, выделены 6 групп респондентов, характеризующиеся различным отношением к полюсам ценностных векторов (вариантам смысла). Отметим, что все группы были близки по размеру, кроме двух групп, представляющих два полюса: «направленность на осмысление жизни» и «экзистенциальный эскапизм», - они были несколько меньше. Это говорит о достаточно равномерной представленности рассматриваемых вариантов смысла жизни в генеральной совокупности.

С помощью однофакторного дисперсионного анализа группы сравнивались между собой по показателям ряда методик, направленных на диагностику ценностных и смысложизненных ориентаций: «Опросник личностной ориентации» (ЛиО) в адаптации А.А. Рукавишникова (2002), тест «Аксиологической направленности личности» (АНЛ) А.В. Капцова, Л.В. Карпушиной (2007), «Тест смысложизненных ориентаций» (СЖО) в адаптации Д.А. Леонтьева (2006) и «Шкала чувства связности» в адаптации М.Н. Дымщица (Осин, 2007). Т-критерий Стьюдента позволил сравнить пары групп с выраженными противоположными полюсами ценностных векторов, обнаружив их значимые различия.

Полученные результаты в полной мере согласуются с предположением о том, что полюса ценностных векторов являются отражением вариантов смысла жизни, которых придерживаются испытуемые.

Карина О.В.

ПРОКРАСТИНАЦИЯ И САМОЭФФЕКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Самозащитность в юношеском возрасте проявляется в достижении намеченных целей, в совпадении устремлений молодых людей и их результатом. Как правило, молодые люди, опираясь на свой юношеский максимализм, очень много дел «откладывают на потом», рассчитывая на то, что все они успеют сделать в срок. Но, чаще всего, многие дела и проблемы так и остаются нерешенными, и чувство удовлетворения от самозащитности находится на низком уровне, проявляется в разочаровании и пессимизме.

В концепции «человекознания» Б.Г. Ананьева человек рассматривается как открытая система, в которой через социальные связи развиваются психические свойства личности и приобретаетса самозащитность. За счет преобразующей действительности, личность при-

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

обретает способность выстраивать свое поведение, получает косвенный опыт и повышает свою активность.

В процессе преобразования действительности возникают сомнения, переживания, нерешительность, которые активизируют процесс «прокрастинации». Этот феномен снижает мотивацию человека и тормозит процесс достижения намеченных целей.

В рамках научного проекта РГНФ «Психологический анализ влияния прокрастинации на процесс самоопределения молодежи» (проект № 14-06-00228) мы провели исследование среди молодых людей, обучающихся в ВУЗе (40 человек, в возрасте 18-23 года) и профучилище (41 человек, в возрасте 17-22 года).

С помощью тест опросника Столина, тест опросника Кристи и Гейса, анкеты «Степень выраженности прокрастинации» (Киселёва М.А., Карина О. В., Шустова Н. Е.) был проведен эксперимент, в ходе которого установили, что всем исследуемым молодым людям свойственны: чрезвычайная увлеченность своим внутренним миром; изучение своего физического или умственного роста; проявление интереса к своим воспоминаниям и анализу своих возможностей.

У большинства испытуемых степень прокрастинации проявляется на среднем уровне, что говорит о присутствии «отложенных дел» в жизни испытуемых, при этом прокрастинация не сильно затрудняет им жизнь, и с ней можно уживаться.

Различия в показателях студентов из ВУЗа и профучилища проявляются:

- в группе студентов из профучилища ярко выражены показатели в шкалах «Аутосимпатия» и «Самоинтерес», проявляющиеся в благосклонном отношении испытуемых к самим себе и повышенному интересу к своей персоне. Степень выраженности прокрастинации находится на среднем уровне и не зависит от выраженности показателей самооффективности.

- во 2 группе у студентов ВУЗов выявлена только одна ярко выраженная шкала «Самопонимания», которая проявляется в завышенной самооценке у респондентов, и может приводить к нереалистичному пониманию своих возможностей и своего потенциала. В данной группе обнаружилась положительная взаимосвязь степени выраженности прокрастинации и самопринятием. Т.е. чем выше уровень прокрастинации, тем выше у него самопринятие.

Можно отметить, что студенты из профучилища, которые умеют манипулировать людьми, гибко реагировать на сложные ситуации осознают свою самооффективность и не проявляют прокрастинации в своем поведении, а студенты из ВУЗа, проявляющие интерес к себе, окружающим, транслируют высокий уровень эмпатии, который снижает их самооффективность и повышает уровень прокрастинации.

В результате можно отметить, что современная молодежь активно, гибко решая различные жизненные ситуации, чувствует себя более уверенно в обществе, чем та молодежь, которая сочувствует, сопереживает себе и другим, идет на компромиссы, транслирует в меньшей степени свою самооффективность и поэтому больше проявляет в своем поведении прокрастинацию.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 14-06-00228*

Короткина Е.Д., Данилина М.В.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЦ, ПРАКТИКУЮЩИХ ВОСТОЧНЫЕ ДУХОВНЫЕ ПРАКТИКИ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Сегодня все большую популярность приобретают тренинги личностного роста, коммуникативных умений, развития себя. Современный человек ищет самые разнообраз-

ные способы развития своей личности. Все более многочисленными становятся группы, практикующие йогу как средства развития внутреннего Я, постижения своей подлинной природы, обретения способности управлять глубинами своего сознания. Несмотря на сложность понимания культурно-философских основ, восточные духовные практики приобретают все большую популярность в странах, принадлежащих к Западно-христианской культуре, а также в России. Наряду с лечебным и терапевтическим применением, все больше последователей из западной культуры рассматривают восточные духовные практики как систему поведенческих и мировоззренческих паттернов. В этом обнаруживается своеобразное противоречие, поскольку практика йоги представляет собой многовековой продукт совершенно иной культуры и в социально-психологическом, и в философско-религиозном аспекте.

В исследовании проверялись гипотезы о том, что для лиц, практикующих восточные духовные практики, характерны некоторые социально-психологические особенности, а именно: высокий уровень социально-психологической дезадаптации; завышенный уровень принятия себя; склонность к конформным реакциям. То есть, особенности социально – психологической адаптации, отклонения от нормы принятия себя и других, склонность к конформному поведению являются предпосылкой стремления к иным социокультурным способам реализации личностного потенциала.

Подобное предположение опирается на анализ теоретических основ йоги, особенностей практики йоги в России и странах Западной Европы, а также на изучение теоретических подходов к психологии личности в современной социальной психологии и традициях восточных духовных практик. В эмпирическом исследовании использовались методики по оценке уровня социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонд и Личностный дифференциал для определения особенностей личности в группе последователей йоги и респондентов контрольной группы. В качестве испытуемых выступали россияне, проживающие на европейской территории России (г. Тверь и г. Москва), практикующие йогу как практику саморазвития, и те, кто не имеет отношения к какой-либо восточной духовной практике. Всего в исследовании приняли участие 90 респондентов.

Результаты исследования показали, что у практикующих йогу выявлены завышенные показатели по шкале «принятия других», склонность к конформным реакциям, безоговорочному принятию норм и ценностей группы. У респондентов, практикующих восточные практики, также выявлен завышенный уровень адаптации, превышающий и показатели нормы, и показатели адаптации у контрольной группы. Чрезмерно высокий показатель адаптации указывает на выраженность перцептивной защиты респондентов, и, как следствие, на менее адекватный уровень личностной приспособленности. Основываясь на статистическом анализе данных эмпирического исследования, мы можем утверждать, что наши гипотезы нашли подтверждение.

Анализ полученных результатов исследования дает возможность предположить, что именно особенности адаптации, некоторая пассивность личности, неадекватная самооценка, повышенное принятие других, склонность к конформизму и делает восточные практики такими привлекательными для личности с подобными характеристиками.

Основываясь на результатах проведенных исследований, мы считаем необходимым дальнейшее изучение данной темы, а также взвешенное и осторожное отношение к практике йоги в условиях российской культуры. Особую настороженность вызывают новые маргинальные направления йоги с сильными лидерами, так как анализ их доктрин и систем практик позволяет предположить тенденцию к использованию манипулятивных техник управления сознанием.

Кошеvníк И.Г.

МЕХАНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОТРЕБНОСТНЫХ И ВОЛЕВЫХ ПРОЦЕССОВ

Синтез знаний по психологии мотивации предполагает выявление системообразующих факторов, каковыми являются механизмы взаимодействия психических процессов.

Проведенный нами анализ данных по модели «Рубикона» Х. Хекхаузена и П. Голвитцера (Хайнц Хекхаузен., 2003) дает возможность выявить механизм взаимодействия потребностных и волевых процессов. Следует отметить, что основные звенья данного механизма совпадают с фазами модели «Рубикона», однако, первый компонент (потребностные процессы) механизма не был определен, по-видимому, в связи с когнитивистской направленностью исследования.

В модели «Рубикона» показано, что при переходе от мотивационной фазы деятельности к исполнительной (волевой) происходят изменения легкости воспроизведения и запоминания определенного типа мыслей. В мотивационном состоянии сознания чаще возникают мысли, связанные с ожидаемыми результатами, а в волевой – с решением задач реализации достижения цели. Таким образом, в зависимости от фазы деятельности происходит изменение порогов актуализации в состоянии сознания мотивационных и волевых процессов. В мотивационной фазе снижаются пороги мотивационной активности, а в волевой фазе – волевой. Одновременно, в первой фазе возрастают пороги волевой активности, а в волевой фазе – мотивационные. В связи с этим мы наблюдаем противоположную направленность изменения мотивационных и волевых процессов в обеих фазах деятельности. Поскольку изменение порогов происходит в состоянии сознания, то речь идет о кратковременных изменениях, которые происходят в связи с задачами определенной фазы деятельности.

По-видимому, причиной отсутствия дальнейших разработок модели «Рубикона» является то, что в первом, мотивационном, компоненте не были раскрыты протекающие в нем процессы. Наименование «мотивационная фаза деятельности» в модели «Рубикона» обозначает не столько процессы, протекающие в ней, сколько мотив как результат действия процессов. В мотивационной фазе деятельности протекают процессы, определяющие ее специфику - влечения, желания, мотивы. Все эти процессы являются формами проявления потребностей, а потому первый компонент механизма мы обозначим как «потребностные процессы».

Изменение порогов состояния сознания в результате актуализации потребностных или волевых процессов выступает как проявление их качественных особенностей. Так, потребностные процессы связаны с предвкушением удовлетворения потребностей. Эти процессы отличаются эмоциональностью, произвольностью, расслаблением, что и является причиной снижения уровня волевого контроля. Напротив, повышение волевого контроля связано с противоположными характеристиками.

Следовательно, взаимодействие процессов механизма происходит таким образом, что актуализация потребностных процессов ведет к снижению возможности актуализации волевых и наоборот.

Очевидно, что относительно длительная актуализация потребностных или волевых процессов в состоянии сознания может привести к аккумуляции соответствующей активности, устойчивому потребностному психическому состоянию или волевому. Следовательно, выявленный механизм мы выносим за пределы конкретной деятельности. Психическое состояние может быть изменено и вне деятельности, например, путем просмотра кинофильма. Механизм взаимодействия потребностных и волевых процессов, посредством изменения психических состояний, может быть использован в целях исследования мотивации, воли, теоретических концепций: закона оптимума мотивации Йеркса-Додсона, индивидуальных различий ориентации на действия и состояние Куля, феномена завышенной самооценки.

Малюшкина О.Е.

ВРЕМЕННАЯ ТРАНССПЕКТИВА ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ С РАЗНЫМИ АКТУАЛЬНЫМИ СМЫСЛОВЫМИ СОСТОЯНИЯМИ

В целом состояние благополучия (психическое здоровье) молодого поколения обеспечивает будущее страны, ее развитие. Потенциал развития страны зависит от выбранного индивидуального жизненного пути каждого молодого человека. В настоящем исследовании индивидуальный жизненный путь рассматривается через такой конструкт как «временная транспектива», заключающийся в целостном представлении прошлого, настоящего и будущего, что дает возможность рассмотрения не только жизненного хронотопа, но и ценностно-го-смыслового аспекта жизненного пути (В. И. Ковалев).

В последних исследованиях вектор изучения переживания времени подростков и юношества был направлен на изучение будущего, а проблема субъективного восприятия полной временной конструкции остается неосвоенной. В связи с этим, актуальным представляется рассмотрение особенностей временной транспективы личности подростков с разным актуальным смысловым состоянием.

Целью исследования стало изучение особенностей формальных параметров временной транспективы личности подростков с разным актуальным смысловым состоянием.

Объект исследования: временная транспектива личности.

Предмет исследования: формальные параметры временной транспективы личности подростков с разным актуальным смысловым состоянием.

Гипотеза: существуют особенности формальных характеристик временной транспективы личности подростков с разными актуальными смысловыми состояниями.

Для реализации поставленной цели использовался следующий диагностический инструментарий: «Семантический дифференциал времени» Л. И. Вассерман, Е.А. Трифонова; тест «Смыслжизненные ориентации» Д. Крамбо Л. Махолика в адаптации Д. А. Леонтьева. На основании результатов теста «Смыслжизненные ориентации» было сформировано 5 групп, респонденты которых различались актуальным смысловым состоянием.

Для оценки различий между пятью выборками одновременно был выбран однофакторный дисперсионный анализ. Он позволяет установить, что уровень признака изменяется при переходе от группы к группе, и при изучении графиков средних позволяет получить наглядное представление о направлении изменений.

ДА подтвердил наличие выраженных различий формальных характеристик временной транспективы личности подростков между разными условиями (разными актуальными смысловыми состояниями).

Особенности характеристик временной транспективы личности подростков были выявлены во всех трех временных зонах. Значимые различия определены по уровню фактора «Структура времени» для временного локуса «Прошлое» (2,645, $p=0,037$); по уровню фактора «Эмоциональная окраска времени» (4,485, $p=0,002$), «Структура времени» (2,869, $p=0,026$) и «Ощущаемость времени» (3,363, $p=0,012$) для временного локуса «Настоящее»; по уровню фактора «Эмоциональная окраска времени» для временного локуса «Будущее» (2,996, $p=0,021$).

На основании результатов исследования мы можем сказать, что существуют особенности формальных характеристик временной транспективы личности подростков с разным актуальным смысловым состоянием. Общая тенденция изменений отмеченных формальных характеристик временной транспективы подростков заключается в следующем: чем выше осмысленность всей жизни и отдельных временных периодов (что определяется актуаль-

ным смысловым состоянием), тем выше показатели по фактору, оценивающему временную зону. Стоит отметить, что значимые различия по уровню факторов были отмечены во всех временных локусах, причем наибольшее количество особенностей присутствует в структуре временной зоны «Настоящее», что обуславливается возрастными особенностями выборки исследования. Интересен тот факт, что показатели по таким параметрам, как «Активность времени» и «Величина времени» имеют одинаковую выраженность у групп респондентов с разным актуальным смысловым состоянием.

Литература:

1. Абульханова К.А., Березина Т.Н. Время личности и время жизни. - СПб: Алетейя, -2001. - 304 с.
2. Головаха Е. И., Психологическое время личности / Е. И. Головаха, А. А. Кроник. - Киев: Наукова думка, 1984. - 209 с.

Манёров В.Х.

СОВЕСТЬ В СВЕТЕ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ СХОДСТВ И МЕЖКУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ

Исследования совести как механизма нравственного сознания и поведения в российских гуманитарных науках, прежде всего психологии, особенно психологии личности, получили импульс в 90-е годы. Многие научные и учебные учреждения посвятили проблематике нравственности научные конференции, выпущены сборники статей, появились современные монографии [1]. Отмечается, что одним из важнейших аспектов обширной психологической проблематики совести является её состояние в различных возрастных, культурных, профессиональных слоях, обществе в целом. Неоднократно выносились негативные оценки нравственного состояния российского общества, которое характеризуется как нравственный кризис, моральный коллапс. (А.Л. Журавлёв, А.В. Юревич [3]). Между тем, в этике отмечается острейший кризис духовности и нравственности, переживаемый и современной европейской культурой. Основания кризиса по-разному интерпретируются в философии и этике, но при этом не видны пути его преодоления (В.Ш. Сабиров, О.С. Соина [4]). В качестве основной причины называется коммерциализация всех сфер общественной жизни. В России, также успешно осваивающей эту коммерциализацию, добавляются последствия жестких экономических реформ 90-х годов, несправедливое распределение экономических благ, приведшие к состоянию социальной анонии, сопровождающейся упадком морали [3]. Совесть, должная отслеживать нравственные итоги жизненного пути личности, в условиях нравственной вседозволенности представляется весьма уязвимой. Поэтому для исследователя представляется обоснованной гипотеза о том, что в России неизбежно снижение регуляторных возможностей совести, при этом должно меняться негативно и представление о ней. Существуют контраргументы к обозначенной позиции. Во-первых, есть антропологическая концепция совести как атрибута человеческой природы, устойчивого к негативным воздействиям. Во-вторых, в России налицо культурно-мировоззренческие и религиозные факторы, стабилизирующие сохранное состояние совести. Есть и социологические данные, доказывающие подобное состояние у «среднего россиянина», человека совестливого [2]. Поэтому в альтернативной гипотезе предполагается определённая устойчивость совести к негативным социальным факторам, т.е. позитивно окрашенное представление о совести. Её проверка провоцирует межкультурные исследования. Нами проводится многолетний цикл исследований свойств и состояний совести

на уровне представлений о ней. В исследовании принимали участие аспиранты Ван Хаоюй (КНР) и Э. Казнина (РФ). Методики исследования - опросник ОССС (В.Х.Манёров), методика «незаконченных предложений», «рисунок совести». Испытуемыми были российские и китайские студенты — психологи, обучавшиеся в КНР, либо в РФ, а также студенты других профилей. Кроме того, привлекались испытуемые-грузины, а также менеджеры. При обработке данных использовались дескриптивная статистика, факторный анализ, критерии различия, контент-анализ. Анализ данных показал, что средние оценки множества суждений о совести оказались позитивными во всех группах, хотя у ряда информантов наблюдались по отдельным позициям и негативные оценки. Самые позитивные оценки обнаружились у гуманитариев, наименее - у менеджеров в сфере торговли. Так, оценки российских студентов-гуманитариев оказались в целом сходными со средними оценками китайских студентов-гуманитариев. Эта тенденция наблюдается по всем категориям: 1) Религиозное понимание совести; 2) Признание совести как феномена внутреннего мира; 3) Отношение к совести и нравственности; 5) Наличие переживаний совести; 6) Осмысленность жизни. Сходными с российскими оказались оценки студентов-грузин. Также обнаружилось наличие тенденции в оценках китайских студентов, обучающихся в России, состоящей в более духовном толковании феномена совести, в сравнении с китайской традицией. Во всех группах оказались похожими и факторные структуры. Как видно, результаты наших исследований обуславливают принятие гипотезы о схожести совести.

Литература:

1. Ильин Е.П. Психология совести: вина, стыд, раскаяние. — СПб, изд. Питер, 2015. — 288 с.
2. Перевезенцев С. Большой хочет выздороветь. О духовно-нравственном состоянии современного российского общества». Сайт «Перспективы», <http://www.perspektivy.info/index.php опубл. 13.03.2007>.
3. Психология нравственности. Отв. редакторы А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. - М., изд. ИП РАН, 2010. — 505 с.
4. Сабиров В.Ш., Соина О.С.. Этика и нравственная жизнь человека. — СПб., изд. Дмитрий Буланин, 2010. — 488 с.

Марцинковская Т.Д., Турушева Ю.Б.

НАРРАТИВ КАК МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В СИТУАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Методологические проблемы при изучении процесса становления личности в транзитивном мире связаны с необходимостью постоянной переоценки и ре-интерпретации полученных материалов. Это связано с тем, что в транзитивном обществе усиливается неопределенность и вариативность, в то время как в стабильном обществе доминируют достаточно жесткие причинно-следственные отношения. Именно это постулировала и физическая концепция неопределенности, которая разрабатывалась В. Гейзенбергом в середине XX века. Применяя понятие неопределенности к психологии, можно говорить о том, что в современном мире причинно-следственные отношения не всегда еще могут стать основой понимания событий, происходящих даже в настоящее время, тем более они не могут помочь предсказать, как будет вести себя человек в будущем, как отреагирует даже на знакомые раздражители. В такой ситуации человек, его мысли, состояние, поведение тоже становятся в большей, чем обычно, степени, неопределенными. Поэтому объективация мотивов поведения человека в ситуации

неопределенности не может уже соотноситься с поступком как феноменом личности. Поэтому такое значение для современной психологии приобретают нарративы. Как свет освещает движущееся в темноте тело, моменты инсайта, рефлексии, помогают человеку частично понять себя, осознать причины своих поступков, свои мысли и переживания, чтобы потом экстраполировать эти наблюдения на других людей. Однако необходимо признать, что новая методология, позволяющая изучать дискурсивную, неустойчивую во времени и осуществляемую в интеракциях идентичность, находится сейчас в стадии становления и, следовательно, имеет массу непроработанных областей.

Нарративный подход в психологии сосредоточил внимание именно на автобиографических Я-нарративах, т.е. историях, рассказанных от первого лица, повествующих о перипетиях собственной жизни. Личная жизненная история придает ощущение целостности нашим жизням, позволяет удержать разрозненные части опыта, сохраняет преемственность Я во времени, поддерживая идентичность.

Особенность нарратива как культурного инструмента в том, что он позволяет посмотреть на себя как на условно независимого от себя персонажа. Нарратив – это всегда повествование о ценностях, о том, что для человека является важным, должным, правильным, о том, ради чего стоит жить или о том, во имя чего стоит умереть. Таким образом, в нарративной конструкции идентичности есть не только психологическое, социальное, эстетическое, но и этическое измерение.

Еще одной отличительной чертой нарратива является его чувствительность к временному модусу человеческого существования. Задача нарратива - восстановить временной порядок, цепочку событий, из которых состоит жизнь. Вспоминая свой жизненный путь, человек должен выстроить рассказ таким образом, чтобы в итоге прийти к себе сегодняшнему. Для этого ему необходимо собрать и увязать в непротиворечивую систему разные части своего Я, различный жизненный опыт, разделенный не только содержательно, но и распределенный на временной оси. Сегодня проблема «собрания» себя становится чрезвычайно актуальной. В эпоху глобализации мира структура личности становится как никогда ранее сложной, противоречивой, появляется проблема удержания и согласования многочисленных Я-образов в представлениях человека о самом себе.

Идентичность периода постмодернизма характеризуется как фрагментарная, подвижная, флуктуирующая. В то же время большое значение придается индивидуальным стратегиям поддержания цельности и единства Я в нестабильном мире. Новые тенденции в психологии личности, поддерживая открытость системы, направляют и структурируют пути ее самоорганизации, что может рассматриваться как стремление к поддержанию динамического и гармоничного равновесия образа Я, интенционально устремленное на самореализацию.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ номер 14-18-00598.*

Марцинковская Т.Д.

ПРОБЛЕМА «СУБЪЕКТ/ЛИЧНОСТЬ» В ТРАНЗИТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ

Проблема сущности и динамики становления человека как социального и активного существа имеет давнюю традицию. Основной контекст анализа духовного и социального становления человека был либо эндогенный (фокусируясь на изучении активности, мотивов и потребностей), либо экзогенный (с учетом роли самого близкого или широкого социального окружения). Вопрос об индивидуальных стратегиях социализации, роли интенциональности и широты связей с миром актуализируется в современном транзитивном обществе.

Транзитивность (изменчивость, неопределенность и вариативность) общества может рассматриваться по аналогии с микромиром в точных науках, т.е. многие законы стабильного общества здесь не работают. При этом объективное и субъективное время и пространство человека могут не совпадать. Более того, может происходить субъективный разрыв времени и пространства. Отделение-разделение времени от пространства не компенсирует эмоциональный дискомфорт. Когнитивный компонент этот разрыв между личностным и социальным пространством и временем не компенсирует, так как в этом случае в оценке ситуации ведущую роль начинают играть эмоции, а не разум. Когнитивная составляющая может даже усиливать гетерохронность, т.к. позволяет увидеть разные варианты развития социальной и личностной переменных. Если для исследования эта сложность есть положительный момент, то для оценки жизни и ее целостности, также как для прогнозирования своего будущего, – отрицательный.

Можно говорить о четырех вариантах развития человека в ситуации транзитивности, причем для простоты представим этот процесс только в плоскости двух континуумов социального пространства. В этом случае, одна ось показывает отношение к социуму, способность индивида противостоять/зависеть от давления среды. Вторая ось отображает степень интенциональности и структурированности мотивов человека.

В первом случае основанием для формирования представлений о себе и оценки себя становится стремление к сохранению консервативных, проверенных ценностей и эталонов, несмотря на внешние трансформации. Во втором случае фундаментом представления о себе становятся устойчивые к внешним трансформациям ценности культуры, науки, искусства, которые, однако, могут быть не очень востребованы актуальной ситуацией. Третий вариант развития связан со стремлением к осознанию своей индивидуальности, смысла и целей своей жизни. Четвертый вариант связан со стремлением сконструировать (переконструировать) окружающее пространство с тем, чтобы оно гармонично соотносилось с внутренним миром человека.

Во всех этих вариантах развития наиболее важным моментом является возможность поддержания конгруэнтности образа Я с образом мира. Можно говорить о предпочтениях с этой точки зрения второго пути, так как мир культуры (эстетическая парадигма) относительно стабилен даже в эпоху кардинальных трансформаций. В то же время с точки зрения личностной активности или целостности осознания своего жизненного пути, видимо, должен быть отдан приоритет третьему и четвертому выборам. То есть стремлению к построению «миро-проекта», выбора такого пути, который был бы созвучен и адекватен собственной индивидуальности, однако с необходимостью поддержания консенсуса с внешним миром, с обществом. Либо активному варианту построения того же «миропроекта», но уже не во внутреннем плане, не в экзистенции (от экзистенция, самость), но во внешнем окружающем мире.

При этом традиционное для российской психологии разделение понятий «личность» и «субъект» может рассматриваться именно в континууме первой оси, в то время как по второй оси эти понятия начинают сближаться друг с другом. По-видимому, именно в точке совпадения этих понятий можно говорить о важности термина «индивидуальность», так как именно индивидуализация процесса духовного и социального развития приводит и к высокой интенциональности, и к вариативности в выборе направления реализации этой интенциональности.

Медведева И.А.

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕОРИИ АРХЕТИПОВ

Поиск успешных коммуникативных моделей поведения, а также пристальное внимание ученых к личности коммуниканта, укрепляет связи психологии с лингвистикой: ученые обеих наук стремятся внести вклад в оптимизацию процесса общения. В последнее время одним

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

из эффективных факторов, влияющих на исход коммуникации и определяющих механизмы воздействия, рассматривается архетип.

Целью исследования было предложить типологию моделей коммуникативного поведения с опорой на теорию архетипов (К. Юнг, Э. Стивенс, Н. Хомский, А. Большакова и др.). Эмпирической базой послужили тексты телевизионного дискурса – программ «Школа злословия» (40 вып.), «Гордон Кихот» (19 вып.), «Наедине со всеми» (25 вып.), «Девчата» (10 вып.). Объем исследуемого материала суммарно составил 4354 минуты или более 72 часов эфирного времени. В ходе анализа научной литературы и контент-анализа текстов была предложена следующая типология, включающая в себя пять архетипов и пять их негативных аспектов (теней).

Архетип матери. Интенциональная установка проявляется в желании помочь и эмоционально поддержать собеседника: говорящий жалеет, утешает, сочувствует, сострадает, поддерживает, предлагает помощь, откликается на просьбы, заботится, интересуется состоянием здоровья, хвалит, улыбается.

Тень мачехи. Интенциональная установка проявляется в желании эмоционально задеть, дистанцироваться: говорящий демонстрирует равнодушие, нелюбовь, прогоняет, высмеивает, подкалывает, язвит, оскорбляет, давит на больное.

Архетип отца. Интенциональная установка проявляется в желании утвердить или защитить определенный порядок (закон, традиции), побудить к действию: говорящий требует, приказывает, поручает, устанавливает правила, повелевает, принуждает, призывает к ответственности, обвиняет, награждает, судит, защищает, контролирует, призывает быть сильным.

Тень тирана. Интенциональная установка проявляется в желании подчинить своей воле окружающих: говорящий безосновательно обвиняет, требует, диктует, угрожает, запугивает, карает, милует, подкупает.

Архетип старца. Интенциональная установка проявляется в желании дать интеллектуальную поддержку собеседнику: говорящий подсказывает, объясняет, советует, рекомендует, делится опытом, приводит примеры, показывает пути решения вопроса.

Тень критика. Интенциональная установка проявляется в желании исправить, научить: говорящий критикует, поучает, читает мораль (лекции), акцентирует внимание на ошибках, навязывает свой опыт.

Архетип ребенка. Интенциональная установка проявляется в желании получать эмоциональную и интеллектуальную помощь, быть уважаемым, признанным: говорящий соглашается с чужим мнением, советуется, слушает, интересуется, просит о помощи и об оценке, ждет одобрения, похвалы, делится своим самочувствием, мыслями, спрашивает разрешения, принимает правила, отчитывается.

Тень разбойника. Интенциональная установка проявляется в желании быть независимым, убрать ограничения, присутствует стремление к борьбе, неприятие авторитета и чужого мнения: говорящий закрывается, устанавливает дистанцию, отказывается от помощи, протестует, борется, спорит, нарушает правила, отрицает авторитет, не слушает.

Архетип любовника. Интенциональная установка проявляется в желании расположить к себе, добиться близости, ответной симпатии: говорящий соблазняет, признается в симпатиях, делает комплименты, говорит чувственно, вызывает желание сделать что-либо, говорит с аппетитом, рассказывает восторженно, заражает эмоциями удовольствия.

Тень строптивого. Интенциональная установка проявляется в желании отдалиться от собеседника, свести его инициативу в отношении себя к минимуму: говорящий акцентирует внимание на неприятных вещах, изъясняет неудовольствие, говорит брезгливо, досадует, выражает неприязнь, отвращение, раздражение.

В результате исследования также были выявлены лингвистические маркеры архетипов, была предложена картотека вербальных формул и метафорические карты для практической работы.

Миассарова Э.Р.

РОЛЬ И ЗНАЧИМОСТЬ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯНОК В ПРОЦЕССЕ ИХ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ ЖЕНЩИН С РАЗНЫМ ТИПОМ МЕНТАЛЬНОСТИ).

Социокультурный кризис, который обусловлен фундаментальными изменениями в системе межличностных отношений, разногласиями в сфере межконфессиональных и межэтнических отношений в современном мире, определяет необходимость решения ряда психологических проблем, которые призваны способствовать преодолению возможных конфликтов. Исходя из этого, мы придерживаемся принципов межкультурного взаимодействия и культурного разнообразия в целях достижения единого мнения по вопросам всеобщих универсальных человеческих ценностей, подчёркивая необходимость разрушения стереотипов восприятия относительно различных культурных и религиозных особенностей, и ищем пути взаимного диалога в обращении к основополагающим истинам, являющимися базовыми понятиями (и шире – концептами) для человеческой цивилизации в целом. Вместе с тем, не умаляя значимость этно-культурного своеобразия каждого отдельно взятого национального сообщества.

Беря за основу проблемы гендерных различий и коррекции обострившегося гендерного конфликта (феминизм, унификация, нивелирование ценностей женкой святости, материнства, искажение представлений о материнском начале и проблеме взаимоотношения полов в Западной культуре и др.) обозначаем приоритетные направления исследования:

1. Значимость духовных ценностей в эпоху глобализации в системе ценностных ориентаций личности;
2. Исследование психологических аспектов взаимодействия и взаимовлияния на этно-культурном и этно-религиозном уровне.
3. Исследование гендерных особенностей в аспекте различия западного и восточного типа ментальности.

Основная цель исследования состоит в определении характера представлений о роли ценностно-мотивационной сферы личности женщин с разным типом ментальности (по обозначенным параметрам исследования), что определяет следующие задачи:

- выявить и обозначить стереотипы мышления, характерные для исследуемых типов ментальности;
- решить вопросы самоотношения и самореализации женщин с различным типом ментальности в процессе социальной адаптации;
- провести ряд экспериментальных исследований с использованием существующих на сегодняшний день и авторских методик и опросников; произвести социокультурные и социально-психологические опросы в исследуемых группах.

В рамках проблемы взаимодействия фундаментальной науки и практики, предлагаем создание синтезированной модели исследуемых явлений, а именно научно-исследовательский проект, посвящённый исследованию такого уникального явления как женская психика, в аспекте концептуальных исследований и динамики социально-психологических особенностей ценностной сферы российских женщин, в психологических отношениях к различным явлениям и сферам современной жизни. Опираясь на собственный имеющийся научный задел по исследованию мотивационно-ценностной сферы, а также фундаментальные данные

современных российских учёных, предлагаем выявить психологические параметры духовно-нравственного самоопределения современных российских женщин с различным типом ментальности (культурно-этнической принадлежности) и далее определить параметры функционирования концепта «женственность» как одной из базовых ценностей, формирующих духовно-нравственную основу личности.

Учитывая тот факт, что изначально женская психика является более пластичной, женщины характеризуются большей коммуникативной активностью, т.е. круг потенциальных адресатов общения у них шире, чем у мужчин, и, как мы выявили, процессы аккультурации и адаптации у них проходят лучше, мы выдвигаем гипотезу о том, что они более подвержены различным трансформациям под влиянием современных процессов глобализации, универсализации, унификации. Вместе с тем, значимость основных базовых ценностей, связанных с духовно-нравственным потенциалом личности, нивелируется, что приводит к таким катастрофическим явлениям как искажение и отрицание ценностей материнства, а это, в свою очередь, является одним из факторов сложной демографической ситуации.

Данное исследование призвано дополнить научные представления об особенностях изменения ценностно-мотивационной сферы личности, происходящих в процессе социокультурной адаптации, а также расширить теоретическую и эмпирическую базу психологии развития, акмеологии за счет описания процессов самоактуализации, изменений ценностно-мотивационной сферы личности и ее самоотношения, определяющих степень зрелости личности.

Мишкевич А.М., Щебетенко С.А.

ИЗМЕНЧИВОСТЬ ЭКСТРАВЕРСИИ И УСТАНОВКИ НА ЭКСТРАВЕРСИЮ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

Согласно пятифакторной теории МакКрея и Косты (McCrae, Costa, 2013) в структуру личности входят не только черты, но и так называемые характерные адаптации. Они включают в себя обусловленный средой широкий спектр личностных явлений, в том числе установки, цели, ценности, роли и т.п.. В продолжение этой идеи Щебетенко (Shchebetenko, 2016) предполагает, что индивиды не только характеризуются индивидуальными различиями в поведении и мотивации, но и имеют установки на черты личности, то есть устойчивое отношение к тем или иным индивидуальным различиям как таковым. Если установки на черты являются видом характерных адаптаций, то они должны опосредовать влияние черт на поведение. Согласно пятифакторной теории, черты обусловлены исключительно биологически, а характерные адаптации (предположительно и установки на черты) изменяются под действием внешних факторов. Ряд исследований предварительно подтверждают это предположение (Shchebetenko, 2016 и др.). Если это так, то при предъявлении оценочного сообщения о некоторой черте личности можно ожидать изменения установки на нее, но не изменения собственно черты.

В данном исследовании мы изучали экстраверсию. Выборку составил 161 студент 1-3 курсов Пермского госуниверситета в возрасте от 17 до 24 лет ($M=19.11$, $SD=1.16$), включая 16.1% юношей.

Исследование состояло из трёх замеров: в ходе первого испытуемые заполняли самоотчётные тесты: русскую версию Big Five Inventory (BFI; John et al., 2008) для измерения черт личности, а также его модификацию для измерения установок на черты. Второй замер проводился через 1-1.5 месяца после первого. В ходе второго замера участники смотрели короткометражный фильм-лекцию, рассказывающую о негативных сторонах экстраверсии. После просмотра участникам предлагалось ответить на два вопроса о просмотренном фильме. Далее

участники повторно заполняли вопросники. Третий замер проводился через 1-1.5 месяцев после второго. В ходе этого замера участники вновь заполняли вопросники.

Шкала установки на экстраверсию продемонстрировала достаточно низкие показатели надёжности ($\alpha=.68$ во всех трёх замерах). Для повышения надёжности были исключены 3 пункта шкалы. Для увеличения достоверности полученных результатов эти же пункты были исключены из шкалы экстраверсия в опроснике черт.

Просмотр фильма оказал воздействие на установку на экстраверсию, $F=6.60$, $p=.002$. Post hoc сравнения показали, что просмотр фильма достоверно делал установку на экстраверсию более негативной от первого к третьему замеру, $t=3.61$, $p<.001$.

Черта экстраверсии значимо не изменялась, $F=2.02$, $p=.136$. Анализ изменений показывает, что хотя непосредственно после воздействия (замер 2) экстраверсия оставалась на изначальном уровне, к третьему замеру ее значение увеличилось. Однако post hoc сравнения указывают на то, что это изменение не существенно, $t=-1.61$, $p=.109$.

Таким образом, установка на экстраверсию изменялась в направлении, которое соответствовало содержанию фильма, в то время как собственно экстраверсия существенно не изменялась. Полученный результат подтверждает возможность изменения установок на черты. Перспективы исследования связаны с изучением поведения после изменения установок на черты.

Литература:

1. John O. P., Naumann L. P., Soto C. J. Paradigm shift to the integrative big five trait taxonomy //Handbook of personality: Theory and research. – 2008. – Т. 3. – С. 114-158.
2. McCrae R. R., Costa Jr P. T. Introduction to the empirical and theoretical status of the five-factor model of personality traits. – 2013.
3. Shchebetenko S. Reflexive characteristic adaptations within the five-factor theory: Between basic tendencies and external outcomes //Personality and Individual Differences. – 2016. – Т. 101. – С. 35- 41

Молчанова О.Н., Некрасова Т.Ю.

ДИНАМИКА САМООЦЕНКИ В СИТУАЦИИ «УГРОЗЫ Я»

Ситуация «угрозы Я» – это ситуация, ставящая под сомнение самооценку человека, его позитивное самовосприятие и самоотношение. Одним из вариантов «угрозы Я» является получение негативной обратной связи от других людей. Как меняется самооценка в подобной ситуации? Каковы особенности самооценки, обуславливающие большую уязвимость личности в подобных условиях? Эти вопросы, составляя проблему исследования, решались в эмпирическом исследовании.

В исследовании приняли участие 231 студент: экспериментальную группу составили 157 респондентов, контрольную – 74 респондента. На первом этапе исследования респондентам предлагался комплекс методик, направленных на определение типа самооценки, ее уровней характеристик и базовых самооценочных оснований. На втором этапе моделировалась ситуация «угрозы Я» с помощью предоставления респонденту из экспериментальной группы поддельной негативной обратной связи со стороны участников общения. На третьем этапе предъявлялись анкета, направленная на исследование особенностей реагирования на негативную обратную связь, а также повторно ряд методик из тех, что предлагались на первом этапе.

Анализ изменений показателей самооценки до и после экспериментального воздействия (шкала Дембо-Рубинштейн) позволил обнаружить значимые различия (критерий Вил-

коксона для связанных выборок) в уровнях актуальной и идеальной самооценки. Результаты показывают, что значимые изменения произошли по шкалам «общая оценка себя», «любовь к себе», «внешность», у девушек также по шкале «уверенность в себе». При этом после воздействия негативной обратной связи показатели актуальной самооценки по всем перечисленным шкалам снизились. В контрольной группе значимых различий в показателях самооценки до и после участия в исследовании не обнаружено.

Выявлена специфика динамики оценки себя у лиц с разным типом самооценки, определяемым степенью выраженности самоэффективности и самоуважения. Наиболее уязвимым к получению негативной обратной связи оказываются лица с позитивной самооценкой (высокий уровень самоуважения и самоэффективности): они дают более выраженную негативную эмоциональную реакцию; их актуальная самооценка снижается по большему количеству шкал и более выражено по сравнению с другими группами респондентов. Они также задействуют большее количество защитных реакций – отрицание, обесценивание, дискредитацию тех, кто предоставил обратную связь, повышение значимости своих позитивных качеств.

Респонденты с негативным типом самооценки (низкий уровень самоуважения и самоэффективности) в ситуации угрозы «Я» сохраняют самооценку на приемлемом для себя уровне и даже повышают ее по ряду параметров. Негативная обратная связь в какой-то степени ожидаема и даже привычна для них. Однако неоднозначность эмоциональных реакций, активное обесценивание тех, кто давал негативную обратную связь, исправление полученных оценок в сторону повышения, а также снижение уровней идеальной самооценки, свидетельствуют о «хрупкости» данного типа самооценки, о том, что люди с таким типом самооценки по-разному реагируют на эмоциональный и когнитивный уровни: они не хотят негативной обратной связи, но верят ей. Лица с умеренной (средний уровень самоуважения и самоэффективности) и защитными (высокий уровень только одного из компонентов самооценки – самоуважения или самоэффективности) типами самооценки оказались более устойчивыми в самоощущении в ситуации получения негативной обратной связи.

Главное, что следует отметить в итоге проведенного исследования, это то, что негативная обратная связь, которую получает субъект в процессе межличностного общения, для большинства респондентов представляет угрозу их самоценности, вызывая динамику отношений личности к другим людям и к самому себе. При этом тип самооценки, определяемый степенью выраженности самоэффективности и самоуважения, выполняет опосредующую роль, обуславливая динамику самооценочных реакций.

Осипова И.С., Никишов С.Н., Пронькина Е.Г.

ВЕРБАЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Одной из актуальных и малоизученных проблем в психологии остается проблема самовыражения личности в общении. Особый интерес представляет изучение особенностей выражения автобиографических воспоминаний в речевом общении.

В отечественной психологии исследование автобиографической памяти осуществлялось главным образом в контексте изучения «субъективной картины жизненного пути», идея которого была озвучена Б.Г. Ананьевым (Ананьев, 1968). Наиболее глубоко и системно к исследованию автобиографической памяти подошла В.В. Нуркова, которая развивает концепцию автобиографической памяти как высшей психической функции, понимая под ней «субъективное отражение пройденного человеком отрезка жизненного пути, состоящее в фиксации,

сохранении, интерпретации и актуализации автобиографически значимых событий и состояний, которым определяется самоидентичность личности» (Нуркова, 2009).

Целью нашего исследования явилось изучение особенностей выражения автобиографических воспоминаний в речевом общении.

В качестве испытуемых выступили 48 человек (32 девушки и 16 юношей) в возрасте от 17 до 23 лет.

На первом этапе исследования была проведена методика свободного воспроизведения событий. Испытуемым предлагалось вспомнить и записать (с присвоением порядкового номера) тридцать наиболее запомнившихся событий из их жизни. После завершения основной процедуры участникам необходимо классифицировать все события по нескольким признакам. Во-первых, испытуемые должны вспомнить и записать, сколько им было лет, когда произошло каждое актуализированное ими событие. Во-вторых, испытуемые должны разделить все события на положительные, отрицательные и нейтральные. Оценка должна была быть дана как с точки зрения настоящего времени, так и с точки зрения прошлого. Для изучения вербальных способов выражения воспоминаний были проанализированы события из списка № 1 и № 30.

На втором этапе исследования мы провели методику «Опосредованная самопрезентация» К.М. Романова. Испытуемым предлагалось написать мини-сочинение в виде письма, в котором необходимо рассказать (поделиться с адресатом своими мыслями, чувствами, переживаниями и другими элементами психической жизни) о своем воспоминании под первым номером, а также о своем воспоминании под номером тридцать в списке свободного воспроизведения событий. Время работы для испытуемых не ограничивалось.

По результатам исследования можно сделать следующие выводы.

1. Процесс выражения внутреннего мира человека, в том числе и воспроизведения автобиографических событий, представляет значительные трудности, которые связаны как с внутриличностными барьерами, так и с недостаточным уровнем развития умений выражать собственный мир.

2. В большинстве случаев испытуемые вспоминают события, которые носят положительную эмоциональную окраску. Респонденты объясняют данный факт следующим образом: «Я пытаюсь вспомнить что-то отрицательное, но, так как я стараюсь это забывать – у меня не выходит...» Мы не выявили значимых различий между юношами и девушками в оценках событий воспоминаний (событие № 1: $U=191$, $p=0,112$; событие № 30: $U=219$, $p=0,55$). Возраст испытуемых (воспоминание № 1) составляет в среднем 10 лет, (воспоминание № 30) – 16 лет.

3. Известно, что самые первые воспоминания человек может фиксировать примерно в возрасте 3-х лет. Если испытуемые указывают более ранний возраст первого воспоминания, то, при их описании, они, как правило, представляют не само воспоминание, а то, что им рассказывали взрослые.

4. Испытуемые описывают и дают оценку событию в сочинениях с позиций настоящего времени.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 16-36-01038.*

Панкратова К.Н., Зиновьева Е.В.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ У МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ, СКЛОННЫХ К ЛЮБОВНОЙ АДДИКЦИИ

Любовная аддикция является деструктивным видом отношений в паре и часто ведет к драматическим исходам (И.Н. Хмарук 2005; А.Ю. Егоров 2008, П. Мюллен 2005; и др.). В качестве причины формирования любовной аддикции рассматривают определенные дет-

ско-родительские отношения (Емельянова Е.В. 2004; FeeneyandNoller 1990; Лимаева Ю.Ю. 2012; Р. Норвуд 2002; Малер М. 1968; и другие). На сегодняшний день проведено не так много исследований по изучению связи любовной аддикции с детско-родительскими отношениями. Цель нашего исследования заключалась в изучении представлений о детско-родительских отношениях у молодых людей, склонных к любовной аддикции. Также анализировалось их отношение к себе и к сексуальной сфере. Проверялось предположение о том, что предиктором любовной аддикции является восприятие своих родителей как недостаточно заботливых и внимательных, малочувствительных к потребностям ребенка и предъявляющих слишком высокие требования к его личности.

Выборка составила 57 человек из них 37 женщин и 20 мужчин в возрасте от 19 до 33 лет. Использовались следующие методики: ДРОП (О.А. Карабанова и П.В. Троянская), МИС (С.Р. Пантелеев, В.В. Столин), Тест на выявление любовной аддикции (А.Ю. Егоров), Опросник Г. Айзенка «Установки к сексу», «Интервью о привязанности для взрослых» (М. Мэйн).

В результате ответов на вопросы методики «Тест на любовную аддикцию» респонденты были поделены на две группы: набравшие высокие баллы расценивались как склонные к любовной аддикции (N=31), набравшие низкие баллы как не склонные (N=26), респонденты набравшие среднее количество баллов не учитывались.

Обнаружено, что для молодых людей со склонностью к любовной аддикции характерно представление о матери как жестокой, авторитарной и деспотичной. Отношение к ней характеризуется амбивалентностью. Молодые люди, склонные к любовной аддикции, полагают, что их родители мало заботились о них, были ненадежными, непоследовательными в воспитании и предъявляли высокие требования, связанные с достижением успехов в различных сферах - учебной, внеучебной и личностной.

Такие молодые люди чаще характеризуются завышенными требованиями к себе и ожиданиями от себя. Они склонны к самообвинению и имеют высокий уровень тревоги в сексуальной сфере. Слишком высокие требования со стороны родителей могут быть катализатором развития чувства неприятия себя и недоверия своим ощущениям.

Полученные результаты позволяют уточнить роль детско-родительских отношений в формировании любовной аддикции и могут быть использованы для разработки рекомендаций по воспитанию и формированию личности.

Пляскина А.С., Поддьяков А.Н.

ОСОБЕННОСТИ РЕШЕНИЯ МОРАЛЬНОЙ ДИЛЕММЫ ОБ АЛЬТРУИСТИЧЕСКОМ ПОЖЕРТВОВАНИИ БЛИЗКИМ У ЛЮДЕЙ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Моральные дилеммы различных масштабов сопровождают человека на протяжении всей его жизни. При этом особый класс дилемм составляют те, в которых человек вынужден выбирать между благополучием своих близких и интересами других людей, за которых он несет или готов принять ответственность. Эти дилеммы существенно отличаются от тех, где субъект выступает в роли относительно нейтрального третьей стороны, личные интересы которого даже при самом напряженном выборе не затронуты непосредственно (таковы дилеммы «Трамвай», «Азиатская болезнь» Канемана-Тверски др.). В дилеммах, где на весах выбора находится благополучие близких, напряженнейшее взаимодействие мышления и эмоций имеет свою специфику.

В целом, анализ литературы по решению моральных дилемм показывает следующее. В когнитивном подходе ведущая роль в развитии морального сознания личности отводится усвоению человеком общественных правил и норм [1] и опыту рационального анализа моральных проблем с различных позиций [2], эмоциональная сфера личности, скорее, игнорируется. В концепциях «моральных эмоций» ведущая роль в моральном выборе личности отводится эмоциям [3].

При этом нам не удалось обнаружить работ, в которых изучалась бы связь особенностей решения моральной дилеммы об альтруистическом пожертвовании близким с уровнем эмоционального интеллекта (ЭИ) человека, решающего эту дилемму. Мы поставили цель исследовать эту связь.

Участники:

1) проходят тест «Эмоциональный интеллект» (Майер и др.; адаптация Сергиенко, Ветровой) и опросник эмоционального интеллекта «ЭИин» (Д.В.Люсин).

2) смотрят фрагмент фильма «Мост» (реж. Б.Гарабедян, 2003) с моральной дилеммой (машинист железнодорожного моста должен успеть опустить его до въезда поезда, но внутри механизма находится его сын и при опускании он неизбежно погибнет; отрывок демонстрируется до показа того, какой выбор совершил машинист – и отец);

3) отвечают на вопросы интервьюера, направленные на определение у испытуемых степени понимания демонстрируемой ситуации: необходимости морального выбора, мыслей и эмоций героев фильма, и эмоций, мыслей, занимаемой позиции самих испытуемых;

4) досматривают фильм и видят решение дилеммы;

5) повторно отвечают на вопросы интервью.

Число участников в настоящее время (6 женщин, 6 мужчин) от 23 до 55 лет.
Результаты

1. Участники с более низким уровнем ЭИ считают, что надо спасать сына, пусть, по выражению некоторых, и «убив поезд» (а не людей в нем – налицо эмоциональное дистанцирование) и адресуют свои эмоции к «поезду» и к тем лицам, кто вообще должен отвечать за предупреждение таких ситуаций.

2. Участники с более высоким уровнем ЭИ предлагают больше возможных решений дилеммы в зависимости от тех или иных условий (пытаясь фактически уйти от ее дуализма), рассматривают больше возможных исходов в зависимости от выбранных действий и перечисляют более широкий спектр своих переживаемых эмоций по поводу происходящего в фильме (вплоть до надежды).

В целом, пилотное исследование показало перспективность его продолжения. Помимо увеличения выборки мы планируем провести сравнительный эксперимент с использованием дилеммы другого типа – где требуется «третьеиское» решение лица, не имеющего конфликта интересов из-за вовлеченности его близких. Как можно предполагать, сопоставление результатов этих и других исследований позволит выявить более широкую картину связей мышления и эмоций при решении моральных дилемм.

Литература:

1. Arutyunova, K.R., Alexandrov Yu.I., Znakov, V.V., Hauser, M.D.. Moral Judgments in Russian Culture: Universality and Cultural Specificity. *Journal of Cognition and Culture*. 2013, 13, 255-285.
2. Colby A., Kohlberg L. The measurement of moral judgment: V. 1. Theoretical foundations and research validation. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1987.
3. Greene J.D., Haidt J. How (and where) does moral judgment work? // *TRENDS in Cognitive Sciences*. 2002. Vol. 6(12).
4. Kahneman D. A perspective on judgment and choice: mapping bounded rationality // *American Psychologist*. 2003. Vol. 58.

Погребницкая В.Е.

ХАРАКТЕРИСТИКИ СИТУАЦИИ КАК ПРЕДИКТОРЫ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Одной из целей психологической науки является прогнозирование поведения человека. Помимо индивидуальных особенностей, на поведение человека в большой степени влияет контекст той ситуации, в которой он находится. Для более обоснованного прогнозирования поведения необходимо, помимо личностных характеристик человека, иметь информацию о характеристиках той ситуации, в которой им принимается решение о своих последующих действиях.

Одним из первых исследователей, предложившим разделить человека и ситуацию, был Г.Мюррей – теория о внешних объективных воздействиях ситуации на человека и внутреннем восприятии человеком этих воздействий в зависимости от его предшествующих действий, результатов и актуальных потребностей.

Другая – теория психологического поля К.Левина, в которой поведение является функцией индивидуальности человека и окружающей среды, в которой он находится. При этом человек и окружающая его среда должны рассматриваться в совокупности взаимозависимости и взаимодействия.

Анализ литературных источников позволил обобщить тематики дальнейших исследований в этой области и выделить ряд векторов изучения ситуаций.

1) Описание ситуаций в популяции людей, объединенных общей деятельностью и ареалом проживания. Популяция генерирует различные ситуации, типы которых определяются популяционными характеристиками (экологический контекст). У всех людей в конкретной популяции имеются определенные социальные роли, которые взаимно дополняют друг друга. Т.е. разделение и описание ситуаций строится в зависимости от ролей членов данной популяции и их восприятия. Примеры: индивидуальное восприятие ситуаций и их когнитивная репрезентация (Д.Магнуссон); уместность поведения в повседневных ситуациях (Р.Прайс, Д.Буффард); описание и оценивание повседневных ситуаций (В.Баттистини, Е.Томпсон).

2) Описание динамики ситуации в отношении целей ситуации – от цели и мотива к действию и результату. Описывалось развертывание структуры действия, различия в динамике конкретной ситуации, и то, как люди ее атрибутируют. Примеры: психологический смысл межличностных целеориентированных ситуаций совместной или конкурентной природы с помощью кратких рассказов о цели ситуации (Д.Кинг, Р.Соррентино); изучение сходства и различия в восприятии целей и результатов ситуаций (Д.Эдвардс, А.Темплтон).

3) Изучение нарративов, относящихся к определенному классу ситуаций. Построение типологии ситуаций проводилось на основе изучения лексических значений синтагм, лексем и отдельных частей речи в свободных описаниях ситуаций. При таком подходе лексическое значение языковых элементов всегда культурно зависимо и отражает культурный контекст конкретной выборки. Примеры: объективное сходство атрибутов ситуации при помощи лексических значений существенных (Г.Ван Хек); социальные эпизоды и их атрибуты в восприятии повседневных ситуаций при помощи прилагательных (Д. Форгас); изучение ситуаций при помощи китайских идиом, связанных с ситуациями (Ю.Янг и др.).

4) Выявление сквозных характеристик ситуаций в отдельных сферах жизни и поддерживающих их социальных институтах. Примеры: рабочая ситуация – характеристики работы и отношение к ней исполнителей (Г.Олдхем, Р.Хакман); мотивационные, социальные и контекстные характеристики работы (Ф.Моргенсон, С.Хэмфри).

5) Изучение отдельного человека с его индивидуальными особенностями личности, восприятия и поведения в определенном ситуационном контексте. Исследуется широта репертуара ситуаций и возможности их трансформации человеком. Примеры: изучение связи ситуаций и личностных черт через индивидуальные различия в проявлении поведения, связанного с чертами личности в контексте ситуаций (М.Тен Берг, Б.де Раад); межличностное поведение и соответствие поведенческих тенденций чертам личности (М.Форнье и др.); разработка инструмента для измерения особенностей ситуаций и особенностей поведения (Д.Фандер и др.).

Таким образом, можно выделить некоторую общую последовательность исследования ситуационных факторов, влияющих на поведение человека: глобальный ситуационный контекст → изучение популяции → изучение предлагаемых популяцией ситуаций → изучение базовых характеристик ситуаций → изучение поведения человека в предложенных ситуациях в зависимости от его индивидуальных особенностей и восприятия.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 15-06-10546*

Попов Л.М., Сорокина С.Е.

О ВЗАИМОСВЯЗИ ЛИЧНОСТНОЙ САМООЦЕНКИ И СПОСОБНОСТИ К САМОРАЗВИТИЮ.

Актуальность настоящего исследования определяется важностью вопросов саморазвития личности, неотъемлемой частью которого выступает адекватная личностная самооценка. Самооценка является центральным личностным образованием, детерминирующим поведение и деятельность, участвующим в важнейших самопроцессах человека, в первую очередь – в саморазвитии (Бороздина, 1999; Братусь, 1988; Галкина, 2011). Существует интеллектуально-деятельностный механизм саморазвития субъекта (Попов, 2005), в котором, с одной стороны, заключены функции познания предмета, а с другой – его воспроизведение и преобразование. Происходит процесс взаимодействия человека с самим собой. Предметом познания и преобразования в данном случае выступает сам субъект. Все эти операции касаются и внутреннего мира личности, особенно сторон, вызывающих затруднения: осознания и изменения своих недостатков, среди которых и заниженная личностная самооценка. Заниженная самооценка блокирует самопроцессы, затрудняя формирование и осуществление акмеологических задач личности, и требует психологической коррекции. Предваряя результаты изучения возможной взаимосвязи уровня самооценки и способности к саморазвитию, необходимо указать следующее. Теоретический анализ позволил обосновать гипотезу о том, что применение специально разработанного провокационного воздействия, направленного на компенсацию признаков низкой самооценки, повлечет позитивные изменения в уровне личностной самооценки. Для эмпирической проверки данного предположения были проведены серии тренингов в некоторых вузах Казани в группах студентов-второкурсников (273 чел.). Результатом применения технологии является статистически значимое ($p \leq 0.001$) повышение личностной самооценки в экспериментальной группе испытуемых. Целью данного исследования является выяснение связи между степенью изменения самооценки и способностью человека к саморазвитию. Изучение способности к саморазвитию и творческому самосовершенствованию проводилось по методу «Интервью с самим собой» (Попов, 1990). Метод самоинтервью включает самоописания студентов по схеме, предполагающей эффективное самораскрытие личности (1. Я - как личность; 2. Мой познавательный мир; 3. Мой эмоционально-чувственный мир; Мои взаимоотношения с окружающими; 5. Влияния на меня и мои влияния). Способность студентов экс-

периментальной и контрольной групп к саморазвитию диагностировалась по инструкции как способность к самостоятельному развитию и творческому самосовершенствованию. Затем высчитывалась разница самооценок в экспериментальной и контрольной группах. При подсчете коэффициентов линейной корреляции выявлена прямая связь между уровнями самооценки и способности к саморазвитию, которая предполагает, что с ростом уровня самооценки будет повышаться способность к самостоятельному развитию и творческому самосовершенствованию. Связь обнаружена с высоким уровнем достоверности: в экспериментальной группе коэффициент корреляции составляет 0.88 (при $p \leq 0.001$); в контрольной группе коэффициент корреляции 0.57 (при $p \leq 0.001$). Таким образом, опираясь на данные статистического анализа, можно считать математически доказанной взаимосвязь уровня самооценки и способности к саморазвитию. Сделанный вывод свидетельствует о том, что студенты с высоким уровнем самооценки обладают высокой способностью к самостоятельному развитию (к возможно более полному выявлению и развитию своих личностных возможностей) и творческому самосовершенствованию (своих психологических качеств, компетенций). Полученные результаты могут быть использованы в психодиагностике, в профессиональной сфере, могут учитываться при проведении социально-психологических тренингов, при разработке программ для формирования и развития конкурентоспособной личности в системе школа-вуз.

Пушкина А.В., Меньшикова Л.В.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА И ПОЛНОТЫ СОЗНАНИЯ

В современном обществе увеличиваются психологические проблемы связанные с неудовлетворенностью своей жизнью, деятельностью, достижениями. В течение последних нескольких десятилетий на Западе и в России наблюдается рост интереса к феномену перфекционизма. Завышенные стандарты к своей деятельности и деятельности других людей, к отношениям, собственной личности создают нереалистичность оценки текущих результатов. Стремление к завышенным идеалам не позволяет наслаждаться текущими радостями жизни, создает источник постоянной тревоги [1]. Доказано, что перфекционизм как устойчивое личностное качество является фактором риска для ряда нарушений оптимального личностного функционирования [1, 3]. Таким образом, теряется ощущение радости проживания. Изучение полноты/узости сознания связано с пониманием человеческой природы, включенности личности в проживание событий ее жизни, способности переживать насыщенность каждого прожитого мгновения [2].

И перфекционизм, и полнота сознания, ее недостаточность, отражают проблему снижения пребывания человека в актуальной реальности, однако мы не нашли исследований взаимосвязи между этими феноменами.

Психодиагностический комплекс включал Многомерную шкалу перфекционизма Флетта и Хьюитта и Пятифакторный опросник полноты сознания (FFMQ). Эмпирическую базу исследования составили 60 человек в возрасте 25-45 лет, из них 26 мужчин и 34 женщины, жители Новосибирска, имеющие высшее образование, работающие в различных сферах деятельности.

В результате корреляционного анализа получены отрицательные значимые связи «Общего уровня перфекционизма» и «Перфекционизма ориентированного на себя» и «Социально предписанного перфекционизма» с «Осознанием без действий», «Безоценочными суждениями», «Описанием» и «Наблюдением», «Перфекционизма ориентированного на других» с «Осознанием без действий», «Безоценочными суждениями» и «Наблюдением».

Следовательно, чем выше восприятие других людей как делегирующих высокие ожидания, наличие высоких личных стандартов, заикливание на своих изъянах и недостатках, самообвинение, тем меньше способность вербализировать свои эмоции, меньше концентрация на текущем моменте жизни (эмоции, запахи, образы и т.д.) и способность перестроить свою жизнь, сделав ее более полной, менее позитивная оценка собственной жизни.

Чем выше стандарты, установленные для других людей, требовательность, нетерпимость к окружающим, чем ниже способность прощать их недостатки, несовершенства, тем выше реагирование на внутренний опыт. Тем меньше фиксация на имманентных стимулах.

Перфекционисты заикливаются на своих «несовершенных» мыслях, поступках, чувствах: «я на один вопрос на экзамене ответила не сразу, подумала полный провал», «что они обо мне подумали», и т. д. Это уводит их от настоящего момента, снижает восприятие настоящего, его переживание. Они большую часть мыслей, чувств, поступков подвергают постоянной оценке, сравнениям себя с другими людьми («правильно ли я сделал» и т. д.), что приводит к концентрации на прошлом, будущем (планируют, как им в данной ситуации избежать позора) и снижает их прибывание в холистическом настоящем. Единственное, что имеет значение — это сверхцель. Человек всецело поглощен навязчивой мыслью об очередной «идеальной цели» и препятствиям, которые ему нужно преодолеть для ее достижения. Поэтому ему некогда обращать внимание на все, что происходит вокруг: запахи, образы, звуки и т.д.

Литература:

1. Гаранян Н.Г. Перфекционизм и враждебность как личностные факторы депрессивных и тревожных расстройств: дис. ... д-ра псих. наук: 19.00.04 / Гаранян Нагалья Георгиевна. – М., 2010. – 429 с.
2. Brown K.W., Ryan R.M. The Benefits of Being Present: Mindfulness and Its Role in Psychological Well-Being // Journal of Personality and Social Psychology 2003, Vol. 84, No. 4, 822–848.
3. Peters. Perfectionism: different views. - N.Y.: Pergamon., 2001.

Резадаех З., Баянова Л.Ф.

ВЛИЯНИЕ МОРАЛЬНОЙ НОРМАТИВНОСТИ НА ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ

В качестве теоретико-методологических основ данного исследования выступают культурно-историческая концепция Л.С.Выготского о культурной обусловленности психики и поведения [1], принцип детерминизма в трактовке С.Л.Рубинштейна, где «действие причины зависит от природы объекта, на который оказывается воздействие, от его состояния» [5, С.29]. Теоретические положения, разработанные в ходе исследования психических состояний, позволили сформулировать цель исследования, заключающуюся в изучении влияния моральной нормативности на психические состояния. Психическое состояние «...всегда переживается человеком, так как оно неразрывно связано с определенным чувственным бытием» [2, С.56]. Реальность психического состояния дается субъекту именно в переживании с опорой на ощущения и рефлексию [4]. В исследованиях Л.В. Куликова отмечается, что основными детерминантами состояний выступают потребности, желания и стремления человека; его возможности; условия среды (объективные воздействия, субъективное восприятие и понимание происходящей ситуации) [3]. Любой моральный императив переживается субъектом в конкретной жизненной ситуации, которая содержит в себе правило как продукт культуры. А.О.

Прохоров в своих работах подчеркивает, что психическое состояние выступает как отражение личностью ситуации в виде устойчивого целостного синдрома, который выражается в единстве поведения и переживания [4].

Исходя из вышеизложенных теоретических и методологических положений, мы предполагаем, что психические состояния определяемы моральной нормативностью человека, степенью его соответствия принятым в культуре нравственным правилам, поскольку за данным соответствием стоят глубокие переживания человеком своей идентичности культуре.

В исследовании принимали участие 59 испытуемых в возрасте от 18 до 20 лет. Для исследования моральной нормативности использовалась шкала «Морально-нравственная нормативность» многоуровневого личностного опросника «Адаптивность» (авторы А.Г.Маклаков, С.В.Чермянин). В эмпирическом исследовании психических состояний использовалась методика определения доминирующего состояния (автор Л.В.Куликов).

Влияние моральной нормативности на психические состояния измерялось с помощью однофакторного анализа. Значимые коэффициенты влияния обнаружены по шкалам По («Положительный – отрицательный образ самого себя») ($F = 4,432$, при $p=0,01$), Ак («Активное – пассивное отношение к жизненной ситуации») ($F = 4,309$, при $p=0,01$), по шкалам Уд (удовлетворенность – неудовлетворенность жизнью в целом) $F = 4,096$, при $p=0,02$). По другим шкалам влияние статистически недостоверно. Влияние на шкалу По показывает, что моральная нормативность влияет на критичность самооценивания, адекватность самооценивания, с принятием личностью себя. Следовательно, моральная нормативность влияет на положительную оценку личностью самой себя. Влияние на шкалу Ак указывает на то, что моральная нормативность влияет на активность как предрасположенность к активному отношению к обстоятельствам среды. Результаты исследования выявляют тенденцию влияния моральной нормативности на психические состояния, что позволяет исследовать психологию субъекта культуры в призме переживаемых им психических состояний.

Литература:

1. Выготский Л.С. Психология развития человека. — М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2005. — 1136 с.
2. Гостев А.А. Психология вторичного образа / А.А. Гостев. – М.:Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 512с.
3. Куликов Л.В. Сущность и функции психического состояния // Психология состояний. Хрестоматия / Л.В. Куликов / под ред. проф. А.О. Прохорова. – М.:ПЕР СЭ; СПб.:Речь, 2004. – С.39-47
4. Прохоров А.О. Образ психического состояния / А.О. Прохоров // Психологический журнал. – 2013. – т. 34, №5. – С.108-122
5. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. – 190с.

Рябикина З.И.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОТРЕБНОСТИ В ПРИВАТНОСТИ С УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬЮ БРАКОМ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН РАЗЛИЧНОЙ ЭТНИЧНОСТИ

Субъектная позиция личности по отношению к своему бытию (Б.Г.Ананьев, С.Л.Рубинштейн, А.В.Брушлинский и др.), реализуясь с различной успешностью, становится причиной переживаемого благополучия или не благополучия (Э.Диси, Р.Райан, Р.М.Шамянов

и др.). Семья - важное бытийное пространство, обуславливающее переживаемые личностью состояния, чувство полноты и аутентичности проживаемого ею бытия. Семейные отношения предполагают снижение дистанцированности между людьми, но для поддержки чувства благополучия личности всегда необходима сбалансированность «близости - автономности». Регулятором в достижении этого баланса является чувство приватности (Альтман, М.Хейдметс и др.).

Концепция со-бытия личности с Другим предполагает включение многих бытийных пространств, в которых взаимодействуют субъекты: предметно-пространственная среда, время, пространство межличностных отношений и т.д. (З.И.Рябкина, А.Р.Тиводар, Г.Г.Танасов и др.). Вступив в брак, человек переструктурирует границы своего личного поля в связи с новой конфигурацией отношений. Личность балансирует в реализации потребностей в совместности и автономности. В отношении личности с предметной средой жилища может проследиваться как субъектно-интерпретационная претворенность (формирование «образа дома»), так и субъектно-деятельностная претворенность (изменение внешних признаков жилища). Это обусловлено сложившимся у личности репертуаром средового поведения, направленного на регуляцию границ ее бытийного пространства (А.В.Бурмистрова-Савенкова и др.). Удовлетворенность потребности в «удержании личных границ» (т.е. в приватности) является значимым фактором удовлетворенности отношениями.

В эмпирическом исследовании супружеского со-бытия (выполнено под нашим руководством М.А.Исаевой) субъектность партнеров взята, как реализованная в предметном пространстве жилища. В исследовании приняли участие 40 супружеских пар (20 пар – россияне и 20 - жители Дагестана) в возрасте 19-27 лет со стажем семейной жизни до 1 года, не имеющие детей.

Методики исследования: тест-опросник удовлетворенности браком (В.В.Столин, Т.Л.Романова, Г.П.Бутенко); анкеты «Потребность в приватности и ее поддержка брачным партнером» (А.Р.Тиводар), «Проблемы приватности в организации предметно-пространственной среды дома (квартиры)» (А.Р.Тиводар), «Виды прайваси» (А.В. Бурмистрова-Савенкова); шкала «Личностная идентификация с супругом» из методики «Рольевые ожидания и притязания» (А.Н.Волкова, Т.М.Трапезникова).

Основные результаты. Мужчины и женщины, удовлетворенные браком, испытывают меньшую потребность в приватности. По сравнению с мужчинами женщины: - имеют больший репертуар средового поведения, направленного на реализацию потребности в приватности; - чаще предпочитают интимность (вид прайваси); - испытывают большую потребность в приватности территории; - получают большую поддержку этой потребности от мужей; - оказывают меньшую поддержку мужьям в аналогичной потребности; приватность общего семейного пространства имеет для них большее значение.

Сравнение показателей в связи с различающейся этничностью: - у дагестанских мужчин большая потребность в приватности территории, но меньший репертуар средового поведения; - у мужчин высокая удовлетворенность браком связана с высокой личностной идентификацией с супругой и снижением потребности в приватности, но в русских семьях мужчины получают меньшую поддержку этой потребности, а в дагестанских – большую; - у дагестанских женщин потребность в приватности оказывает большее влияние на супружеские отношения, однако, у них меньше репертуар средового поведения; - меньшая склонность к конфликтному поведению в сфере организации предметно-пространственной среды у русских женщин связана с реализацией потребности в приватности посредством субъектно-интерпретационной претворенности, а у дагестанских женщин выражается в стремлении иметь собственную приватную территорию.

Савина О.О., Балянина Е.Е.

ПРОЯВЛЕНИЕ СТОЙКОСТИ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ЛЮДЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ ЗРЕНИЯ)

Постановка проблемы. Ситуация угрозы жизни и здоровью становится неспецифической характеристикой жизни современного человека. Изучение личности в сложных жизненных ситуациях привело к разработке ряда понятий (резилиенс, совладание, преодоление, стойкость), характеризующих способности человека выдерживать стрессовые воздействия, кризисы, экстремальность в широком смысле[3, 4]. Утрата зрения представляет собой жизненную ситуацию, в которой человек не только травмируется, испытывает страдания, но и решает жизненные задачи: адаптируется, проявляет мужество, преодолевает трудности, любит, работает, личностно растет.

Методика. Исследование было направлено на выявление стойкости в экстремальных ситуациях путем сравнительного анализа дискурсов людей с обычным зрением и людей с его нарушениями различной этиологии (незрячих от рождения и утративших зрение вследствие травмы). Методологической базой являлось понимание структуры жизнестойкости [4], представления о ресурсах личности как самоорганизующейся системы [1], положения деятельностно-смыслового подхода [3], акцентирующего внимание на позитивных аспектах экстремальности и смысловой работе личности с травматическим опытом. В работе проверялось предположение о различиях в проявлении стойкости у людей с нарушениями зрения (врожденными и приобретенными в результате травм) и зрячими с помощью «Теста жизнестойкости» С.Мадди [2] и разработанного интервью о трудной жизненной ситуации. Эмпирическая выборка (всего 90 человек) состояла из трех, равных по количеству респондентов, групп: 1) люди с сохранным зрением, 2) утратившие зрение вследствие травмы, 3) с врожденными нарушениями зрения.

Результаты. Были получены данные о том, что у людей, имеющих врожденные нарушения зрения, в сравнении со зрячими и утратившими зрение вследствие травмы, выше показатели: общего уровня жизнестойкости (соответственно: $\square x_3=90,0$; $\square x_1=81,3$; $\square x_2=74,6$), контроля (соответственно: $\square x_3=35,7$; $\square x_1=30,3$; $\square x_2=26,2$) и принятия риска (соответственно: $\square x_3=19,3$; $\square x_1=14,4$; $\square x_2=14,8$). Сравнительный анализ, проведенный с помощью критерия t-Стьюдента, показал наличие статистически значимых различий по данным параметрам между людьми с врожденными нарушениями зрения и двумя другими группами ($p<0,05$), различия между людьми, утратившими зрение вследствие травмы, и зрячими не значимы. Качественный анализ рассказов о пережитых кризисных ситуациях и оценке их последствий показал, что в ситуации травматической утраты зрения факт слепоты становится одним из центральных в жизненном опыте, а возможность его позитивной трансформации и интеграции затруднена. Испытуемые из данной группы указывали, что потеря зрения полностью изменила их жизнь, привела к утрате прежних смыслов, необходимости поиска новых. Люди, имеющие врожденные нарушения зрения, проявляют сходство со зрячими в выделении типов кризисных ситуаций (утрата близкого человека, распад семьи и т.д.), но в описании последствий более позитивно оценивают полученный опыт и собственные усилия по преодолению трудностей. Для данной группы ситуация нарушения зрения является источником формирования высокого уровня стойкости, позволяющего конструктивно действовать в стрессовых ситуациях.

Заключение. Полученные данные углубляют понимание ресурсов и направлений работы личности у людей с нарушениями зрения, что позволит индивидуализировать оказание психологической помощи. В качестве перспектив исследования можно выделить более де-

тальное изучение предпосылок формирования высокого уровня стойкости у людей с врождёнными нарушениями зрения, т.к. ресурсом формирования высокого уровня стойкости является не сам факт нарушения зрения, а выработанные в жизненном опыте способы совладания с ним.

Список литературы

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
2. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
3. Магомед-Эминов М.Ш. Онтология экстремальной ситуации. Вестник Московского университета. Сер. Психология, №3, 2014, с.79-91.
4. Maddi S. R. Personal Hardiness as the Basis for Resilience. Springer Briefs in Psychology, 2013.

Савченко Т.Н., Олькина О.И.

РАЗРАБОТКА И АПРОБАЦИЯ МЕТОДИКИ ИЗМЕРЕНИЯ СКЛОННОСТИ К ЭСКАПИЗМУ

Современные работы в области эскапизма преимущественно рассматривают данный феномен как фактор мотивации участия личности в деятельности, либо собственно активность [3]. Эмпирические исследования ухода от реальности осуществляются в области киберпсихологии. В опросниках, посвященных вопросам интернет-зависимости, эскапизм обычно формирует суб-шкалу, измеряющую степень выраженности мотивации ухода от реального мира при погружении в компьютерные игры [2], [4], [5]. Отсутствие комплексной методики измерения эскапизма как самостоятельного явления обуславливает необходимость проведения специальной исследовательской работы.

С нашей точки зрения, эскапизм можно определить как активность личности, которая возникает вследствие внутриличностного конфликта с целью его минимизации и реализуется в форме погружения в субъективно альтернативную реальность. В его структуре можно предварительно выделить пять компонентов, в соответствии с которыми нами было сформировано пять априорных субшкал опросника:

Наличие внутриличностного конфликта (пример вопроса: «мне не хватает свободы для ощущения жизни во всём её многообразии»);

Выбор стратегии ухода (избегания) данного конфликта в противовес его немедленно и непосредственному разрешению» «повседневная суета вызывает во мне желание уйти в свой собственный внутренний мир»);

Склонность к восприятию жизненного мира как системы относительно автономных субъективных реальностей, интегрированных в единую целостность («Мне необходимо отвлекаться от действительности, чтобы сохранять свою целостность»);

Склонность к смещению вектора активности с внутриличностного конфликта на субъективно альтернативную реальность («Моя жизнь напоминает сон, в котором события могут разворачиваться в нескольких измерениях»);

Интенсивность погружения в субъективно альтернативную реальность («Я могу быть так погружен в свои мысли, что внешний мир перестает существовать для меня») [1].

Апробация опросника проводилась в два этапа на общей выборке 421 человек. В итоговой версии это набор из 40 утверждений, которые респонденту необходимо оценить по 5-ти балльной шкале. Получены высокие показатели одномоментной надёжности отдельных

субшкал и опросника в целом. Доказано наличие теоретически прогнозируемых значимых эмпирических связей показателей склонности к эскапизму с показателями опросников субъективного благополучия, рефлексивности, потока, мотивации ухода и саморазвития. При этом структура опросника лишь отчасти соответствует теоретическим предположениям. Пяти-факторная модель показала не вполне удовлетворительное соответствие выдвинутым предположениям относительно содержания априорных субшкал. Намечены перспективы совершенствования разработанной измерительной процедуры, включающие уточнение структуры компонентов эскапизма и соответствующих субшкал, оценку ретестовой надёжности, включение компонента активности и разработку соответствующих шкал для дифференциальной диагностики разных видов эскапизма, расширение исследований конструктивной валидности.

Литература:

- 1) Олькина О.И., Кардапольцева А.А. Эскапизм как психологический феномен: содержание конструкта, типология, методы диагностики// Материалы выступления на открытом экспертном семинаре Института Психологии РАН, 12.02.2016.
- 2) Dongdong L, Liao A., Khoo A. Examining the Influence of Actual-Ideal Self- Discrepancies, Depression, and Escapism, on Pathological Gaming Among Massively Multiplayer Online Adolescent Gamers. *CyberPsychology, behavior and social networking*. Vol. 14 #9. 2011,535-539.
- 3) Evans, A. This virtual life. Escapism and simulation in our media world. London, Fusion Press, 2001.
- 4) Kaczmarek, L. D., Drazkowski, D. MMORPG escapism predicts decreased Well-being: examination of gaming time, game realism beliefs, and online social support for offline problems. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 2014. 17(5), 298-302.
- 5) Yee N. Motivations for play in online games // *Cyber Psychology & Behavior*. – 2006. – №9.

Сергеева А.В.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНТЕГРАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Современные исследователи, занимающиеся изучением идентификационных структур (А. Г. Асмолов, Л. Б. Шнейдер, J. E. Marsia), пришли к выводу, что уровень самооценки личности и особенности ее самоотношения являются важными регуляторами поведения и факторами трансформации идентичности. По их мнению, наличие у человека неадекватного самоотношения воздвигает своеобразные «оборонительные сооружения», закрывающие доступ в сознание всего того, что способно разрушить созданную им структуру неадаптивных установок. Теоретические размышления этих авторов, к сожалению, не подкреплены специальными научными исследованиями, поэтому целью нашей работы явилось эмпирическое изучение личностно-значимых факторов (а именно особенностей самоотношения), участвующих в трансформации показателей интегральной идентичности личности.

Определим основные теоретически важные понятия. Интегральная идентичность определяется нами, прежде всего, как психическое явление, имеющее иерархически-сложную структуру и объединяющее в себе такие признаки, как целостность, тождественность и уникальность. Интегральная идентичность личности может быть представлена на формально-динамическом, содержательно-личностном и императивно-нормативном уровнях. Уточним, что на формально-динамическом уровне она может быть представлена совокупностью тех

свойств, которые отображают форму и динамику ее протекания (диффузность, целостность, устойчивость и легкость изменения идентичности, активность в ее построении). Личностный (содержательный) уровень включает в себя показатели, связанные с направленностью и мотивационной сферой личности (профессиональная, семейно-родительская и социально-ролевая направленность идентичности). Нормативно-императивный уровень характеризует те особенности идентичности, которые формируются под влиянием общественно-культурных знаний и нормативных к ней требований (социокультурная идентичность, статусы идентичности в религиозной, национальной и гендерной сферах).

Проведенный факторный и корреляционный анализ эмпирических результатов позволил выявить основные личностно-значимые детерминанты трансформации в структуре идентичности: интегральное самоотношение (CS); аутосимпатия (CII); самопринятие (C3), самообвинение (C5). Наибольшее количество положительных корреляционных взаимосвязей на $p \leq 0,01$ и $p \leq 0,05$ уровнях было получено между характеристиками идентичности формально-динамического уровня и показателями CS и C6 (самоинтерес). Эмпирические результаты свидетельствуют также о наличии значимых отрицательных взаимосвязей между идентичностью личностно-содержательного и императивного уровней и показателями CS и CII (ауто-симпатия). Полученные результаты, легли в основу СПТ, направленного на трансформацию профессиональной идентичности будущих психологов.

Смирнова Т.Л., Субботина Л.Ю.

РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ ДИАГНОСТИКИ ПРЕДПОЧТЕНИЯ СОСТОЯНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Исследования состояния безопасности личности весьма актуальны. Оно отвечает глубинным потребностям личности, играет детерминирующую роль в ее поведении, развитии. Знание механизмов и феноменов, связанных с состоянием безопасности, может быть использовано в области консультационных мероприятий для людей в экстремальных ситуациях, специалистов особо опасных профессий, воспитании и формировании личности в детском возрасте.

Для выявления особенностей состояния безопасности необходимо провести диагностику. Однако арсенал диагностических средств в этой области очень ограничен. Поэтому целью нашей работы стало создание диагностического теста состояния безопасности как определенной личностной склонности.

Нами разработан диагностический тест «СБЛ» (состояние безопасности у личности), направленный на диагностику предпочтения состояния безопасности. Проведена процедура валидации и нормирования методики.

Общая выборка включала 100 испытуемых (40 мужчин, 60 женщин, 18–46 лет). Из них на этапе проверки ретестовой надежности – 30 испытуемых (13 мужчин, 17 женщин, 19–43 года); на этапе оценки критериальной валидности – 80 испытуемых (40 мужчин, 40 женщин, 19–46 лет); конструктивной валидности – 40 испытуемых (15 мужчин, 25 женщин, 19–46 лет).

Предмет диагностики – склонность личности к переживанию состояния безопасности. Число первоначально предъявляемых утверждений – 60 (19–прямых, 41–обратных), степень согласия или несогласия с которыми следовало оценить по 5-балльной шкале (5–«полностью согласен с утверждением», 1–«совершенно не согласен с утверждением»).

Примеры утверждений (*- обратные):

28. Я легко переношу перегрузки в работе.

54. Меня не очень волнует, что обо мне думают другие люди.

1*. Семейные неурядицы переживаются мною очень тяжело.

55*. Меня очень беспокоит состояние моего здоровья.

Обработка заключалась в суммировании баллов. Чем выше итоговый балл, тем выше склонность к переживанию состояния безопасности.

Анализ пунктов теста ($n=100$). Для каждого пункта высчитывались индекс трудности (ИТ) и коэффициент корреляции задания с итоговым баллом (r). Были отобраны 59 пунктов, удовлетворяющие условиям: значения ИТ находятся в диапазоне от 0,16 до 0,84; r не менее 0,2.

Надежность по однородности ($n=100$). Высчитаны коэффициенты Спирмена-Брауна (0,993) и Альфа-Кронбаха (0,995). Методика однородна по своей структуре.

Надежность по устойчивости результатов. Оценка проводилась путем повторного тестирования ($n=30$). Интервал между испытаниями – 2 недели. Испытуемым предлагался вариант опросника, включающий 59 отобранных пунктов. Высчитывался итоговый балл после первичного и повторного тестирования. Высчитан коэффициент ретестовой надежности ($r=0,93$). Степень ретестовой надежности методики соответствует психодиагностическим требованиям.

Критериальная валидность оценивалась методом контрастных групп (внешний критерий – половая принадлежность). Выдвинута гипотеза: мужчины в большей степени предпочитают состояние безопасности, чем женщины. Результаты: $t=3,00$ ($p=0,004$), среднее по мужчинам = 189,8 б., среднее по женщинам = 174,4 б. Гипотеза была подтверждена: мужчины более склонны к переживанию состояния безопасности, чем женщины. То есть методика является чувствительным инструментом по отношению к различиям между людьми, ее критериальная валидность достаточно высока.

Конструктивная валидность оценивалась путем соотнесения оригинальной методики и методики определения уровня тревожности Ж.Тейлор. Выдвинута гипотеза: существует обратная взаимосвязь между уровнем тревожности личности и степенью предпочтения состояния безопасности. Результаты: $r=-0.52$ ($p=0.001$). Гипотеза о взаимосвязи конструктов была подтверждена, методика валидна по конструкту.

Была посчитана первичная нормативная шкала оценки результатов и проведены пилотажные замеры. Доказано, что состояние безопасности можно зафиксировать с помощью разработанной методики. Она позволяет диагностировать склонность к переживанию состояния безопасности преимущественно по эмоциональным и поведенческим аспектам.

Соколов Е.А., Фурманов И.А.

ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНЫМИ ВИДАМИ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА

Перфекционизм – это предъявление себе, окружающим и миру в целом нереалистично высоких стандартов, установка делать все более качественно, чем требует ситуация, сочетаемая с чрезмерной критичностью.

Методологическую основу исследования составил когнитивный подход П. Хьитта и Г. Флетта, в рамках которого перфекционизм рассматривается как трехмерный конструкт, включающий в себя субъектно-ориентированный (высокие требования по отношению к себе), объектно-ориентированный (высокие требования по отношению к окружающим) и социально предписываемый перфекционизм (убеждение в том, что окружающие предъявляют завышенные требования к тебе) (Flett et al., 1992). В качестве методик использовались: Многомерная

шкала перфекционизма (MPS), разработанная П. Хьюиттом и Г. Флеттом в адаптации И.И. Грачевой (Грачева, 2006), и Психодиагностический тест, разработанный В.М. Мельниковым, Л.Т. Ямпольским (Мельников, 1985).

В исследовании приняли участие 319 студентов 1-5 курсов в возрасте от 17 до 26 лет, из которых 219 девушек (68,65%) и 100 юношей (31,35%).

Сравнительный анализ позволил определить личностные характеристики студентов с различными видами перфекционизма. У студентов с субъектно-ориентированным перфекционизмом выше показатели совестливости, чем у студентов с объектно-ориентированным перфекционизмом ($p=0,018$) и социально предписываемым перфекционизмом ($p=0,022$). У студентов с социально предписываемым перфекционизмом выше показатели робости, чем у студентов с объектно-ориентированным перфекционизмом ($p=0,029$). У студентов с объектно-ориентированным перфекционизмом нет ярко выраженных особенностей по сравнению с другими видами перфекционизма.

Корреляционный анализ позволил установить взаимосвязи личностных характеристик и видов перфекционизма. Субъектно-ориентированный перфекционизм у студентов взаимосвязан с невротизмом ($r=0,19$; $p<0,001$), совестливостью ($r=0,43$; $p<0,001$), эстетической впечатлительностью ($r=0,15$; $p=0,007$), асоциальностью ($r=-0,27$; $p<0,001$). У студентов с объектно-ориентированным перфекционизмом определяющими личностными характеристиками являются невротизм ($r=0,2$; $p<0,001$), психотизм ($r=0,13$; $p=0,02$), совестливость ($r=0,13$; $p=0,024$), расторможенность ($r=0,11$; $p=0,044$), психическая неуравновешенность ($r=0,2$; $p=0,005$). Социально предписываемый перфекционизм взаимосвязан с невротизмом ($r=0,27$; $p<0,001$), психотизмом ($r=0,27$; $p<0,001$), депрессией ($r=0,23$; $p<0,001$), совестливостью ($r=0,14$; $p=0,013$), робостью ($r=0,22$; $p<0,001$), общительностью ($r=-0,11$; $r=0,042$), психической неуравновешенностью ($r=0,39$; $p<0,001$) и интроверсией ($r=0,3$; $p<0,001$).

Субъектно-ориентированный перфекционизм у юношей связан с невротизмом ($r=0,20$; $p=0,044$), психотизмом ($r=0,23$; $p=0,022$), совестливостью ($r=0,52$; $p<0,001$), робостью ($r=0,23$; $r=0,022$), эстетической впечатлительностью ($r=0,28$; $p=0,005$), асоциальностью ($r=-0,27$; $p=0,048$) и сензитивностью ($r=0,27$; $p=0,049$). У юношей с высокими показателями объектно-ориентированного перфекционизма высокие показатели психической неуравновешенности ($r=0,28$; $p=0,042$). Социально предписываемый перфекционизм у юношей связан с невротизмом ($r=0,25$; $p=0,012$), психотизмом ($r=0,33$; $p=0,001$), депрессией ($r=0,35$; $p<0,001$), робостью ($p=0,33$; $r=0,001$), психической неуравновешенностью ($r=0,53$; $p<0,001$), интроверсией ($r=0,39$; $p=0,003$). Особенности личности девушек с высоким уровнем субъектно-ориентированного перфекционизма являются невротизм ($r=0,19$; $p=0,005$), совестливость ($r=0,39$; $p<0,001$), асоциальность ($r=-0,27$; $p=0,001$). У девушек объектно-ориентированный перфекционизм коррелирует с невротизмом ($r=0,24$; $p<0,001$), расторможенностью ($r=0,19$; $p=0,005$) и общительностью ($p=0,16$; $r=0,02$). Социально предписываемый перфекционизм у девушек связан с невротизмом ($r=0,31$; $p<0,001$), психотизмом ($r=0,26$; $p<0,001$), депрессией ($r=0,21$; $p=0,002$), робостью ($p=0,18$; $r=0,006$), психической неуравновешенностью ($r=0,35$; $p<0,001$) и интроверсией ($r=0,27$; $p=0,001$).

Сыченко Ю.А., Коробова Е.Н.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ ЖЕНЩИН И ИХ САМООТНОШЕНИЯ

Проведено исследование, в ходе которого проверялось предположение о наличии устойчивых связей между самооотношением и стрессоустойчивостью личности. Поскольку существу-

ет гендерная специфика переживания стресса (Жуков, 1997; Шилова, 2000; Меллер-Леймкюлер, 2004), и клиентами практикующих психологов являются преимущественно женщины, мы сосредоточились на изучении стрессоустойчивости представителей этой социально-демографической категории. В выборку были включены 35 женщин от 21 года до 57 лет. При отборе испытуемых учитывалось семейное положение (18 женщин состоят в браке, 17 – не состоят). В качестве инструментария были использованы тест-опросник самооотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев) и тест самооценки стрессоустойчивости (С. Коухен, Г. Виллиасон).

Результаты исследования показали, что для выборки в среднем характерен удовлетворительный уровень стрессоустойчивости ($M=14,65$; $S=4,29$) и в целом позитивное самооотношение (M по шкале глобального самооотношения составляет 87,0; $S=10,6$). Однако дальнейший анализ с использованием коэффициента корреляции r -Спирмена, позволил установить, что уровень стрессоустойчивости женщин варьируется согласованно с некоторыми компонентами самооотношения. Так, по мере возрастания уровня самопонимания и самоуважения, возрастает и стрессоустойчивость ($r=0,434$, $p=0,009$; и $r=0,332$, $p=0,05$ соответственно). При этом связь между положительным самооотношением и повышенной стрессоустойчивостью не является однозначной: со все более явной установкой на позитивное отношение других людей стрессоустойчивость испытуемых снижается ($r=-0,412$, $p=0,014$). Интерпретируя этот факт, необходимо учесть, что тест-опросник самооотношения В.В. Столина, С.Р. Пантелеева диагностирует параметры самооотношения на сознательном уровне, что не исключает манипуляции результатами теста, особенно по наиболее значимым, «болезненным» компонентам самооотношения. Вероятно, чем больше испытуемая ориентирована на мнение других людей и чем упорнее она демонстрирует уверенность в позитивном отношении окружающих, тем ниже уровень ее стрессоустойчивости.

С целью определения личностных ресурсов стрессоустойчивости, нами были выявлены статистически значимые различия в самооотношении между женщинами с хорошей стрессоустойчивостью («удовлетворительный», «хороший» и «отличный» уровни по методике С. Коухена, Г. Виллиасона) и низкой стрессоустойчивостью («плохая» и «очень плохая» стрессоустойчивость). Анализ при помощи U -критерия Манна-Уитни показал, что у женщин, включенных в группу с хорошей стрессоустойчивостью, выше уровень самоуважения ($U=24,5$; $p=0,033$), ауто-симпатии ($U=30,5$; $p=0,014$), самопонимания ($U=29,5$; $p=0,029$). Полученные результаты могут быть учтены в психологическом консультировании с целью определения необходимой психологической помощи женщине-клиенту, находящейся в сложной жизненной ситуации.

Тучина О.Р.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ЛИЧНОСТИ: СУБЪЕКТНЫЙ ПОДХОД

Современная социокультурная ситуация характеризуется поиском человеком устойчивых оснований личности, в том числе и в историческом прошлом народа. Несмотря на активные исследования феномена исторической памяти в современных гуманитарных науках, практически неизученным остается вопрос о функционировании исторической памяти на уровне индивидуального сознания. На наш взгляд, решение данной проблемы возможно путем введения в активный научный дискурс концепта «исторический опыт», рассматриваемый как непосредственное переживание человеком как исторического события, так и исторической дистанции между прошлым и нынешним временем [1]. Основа подобного опыта – эмоциональное переживание отчуждения от чего-то жизненно важного, чувство ностальгии по ушедшей подлинности в контексте неопределенного и неподлинного настоящего. Исторический

опыт включает в себя не только знания об исторических событиях, но и проживание субъекта в них в рамках собственного представления о данном историческом событии. Соответственно, в таком опыте присутствует не только прикосновение к прошлому, но и переживание дистанции с этим прошлым, зазора между «тогда» и «теперь». И «вхождение» в такой зорор порождает такие чувства и переживания как ностальгия, гордость или травма, боль, стыд.

Анализ феномена исторического опыта возможен с позиций субъектного подхода, что дает возможность изучать активно-преобразующую сущность человека с его «включенностью» в мир, где «самостоятельная инициация активности» человека определяет масштаб собственной активности и жизненных задач [2]. Рассматривая феномен исторического опыта с позиций психологии человеческого бытия, являющейся продолжением субъектного подхода к изучению личности [3], мы выделили ряд особенностей, позволяющих рассматривать данный феномен как грань экзистенциальной опыта личности:

- исторический опыт относится к опыту группы, но переживается индивидом как событие, имеющее к нему непосредственное отношение, вызывающее сильные эмоции;
- эмоциональное переживание исторического события оказывает на человека сильное влияние, становится источником личностных изменений;
- осмысление прошлого становится для человека решением экзистенциальной проблемы, в которой он пытается найти смысл определенного исторического события для общности, к которой он себя относит, и для себя лично;
- исторический опыт дает возможность человеку выйти за пределы собственной личности, осмыслить свою жизнь как звено в цепи, соединяющей прошлое и будущее, дает субъекту ощущение высших смыслов своего существования, выражение чувства его причастности к истории своего народа и Бытию в целом.

В субъектно-бытийном подходе, также продолжающем субъектный подход, акцентируется внимание на способности человека изменять внешнее по законам внутреннего, «переустроить бытие в соответствии со структурой сложившихся личностных смыслов» [4, с. 7], т.е. так преобразовывать реальность внешнего мира, что он становится следствием объективирования субъективного, продолжением личности. С позиции субъектно-бытийного подхода задается необходимость изучать, как человек создает реальность своего бытия, как он сам изменяется в этом процессе объективации, сталкиваясь с сопротивлением бытия Других (бытие всегда есть событие) [3]. Формирование исторического опыта всегда есть одновременно коллективная и индивидуальная деятельность, представление о прошлом формируется в процессе социализации, однако индивидуальный исторический опыт может существенно отличаться у представителей одной и той же общности. Исторический опыт, таким образом, можно рассматривать как пространство события личности, пространство исторического прошлого народа, которое осмысливается как коллективно, так и индивидуально, постоянно формируя и изменяя личностные смыслы.

Литература:

1. Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. М.: «Европа», 2007. – 608 с.
2. Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. Москва. Ин-т психологии РАН, 1994. – 109 с.
3. Знаков В.В. Экзистенциальный опыт субъекта как проблема психологии человеческого бытия //Субъектный подход в психологии М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 211-226.
4. Рябикина З.И. Личность и ее бытие в быстро меняющемся мире // Личность и бытие: теория и методология. 2003. С. 16-19.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 16-26-20003 а(м)*

Федорова Е.П.

**К ВОПРОСУ ИССЛЕДОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА
ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМНОЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ
ПСИХОЛОГИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Современные экономические и социальные условия жизни предъявляют высокие требования к психологическим возможностям человека, сформировался запрос общества на максимальную актуализацию потенциала человека. Проблема изучения инновационного поведения человека приобретает сегодня вполне конкретные контуры, обращая ее в плоскость психологического осмысления. Авторы одной из первых в России книг по психологии инновационного поведения - В.Е. Ключко, Э.В. Галажинский - утверждают, что психология только сегодня подошла к решению вопросов о природе и механизмах инновационного поведения человека. Раскрыть сущность данного феномена означало бы ответить на один из самых сложных вопросов психологической науки: «каким образом в пространстве своего актуального бытия человек открывает и формирует пространства свободного движения, в которых совершает выход «за пределы» сложившегося образа жизни, устоявшихся приспособительных поведенческих форм» (В.Е. Ключко, Э.В. Галажинский 2009).

Теоретический анализ исследований личности, склонной к инновационному поведению, вскрывает многообразие понятий и толкований: «инновационное поведение», «инновационный потенциал личности», «инновационное сознание» и др. В отечественной психологии понимание сущности инновационного потенциала личности представлено в работах российских ученых, заложивших теоретико-методологические основания понимания человека как творца собственного жизненного пути (Б.Г. Ананьев, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Анциферова, А.В. Брушлинский и др.). Человек как субъект жизнедеятельности целенаправленно изменяет внешний мир (природу, общество, культуру), а тем самым и свою жизнь. В русле системной антропологической психологии, инновационное поведение связано с пониманием человека как целостной открытой саморазвивающейся психологической системы. При этом многомерность понимания «открытости» человека предполагает и открытость внешнему миру, и открытость опыту, и открытость «свободному действию», что предполагает свободное инициативное поведение человека (В.Е.Ключко, 1999-2014). В ходе исследования личности, склонной к новаторской, инновационной деятельности, томскими учеными В.Е. Ключко, О.М. Краснорядцевой, С.А. Богомаз и др. выявлены свойства, черты личности, определяющие ее успешность, обнаружены связи инновационного поведения с готовностью человека к изменению образа жизни.

Теоретическое обобщение результатов проведенных исследований позволяет рассматривать инновативность как системную характеристику человека, включающую следующие компоненты:

1. Черты личности: социально-психологические (партнерство, предпринимательская направленность, склонность к риску, стремление управлять; инновативные черты новаторской личности: любознательность, ответственность, стремление к новому, творчество, мобильность, готовность к риску, открытость, ориентация на будущее, жизнестойкость, уверенность, интернальность, стремление к получению новых знаний; индивидуальные черты (эмоциональная устойчивость, гибкость, энергия к действию, стрессоустойчивость);
2. Способности: организаторские, интеллектуальные, коммуникативные. Интуитивность, продуктивное мышление;
3. Компетентности: социальная, коммуникативная, конфликтная, информационная;
4. Мотивационная готовность человека: мотивация достижения успеха. Продуктивно-деятельностная мотивация, внутренняя мотивация;

5. Ценностно-смысловая организация жизненного мира человека. Смыслы и ценности. Ценности достижения. Нормативные терминальные и инструментальные ценности, высокий уровень осмысленности жизни, ценности саморазвития, самореализации, духовные ценности. Самоэффективность.

Таким образом, выявленные нами в ходе теоретического анализа характеристики составляют в совокупности психологическое содержание инновативности как интегральной сущностной характеристики человека, определяющей готовность к инновационной деятельности – психологический ресурс, обуславливающий и порождающий инновационное поведение, востребованное «новой экономикой».

Чумаков М.В.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ШКАЛЫ РЕЛИГИОЗНОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА

В настоящее время сохраняется актуальность перевода и адаптации методик диагностики религиозности личности и определения конструктов, которые они отражают [1,2,3].

Шкала измерения религиозного фундаментализма (RFS; Altemeyer & Hunsberger, 1992) предназначена для диагностики направленности на традиционные религиозные ценности, консерватизм в религиозных убеждениях, буквальное восприятие религиозных доктрин и отрицание возможности их альтернативного истолкования. Если рассмотреть понятие религиозного фундаментализма, заложенное в структуру вопросов теста, то под фундаментализмом понимается установка на то, что религия не может иметь ошибочных постулатов и изъятий и нужно неукоснительно следовать религиозным предписаниям. В сознании человека, обладающего высоким показателем по шкале религиозного фундаментализма, люди делятся на две категории по критерию своей праведности и те, кто не относится к праведникам, будут строго наказаны Богом. Религиозный фундаментализм не совместим с релятивистским пониманием истины и с установкой на то, что различные религии могут быть по-своему правы и что детей нужно знакомить с различными системами веры и давать им свободу выбора. Низкий фундаментализм в версии, заложенной в шкалу, означает установку на то, что любая религия может содержать ошибочные положения и, вступая в противоречие с наукой, уступать первенство последней. Вера не означает того, что старые религиозные традиции не имеют недостатков, и эти традиции могут быть пересмотрены в целях приспособления к современной жизни. Религиозные постулаты могут быть ошибочными, различные религиозные системы могут быть истинными каждая по своему, и нет религии, которая монополизирует право на истину. Людей нельзя разделить на две категории в зависимости от того, принадлежат они или нет к единственной и безошибочной религиозной системе. Принадлежащие к этой системе будут вознаграждены, а не принадлежащие – наказаны. Религиозность не означает того, что предписаниям религии нужно следовать неукоснительно. С нашей точки зрения, конструкт религиозного фундаментализма, заложенный в шкалу, неоднороден. С одной стороны, он включает консерватизм в религиозной сфере и не имеет отрицательной смысловой нагрузки. С другой стороны, ряд индикаторов шкалы предполагает включение в конструкт религиозного фундаментализма когнитивной схемы черно-белого видения реальности, которая не благоприятна с психологической точки зрения, свидетельствует о психологической незрелости. Некоторые индикаторы отражают в большей степени разделение людей на верующих и неверующих, а не конструкт фундаментализма как таковой.

Анализ пунктов методики позволяет исключить пункт «Глупо считать, что людей можно разделить на хороших и плохих. Каждый делает что-то хорошее и что-то плохое». Ответы

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

на данный пункт не коррелируют с общим баллом и не соответствуют приемлемым показателям индекса трудности. Остальные пункты опросника соответствуют требованиям. Ретестовая надежность проверялась на выборке 84 человека путем повторного тестирования через месяц, коэффициент корреляции 0.59.

Литература:

1. Чумакова Д.М. Некоторые подходы к изучению религиозности личности // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2011. № 6. С.106-107.
2. Чумакова Д.М. Религиозность личности: основные подходы, структура и диагностика // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2011. № 42 (259). С.111-114.
3. Чумакова Д.М. Взаимосвязь религиозности личности и социального взаимодействия в семье // диссертация...кандидата психологических наук; 19.00.05 / Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова. Курган, 2014.

Шелонина Т.В., Горбатов С.В.

ХАРАКТЕРИСТИКИ СУБЪЕКТНОСТИ ЛИЦ С АДДИКТИВНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

Теоретической основой данного исследования являются: идея субъект-объектной связи (Мясищев В.Н., 1960) и субъект-субъектной связи (Ломов Б.Ф., 1984); принцип комплексного подхода к исследованию человека (Ананьев Б.Г., 1980); идея субъектного подхода, представления о содержании субъектности человека (Брушлинский А.В., 1991, Алексеева Л.В., 2006, Щукина М.А., 2015 и др.).

Субъектность - системное качество субъекта, проявляющегося в виде субъектных свойств.

Гипотеза исследования - у лиц с аддиктивным поведением происходит выхолащивание субъектности, проявляющейся в отношениях к себе и другим, что отражается на её структуре.

В исследовании приняли участие 3 группы респондентов общей численностью 300 человек: 100 человек с диагнозом синдрома зависимости от алкоголя (F10.2 по МКБ-10), 100 человек с диагнозом синдрома зависимости от опиоидов (F11 по МКБ-10), 100 человек, не имеющих зависимостей.

В исследовании применялся контент-анализ текстов, полученных по методике MAPS Э. Шнейдмана. Математическая обработка результатов исследования проводилась с помощью методов описательной статистики, критерия хи-квадрат Пирсона, кластерного, корреляционного анализов.

Контент-анализ – это анализ текста, основанный на выделении категорий содержания и последующем подсчёте представленности данных категорий в тексте. При проведении контент - анализа выделялись следующие этапы:

I. Определение независимой переменной, влияющей на получение речевой продукции. В нашем случае уровни независимой переменной соответствуют различным группам испытуемых, между которыми проводится сравнение.

II. Получение речевого текста.

III. Составление инструкции, при помощи которой будет осуществляться контент-анализ текстов. В нашем исследовании мы ставим задачу выявления психологических феноменов, входящих в профили атрибутов субъектности, объектности и субъектификации, которые выявляются через отношение личности к себе, к другим людям и к предмету аддикции.

IV. Контент-анализ текстов. Исследование начиналось с определения героя каждого из рассказов, составленных испытуемыми. Далее определяется круг людей, с которыми его связывают отношения – «Другие». В понятии «Предмет аддикции» мы включили: алкоголь, наркотик, их синонимы.

V. Обработка результатов.

Выводы:

1. Анализ данных позволил составить профили субъектных и объектных атрибутов лиц, не имеющих зависимости, лиц с алкогольной зависимостью и лиц с наркотической зависимостью, которые имеют феноменологическую специфику по каждому из атрибутов.

2. Субъектные атрибуты коррелируют между собой, образуя единое множество.

3. Объектные атрибуты коррелируют между собой, образуя единое множество.

4. Субъектные и объектные атрибуты отрицательно коррелируют между собой.

5. У лиц с аддитивным поведением происходят изменения в структуре субъектности в сторону уменьшения количественного состава атрибутов субъектности и изменения качественного состава профилей атрибутов субъектности, что является показателями выхолащивания субъектности.

6. Степень выраженности атрибутов субъектности у лиц с аддитивным поведением ниже, чем у лиц, не имеющих аддикции.

7. Степень выраженности атрибутов объектности у лиц с аддитивным поведением выше, чем у лиц, не имеющих аддикции.

8. Субъектность и объектность являются способами отношения личности к себе и окружающей действительности. Для лиц с аддитивным поведением характерно субъект-объектное отношение к себе и субъект-объектное отношение к другим.

9. Был установлен профиль субъектификации предмета аддикции лиц с алкогольной и наркотической зависимостью, включающий следующие атрибуты: анимализм (мистика), доминирование, дополнение, индивидуализация, олицетворение, одушевление, отождествление, полное овладение, имеющие свою феноменологическую специфику по каждому из 8 атрибутов и указывающие на «очеловечивание» предмета аддикции.

10. Для лиц с алкогольной и наркотической зависимостью характерно субъект-субъектное отношение к предмету аддикции.

Шкуратова И.П., Муругов А.С.

ОСОБЕННОСТИ САМОПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ЮНОШЕЙ-СТУДЕНТОВ В СВЯЗИ С ИХ СОЦИАЛЬНОЙ И ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ

Процесс обретения социальной и личностной идентификации представляет собой один из важных аспектов развития Я-концепции личности. Особенно сложно он происходит в периоды больших социальных изменений и обострения политической обстановки в мире. Каждый человек на протяжении своей жизни проходит через идентификацию себя с разными социальными группами (социальная идентичность) и идентификацию с людьми, которым присущи определенные личностные особенности (личностная идентификация), в результате чего рождается знание о себе.

Цель данной работы состояла в изучении содержательных аспектов идентичности в связи с особенностями самопредъявления, поскольку последний феномен связан с эффективным встраиванием личности в систему межличностных отношений. Все люди так или иначе вовлечены в процесс межличностного взаимодействия, и от того, каким образом они представляют себя другим, во многом зависит их успех в разных сферах жизнедеятельности.

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Для диагностики содержательных характеристик личностной и социальной идентичности были применены модифицированный вариант методики «Кто Я?» М. Куна и Т. Мак-Партланда (испытуемые должны были десять раз ответить на вопрос «Кто Я» и 10 раз - на вопрос «Какой Я») и опросник «Аспекты идентичности» (Aspects of Identity, AIQ-IV), разработанный Дж. Чиком и адаптированный А.Е. Войскунским. Для выявления индивидуальных особенностей самопредъявления использовались опросник «Стратегии самопредъявления» и методика для диагностики самопредъявления личности в общении, разработанная И.П. Шкуратовой на основе техники репертуарных решеток Дж. Келли (СПО). В ней испытуемому предлагался список из 50 черт личности, и давалась инструкция представить мысленно общение с лицами из своего ближайшего окружения (родители, друзья, сотрудники) и выбрать 14 качеств, которые он демонстрирует в общении с ними в первую очередь. В опросе приняли участие 80 юношей-студентов Южного федерального университета.

Результаты исследования

Для выявления связей между особенностями самопредъявления юношей и характеристиками их социальной и личностной идентичности был проведен корреляционный анализ по критерию Спирмена по программе «Statistica 6.0». Он позволил выявить ряд связей между показателями идентичности по методике «Аспекты идентичности» и некоторыми стратегиями самопредъявления. Шкала «Социальная идентичность» дала значимые на уровне $p=0,01$ со шкалой «Стремление понравиться» ($r=0,41$), шкалой «Самопродвижение» ($r=0,34$) и шкалой «Отслеживание впечатлений» ($r=0,41$). Шкала социальной идентичности отражает значимость социальной оценки в глазах других людей, поэтому не случайно, что именно она дала ряд связей с характеристиками самопредъявления. Между шкалой «Коллективная идентичность» и шкалой «Запугивание» также была обнаружена значимая положительная связь ($r=0,35$). Коллективная идентичность связана с переживанием своей принадлежности к семье, расе, культуре (светской или религиозной, а также политической). Можно предположить, что юноши, которые более явно отстаивают свои политические или национальные убеждения, чаще прибегают к агрессии в межличностном взаимодействии.

Как мы и предполагали, между характеристиками из методики «Какой Я» и качествами из методики СПО также были обнаружены значимые связи. Те юноши, которые отмечали много альтруистических характеристик в свободном самоописании, чаще стремились предъявлять их в общении с людьми из ближайшего окружения ($r=0,23$, $p=0,05$). Аналогичная связь была обнаружена и для характеристик, отражающих близость в отношениях ($r=0,41$, $p=0,01$).

Таким образом, наше предположение о том, что социальная и личностная идентичность юношей находит отражение в особенностях их самопредъявления, подтвердилось.

Шустова Н.Е.

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ЛИНИЯ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА: ПОСТРОЕНИЕ И ПРОЯВЛЕНИЕ

Каждый человек осознанно или бессознательно с разной степенью успешности выстраивает свои отношения с социумом. Жизненный путь, который проходит конкретная личность, по мнению ученых, обусловлен рядом факторов, среди которых особая роль отводится социальному окружению, в котором происходит социализация личности (Б. Г. Ананьев, С. Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская, Ж. Годфруа, Ш. Бюллер и др.). При этом ученые подчеркивают, что взрослеющая личность, интериоризируя предлагаемые ей ценности и осваивая транслируемые модели поведения, со временем начинает оценивать происходящие события сквозь призму своего личного опыта.

Б.Г. Ананьев в своих работах подчеркивает важность взаимосвязи онтогенеза и жизненного пути, то есть взаимной зависимости развития психофизиологических функций и процессов социального становления личности. Именно их тесное переплетение определяет индивидуальную линию развития человека. Он отмечает, что человек в значительной степени становится таким, каким его делает жизнь в определенных обстоятельствах, в формировании которых он сам участвует. Социальная активность человека, построение жизненной траектории, по словам ученого, проявляются в создании и изменении обстоятельств современной жизни собственным поведением. Таким образом, способность личности принимать своевременные решения и претворять их в жизнь, готовность противостоять неблагоприятным обстоятельствам и наличие индивидуальных целей во многом обуславливают целостность и континуальность жизненной траектории.

Это подтверждают и результаты исследования, проведенного нами в рамках проекта «Психологический анализ влияния прокрастинации на процесс самоопределения молодежи». В исследовании приняли участие молодые люди в возрасте 18-20 лет (150 человек).

Продвижение человека по намеченному пути в контексте его смысловых жизненных предпочтений изучалось нами с помощью авторского инструментария «Степень выраженности прокрастинации» (СВП) и теста смысловых жизненных ориентаций Д.А. Леонтьева (СЖО). Полученные данные позволили установить ряд социально-психологических закономерностей, раскрывающих специфику проявления прокрастинационной модели поведения личности, основными чертами которой являются откладывание важных дел «на потом» и временное игнорирование последствий, вызванных несвоевременностью действий.

Так, сравнительный анализ осмысленности жизни у молодых людей с разной степенью выраженности прокрастинации, выявил различия в представлениях о смысле жизни, сформированности жизненных приоритетов. Целеустремленность, четкость личностной позиции, структурированность ценностных ориентаций свойственны респондентам с низким уровнем прокрастинации ($p=0,001$). Они мотивированны на достижение цели, осознают значимость исхода событий в настоящем и прогнозируют возможные последствия от совершенных действий в будущем, стараются планировать жизнь с учетом своих интересов. Иная ситуация характерна для так называемых «прокрастинаторов»: размытость жизненных целей, преимущественная ориентация на настоящее или прошлое, низкая удовлетворенность результатами предыдущих действий сочетаются с убежденностью в том, что они в любой момент времени могут изменить ситуацию.

Таким образом, жизненный путь человека, выбранная им линия поведения складываются благодаря многим факторам, важность которых обусловлена как биологическим временем жизни человека, так и особенностями социокультурной эпохи, частью которой является человек.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер -06-00228a*

Щукина М.А.

СОБЫТИЯ РОЖДЕНИЯ И СМЕРТИ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ОПЫТА ЛИЧНОСТИ

В биографических исследованиях неоднократно регистрировался факт отнесения рождения и смерти (далее — РИС) к числу ключевых жизненных событий большинством респондентов. В культурно-историческом и социокультурном подходах это объясняется вхож-

дением событий рождения детей и смерти близких в приобретенную в ходе социализации культурную модель нормативной судьбы человека (Н.В. Гришина, В.В. Нуркова, D. Bernsten, T. Nabertmas и др.). Однако ограничение детерминации включения РИС в круг значимых жизненных событий только социокультурными факторами не оправдано. РИС — непреложные факты онтологической реальности, а также события экзистенциального опыта человека, составляющего не столько «должное-для-других», сколько «важное-для-себя» (Н.В. Гришина, В.В. Знаков, Е.Е. Сапогова). Поэтому экзистенциальную значимость можно предположительно рассматривать как важный фактор выбора личностью РИС в качестве центральных жизненных событий. Данная гипотеза была проверена при анализе жизнеописаний респондентов ($n=399$; 17-65 лет, $\mu=28$ лет) по авторской методике «Субъективная шкала авторства жизни». Обнаружено, что в 79.9 % среди значимых жизненных событий упоминается рождение: свое в 18% ($n=73$) и/или в 62% ($n=246$) кого-либо из значимого окружения; в 46% ($n=185$) — смерть. При анализе описаний РИС выделены эффекты экзистенциального значения данных событий в субъективной картине жизненного пути.

Эффект присвоения чужого опыта. В отличие от других событий, люди упоминают чаще не свои РИС, а РИС значимых Других ($n=246$, 61% и $n=185$, 46% соответственно), что характерно для экзистенциальных событий (В.В. Знаков). Приобщаясь к РИС Других, человек воссоздает или проецирует свой опыт, который он не может пережить сознательно. Тем самым он находит границы и смысл своей истории и своего Я. Респонденты, отмечающие среди жизненных событий РИС Других, отличаются от группы сравнения более выраженными показателями личностной зрелости: субъектностью в поведении и организации своей жизни, осознанием своих целей и жизни в целом, они самоценны при готовности к интеграции с другими людьми (по данным методик «Тест смысловых ориентаций» Д.А. Леонтьева, «Индекс жизненной удовлетворенности» Н.В. Паниной, «Уровень развития субъектности личности» М.А. Щукиной).

Эффект дополнения проявляется в том, что, в случае отсутствия в фактологии жизни рождения детей и смерти родителей, респонденты включают в десятку значимых событий РИС иных родственников, друзей, домашних питомцев ($n=119$, 30% и $n=35$, 9% соответственно). Для личности важным при жизнеописании является не только соответствие культурной норме, но и переживание, связанное с РИС, ибо оно открывает новое понимание себя и новые смыслы жизни. Если такого рода переживания не порождаются соответствующими базовому жизненному сценарию фактами, человек их ищет за рамками сценария для достижения экзистенциальной полноты жизни.

Эффект многократности. Значительная часть опрошенных не ограничивается единичным упоминанием РИС, что выходит за рамки требований культурного жизненного сценария. Дважды говорят о подобном опыте 28/29% ($n=69/54$) респондентов упомянувших РИС соответственно, трижды и более раз — 11/10% ($n=27/18$). Наблюдается связность данной тенденции с возрастом: с годами нарастает значимость экзистенциальных достижений в оценке состоятельности и качества жизни.

Эффект реконструкции своего рождения регулярно отмечается биографиками и инициирует внимание к личностным особенностям упоминающих свое рождение (М.К. Кабардова, Г.Ю. Масолова, В.В. Нуркова и др.). По нашим данным, придающие значительную роль своему рождению отличаются от контрастной группы большим недовольством собой, более низким уровнем субъектной активности, осмысленности целей и жизни. Реконструкция события «мое рождение» тем самым может быть понята как инструмент построения самоидентичности актуальный для человека на этапе становления зрелости, когда еще не решенными задачами развития являются поиск и осознания себя, самоутверждение и самопринятие.

ПСИХОЛОГИЯ СПОРТА

Абрамович И.Р.

ВЛИЯНИЕ РОДИТЕЛЬСКОГО ОТНОШЕНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ ЮНЫХ СПОРТСМЕНОВ

На формирование личности ребенка-спортсмена существенное влияние оказывают как ценностно-мотивационная сфера его родителей, так и стиль семейного воспитания, особенно сти родительского отношения к детям и результатам их деятельности. Как недостаток, так и избыток внимания родителей к спортивным занятиям их детей могут негативно сказываться на соревновательных показателях. Именно поэтому в настоящее время достаточно актуальной является как научная, так и практическая деятельность в системе спортсмен-тренер-психолог-родитель.

В настоящей статье представлены результаты нескольких исследований, проведенных в период с 2008 по 2014 год с участием юных спортсменов в возрасте от 12 до 15 лет, а также их родителей. В целом в исследованиях приняли участие 130 спортсменов-подростков со спортивной квалификацией от III-II взрослых спортивных разрядов до кандидатов в мастера спорта, занимающихся различными видами спорта. Исследования проводились на базах СДЮШОР г. Минска и ДЮСШ № 1 г. Лунина.

Личностные особенности спортсменов изучались с помощью опросника Р.Кеттелла, их мотивы занятий спортом - на основе методики В.И.Тропникова. В банк методик, предназначенных для исследования личности родителей, вошла методика «Ценностные ориентации» М.Рокича, а также тест-опросник родительского отношения, разработанный А.Я. Варга и В.В. Столиным. Кроме того, был проведен опрос родителей на тему: «Престижные вида спорта и виды спорта для здоровья».

Исследования показали, что родители спортсменов чаще используют следующие типы отношения к своим детям: кооперация, симбиоз, контроль, принятие. Заметим, что среди обследуемых родителей очень редко встречаются те, кто отвергает или эмоционально отдален от своих детей.

При типе отношения «кооперация» родители стремятся к сотрудничеству с ребенком, проявляют искреннюю заинтересованность и участие в его делах. Это, в свою очередь, способствует формированию таких свойств личности спортсменов-подростков как эмоциональная устойчивость и смелость, именно они необходимы в спортивной деятельности. При типе отношения «симбиоз», родители, особенно матери, ориентированы на единение с ребенком, на уменьшение между ним и собой психологической дистанции. «Симбиоз» способствует развитию таких качеств, как подчиненность и чувствительность, что может стать препятствием в развитии успешного спортсмена. При типе отношения «контроль» родители проявляют авторитарность в отношениях с ребенком, руководят его поведением. Данный тип родительского отношения связан с такими качествами личности подростков как замкнутость, робость, подозрительность и конформизм, что не способствует продвижению в спорте. При типе отношения «принятие» родители относятся к своим детям эмоционально положительно: уважают, поддерживают, одобряют их интересы. У детей-спортсменов, воспитанных при таком типе отношения, формируются такие личностные качества как экспрессивность, доверчивость, высокий самоконтроль, чувствительность, дипломатичность.

Спортсмены-подростки высоких спортивных разрядов (Празряд – КМС) – это чаще всего дети родителей, которые принимают своих детей такими, какие они есть (шкала «принятие»), стремятся к сотрудничеству (шкала «кооперация») и единению с ними (шкала «симбиоз»). Подростки, родители которых в основном контролируют действия своих детей, проявляют авторитарность по отношению к ним («шкала «контроль») и нетерпимо относятся к их неудачам (шкала «маленький неудачник»), имеют спортивные разряды не выше II.

Таким образом, исследования, проведенные в разные года и на разных выборках, однозначно показали, что формирование личности спортсмена происходит под влиянием ценностных ориентаций родителей, а также зависит от их отношения к детям. Поэтому спортивный психолог, работающий с юными спортсменами, обязательно контактирует с родителями, формируя у них более здоровые установки и корректируя их воспитательные воздействия на ребенка с учетом особенностей спортивной деятельности.

Алборова К.А., Родыгина Ю.К.

ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЮНЫХ СПОРТСМЕНОВ И ЕГО ВЗАИМОСВЯЗЬ С ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТЬЮ

Проблемная ситуация состоит в том, что семья юного хоккеиста является первичной и наиболее весомой социальной средой формирования его личности.

Цель исследования – выявить психоэмоциональное состояние юных хоккеистов и их взаимосвязь с психологической подготовленностью.

Процесс формирования психоэмоциональной сферы детей, занимающихся спортом, неразрывно взаимосвязан с социально-педагогическими особенностями обучения и развития, психологического обеспечения спортивной подготовки, содержания учебных программ, закономерностей усвоения знаний и двигательных навыков в учебной и спортивной деятельности (Зинченко, В.П., 2006, Лисина, М.И., 2009, Эльконин, Д. Б., 2007 и др.).

Обсуждение результатов исследования. При обзоре результатов эксперимента выявились особенности выраженности компенсаций и тревог юных хоккеистов. При этом оказалось, что юные спортсмены более энергичны, стремятся к успеху через борьбу, стремятся к лидерству, а младшие школьники нацелены на новое, более восприимчивы и оптимистичны. Анализ результатов суммарного отклонения от аутогенной нормы показал у младших школьников, не занимающихся спортом, и юных хоккеистов средний уровень непродуктивной нервно-психической напряженности. Младшие школьники и юные хоккеисты, по оценке вегетативного коэффициента, избыточно возбуждены, суетливы, с высокой вероятностью в сложных ситуациях проявлять импульсивность, нетерпеливость, снижение эмоционального самоконтроля. По результатам ранговой корреляции Спирмена, между парой переменных: вегетативным коэффициентом и экспертной оценкой психологической подготовленности юного спортсмена, обнаружилась слабая сила взаимосвязи отрицательного знака ($R = -0,37$). Мы можем констатировать, что чем ниже избыточное возбуждение и суетливость у младших школьников и юных хоккеистов в соответствии с вегетативным коэффициентом, тем выше оценка тренера по шкале экспертной оценки спортивной успешности.

Полученные данные подчеркивают значение выявления психоэмоциональных особенностей в становлении спортивной карьеры юного хоккеиста и требуют дальнейшего анализа особенностей психологической подготовленности младшего школьного возраста.

Андреев Вит.В., Андреев Вл.В.,

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В СПОРТЕ И МЕТОДЫ ИХ РЕШЕНИЯ

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью совершенствования психологической подготовкой квалифицированных спортсменов к ответственным соревнованиям. Анализ литературных источников по проблеме психологической подготовки, изучение ее феноменологии показал, насколько актуальна, важна и востребована данная проблема в спорте. Психологические проблемы в спорте имеют свою специфику, в отличие от других видов человеческой деятельности.

Социально-психологический тренинг как средство решения психологических проблем в структуре психологической подготовки спортсменов в современной научно-исследовательской практике еще систематически не изучался, есть лишь фрагментарные упоминания в работах И.П.Волкова [1], Г.Д. Горбунова [2], Е.О. Тихвинской [4], Цзен Н. В., Пахомова Ю. В. [5] и др.

Результаты и их обсуждение. Как оказалось, весь объем описанных спортсменами психологических проблем можно разделить на две подгруппы: группа А, которая включала в себя 197 спортивных проблем (59,7%) и группа В, которая включала 133 не спортивные проблемы (40,3%). Группа В состояла из 6 значимых жизненных проблем. Мы объединили в первый раздел (проблема выбора) (9,4%) такие часто встречаемые проблемы, как проблема выбора, проблема выбора ВУЗа, проблема выбора: либо спорт, либо учеба, либо работа и проблема поступления в ВУЗ. Второй раздел включал в себя все учебные проблемы (8,5%). Последующие разделы включали в себя соответственно финансовые проблемы (4,5%), семейные проблемы (3,9%), проблемы здоровья (3,3%), смерть близкого человека (2,2%). Другие многочисленные, но редко встречающиеся проблемы, мы объединили в один раздел «другие жизненные проблемы» (8,5%). Таким образом, в результате контент-анализа полученного эмпирического материала, мы выделили: «Проблема взаимоотношений в спорте», «Переживание спортивной травмы», «Проблема окончания спортивной карьеры».

Была разработана программа социально-психологического тренинга: «Психологический тренинг подготовки спортсмена», которая была ориентирована на решение этих трех фундаментальных психологических проблем в спорте. В результате всей проделанной работы было принято решение разделить разрабатываемый тренинг для спортсменов на три блока, в соответствии с основными выявленными психологическими проблемами в спорте, а именно проблема взаимоотношений в спорте, проблема переживания спортивной травмы и проблема окончания спортивной карьеры.

В результате проведенного эксперимента, мы получили подтверждение первоначальной гипотезы о том, что СПТ «Психологический тренинг подготовки спортсменов» приводит к значительному психологическому росту спортсменов. Все спортсмены на последующих соревнованиях повысили свой уровень спортивного мастерства. Контент-анализ полученного материала зафиксировал следующие позитивные изменения: улучшилось понимание людей; сформирована позитивная мотивация на достижение целей и решение спортивных задач; изменились отношения с людьми в лучшую сторону; решение конфликтов стало более конструктивным; появилась внутренняя опора и независимость. Причем личностные изменения спортсменов происходили не только в период тренинга, но и после его окончания, т.е. отмечен посттренинговый эффект. Степень удовлетворенности тренингом составила 78,3%.

Литература:

1. Волков, И.П. Спортивная психология и акмеология спорта /И. П. Волков. - СПб. : Изд-во БПА, 2001. – 187 с.

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

2. Горбунов, Г.Д. Психопедагогика спорта: учебное пособие /Г.Д. Горбунов. - 4-е изд., испр. и доп. - М.: Советский спорт, 2012. - 312 с. ISBN 978-5-9718-0572-4; То же [Электронный ресурс]. - URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=210420>.
3. Тихвинская Е.О. Психология переживания в спорте: Учебное пособие. - СПб. 2007.- 48с.
4. Цзен Н. В., Пахомов Ю. В. Психотренинг: игры и упражнения. – М.: Физкультура и спорт, 1988. – 272 с.

Анцупова Г. Л.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПСИХОЛОГИИ СПОРТА: КОУЧИНГ

Заслуженный тренер России,
профессиональный коуч (Association for Coaching, London)

Ростов-на-Дону

В современном спорте существуют, как минимум, два новых вызова для тренеров и психологов. Во-первых, идеология нового поколения Y, во-вторых, стиль и формы коммуникации, включая активности в социальных сетях.

Идеология нового поколения Y – баланс жизни и работы/основной профессиональной деятельности, соотношение личных целей и целей компании, открытость и осознание своих «границ». Мой предыдущий опыт работы со спортсменами показал, что спортсмены часто не могут четко назвать свои личные цели на ближайшие 1-2 года или на какие-то определенные соревнования. В лучшем случае, они транслируют цели, озвученные тренером. И еще я обратила внимание на оценку результатов – традиционно, если выигрыш, то это «я сам такой молодец», если проигрыш – виноваты обстоятельства. По мере накопления эмпирического материала, я все больше стала убеждаться, что принятие личной ответственности за результат спортсменами – залог успешной спортивной карьеры. Я стала уделять больше внимания в работе с целями спортсменов на разных этапах карьеры. Именно в коучинге есть этап постановки цели (модель GROW, У.Тимоти Голви, Дж. Уитмор), во время которого соотносятся личные цели с целями тренера. Для этого целесообразно использовать технологию трехсторонних встреч: тренер + спортсмен + коуч/психолог. На этапе постановки цели важно определить критерии результата – не только показатели, но и усилия спортсмена, эффективность, технологии и методику подготовки и др. Ключевые вопросы – «когда цель будет достигнута, что в твоей жизни или в спортивной карьере изменится?» «Что ты можешь сделать уже сегодня сам для достижения цели?» и др. Главное, чтобы спортсмен взял на себя ответственность за определение цели. Роль тренера в этих встречах – предоставление обратной связи и пожеланий. Главные задачи коуча в трехсторонних встречах – стыковка целей и создание условий для осознанного выбора. Здесь важна позиция коуча – обращение к ресурсам самого спортсмена. На данном этапе целесообразны такие методы коучинга как «шаг в будущее», «пирамида логических уровней», опросник Эзлала и др.

Стиль и формы коммуникаций претерпевают некоторые изменения в последнее время, что связано, во-первых, с доступностью информации, во-вторых, с готовностью спортсменов обсуждать любые вопросы в сетях. Именно в социальных сетях они часто находят единомышленников и получают поддержку. Особенно, в конфликтных ситуациях. На учебно-тренировочных сборах они свободное время зачастую проводят в социальных сетях. В связи с этим взаимодействие в команде становится формальным. А как же командный дух? Эмоциональная

ПСИХОЛОГИЯ СПОРТА

поддержка друг друга? В связи с этим целесообразно проводить командный коучинг, предполагающий совместные встречи (игры, дискуссии, выработка норм и правил), индивидуальная работа (о своей роли в команде и пр.) и любые другие мероприятия, укрепляющие ценности и командный дух. Здесь важна этика в работе коуча – нельзя допускать излишнего эгоцентризма со стороны спортсменов. Работая со спортсменами, цели и методы нужно согласовывать с тренером.

В работе со спортсменами я выделяю разные этапы и формы: очные сессии сочетаю с заочными (переписка, Skype и пр.). В переписке мы обсуждаем проблемные ситуации, выполненные домашние задания, фильмы и книги. Самое ценное – это развитие навыков рефлексии.

Этапы работы со спортсменами в формате коучинга:

1. Подготовительный. Уточнение запроса спортсмена/тренера, определение критериев ожидаемого результата

2. Установочная встреча. Заключение контракта. Диагностика актуального состояния, выяснение predispositions.

3. Основной этап – поиск возможностей, эксперимент, обратная связь, обсуждение.

4. Подведение итогов.

5. Сопровождение в последующем периоде.

Использование инструментов коучинга позволяет сфокусировать спортсмена на возможностях. А позиция коуча – «клиент может все сам» – позволяет обратиться к внутренним ресурсам спортсмена.

Ветвицкая Т.В., Крыжко Е.В.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СПОРТСМЕНОВ С ДЕТСКИМ ЦЕРЕБРАЛЬНЫМ ПАРАЛИЧОМ В ИГРЕ БОЧЧА

Методическое сопровождение участников тренировочного процесса основывается с вопросами воспитания, физиологии, психологии детей с детским церебральным параличом (ДЦП), с методикой тренировочного процесса, знаниями в области специальной психологии, возрастной психологии, психологии развития, педагогической психологии, спортивной психологии, педагогике и других. Важную роль в развитии личности спортсмена (учащегося) играют тренера, родители, педагоги, психологи и др. специалисты. Роль родителей в подготовке спортсменов с ДЦП велика, т.к. именно родитель сопровождает ребенка в его учебно-тренировочной деятельности, являясь ассистентом тренера, выполняя педагогические задачи.

В ГБОУ «Центр «Динамика» проводятся тренировочные мероприятия по игре в бочча – это паралимпийский вид спорта для инвалидов с тяжелыми формами заболеваний ДЦП. Данная игра развивает меткость, координацию, стратегию у спортсменов. В подготовке спортсменов с ДЦП к соревновательной и тренировочной деятельности возникают психологические трудности, связанные с тяжестью дефекта и личностными особенностями участников тренировочного процесса.

Осуществляется психологическое сопровождение в разработке, контроле тренировочного и соревновательного процесса спортсменов с ДЦП, что позволяет оперативно вносить в него соответствующие изменения.

В тренировочном процессе психологом используются такие профессиональные приемы в работе, как наблюдение, беседа, интервью, психологическая диагностика, консультирование, коррекционная работа с приемами психотерапии для всех участников – спортсменов с ДЦП, тренеров, родителей.

Индивидуальная работа психолога направлена на коррекцию эмоциональной сферы, мен-

тальной тренировки, обучение навыкам саморегуляции, оптимизация отношений «тренер-спортсмен (ученик)», освоение копинг-стратегий борьбы со стрессом и тревогой, освоение техник релаксаций, визуализации, концентрации, повторения, использование образа и речи про себя. Также применяются такие формы работы как психологическое тестирование (компьютеризированного тестирования), тренинги с возможностью определения личностных характеристик спортсмена, оценки когнитивных способностей, коррекции выявленных нарушений и повышения стрессоустойчивости и мотивации с использованием методик на основе биологической обратной связи. Консультирование тренеров и родителей проводится с целью коррекции межличностных отношений (конфликты, стрессоустойчивость). С целью информирования родителей и тренеров проводятся семинары, тренинги, размещается полезная информация на сайте школы.

Направление психологического сопровождения спортсменов с ДЦП в спортивной деятельности позволяет открывать широкие перспективы для личностного развития и социализации детей с ограниченными возможностями здоровья. Все это позволяет спортсменам с двигательными нарушениями достигать высоких спортивных результатов, что, в свою очередь, способствует их личностному росту и социализации, интеграции в общество.

Гиринская А.Ю., Кухтова Н. В.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБЪЕКТИВНОГО КОНТРОЛЯ И СПОСОБНОСТИ К БЕЗОШИБОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У СТУДЕНТОВ СПОРТИВНОГО ПРОФИЛЯ

Проблема изучения ошибочных действий занимает одно из центральных мест в современной когнитивной психологии (J. T. Reason, 2000, В. М. Аллахвердов, 2012 и др.). В частности, особый интерес представляют ошибки внимания в рамках объяснения причинной обусловленности соревновательной неуспешности (Е. Н. Lyndon, 2000, Д. Н. Волков, В. М. Аллахвердов и др., 2013, В. К. Сафонов, В. Ф. Сопов, 2015 и др.) [1, 2]. Существуют различного рода причины ошибочных действий: «ошибки по не вниманию», «ошибки визуализации», «последствие неосознанного негативного выбора», «установка на ошибку», «гиперкомпенсация инструкции», «концентрация внимания на фактор ситуации – «не совершить ошибку», которые носят когнитивный характер. Однако есть основания полагать, что на многие аспекты поведения человека в той или иной ситуации оказывает регулирующее влияние субъективный контроль (J. Rotter, 1966, Е. Ф. Бажин и др., 1984) [3], который представляет собой интегральный показатель самосознания, связывающий чувство готовности, активности и ответственности в двух направлениях: внешнем (экстернальном) и внутреннем (интернальном). Целью данной работы являлась проверка предположения о том, что способность к безошибочному выполнению деятельности студентов спортивного профиля взаимосвязано и частично оказывает влияние на уровень субъективного контроля в различных ситуациях (достижения, неудачи, производственные и семейные отношения, здоровье).

В исследовании приняли участие студенты-спортсмены в возрасте от 17 до 20 лет. Для оценки индивидуальных особенностей внимания испытуемых использовался тест Э. Ландольта в модификации В. Н. Сысоева [4]. Уровень субъективного контроля определялся с помощью опросника УСК (уровень субъективного контроля) Е. Ф. Бажина с соавт. [3]. Установлено, что чем выше уровень субъективного контроля (интернальный тип поведения) у студента-спортсмена над событиями и ситуациями, вызывающими положительные эмоции, тем меньше ошибок он совершает ($r = 0,378$, $p \leq 0,05$). Человек, считающий, что добился успеха благодаря себе, своим усилиям, активности более вынослив и способен к длительному поддержанию достигнутого

уровня точности в действиях без признаков утомления, снижающего безошибочность работы, в отличие от личности, приписывающей свои успехи внешним факторам (везению, другим людям). Это может быть связано с тем, что человек, который осознает значимость приложения своих усилий для достижения успешного результата, более внимателен и сконцентрирован благодаря позитивной установке. Последнее утверждение нуждается в дополнительном изучении. Полученные результаты свидетельствуют о различиях между юношами и девушками по особенностям интернальности/экстернальности в области семейных отношений. Юноши чаще считают себя ответственными за события, происходящие в их семейной жизни, чем девушки, которые чаще считают партнеров ответственными за происходящие ситуации. Различие является статистически значимым по критерию U Манна–Уитни на уровне значимости $p = 0,051$.

Таким образом, для повышения уровня точности и выносливости у студентов спортивного профиля, с точки зрения поддержания безошибочной деятельности, следует чаще ориентироваться на интернальный локус контроля и в ситуации достижения, и в ситуации неудачи. Рациональная установка позволит раскрыть и эффективнее использовать потенциальные способности.

Литература:

1. Волков, Д.Н. Коррекция когнитивных ошибок у спортсменов высокой квалификации / Д.Н. Волков, В.М. Аллахвердов и др. // Спортивный психолог. – 2013. – № 1 (28). – С. 32-38.
2. Сафонов, В.К. Ошибки внимания или особенности концентрации внимания / В.К. Сафонов, В.Ф. Сопов, С.А. Мирошников // Спортивный психолог. – 2015. – № 3 (38). – С. 21-26.
3. Реан, А.А. Практическая психодиагностика личности / А.А. Реан. – СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2001. – 224 с.
4. Сысоев, В.Н. Тест Э. Ландольта. Диагностика работоспособности / В.Н. Сысоев. – СПб.: ИМАТОН, 2000. – 32 с.

Дамадаева А.С.

КОНЦЕПЦИЯ ГЕНДЕРНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ СПОРТСМЕНА

Введение: зная особенности формирования гендерных характеристик личности в спорте, возможно целенаправленное управление этим процессом, а также особенностями психопрофилактической и коррекционной деятельности, направленной на устранение или компенсацию гендерных нарушений личности, связанных с фактором занятий спортивной деятельностью.

Цель исследования – эмпирическое изучение гендерных аспектов развития личности спортсмена, факторов и их роли в спортивной деятельности для разработки модели гендерного развития личности спортсмена.

Методы исследования - диагностические (методики диагностики свойств нервной системы Я. Стреляу, свойств темперамента Э. Бренгельман – Л. Бренгельман, многофакторного исследования личности Р. Кетелла, психологического пола С. Бем и А. Пиз – Б. Пиз; авторские методики изучения гендерной идентичности и гендерной роли; анкетирование (анкета гендерных стереотипов Н.С. Цикуновой; авторская анкета для изучения гендерных стереотипов относительно личности и деятельности спортсменов разного пола; авторская анкета для изучения социальной адаптации спортсменов, представляющая собой модификацию методики социальной фрустрированности Л.И. Вассермана).

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Результаты исследования - было проведено эмпирическое исследование. Установлено, что спортсмены обоего пола, в отличие от не спортсменов, характеризуются унификацией характеристик личности, идущей в разрез с традиционно протекающим процессом гендерной дифференциации личности обычных мужчин и женщин. В проведенном нами исследовании было убедительно доказано, что снижение количества психологических различий между мужчинами и женщинами происходит именно в связи с ростом стажа спортивной деятельности (причем оно не затрагивает типологических различий, что вполне закономерно), а не с возрастом спортсменов.

В ходе исследования как «общих», так и специфических гендерных характеристик личности спортсменов подтверждено маскулинизирующее влияние занятий спортом на личность спортсменов, причем обоего пола. Впервые подтверждено, что спорт накладывает весьма существенный отпечаток не только на гендер, но и на гендерную идентичность, гендерную роль и гендерные установки личности. Выявлено, что многолетние занятия спортом способствуют возникновению нарушений в сфере гендерной идентичности и гендерной роли у спортсменов.

Подтверждено, что крайне важной переменной, влияющей на процессы гендерной дифференциации, социализации и формирования как «обычных», так и гендерных характеристик личности оказывает спортивная специализация.

Выявлено, что наибольшие затруднения в плане социальной адаптации возможны у спортсменов (особенно, занимающихся маскулинными видами спорта), характеризующихся повышенной маскулинностью, недифференцированной (и даже инвертированной) гендерной идентичностью, недифференцированной (или маскулинной) гендерной ролью.

Исследование ранее не изученной проблемы гендерных стереотипов, касающихся личности спортсменов, показало, что они довольно устойчивы в массовом сознании и зависят от факторов пола (сильнее у мужчин), занятий спортом (сильнее у лиц, не связанных со спортом) и спортивной специализации (проявляются слабее в отношении лиц «своей» специализации).

Выводы: на основании полученных эмпирических данных была разработана психологическая концепция гендерного развития личности в спорте, которая включает в себя ряд элементов:

- закономерности (маскулинизация личности спортсменов обоего пола, имеющая высокое значение для достижения спортивных результатов);
- механизмы (специфика процессов гендерной дифференциации и социализации личности в спорте);
- факторы (специфика спорта как вида деятельности, спортивная специализация и стаж спортивной деятельности).

Основная суть данной концепции заключается в маскулинизирующем влиянии спорта на личность спортсменов обоего пола.

Ивашко С.Г.

ВЗАИМОСВЯЗЬ АГРЕССИВНОСТИ И УСПЕШНОСТИ СОРЕВНОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЕДИНОБОРСТВАХ

В современном мире единоборств подготовка спортсменов органически сочетается с их воспитанием, учитывая особенности этих видов спорта, связанные с проявлением выраженной агрессивности, вероятностью травмирования соперника, возможностью самому получить травму, с соответствующими реакциями возмездия. В.К. Сафонов (2003), С.Е. Татаржицкий (2003), А.Н. Романин (1986), В.М. Бызова (2000), Ю.В. Краев (1998), А.Ф. Шестак (2003), Т.В. Хромина (2001), И.А. Юров (2006), И.И. Сулейманов (2003) рассматривают проблему

агрессивности в спорте, обосновывая различные подходы к рассмотрению агрессивности и ее влиянию на успешность спортивной деятельности. Однако актуальным является вопрос об однозначности или множественности влияния этого качества личности на успешность соревновательной деятельности.

С целью выявления степени и форм проявления агрессивности спортсменов и взаимосвязи этих показателей с успешностью соревновательной деятельности было проведено исследование с участием 110 спортсменов, занимающихся различными видами спортивных единоборств. Использовались опросник агрессивности А. Ассингера, опросник агрессивности А. Басса и А. Дарки. Наиболее высокий показатель индекса агрессивности зафиксирован у представителей рукопашного боя ($19,50 \pm 0,97$, при $P < 0,05$) и тайского бокса ($19,16 \pm 0,81$, при $P < 0,05$), наименьший – у представителей каратэ ($15,87 \pm 0,75$, при $P < 0,05$). Такие различия могут быть обусловлены спецификой видов единоборств: рукопашный бой и тайский бокс характеризуются жестким физическим контактом спортсменов, где они демонстрируют широкий арсенал технических приемов, проявляя при их исполнении определенный уровень агрессивности. Каратэ как вид единоборств имеет много разновидностей, включая и такие виды, где спортсменами демонстрируются бесконтактные приемы, для проявления которых непосредственное проявление агрессивности не существенно. Индекс враждебности у представителей различных видов единоборств выражен приблизительно одинаково, значимых различий не выявлено ($P > 0,05$). Наиболее высокая степень агрессивности была отмечена у представителей рукопашного боя ($41,17 \pm 0,72$, при $P < 0,05$) и тайландского бокса ($41,00 \pm 0,29$, при $P < 0,05$), что, однако, не свидетельствует о каких-либо отклонениях, а также может быть обусловлено спецификой этих видов единоборств: наиболее широким арсеналом технических контактных приемов (ударов ногами и руками в различные точки), более агрессивной манерой поединков.

Была установлена взаимосвязь между успешностью и степенью и формами проявления агрессивности представителями различных видов единоборств с помощью корреляционного анализа. В ходе проведенного корреляционного анализа выявлена статистически достоверная прямая корреляционная связь между показателем степени агрессивности спортсменов-единоборцев и их успешностью ($r = 0,33$); спортсмены-единоборцы, которые обладают умеренной степенью агрессивности, наиболее успешны в соревнованиях, однако, она находится в пределах установленных норм. Обнаружена статистически значимая прямая корреляционная связь между показателем успешности и возрастом спортсменов-единоборцев ($r = 0,37$); в единоборствах наибольший успех к спортсменам приходит по мере их взросления – повышается уровень квалификации и результативности.

Таким образом, важным аспектом является направленность агрессивности преимущественно на нормативность или на деструктивные проявления, а также в экстернатальном (вовне) или же в интернатальном (на себя) направлении. Предрасположенность спортсменов к агрессивным действиям преимущественно индивидуальна, поэтому управление агрессивностью представляется одной из важных задач психологической подготовки спортсменов.

Ильина Н.Л.

РЕАЛИЗАЦИЯ СПОРТСМЕНОМ ДВОЙНОЙ (ПАРАЛЛЕЛЬНОЙ) КАРЬЕРЫ

Высококвалифицированные спортсмены часто сталкиваются с трудностями одновременной (параллельной) реализации спортивной карьеры и образования или работы. Стоящая перед спортсменами цель – достижение успеха на самом высоком спортивном уровне, требует интенсивной подготовки и участия в соревнованиях, что нередко осуществляется в другом

городе или в другой стране. В итоге, спортсмен вынужден выбирать, какой профессиональной деятельности отдать предпочтение.

На сегодняшний день, в европейских странах специалисты в области психологии спорта изучают вопрос, как избежать ситуаций, когда талантливые и элитные спортсмены вынуждены выбирать между образованием и спортом или работой и спортом. Активно разрабатываются механизмы «двойной карьеры» для спортсменов высокого класса, способствующие быстрой адаптации к новой карьере после того, как закончена спортивная, а также защищать и сохранять положение спортсменов в обществе [1].

Несомненно, существуют различия в реализации спортивной карьеры в зависимости от культурных, экономических и других особенностей той страны, в которой спортсмен осуществляет подготовку [2]. На сегодняшний день, исследований в области практики двойной карьеры у российских спортсменов не проводилось.

В нашем исследовании предпринята попытка выяснить, в каком объеме и в какой форме российские спортсмены совмещают спортивную карьеру и другие виды карьеры, как это отражается на спортивной успешности. В исследовании приняли участие 126 спортсменов высокого класса (мастера спорта и мастера спорта международного класса), все мужчины в возрасте от 20 до 28 лет, представители индивидуальных видов спорта (лыжные гонки, легкая атлетика, фехтование, борьба, гребля). Для анализа спортивной карьеры была использована часть опросника Н.Б. Стамбуловой «The Dual Career Survey» (DCS).

Выяснилось, что двойную (параллельную) карьеру ведут 109 спортсменов (87%), все из них совмещают тренировки с обучением в различных учебных заведениях. Спортсменов, совмещающих спорт с профессиональной деятельностью (работой) в выборке не оказалось. Большинство спортсменов, имеющих двойную карьеру (77%), отметили, что совмещать обучение и спорт им достаточно сложно, постоянно возникает ощущение «неделанности» той или другой деятельности, что повышает тревожность и нервно-психическое напряжение. Эти данные в целом схожи с особенностями реализации двойной карьеры у зарубежных спортсменов [3]. Вторя, малочисленная группа спортсменов – 17 человек (13%), в настоящий момент реализуют только спортивную карьеру. Они отметили, что испытывают некоторое беспокойство по поводу того, что занимаются только спортом, ощущают давление разной степени выраженности со стороны родителей или своего окружения и имеют планы включить в свою жизнь параллельную деятельность, но не на данном этапе.

Наши зарубежные коллеги [1,2,3] говорят, что реализация эффективных моделей параллельных карьер должна приносить спортсмену рост успешности в спортивной деятельности, по сравнению со спортсменами, не имеющими в своей жизни ничего, кроме занятий спортом. Но в нашем исследовании обнаружился тот факт, что наиболее успешными (достоверно выше уровень спортивных достижений за последний год) оказались спортсмены, не имеющие параллельной деятельности.

Зарубежные спортсмены вынуждены практиковать двойную карьеру, а возможность тренироваться, не имея принадлежности к какому-либо учебному заведению или не имея работы, это особенность российского спорта [2]. Возможно, поэтому исследования в данной области пока не приобрели популярность в России.

Литература:

1. Ryba, T. V., et al. (2014) Dual career pathways of transnational athletes, *Psychology of Sport and Exercise*, 06.002, 1-10
2. Stambulova N.B., Ryba T.V. *Athletes' careers across cultures*. London and New York.: Routledge, 2013. – 266 p.
3. Stambulova N.B.& Ryba T.V.(2014) A critical review of career research and assistance through the cultural lens: towards cultural praxis of athletes' careers, *International Review of Sport and Exercise Psychology*, 7:1, 1-17.

Исраилова З.К., Огородова Т.В.

СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ СПОРТСМЕНОВ ВОЛЕЙБОЛИСТОВ ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА

Спортивная деятельность, сопровождающаяся постоянными стрессогенными нагрузками, предъявляет особые требования к физиологии и психике спортсменов. Вопрос о свойствах личности, которые обеспечивают противодействие стрессорам в спорте, был и продолжает оставаться в центре внимания исследователей и практиков. Целью нашей работы было исследование стрессоустойчивости спортсменов волейболистов подросткового возраста, а также выявление взаимосвязей между показателями волевых качеств спортсменов и показателями стрессоустойчивости.

Диагностический аппарат исследования включал опросник «Стрессоустойчивость спортсменов-подростков» П.Вахрамеев, Т.Огородова, опросник «Волевые качества личности» М. Чумакова. Обработка эмпирических данных проводилась с использованием критерия U–Манна-Уитни и коэффициента ранговой корреляции г–Спирмена.

В исследовании приняли участие юные волейболисты (12-17 лет) учащиеся ДЮСШ №1 г. Ростов Великий: 20 девочек, 19 мальчиков - всего 39 человек.

Результаты исследования: выявлены значимые половые различия стрессоустойчивости спортсменов-подростков по всем показателям. Показатель «стрессоустойчивость бытовая» выше у девочек ($U=99,5$; $p=0,01$). Два других показателя «личностная» и «спортивная» стрессоустойчивость выше у мальчиков. Общий показатель стрессоустойчивости выше у мальчиков ($U=95$; $p=0,007$). Следовательно, в подростковом возрасте мальчики более устойчивы к стрессу.

Анализ выраженности волевых качеств личности спортсменов-подростков показал превосходство девочек в проявлении таких качеств как внимательность ($U=95,5$ $p=0,007$), энергичность ($U=64$ $p=0,001$), настойчивость ($U=44$ $p=0,001$), решительность ($U=82$ $p=0,002$) и инициативность ($U=23$ $p=0,001$).

Установленные в исследовании взаимосвязи стрессоустойчивости и волевых качеств спортсменов-подростков, на наш взгляд, являются важными в практическом плане развития стрессоустойчивости и волевых качеств спортсменов-подростков не только применительно к волейболу, но и к другим видам спорта.

Связь целеустремленности и личностной стрессоустойчивости ($r=-0,343$ $p=0,033$). Подростки с высоким показателем целеустремленности стремятся по максимуму планировать свое время и заранее знать ход своих действий, поэтому им зачастую бывает сложно в жизненных ситуациях, когда нет объективной возможности реализации целей. Следовательно, они более подвержены тревоге.

Связь внимательности и спортивной стрессоустойчивости ($r=-0,467$, $p=0,003$). Высокий показатель внимательности может вызвать повышенную суетливость, тревожность. В игровой ситуации такой спортсмен видит недостатки не только соперника, но и свои, своей команды, что приводит к волнению, вызывает фрустрацию.

Связь энергичности и спортивной стрессоустойчивости ($r=-0,340$ $p=0,034$). Во время тренировочного процесса или в игровой ситуации повышенная энергичность, часто суетливость, ведет к повышению напряжения организма, нередко к эмоциональным срывам. Необходимо отметить, что активность и энергичность - важные качества для спортсмена, но, когда имеет место сверхактивность, это становится препятствующим фактором, приводит к снижению стрессоустойчивости.

Связь инициативности и личностной стрессоустойчивости ($r = -0,484$ $p = 0,002$). Инициативные ребята берут на себя много ответственности, примером могут послужить капитаны в командах, им приходится держать под контролем многое и отвечать не только за себя, отсюда повышенная личностная тревожность.

Данные, полученные в исследовании, позволяют говорить о значимых различиях взаимосвязей стрессоустойчивости и волевых качеств у мальчиков и девочек. Таким образом, тренер в работе со спортсменами должен учитывать половые различия стрессоустойчивости и развития волевых качеств спортсменов-подростков (мальчиков и девочек) при планировании индивидуальной и командной работы.

** Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (Проект № 16-06-00196а).*

Климанова Н.Г., Климанова А.В.

УПРАВЛЕНИЕ МОТИВАЦИЕЙ СПОРТСМЕНОВ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ КОМАНДЫ

На сегодняшний день вопросы мотивации рассматриваются в рамках теоретических и практических направлений. Данными исследованиями занимались такие известные зарубежные исследователи, как Ф. Тейлор, Г. Эмерсон, А. Файоль, Э. Мэйо, А. Маслоу и др.

В нашей стране психологии спорта посвящены исследования следующих авторов: Е.П. Ильин, О. В. Дашкевич, Е. А. Калинин, Р. А. Пилоян, В. М. Писаренко, А. В. Родионов, О. А. Сиротин, В. А. Толочек, И. П. Волков, Г. Д. Горбунов, Т. Т. Джамгаров, Р. М. Загайнов, Ю. Я. Киселев, В. Л. Марищук, А. Н. Николаев, В. К. Сафонов, Б. Н. Смирнов, Н. Б. Стамбулова, Е. Н. Сурков и многие др.

Современный командный спорт высоких достижений имеет такие масштабы, что использовать стратегии и тактики игры недостаточно, необходимо применять более «тонкие» методы, а именно умение управлять психологией, мотивацией, потенциалом спортсменов. Зная мотивацию игроков, их индивидуальные личностные особенности, тренер может эффективно использовать психологические методы для получения лучших результатов. Применяя психологические приемы, такие как управление, влияние, столкновение, мотивирование, наказание, поощрение, тренер сможет более эффективно использовать игроков и, соответственно, достигать побед. Тренеру необходимо распределять роли при отборе игроков таким образом, чтобы в нужный момент выставлять именно того игрока, который принесет результат в актуальный момент времени. Тренер должен иметь навыки управления командой, учитывая личностные особенности игроков, используя знания об их физических возможностях, понимая, что существуют игроки-исполнители и игроки-лидеры, способные сделать необходимый результат и повести за собой. Т. о., такое распределение игроков обеспечивает победный результат команде.

Зная индивидуально-личностные особенности и мотивацию игроков, тренер может эффективно управлять спортсменами, зная их слабые места, надавив на которые тренер может получить результат, осуществляется это путем поощрения или наказания. В исследовании основной целью было определение мотивации спортсменов, на основании составления индивидуального мотивационно-личностного профиля каждого игрока, выявления преобладающих мотивов и особенностей личности, зон ближайшего развития, выработки рекомендаций по эффективной расстановке игроков с учетом психологических особенностей и мотивации каждого, для эффективности командной игры.

В исследовании принимали участие спортсмены-ватерполисты.

В качестве методов исследования использовались: тест «Формирование положительной групповой мотивации» В.А. Розанова, тест «Социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере» О.Ф. Потемкиной, тест «Определение мотивации в работе».

В результате сделаны следующие выводы и рекомендации:

1. При формировании системы мотивации учитывать преобладающие мотивы каждого спортсмена. Для каждого спортсмена на основе проведенной диагностики и интервью разработаны мотивационно-личностные профили, которые необходимо учитывать при разработке системы мотивирования.

2. Выявлены преобладающие мотивы и особенности личности, слабые и сильные стороны, зоны ближайшего развития и потребности в изменениях у каждого спортсмена. Требуется обучение тренерского состава, игроков команды, перестановка спортсменов и подбор новых игроков.

3. Тренеру необходимо демонстрировать и декларировать свою заинтересованность и драйв.

Ключевой фактор эффективной мотивации – личная заинтересованность тренера и его способность своим примером «зажечь» команду. Спортсмены команды дали положительную оценку личностных качеств тренера, при этом в ситуации снижения внутренней мотивации игроков тренеру очень важно проявлять драйв и вдохновлять команду. Всей команде продумать и разработать миссию команды, которая бы вдохновляла.

Мотивирующим и объединяющим фактором для спортсменов команды являются внутри командные ценности, история, традиции, идеи, миссия.

Корниенко Д.С., Фоминых А.Я.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОБЩЕЙ И СПОРТИВНОЙ САМОЭФФЕКТИВНОСТИ: ГРУППОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В СВЯЗИ С ВИДОМ СПОРТА

Исследования понятия «самоэффективность» в рамках спортивной психологии являются важным как с точки зрения повышения качества подготовки и конкурентоспособности спортсмена, так и для формирования у спортсменов способности адекватно оценивать себя, свои результаты. Термин «самоэффективность» разрабатывался А. Бандурой и определяется как представления человека о собственных возможностях и уверенность в способности достигать целей в различных сферах деятельности [2].

На основе анализа работ, посвященных самоэффективности [например, 3] можно утверждать, что в спортивной деятельности восприятие собственной эффективности является важным фактором производительности и успешности спортсмена.

Прикладные исследования самоэффективности имеют важное значение для спортсменов и тренеров. Основываясь на знаниях о представлении о собственных умениях и навыков, тренер способен развить в своих подопечных нужные характеристики, применимые в конкретных видах спорта. Исходя из имеющихся теоретических и эмпирических предпосылок, нами было организовано исследование, направленное на изучение взаимосвязей общей, социальной и спортивной самоэффективности в разных видах спорта.

Выборка: спортсмены индивидуального вида спорта — борцы самбо (20 чел.), и командного спорта — игроки в европейский футбол (22 чел., юноши) и американский футбол (18 чел., девушки), всего 60 человек. Возраст от 14 до 22 лет. Средний стаж занятий спортом - 6,5 лет.

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Методики: «Шкала самооффективности» [4], показатели Общей и Социальной самооффективности. «Шкала самооффективности в отношении регулярных тренировок» [2], показатель Самооффективность в спортивной деятельности.

Использовались непараметрические анализы: корреляционный анализ Спирмена и сравнительный тест Манна-Уитни.

Результаты. Представители индивидуального вида спорта по сравнению со спортсменами командных видов спорта показывают более высокие значения по всем показателям самооффективности, но значимые различия не обнаружены.

В группе спортсменов индивидуального вида спорта обнаружена взаимосвязь Социальной самооффективности со Спортивной самооффективностью ($r=,60$; $p<,001$). Группа спортсменов командного вида спорта отличается взаимосвязями Общей самооффективности со Спортивной ($r=,58$; $p<,001$) и Социальной самооффективностью ($r=,38$; $p<,05$).

Взаимосвязи показателей в группе спортсменов индивидуальных видов спорта могут объясняться непосредственным контактом с соперником и вступлением в противоборство. Обращаясь к исследованиям социальной самооффективности можно констатировать факт о том, что люди, имеющие и оценивающие свой коммуникативный опыт как положительный, имеют внутренний локус контроля [4]. У представителей командного вида спорта самооффективность может выступать как обобщенная характеристика, отражающаяся на различных сторонах жизни, что подтверждается рядом не связанных со спортом исследований [5].

Проведенное исследование позволяет сделать следующий вывод. Взаимосвязи показателей самооффективности различаются в зависимости от вида спорта: командного или индивидуального. Вместе с тем, представители командных видов спорта воспринимают себя как эффективных вне зависимости от сферы деятельности. Результаты исследования имеют прикладное значение для тренеров и спортивных психологов.

Литература:

1. Bandura A. Guide for constructing self-efficacy scales // Self-efficacy beliefs of adolescents. – 2006. – Т. 5. – №. 307-337.
2. Moritz, S. E. et al. The relation of self-efficacy measures to sport performance: A meta-analytic review. // Research Quarterly for Exercise and Sport – 2000 – 71 — P. 280–294.
3. Sherer M. et al. The self-efficacy scale: Construction and validation // Psychological reports. – 1982. – Т. 51. – №. 2. – С. 663-671.
4. Vecchio G.M. et al. Multi-faceted self-efficacy beliefs as predictors of life satisfaction in late adolescence // Personality and Individual Differences. — 2007. — Vol.43 (7). — P. 1807-1818.

Кузьмина Т.И, Нахпекоев Э.И.

КОМПЛЕКСНЫЙ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ МЕТОД СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДВИГАТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ В УЧЕБНО-ТРЕНИРОВОЧНЫХ ГРУППАХ (13-14 ЛЕТ) ТХЭКВОНДО ВТФ В ПРЕДСОРЕВНОВАТЕЛЬНОМ ПЕРИОДЕ ПОДГОТОВКИ

Проблематика комплексной подготовки спортсмена в предсоревновательный период, включающая в себя организационно-методическую и психокоррекционную совместную работу тренера и психолога, актуальна и в спорте высших достижений [1], и в деятельности специалистов, тренирующих кадетские и юниорские сборные команды.

В исследовании предпринята попытка разработки целостного психолого-педагогического метода совершенствования двигательных действий в предсоревновательном периоде подготовки спортсменов-тхэквондистов в связи с определением основных закономерностей формирования двигательного навыка и психологических условий его применения в системе освоения данной спортивной специализации.

Исследование проведено (2014-2016гг.) в спортивном клубе Тхэквондо ««Сонсудан»» с подростками мальчиками 13-14 лет (кадеты) 20 человек. Контрольная группа (К) 10 человек) занималась по нормативной программе двигательной подготовки. Экспериментальная группа (EXP) 10 человек) занималась с использованием комплексного психолого-педагогического метода.

На констатирующем этапе была проведена оценка состояния двигательных умений (К) и (EXP) групп. Использован психологический опрос тренеров и спортсменов (нестандартизованные самоотчеты) и 4 двигательных теста, оцениваемых пятью экспертами. (Max) оценка для спортсмена за выполнение одного теста 5 баллов от каждого эксперта. (К): $n=10$, $M(x)=57.6$, $D(x)=38.84$, $\sigma(x)=6.23$ средняя оценка=2.88. (EXP): $n=10$, $M(x)=58.4$, $D(x)=20.04$, $\sigma(x)=4.47$, средняя оценка=2.92. Не обнаружено существенных отличий в качестве выполнения двигательных элементов спортсменами контрольной и экспериментальной групп. По непараметрическим критериям ($p > 0.05$), ($\chi^2_{\text{эмп}} = 3.696$).

Формирующий этап - работа в рамках комплексного метода в группе (EXP). Организационно-методический блок: 1) изучение начального целостного упражнения (4 механизма выполнения двигательных действий; 2) изучение двигательного комплекса-7; 3) повторный метод упражнения: изучение комплекса-7 на базе 4 механизмов. 4) Работа в парах. Психологический блок: 1) Психологическая беседа с тренерами и спортсменами; 2) самопознание спортсмена (феноменологическое описание чувств, эмоций, состояний, в связи с тренировочной и соревновательной практикой и выполнением отдельных двигательных действий); 3) психокоррекция взаимодействия тренера и спортсмена в различные периоды подготовки (взаимопонимание, доверие, психологическая настройка, проработка конфликтов); 4) релаксационно-активационный этап (работа с различными состояниями (покой, активность, предстартовая лихорадка, оптимальное боевое состояние [2], интрасостояние).

На контрольном этапе проводилась оценка состояния двигательных умений после использования комплексного психолого-педагогического метода в группе (EXP) и занятий по обычной системе тренировок в группе (К). Использовались методы аналогично констатирующему этапу. (К): $n=10$, $M(x)=61.6$, $D(x)=13.24$, $\sigma(x)=3.64$, средняя оценка=3.01. (EXP): $n=10$, $M(x)=88.1$, $D(x)=15.89$, $\sigma(x)=3.99$, средняя оценка=4.04. По непараметрическим критериям ($p < 0.01$), ($\phi^*_{\text{эмп}} = 3.513$) обнаружено статистически достоверное отличие результатов, полученных спортсменами экспериментальной группы на констатирующем и контрольном этапе исследования. Также у спортсменов экспериментальной группы результаты выполнения тестовых упражнений достоверно выше, чем у спортсменов контрольной группы.

Таким образом, возможное применение и дальнейшая апробация метода в целях его развития и корректировки с учетом разных возрастных групп и уровней подготовки спортсменов может стать актуальным для более эффективной работы спортивных психологов и тренеров в повышении соревновательного результата.

Литература:

1. Платонов, В.Н. Общая теория подготовки спортсменов в олимпийском спорте: Учебник для студентов вузов физического воспитания и спорта/ В.Н. Платонов. — М: Дрофа, 1997- 584с.
2. Сопов, В.Ф. Психические состояния в напряженной профессиональной деятельности: учебное пособие / В.Ф. Сопов— М.: Академический Проект, 2005. — 128 с.

Леус Э.В., Мاستренко А.С.

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ЭКСТРЕМАЛЬНЫМИ ВИДАМИ СПОРТА

В последние десятилетия все большую популярность получают экстремальные виды спорта (ЭВС), наиболее опасные для жизни спортсменов, транслирующие желание противостоять стихии, испытать острые ощущения, перебороть страх, на пределе человеческих возможностей, отражающие значительное психическое и эмоциональное напряжение человека и высокий уровень адреналина, который выделяется у спортсмена во время занятий, с высокой степенью опасности для жизни и здоровья. Характерными признаками ЭВС являются чрезвычайность и выход за рамки нормальной жизни; ограниченность во времени; невозможность противостоять экстремальному действию; высокая степень трудности; наличие возможных и реальных негативных последствий (ущерб здоровью, лишение жизни, имущественные потери, моральный вред); множество акробатических элементов, большая скорость (высота, глубина), высокий уровень адреналина во время очередного трюка; угроза для жизни, рождающая состояние тревоги и активизирующая организм человека; отличная физическая подготовка.

В силу возрастных особенностей, у подростков наблюдается постоянная жажда ощущений, что проявляется в необходимости получения сильных впечатлений и эмоций разными способами, в том числе и через рискованные увлечения, в том числе занятия ЭВС, что способствует самоутверждению, служит доказательством внутренней силы, помогает сдерживать гнев, раздражение, радость и замешательство, помогает расходовать энергию.

Изучение акцентуаций характера подростков, занимающихся ЭВС, проводилось путем опроса через интернет; в исследовании приняло участие 47 человек (37 юношей и 10 девушек), средний возраст $15,4 \pm 1,9$ лет, которые занимаются такими видами спорта как сноубординг, паркур, рифтинг, кайтсерфинг, виндсерфинг, карате киокушинкай, роупджампинг, альпинизм, бокс. Было установлено, что 41% респондентов проявляет склонность к безудержному риску и столько же – в зависимости от ситуации, так как в условиях группы готовность к риску проявляется сильнее, чем при действиях в одиночку, и зависит от групповых ожиданий, довольно высоких в группах экстремалов; кроме того, у них зачастую выражен внутренний конфликт, также усиливающий склонность к риску; эти состояния сопровождаются высокой мотивацией достижения успеха.

Изучение акцентуаций характера позволило выявить наличие у спортсменов-экстремалов нескольких доминирующих, в частности, демонстративной, которая характеризуется повышенной способностью к вытеснению, демонстративностью поведения, подвижностью, легкостью в установлении контактов; склонностью к авантюризму, артистизму, позерству; ими движет стремление к лидерству, потребность в признании, жажда внимания к своей персоне, власти и похвалы; высокая приспособляемость к людям, эмоциональная лабильность и легкая смена настроений при отсутствии действительно глубоких чувств, склонность к интригам при внешней мягкости манеры общения; эгоцентризм, жажда восхищения, сочувствия, почитания, удивления, конкурентность и стремление к соперничеству. Гипертимная акцентуация проявляется в большой подвижности, общительности, болтливости, яркости жестов, мимики, пантомимики, чрезмерной самостоятельности, склонности к авантюризму; пристрастии к шумным компаниям; наличии хорошего настроения и самоочувствия и склонности к радостям жизни; для них характерно сочетание повышенной самооценки, веселого расположения духа, легкомысленности, поверхностности, деловитости, изобретательности, энергичности, деятельности, инициативности. Экзальтированный тип акцентуации проявляется в способности

восторгаться, восхищаться, ощущении счастья, радости, наслаждения, умении находить удивительное там, где остальные этого не замечают.

Таким образом, подростки, занимающиеся экстремальными видами спорта, имеют личностные особенности и акцентуации характера, усугубляющие возрастные особенности, которые прорабатывают накопившуюся энергию и избавляются от нее через занятия данными видами спорта, но в рамках социально-одобряемого поведения.

Маришук Л.В.

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ В СПОРТЕ (памяти В.Л. Маришука)

Ушедший в 2015 году из жизни Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, доктор философии, член 12 общественных академий, профессор Владимир Лаврентьевич Маришук известен в научной среде, прежде всего, как авиационный психолог. Из почти 700 работ В.Л. Маришука и 190 диссертаций его учеников не менее половины посвящено решению проблемы преодоления эмоциональной напряженности военнослужащих, обусловленной стрессогенными факторами профессиональной деятельности и отбору на летные специальности [4]. В.Л. Маришук широко известен как специалист именно в этой области, но не стоит забывать, что из-под его пера вышло немало работ, посвященных военной и спортивной психологии и педагогике, истории физической подготовки в вооруженных силах царской России и Советского Союза - это вторая половина. Опубликованное издательством «Просвещение» в 1984 году учебное пособие «Методики психодиагностики в спорте», тиражом 24800 экземпляров, выдержало 2 переиздания (1990, 2004). Прискорбно видеть издаваемые сегодня книжки по отбору, в которых использованы материалы пособия без упоминания его автора. Материалы его первой диссертации по истории физической подготовки войск, не защищавшейся им, легли в основу более 10 диссертаций его учеников. Проведена работа в архивах и библиотеках, охвачен огромный исторический пласт. Сосредоточившись на истории физической подготовки войск в России, В.Л. Маришук проанализировал её развитие в разное время, подчеркнув её воспитательное значение. То же можно констатировать и в отношении публикаций (учебных пособий и учебников) и защищенных под его руководством диссертаций в области военной психологии, воинского воспитания и обучения.

Анализируя исследования В.Л. Маришука и собственные исследования, мы пришли к выводу о том, что эмоциональная устойчивость как таковая, понимаемая и как резервы нервно-психической энергии, связываемой с особенностями темперамента, силой нервной системы по отношению к возбуждению и торможению, подвижности, лабильности нервных процессов, и как интегративное свойство психики, определяющее успешность осуществления деятельности в сложных условиях, и свойство равнозначное эмоциональной стабильности, устойчивости доминирующих эмоциональных состояний, оптимального уровня интенсивности эмоциональных реакций, стабильную направленность переживаний на положительное решение предстоящих задач, вряд ли существует. Если задуматься, без волевых усилий все вышесказанное, кроме темперамента, не реализуемо.

Психические процессы, взаимодействуя, влияют друг на друга (тормозят, поддерживают, усиливают, ослабляют, подавляют). Так, например, человек может волевым усилием, приемами аутогенной, идеомоторной, психомышечной тренировки изменять свое эмоциональное и даже функциональное состояние. В.Л. Маришук рассматривал не эмоциональную, а эмоционально-волевою устойчивость – ЭВУ – невозможно разделить эмоциональные и

волевые процессы при саморегуляции неблагоприятных состояний, адекватном поведении в экстремальной ситуации. Это состояние и свойство личности рассматривается как способность преодолевать состояние излишнего эмоционального возбуждения при выполнении сложной двигательной (да и любой другой, Л.В.Маришук) деятельности. Критериями ЭВУ выступают: способность управлять возникающими эмоциями при эффективном выполнении деятельности в эмоциогенной ситуации, константность психических и двигательных функций в условиях эмоциогенных воздействий, способность подавлять эмоциональные реакции, т. е. «сила воли», проявляемая в терпеливости, настойчивости, самоконтроле, выдержке (самообладании), ведущих к стабильности и эффективности деятельности. Развитые волевые и гностические качества позволяют осознать эмоциональное состояние, проконтролировать его динамику и применить необходимые методы для его регуляции. Высокая ЭВУ является качеством абсолютно необходимым спортсменам, тем более в спорте высших достижений.

Медников С.В., Ивченко Е.А., Павлова Д.Д

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ ЖЕНЩИН, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ФИТНЕСОМ

Анализ средств физической активности населения различных стран показывает, что в настоящее время занятия физическими упражнениями рассматриваются как определённый стиль жизни, имеющий здоровье в качестве важного ценностного ориентира человека. Эти занятия обусловлены разнообразными индивидуально-личностными и мотивационными предпочтениями. Поэтому нужно делать акцент не только на социальную обусловленность увлечения фитнесом, но и на мотивационно-смысловую сферу людей, занимающихся фитнесом. Цель исследования – выявить специфику мотивационно-смысловых факторов, стоящих за посещением фитнес-клуба у людей с различными личностными особенностями. Объект исследования – смысловая сфера личности у женщин, предмет – мотивационно-смысловые основания занятия фитнесом. Методы: анализ и обобщение данных литературы, опрос, методы математической статистики. Выборку составили 50 женщин в возрасте от 20 до 30 лет, занимающиеся фитнесом. Методики: 1) Изучение акцентуаций личности К. Леонгарда (модификация С. Шмишека); 2) Диагностика межличностных отношений Т. Лири; 3) «Мотивы занятия спортом» А.В. Шаболтас; 4) Ранжирование мотивационных комплексов занятия фитнесом (по данным Т.С. Лисицкой и С.И. Кувшинниковой). В результате исследования по методике «Мотивы занятия спортом» А.В. Шаболтас, были выявлены три значимых мотива: мотив социального самоутверждения, мотив физического самоутверждения и социально-эмоциональный мотив. Наиболее значимым мотивационным комплексом является комплекс «внешний вид», далее по порядку: «фитнес-здоровье», «психологический», «социальный», «познавательный» и «прикладной». Таким образом, при занятиях фитнесом для женщин важна коррекция телосложения, снижение массы тела, а также компоненты здоровья (правильная осанка, кардиотренированность, работоспособность). Менее важными оказались два фактора «познавательный» и «прикладной». Таким образом, молодые женщины при занятиях фитнесом не придают большого значения когнитивной составляющей тренировок и технике выполняемых упражнений. Наименее важным для женщин является стремление улучшить свои результаты в избранном виде физической активности. В ходе проведенного кластерного анализа были выявлены три типа испытуемых. Первый тип (52% испытуемых) – «общительный». Этот тип характеризуется высокой общительностью и подвижностью, эмоциональностью. Они в равной степени заинтересованы и в самих занятиях, и в социальных контактах в пределах фитнес-клуба. Для них важно получить не только физическое, но и эмоциональное удовлетворение от занятий.

Главным для этих женщин является не только мотивационный комплекс «внешний вид», но и психологический комплекс, связанный со снятием избыточного нервно-психического напряжения, улучшением самооценки и настроения. Таким женщинам лучше всего подойдут занятия в воде (аквафитнес), а также групповые занятия, предполагающие работу не только с телом, но и с психическим состоянием (йога, пилатес, танцевальные направления аэробики). Второй тип (28% испытуемых) – «собранный». Представители данного типа отличаются собранностью, серьёзностью, некоторой медлительностью. Они педантичны и рационалистичны. Фитнес для них - эффективное средство коррекции внешнего вида, способ укрепить и сохранить здоровье. Они открыты для общения, но оно не является основной целью посещения фитнес-клуба. Тренировка для них – это способ получения эмоционального удовольствия, социального и физического самоутверждения. Данному типу подошли бы индивидуальные тренировки с фитнес-инструктором, где все внимание будет уделяться именно запросу клиента и достижению максимального результата. Третий тип (20% испытуемых) – «холерический». Представители данного типа очень возбудимы, подвижны, эмоциональны. Они приходят в фитнес-клуб, чтобы продемонстрировать себя, свою новую спортивную обувь и одежду. Им важно видеть себя в зеркале во время тренировки, они могут быть агрессивны с теми, кто попытается занять в зале выбранное ими место. Им подойдут занятия в мини-группах с высокой силовой нагрузкой либо работой на выносливость. Проводимые для них занятия должны быть динамичны, артистичны, эмоциональны. Проведенное исследование еще раз доказывает необходимость разработки специальных программ, учитывающих мотивы и других индивидуальных особенностей занимающихся при выборе различных видов занятия фитнесом.

Милухина Е.А., Бандурка Т.Н.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЧУВСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ У СТУДЕНТОВ-СПОРТСМЕНОВ

Актуальность исследования определяется недостаточностью изучения особенностей индивидуального и группового чувственного восприятия у спортсменов, их сенсорно-перцептивной организации. Потребность в знаниях о чувственном восприятии у спортсменов объясняется необходимостью их личностного развития и совершенствования спортивного мастерства.

В основе чувственного восприятия - сенсорно перцептивная организация как «базальная» основа человека и всех структур личности. Б.Г. Ананьев, рассматривая структуру сенсорной сферы человека, включает в нее не только ощущения зрительной и слуховой модальности, но и кинестетические, тактильные, вибрационные, болевые, вкусовые, обонятельные и интероцептивные ощущения. Интеграция сенсорных модальностей является основой модальности восприятия в полимодальном восприятии у человека. Полимодальное восприятие мы рассматриваем как системную форму организации перцептивного опыта индивида, состоящую из упорядоченных интегративных структур (модальностей восприятия), которые имеют свои сложностроенные подструктуры. В полимодальном восприятии мы выделяем восемь модальностей (кинестетическая, гаптическая, висцеральная, зрительная, обонятельная, вкусовая, слуховая, восприятие людей и природы) (Т.Н.Бандурка).

Теоретико-методологической основой нашего исследования являются работы Б.Г. Ананьева, раскрывающие общие закономерности чувственного восприятия. Методологической базой нашей работы являются теоретическая модель чувственного восприятия и концепция развития полимодального восприятия Т.Н. Бандурка.

Целью данного исследования является выявление особенностей полимодального восприятия у студентов-спортсменов, занимающихся командными и индивидуальными видами спорта. Объектом исследования является полимодальное восприятие, предметом исследования – особенности полимодального восприятия у студентов-спортсменов.

В ходе исследования была применена психодиагностическая методика выявления особенностей полимодального восприятия, разработанная Т.Н. Бандурка. Также применялись методы дескриптивной статистики, критерий U Манна-Уитни и χ^2 - критерий Пирсона.

Исследование проводилось на базе сибирских вузов. В нем приняли участие 41 респондент, девушки-спортсменки в возрасте 17-22 лет.

Исследование показало, что у респондентов, которые занимаются командными видами спорта, наиболее выражены балльные значения зрительной, обонятельной и кинестетической модальностей. Респонденты, которые занимаются индивидуальными видами спорта, отдают предпочтение зрительной, обонятельной и кинестетической модальности. У респондентов командных и индивидуальных видов спорта висцеральная и слуховая модальности имеют самые низкие баллы в полимодальном восприятии.

Для сопоставления балльных значений модальностей в полимодальном восприятии у студенток-спортсменок, занимающихся командными и индивидуальными видами спорта, был использован критерий U Манна-Уитни. Указанный метод показал, что все модальности, кроме зрительной и восприятия людей и природы, у двух групп респондентов статистически не различаются. Полученные данные свидетельствуют о том, что у респондентов, занимающихся командными видами спорта, зрительная модальность и восприятие людей и природы более активны, чем у респондентов индивидуальных видов спорта ($p \leq 0,01$).

Для сопоставления групп респондентов был использован χ^2 - критерий Пирсона. Сравнительный анализ балльных значений модальностей в полимодальном восприятии показал, что расхождения между распределениями балльных значений модальностей полимодального восприятия у студенток-спортсменок, занимающихся групповыми и индивидуальными видами спорта статистически достоверны ($p < 0,01$). Указанное различие можно объяснить тем, что у данных респондентов разные стратегии тренировочного процесса. Из чего можно сделать вывод, что выборки респондентов - спортсменок, занимающихся командными и индивидуальными видами спорта, относятся к разным генеральным совокупностям, и для дальнейшего исследования мы не можем рассматривать их как единую выборку.

Москвин В.А., Москвина Н.В

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОСОБЕННОСТЕЙ ВОЛЕВОЙ РЕГУЛЯЦИИ У ЮНЫХ СПОРТСМЕНОВ

Введение. Исследование проблемы особенностей регуляторных процессов человека позволяет говорить о том, что существуют индивидуальные особенности в процессах планирования и регуляции своего поведения [2-3]. По А. Р. Лурия за функции контроля, планирования и регуляции поведения отвечает третий блок мозга, связанный с лобными отделами [1]. Учет особенностей волевой регуляции имеет большое значение в психологии при отборе и подготовке спортсменов высокой квалификации.

Цель работы: исследование психофизиологических и индивидуальных особенностей произвольной регуляции юных спортсменов. Исследовано 30 подростков 14-16 лет. 15 испытуемых было с правыми показателями пробы «перекрест рук» (ПППР), что отражает доминирование левых лобных отделов и 15 были с левыми ПППР.

Методики: личностный опросник Р. Кеттелла (подростковый вариант); опросник диагностики волевых качеств личности (ВКЛ) по М.В. Чумакову [4], показатель устойчивости выбора

цветовых стимулов по В.А.Москвину [2]. В исследовании учитывалась проба «перекрест рук», которая отражает парциальное доминирование контратеральных лобных отделов мозга.

Результаты исследования. Сравнение усредненных данных по методике ВКЛ показало, что испытуемые с правыми ПППР обнаруживают более высокие показатели по шкалам «ответственность» ($p<0,05$), «инициативность» ($p<0,05$), «энергичность» ($p<0,03$) и по шкале «целеустремленность» ($p<0,05$).

По факторам подросткового варианта опросника Р. Кеттелла были получены следующие результаты. По фактору Е («подчиненность - доминирование») более высокие значения отмечены в группе с правым ПППР ($p<0,05$), что свидетельствует о большей активности и лидерских качествах испытуемых с правыми ПППР. Значения по фактору Q2 («степень групповой зависимости») выше в группе с правыми ПППР, чем в группе с левыми ПППР ($p<0,03$). Значения по фактору Q3 («степень самоконтроля») выше в группе с правыми ПППР, чем в группе с левыми ПППР ($p<0,03$). По другим шкалам значимых различий выявлено не было.

Испытуемые с правыми ПППР обнаружили более высокие показатели в восьмицветовом варианте теста Люшера по показателю устойчивости выбора (70,4 б. и 62,7 б., $p<0,04$).

Обсуждение результатов. В результате анализа полученных данных было выяснено, что подростки с доминирующим правым локтем, по данным методики ВКЛ М.В. Чумакова, обнаруживают более высокие показатели по шкалам «ответственность», «инициативность», «энергичность» и «целеустремленность». Они чаще проявляют такие качества как активность, самостоятельность, проявляют более высокий уровень самоконтроля по данным теста Р. Кеттелла. Показатель устойчивости выбора выше у молодых спортсменов с доминированием левых лобных отделов, что также говорит о большей устойчивости принятых планов поведения. Это позволяет говорить о наличии индивидуальных особенностей произвольной регуляции молодых спортсменов с разными признаками асимметрий.

Выводы. Полученные результаты могут быть полезны для развития спортивной психофизиологии, они могут быть использованы для диагностики индивидуальных особенностей волевой регуляции в спортивной психологии [2-3].

Литература

1. Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга (3-е изд.). - М.: Академический Проект, 2000. - 512 с.
2. Москвин В.А., Москвина Н.В. Межполушарные асимметрии и индивидуальные различия человека. - М.: Смысл, 2011. - 367 с.
3. Москвин В.А., Москвина Н.В. Психофизиология индивидуальных различий в спорте. - М.: НИИ спорта РГУФКСМиТ, 2013. - 128 с.
4. Чумаков М.В. Диагностика волевых особенностей личности / М.В. Чумаков // Вопр. психологии. - 2006. - № 1. - С. 169-178.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 16-06-50146-а (ф)*

Родыгина Ю.К., Сибирев В.В.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ В ПОДГОТОВКЕ ДЕВУШЕК – ХОККЕИСТОК

Для оценки механизмов формирования функционального состояния спортсмена необходимо рассмотрение комплекса психофизиологических характеристик [1,3] Специфика

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

игровых видов спорта предъявляет высокие требования к индивидуальным психофизиологическим особенностям спортсменов, таким как психомоторная сложность данной спортивной деятельности, и обуславливает специфический комплекс нейродинамических показателей, проявляющихся в психических процессах и личностных особенностях.

Целью исследования явилось выявление психофизиологических параметров девушек-хоккеисток, сравнительный анализ данных характеристик с параметрами юношей-хоккеистов для разработки дифференцированных рекомендаций по управлению тренировочным процессом в женском хоккее

Материалы и методы исследования. Выборка исследования: девушки-хоккеистки - 17 человек, средний возраст $12,64 \pm 0,77$; средний стаж занятия хоккеем - $2,5 \pm 0,23$ года; юноши-хоккеисты - 12 человек, средний возраст $9,79 \pm 0,23$; средний стаж занятия хоккеем - $3,5 \pm 0,35$ года. Были использованы следующие тесты комплекса компьютерной программы «Эффектон студио»: для определения точности реакции на движущийся объект (РДО) тест «Каскадер»; для выявления силы-слабости нервной системы (НС) и динамики работоспособности - теппинг-тест («Дятел»); для оценки уровня развития внимания - определение объема внимания («Разведчик»); для оценки уровня развития памяти - определение объема образной памяти.

Результаты и их обсуждение. При сравнительном рассмотрении показателей точности РДО наблюдался более стабильный результат в реакциях на движущийся стимул в группе юношей, занимающихся хоккеем, по сравнению с группой девушек. В обеих исследованных группах наблюдалось преобладание торможения нервных процессов, т.к. имело место превалирование числа запаздывающих реакций, при этом в группе девочек этот параметр проявлялся гораздо ярче ($p \leq 0,05$).

При рассмотрении показателей динамики работоспособности, позволяющей судить о лабильности нервной системы и, в свою очередь, об устойчивости юных спортсменов к монотонной физической деятельности, можно отметить возможность девушек-хоккеисток в лучшей степени адаптироваться к монотонии.

По типу нервной системы (НС) обе изучаемые группы, занимающиеся хоккеем, обладали в основном слабой нервной системой. Тип НС в совокупности с анатомо-физиологическими характеристиками спортсмена определяет индивидуальный стиль решения основной двигательной задачи и предрасположенность к определенным психическим состояниям [1,2]. Анализ особенностей когнитивной сферы девочек и мальчиков, занимающихся хоккеем, выявил нормативный уровень развития памяти и внимания. При этом более развитый показатель объема внимания у выявлен у девушек-хоккеисток ($p \leq 0,01$). Показатель образной памяти девушек выше, чем у юношей, только на уровне тенденции.

Таким образом, выраженность и учет психофизиологических особенностей спортсменов-хоккеистов в условиях становления спортивной карьеры влияют на формирование двигательных качеств, выработку своего собственного стиля деятельности и предрасположенность к тем или иным психическим состояниям.

Литература:

1. Ильин, Е. П. Психофизиология состояний человека / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2005. – 415 с.
2. Пуни, А.Ц. Психологическая подготовка к соревнованию в спорте / А.Ц. Пуни. – Москва : Физкультура и спорт, 1969. – 88 с.;
3. Таймазов, В. А. Психофизиологическое состояние спортсмена (методы оценки и коррекции) / В. А. Таймазов, Я. В. Голуб. – СПб.: Изд-во «Олимп СПб», 2004. – 400 с.

Тиунова О.В.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СПОРТИВНОЙ ПОДГОТОВКИ: СОДЕРЖАНИЕ И ПРИНЦИПЫ РЕАЛИЗАЦИИ

В данном материале кратко представлена система психолого-педагогического обеспечения спортивной подготовки, апробированная сотрудниками Лаборатории физической культуры и практической психологии в течение 16 лет. Она основана на результатах опросов спортсменов высокой квалификации, в т.ч. членов сборных команд России, и предусматривает следующие формы работы спортивного психолога:

1. Проведение психодиагностики и подготовка объективной информации об особенностях личности и внутренних «ресурсах» человека;
2. Консультирование:
 - по вопросам спортивной психологии,
 - по широкому кругу житейских, общечеловеческих и др. не спортивных вопросов.
3. Подбор тематической информации по значимым для спортсмена вопросам спортивной психологии, самоподготовки, самосовершенствования и внутреннего развития;
4. Разработка индивидуальных программ:
 - психологической подготовки к ответственным соревнованиям,
 - коррекции неблагоприятных состояний.
5. Индивидуальные психологические тренинги: обучение приемам саморегуляции, концентрации, мобилизации и др., в том числе - с использованием специальных компьютерных программ биоуправления;
6. Проведение мониторинга психофизического состояния спортсмена и коррекция состояния;
7. Оказание экстренной психологической помощи:
 - срочный вызов на сбор,
 - по мобильному телефону Call-центр,
 - по e-mail.
8. Решение конфликтных ситуаций, возникающих на уровне:
 - «спортсмен-спортсмен»,
 - «спортсмен-команда»,
 - «спортсмен-тренер».
9. На соревновательном этапе:
 - «предстартовая» психологическая подготовка,
 - психологическая поддержка во время проведения соревнований,
 - совместный со спортсменом и тренером анализ полученного опыта побед и поражений после соревнований.
10. Прогнозирование спортивного результата на основе анализа ретроспективы индивидуальных рекордов.

Групповая форма работы с командой предусматривает проведение бесед по темам, интересующим команду, а также обучение приемам саморегуляции, концентрации, мобилизации и др.

Дополнительного внимания требует разработка дополнительных индивидуализированных программ психологической подготовки для спортсменов, получивших травму, а также социальная адаптация спортсменов после завершения спортивной карьеры. Это направление работы может включать подготовку программного обеспечения для самообразования спор-

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

тсмена в условиях спортивных сборов, профориентационное тестирование, а также организацию условий для освоения опытными спортсменами, заканчивающими спортивную карьеру, профессии спортивного психолога.

Важно отметить, что современные информационные технологии и средства мобильной связи дают возможность спортивным психологам использовать не только очные, но и заочные формы работы с командами и отдельными спортсменами.

Все перечисленные формы работы с командой могут быть реализованы в любом объеме и сочетании, в зависимости от задач спортивной подготовки, а также результата предварительного анонимного опроса спортсменов и тренерского состава.

Особо следует подчеркнуть, что деятельность спортивного психолога в команде окажется востребованной и эффективной, если «технология» его работы будет соответствовать ряду требований. Она должна быть:

- обоснованной и апробированной;
- комплексной;
- относительно универсальной (модульной);
- алгоритмизированной (гибкой);
- логичной и понятной спортсменам, тренерскому составу;
- доступной для контроля.

Тихонина В.С., Огородова Т.В.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СВОЙСТВ ВНИМАНИЯ В СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Внимательность формируется и развивается только в процессе деятельности. Систематические занятия спортом способствуют развитию и совершенствованию важнейших психических процессов человека, в том числе и внимания. Причем разные виды спорта предъявляют различные требования к этому процессу, развивают те или иные свойства внимания [1].

Концентрация внимания позволяет игроку сосредотачиваться на релевантных аспектах, отключаться от посторонних раздражителей. Проблемы с концентрацией могут приводить к многочисленным ошибкам и, соответственно, повлиять на исход матча.

В игровых видах спорта спортсмен должен не только концентрироваться на выполнении своих действий, но и уметь воспринимать несколько объектов, «видеть поле». Эта способность определяется объемом внимания, позволяет спортсмену быстро и правильно организовывать, и выполнить необходимые действия.

Цель работы: изучить особенности развития свойств внимания футболистов и хоккеистов.

В исследовании приняли участие обучающиеся ЦПОУФ ФК Шинник 1998-2003 г.р. Ярославль, юные хоккеисты ХК Локомотив г. Ярославль 2000 и 2003 годов, обучающиеся СОШ № 43 г. Ярославль. Всего 343 человек (191 спортсмен, 152 школьников).

В эмпирическом исследовании использовались: тест Бурдона для оценки концентрации внимания, тест «Запомни и расставь точки» для диагностики объема внимания. Определение достоверности различий проводилось по U-критерию Манна-Уитни.

Результаты. Определение различий концентрации и объема внимания у спортсменов и школьников, не занимающихся спортом.

Футболисты 17 лет имеют значимые различия по показателям ошибок в 1, 3 части и в суммарном показателе корректурной пробы. Таким образом, спортсмены, по сравнению со

ПСИХОЛОГИЯ СПОРТА

школьниками, допускают меньше ошибок в начале, мобилизуются к концу и соответственно в итоге показывают результат лучше.

Футболисты 16 лет, по сравнению со сверстниками, которые не занимаются спортом, допустили меньше ошибок в начале корректурной пробы, успели просмотреть больший объем информации, но в сумме ошибок значимых различий не выявлено. Таким образом, можно отметить преимущество спортсменов на этапе вхождения в деятельность и скорости работы с информацией.

У команды хоккеистов 16 лет выявлены значимые различия только по показателям объема внимания. Поэтому можно сказать, что специфика спорта, система тренировок в данной команде не способствует развитию концентрации внимания, но развивает объем.

Футболисты 15 лет значительно превосходят школьников этого же возраста по всем показателям. Ранее мы отмечали, что эта команда по своим результатам превосходит футболистов на 1 год старше. Таким образом, мы можем сказать о том, что развитие обусловлено тренировочным процессом, который практикуется в данной команде.

Выявлены значимые различия между школьниками и футболистами 14 лет по всем показателям концентрации внимания. Спортсмены допустили меньше ошибок, просмотрели больший объем информации и, соответственно, показали более высокий уровень концентрации.

У спортсменов-футболистов 13 лет выявлены значимые по всем показателям концентрации внимания, что показывает положительное влияние системы тренировок на развитие данного свойства.

У команды хоккеистов 13 лет выявлены значимые различия по показателям объема внимания.

Таким образом, спортсмены показали более высокие результаты развития свойств внимания по сравнению со школьниками, что, на наш взгляд, можно объяснить влиянием спортивной деятельности. При этом команды имеют свои особенности в развитии внимания, которые обусловлены спецификой тренировочного процесса. Но, в то же время, тренеры, отмечают, что проблемы внимания серьезно влияют на результативность тренировок и итоговый счет в матче. А, следовательно, требования к развитию внимания в спорте, значительно выше, чем в повседневной или учебной деятельности.

Литература:

Рудик П. А. Психология. Учебник для институтов физической культуры. Издание 2-е испр. и доп. – М. :ФиС, 1964 – 462с

** Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-06-10823а)*

Уляева Л.Г.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРОЦЕССА САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В СПОРТЕ - ОСНОВНАЯ ФОРМА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПОРТИВНОГО ПСИХОЛОГА

Психологическое сопровождение процесса самореализации личности в спорте как основная форма деятельности спортивного психолога – это совокупность мероприятий для повышения эффективности всех видов подготовки спортсмена и, прежде всего, обеспечения психической готовности к выступлению, создание предпосылок к продолжительной спортивной карьере и стабильной демонстрации высоких результатов.

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

В психологическом сопровождении можно выделить три основных направления:

- 1) индивидуально-социальное – изучение и развитие особенностей личности, разрешение психологических проблем, связанных с адаптацией, бытом, учебой и общением;
- 2) терапевтическое – психологическая помощь при нарушении здоровья, пограничных состояниях, восстановлении после травмы или болезни;
- 3) тренировочно-соревновательное – реализация потенциала личности в процессе психологического сопровождения спортивной деятельности.

Если для реализации мероприятий первого направления могут успешно привлекаться психологи разных специализаций, то для второго и третьего нужны конкретные специалисты – психотерапевты и спортивные психологи.

В спорте профессия психолога имеет следующие особенности, которые отличают ее от других сфер психологии и видов деятельности:

- подготовка к максимальному проявлению спортсменом своих возможностей, что особенно ярко выражено в олимпийском спорте, а это предусматривает наличие нервно-психического напряжения, возможности получения травмы, перетренированности и требует активных волевых усилий.

- подготовка к экстремальным условиям соревнований уже в процессе тренировки, что обусловлено высокой конкурентностью соревновательной борьбы, а также профилактика перенапряжения, дезадаптации, проявления конфликтности, агрессивности и переноса негативных проявлений личности в повседневную жизнь спортсмена.

- оценка результата деятельности спортивного психолога по итогам конкретного соревнования, однако эффект от психологической подготовки может проявиться позже и выражаться в сформированных качествах саморегуляции, волевого самоконтроля, стрессоустойчивости и др.

- необходимость комплексного подхода при организации психологических мероприятий, так как организм спортсмена подвергается воздействию тренировочных нагрузок; активно используются физиотерапевтические процедуры и фармакология, что предусматривает владение спортивного психолога знаниями и умениями из области теории спортивной тренировки, спортивной медицины и физиологии и др.

- готовность спортивного психолога, особенно в олимпийском спорте, работать в различных условиях, вне кабинета, иногда без специальной аппаратуры и стационарного оборудования (в спортивных залах и на стадионах – на тренировках и соревнованиях, в различных климатических зонах, в гостиничных номерах – на сборах).

- использование в практической работе методик для экспресс-диагностики и срочной коррекции психического состояния спортсмена, работа по предупреждению возникновения неблагоприятных состояний в противовес ожиданию от спортсмена конкретно сформулированного запроса на психологическую помощь.

Игнорирование перечисленных особенностей приводит к неэффективности психологической подготовки. Правильная постановка задач психологической подготовки, наоборот, экономит время, средства и усилия как самого спортсмена, так и других специалистов. Вот несколько типичных задач спортивному психологу для психологического сопровождения: обучить методам психорегуляции, снизить уровень тревожности, сформировать мотивацию и оценить готовность к соревнованию, развить волю, внимание, мышление, реакции и другие психические свойства.

Готовность спортсмена к демонстрации высоких достижений является результатом многолетней и комплексной подготовки. И максимальная реализация физических, технических и тактических способностей возможна только при достаточном уровне психологической готовности. И усилия многих специалистов – тренеров, психологов, врачей, менеджеров - направлены на создание условий для самореализации личности в спорте.

Шнайдер В., Медников С.В., Самыкина Н.Ю., Ивченко Е.А.

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ФУТБОЛЬНЫХ БОЛЕЛЬЩИКОВ

Исследовательский и прикладной интерес к психологическим процессам и состояниям в спорте существует давно и продолжает набирать обороты в связи с проведением чемпионата мира по футболу 2018 года. Болельщики за короткое время испытывают широкий спектр эмоций различной интенсивности - от радости до гнева. Как показывают наши предыдущие исследования, переживание специфичных состояний и эмоций является тем, что в большей степени привлекает людей и побуждает посещать спортивные соревнования.

С целью выявления особенностей эмоциональной сферы футбольных болельщиков было проведено исследование, в котором приняли участие 100 человек возраста 20-27 лет. В зависимости от отношения к футболу испытуемые были разделены на 2 группы.

Нами проверялись 2 предположения: 1) негативные эмоции более выражены у футбольных болельщиков, чем у людей, не интересующихся футболом; 2) выраженность негативных эмоций в случаях проигрыша и выигрыша команды связана с неудовлетворенностью в некоторых сферах жизни.

В исследовании применялись следующие методики:

1. Анкетирование, направленное на сбор личной информации о респондентах.

2. Тест «Определение степени личностной идентификации».

В Модификация методики самооценки Дембо-Рубинштейн, разработанная Медниковым С.В.

3. Методика «Оценки степени удовлетворенности своей повседневной жизнью».

4. Методика «Шкала дифференциальных эмоций», модификация Ильина Е.П.

Математическая обработка данных проводилась с помощью U-критерия Манна-Уитни и коэффициента корреляции Спирмена.

В ходе исследования были выявлены особенности личностной идентификации футбольных болельщиков, свидетельствующие о том, фактор идентификации связан с ожиданием удовлетворения потребностей в положительных эмоциях, в социальных контактах. Фактически, активная поддержка команды (атрибутика, флаги, песни) является способом самовыражения в референтной группе, причем чем больше энергии и сил болельщик вложил в поддержку команды во время матча, тем ярче он будет испытывать чувство радости в случае ее выигрыша. Мы объясняем это ощущением собственной причастности к достижению успеха команды и эмоциональной индукцией со стороны футбольной субкультуры. Также было обнаружено, что исследуемые группы различаются по степени удовлетворенности такими сферами жизни как «работа», «финансы», «карьера» и «творчество».

У представителей группы «болельщиков» в повседневной жизни более выражены такие эмоции как гнев, страх, стыд и вина. У лиц, не интересующихся футболом, более выражены эмоции радости и удивления, что подтверждает большую выраженность негативных эмоций у болельщиков по сравнению с теми, кто не интересуется футболом. В группе «болельщиков» были выявлены различия между выраженностью как позитивных, так и негативных эмоций в ситуациях проигрыша и выигрыша команды. Наибольшую выраженность негативные эмоции имеют в ситуации проигрыша команды, наименьшую — в случае выигрыша.

В результате исследования была обнаружена связь между сферами жизни, в которых болельщики испытывают неудовлетворенность, и выраженностью негативных эмоций, таких как страх, гнев и т.д., в повседневной жизни, а также в случаях проигрыша и выигрыша команды, что подтверждает выдвинутое предположение.

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

По результатам работы были сформулированы следующие рекомендации:

1. Поскольку у представителей группы болельщиков эмоция радости от сопричастности к футболу связана с творческим самовыражением, то в качестве профилактики агрессивного поведения может выступать организация с болельщиками так называемые «перформансов» и флешмобов, усиливающих эффект причастности без проявления неуправляемых эмоций.

2. Проведение «вовлекающих» акций для болельщиков (знакомство с членами команды, санкционированный выход на поле, приз за совершение значимых положительных поступков и т.д.) поможет болельщикам творчески проявить себя и снизить частоту совершения противоправных действий, а также послужит положительной рекламой для самого футбольного клуба и футбольных событий в целом.

Яковлева И.В., Масиянская А.М.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ОБУЧЕНИЯ СПОРТСМЕНОВ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ВИДОВ СПОРТА

Экстремальные виды спорта, сопряженные с опасностью для жизни, становятся всё более популярными, в том числе - дайвинг (подводное плавание с аквалангом), который включён в программу олимпийских игр 2016 г. в качестве показательного вида спорта. По уровню экстрима и захватывающих дух ощущений, дайвинг сравним с парашютным и горнолыжным спортом. Неизбежные в экстремальных видах спорта стресс и панические состояния обуславливают необходимость обязательного обучения спортсменов совладанию с ними.

Целью нашего эмпирического исследования явилась разработка программы психологического сопровождения обучения дайверов. Работа проводилась на базе центра подводных исследований при СПб АУ НОЦНТ РАН в дайвинг-клубе «ТРИМИКС». В исследовании участвовали тридцать обучающихся дайвингу мужчин и женщин в возрасте 21-30 лет.

Предполагалось, что: 1) поведение дайверов во время обучения различается в зависимости от их нервно-психической устойчивости и состояния, что позволяет выделить группу риска, наиболее нуждающуюся в психологическом сопровождении; 2) психологическая работа с дайверами способствует их включенности в обучение, а также улучшает эмоциональное состояние и устойчивость к стрессу.

Для изучения поведенческих характеристик дайверов нами была разработана схема стандартизированного наблюдения, включающая регистрацию внимания, интереса и дисциплины во время обучения. Психодиагностика проводилась по методике «Прогноз-2» В.Ю.Рыбникова, методике определения доминирующего состояния Л.В.Куликова и тесту копинг-стратегий Э.Хайма. При обработке данных использовались критерии Манна-Уитни, Вилкоксона и χ^2 Пирсона.

По результатам стандартизированного наблюдения была выделена группа «риска», которая, как обнаружилось при анализе эмпирического материала, значительно отличалась от остальных по психодиагностическим данным ($p \leq 0.01$). Так спортсмены с низкими показателями нервно-психической устойчивости и эмоционального тонуса, неадаптивными стратегиями совладания со стрессом выделялись во время теоретических занятий недисциплинированностью, неустойчивым вниманием и сниженным интересом. Эта группа дайверов была разделена на контрольную и экспериментальную, с последней во время практики учебных погружений проводились психотренинговые занятия.

Психотренинговая программа включала в себя 8 встреч по 3 часа дважды в неделю и проводилась в форме занятий, обучающих саморегуляции и самоконтролю состояния через

ПСИХОЛОГИЯ СПОРТА

релаксационные и дыхательные техники, а также техники визуализации предстоящего действия и поэтапного целеполагания.

Результаты исследования показали значимую позитивную динамику как психодиагностических, так и поведенческих (наблюдаемых в процессе обучения) характеристик экспериментальной группы. После занятий по моделированию сложных ситуаций при погружении и поэтапному планированию предстоящего действия, у дайверов существенно выросли показатели нервно-психической устойчивости ($p \leq 0.01$) и стенического тонуса ($p \leq 0.05$). Более того, повысились «удовлетворенность жизнью в целом» ($p \leq 0.01$) и «положительный я-образ» ($p \leq 0.05$). На теоретических занятиях дайверы экспериментальной группы стали проявлять больше внимания и собранности ($p \leq 0.05$). Поскольку в контрольной подгруппе дайверов статистически значимых изменений не выявлено, можно отнести полученный эффект к позитивному влиянию программы психологического сопровождения. Вероятно, при продолжении психологического сопровождения обучения дайверов, изменения выявились бы и в тех показателях, которые в нашем исследовании оказались в зоне статистической незначимости, например, интерес к теоретической подготовке и копинг-стратегии.

Апробация программы психологического сопровождения обучения дайверов позволила разработать рекомендации по её совершенствованию и перспективам обеспечения безопасности жизни и здоровья как спортсменов, так и любителей экстремального отдыха.

Янова Н.Г.

ПСИХОДИАГНОСТИКА КОМАНДОФОРМИРОВАНИЯ В ИГРОВОМ СПОРТЕ

К наиболее важным психологическим проблемам игрового спорта относят вопросы отбора игроков в команду, но параметрами мониторинга при этом являются физические данные игрока и показатели эффективности ведения игры. Между тем, оценка психологической структуры личности игроков и социально-психологической структуры команды, по мнению современных теоретиков волейбола (Даг Бил и Бил Невелио, Эри Селенджер и Юп Алберда, Хулио Веласко и др.), является важной характеристикой для прогноза комбинаторики группового взаимодействия в игровом спорте. Экспериментальная постановка проблемы измерения эффектов комплиментарности и партиципации определила актуальность разработки нового инструмента исследования – тестовых экспертных систем[1], позволяющих моделировать не только результативность, но и эффективность командного состава [3].

Объект исследования - спортивная команда в игровом виде спорта.

Предмет – психотехнические задачи оптимизации командного состава на примере волейбольных команд.

Целью исследования стала технология формирования и оценки эффективности командного состава игроков с учетом их игровых амплуа по техническим, тактическим, общеигровым и психологическим квалификационным характеристикам.

Исследование направлено на решении психотехнических задач формирования оптимального состава команды с учетом оптимальных игровых амплуа.

Теоретическую основу составили теории оперативно-тактических и комбинационных задач игрового спорта, подходы к вероятностному моделированию в игровых видах спорта, работы по проблемам психологической подготовки спортсменов-волейболистов, психологические концепции командоформирования, психологические подходы к формированию команд в волейболе.

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Исследовательский дизайн включает методику формирования, оценки и оптимизации деятельности рабочих групп с инжиниринговым решением в формате тестовой экспертной системы Staff Manager [2].

Экспериментальная база: команда мужской сборной по волейболу «Университет».

Новизна: модельная методика командоформирования и ее программная реализация.

Измеряемые параметры: интегральная оценка профессионального соответствия группы под задачу (Group Rating), интегральная оценка групповой эффективности (Group Efficiency) индивидуальный профессиональный вклад (Professional Index), индивидуальный командный вклад (Group Team Index) командный вклад в задачу, порог групповой совместимости в команде (Average Compatibility Threshold), уровень совместимости игрока с группой (Compatibility Level), таблица коэффициентов совместимости игроков друг с другом, коэффициент целевого лидерства (Leadership Order). Система позволяет проводить мониторинг прогресса группы, а также сравнения эффективности групповых составов, включая оценку смоделированного варианта (Optimal Variant) и версии тренера (Custom Variant).

Результаты:

1. Интегральная вероятностная модель квалификационного соответствия игрока типам игровым амплуа по весовым коэффициентам технической, тактической, игровой и психологической подготовки спортсмена

2. Психогаммы квалификационного соответствия игровому амплуа.

3. Стационарные и динамические модели оценки результативности и эффективности игрового взаимодействия в конкретном составе.

Вывод: эффективность команды в игровом спорте повышается с учетом взаимозаменяемости игроков по игровым амплуа, учетом индивидуальных вкладов игроков в командный результат и учетом групповых, а не индивидуальных, параметров игровой психологической совместимости.

Перспективы: использование разработки в разных видах игрового спорта.

Литература:

1. Супрун А.П., Янова Н.Г., Носов К.А. Метапсихология: Релятивистская психология. Квантовая психология. Психология креативности. – Москва, URSS, 2013 -512с.
2. Янова Н.Г., Носов К.А. Компьютерные технологии командообразования: формирование, оценка и оптимизация деятельности рабочих групп // Сибирский психологический журнал. – 2004. – № 19.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ МЕНЕДЖМЕНТА

Барышева Е.В., Аверьянова О.Ю.

ПСИХОДИАГНОСТИКА ЛИЧНОСТНЫХ РЕСУРСОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ НА ПРИМЕРЕ СОТРУДНИКОВ КОМИТЕТА ПО ЭНЕРГЕТИКЕ И ИНЖЕНЕРНОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ

Государственная гражданская служба предполагает ответственность сотрудников, адаптацию к изменяющимся условиям деятельности. Сотрудникам необходим высокий уровень концентрации внимания, умение принимать быстрые и правильные решения в различных ситуациях в условиях дефицита времени, а ненормированный рабочий день не позволяет восстанавливать силы: очевидна высокая стрессогенность данной работы [3]. Для преодоления сложных и стрессовых ситуаций сотрудники неосознанно или сознательно используют личностные ресурсы, помогающие выдерживать нагрузки и сохранять оптимистичный настрой[1].

Успешность преодоления трудных ситуаций зависит от способов преодолевающего поведения, используемых человеком, и от особенностей характера, определяющих поведение в состоянии стресса[2].

Цель исследования – определение взаимосвязей личностных ресурсов государственных служащих.

Гипотеза исследования: ресурсы личности взаимосвязаны и образуют структуру, обеспечивающую психологическую устойчивость к стрессу.

База исследования – Комитет по энергетике и инженерному обеспечению. Объект исследования – государственные служащие. В исследовании приняли участие 42 сотрудника Комитета, все испытуемые – женщины в возрасте от 23 до 58 лет.

Исследование было проведено с помощью методик:

1. Опросник «Индекс жизненного стиля»: методика психологической диагностики психологических защит, базирующаяся на психоэволюционной теории Р.Плутчика и структурной теории личности Г.Келлермана;

2. Опросник «Проактивное совладающее поведение»;

3. Опросник психологической устойчивости к стрессам;

4. Методика «Шкала экзистенции», разработанная А.Лэнгле и К.Орглером — личностный опросник в рамках экзистенциально-аналитической теории В.Франкла;

5. Опросник «Уровень субъективного контроля» – экспериментально-психологическая методика, разработанная в НИИ им. Бехтерева;

6. Тест А.Эллиса;

7. Тест на жизнестойкость – адаптация опросника, разработанного С.Р.Мадди.

Для определения взаимосвязей личностных ресурсов гражданских служащих использовался статистический аппарат корреляционного анализа – коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Были проанализированы взаимосвязи следующих личностных характеристик: интернальность, стрессоустойчивость, жизнестойкость, проактивное совладающее поведение, степень напряженности защиты, экзистенциальная наполненность личности и устойчивость к иррациональным установкам.

По результатам исследования наиболее взаимосвязанной с другими личностными особенностями и ресурсами, вошедшими в исследование, оказалась жизнестойкость, которая отрицательно взаимосвязана со степенью напряженности защит и положительно взаимосвязана с проактивным совладающим поведением, устойчивостью к иррациональным установкам, стрессоустойчивостью, интернальностью и экзистенциальной наполненностью.

Кроме того, были установлены следующие взаимосвязи. Экзистенциальная наполненность личности отрицательно взаимосвязана со степенью напряженности защит и положительно взаимосвязана с проактивным совладающим поведением, устойчивостью к иррациональным установкам, стрессоустойчивостью и интернальностью. Стрессоустойчивость имеет отрицательную взаимосвязь со степенью напряженности защит и положительные с интернальностью и устойчивостью к иррациональным установкам. Степень напряженности защит отрицательно взаимосвязана с устойчивостью к иррациональным установкам.

Проверяемые гипотезы о взаимосвязи личностных ресурсов могут быть приняты. Можно сделать вывод о том, что личностные ресурсы государственных служащих образуют целостную систему взаимосвязанных характеристик и особенностей личности, позволяющую сотрудникам успешно справляться с психологической нагрузкой гражданской службы.

Литература:

1. Либина А.В. Совладающий интеллект: человек в сложной жизненной ситуации. М.: Эксмо, 2011. 400 с.
2. Мадди С.Р. Теории личности: сравнительный анализ. СПб.: Речь, 2010. - 539 с.
3. Полякова О.Н. Стресс: причины, последствия, преодоление /Полякова О.Н. под ред. Батуева А.С. - СПб.: Речь, 2009. - 144 с.

Бочкарева Е.Н.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ОПЕРАТОРОВ КОНТАКТНЫХ ЦЕНТРОВ

Профессиональное выгорание – одна из актуальных тем исследований организационной психологии. Несмотря на большое количество исследований, касающихся выгорания социальных работников, врачей и учителей [4, 5, 7], особенности профессионального выгорания операторов контактных центров изучены недостаточно. Однако эта категория специалистов подвержена риску профессионального выгорания. Так, операторы часто описывают свою работу как скучную, напряженную и совмещенную с высоким уровнем стресса [6]. Основные ожидания от оператора связаны с компетенциями эмоционального интеллекта: устойчивость к стрессу, способность сохранять эмоциональную стабильность и влиять на эмоции клиента [1, 2].

В связи с этим является важным оценить особенности профессионального выгорания операторов контактных центров и возможности использования эмоционального интеллекта как защитного фактора при развитии выгорания.

Целью исследования стало изучение взаимосвязи эмоционального интеллекта (ЭИ) и синдрома профессионального выгорания (ПВ) у сотрудников контактного центра.

Участниками исследования стали 185 человек, сотрудников контактного центра в возрасте от 20 до 50 лет. Были использованы следующие методики: опросник Професси-

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ МЕНЕДЖМЕНТА

ональное выгорание (Н.Е. Водопьянова), опросник ЭМИн (Д.В. Люсин), выявляющий особенности ЭИ [3].

Исследование показало, что компоненты ПВ и компетенции ЭИ связаны. Так, эмоциональное истощение отрицательно связано с субшкалами эмоционального интеллекта: межличностный ЭИ ($r_s = -0,37$), внутриличностный ЭИ ($r_s = -0,327$), понимание эмоций ($r_s = -0,328$), управление эмоциями ($r_s = -0,395$), $p \leq 0,01$.

При этом, выявлена отрицательная связь между деперсонализацией и межличностным ЭИ ($r_s = -0,299$, $p \leq 0,01$), управлением эмоциями ($r_s = -0,264$, $p \leq 0,01$), и незначительно связана с пониманием эмоций, ($r_s = -0,185$, $p \leq 0,05$).

Редукция профессиональных достижений (обратный компонент) положительно связана со всеми компонентами ЭИ: с межличностным ЭИ ($r_s = 0,375$), внутриличностным ЭИ ($r_s = 0,288$), пониманием эмоций ($r_s = 0,322$) и управлением эмоциями ($r_s = 0,353$), $p \leq 0,01$.

Исследование позволило расширить понимание связи эмоционального интеллекта и профессионального выгорания у сотрудников контактного центра. Практическая ценность исследования связана с возможностью снижать риски развития ПВ в организации, развивая эмоциональный интеллект сотрудников, либо используя модель эмоционального интеллекта как одну из компетенций оценки при подборе сотрудников в компанию.

Литература:

1. Голуман Д. Эмоциональный интеллект / Д. Голуман, Изд-во «АСТ», 2008.
2. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования/под ред. ДВ Люсина, ДВ Ушакова. –М.: Институт психологии РАН. 2004. С. 29.
3. Люсин Д.В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: от моделей к измерениям. 2009. С. 264–278.
4. Мальцева Н.В. Проявления синдрома психического выгорания в процессе профессионализации учителя // ББК Ю949. 19я43 У 91. 2005. С. 306.
5. Adriaenssens J., De Gucht V., Maes S. Determinants and prevalence of burnout in emergency nurses: A systematic review of 25 years of research // International Journal of Nursing Studies. 2015. № 2 (52). С. 649–661.
6. Chambel M.J., Castanheira F. Training opportunities and employee exhaustion in call centres: mediation by psychological contract fulfilment // International Journal of Training and Development. 2012. № 2 (16). С. 107–117.
7. Kop N., Euwema M., Schaufeli W. Burnout, job stress and violent behaviour among Dutch police officers // Work & Stress. 1999. № 4 (13). С. 326–340.
8. McFarland R.G., Rode J.C., Shervani T.A. A contingency model of emotional intelligence in professional selling // Journal of the Academy of Marketing Science. 2015. С. 1–11.

Верецагина Л.А., Круглова М.А., Погребницкая В.Е.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ УЧИТЕЛЕЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Проблема профессиональной деформации педагогов общеобразовательной школы приобретает особую значимость в связи с тем, что физическое и психическое здоровье педагога обуславливает качество обучения. Если у педагога выражена профессиональная деформация,

то это негативно отражается на эффективности его работы в школе. Несмотря на то, что личность педагога, его деятельность были объектом изучения многих исследований как у нас в стране, так и за рубежом, однако проблема остается далекой от ее разрешения. Причина этому кроется в изменяющихся социально-экономических условиях развития нашего общества, в реформировании системы образования, постоянно возрастающей нагрузке на учителя как в школе, так и за ее пределами.

Признаками профессиональной деформации являются нарушения в деятельности и поведении работника, профессиональные изменения личности, которые не соответствуют общепринятым нормам профессиональной этики и не одобряются общественным мнением. Не вызывает сомнения тот факт, что профессиональная деятельность нередко оказывает деформирующее влияние на личность, приводя к профессиональной деформации. В качестве наиболее частых причин профессиональной деформации, называется ближайшее социальное окружение, с которым постоянно и в течение длительного времени общается работник, особенно его профессиональной деятельности. Педагоги испытывают большую эмоциональную и информационную нагрузку во время выполнения их функциональных обязанностей, взаимодействуя с учениками, коллегами, родителями, администрацией школы и специалистами отдела районного образования.

Интенсификация профессиональной деятельности учителей общеобразовательной школы отрицательно сказывается на их физическом и психическом здоровье, вызывает эмоциональное напряжение, преждевременное утомление. Все это может послужить предикторами профессиональной деформации личности педагога.

Цель эмпирического исследования: изучение профессиональной деформации у педагогов общеобразовательной школы.

Организация исследования: исследование проводилось в общеобразовательных школах Санкт-Петербурга; в опыте приняли участие 57 педагогов общеобразовательной школы, женщины от 21 до 68 лет со стажем от 1 года до 48 лет. Из них 13 – педагоги начальной школы, 44 – «предметники».

Процедуры психодиагностического обследования.

Для решения поставленных задач были использованы следующие методики:

Анкета для выявления кризисогенных факторов и факторов преодоления профессиональных кризисов учителей (авторы: Чоросова О.М., Герасимова Р.Е); опросник «Профессиональное (эмоциональное) выгорание (MBI)» (авторы: К. Маслач и С. Джексон, адаптация: Н.Е. Водопьяновой); «Опросник для оценки уровня социально-психологической адаптации учителя средней школы (автор Р.Х. Исмаилов); «Опросник для оценки проявлений дезадаптации» (автор О.Н. Родина); «Опросник агрессивности Басса – Дарки» (адаптация: Л.Г. Почебут); биографическая анкета.

Анализ результатов эмпирического исследования показал, что признаками профессиональной деформации учителей общеобразовательной школы являются такие показатели дезадаптации, как ухудшение физического здоровья (самочувствия), нарушение сна, снижение мотивации к деятельности, социального взаимодействия. Наблюдаются проявления выгорания в виде эмоционального истощения, деперсонализации и редукции личностных достижений. Кризисогенными факторами в работе учителей являются: отсутствие перспективы профессионального развития, негативное влияние внешних обстоятельств, отчуждение окружающих, потеря смысла жизни. Обнаружены проявления агрессивности педагога, в частности, самоагрессия, предметная, физическая и эмоциональная агрессия. Можно с уверенностью говорить о признаках профессиональной деформации учителей общеобразовательных учреждений, которые нуждаются в квалифицированной помощи практических психологов.

Воронина О.В.

СТРУКТУРА МОТИВАЦИИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ В ОРГАНИЗАЦИЯХ С РАЗЛИЧНЫМИ ВИДАМИ ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ РЕСУРСОВ

В рамках ресурсной теории принято выделять три вида основных обеспечивающих ресурсов предприятия: материальные (исчерпаемые): земля, капитал, финансы; трудовые: квалификационные характеристики персонала; нематериальные (неисчерпаемые): знания, навыки, способности (Н.Н.Чепелева, 2011) В пилотном исследовании (май 2016), была предпринята попытка установить различия в структуре мотивации трудовой деятельности у руководителей компаний с различными характеристиками обеспечивающих ресурсов.

Проверялось предположение о том, что особенности институциональной среды, в которой функционируют компании с разными обеспечивающими ресурсами, являются фактором, обуславливающим различия в системе внутриорганизационных отношений, которые, в свою очередь, проявляются в различиях в структуре мотивации руководителей в организациях с опорой на человеческие ресурсы и организациях с опорой на природные ресурсы и государственные фонды.

В исследовании приняли участие 93 руководителя высшего и среднего звена из 62 организаций. Выборка была разделена на три подгруппы: группа частных компаний (Мегафон, Edisoft и др. – 39ч.), главным активом этих компаний являются человеческие ресурсы; государственные компании (Госзнак, региональные контрольно-надзорные организации и др. – 27ч.), имеющие в своем активе государственные фонды; крупные предприятия (Лукойл, Газпром, Норникель – 27ч.), имеющие в материальном активе природные ресурсы.

Характеристика выборки: 51 мужчина и 42 женщины, средний возраст 39,5 лет (29-45 л.), средний стаж работы в руководящей должности 12,8 лет (5-9 л.).

Для изучения мотивации профессиональной деятельности использовалась методика «Структура мотивации трудовой деятельности» К. Замфир (А.А.Реан, 2002). Данные обрабатывались с помощью однофакторного дисперсионного анализа.

Для получения информации о воспринимаемых особенностях институциональной среды и их влиянии на организационную среду (внутриорганизационные отношения между руководителями разных уровней) проведено 6 интервью с участниками исследования (2 руководителя из каждой группы компаний).

Результаты показали, что во всех группах структура мотивационных приоритетов одинакова: $BM > BPM > BOM$.

Значимыми оказались различия во внешне-отрицательной мотивации. У руководителей частных компаний с преобладающим активом в виде человеческих ресурсов средний показатель (2,6) значимо ниже ($p > 0,05$), чем у руководителей крупных корпораций (3,6) и государственных предприятий (3,8), в большей мере опирающихся на материальные ресурсы (природные, финансовые).

Фактор BOM включает два показателя: страх критики и избегание наказаний. Достоверных различий в оценке мотива, связанного со стремлением избежать наказаний в группах не обнаружено (средние оценки: частные компании – 3,0; крупные корпорации – 3,2; государственные – 3,3).

Были выявлены достоверные различия ($p > 0,05$) в оценке страха критики со стороны руководителя и коллег: у менеджеров частных компаний этот показатель составил 2,7; природно-ресурсных – 3,0; государственных – 3,6.

Выводы: проверяемое предположение о влиянии институциональной среды на структуру профессиональной мотивации руководителей компаний с различными обеспечивающими

ресурсами подтвердилось частично: выявлены различия в организационной среде компаний, связанные с их ресурсными активами;

при общей для всех респондентов оптимальной структуре мотивации обнаружены различия в структуре ВОМ у руководителей компаний с разными характеристиками обеспечивающих ресурсов.

Так, менеджеры компаний, опирающихся на человеческие ресурсы, более открыты критике со стороны руководителей и коллег, что характеризует организационную среду как более благоприятную. Наименее благоприятная организационная среда характерна для государственных компаний.

Главным компонентом ВОМ у руководителей государственных компаний является выстраивание поведения, обеспечивающего отсутствие критики со стороны начальников и коллег.

Гижук Т.В.

ЛИЧНОСТНЫЙ СМЫСЛ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ УСПЕШНОСТЬ

Личностный смысл профессиональной деятельности – это пристрастное избирательное отношение личности к осуществляемой профессиональной деятельности, определяемое его потребностями, мотивами и ценностями. Смысловое отношение личности к профессиональной деятельности может принимать форму отчуждения профессии (бессмысленности), позитивного, негативного или конфликтного личностного смысла профессиональной деятельности. Субъективными критериями профессиональной успешности выступают удовлетворенность карьерой и профессиональное самоотношение.

Ключевая идея предпринятого исследования заключалась в предположении о зависимости профессиональной успешности от личностного смысла профессиональной деятельности. Эмпирическое исследование проводилось на выборке 647 педагогов с помощью методик: Опросник профессионального самоотношения (К.В. Карпинский, А.М. Колышко); Шкала удовлетворенности карьерой (К.В. Карпинский, Т.В. Гижук); Метафоры профессиональной деятельности (К.В. Карпинский, Т.В. Гижук). Статистическая проверка выдвинутой гипотезы осуществлялась при помощи методов множественной иерархической регрессии и однофакторного дисперсионного анализа с последующим сравнением средних значений групп по методу Шеффе.

Проведенный анализ позволил сделать основной вывод о том, что наличие и модальность личностного смысла профессиональной деятельности производит статистически значимые эффекты на удовлетворенность карьерой и на профессиональное самоотношение личности. По средним значениям в группах педагогов, переживающих бессмысленность профессиональной деятельности, а также негативный, конфликтный и позитивный личностный смысл четко вырисовывается общая закономерность изменчивости удовлетворенности карьерой и собой под влиянием осмысленности профессии. Так, выраженность удовлетворенности карьерой и позитивного профессионального самоотношения при переходе от бессмысленности к видам личностного смысла профессиональной деятельности (в направлении: негативный → конфликтный → позитивный) прямолинейно возрастает: позитивность профессионального самоотношения (101,17 > 104,33 > 110,60 > 116,61), удовлетворенность карьерой (11,09 > 12,39 > 13,29 > 14,10).

Из результатов проведенного множественного регрессионного и однофакторного дисперсионного анализа можно извлечь несколько общих наблюдений: во-первых, общий уровень

осмысленности профессиональной деятельности оказывает синхронизированное воздействие на удовлетворенность карьерой и на профессиональное самоотношение, что обуславливает особую болезненность и травматичность бессмысленности профессиональной жизни для личности; во-вторых, как удовлетворенность карьерой, так и удовлетворенность собой как её субъектом демонстрируют прямолинейную зависимость от вида личностного смысла профессиональной деятельности; в-третьих, позитивный личностный смысл профессии оказывает большее детерминирующее воздействие на профессиональную успешность, чем негативный. Выявленная закономерность особенно важна для разработки психотерапевтических программ, направленных на повышение профессиональной успешности педагога. Стратегия психологической помощи должна делать акцент на развитии позитивного личностного смысла профессиональной деятельности вместо снижения выраженности негативного личностного смысла профессии.

Исследование проводилось при поддержке гранта БРФФИ Г15М-139 от 04.05.2015 г. «Психологические факторы повышения профессиональной успешности учителей в условиях оптимизации общего среднего образования Республики Беларусь»

Горюнова Л.Н, Верецагина Л.А., Алетдинова А.А.

ВЗАИМОСВЯЗЬ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ТРУДОМ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В УСЛОВИЯХ НИЗКОЙ ОПЛАТЫ ТРУДА И ОТСУТСТВИЯ ВОЗМОЖНОСТИ КАРЬЕРНОГО РОСТА

Давая оценку современного состояния проблем изучения психологического благополучия и удовлетворенности трудом, необходимо указать их актуальность в связи с тем, что удовлетворенность трудом является важным фактором трудовой деятельности. Несмотря на наличие большого количества исследований, посвященных изучению психологического благополучия и удовлетворенности трудом, не существует единого мнения ни об определении содержания этих понятий, ни подтвержденных данных о связи их эмпирических показателей.

Цель настоящего исследования состояла в уточнении характера взаимосвязи показателей психологического благополучия и удовлетворенности трудом при низкой оплате труда и отсутствии возможностей обучения и карьерного роста.

При планировании и организации исследования было принято, что труд – это деятельность субъекта, направленная на опережающее удовлетворение его потребностей в системе общественного разделения производительных функций, и в сознании индивида удовлетворенность трудом отражается в виде оценки собственного положения в системе общественного разделения труда. Психологическое благополучие было определено как интегральный показатель степени направленности основных компонентов позитивного функционирования человека, а также степень реализованности этой направленности, которая выражается в переживании счастья и удовлетворенности.

В исследовании принимали участие работники гостиничного сектора, административного аппарата и линейный персонал отеля международного класса. Общий размер эмпирической выборки составил 75 человек, из них 15 женщин, 60 мужчин, 54% имеют высшее образование, 34% имеют неоконченное высшее образование, 25% находится в браке, 17% работают в компании меньше 1 года, 50% - от 1 года до 2 лет, 33%, - более 2 лет. 29% участников занимающих небольшие руководящие должности и 71% - рядовые специалисты.

Для оценки показателей психологического благополучия использовался опросник Шкала психологического благополучия К. Рифф. Для оценки удовлетворенности трудом использовался Опросник «Измерение уровня удовлетворенности работой», который позволяет изучить субъективную оценку различных параметров труда в организации, удовлетворенность работников этими параметрами и общий уровень удовлетворенности. Также использовалась биографическая анкета, которая включала биографические сведения об участниках исследования.

Анализ данных эмпирического исследования позволил получить вполне предсказуемый результат о взаимосвязи удовлетворенности трудом и психологического благополучия: чем выше удовлетворенность, тем более выражено психологическое благополучие. Анализ эмпирических данных дал возможность уточнить характер и особенности связи отдельных аспектов благополучия и удовлетворенности. Так, не обнаружена связь между удовлетворенностью обучением и показателями благополучия. Установлена связь между оценкой оплаты труда и общей оценкой благополучия ($r=0,311$, $p=0,007$), а также такими показателями как оценка оплаты труда и цели в жизни ($r=0,408$, $p=0,000$), оценка оплаты труда и управление средой ($r=0,407$, $p=0,000$). Установлено, что удовлетворенность коммуникациями связана с показателями управление средой ($r=0,343$, $p=0,003$) и цели жизни ($r=0,325$, $p=0,004$). Удовлетворенность стабильностью связана с показателем цели жизни ($r=0,366$, $p=0,001$).

Таким образом, в условиях низкой оплаты труда, отсутствия возможности обучения и карьерного роста удовлетворенность трудом связывается с возможностями управлять средой и достигать поставленных целей жизни.

Грачев А.А.

КАРЬЕРНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ И ИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ТИПИЧНОМ И ИДЕАЛЬНОМ РАБОТНИКЕ

Изучение представлений руководителей о подчиненных наиболее явно проявилось в известных моделях человека-работника (X,Y и Z), обоснованных Д. Макгрегором и У. Оучи. Развитие этих исследований видится в изучении не только представления руководителей о типичном работнике, но и представления об идеальном работнике, ядром которых выступают мотивационные характеристики работника (Грачев, 2008). При этом логично предполагать, что представления о работнике непосредственно связаны с отношением руководителя к своей работе, проявляющимся в его карьерных ориентациях.

В исследовании участвовали 62 руководителя (27 женщин и 35 мужчин, средний возраст – 40,5 лет) разных подразделений промышленных предприятий; определялись их а) карьерные ориентации по методике Э.Шейна в модификации В.А.Чикер (Почебут, Чикер, 2000) и б) оценка степени выраженности 20 мотивационных характеристик типичного и идеального работников (Грачев, 2008). Основные эмпирические результаты получены при подсчете коэффициентов корреляции между показателями карьерных ориентаций и мотивационных характеристик типичного (ТР) и идеального (ИР) работников.

Наибольшее количество корреляционных связей (особенно в ИР) имеет ориентация руководителя на интеграцию стилей жизни (стремление жить полной жизнью), которая связана с видением в ИР самореализационных характеристик (погруженности в работу, стремления выложиться полностью, выполнять сложные задания и др.). Кроме того, в ИР «интегрированный» руководитель видит и ориентацию на отношения – стремление к благоприятным отношениям, к признанию, к оказанию бескорыстной помощи, к интенсивному и глубокому общению. В ТР такой руководитель видит пассивное отношение к работе – желание отдыхать

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ МЕНЕДЖМЕНТА

во время работы, ориентацию на личную выгоду и отсутствие желания влиять на производственную жизнь.

Сходное видение проявляют руководители с выраженным стремлением к стабильности, которые, как и «интегрированные», видят в ИР стремление к самоактуализации, ориентацию на отношения (принятие, признание, интенсивное и глубокое общение). В ТР эта ориентация связана с ориентацией на личную выгоду и экономией трудовых затрат, с желанием выполнять простую, безопасную работу, со стремлением к признанию, высокой оценке, с отрицанием таких характеристик, как чувство долга и моральной ответственности по отношению к работе.

Выраженная ориентация на менеджмент предполагает видение в ИР стремления к выполнению сложных заданий, незаинтересованности в личной выгоде. А в ТР отрицается стремление к простой, безопасной работе и стремление производить как можно меньше усилий.

Выраженное стремление руководителя к предпринимательству связано с видением в ТР стремления к признанию и неприятием ориентации на простую, безопасную работу; в ИР – то же неприятие простой и безопасной работы, что и у ТР; кроме этого - стремление оказывать бескорыстную помощь товарищам по работе.

Стремление руководителя к автономии предполагает видение в ИР стремления выложиться полностью, смысла жизни в работе, а в ТР - ориентации на личную выгоду.

Руководители, ориентированные на вызов (достижение, преодоление, конкуренция) видят в ИР отношение к работе как к средству для самосовершенствования, а в ТР – слабую ориентацию на работу.

Выраженная ориентация руководителя на служение (в высоком смысле этого слова) предполагает в ИР, прежде всего, ориентацию на интенсивное и глубокое общение и незаинтересованность как в выполнении сложных, но посильных заданий, так и в личной выгоде. В ТР служение предполагает отрицание как материальной заинтересованности, так и выраженных рабочих ориентаций.

Ориентация на профессиональную компетентность не имеет связей ни с одной характеристикой.

Таким образом, карьерные ориентации руководителя связаны с определенным видением мотивационных характеристик работника. При этом видение типичного работника сходно: в нем видят слабую ориентацию на работу. В идеальном же работнике руководители видят: а) преимущественно рабочие ориентации (менеджмент, предпринимательство, автономия, вызов), б) ориентацию на отношения (служение), в) ориентацию как на работу, так и на отношения (интеграция стилей жизни, стабильность). Ориентация на профессиональную компетентность не связана с определенным видением руководителем работника.

Литература:

1. Грачев А.А. Психологическое проектирование производственной организации. СПб.: Ин-т практической психологии, 2008.
2. Почебут Л.Г., Чикер В.А. Организационная социальная психология. СПб.: Речь, 2000

** Исследование выполнено по государственному заданию ФАНО РФ № 0159-2016-0001*

Дворянчиков Н.В., Калашникова Т.В

ОТ ЭКСПЕРТНОГО К ОБЫДЕННОМУ ПОНИМАНИЮ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА РУКОВОДИТЕЛЯ

В настоящей ситуации достаточно актуальной задачей является подготовка руководителей, которые бы смогли успешно справляться с различными запросами практики в дина-

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

мичном и меняющемся мире. Программы подготовки руководителей исходят из набора компетенций, которые необходимы руководителям для успешной деятельности в современном мире, причем кандидат в руководители в процессе обучения должен освоить несколько десятков компетенций, касающихся как формальных аспектов деятельности руководителя, так и психологических. Обозначим это понимание, заложенное в образовательных программах, как экспертное знание. В фокусе же нашего внимания в излагаемом исследовании оказался анализ обыденного дискурса руководителей различных уровней относительно руководителя, специалисте по эффективному распределению ресурсов, и тех компетенций, которыми он должен обладать.

Объектом исследования выступали руководители различного уровня. Выборку составили 89 человек (руководителей, начальников, управляющих, менеджеров и пр.), в возрасте от 24 лет до 60, $M=35,38$ ($SD=8,02$), 34 женщины, 55 мужчин, стаж работы в руководящей должности – от 8 месяцев до 24 лет, $M = 6,37$, ($SD=4,70$). 88 человек имеют высшее образование, 1 – незаконченное высшее. Предметом исследования был обыденный дискурс о руководителе, специалисте по эффективному управлению ресурсами. Исследование было поисковым, не предполагало гипотезы.

Основным методом исследования являлся опрос в виде анкеты, состоящей из четырех частей. В первой части респондентам предлагалось ответить на вопросы ассоциативной методики для того, чтобы выявить специфику дискурса о новом объекте – руководителе, специалисте по эффективному управлению ресурсами, во второй части – по 59 компетенциям, выявленным на основе проекта образовательного стандарта, предлагалось оценить самих себя (по 7 балльной шкале), в третьей части – по тем же 59 компетенциям предлагалось оценить идеального руководителя, специалиста по эффективному управлению ресурсами. Наконец, в четвертой части задавались вопросы социально-демографического блока.

Описание и анализ результатов. Данные, полученные с помощью ассоциативной методики, были проанализированы в соответствии с методологией теории социальных представлений. Всего респондентами были высказаны 442 ассоциации.

Ключевыми категориями дискурса о руководителе, специалисте по эффективному управлению ресурсами, были следующие (во внимание принимаются те категории, которые были высказаны не менее, чем 5% респондентов, что по объему составляет 48,2% от всех высказанных ассоциаций): ответственный (38), грамотный (13), коммуникабельный (13), эффективность (13), управление (11), лидерство (10), целеустремленный (9), профессиональный (9), стратегически мыслящий (8), опытный (7), планирование (7), рациональный (7), ресурсы (7), трудолюбивый (7), анализ (6), знания (6), уверенный (6), умный (6), компетентность (5), контроль (5), справедливый (5), стрессоустойчивый (5), хозяин (5), честный (5). Понятия – эффективность, лидерство, управление, ресурсы – по сути, те понятия, которые так или иначе связаны со стимульным словом.

Процедура факторного анализа позволила категоризовать 59 компетенций следующим образом: «компетенции, связанные с планированием и реализацией производственного процесса», «компетенции, связанные с финансовыми и юридическими аспектами реализации производственного процесса», «компетенции, связанные с эффективным взаимодействием», «компетенции, связанные с управлением персоналом», «компетенции, связанные с принятием решения».

Таким образом, в результате опроса 89 руководителей были выявлены основные категории, вокруг которых выстраивается дискурс о руководителях такого типа, а именно: ответственность, наличие знаний, коммуникабельность, целеустремленность, справедливость. Кроме того, была получена система компетенций, сгруппированная по субъективному критерию.

Дикая Л.А., Дикий И.С., Лаврешина А. Ю.

ВЗАИМОСВЯЗЬ КРЕАТИВНОСТИ И СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ МЕНЕДЖЕРОВ ПО РАБОТЕ С КЛИЕНТАМИ С ИХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ

В современных условиях креативность и ее факторы являются детерминантами успешной управленческой деятельности, способствуют разработке оригинальных стратегий. При этом успешный менеджер должен обладать одновременно и творческими способностями, и умением быть устойчивым к стрессогенным факторам. Между тем, исследования, посвященные взаимосвязи креативности и стрессоустойчивости между собой и с психологическими характеристиками профессионалов, практически не представлены в современной психологической литературе.

Цель работы: исследование взаимосвязи креативности и стрессоустойчивости с психологическими характеристиками менеджеров по работе с клиентами.

Объект исследования: 60 менеджеров по работе с клиентами фармацевтических компаний регионов ЮФО, в возрасте от 18 до 40 лет, разделенные на три возрастные группы: 1) 18 – 22 года (юность); 2) 23–30 лет (ранняя зрелость); 3) 31– 40 лет (средняя зрелость).

Методический инструментарий: опросник «Потери и приобретения персональных ресурсов» Н. Водопьяновой и М. Штейн для определения уровня стрессоустойчивости; сокращенный вариант изобразительной батареи теста креативности П. Торранса «Закончи рисунок», выявляющий уровень невербальной креативности (адаптация А.Н. Воронина); для диагностики вербальной креативности - Тест Отдаленных Ассоциаций (методика С. Медника, адаптирована А.Н. Ворониным); опросник «Воля» В.П. Прядеина; шкала проявления тревожности Дж. Тейлора; опросник «Уровень субъективного контроля» Бажина, Е.А. Голынкиной, А.М. Эткинда; опросник 16 PF Р. Кэттелла; методика диагностики межличностного взаимодействия Т. Лири; методика для изучения копинг стратегий поведения в стрессе Р. Лазаруса.

Компьютерная обработка результатов проводилась с использованием программы «Statistica 9.0».

Результаты. В результате проведенного исследования обнаружена прямая корреляционная взаимосвязь между стрессоустойчивостью и вербальной креативностью менеджеров ($p < 0,05$). Достоверная взаимосвязь между стрессоустойчивостью и невербальной креативностью не выявлена.

На основе выявленных взаимосвязей стрессоустойчивости с психологическими характеристиками составлен портрет стрессоустойчивого менеджера по работе с клиентами в виде следующего их сочетания: уровень тревожности средний; высокий уровень развития волевых качеств личности; внутренний локус контроля; высокий уровень эмоциональной устойчивости; высокие показатели проявлений социальной смелости; тенденция к доминантности в межличностном взаимодействии с тенденцией доминирования властно-лидирующего, независимо-доминирующего и прямолинейно-агрессивного стилей межличностных отношений; преобладание поведенческих и активно-действенных копинг-стратегий поведения в стрессе – стратегий самоконтроля, принятия ответственности и планирования решения проблемы.

Доказано наличие достоверных корреляционных взаимосвязей между уровнем креативности менеджеров и рядом психологических характеристик для факторов А, В, F, G, H, I, N, Q2 и Q3 по тесту Кэттелла ($p < 0,05$).

У менеджеров по работе с клиентами выявлены положительная достоверная взаимосвязь возраста с уровнем креативности для возрастной категории 23–30 лет и отрицательная достоверная взаимосвязь возраста со стрессоустойчивостью в возрастной группе 31–40 лет ($p \leq 0,05$).

Выводы:

1. Стрессоустойчивость и вербальная креативность менеджеров по работе с клиентами взаимосвязаны друг с другом и представляют собой взаимодополняемые психологические характеристики.

2. Внутрличностными ресурсами, обеспечивающими стрессоустойчивость менеджеров, выступают их индивидуально-психологические, социально-психологические и поведенческие (копинг-стратегии) характеристики.

3. Взаимосвязь креативности и стрессоустойчивости с психологическими характеристиками менеджеров по работе с клиентами опосредована их возрастом. В возрасте 23–30 лет психологические особенности менеджеров оказывают положительное влияние на креативность, а в возрасте 31–40 лет отрицательное влияние на стрессоустойчивость.

Доминак В.И., Родионова Е.А.

МОТИВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ УВЛЕЧЕННОСТИ РАБОТОЙ

Современная экономическая ситуация диктует необходимость поиска эффективных нематериальных способов повышения продуктивности сотрудников. На первый план выступают вопросы увеличения лояльности, мотивации, приверженности, увлеченности работой.

Целью нашего исследования стало изучение взаимосвязи мотивационных ожиданий работников организации с их уровнем увлеченности работой. Мы предположили, что уровень увлеченности работой связан с мотивационными ожиданиями работников от организации.

Рассматривая увлеченность работой, мы приняли точку зрения В. Шауфелли и А. Беккера, которые определяют ее как позитивное, вызывающее удовлетворение, эмоциональное состояние, связанное с работой, характеризующееся энергичностью, энтузиазмом и поглощенностью (Schaufeli W., Bakker A., 2003), и использовали их методику «Утрехтская шкала увлеченности работой» для измерения соответствующих показателей. Для измерения мотивационных ожиданий мы использовали методику «Возможность реализации мотивов» (Доминак, 2006; Родионова, 2013), позволяющую измерить, как оценку возможности реализации мотивов в организации, так и значимость этих мотивов для сотрудника.

В исследовании приняли участие 140 сотрудников различных организаций со стажем работы в организации не менее полугода. Из них 37% мужчин и 63% женщин в возрасте от 18 до 47 лет, имеющие среднее (37%) и высшее образование (63%), 73% являются специалистами, 27% – руководители.

Для обработки данных использовался корреляционный, множественный регрессионный и дисперсионный анализ.

Были обнаружены статистически значимые ($p=0,000000$) связи показателя возможности реализации мотивов с энергичностью ($r=0,45$), энтузиазмом ($r=0,64$) и поглощенностью ($r=0,46$). Чем выше сотрудники оценивают возможность реализации мотивов в компании в целом, тем выше показатели увлеченности.

Множественный регрессионный анализ позволил прояснить вклад оценок возможности реализации мотивов в отдельные факторы увлеченности. Включение в регрессионную модель всех мотивов позволило объяснить 42% дисперсии энергичности, 70% дисперсии энтузиазма и 36% дисперсии поглощенности. Наибольший вклад в увлеченность работой вносит возможность реализации мотивов удовлетворение от процесса деятельности, ощущение собственной полезности, служение людям, уважение со стороны других, социальный престиж, возможность самореализации, ощущение свободы, ощущение успеха, повышение собственной профессиональной компетентности.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ МЕНЕДЖМЕНТА

Примечательно, что не обнаружены связи показателей увлеченности с ощущением стабильности, материальным достатком и удовлетворением внерабочих интересов.

Взаимосвязей увлеченности с оценками значимости мотивов, как в целом, так и по отдельности не обнаружено.

Таким образом, чем больше возможностей сотрудники видят в организации, тем больше усилий готовы прикладывать в работе, и тем они более устойчивы к трудностям, возникающим в процессе профессиональной деятельности. При этом увлеченность не зависит от таких мотивов как материальный достаток и ощущение стабильности, что развенчивает миф об исключительной важности денежного стимулирования. Эти закономерности имеет смысл учитывать при построении систем стимулирования персонала.

Наибольшая прогностическая способность мотивационных ожиданий относительно энтузиазма показывает, что именно этот параметр увлеченности в большей степени зависит от среды и перспектив, чем от личностных особенностей работника, в отличие от энергичности и поглощенности.

Литература:

1. Доминяк В.И. Организационная лояльность: модель реализации ожиданий работников от своей организации. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. псих. н., СПб, СПбГУ, 2006.
2. Родионова Е.А. Психология стимулирования персонала – Харьков, Гуманитарный центр, 2013. – 228 с.
3. Schaufeli, W., Bakker, A. UTRECHT WORK ENGAGEMENT SCALE. - Occupational Health Psychology Unit, Preliminary Manual, November 2003. – 58 p.

Иванова Н.Л.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СТРУКТУРА И ОСОБЕННОСТИ

Проблема профессиональной идентичности становится все более актуальной в последнее время. Это связано со многими факторами. Меняются социокультурные условия жизни и деятельности, появляются новые профессии, меняются требования к личности профессионала и к условиям профессионального становления и т.д. Человеку, чтобы не потеряться в этом меняющемся мире, сохранить способность к развитию необходимо уделять внимание проблеме профессионального самоопределения, т.е. своему профессиональному статусу, месту в социальной и профессиональной среде и т.д.

В сложившихся подходах к профессиональной идентичности этот феномен предстает как:

Объективное и субъективное единство с профессиональной группой, делом, которое обуславливает преемственность профессиональных характеристик (норм, ролей и статусов) личности (Шнейдер Л.Б., 2001).

Принятие человеком на психологическом и социальном уровнях ценностных позиций, которые являются нормативными для данного рабочего пространства (Поваренков Ю.П., 2005).

Системная характеристика субъектно-деятельностного соответствия, как основа принятия профессиональных ценностей (Ермолаева Е.П., 2001).

Сложный конструкт, который включает в свою структуру взаимосвязь мотивационных, ценностных и когнитивных компонентов, обеспечивающих взаимодействие и ориентацию

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

в мире профессий и позволяющих наиболее полно реализовать личностный потенциал как в профессиональной деятельности, так и в рабочем коллективе (Моор С.М., Головин П.Ю., 2012).

В нашем подходе основу профессиональной идентичности составляет знание индивида о своем месте в мире специальностей – когнитивные компоненты, принятие ценностей профессионального сообщества, а также соответствующая ему система мотивации – ценностно-мотивационные компоненты, и, наконец, субъективное отношение к своей профессиональной принадлежности – оценочный компонент (Иванова Н.Л., Конева Е.В., 2004).

Профессиональная идентичность рассматривается нами как интегративное понятие, в котором выражается взаимосвязь когнитивных и ценностно-мотивационных характеристик, которые обеспечивают ориентацию и взаимодействие в мире профессий, позволяют наиболее полно реализовать личностный потенциал в профессиональном сообществе и профессиональной деятельности, прогнозировать возможные последствия профессионального выбора и направления развития (Иванова Н.Л., 2007).

В этом подходе профессиональная идентичность выступает в качестве одного из важнейших компонентов в структуре социального Я. Основные компоненты структуры профессиональной идентичности: когнитивный, мотивационный и ценностный. Именно когнитивные компоненты составляют ядро структуры идентичности.

Вопросы, связанные с выяснением данного феномена: Кто я? Что я делаю? Как я это делаю? (это вопросы когнитивной стороны идентичности, которые направлены на получение знаний о самом себе); Какой я? (это вопрос ценностей, он направлен на осознание смысловых компонентов Я); К чему я стремлюсь? (это вопрос мотивации).

На этом подходе основана наша модель анализа профессиональной идентичности, включающая в себя когнитивные, ценностно-мотивационные характеристики, а также представления о своем профессиональном сообществе.

Апробация этой модели проводилась в исследовании особенностей профессиональной идентичности у студентов магистрантов различных образовательных программ. Методики исследования: самоописания, методика «Кто Я?» (М. Кун, Т. Макпартленд) в нашей интерпретации, методика А.А. Озеринной, Ценностный опросник Шварца, анкеты.

Проведенное исследование позволяет сказать, что опора на модель, в которой выражается взаимосвязь когнитивных, мотивационных и ценностных характеристик личности, позволяет более конкретно и приближенно к особенностям деятельности выделить важные особенности личности. Эти особенности являются личностной основой профессионального развития, обеспечивают ориентацию в мире профессий, профессиональном сообществе и широком социальном окружении, а также позволяет более полно реализовывать личностный потенциал в профессиональной деятельности.

Иванова О.М, Крюкова Т.Л.

ЖИЗНЕННЫЙ СТИЛЬ МУНИЦИПАЛЬНОГО СЛУЖАЩЕГО ЧЕРЕЗ

ПРИЗМУ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК

ЕГО СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ

Деятельность муниципального служащего связана с подчинением собственного «Я» своей должности, ответственностью за социальные последствия принимаемых решений. По А. Адлеру, к тем или иным действиям человека побуждает врожденный социальный инстинкт/интерес, который заставляет отказываться от эгоистичных целей ради целей сообщества.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ МЕНЕДЖМЕНТА

Специфика профессиональной деятельности муниципальных служащих опирается на установки, сопутствующие определенному стилю жизни, уникальному для индивидуума способу адаптации к жизни, по А. Адлеру. Его описание можно дать через анализ психологических характеристик совладающего поведения, поскольку социальные установки, проявляющиеся в общении, взаимосвязаны и влияют на выбор способа совладания.

Методы: шкала стресса на рабочем месте Д. Фонтаны (1989) в адаптации Т.Л. Крюковой; опросник способов совладания Р. Лазаруса, С. Фолкман, 1988, адаптация Т.Л. Крюковой и др., 2004; шкала самоофективности Р. Шварцера, М. Ерусалема, адаптация В. Ромека, 1996; шкала социального интереса А. Адлера SIS (Crandall J.E., 1991).

Выборка: 50 женщин со стажем работы на муниципальной службе более 3-х лет (28-56 лет, средний возраст – 40 лет).

Интересно, что при среднем показателе социального интереса по выборке ($m=8,06$, что согласно нормам, соответствует уровню чуть выше среднего) наблюдался большой разброс в уровне социального интереса «муниципалов» (от 2 до 13 баллов по шкале). Поэтому было проведено исследование методом крайних групп. Сравнительный анализ показал, что служащие с высоким социальным интересом демонстрируют большую выраженность всех видов копинга, за исключением «избегания» и «дистанцирования», что может говорить о немалых стрессовых нагрузках и чувствительности к стрессу на работе.

Кроме того, относительные баллы по таким копинг-стратегиям как «самоконтроль», «поиск социальной поддержки» и «планирование решения проблемы» в этой группе значимо превышают эмпирические нормы. Это позволяет сделать вывод, что служащие с высоким уровнем социального интереса больше настроены на позитивное взаимодействие и решение проблемы посетителя. Являясь социально-ориентированными, они проявляют заботу о других и заинтересованы в общении с ними. Это находит подтверждение и в сравнительной невыраженности у них стратегий совладания «дистанцирование» и «избегание». То есть, когнитивные усилия, направленные на отделение от ситуации и уменьшение ее значимости, как и мысленные и поведенческие усилия, направленные на избегание проблемы, выражены менее ярко, чем те же усилия в группе с низким социальным интересом. Вероятно, профессиональные задачи (вопросы посетителя) воспринимаются здесь как социальные проблемы, решение которых требует сотрудничества, личной стойкости и готовности вносить свой вклад в благополучие других. Отметим: эмпатия в группе с высоким социальным интересом значимо выше, чем в группе с низким социальным интересом ($p \leq 0,01$). Результаты статистического анализа подтвердили положительную связь между уровнями эмпатии и ежедневного стресса на рабочем месте у муниципальных служащих ($p \leq 0,05$).

В группе с высоким уровнем социального интереса он оказался высоко отрицательно связан с уровнем самоофективности субъекта ($p < 0,01$), в то время как группа с низким социальным интересом показывает положительную незначимую связь. Возможно, что социальный интерес как способность интересоваться другими людьми и подчинять свои личные потребности делу социальной пользы не связан с убеждением служащего в том, что он способен контролировать ситуацию как профессионал. Полученная амбивалентность может говорить о противоречивых представлениях субъекта о себе и своей работе. В данном случае противоречие между возможными собственными успехами и принесением пользы другим людям может являться источником внутреннего конфликта. *

**Работа выполняется при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-06- 44004*

Ивутина Е.П., Шалаев К.В.

МОТИВАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Проблема мотивации является одной из фундаментальных проблем как отечественной, так и зарубежной психологии. В данном исследовании мы будем исходить из понимания мотивации, подразумевающей детерминацию поведения вообще, включающего всю совокупность различных побуждений: мотивов, потребностей, интересов, стремлений, целей, влечений, мотивационных установок или диспозиций, идеалов. Придерживаясь динамического направления, под мотивацией профессиональной деятельности мы понимаем систему психологических факторов, побуждающих, направляющих и регулирующих профессиональную деятельность.

Изучение вопросов профессиональной мотивации актуально и для правоохранительной сферы. Современные требования общества и государства в сфере защиты прав человека и гражданина предъявляют к органам внутренних дел повышенные обязательства, что, в свою очередь, предполагает полную самоотдачу служителей правопорядка.

Вопросы мотивации в органах внутренних дел нашли свое отражение в работах И. В. Бабичева, А. И. Дубняковой, С. П. Егорычева, К. Э. Комарова, С. Ф. Ляха, О. А. Мусатовой, М. В. Пряхина, Н. А. Тигунцева и других.

В связи с этим возникает научный интерес в изучении особенностей профессиональной мотивации сотрудников органов внутренних дел. Исследование профессиональных мотивов позволит определить дальнейшую успешность сотрудников органов внутренних дел, определить направления совершенствования профессионализма и повышения эффективности служебной деятельности.

В рамках эмпирического исследования нами изучены особенности профессиональной мотивации у сотрудников органов внутренних дел. Для сбора эмпирических данных в работе использовались следующие методики: «Мотивации достижения» (А. Мехрабиан), «Мотивационный профиль» (Ш. Ричи, П. Мартин), пятифакторный опросник NEO-FFI (В.Е. Петров), тест «Профессиональная мотивация» (С.Ф. Лях).

Анализируя результаты эмпирического исследования с применением коэффициента линейной корреляции Пирсона (r), мы выявили, что:

- имеется прямая корреляционная связь мотивации достижения к успеху с потребностью формировать и поддерживать долгосрочные стабильные взаимоотношения ($0,45; p \leq 0,05$);
- потребность в совершенствовании коррелирует с организованностью и последовательностью в достижении целей ($0,46; p \leq 0,05$);
- существует связь стремления к освоению нового опыта с профессиональными ($0,43; p \leq 0,05$) и социальными мотивами ($0,39; p \leq 0,05$) у сотрудников органов внутренних дел;
- потребность в общении у сотрудников органов внутренних дел коррелирует с познавательными ($0,37; p \leq 0,05$) и социальными мотивами ($0,416; p \leq 0,05$);
- так же обнаружена взаимосвязь мотивов престижа с потребностью в завоевании признания со стороны других людей ($0,37; p \leq 0,05$).

На втором этапе анализа и интерпретации данных применялся критерий U-Манна-Уитни с целью обнаружения различий в особенностях профессиональной мотивации у двух групп сотрудников органов внутренних дел с высоким уровнем и низким уровнем мотивации достижения.

Этот анализ показал, что существуют значимые различия между группами:

- в потребности совершенствования, росте и развитии как личности ($p \leq 0,01$);
- в потребности формировать и поддерживать долгосрочные стабильные взаимоотношения в коллективе ($p \leq 0,05$);

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ МЕНЕДЖМЕНТА

– в уровне выраженности познавательных ($p \leq 0,05$) и прагматических мотивов ($p \leq 0,05$) у сотрудников органов внутренних дел.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что у сотрудников органов внутренних дел, с высоким и низким уровнем мотивации достижения имеются различия в выраженности профессиональных мотивов; мотивация достижения к успеху и потребность в поддержании стабильных взаимоотношений и доверительности являются зависимыми характеристиками; профессиональные и социальные мотивы деятельности могут осуществляться в поиске и освоении нового опыта, знаний.

Котлярова Л.Н., Хотемской Н.

АНАЛИЗ ПРИЧИН УВОЛЬНЕНИЯ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПРИ ПЕРВИЧНОМ ТРУДОУСТРОЙСТВЕ В СФЕРЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Предприятия промышленного производства заинтересованы в привлечении к деятельности перспективных молодых специалистов, планирующих связать с отраслью свое будущее профессиональное становление и развитие. Приток молодых специалистов не удовлетворяет потребностям предприятий, поэтому в качестве одной из актуальных кадровых задач выдвигается разработка и применение технологий по привлечению внимания молодых специалистов к выбору приоритетного работодателя и закреплению специалистов в организации.

Знания о причинах увольнения могут использоваться в разработке системных мер, направленных на удержание молодых специалистов в организации, что и определило цель настоящей работы.

Исследование проводилось в течение двух лет. В нем приняли участие 230 респондентов, сначала в статусе выпускников технического университета, а затем – в статусе молодых специалистов.

Тестирование и интервью с участниками исследования проводилось один раз в три месяца в течение первого года трудовой деятельности. В процессе опроса определялись различные социально-психологические факторы, характеризующие адаптивные процессы и причины увольнения.

Для выявления мнения молодых специалистов о причинах увольнения и различных факторах, влияющих на вовлеченность в деятельность организации и успешность адаптацию, применялся авторский опросник. Методика также позволяет выявить мнение о позитивном и деструктивном влиянии на процессы профессиональной адаптации/деадаптации психологических, организационных, эргономических, социальных и экономических факторов. С молодыми специалистами, принявшими решение об увольнении, проводилось развернутое кадровое интервью и консультирование по их дальнейшему профессиональному развитию и трудоустройству.

Полученные в исследовании данные были подвергнуты математико-статистической обработке.

Анализируя результаты опроса в данной группе, сделали следующие выводы. Наиболее важными причинами принятия решения об увольнении молодыми специалистами являются (в ранговом порядке): несоответствие представлений о характере деятельности реальным условиям труда; отсутствие навыков организационного поведения; неудовлетворенность сложившейся в организации системой коммуникаций в целом; недостаточное внимание со стороны руководителя к потребностям и запросам молодого сотрудника; недостаточно четкая поста-

новка со стороны руководства производственных задач. В качестве наименее значимых причин увольнения респондентами были отмечены: размер заработной платы; социальный пакет; организация рабочего пространства.

Обобщая результаты исследования, можно сделать вывод о том, что главными причинами увольнения являются психологические и организационные. Был проведен анализ социальных и кадровых программ предприятия, направленных на обеспечение эффективной адаптации молодых специалистов и нормативно-правовой документации, регламентирующей деятельность отделов по управлению персоналом предприятий в данном направлении. По итогам данного анализа был сделан вывод о соответствии программ по адаптации молодых специалистов управленческим и правовым критериям. В то же время, детально изучая конкретные меры данных программ, было выявлено, что они разработаны на основе социально-экономических и организационно-технологических подходов, без предложения конкретных мер, направленных на учет индивидуально-личностных особенностей адаптантов. Данное заключение о программах объясняет причины того, что все участники исследования отметили высокую удовлетворенность материальным стимулированием деятельности и считают, что экономические факторы на влияют на протекание процессов адаптации/дезадаптации.

На основе выявленных закономерностей составлены рекомендации для социально-психологических служб университета и предприятий по организации психологического сопровождения студентов и молодых специалистов с целью формирования и совершенствования личностного потенциала, необходимого для эффективной адаптации и включенности в профессиональную деятельность.

Кудрявцева Е.И.

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ СЕТЬ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ

Современные исследования управленческой и профессиональной деятельности позволили выявить такие феномены, как разделяемое управление (Ramthun, 2013), сетевые формы управленческой коммуникации (Knoke, 1999), стратегические интервенции (Hodgkinson & Sparrow, 2002), внутриорганизационный краудсорсинг (Долженко, 2014). Анализ этих феноменов позволяет утверждать, что все они являются разными сторонами реализации субъектности в профессиональной деятельности.

Субъектности в соответствии с положениями субъектного подхода определяется как мера включенности в деятельность (Осницкий, 2009) или мера продуктивной самостоятельности (Селиванова, 2010) и активности (Волочков, 2010), а потенциал субъекта труда рассматривается как адаптационный ресурс изменения соответствующей мерности (Генисаретский и др., 1996). Концепция субъектности предполагает использование таких конструктов, как свобода, добровольность, ответственность, рефлексивность, инициативность, самостоятельность, креативность, расцениваемые в качестве характеристик саморегулирующейся активности (Сыромятников, 2006; Исаков, 2008; Краснощеченко, 2012 и др.). Именно эти характеристики субъектности в наибольшей степени корреспондируют конструктам описания сетевой активности субъекта и активно применяются в психологических исследованиях сетевой коммуникации.

Сеть, особенно – сеть организационных (корпоративных) рассматривается как вид пространства: пространства ролевых отношений (Tichy at all, 1979), совместного и взаимного обучения (Skyrme, 1999), формирования и развития эффективности (Seufert at all, 1999.),

в котором субъект определяет и реализует свою позицию (Brass, 2012). Пространственная конфигурация организационных сетей связывается с результативностью и продуктивностью менеджеров и подразделений, эффективностью организаций (Wineman at all, 2009). Однако существенной стороной данного исследовательского направления является восприятие сети именно как пространственной данности, в то время как актуальным проявлением субъектности является не «жизнь в сети», а направленное формирование разнообразных сетей.

Исследование, результаты которого представляются в докладе, предлагает рассматривать характеристики структуры и динамики индивидуальной управленческой сети специалиста крупной компании в качестве показателей его профессиональной и управленческой субъектности. Данные представляют собой формализованные показатели характеристик индивидуальной управленческой сети в соотношении с особенностями управленческих компетенций. Оценка сети произведена в трех организационных контекстах: в рутинных условиях деятельности, в особых условиях управленческой интервенции, организованной в рамках проектной деятельности, и в условиях постпроектной коммуникации.

Получены данные, подтверждающие идеи, разрабатываемые в рамках коммуникативного, когнитивного и субъектного подходов к анализу проблем управленческой и профессиональной деятельности. Эмпирически подтверждена гипотеза о функционально-институциональном противоречии организационного контекста (Johns, 1998), который оказывается вызовом в адрес субъектности работников как субъектов труда.

Результаты, полученные в исследовании, позволяют заключить, что:

1. Активность работников по построению коммуникаций в управленческом пространстве и продвижению в них значимого для деятельности контента может быть рассмотрена как проявление управленческой и профессиональной субъектности;
2. Структурные параметры индивидуальной управленческой сети могут рассматриваться как показатели меры включенности в деятельность, а динамические – как мера самостоятельности деятельности;
3. Субъекты труда в процессе продвижения идей и решений реализуют разные сетевые стратегии: стратегию формирования отношений, стратегию персонального позиционирования или стратегию влияния, что позволяет использовать объективные измерения сетевой активности как показатели профессиональной и управленческой субъектности.

Левченкова К.Р.

СПОСОБЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СОБСТВЕННИКОВ ПРЕДПРИЯТИЙ)

В современной реальности человек оказывается в условиях все возрастающего объема информации, а потому задача по принятию решений усложняется. Умение принимать решения в условиях неустойчивого характера внешних условий становится важным конкурентным преимуществом. Были выделены два общих типа принятия решений – это метод «интуиции» и метод «анализа» (рациональный).

Целью исследования является анализ способов принятия управленческих решений на примере собственников предприятий и руководителей. Объект исследования – способы принятия управленческих решений в условиях неопределенности. Предмет исследования – особенности принятия управленческих решений в ситуации неопределенности во взаимосвязи с личностными особенностями, а также в зависимости от позиции по отношению к предприятию (предприниматель и наемный руководитель). Были использованы следующие методики: Биогра-

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

фическая анкета, Методика Д. Маклейна «Толерантность к неопределенности» (в адаптации Е.Г. Луковицкой), Опросник «Доверие интуиции» Эпстайна, Опросник эмоционального интеллекта Холла, Опросник «Личностные факторы принятия решений» Корниловой. Кроме того, мы использовали сюжет из кинофильма «Предел риска», в котором предьявлялась ситуация, разделенная на две части. В первой части происходит возникновение и развитие проблемной ситуации (т.е. ситуации неопределенности). Вторая часть демонстрирует то, как разрешается проблема.

По завершению просмотра первой части видеоматериала, мы просили испытуемых предсказать сюжет, из предложенных вариантов выбрать вариант прогноза того, как проблема будет разрешена, а также ответить на ряд вопросов, направленных на выявление выраженности интуитивного и рационального способов ПР.

Также мы анализировали реальный кейс респондента в сфере бизнеса, в котором респондент рассказывал о некой ситуации из своей жизни.

В исследовании приняли участие 2 группы: предприниматели и руководители – 72 человека в возрасте от 21 до 49 лет. Будучи погруженными в бизнес-среду, предприниматели и руководители часто сталкиваются с ситуациями неопределенности, а также, учитывая род и специфику деятельности, вынуждены часто принимать решения. Показатели эмоционального интеллекта в целом по выборке получили средние значения. Обращает на себя внимание высокая толерантность к неопределенности, показатели интуитивной способности – также выше среднего.

Наемные руководители в статистически достоверно большей степени применяют «анализ ситуации» при совершении управленческих решений.

Получены статистически значимые различия мужчин и женщин по точности прогнозирования: женщины оказываются в более успешными в прогнозировании, чем мужчины. Регрессионный анализ показал, что чем дольше человек занимает управляющие и руководящие должности, тем чаще он применяет свою интуицию в принятии решений. А также то, что с возрастом люди, занимающие управляющие и руководящие должности, чаще применяют свою интуицию в принятии решений. Также было выявлено, что люди, применяющие интуицию, оказываются более чувствительными к своим и чужим эмоциональным состояниям.

Также в ходе исследования были получены данные о том, что люди, применяющие анализ в реальных ситуациях принятия решений более рациональны и при этом, обычно, характеризуются меньшим опытом работы.

Выводы: руководители более склонны прибегать к рациональному анализу актуальной ситуации и принимать решения, исходя из осознаваемых параметров и взаимосвязей между ними. Женщины оказались успешнее мужчин в прогнозировании, при этом с увеличением возраста и трудового стажа в управленческой сфере люди в большей степени начинают пользоваться своей интуицией при принятии решений, которая, в свою очередь взаимосвязана с высокими интуитивными способностями, сильно развитой эмпатией. В это же время анализ ситуации как стратегия принятия управленческих решений оказывается взаимосвязана с большей рациональностью людей, но была выражена сильнее у людей с меньшим трудовым стажем в управленческой сфере.

Лепехин Н.Н, Гринев А.А

ЛИЧНОСТНЫЕ ПРЕДИКТОРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СОТРУДНИКОВ

Современные концепции полагают, что психологическое благополучие переживается субъектом как успешное использования социальных, межличностных и психологических ре-

супсов (Diener, Sandvik, Pavot, Fujuita, 1992) в процессе собственной активности (Umphrey, Sherblom, 2014). Дискутируется модель благополучия как переживания динамического баланса между психологическими качествами личности, которыми она обладает, и вызовами микро- и макросреды, в которой она разворачивает свою деятельность (Dodge, Daly, Huyton, Sanders, 2012). Обнаружено, что достижение устойчивого уровня психологического благополучия в условиях умеренно стабильных уровней благоприятных и неблагоприятных жизненных событий обусловлено наличием комплекса личностных черт: эмоциональной устойчивости, экстраверсии и открытости новому (Headey, Wearing, 1989; Headey, 2006). В то время как одни исследователи (DeNeve, Cooper, 1998) говорят, что переживание благополучия зависит от личностных черт всего лишь на 4%, другие утверждают, что вклад личностных черт в дисперсию показателя психологического благополучия может достигать от 39% до 63% (Steel, Schmidt, Shultz, 2008).

Было проведено исследование факторов, влияющих на психологическое благополучие сотрудников метрополитена ($N = 80$, 40 мужчин и 40 женщин в возрасте от 23 до 58 лет), выполняющих ответственную и напряженную деятельность по обеспечению безопасности движения. Проверялась гипотеза о взаимосвязи психологического благополучия, самооффективности, удовлетворение общих базовых потребностей, удовлетворение базовых потребностей на работе, удовлетворенности работой с рядом личностных черт работников. Для диагностики психологического благополучия и удовлетворенности использовались шкала Рифф (Шевеленкова, Фесенко, 2005), шкала общей самооффективности Шварцера, Ерусалема (Ромек, 1996), шкала удовлетворения базовых потребностей Деси, Райана (Дергачева, 2005), шкала удовлетворенности работой (Романько, 2011), а для диагностики личностных черт Пятифакторный личностный опросник (Хромов, 2000). Был выполнен корреляционный анализ данных с помощью программы SPSS 22.

Как и ожидалось, обнаружилась сильная положительная связь в диапазоне от $r = 0,35$ до $r = 0,74$, ($p < 0,01$ – $p < 0,000$) между общим и большинством частных показателей психологического благополучия, с одной стороны, и показателями самооффективности, удовлетворения общих базовых потребностей и потребностей на работе, с другой, что может свидетельствовать о содержательной близости данных шкал, измеряющих разные аспекты одного и того же феномена. Показатель удовлетворенности работой для данной выборки показал положительную связь (от $p < 0,05$ до $p < 0,000$) с большинством показателей шкал благополучия, самооффективности и удовлетворения потребностей.

Корреляционный анализ выявил положительную связь общего показателя благополучия с факторами Е-экстраверсия ($r = 0,30$, $p < 0,007$), О - открытость опыту ($r = 0,43$, $p < 0,000$), А - согласие ($r = 0,55$, $p < 0,000$), а также отрицательную связь с фактором N – нейротизм ($r = -0,51$, $p < 0,000$). За исключением показателя «Автономия», остальные частные показатели благополучия, также показали соответствующие значимые связи с вышеуказанными факторами. Фактор С (волевая регуляция) показал значимые связи с показателями благополучия «Позитивные отношения» ($r = 0,25$, $p < 0,02$), «Управление средой» ($r = 0,36$, $p < 0,001$), «Цели в жизни» ($r = 0,30$, $p < 0,007$), «Осмысленность жизни» ($r = 0,28$, $p < 0,01$).

Полученные результаты, свидетельствующие о взаимосвязи факторов «большой пятерки» с комплексом шкал благополучия, самооффективности, удовлетворения базовых потребностей, расширили понимание механизма взаимодействия личностных черт и показателей субъективного психологического благополучия (Steel, Schmidt, Shultz, 2008). Выраженность вышеуказанных черт в структуре личности является индивидуальным ресурсом работника, способствующим переживанию самооффективности и психологического благополучия в сложных и напряженных условиях деятельности.

Лукьянченко Н.В.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК РУКОВОДИТЕЛЯ

Важнейшие вопросы, на решение которых направлены усилия психологов, локализируются в проблемном поле взаимодействия «Человек и его работа». В аспекте его психологического обеспечения акцент делается на необходимость «гуманистического менеджмента», создающего условия для самореализации, поддержки и развития психологического благополучия работника. Психологическое благополучие рассматривается как целевое и самодостаточное качество жизнедеятельности личности. Его значение при этом анализируется, на наш взгляд, несколько односторонне: в ракурсе влияния работы на человека. Вопрос о том, какова роль психологического благополучия работников в их реальном повседневном труде в неидеальных и не лабораторных условиях конкретных организаций остаётся открытым и требует, по нашему мнению, специального рассмотрения. В соответствии с этим было проведено исследование на базе предприятия нефтегазовой промышленности (респонденты – 32 руководителя среднего звена).

Методическое обеспечение исследования составили: методика исследования психологического благополучия личности (Шевеленкова Т.Д. Фесенко П.П.); методика OPQ (профессионально значимые качества); методика «Диагностика рабочей мотивации» (Job Diagnostic Survey).

Корреляционный анализ показал, что показатели психологического благополучия руководителей положительным образом с такими качествами руководителя, как стремление оказывать влияние, реализация ответственного контроля, энергичность, соревновательность, независимость, живость, мотивированность на достижения, инновационность мышления, стремление к планированию, решительность. Отрицательные связи с критериями психологического благополучия имеют показатели традиционализма мышления, тревожности, скромности, стремления контролировать эмоциональные проявления, а также чувство принадлежности к группе, интерес к искусству и поведению других людей, демократизм и методичность.

Что касается мотивационного аспекта профессиональной деятельности, то критерии психологического благополучия оказались положительно связаны с такими его характеристиками, как стремление к разнообразию рабочих навыков, целостности и завершенности рабочего задания, получению обратной связи от работы и к активному взаимодействию с другими при выполнении рабочего задания, с тем, насколько осознаётся смысл работы и ответственность за её результат. Особо обращает на себя внимание плеяда корреляционных связей показателей психологического благополучия с желаемыми уровнями удовлетворённости: уважением руководства; мотивирующей работой; возможностью независимо мыслить; защищённостью от потери работы; благожелательностью коллектива; возможностью узнавать новое; зарплатой и льготами; профессиональным ростом с общей желаемой удовлетворённостью.

Таким образом, можно говорить, что психологическое здоровье связано с высокой степенью личностной включённости руководителя. Однако, воспринимая работу с позитивной точки зрения в ракурсе её продуктивных возможностей, руководители с выраженными показателями психологического здоровья претендуют на ещё более высокие стандарты реализации своего профессионального потенциала. Интерес к работе и своей самореализации в ней при этом, по-видимому, настолько силен, что снижает интерес к внерабочим аспектам жизни (например, интерес к искусству и включённость в групповые отношения).

** Исследование выполнено при поддержке краевого государственного автономного учреждения «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности» и гранта РГНФ номер 16-16-24022/16.*

Львова О.В., Маничев С.А.

ИДИОМАТИЧЕСКИЕ ПРОФИЛИ РАБОЧИХ СИТУАЦИЙ ДЛЯ РАЗНЫХ ВИДОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Интеракционистский подход утверждает, что для понимания и предсказания поведения человека необходимо учитывать как его личностные характеристики, так и характеристики ситуации, в которой он находится. Организационный контекст, недоступный в полном объеме отдельному сотруднику, является конфигуратором возникающих рабочих ситуаций, в которых он оказывается [1]. Таким образом, изучение характеристик рабочих ситуаций позволяет получить информацию о характеристиках организационного контекста. Существует несколько методических подходов, активно используемых исследователями для изучения ситуаций [2]. Наиболее эвристичным, по нашему мнению, является лексический подход, использующий в качестве исходных данных материал естественного языка [3].

Настоящее исследование направлено на изучение структуры характеристик организационного контекста на основе идиоматических выражений русского языка. Одной из задач исследования является построение идиоматического профиля рабочих ситуаций для разных видов экономической деятельности. Для этого было проведено интернет-исследование, в котором приняли участие 845 человек (628 женщин, средний возраст=28), работающих в разных областях. Каждому испытуемому выдавался список из 100 идиом, сгенерированный случайным образом из изначального списка в 605 идиом, относящихся к домену «Работа» и независимо отобранных тремя экспертами из словаря-тезауруса современной русской идиоматики [4]. Испытуемых просили выбрать те из предъявленных идиом, которые, по их мнению, лучше всего описывают организацию, в которой они работают. На основе полученных данных нами были выделены наиболее часто используемые идиомы для описания организаций (ниже приведены первые 5), занимающихся разными видами экономической деятельности: образование («объяснять на пальцах», «смех и грех», «внести лепту», «то понос, то золотуха», «за спасибо»); ИТ («в запарке», «до победного», «засучив рукава», «валить с большой головы на здоровую», «держат руку на пульсе»); производство («знать как свои пять пальцев», «пуд соли вместе съесть», «думать головой», «финансы поют романсы», «черт голову спомнит»); предоставление социальных услуг («болеть душой», «биться как рыба об лед», «перевести стрелки», «разрываться на части», «рук не хватает»); торговля («смех и грех», «держат марку», «мозги плавают», «для галочки», «глаз да глаз нужен»); предоставление персональных услуг («все через одно место», «в тесноте, да не в обиде», «вертеться как белка в колесе», «яблоку негде упасть», «не соскучишься»); предоставление услуг юридическим лицам («искать общий язык», «во что бы то ни стало», «рук не хватает», «кто-то на ком-то сидит и погоняет», «все через одно место»).

Таким образом, описания рабочих ситуаций с помощью идиом русского языка оказались чувствительны к контекстным различиям, присущим организациям, занимающимся разными видами экономической деятельности. Целью следующего этапа исследования будет выделение на основе полученных данных структуры ситуативных характеристик организационного контекста и ее верификация.

Литература:

1. Маничев С.А. Организационный контекст принятия управленческих решений. // Вестник СПбГУ. Сер. 16. 2015. - Вып. 1 – С. 55-62
2. Rauthmann J.F. Structuring situational information: A road map of the multiple pathways to different situational taxonomies //European Psychologist. – 2015. – Т. 20. – №. 3. – С. 176-189

3. Львова О.В., Аллахвердов М.В. Лексический подход к выделению параметров организационного контекста // Психология XXI века: академическое прошлое и будущее. СПб.: Скифия-принт. 2015. С. 114–116
4. Баранов А.Н. и др. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики: около 8000 идиом современного русского языка / Под. ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. 1135 с

** Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 15-36-01304a2.*

Маничев С.А.

МОДЕЛИ РАБОЧЕГО КОНТЕКСТА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Организационный контекст – это «ситуационные возможности или ограничения, которые влияют на различные организационные элементы» (Johns, 2006, с. 386). К числу базовых характеристик организационного контекста относятся применяемые технологии, организационная структура, культура организации, а также используемые в организации модели и техники руководства.

Организационный контекст задает рамки рабочего контекста, дизайн работы: ограничения и возможности при выполнении работы, например, разнообразие задач, предоставление обратной связи и других возможностей и ресурсов выполнения работы. Рабочий контекст, в свою очередь, является промежуточным звеном в отношениях между организационным контекстом и результатами деятельности и состояниями работника (Morgeson, F.P., Dierdorff, E.C., Hmurovic, J.L., Jillian L., 2010).

Однако попытки напрямую соотнести рабочий контекст и эффективность деятельности дают достаточно скромные результаты (Bass A., 1974).

Как показывают исследования, соответствие характеристик работника организационному контексту приводит в основном к повышению организационной приверженности, а соответствие работе и рабочему контексту, что чрезвычайно важно, – к возникновению вовлеченности в работу и сверхролевого поведению. (O'Reailly, C.A., Chatman, J., Caldwell, D.F., 1991; McCulloch, M.C., Turban, D.B., 2007; Ahmad, K.Z., 2008).

Высокий уровень вовлеченности, в свою очередь, выражается в высоких показателях эффективности труда работников: повышении производительности труда и удовлетворенности потребителя, снижении уровня брака, снижении уровня absenteeизма (Crawford, LePine, Rich, 2010). Таким образом, между рабочим контекстом и эффективностью деятельности на рабочем месте находится промежуточное звено – состояние работника (вовлеченность) и стратегии проактивного поведения.

Само соответствие сотрудника рабочему контексту может обеспечиваться и за счет изменения контекста по инициативе как организации, так и самого работника. Условия, способствующие появлению активных стратегий рабочего поведения и состояния вовлеченности, объединяются понятием «активная работа». Это работа, которая, с одной стороны, предъявляет высокие требования работникам, а с другой - обеспечивает их «хорошим» дизайном работы - достаточным уровнем рабочего контроля или автономии для разрешения поставленных задач (Petrou, Demerouti, Peeters, Schaufeli, Hetland; 2012).

Работник, оказавшись на рабочем месте с заданным дизайном, так или иначе приспосабливает, подстраивает работу к своим возможностям и запросам. Возникает вопрос о том, насколько можно прогнозировать и держать под контролем такие спонтанные изменения в работе, обеспечить вовлеченность в работу, не теряя в эффективности деятельности.

Очевидно, это можно сделать, используя рабочий контекст деятельности как инструмент опосредствованного влияния на состояния работника и эффективность профессиональной деятельности. Для этого необходимо иметь ясное понимание, какие характеристики рабочего контекста создают условия для возникновения позитивных функциональных состояний и проактивного поведения.

В разработанных в последнее время моделях дизайна работы насчитывается уже 18 различных характеристик рабочего контекста (Morgeson, Humphrey, 2006). Метаанализ данных ($N = 18\,348$) о связи рабочего контекста с вовлеченностью в деятельность, проведенный в США, позволил выделить только девять характеристик дизайна работы как предикторов вовлеченности [Crawford, E. R., LePine, J. A., Rich, B. L., 2010, p.840]. Состав полученных в разных исследованиях предикторов вовлеченности и эффективности деятельности лишь частично перекрываются.

Очевидно, попытки выделить «универсальные» характеристики рабочего контекста наталкиваются на серьезные трудности. Поэтому модели рабочего контекста должны строиться с учетом специфики различных доменов профессиональной деятельности. Соответственно, необходимо разрабатывать инструменты построения эмпирических моделей рабочего контекста для отдельных видов профессиональной деятельности. В проведенном в 2015-2016 г. исследовании для оценки профессионального контекста менеджерской деятельности использовался опросник анализа деятельности [Prien E., Goodstein L. D., Goodstein J., Gamble L. J., 2009]. Этот опросник адаптирован на российской выборке, при этом радикально пересмотрена структура показателей рабочего контекста, выделено 7 новых шкал.

Мельник Ю.И., Мельник О.Ф.

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И КАЧЕСТВО УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ МОТИВАЦИИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ

К многочисленным теориям мотивации, которые существуют как в психологии, так и в менеджменте, можно поставить ряд вопросов о специфике управленческой мотивации в зависимости от личности руководителя. Развивая идеи Д. МакКлелланда о трех типах базовых управленческих мотивах, многочисленные последующие отечественные и зарубежные исследования показали, что определенные личностные корреляты выступают посредником в особенностях реализации мотивов и потребностей у руководителей. Сама управленческая мотивация приобретает личностный оттенок и при определенных условиях превращается в личностный резерв руководителя. Возможность использовать и качественно реализовать такой мотивационный резерв в управленческой деятельности, по нашему мнению, зависит и от степени эмоционального благополучия руководителей, как их личностной особенности. Исследования в русле позитивной психологии показали, что именно эмоциональное (или субъективное) благополучие является медиатором, опосредующим качество жизни и профессиональной деятельности.

Целью нашего исследования явилось изучение управленческой мотивации в связи с эмоциональным благополучием руководителей. Основной гипотезой исследования стало предположение о том, что эмоциональное благополучие выступает медиатором, обуславливающим качество управленческой мотивации. В исследовании приняли участие слушатели Президентской программы подготовки управленческих кадров в г. Петрозаводске. Эмпирическое исследование было психодиагностическим по содержанию с использованием стандартизированных методик. Изучались степень и характер доминирования базовых потребностей чело-

века, степень проявления основных мотивов и потребностей в структуре «мотивационного управленческого комплекса» и уровень эмоционального благополучия. Полученные результаты позволяют нарисовать своеобразные мотивационные портреты двух групп руководителей в зависимости от уровня эмоционального благополучия. Группа эмоционально благополучных руководителей характеризуется более зрелой управленческой мотивацией – для них стремление к власти скорее выступает как средство (средние значения по мотивации власти). Мотивация власти у них опирается на потребность в доминировании, что и свидетельствует о нормальной согласованной управленческой мотивации. Также данная группа характеризуется автономностью своего «Я» не зависящей от внешних оценок и одобрений. Само же стремление к одобрению не определяется наличием/отсутствием власти. Эмоциональное благополучие выступает фоном – их высокое эмоциональное благополучие освобождает руководителей от мыслей о нем и позволяет грамотно реализовать свою управленческую мотивацию. Лидерская триада потребностей – доминирования, либертофильная и дигнилофильная потребности присутствует у данной группы руководителей.

Группа «эмоционально неблагополучных» руководителей характеризуется незрелой управленческой мотивацией – для них мотивация власти скорее выступает как компенсация своего относительного эмоционального неблагополучия. «Я» не отличается высокой степенью автономности и требует дополнительной защиты. Эмоциональное благополучие для испытуемых является актуальным и связанным с получением одобрения. Для данной группы их невысокое эмоциональное благополучие выступает своеобразным барьером для нормальной реализации управленческой мотивации.

Наше исследование показало, что эмоциональное благополучие является дискриминирующим фактором, который обуславливает качество проявления управленческой мотивации у руководителей. Роль и значения эмоционального благополучия в управленческой практике важно не только с точки зрения актуализации зрелой управленческой мотивации для отдельного руководителя, но и важно с точки зрения влияния руководителя на подчиненных и на их психологическое благополучие.

Осипова Е.Б

К ВОПРОСУ ОБ УПРАВЛЕНИИ ПЕРСОНАЛОМ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Задача повышения конкурентоспособности организаций в 21 веке решается в контексте создания и управления нематериальными активами организаций, к числу которых относят и персонал. Социально-психологические особенности и ценности современных сотрудников (теории поколений Хоува и Штрауса, 1991 г.) инициируют необходимость в коррекции существующей системы управления персоналом в целях повышения эффективности.

К ценностям поколения Z (рожденных в 2000-ых гг.), определяющих их выбор работодателя и лояльность к нему, относят: интересная работа, свобода, fun (веселье), немедленный результат. С 2003 года в России проводят исследования подтверждающие данные теории поколений Хоува и Штрауса на российской выборке (проект «RuGenerations»). Работодателям предлагают учитывать эти ценности. Многие организации уже корректируют стратегию управления персоналом и рассказывают о своем опыте (Макдональдс, Вымпел-ком, Уральский банк реконструкции и развития и др.) [1], [2], [3].

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ МЕНЕДЖМЕНТА

Возникает вопрос: существуют ли какие-то уточнения по выявленным ценностям у сотрудников-представителей поколений X (Иксы) (1963—1984 г. р.) и Y (Игреки, Миллениум) (1984—2000 г. р.) в зависимости от сферы деятельности организаций.

Пилотажное исследование по данному вопросу было проведено в 2014-2016г.

Используемые методы: анкетирование (авторская анкета), методика «Якоря карьеры» Э. Шейна в адаптации Чикер В.А. Выборка: всего 40 человек, из которых 20 человек – студенты экономических специальностей, средний возраст 19 лет (поколение Y) и 20 человек – сотрудники отдела персонала государственной организации, средний возраст 35,8 лет (поколение X).

Для обработки полученных данных использовался качественный анализ, контент-анализ, методы математической статистики.

Из качественного и количественного анализа данных, полученных из проведенного эмпирического исследования, получены следующие результаты:

1. Сферы деятельности работодателей, предпочитаемые студентами: туризм, отдых – около 50 % опрошенных, финансы, страхование и недвижимость – около 40 % опрошенных, государственные организации – 30% опрошенных.

2. Предпочтения в карьерных ориентациях у студентов (по степени важности):

- 1) интеграция стилей жизни,
- 2) стабильность места работы,
- 3) автономность.

3. Предпочтения в карьерных ориентациях у государственных служащих (по степени важности):

- 1) стабильность места работы,
- 2) интеграция стилей жизни,
- 3) автономность и служение (одинаковое предпочтение).

Выводы:

1. Сферы деятельности работодателей, предпочитаемые студентами, совпадают со сферами деятельности, в которых работают представители поколения Y по данным исследований, опубликованных в открытых источниках.

2. Выявленные карьерные ориентации у респондентов – представителей поколения Y, отражающие их ценности, не подтверждают теорию поколений, согласно которой представители данной категории ценят свободу и готовы к быстрой смене места работы в случае, когда их интерес к работе падает.

2. Структура выявленных карьерных ориентаций совпадает для 2-х групп: студенты и государственные служащие, что может означать наличие общих ценностей у представителей разных поколений – сотрудников государственных организаций.

3. Существует необходимость в дополнительных более детальных исследованиях в области управления персоналом в государственном секторе.

4. Смещение фокуса стратегии управления персоналом только в сторону поколения Y может быть преждевременным с учетом особенностей менталитета сотрудников государственного сектора.

Источники:

1. Игрек неизвестный [Электронный ресурс]: Секрет фирмы. Ежемесячный деловой журнал // URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2483995> (дата обращения: 1.06.2016)
2. Советы по HR-подходам к поколению Y [Электронный ресурс]: // URL: <http://www.trainings.ru/library/articles/?id=10734> (дата обращения: 1.06.2016)
3. Теория поколений в России [Электронный ресурс]: // URL: <https://rugenerations.su/> (дата обращения: 1.06.2016)

Преснякова С.А.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КРИЗИСОВ СОТРУДНИКАМИ В СИТУАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

В настоящее время проблема преодоления профессиональных кризисов сотрудниками в ситуации экономической нестабильности становится очень актуальной для организаций и компаний.

Психологические аспекты, связанные с феноменом «профессиональных кризисов», изучались представителями разных психологических школ: Э. Гинзбургом (факторы кризисов профессионального становления), Д. Миллером (факторы кризисов профессионального становления) и др.

В российской психологии профессиональные кризисы изучались Л.И. Анцыферовой (кризисные и сенситивные периоды в процессе осуществления деятельности), А.К. Марковой (кризисы профессионального становления), Е.А. Могилевкиной (профессиональный кризис, как кризис карьерного развития личности), Э.Ф. Зеером (кризисы профессионального становления).

Преодоление профессионального кризиса, осуществляемое посредством комплекса стратегий, объединяющих механизмы психологической защиты и стратегии совладающего поведения, обеспечивает реальный выход из кризиса и, несомненно, является составной частью переживания кризиса. Так как переживание разворачивается во внутреннем и внешнем плане, то на уровне внешних действий переживание как раз и может быть представлено преодолением – разворачиванием комплекса поведенческих стратегий для понижения уровня кризисной ситуации.

Нами было проведено эмпирическое исследование по изучению стратегий преодоления профессиональных кризисов в ситуации экономической нестабильности сотрудниками государственных учреждений. Для решения поставленных задач и достижения цели, были выбраны следующие методы: теоретический анализ психологической литературы по проблеме исследования, методы математической статистики, тест ценностей Ш. Шварца, методы экспериментальной семантики: семантический дифференциал (Ч. Осгуда), опросник «SACS».

В эмпирическом исследовании приняло участие 55 человек, среди них 35 сотрудники логистической компании города Минска, и 20 – сотрудники транспортной лизинговой компании.

По полу 75 % выборки составили мужчины и 25% женщины. Средний возраст участников исследования составил 34,5 года, минимальный возрастной показатель – 23 года, максимальный – 52 года. Все участники исследования имеют высшее образование.

Основными стратегиями преодоления профессиональных кризисов сотрудниками государственных учреждений в ситуации экономической нестабильности, являются: асертивные действия (9%), вступление в социальный контакт (16%), поиск социальной поддержки (20%), осторожные действия (32%), импульсивные действия (30%), избегание (27%), манипулятивные действия (28%), асоциальные действия (32%), агрессивные действия (32%).

Нами была сформулирована гипотеза, что выбор стратегии преодоления профессиональных кризисов будет зависеть от содержательной стороны направленности личности. Для проверки данной гипотезы нами был использован H — критерий Крускала – Уоллиса.

В зависимости от того на каком уровне выражены агрессивные действия как стратегия преодоления кризиса, испытуемые по-разному придают значение такой ценности как самостоятельность ($H=6,656438$ $p=0,0359$).

Мы можем отметить, что сотрудники выбирающие асертивное поведение как копинг стратегию чаще являются приверженными традициям ($H=6,656438$ $p=0,0359$). Этот тип стратегии преодоления кризиса может проявляться в способности активно и последовательно отстаивать свои интересы, при этом уважая и сохраняя модель реагирования в кризисной ситуации.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ МЕНЕДЖМЕНТА

Выбор стратегии преодоления кризиса будет зависеть от личностных особенностей. У сотрудников, у которых наиболее ярко выражены и эмоционально-волевые особенности личности, в большей степени используют избегание, как стратегию преодоления кризиса ($N=4,837709$ $r=,0890$).

Данная стратегия преодоления профессионального кризиса в сочетании с эмоционально-волевыми особенностями личности может характеризоваться: избеганием решительных действий, стремлением отдаления от конфликтной ситуации, прокрастинацией.

Родионова Е.А., Жданова П.Р.

ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ВЫБОР ФОРМЫ ЗАНЯТОСТИ

Актуальной прикладной проблемой в рамках психологического обеспечения профессиональной деятельности является проблема эффективного подбора и расстановки кадров и создание благоприятных организационных условий для работников организаций в любых формах занятости. Проблемы взаимосвязи между личностными факторами и выбором формы занятости остаются недостаточно разработанными и требуют новых исследований в связи с растущим числом форм занятости.

Задачи, методы и организация исследования.

Цель работы: изучить личностные и психологические факторы, определяющие выбор формы занятости человека как участника трудовых отношений.

Объект исследования: человек как участник трудовых отношений.

Выборку составили 73 человека от 18 до 60 лет (30% мужчин и 70% женщин) с обязательным условием наличия работы в момент прохождения тестов.

Предмет исследования: личностные и психологические факторы (рефлексивность, locus контроля, конформизм/нонконформизм, консерватизм/радикализм) человека как участника трудовых отношений.

Методики:

1. 16-факторный опросник Кеттелла (шкалы Q1 «консерватизм/радикализм» и Q2 «конформизм/нонконформизм»). Обоснование выбора данных шкал – в результатах исследования А.В. Карпова и Е.В. Сатомской.

2. Методика УСК, разработанная Бажиным, Голынкиной, Эткиндо (шкала интернальности в производственных отношениях).

3. Методика Карпова А.В. «Опросник уровня рефлексивности».

4. Дополнительная шкала оценки значимости управления собственным графиком работы.

5. Авторский блок оценки субъективного выбора формы занятости состоял из двух этапов:

1) Этап информирования об основных формах занятости.

2) Этап конструирования собственного «идеального» варианта. Для обработки этих данных и выделения переменных были выбраны два критерия: критерий «гибкость/жесткость» выбранных форм занятости и критерий «фиксированные/плавающие выходные».

Данная форма совершения гипотетического выбора основана на предложенной А.В. Карповым методологии изучения субъективного выбора.

Результаты и обсуждение.

Мерой взаимосвязи служил коэффициент корреляции Спирмена при попарном удалении потерянных данных.

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Были выявлены следующие значимые, на уровне не менее $p < 0.01$, связи (значение корреляции указано в скобках):

- Чем выше рефлексивность, тем чаще испытуемые предпочитают графики работ с плавающими, нефиксированными выходными (0,372).
- Чем выше интернальность, тем чаще испытуемые предпочитают гибкие формы занятости. (0,333).
- Чем выше показатели радикальности, тем выше тенденция к предпочтению графиков работы с плавающими, нефиксированными выходными (0,437).
- Чем важнее для испытуемых участие в управлении собственным графиком, тем чаще они предпочитают гибкие формы занятости (0,343).

Выводы.

Из этих данных следует, что уровень рефлексивности, локус контроля, консерватизм/радикализм, а также важность управления собственным графиком работы определяют выбор формы занятости. И вопреки нашим предположениям, личностный фактор конформизм/нонконформизм не связан с предпочитаемыми формами занятости.

Теоретическая значимость работы заключается в обнаружении новых в теоретическом плане взаимосвязей между психологическими и личностными факторами и предпочитаемыми формами занятости.

Теоретические рекомендации:

- проведение дальнейших исследований на большем объеме выборки для уточнения характера выявленных взаимосвязей;
- выделение иных критериев классификации форм занятости;
- создание методик, измеряющих личностные и психологические факторы, определяющие выбор формы занятости.

Практическая значимость работы заключается в том, что выделенные личностные характеристики, такие как консерватизм/радикализм, интернальность, рефлексивность и степень важности управления собственным графиком работы, можно учитывать при составлении рекомендаций соискателю и подборе персонала.

Сапрыкина Ю.А., Дикая Л.Г.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОЦЕНКИ ТРУДНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ УСПЕШНОСТИ У СПЕЦИАЛИСТОВ СТРАХОВОЙ ОТРАСЛИ

Современные профессиональные стандарты качества работы предъявляют особые требования к личности профессионала в ряде профессий. Трудные профессиональные ситуации (ТПС) свойственны любой деятельности и характеризуются особыми эмоциональными переживаниями, которые, в свою очередь, связаны с особенностями когнитивной сферы специалистов. Исследованию эмоций в профессиональной деятельности уделяется недостаточно внимания, однако эмоциональные переживания в работе оказывают влияние на процессы принятия решений, саморегуляцию, успешность и эффективность деятельности в целом [1,3].

Цель исследования состояла в изучении взаимосвязи показателей оценок ТПС в зависимости от профессиональной успешности страховых агентов.

Гипотеза исследования заключалась в следующем: показатели оценки ТПС страховыми агентами взаимосвязаны с характером ситуации и с показателями профессиональной успешности специалистов.

Общая численность респондентов составила 140 специалистов в возрасте от 21 до 60 лет со стажем работы от 3 месяцев до 32 лет. 95% выборки составили женщины. Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе методом экспертного опроса были выявлены 7 основных трудных профессиональных ситуаций в деятельности страховых агентов. На втором этапе исследования респонденты оценивали ТПС по степени субъективной сложности и выраженности эмоциональных переживаний в каждой ситуации. Для когнитивной оценки ситуаций использовался модифицированный опросник Н. Водопьяновой, Е. Старченковой «Шкала оценки стрессогенности ТПС на рабочем месте» [2]. Для оценки выраженности эмоциональных переживаний использовалась специально составленная анкета оценки 15 негативных эмоций.

Для оценки уровня профессиональной успешности использовались показатели стажа и финансовые показатели работы. Для статистической обработки данных использовался множественный регрессионный анализ.

На первом этапе исследования был получен список трудных профессиональных ситуаций в деятельности страховых агентов: 1) клиент не пришел на встречу; 2) клиент относится с недоверием к специалисту; 3) конфликтная ситуация с клиентом; 4) организационные сложности в работе; 5) клиент высказывает возражения в процессе переговоров; 6) клиент недоволен обслуживанием; 7) сложности в расчете страхового тарифа.

На следующем этапе изучалась взаимосвязь когнитивных и эмоциональных оценок каждой ситуации с показателями профессиональной успешности.

В результате были получены следующие данные: когнитивная и эмоциональная оценки 1 ситуации связаны с переменной стажа (для средней когнитивной оценки $\beta = -0,255$, при $r = 0,013$, для средней эмоциональной оценки $\beta = -0,250$, при $r = 0,015$), когнитивная оценка 5 ситуации связана с показателем финансовой успешности ($\beta = -0,278$, при $r = 0,008$), когнитивная и эмоциональная оценки 6 ситуации связаны с показателем финансовой успешности специалистов (для средней когнитивной оценки $\beta = 0,326$, при $r = 0,002$, для средней эмоциональной оценки $\beta = 0,229$, при $r = 0,045$).

Полученные данные подтверждают гипотезу и могут быть использованы для психологической работы со специалистами (для оценки и коррекции состояний в деятельности) с целью повышения профессиональной успешности специалистов. Продолжение исследований в данном русле будут способствовать пониманию механизмов развития и формирования профессиональной успешности.

Литература:

1. Бодров, В.А. Психология и надежность: человек в системах управления техников [Текст]/В.А. Бодров, В.Я. Орлов. - М.: Изд-во ИП РАН, 1998. - 288 с.
2. Водопьянова, Н.В. Психодиагностика стресса [Текст]/Н.В. Водопьянова. - СПб.: Питер, 2009. - 336с.
3. Дикая, Л.Г. Психическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельностный подход) [Текст]/ Л.Г. Дикая. - М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. - 318 с.

Семёнова Е.М.

СПЕЦИФИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП

Известно, что существуют качества личности, которые способствуют проявлению психологической устойчивости специалиста к негативным явлениям профессионального

развития. Одним из таких качеств является профессиональная толерантность. В современной психологической науке отсутствует системное представление о профессиональной толерантности, до сих пор существует неопределенность значения этого понятия, его конкретизация применительно к разным типам профессий. В то же время известно, что толерантность определяет способность в проблемных ситуациях активно и позитивно взаимодействовать с окружающим миром, противостоять негативным явлениям профессиональной деятельности. В нашем исследовании толерантность рассматривается в структуре профессионально важных качеств специалистов разных типов профессий.

Базируясь на основных положениях теории профессионального выбора Дж. Холланда, нами проводилось исследование психологического содержания толерантности в разных (противоположных по методу контрастных групп) видах профессиональной деятельности: реалистический тип (ООО «М-древ»), социальный тип (воспитатель дошкольного учреждения), предпринимательский тип (директор магазина, заведующий). Некоторые результаты проведенного исследования представлены в данной статье. В исследовании приняло участие 354 человека (182 женщины и 172 мужчины). Возрастной диапазон респондентов, принявших участие в исследовании, был от 19 до 55 лет. Сравнение трёх профессиональных групп осуществлялось путём использования двухфакторного дисперсионного анализа. Исследование проявлений толерантности специалистов разных типов профессий осуществлялась по следующим показателям: общий уровень толерантности личности (методика Г.У.Солдатовой и др.), совпадающее со стрессом (копинг) поведение (опросник Т.А. Крюковой). Было выявлено наличие значимого взаимодействия между профессиональным типом испытуемых и типом копинг-стратегий ($F(4,146) = 5,742, p < 0,0002$). Это говорит о том, что сравниваемые группы испытуемых по-разному используют копинг-стратегии в стрессовых ситуациях деятельности.

Наиболее ориентированы на рациональное решение проблем – руководители, наиболее эмоционально-ориентированными оказались воспитатели. Обнаружены значимые различия по копинг-избеганию у воспитателей и руководителей ($p = 0,04$). Наиболее часто, по сравнению со всеми опрошенными, копинг-избегание выбирают воспитатели дошкольных учреждений.

Определено, что наиболее толерантными являются руководители. Их показатели значительно отличаются от показателей исследуемых реалистического типа профессий ($p = 0,01$). На втором месте по степени выраженности толерантности выделились воспитатели детского сада.

Таким образом, у представителей профессий предпринимательского типа наиболее выражены показатели общего уровня толерантности, что характеризует их как проявляющих позитивное отношение к окружающему миру и другим людям (уважение к мнению оппонентов, готовность к конструктивному решению конфликтов и продуктивному сотрудничеству). Они ориентированы на рациональное решение проблем, характеризуются активной стратегией совладания с трудностями. Представители профессий реалистического типа характеризуются использованием проблемного копинга, склонны к рациональному анализу проблем. Им свойственна интолерантность коммуникативных установок (неготовность к конструктивному диалогу и решению конфликтов, продуктивному сотрудничеству). Представители профессий социального типа характеризуются средними значениями толерантности, высокими показателями копинга, ориентированного на эмоции, частым использованием копинг-стратегии избегания.

Таким образом, нами выявлена определённая специфика психологического профиля толерантности у представителей разных профессиональных групп. Внедрение результатов научного исследования толерантности в практические сферы деятельности психолога позволит обеспечить оптимизацию процесса профессионального становления субъекта труда в разных видах профессиональной деятельности.

Семянищева П.А.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В АРМИИ КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ФАКТОРОВ СТРЕССА У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

В современное время неизменным спутником развития всех отраслей являются непрерывные и набирающие обороты изменения, которые не обошли стороной и такую консервативную структуру, как армия. Недавно в Вооруженных Силах России были проведены масштабные реформы: изменения подверглись структура военных подразделений, мотивационная система служащих и многое другое.

Целью исследования было выявление взаимосвязи между уровнем удовлетворенности трудом, хронического утомления, субъективной оценкой качества жизни и стрессогенности трудовой деятельности офицеров на этапе отраслевого реформирования в 2008-2012 гг. Участниками стали 130 офицеров Космических Войск (мужчины от 20 до 42 лет). В состав методик вошли: анкета «Оценка удовлетворенности работой» В.А. Розановой [1], опросник «Оценка качества жизни» И.А. Гундарова и А.А. Полесского [3], опросник трудового стресса Ч. Спилбергера в адаптации А.Б. Леоновой и С.Б. Величковой [2] и опросник «Степень хронического утомления» А.Б. Леоновой [3].

Факторный анализ негативных оценок качества жизни и стрессогенности трудовой деятельности позволил выделить шесть интегральных факторов: чрезмерная нагрузка, выполнение работы за других, сложность карьерного роста, несправедливость в оплате, плохие условия жизни, отсутствие духовного роста ($h^2=83\%$). Также был выявлен умеренный уровень неудовлетворенности работой ($M=38,64/\sigma=9,083$). При этом с последним показателем наиболее сильно коррелируют показатели субъективной оценки качества жизни по параметрам «материальный достаток» ($r=-0,488, p<0,001$) и «работа» ($r=-0,588, p<0,001$), а также оценки степени стрессогенности факторов «сверхурочная работа» ($r=0,491, p<0,001$) и «ограничения профессионального роста» ($r=0,489, p<0,001$).

В среднем признаки хронического утомления (ХУ) у офицеров отсутствуют ($M=12,37/\sigma=11,398$), при этом симптомы физиологического дискомфорта составляют 12,51% ($\sigma=15,882$), снижения общего самочувствия и когнитивного дискомфорта - 15,52% ($\sigma=19,795$), нарушений в эмоционально-аффективной сфере - 16,84% ($\sigma=24,142$), а снижения мотивации и изменений в сфере социального общения - 36,60% ($\sigma=25,279$). Анализ корреляционных связей показывает зависимость между уровнем ХУ и оценкой качества жизни по параметру «душевное состояние в последнее время» ($r=-0,486, p<0,001$), а также выраженностью снижения мотивационного компонента ХУ и оценкой по параметру «работа» ($r=-0,520, p<0,001$).

На основе изложенных результатов сделаны следующие выводы:

1. Некоторая неудовлетворенность работой, обозначенные факторы формирования неблагоприятных функциональных состояний и симптомы негативных изменений в мотивационно-личностной сфере, способствующих накоплению утомления, указывают на наличие у офицеров психологической напряженности. Сопоставление этих параметров с особенностями проведения реформ позволяет предположить, что рост напряженности вызван, в том числе, воздействием негативных факторов профессиональной деятельности и изменяющейся организационной среды.

2. В период реформирования психологическое сопровождение военнослужащих особенно актуально вследствие смены регламентов и условий труда, возникновения чувства неопределенности и неуверенности в своем будущем. Выработка направлений и методов психологической работы по снижению негативного эффекта от внедряемых изменений должна

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

проходить с обязательным учетом профессионально- и организационно-обусловленных особенностей формирования неблагоприятных функциональных состояний и их саморегуляции.

Литература:

1. Верещагина Л.А. Оценка удовлетворенности работой // Практикум по психологии менеджмента (под ред. Г.С. Никифорова, М.А. Дмитриевой, В.М. Снеткова). СПб.: Питер, 2003. С. 311—321.
2. Леонова А.Б., Величковская С.Б. Дифференциальная диагностика состояний сниженной работоспособности // Прохоров А.О. (ред.) Психология психических состояний (под ред. А.О. Прохорова). Казань: Центр инновационных технологий, 2002. Вып. 4. с. 326 – 343.
3. Практикум по психологии здоровья (под ред. Г.С. Никифорова). СПб.: Питер, 2005. – 351 с.

Столярчук Е.А.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ВОСТРЕБОВАННОСТЬ И ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Подготовку молодых специалистов мы рассматриваем с позиции субъектно-ресурсного подхода посредством внедрения программы психологического обеспечения профессиональной подготовки студентов, которая должна быть направлена на повышение субъектной активности личности [1,2].

Изучение взаимосвязи профессиональной востребованности с индивидуально-психологическими особенностями дает возможность прогнозировать степень успешности саморазвития человека в профессии [3], что явилось целью данного исследования; задачи исследования – сравнительный анализ профессиональной востребованности, карьерных ориентаций, локуса контроля молодых специалистов в зависимости от особенностей обучения и соответствия специальности, полученной в вузе.

В исследовании приняли участие 129 выпускников, обучавшихся в вузе по двум направлениям «Промышленный менеджмент» (50%) и «Менеджмент туризма», имеющих профессиональный стаж от 1 до 3 лет, возраст от 22 до 27 лет. Выпускники специализации «Менеджмент туризма» во время обучения в вузе участвовали в программе психологического обеспечения профессиональной подготовки с позиции субъектно-ресурсного подхода от первого до выпускного курсов, работают по специальности. Выпускники «Промышленного менеджмента» работают по специальности только 30%.

Результаты исследования и их обсуждение. Менеджеры туризма имеют уровень профессиональной востребованности выше среднего по всем показателям 78%, по профессиональной компетентности 88% и самоотношению 64%, положительно оценивают отношение других к себе как профессионалам 86%. У выпускников «Промышленного менеджмента» преобладают низкие и средние показатели профессиональной востребованности, только 25% положительно оценивают результаты своей профессиональной деятельности, 15% удовлетворены реализацией профессионального потенциала, а 24,5% болезненно переживают свою профессиональную некомпетентность. Самые низкие показатели по шкалам «Профессиональная компетентность» 33% и «Удовлетворенность реализацией профессионального потенциала» 35%.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ МЕНЕДЖМЕНТА

У менеджеров туризма преобладают карьерные ориентации: профессиональная компетентность (7,8), менеджмент (8,3) и вызов (7,9), интернальный уровень локуса контроля (15,7). Выпускники «Промышленного менеджмента» больше ориентированы на стабильность места работы (7,9), интеграцию стилей жизни (7,3%) и имеют экстернальный уровень локуса контроля (10,44).

В результате корреляционного анализа получены следующие взаимосвязи. Чем больше у менеджеров туризма выражены интернальность, карьерные ориентации вызов, менеджмент, предпринимательство, тем больше они будут профессионально востребованы. Молодые специалисты «Промышленного менеджмента» будут больше профессионально востребованы, если они будут ориентированы на профессиональную компетентность, интеграцию стилей жизни и интернальность.

Полученные в нашем исследовании результаты доказывают необходимость научно-обоснованного психологического обеспечения профессиональной подготовки студентов вузов от первого до выпускного курсов.

Литература:

1. Водопянова Н.Е. Современные концепции ресурсов субъекта профессиональной деятельности // Вестн. С.- Петерб. ун-та. Сер. 16. – 2015. – Вып. 1. – С. 45-54.
2. Толочек В.А. Профессиональная успешность: от способностей к ресурсам (дополняющие парадигмы) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 6. № 3. С. 27—61.
3. Харитонова Е.В., Ясько Б.А. Взаимообусловленность профессиональной востребованности и индивидуально-психологических особенностей личности // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 3 – 2011. – Вып. 1. Педагогика и психология. С.172-177.

Флоровский С.Ю., Шияневская И.А.

КОПИНГ-ПОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР ТРУДОВОЙ И ОРГАНИЗАЦИОННОЙ АДАПТАЦИИ

Адаптация на новом месте работы всегда носит более или менее стрессовый характер. Данное обстоятельство делает актуальным раскрытие психологической природы совладания человека со стрессовыми ситуациями в процессе освоения новых для него функциональных обязанностей, нового рабочего места, включения в новую систему интерперсональных связей и контактов, интеграции в новую организационную среду.

Наше исследование исходило из гипотезы о существовании закономерной взаимосвязи между характером копинг-поведения личности и успешностью процесса трудовой и организационной адаптации. Трудовая адаптация рассматривалась нами как процесс интеграции личности в трудовую деятельность и микросоциальное окружение, а организационная адаптация – как включение в организационную жизнедеятельность.

В качестве эмпирической базы исследования выступали предприятия краснодарского регионального отделения крупного автомобильного холдинга, яркого представителя рыночной культуры, для которой характерны динамичность, направленность на результативность и прибыльность бизнеса, доминирование ценностей достижения успеха и доминирования, превалирование краткосрочных целей над стратегическими планами (Cameron & Quinn, 1999). Совокупную выборку адаптантов составили 21 человек: 8 мужчин и 13 женщин в возрасте от 19 до 52 лет (средний возраст $33,5 \pm 10,2$).

Уровень адаптированности оценивался по «Шкале профессионального стресса» Д. Фонтаны, а также авторской анкеты, направленной на выявление степени и причин переживаемого трудового и организационного стресса. Индивидуальный профиль копинг-поведения выявлялся при помощи опросника «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкман в адаптации Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк и М.С. Замышляевой. Осуществлялся сравнительный анализ копинг-стратегий новых сотрудников, решающих проблемы трудовой и организационной адаптации с разной степенью успешности.

Полученные результаты свидетельствуют, что значимым фактором (предиктором) успешной трудовой и организационной адаптации выступают вполне определенные характеристики личностного профиля совладающего поведения. А именно: стабильное стремление при разрешении трудных ситуаций актуализировать механизмы положительного переосмысления негативных переживаний, рассмотрения проблемы как стимула для личностного роста («положительная переоценка»), преодолевать проблему за счет целенаправленного анализа ситуации и возможных вариантов поведения, планирования собственных действий с учетом объективных обстоятельств, прошлого опыта и имеющихся ресурсов («планирование решения»), осознанно подавлять, блокировать и деструктурировать негативные эмоции, снижая их влияния на восприятие ситуации и выбор стратегии поведения («самоконтроль») на фоне минимального использования, с одной стороны, «лобовых» эго-центрированных стратегий противоборства с обстоятельствами («конфронтация»), а с другой – разнообразных вариантов уклонения от решения проблемы в виде отрицания самого факта её существования, фантазирования, построения нереалистичных ожиданий и т.п. («бегство-избегание»).

На наш взгляд, вышеописанный паттерн копинг-стратегий хорошо коррелирует с содержанием рыночной организационной культуры, отражая присущие ей базовые представления о «правильных» и «неправильных» способах преодоления трудностей в работе, межличностном общении и организационной жизнедеятельности.

Вследствие ограниченности выборки данный вывод носит промежуточный характер. Проверка выявленных тенденций на устойчивость и воспроизводимость требует проведения дальнейших исследований в организациях с аналогичным – рыночным – типом культуры. Также в перспективе представляется продуктивным выявить личностные профили копинг-стратегий, оказывающие значимое влияние на успешность трудовой и организационной адаптации в различных организационно-культурных контекстах (не только рыночном, но и клановом, бюрократическом, адхократическом).

Флоровский С.Ю.

ЛИЧНОСТНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ СОВМЕСТНОЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРОБЛЕМА ПРЕДИКЦИИ ОРИГАНИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Проблема поиска надёжных предикторов организационного развития продолжает оставаться одной из самых актуальных в области организационной психологии и психологии менеджмента. Высокие экономические показатели, доминирующее положение на рынке, позитивная репутация в бизнес-сообществе и тому подобные «знаки успеха» не являются автоматически проецируемыми в будущее константами (Alvesson, 2002; Piters & Waterman, 1982; Schein, 1999). При этом утрата лидерских и эталонных позиций чаще всего оказывается совершенно неожиданной для самих организаций и их менеджмента. Данный «эффект неожиданности» обусловлен тем, что причины подобных организационных деструкций в значитель-

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ МЕНЕДЖМЕНТА

ной мере имеют социально-психологическую природу и феноменологически проявляются как достаточно «тихие», «фоновые», в буквальном смысле слова «спрятанные» в событийном контексте повседневного общения и взаимодействия руководителей ведущих уровней управления.

Одной из доминирующих моделей профессиональной активности руководителей высшего и среднего ранга современных организаций является совместная управленческая деятельность (СоУД). В онтологическом плане эта деятельность представлена множеством межличностных интеракций, предполагающих осуществление несколькими руководителями системы управленческих функций, связанных с регуляцией межгруппового взаимодействия возглавляемых ими структурных подразделений и/или организационных подсистем и направленных на решение проблем функционирования и развития организации как целостного субъекта социально-экономической активности (Флоровский, 2000, 2005, 2010).

Понять причины преобладания в управленческом взаимодействии положительной или отрицательной синергии, а также оценить степень укорененности конструктивных и деструктивных «интерактивных сценариев» в культуре организации, невозможно без обращения к анализу той части детерминационного поля СоУД, которая представлена стабильными личностными свойствами взаимодействующих руководителей. Операционально регулирующее влияние диспозиционных переменных на СоУД может быть раскрыто в результате анализа значимых связей параметров личностной организации руководителей с такими интегральными характеристиками СоУД как продуктивность-непродуктивность, легкость-затрудненность, общая эффективность-неэффективность управленческих интеракций. Это позволяет эксплицировать комплекс реально-действующих норм поведения и взаимодействия, функционально-ролевых и межличностных ожиданий, а при использовании адекватных стратегий интерпретации – и содержание культуuroобразующих «базовых представлений», которые репрезентируют не только «устоявшиеся» и стабилизировавшиеся характеристики организационной культуры, но и находящиеся в стадии формирования тренды организационного развития. Механизм этих взаимосвязей может быть представлен следующим образом: культура организации – управленческое взаимодействие – ожидания взаимодействующих руководителей – поддержка/неподдержка участниками взаимодействия определенных личностно-обусловленных паттернов поведения партнеров.

Варианты «сцепления» личностных характеристик руководителей и параметров их управленческих интеракций существенно варьируют от организации к организации (а также на различных этапах жизненного цикла одной и той же компании). Данное обстоятельство является не недостатком, а достоинством рассматриваемой технологии оценки, мониторинга и прогнозирования организационного развития. Обусловлено же это высокой сензитивностью личностных механизмов регуляции СоУД к организационно-культурному и ситуационно-деятельностному контексту её реализации. В свою очередь, гибкость личностно-регулятивных механизмов СоУД открывает возможность целенаправленного коррекционно-оптимизирующего влияния как на профессиональное сознание руководителей, так и на культуру предприятия в целом – через поддержку-неподдержку управленческим сообществом определенных личностных оснований построения повседневного организационного поведения руководителей высшего и среднего ранга.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Volkova N

CAREER ANCHORS AND SELF-MONITORING AS PREDICTORS OF CAREER MOTIVATION – A STUDY OF RUSSIAN STUDENTS

Up-to-date technologies, fluctuated business climate and sociocultural mobility have highlighted the importance for companies selecting staffs that are potentially able to adjust speedy to turbulent environment as well as provide high quality of job responsibilities. Therefore, one of the core human resource management issues is to attract, retain and develop talent from diverse groups of people particularly young generation. In this regard, career management may be worthy benefits for personnel to work a good while for the company.

According to literature career motivation is crucial element of career management practices in organizations. In foreign and national research has pointed to the importance of different psychological attitudes to career motivation among age groups (generations), dynamically acting within the labor market. Our case study of career anchors and self-monitoring between three generational cohorts in Saint-Petersburg companies indicated significant peculiarities which may be worthwhile for staff recruiting and career building. Consequently, the employers are probably interested in getting information how to measure career motivation and professional values of students and estimate their matches to organizational environment.

In accordance with Schein (1996) career anchors are stable characteristic formed within human socialization stage (age of 8-14 years). Therefore, it is possible to examine them as essential basis of career motivation. Career anchors are differentiated between the following groups:

- 1) Career anchors that focus on the expression of work-related talents (Technical or functional competence; General managerial competence; Entrepreneurial creativity).
- 2) Career anchors that focus on structuring work roles consistent with basic personal desires and personal life (Autonomy and independence; Organizational security; Geographical stability; Lifestyle).
- 3) Career anchors that focus on individuals' identification with their occupations and the corporate cultures (Service or dedication to a cause; Pure challenge).

The next main social-psychological characteristic of career management is self-monitoring developed by Snyder (1974). It indicates both sensitivity to situational cues and the ability to manage the impression.

In this research, the aim was to examine career anchors and self-monitoring between students studying at the following bachelor degree programs: "Logistics and supply chain management" (L&SCM), "Sociology" and "Human Resource management".

The data was collected from 179 students (139 females and 40 males). The average age of participants was 19.5 years. All respondents filled in two questionnaires adapted to the Russian panel: Snyder's Self-monitoring scale and Schein's Career Orientations Survey.

The results of variance analysis indicated significant effects between student groups in the following career anchors: Technical or functional competence ($F=7,28$; $p=0,0009$) and Pure challenge ($F=3,5$; $p=0,03$). Further, t-test was done to assess the differences between each group of bachelor programs. The L&SCM students demonstrated a significantly higher preference for these career anchors in particular for Technical or functional competence. It is likely shown that they are more confident at their knowledge-on-demand on the labor market.

Thereafter, factor analysis was done which indicated General managerial competence, Entrepreneurial creativity and Pure challenge as leading career anchors (the first factor) for all groups. These findings show that students have similar preferences to their future job. It is presented probably that young generation who is studying at the Russian Universities are generally motivated to overcome obstacles, participate in projects and develop their skills to get promotion. In order to retain young employees, the employers should consider both expertise and the various personal traits such as career anchors which are amongst others the basis of career motivation.

Агадуллина Е.Р.

ЦЕЛОСТНОСТЬ ГРУППЫ КАК МУЛЬТИКОМПОНЕНТНЫЙ КОНСТРУКТ

Одним из основных понятий при анализе социальной группы является понятие «целостность» (entitativity), так как именно восприятие группы как целостной сущности, социальной и психологической общности индивидов позволяет отделить группу от простого скопления людей. В психологической литературе встречаются как минимум три независимые группы теорий восприятия целостности. Первая группа рассматривает в качестве основных параметров восприятия целостности группы подобие между ее членами (в внешнем виде, поведении и т.д.), вторая – делает акцент на восприятии взаимодействия между членами группы, описании их общих целей и намерений. Данные подходы наиболее распространены в психологической литературе. Несколько реже в исследованиях встречается представление о том, что воспринимаемая целостность группы связана с оценкой значимости членства в группе, со степенью ее организованности и сплоченности. В исследовании описанные подходы обозначены как «подобие», «взаимодействие» и «единство».

Анализ способов операционализации конструкта «целостность» показал, что в эмпирических исследованиях авторы чаще всего используют одну из трех стратегий. В первом случае целостность группы измеряется строго в рамках одного из трех описанных выше подходов. Во втором – авторы формируют оригинальную шкалу, включающую в себя суждения из разных подходов, не акцентируя внимания на их различиях. И, наконец, в третьем случае авторы рассматривают подобие, взаимодействие и целостность как независимые конструкты.

Все эти данные указывают на то, что в настоящий момент не существует какого-либо согласованного мнения относительно того, как понимать и операционализировать конструкт «целостность» группы, а так же как связаны между собой на теоретическом и эмпирическом уровне разные представления о данном конструкте. Целью данной работы является изучение взаимодействия разных подходов к операционализации целостности группы и проверка гипотезы о структуре данного конструкта.

Испытуемые: в исследовании приняло участие 394 жителя России, 77,4% женщин (N = 305). Средний возраст – 25,63 (SD = 11,15).

Метод: для оценки были выбраны два типа групп по классификации Б.Ликела (интимные группы (семья) и социальные группы (русские)), которые были последовательно оценены в качестве ин-группы (семья и жители России) и аут-группы для испытуемых (семья друга и жители средней Азии).

Для проверки гипотезы о многокомпонентности конструкта «целостность группы», был проведен подтверждающий факторный анализ. Сравнивались три модели, отражающие основные подходы к воспринимаемой целостности группы. Первая модель предполагает наличие единого фактора «целостность группы», объединяющего различные представления о

целостности группы. Вторая модель предполагает наличие трех независимых факторов, относящихся к трем разным компонентам целостности группы: «подобие», «взаимодействие», «единство». Третья модель является двухуровневой комбинацией первых двух, на первом уровне которой существуют три взаимосвязанных фактора, описывающие три компонента целостности группы, которые в свою очередь объединены на втором уровне в один общий фактор целостности. Данная модель отражает гипотезу данного исследования о том, что целостность группы является мультикомпонентным конструктом, компоненты которого являются взаимосвязанными, но не тождественными друг другу.

Результаты: результаты подтверждающего факторного анализа показали, что двухуровневая модель (три компонента: «подобие», «взаимодействие» и «единство» на первом уровне и один: «целостность» группы на втором уровне) обладает лучшим соответствием исходным данным по сравнению с альтернативными моделями при оценке всех типов групп (ин-группа/аут-группа; интимная группа/социальная группа). Данная структура устойчива для всех оцениваемых групп при сравнении данных при помощи мультигруппового факторного анализа, что указывает на ее устойчивость и универсальность при оценке и сравнении разных типов групп.

Алишев Б.С., Атагунов Р.И.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНОГО МИРА МОЛОДЕЖИ ПРИЗЫВНОГО ВОЗРАСТА

Важной сферой ценностного мира личности являются фундаментальные ценности, характеризующие различные аспекты взаимодействия человека с окружающей природной и социальной действительностью. К числу таких ценностей относятся: польза, добро, красота, истина, справедливость, мощь (сила), свобода. Эти ценности приложимы к самым различным объектам и явлениям, действиям и поступкам, ситуациям. Каковы в этом плане ценности молодежи, призываемой в вооруженные силы страны? В исследовании, проведенном нами на выборке из 207 юношей, призванных на военную службу (средний возраст – 18,5 года), предполагалось, что перечисленные выше ценности «описывают» все основные аспекты взаимодействия человека с Миром. Использовался метод попарных сравнений каждой ценности с каждой другой, позволивший получить итоговые индексы в виде 7-ми балльной шкалы от 0 до 6.

Были получены следующие результаты. Наибольшей ценностью оказалась справедливость (3,83). Далее по абсолютным значениям индексом предпочтительности расположились ценности «добро» (3,47), «свобода» (3,44) и «истина» (3,23). Между их усредненными индексами не существует статистически достоверных различий по t-критерию Стьюдента, но эти индексы статистически значимо ниже, чем индексы по ценности «справедливость». Следующая пара ценностей, индексы которых тоже практически одинаковы, – польза и красота (соответственно, 2,57 и 2,51). Наконец, самый низкий индекс оказался у ценности «мощь (сила)» – 1,95. Какие из этих данных могут быть сделаны выводы?

Как можно видеть, более всего юноши-призывники ценят справедливость. Справедливость предполагает, в сущности, ограничение индивидуальной свободы. Но это объективный смысл. Субъективно же справедливость может пониматься как справедливость «для меня» и справедливость «для других». Только в последнем случае она реально отражает готовность ограничить собственную свободу. Поэтому в процессе работы с призывающейся в армию молодежью важно формировать у каждого широкое понимание сущности справедливости, охватывающее оценку не только того, что происходит лично с ним, но и с другими.

Среди остальных данных по общей выборке обращает на себя внимание то, что молодые люди выше ценят добро, нежели пользу. Здесь прослеживается преобладание социальной (нравственной) ценности над экономической. С учетом того, что молодые люди не занимаются в армии экономической деятельностью, а нравственные отношения важны везде, такой результат рассматривается нами как положительный. Среднюю ценность представляет «истина». По всей видимости, ей придают существенное значение лишь люди, занятые специфическими видами деятельности - ученые и некоторые другие группы. Большинство же людей, в том числе и большая часть молодежи живет практической жизнью и не задумываются над тем, что в ней постоянно, на каждом шагу сталкиваются с истиной и не истиной в восприятии и оценке будничных фактов и явлений.

Последние места в списке ценностей заняли красота и мощь, которые имеют наименее выраженное социальное содержание. Если первая из этих двух ценностей не имеет прямого отношения к воинской службе, то низкие индексы у второй из них кажутся не очень соответствующими специфике данного рода деятельности. Принято считать, что армия является олицетворением силы и мощи страны и государства. Тем не менее, мы полагаем, что низкие индексы по данной ценности не несут в себе ничего негативного. Напротив, с психологической точки зрения, как раз молодые люди с повышенными индексами по ней могут представлять собой некую группу риска в связи со своей выраженной склонностью к доминированию и, возможно, даже к насилию.

В целом, результаты исследования позволяют получить знания о структуре ценностей молодежи призывного возраста, влияющей в ряды вооруженных сил страны, что, в свою очередь, создает более благоприятные условия для работы с личным составом.

Аллахвердова О.В., Крайнова О.С.

СИТУАЦИИ, ВЫЗЫВАЮЩИЕ СОСТОЯНИЕ ФРУСТРАЦИИ У МОЛОДЕЖИ

Профилактика и управление конфликтами является на сегодняшний день актуальной проблемой социальной работы в России. Прогнозирование и анализ причин возникновения конфликтов в молодежной среде, как представляется, интересен для специалистов всех сфер управления и оказания помощи молодежному сообществу.

Цель нашего исследования направлена на изучение бытовых ситуаций, которые вызывают негативные эмоции у современных молодых людей, т.е. на определение ситуаций фрустрации.

Для исследования основных тем, вызывающих негативные эмоции, использовались интернет-сайты, на которых молодые люди высказывают свои негативные эмоции. Были выбраны сайты: URL: <http://zadolba.li/>, URL: nefart.ru, URL: <http://vk.com/etobecit>.

Сайт «zadolba.li» функционирует с 2009 года, в данный момент представляет сайт, на котором люди высказываются о ситуациях, вызывающих негативные эмоции. В качестве количественного критерия использовалось согласие с ситуацией методом подсчета «лайков». На сайте «nefart.ru» люди описывают истории, классифицируемые как «нефарт» – т.е. невезение, ситуация вызывающая негативные эмоции, фрустрацию. Оценка осуществлялась путем подсчета количества пользователей, проголосовавших за историю кнопкой «в натуре нефарт». Ресурс «<http://vk.com/etobecit>» представляет собой публичное общение в социальной сети «ВКОНТАКТЕ» и предназначен для того, чтобы люди делились историями, вызывающими гнев. Этот ресурс характеризуется большим количеством молодежи, участвующей в жизни сообщества. Оценка также осуществлялась подсчетом количества «лайков» – т.е. отметок о том, что история вызвала отклик.

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Предметом исследования являлись бытовые ситуации, вызывающие негативные эмоции у молодых людей.

Гипотезы: 1. Существуют ситуации и поведение людей, провоцирующие возникновение негативных эмоций. Факторами, фрустрирующими молодежь является вмешательство в личную жизнь, навязывание мировоззрения/ религии и необоснованные обвинения.

Исследовалась группа молодежи в возрасте от 14 до 25 лет. Для исследования выбирались преимущественно участники, указывающие в документе: «Я заканчиваю школу», «Я молодая(-ой) привлекательная(-ый) девушка/парень», или прямое указание возраста и т.д.). Таким образом выбирались молодые люди, описывающие причины бытового неудовольствия, вызываемого разными причинами.

Результаты.

Согласно результатам анализа ресурсов острыми проблемами являются:

1. Проблемы в коммуникации;
2. Неравное материальное положение;
3. Необоснованные обвинения;
4. Вмешательство в частную жизнь;
5. «Неравномерное» отношение родителей к детям;
6. Качество сферы обслуживания;
7. Навязывание любой религии, мировоззрения;
8. Равнодушное отношение.

Было выявлено, что проблемами, вызывающими наиболее острую негативную эмоциональную реакцию и получившие наибольшее количество выборов молодежи являются (расставлено в порядке убывания):

1. Вмешательство в частную жизнь;
2. Навязывание религии и/или мировоззрения;
3. Качество сферы обслуживания;
4. Необоснованные обвинения;

Как видно из полученных результатов гипотеза исследования подтвердилась.

В современном обществе ситуации, вызывающие негативную реакцию молодежи существуют по-прежнему, но важно отметить, что они несколько изменились. Сравнительный анализ историй с 2010 по 2015 г. показал, что, в частности, стали более актуальными проблемы отношения к религии, которые активно навязываются СМИ, но не принимаются молодыми.

Особо необходимо отметить, проблему «неравномерного» отношения родителей к детям. Авторитарное воспитание в семье в советские времена безропотно принималось молодыми людьми вплоть до создания собственной семьи. Однако современные социальные отношения, информированность молодых людей и понимание своих прав вызывает серьезный протест против взаимоотношений «начальник-подчиненный», где в роли начальника выступают родители (ребенок обязан, мнение ребенка не должно учитываться и т.д.).

Антонова Н.В., Ивашкина Т.А.

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СЕМИОПРЕДЕЛЕНИЯ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

В современном изменяющемся мире постоянно возникают новые профессии и становятся невостребованными, а порой и исчезают традиционные, в связи с этим меняется значение профессионального самоопределения и характер его связи с профессиональным раз-

витием. В данном исследовании использована классификация этапов профессионального развития, предложенная Е. А. Климовым (Климов, 2010). В ней представлены основные фазы развития профессионала: фаза оптанта; фаза адепта; фаза интернала; фаза мастерства; фаза авторитета; фаза наставничества. Самоопределение личности понимается нами как процесс принятия решения человеком относительно себя и своей жизни. Обобщая взгляды различных авторов на проблему профессионального самоопределения (Антонова, Белоусова, 2011; Зеер, 2003; Шнейдер, 2001), мы выделили следующие его основные компоненты: 1) ценностный, определяющий направленность поиска; 2) мотивация к профессиональной деятельности; 3) профессиональная идентичность как результат процесса самоопределения. Мы предположили, что на различных этапах профессионального развития содержание данных компонентов будет различным.

Цель: выявить особенности профессионального самоопределения на различных этапах профессионального развития.

Гипотезы:

1. С переходом на более поздний этап профессионального развития степень выраженности внутренней мотивации возрастает.

2. На ранних этапах профессионального развития ведущими являются ценности самоутверждения, на более поздних – ценности профессиональной самореализации.

3. Для людей, находящихся на ранних стадиях профессионального развития, характерны статусы идентичности «мораторий» и «преждевременная идентичность», а на поздних этапах профессионального развития – статус «достигнутой» профессиональной идентичности.

Выборка составила 193 респондента, представителей различных профессий, из них 124 женщины (64%) и 69 мужчин (36%).

Методы исследования: 1) Для определения этапа профессионального развития использовался разработанный нами опросник; 2) Для исследования компонентов профессионального самоопределения использовались: а) методика К. Замфир в модификации А. Реана «Мотивация профессиональной деятельности»; б) методика М. Рокича «Изучение ценностных ориентаций»; в) Методика измерения профессиональной идентичности (МИПИ) Л.Б. Шнейдер.

Результаты

Математическая обработка результатов позволила делать следующие выводы:

1. Гипотеза 1 подтвердилась частично. Связь между этапами профессионального развития и степенью выраженности внутренней мотивации имеет нелинейный характер: на этапах «адепт» и «адаптант» действительно наблюдается самая низкая степень выраженности внутренней мотивации, однако наиболее высокий уровень внутренней мотивации наблюдается не на высших этапах профессионального развития, а на этапе «интернал».

2. Вторая гипотеза также подтвердилась частично. На ранних этапах профессионального развития для людей характерны ценности самоутверждения. Связь между этапами профессионального развития и терминальными ценностями не выявлена.

3. Третья гипотеза не получила подтверждения. Статистически значимых различий между этапами профессионального развития и статусом профессиональной идентичности выявлены не были, однако наблюдаются определенные тенденции: для людей, находящихся на этапах «наставник» и «авторитет», характерен статус псевдоидентичности, а на этапах «мастер» и «оптант» - статус диффузной идентичности.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о сложной и неоднозначной взаимосвязи профессионального самоопределения и этапов профессионального развития.

Литература:

1. Антонова Н.В., Белоусова В.В. Самоопределение как механизм развития идентичности. // Педагогика и психология образования. 2011, №2, с. 79-92.
2. Зеер Э.Ф. Психология профессий. – М., Екатеринбург, 2003. – 329 с.
3. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. – М.: Академия, 2010. – 304 с.
4. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность. Монография. – М.: МОСУ, 2001 – 233 с.

Астрейко Н.С.

**ВЗАИМОСВЯЗЬ АГРЕССИИ И СТИЛЕЙ ВОЖДЕНИЯ АВТОМОБИЛЯ
ДЛЯ МУЖЧИН-ВОДИТЕЛЕЙ**

В Республике Беларусь высшей ценностью является человек, его права и свободы, поэтому обеспечение безопасных условий жизни – один из приоритетов государственной политики. Концептуально действующие в стране подходы к обеспечению безопасности дорожного движения соответствуют мировым стандартам и позволяют адекватно реагировать на изменения дорожно-транспортной обстановки. По данным Госавтоинспекции большая часть ДТП происходит по вине водителей. Значительное число аварий объясняется не столько нарушением водителями правил дорожного движения, сколько агрессивным вождением автомобиля.

Ранее проведенные исследования позволили выявить, что стиль вождения автомобиля зависит от уровня агрессивности самого водителя. С целью проверки данного предположения было проведено изучение взаимосвязи агрессии и стиля вождения автомобиля среди белорусских водителей.

Для проведения исследования использовались следующие методики:

- многофакторный опросник стиля вождения О. Таубман-Бен-Ари в адаптации И.А. Фурманова и Н.С. Астрейко, состоящий из 8 шкал: диссоциативное, терпеливое, опасное, агрессивное, высокоскоростное, безаварийное, тревожное, осторожное поведение водителей [2, 6];

- шкала агрессивности А. Басса и М. Перри, состоит из 4 шкал: физическая агрессия, вербальная агрессия, гнев и враждебность [1].

В результате проведенного опроса корреляционный анализ выявил половые различия во взаимосвязях агрессии и стилях вождения автомобилей. Для мужчин были выявлены следующие взаимосвязи между характеристиками агрессии и стилями вождения автомобиля:

- Положительная взаимосвязь между физической агрессией и диссоциативным ($r = 0,29, p \leq 0,01$), агрессивным ($r = 0,28, p \leq 0,05$) стилями вождения;

- Положительная взаимосвязь между вербальной агрессией и диссоциативным ($r = 0,27, p \leq 0,05$), агрессивным ($r = 0,27, p \leq 0,05$) стилями;

- Положительная взаимосвязь между гневом и диссоциативным ($r = 0,26, p \leq 0,05$), агрессивным ($r = 0,38, p \leq 0,01$) стилями вождения;

- Отрицательная взаимосвязь между враждебностью и терпеливым ($r = - 0,27, p \leq 0,05$) стилем вождения.

Полученные результаты подтверждают ранее проведенные исследования агрессивного поведения водителей. Зарубежные ученые установили, что поведение мужчин характеризуется большей мстительностью и физической агрессией на дороге, а также открытыми агрессивными действиями по отношению к другим участникам дорожного движения, чем поведение жен-

шин [4, 5]. Кроме того, для мужчин предрасположенных к проявлению враждебности сложно сдерживаться и спокойно управлять автомобилем, порой непросто адекватно среагировать на сложившуюся дорожную ситуацию [3-5].

Таким образом, для мужчин эмпирически были обнаружены значительные положительные взаимосвязи между физической агрессией, вербальной агрессией, гневом и диссоциативным и агрессивным стилями вождения, а также отрицательные взаимосвязи между враждебностью и терпеливым стилем вождения автомобиля.

Литература:

1. Фурманов, И. А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика, коррекция / И. А. Фурманов. – СПб: Речь, 2007. – 480 с.
2. Фурманов, И. А. Адаптация многофакторного опросника стиля вождения / И. А. Фурманов, Н. С. Астрейко // *Философия и социальные науки*. – 2016. — № 2. (в печати)
3. Björklund, G.M. Driver irritation and aggressive behavior / G.M. Björklund // *Accident Analysis and Prevention*. – 2008. — № 40. – P. 1069-1077.
4. Deffenbacher, J.L. The Driver's Angry Thoughts Questionnaire: A Measure of Angry Cognitions When Driving / J.L. Deffenbacher [et al.] // *Cognitive Therapy and Research*. – 2003. – Vol. 27. – № 4. – P. 383-402.
5. Fong, G. Road rage: a psychiatric phenomenon? /G. Fong, D. Frost, S. Stansfeld // *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. – 2001. – № 36. – P. 277-286.
6. Taubman-Ben-Ari, O. The multidimensional driving style inventory – scale construct and validation / O. Taubman-Ben-Ari, M. Mikulincer, O. Gillath // *Accident Analysis and Prevention*. – 2004. – № 36. – P. 323-332.

Баранова В.А.

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Вопросы коллективной памяти испытывают в последнее время устойчивое внимание, имеющее многообразные и разноплановые для этого основания.

Авторы, которые делают попытки изучения этого феномена, подчёркивают его малоизученность, трудноопределимость, сложность операционализации.

Существование множества подходов, трактовок и определений того, что может быть отнесено к феномену коллективной памяти, действительно создаёт сложности не только для исследования, но и для понимания самого феномена. В научной литературе можно встретить наряду с понятием «коллективная память» такие понятия, как «культурная память», «историческая память», «мемориальная память», «национальная память», «социальная память», «групповая память», использующиеся и как синонимы, и как разные виды памяти. Методологическая проработка значительно усложняется также тем, что это понятие активно используется в различных науках, имеющих свои специфические методологические основания: философии, истории, антропологии, социологии, психологии. Существуют и определенные исследовательские, политические и интеллектуальные традиции в различных странах: культурная память является больше прерогативой немецких исследователей-историков, а социальная и коллективная память – французских философов и социологов [Трубина, 2011].

С нашей точки зрения существуют несколько важных вопросов, в решении которых и могут быть найдены методологические основания построения единой психологической теории коллективной памяти; самым важным является вопрос о соотношении коллективной и индивидуальной памяти.

Основоположник исследования групповой памяти М. Хальбвакс говорит о двух видах памяти. Одна – это воспоминания индивида, ограниченные рамками его личности, его жизни (важно, что даже разделённые с другими воспоминания трактуются индивидом лишь как имеющие отличия от других). Другой вид памяти – это «память группы» – воспоминания в той мере, в какой они касаются его группы. Эти две памяти могут проникать друг в друга, касаться друг друга и даже сливаться друг с другом на короткое время.

У индивидуальной памяти свой путь, она усваивает общие воспоминания, они встраиваются в неё. Другие законы развития у коллективной памяти: она не смешивается с индивидуальными воспоминаниями, это целое, которое не является индивидуальным воспоминанием. Первую Хальбвакс называет внутренней (личной, автобиографической), а вторую – внешней (социальной, исторической). Социальная шире личной, но репрезентирует прошлое в сокращённой и схематичной форме, это «историческая память группы, дающая ориентиры индивидуальному сознанию» – исторические события отбираются, классифицируются и хранятся, исходя из актуальных на сегодняшний день правил и интересов определенной группы, члены которой и являются носителями этих воспоминаний [Хальбвакс, электронный ресурс].

В сегодняшних условиях перманентных социальных изменений коллективные воспоминания выступают одним из возможных ресурсов обеспечения жизнеспособности общества.

Запрос современного общества на общие воспоминания, на развитие процесса личной истории в историю жизни поколения определенно существует. Он не сформулирован достаточно чётко и однозначно, но совершенно точно есть потребность на общие репрезентации прошлого. Это находит своё выражение и в акции «Бессмертный полк», собирающей миллионы людей, и в новом жанре литературного творчества (например, в произведениях Л. Улицкой и Д. Быкова, в которых не авторы, а авторы-составители – собиратели воспоминаний о детстве, о школе), которые объединены общим временным контекстом и качеством совместности, что вполне отражено выражением «вспомним вместе».

Литература:

1. Трубина Е. Учась вспоминать: векторы исследований памяти, Власть времени: социальные границы памяти/Под ред. В.Н.Ярской и Е.Р.Ярской-Смирновой. – М., 2011 С.25-44
2. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память., <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>

Басимов М.М., Басимова П.М.

ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА И ТОЛЕРАНТНОСТИ

Описание сложного невозможно без представления о нелинейности и нелинейных моделях. Мы используем авторский подход к понятию статистической связи, реализуемый через применение обобщенного варианта метода множественного сравнения для квантильных разбиений данных по каждому параметру. Линейные зависимости не только являются малой частью всех сильных зависимостей, но и часто не дают исследователю глубокой и содер-

жательной информации, выявляя в основном тривиальные зависимости. Это актуализирует принятие синергетической парадигмы в психологической науке, направленной на изучение, прежде всего, нелинейных эффектов.

В нашем междисциплинарном исследовании изучались виды и компоненты толерантности, отношения к разным национальностям, социальным группам, отдельным политикам, политическая активность, а также тип личности. При вводимых ограничениях на меры статистической связи можно отметить, что тип личности и виды толерантности линейно друг от друга значимо не зависят, а, потому все не так тривиально при рассмотрении вопросов, связанных с толерантностью, и нужны более глубокие аналитика и интерпретация при их изучении.

Для триад независимого параметра в рамках вводимых ограничений выявлено три сильных простейших нелинейных связей. Причем – это только зависимости параметров типа личности от параметров толерантности, обратных зависимостей (толерантности от типа личности) не наблюдается. Рассмотрим пример интерпретации одной из этих зависимостей.

Зависимость параметра «Добросовестный тип» (Y) от параметра «Межэтническая толерантность» (X) в виде сравнительных весомый параметра Y для триад по шкале X:

X-1 ($Y = +470$); X-2 ($Y = +10871$); X-3 ($Y = -346$)

Коэффициент силы связи = 0.51 (0.08)

Коэффициент корреляции = -0.10

Неопределенная межэтническая толерантность (средний уровень) определяет явно выраженный «Добросовестный тип» (+10871 по шкале сравнительной весомости). Низкий и высокий уровень межэтнической толерантности определяют средние показатели (на фоне всех параметров с единой нулевой точкой множественного сравнения) по компоненте «Добросовестный тип» (+470 и -346). Рассматриваемая зависимость – зависимость с симметричным максимумом.

Таким образом, неопределенность в межэтнической толерантности способствует резкому формированию компоненты «Добросовестный тип» «Персонального Автопортрета», его яркой выраженности. Представитель Добросовестного типа любит работу, придерживается моральных и этических норм. Добросовестных трудно отклонить от намеченных ими целей. Это хорошие организаторы и старательные исполнители. Но резкий скачек по шкале «Добросовестный тип» способствует формированию навязчиво-принудительного расстройств, когда люди, страдающие этим расстройством, до такой степени добросовестны, что не могут адаптироваться к требованиям реальной жизни. Поэтому полезно определиться со своей толерантно-интолерантностью, чтобы избежать навязчиво-принудительного расстройства. А явно выраженная межэтническая толерантность (интолерантность) определяет представителей со слабовыраженной компонентой «Добросовестный тип» в рамках личностной типологии.

Кроме описанной связи выявлены еще две сильные связи: зависимость параметра «Преданный тип» от параметра «Политическая толерантность» и зависимость параметра «Идеосинкратический тип» от параметра «Межличностная толерантность».

При разбиении независимых переменных на кварталы было отобрано 7 сильных зависимостей. В 5 случаях параметры типов личности зависят от параметров видов толерантности, и только в 2 наоборот, виды толерантности зависят от компонентов типа личности. В основном (как и для триад) – это зависимости с максимумом (5 зависимостей из 7), а также 1 зависимость – с минимумом, 1 зависимость – колебание.

Таким образом, в любом психологическом исследовании желательно отслеживать одновременно в единой системе мер связи как линейные, так и простейшие нелинейные связи, значительно обогащающие линейную тривиальность детерминистского подхода.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ номер 16-06-00273а*

Блинова Е.Е.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ВЫНУЖДЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Актуальность проблемы вынужденной внутренней миграции обусловлена политическими трансформациями и событиями на Востоке Украины, в результате чего появилась новая группа людей, нуждающихся в помощи, – внутренне перемещенные лица. Проблема социальной и психологической адаптации вынужденных переселенцев и их интеграция в принимающий социум сегодня является насущной проблемой, решение которой будет способствовать стабилизации социально-экономической ситуации в принимающих регионах.

Теоретические разработки миграционных процессов в психологии касаются проблем аккультурации и психологической адаптации мигрантов в иной социокультурной среде, поэтому реализуются, преимущественно, в русле социокультурного подхода. Они анализируют ситуацию вынужденной миграции и способы реабилитации людей, переживающих стресс. Особенно стоит отметить работы украинских и российских ученых В.В. Гриценко, К.В. Коростелиной, Н.М. Лебедевой, Л.Е. Орбан-Лембрик, В.Н. Павленко, Г.У. Солдатовой, Т.Г. Стефаненко, Н.С. Фрейкман-Хрустальной, Л.А. Шайгеровой, Н.А. Шульги.

В.В. Константинов, изучая процесс адаптации вынужденных мигрантов к изменяющимся условиям жизни, определяет его как перестройку психологических качеств личности, поведения и деятельности субъекта адаптации в соответствии с требованиями новой социальной среды, и изменения самой социальной среды в процессе удовлетворения адаптивной потребности вынужденного мигранта, с целью их полноценной взаимной деятельности и развития (Константинов, 2004); предлагает прикладные разработки тренинговых программ адаптации вынужденных мигрантов (Константинов, Гриценко, 2014).

Можно говорить о том, что вынужденные мигранты сталкиваются с проблемой принятия или непринятия их тем социальным окружением, в которое они вынужденно попали, а также с высокой степенью фрустрации их потребностей. Следует отметить, что сам человек когнитивно и эмоционально оценивает ситуацию, насколько она является (или не является) для него стрессовой, потому копинг, как динамичный процесс взаимодействия личности и факторов среды, имеющий гибкий, пластичный и целенаправленный характер, позволяет личности обеспечить выбор адаптивных и адекватных стратегий поведения в соответствии с требованиями сложной жизненной ситуации. В последнее время в проблеме копингов популярен «ресурсный подход», именно он дает возможность личности не только адаптироваться к сложным обстоятельствам, но и сохранять здоровье. К ресурсам обычно относят моральную, эмоциональную, материальную, инструментальную помощь социальной среды и собственные способности, навыки и умения человека.

В нашем исследовании, проведенном на базе Херсонского государственного университета, Херсонского областного центра помощи вынужденным переселенцам, с помощью «Опросника совладания со стрессом» К. Карвера, М. Шейер, Дж. Вейнтрауб (адаптация Е.А. Рассказовой, Т.О. Гордеевой, Е.Н. Осина), приняли участие студенты-переселенцы с Востока Украины, имеющие травматический опыт пребывания в условиях военного конфликта, и студенты, не имеющие опыта вынужденного переселения. Результаты показали различия между группами по основным параметрам: «обращение к религии», «поведенческий выход из проблемы», «поиск эмоциональной социальной поддержки», «позитивное переформулирование», «поиск инструментальной социальной поддержки» (при $p \leq 0,01$).

Таким образом, актуальность проблемы обусловлена появлением в украинском обществе такого явления, как «внутренняя вынужденная миграция», и необходимостью объяснять,

прогнозировать и регулировать ее последствия для разных социальных субъектов. В современной Украине проблема адаптации и интеграции внутренне перемещенных лиц еще не выступала предметом системного социально-психологического исследования.

Борисова М.М., Гуриева С.Д.

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДОВЕРИИ У ДЕТЕЙ

Социальная реальность состоит в постоянно возрастающей значимости фактора доверия в обществе, влияющего в комплексе на решение многих задач, оказывающего существенное значение в процессе принятия решений, и потребности в постоянном росте, сохранении этого феномена в отношениях на самых разных уровнях. Следует отметить, что существует определённый набор представлений о возможном объекте доверия, его качествах и характеристиках, степени информированности, статусе взаимоотношений между объектом и субъектом. Также существует универсальный набор социальных представлений о предмете доверия: материальные ценности, отношения и вопросы, связанные с ними, информация и принятие информации, данной объектом и безопасность жизнедеятельности [1].

Формирование представлений и установок по отношению к различным понятиям и социальным категориям формируется с детства. Значимость и ценность доверия в обществе является одной из основ формирования отношений на всех уровнях. Целью нашей работы стало изучение представлений о доверии у детей разных возрастов. Нами было опрошено 60 детей: 20 детей в возрасте от 3 до 5 лет (средний возраст 3,5 года), 20 детей в возрасте от 8 до 10 лет (средний возраст 9 лет), 20 детей в возрасте от 14 до 15 лет (средний возраст 14,8). Маленьким респондентам был задан вопрос: «Что такое «доверять?»» (для младших групп), и «Что помогает устанавливать доверительные отношения» (для старшей группы), ответы были математически обработаны с помощью контент-анализа.

Как показали полученные результаты, представления о доверии у детей в возрасте от 3 до 5 лет, имеют отношение преимущественно к совместному делу (37%) и семье (31%), взаимопомощи (16%) и дружбе со сверстниками (16%). Говоря о совместном деле (речь в большинстве случаев шла о игре), дети отмечали проявление честности, справедливости и равноправия: «делиться поровну», «играть по очереди». В категорию «семья» включены ответы, описывающие отношения со значимыми взрослыми и сиблингами. Дети отмечали возможность рассчитывать на помощь, возможность попросить о помощи. Некоторые ответы «доверять – это дружить» отражают формирование представлений о дружбе и доверии в этом возрасте.

Младшие школьники в большинстве ответов (45%) отмечали возможность поделиться своими чувствами и мыслями, которая появляется за счет уверенности в том, что партнер сохранит эту информацию в секрете. В 35% случаях дети ассоциируют доверие с командной работой и возможностью рассчитывать на другого. Здесь речь впервые идет о групповом доверии. 20% респондентов отмечали возможность доверять информации, которую дает партнер по общению: уверенность, что он говорит правду и в правильности его советов.

В группе старших школьников был задан более сложный вопрос: «Что помогает устанавливать доверительные отношения». Большинство респондентов (36%) отметили, что в решении о доверии опираются на внутренние ощущения, возникающие при общении с человеком или группой людей (уверенность, спокойствие, безопасность). В 28% случаях опрошенные подчеркивают необходимость наличия у объекта определенных качеств, (до-

брота, честность, верность). Также отмечается важность возможности делиться чувствами, мыслями с объектом доверия (22%) и верить той информации, которую объект доверия транслирует (14%).

Таким образом, существует определенный набор представлений о доверии, соответствующий каждому возрастному этапу. При этом, можно выделить общие для разных возрастов категории, такие как совместное дело или игра, возможность поделиться информацией и быть уверенным в том, что не будет негативных последствий. Дальнейшие исследования с привлечением выборки старших возрастов позволят рассмотреть феномен становления и развития доверия в динамике и комплексно.

Литература:

S. Gurieva, M. Borisova, O. Mikhalyuk, V. Dmitrieva, V. Odintsova, T. Kawabata Trust as a Mechanism of Social Regulation the Modern Youth's Behaviour / American Journal of Applied Sciences 2016, 13 (1): 100.110 DOI: 10.3844/ajassp.2016.100.110

Бражник Ю.В., Гриценко В.В., Муращенкова Н.В.

ДИНАМИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РУССКИХ ШКОЛЬНИКОВ О СВОЕЙ И ДРУГИХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУППАХ ПОД ВЛИЯНИЕМ ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРА

Необходимым условием полноценного развития ребенка в условиях поликультурной среды является осознание им своей этнической принадлежности. Актуальность настоящего исследования обусловлена недостаточной изученностью роли народного фольклора в развитии этнической идентичности детей.

Цель исследования – изучить изменения в представлениях русских школьников о своем и других этносах в ходе изучения фольклора.

В исследовании приняли участие 83 ученика 2-3 классов СОШ № 12 г. Смоленск (37 мальчиков и 46 девочек), средний возраст – 8 лет, назвавших себя русскими. Исследование имело два этапа: 1 этап – до изучения школьниками народного фольклора, 2 этап – после его изучения.

Сравним результаты двух этапов, полученные по методике М.Баррета для описания позитивности/негативности представителей своей и других этнических групп [1].

Согласно полученным результатам, при описании школьниками представителей своего (русского) этноса больше всего выборов получили положительные качества: умный (98% – 1 этап, 89% – 2 этап), хороший (96% – 1 этап, 89% – 2 этап), дружелюбный (94% – 1 этап), счастливый (92% – 1 и 2 этап), трудолюбивый (92% – 1 этап), чистый (92% – 2 этап), приятный (78% – 1 этап) и спокойный (83% – 2 этап). Из негативных характеристик дети чаще всего выбирали грустный (23% – 1 этап и 22% – 2 этап), ленивый (22% – 1 этап, 18% – 2 этап), агрессивный (18% – 1 этап, 12% – 2 этап) и глупый (12% – 2 этап).

Описание русскими школьниками представителей белорусского этноса также содержит положительные характеристики, хотя частота выбора их несколько меньше, чем при описании представителей своего этноса. Из положительных характеристик белорусам приписывались: дружелюбный (81% – 1 этап, 75% – 2 этап), хороший (79% – 1 и 2 этап), умный (75% – 2 этап), приятный (69% – 1 этап) и трудолюбивый (67% – 2 этап). Из негативных характеристик дети чаще всего выбирали грустный (29% – 1 этап, 23% – 2 этап), агрессивный (20% – 1 этап), неприятный (17% – 1 этап) и ленивый (23% – 2 этап).

При описании украинцев, из положительных качеств чаще всего выбирались: чистый (67% – 1 и 2 этап), умный (66% – 1 и 2 этап), трудолюбивый и хороший (по 64% – 1 и 2 этап), приятный (54% – 1 и 2 этап), из негативных – недружелюбный (34%), грустный (32%), агрессивный, ленивый (по 30% – 1 и 2 этап).

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы:

1. Частота выбора положительных качеств на первом и на втором этапе при описании русских имеет наибольший процент, чем при описании белорусов и русских, что согласуется с результатами других исследований, согласно которым дети выражают более позитивное эмоциональное отношение к собственной этнической группе, чем к любой другой [1, с.49].

2. Частота выбора позитивных прилагательных, приписываемых представителям русского этноса, несколько уменьшилась на втором этапе по сравнению с первым. Частично, данный факт можно объяснить тем, что с возрастом описания детьми собственной этнической группы становятся менее позитивными [1, с.34]. Однако, учитывая, что между 1 и 2 этапами прошло всего 3 месяца, мы склонны считать, что подобная динамика произошла под влиянием изучения фольклора.

3. Частота выбора положительных качеств при описании украинцев достигает наименьших результатов, тогда как частота выбора негативных качеств – наивысших, по сравнению с описанием русских и белорусов. Причем, одни и те же характеристики получили один и тот же процент выбора как в первом срезе, так и во втором, что позволяет нам говорить об устойчивости влияния на отношение младших школьников к представителям украинского этноса третьих факторов: социокультурное окружение, СМИ.

Литература:

Развитие национальной этнолингвистической и религиозной идентичности у детей и подростков /Отв.ред. М.Барретт, Т.Рязанова, М.Воловикова. М.: Институт психологии РАН, 2001.

**Исследование проводится при поддержке гранта РГНФ проект №15-26-04001*

Буркова С. А.

РОЛЬ СЕМЬИ В ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИИ РЕБЕНКА

Интерес в исследовании и продвижении темы здоровьесбережения в современной науке связан с естественным желанием человека сохранить и поддержать здоровье и качество жизни будущих поколений. Традиционно вопросы здоровья решала в большей степени медицина, но в последнее время все больше зарубежных и отечественных исследований посвящено описанию особенностей психологических основ здоровья, методов и средств его сохранения, укрепления и развития. Все больше исследователей обращается к проблеме оценки роли поведения в сохранении и поддержании здоровья, изучению механизмов связей между психологией и физиологией, практическому изучению личностных особенностей человека, которые ориентируют его на поддержание здоровья и формирование здорового образа жизни.

При описании факторов здоровья на данном этапе разработки проблемы здоровьесбережения принято говорить не только о наследственности, медицине, образе жизни и экологической составляющей среды, но и выделять более сложные психологические факторы – гармония личности, особенности взаимодействия с социальным окружением, специфика самореализации. Все эти факторы для ребенка определяются его семьей – она является основ-

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ной социальной средой развития человека, где и закладываются основы здоровья. Поэтому изучение характера и направленности влияния семьи на формирование здоровья детей особенно актуально.

Нами было проведено исследование связи особенностей воспитания и эмоциональной атмосферы в семье, самооценки ребенка, а также психосоматического здоровья детей. В соответствии с целью исследования были разработаны методы изучения взаимосвязи вариаций кардиоритма с самооценкой и особенностями системы поощрения и наказания, используемой в семье. Полученные в ходе исследования данные позволили нам сформулировать ряд выводов.

Так, мы подтвердили существующее в современной научной литературе предположение о том, что самооценку можно рассматривать как адаптационный ресурс, позволяющий преодолевать трудности. Более того, нам удалось обнаружить, что на уровень самооценки в большей мере влияет именно система наказания. Было показано, что именно ситуация наказания, когда родители кричат на ребенка, снижает его самооценку. Мы показали, что дети исследуемого возраста (6-8 лет) предпочитают вытеснять методы воздействия, применяемые по отношению к ним взрослыми, если они препятствуют формированию адекватной самооценки. При этом ресурсные возможности самооценки в большей мере опосредуются системой поощрения, которая предопределяет характеристику кардиоинтервалов ребенка и в ситуации поощрения, и наказания (симпатическая активация при припоминании наказания чаще ведет к высокой оценке у ребенка). При этом важно отметить, что переживания, связанные с системой наказания, используемой в семье, практически не находят выражения в особенностях вариаций сердечного ритма. Напротив, вид поощрения выявил значимую связь с параметрами вариации сердечного ритма, что свидетельствует о том, что при недостаточном ощущении ребенком поощрения, у него могут формироваться психосоматические заболевания. Точно также чувства ребенка при поощрении предопределяют особенности парасимпатического реагирования.

Таким образом, можно сказать, что проведенное исследование еще раз доказало необходимость углубленного изучения особенностей воздействия семьи на ребенка в области здоровьесбережения, детального рассмотрения механизмов такого влияния и подробного описания связи семейного климата и психосоматического здоровья ребенка.

Вопилова И.Е., Мишарина А.В.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ПЕРВОМ ПОЛЕТЕ ЧЕЛОВЕКА В КОСМОС: АНАЛИЗ СВОБОДНЫХ АССОЦИАЦИЙ

В настоящее время исследования коллективной, социальной, исторической памяти становятся все более популярными среди психологов, социологов и политологов. При этом данный феномен остается одним из трудноопределимых и не имеющих единой трактовки в работах авторов. В данной работе мы будем понимать под коллективными воспоминаниями пересечение образов прошлого с потребностями и интересами социальных групп в настоящем [2].

В ряде исследований, посвященных коллективной памяти об исторических событиях и личностях [3], фигурирует первый полет человека в космос 1961-го года, а наряду с выдающимися деятелями прошлого упоминается Ю.А. Гагарин. Однако воспоминания о данном событии, особенности образа Гагарина в различных группах общества требуют дополнительного исследования.

Методологической основой исследования стала теория социальных представлений С. Московичи, так как она позволяет изучать коллективную память как феномен, конструируемый в дискурсах различных социальных групп. В ходе первого этапа исследования основной задачей которого стало выявление категорий, которыми оперируют респонденты, рассуждая о первом полете человека в космос, был разработан опросник, включающий свободные ассоциации к фразе «Первый полет человека в космос», серию незаконченных предложений и блок социально-демографических вопросов. Опрос проводился в электронной форме. Всего в исследовании приняли участие 49 человек (76% женщин, средний возраст 35,5 лет; 24% мужчин, средний возраст 29,5 лет).

Ниже приведем краткий анализ ассоциаций. Всего было получено 228 ассоциаций. Для дальнейшей обработки полученных ассоциаций применялась методика П. Вержеса, позволяющая описать структуру социального представления и выделить ядро представления (наиболее частотные ассоциации с наименьшим рангом), первую периферию (категории, которые встречаются часто, но не в первую очередь либо наоборот) и собственно периферическую часть представления [1]. В анализ были включены только те категории, которые были упомянуты не менее чем 5% респондентов. Структура социального представления о первом полете человека в космос получилась следующей (в скобках указана частота появления понятия и средний ранг).

Ядро:

Гагарин (33; 1.55)

СССР (15; 3.47)

Ракета (12; 2.75)

Поехали! (9; 3.44)

Восторг, восхищение, ликование (6; 3.50)

Прорыв, достижение успех (6; 2.67)

Гордость, величие (6; 2.83)

Луна (5; 3.20)

Удивление, необыкновенно, фантастика (5; 3.80)

Космос (4; 1.75)

Человек может все, победа человека, уважение к человеческим возможностям (4; 2.75)

Радость (4; 3.50)

Периферия, близкая к центру:

Научный интерес (7; 4.00)

Звезды (7; 4.86)

Риск (4; 4.25)

Терешкова (4; 4.25)

Восток (4; 4.25)

Небо (4; 3.75)

Космический шлем, скафандр (4; 5.50)

Периферия:

12 апреля, День космонавтики (3; 2.33)

Победа (3; 3.33)

Прогресс (3; 3.33)

Собственно периферия:

Профессионализм, титанический труд (3; 4.00)

Спутник (3; 3.67)

Освоение (3; 3.67)

1961 год (3; 4.67)

Земля (3; 4.67)

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Помимо насыщенной позитивной эмоциональной окраски воспоминаний о полете человека в космос, обращает на себя внимание значимость личности Юрия Гагарина, который является безусловным символом как самого полета, так и, вероятно, в целом достижений в космической сфере. Также часто упоминаемой является категория СССР, что может говорить о значимости этого исторического периода нашей страны для респондентов, однако, что стоит за этой категорией, покажет дальнейшее исследование – гордость, тоска по былым достижениям, ностальгия о прошлом или что-то еще?

Литература:

1. Бовина И.Б. Социальная психология здоровья и болезни. М., Аспект Пресс, 2007. 256 с.
2. Емельянова Т. П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. – Издательство «Институт психологии РАН», 2006.
3. Емельянова Т.П., Кузнецова А.В. Значимые фигуры российской истории в коллективной памяти разных групп общества // Знание. Понимание. Умение. 2013. No 2. С. 123-129.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 16-36-00034*

Гагарина М.А.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДОЛГОВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Целью данной работы является выявление социально-психологических особенностей лиц с различными типами долгового поведения. Актуальность работы обусловлена ростом просрочек и невыплат по кредитам как среди россиян, так и во всем мире. Научная новизна работы связана с недостаточной изученностью психологических аспектов долгового поведения в отечественной психологической науке, вследствие чего мы вынуждены опираться на зарубежные исследования. В связи с этим возникает сложность в понимании терминов «должник» и «долговое поведение». В ряде работ под должниками имеют в виду всех лиц, имеющих любые займы, потребительские и автокредиты (Achtziger, A., Hubert, M., Kenning, P., Raab, G. &Reisch, L. (2015)), образовательные ссуды (Harrison, N., Agnew, S. &Serido, J. (2015)) или просто кредитные карты (Dunn, L. F. &Mirzaie, I. A. (2011)), другие же авторы выделяют отдельно заемщиков, мелких должников и серьезных должников – на основании своевременного и полного возврата заимствованных средств и потенциальной возможности выплат (Lea, S. E. G., Webley, P., Walker, C.M. (1995)). В своем исследовании мы придерживаемся классификации поведения на «заимствующее» и «долговое».

В эмпирическом исследовании приняли участие 252 респондента, от 18 до 67, M=38, SD=10,8. Из них 158 женщин и 92 мужчины, остальные пол не указали. Уровень образования: среднее 10%; неполное высшее 8%; высшее 68%; два высших или ученая степень 14%. Семейное положение: в браке 66%; холосты/не замужем 24%; разведены 8%; вдовы 1% и не указали 1%. Не имеют детей 29%; имеют одного ребенка 20%; двоих детей 41%; троих 8% и имеют четырех и более детей 2%. Работают в организации 57%, работают на себя 22%, не работают 20%, учатся в институте, являются военнослужащими или в декретном отпуске – по 1%.

Все респонденты были разделены на основании их опыта заимствования на три группы: лица, отрицающие факт заимствования или обращения в кредитные организации (обозначены как «нет займа»; N=96); имеющие опыт заимствования у друзей и знакомых или в кредитных организациях, но отрицающие наличие несвоевременных выплат и задолженностей

(«заемщики», N=124), и лица, сообщившие о наличии задолженностей и просрочек платежей («должники», N=32). Следует уточнить, хотя и отмечается тенденция респондентов как занижать уровень задолженности, так и отрицать наличие долгов в прошлом (Ladas, A., Ferguson, E., Aickelin, U. & Garibaldi, J. (2014)), тем не менее классификация долгового поведения на основании самоотчетов применяется во многих исследованиях (например, Archuleta, K. L., Dale, A. & Scott M. Spann, S. M. (2013) или Gathergood, J. & Weber J. (2014)).

В соответствии с целью исследования, мы сравнили респондентов из трех групп по социально-демографическим характеристикам и результатам «Опросника долгового поведения». Средний возраст респондентов из группы «нет займа» 34,6; в группе «заемщики» составляет 38,6 лет, средний возраст должников 37,7. Во всех группах наиболее многочисленными являются респонденты с высшим образованием, реже средним и в отдельных случаях отмечаются два высших или ученая степень. Достоверных различий между группами не выявлено. Состоят в браке «нет займа» 77%, «заемщики» 79% и «должники» 72%. Группа «нет займа» реже имеет детей, по сравнению с двумя другими группами.

При попарном сравнении трех групп по результатам методики «Опросник долгового поведения» получены следующие достоверные различия (t-критерий Стьюдента, $p < 0,05$): респонденты из группы «нет займа» имеют более высокие значения ($M=33,0$; $SD=5,0$) по шкале «Избегание долгов», чем «заемщики» ($M=30,5$; $SD=4,0$) и «должники» ($M=27,0$ $SD=5,4$). Различия между «заемщиками» и «должниками» по этой шкале тоже достоверны. «Заемщики» имеют более высокие значения по шкале «Рациональность долгового поведения» ($M=32,0$; $SD=4,25$) по сравнению с группой «должники» ($M=28,6$; $SD=4,66$). Таким образом, «должники» более терпимы к долгам, а «заемщики» – более рациональны.

**Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-06-10710*

Горностаев С.В.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В СТРУКТУРЕ СЛУЖЕБНОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ)

На основе проведенного нами теоретико-исторического анализа лояльность рассматривается как реализация социальной идентичности, как психоповеденческая конгруэнтность личности значимой группе принадлежности.

На основе критического осмысления идей ряда авторов, в первую очередь, понятия социальной личности У. Джеймса, положений Ю. Уэверли о балансе лояльностей и паттернах лояльности, идей А.Н. Леонтьева о социальной детерминации, теории отношений В.Н. Мягшичева, идей об интериоризации позиций, ролей и функций Б.Г. Ананьева, концептов человеческих систем, паттернов и метапаттернов Г.Бейтсона, концепции семейной лояльности И. Босормени-Надя и Ж. Спарк, теории социальной идентичности Х. Таджфела и Дж. Тернера, положений о служебной самоидентификации С. Мейнарда-Муди и М. Машено, множественности лояльностей служащих Г. Де Графа, служебная лояльность была определена нами как системная реализация ключевых социальных идентичностей служащего, связанных с его служебным положением и деятельностью. Исходя из положения, что лояльность действует на двух уровнях: 1) системном (идентификационном) – уровне групповой мифологии, общих ценностей, убеждений и принципов и 2) на подчиненном ему уровне сети конкретных взаимоотношений (обязательств, привилегий и воплощающих их интеракций членов группы с

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

другими членами группы, членами групп включающих группу идентификации и входящих в нее, а также другими людьми, была изучена структура идентичностей в формальных и неформальных группах государственных служащих на материале сотрудников уголовно-исполнительной системы.

В результате эмпирического исследования особенностей идентификации и ее реализации служащими в формальных условных (госслужащие, сотрудники ведомства), формальных контактных (сотрудники учреждения, сотрудники отдела или службы, смены), неформальных контактных («клуб по интересам», «деловое партнерство», «карьерная команда») и неформальных условных группах (группы узкой профессиональной специализации, различные категории по отношению к служебной деятельности («карьеристы», «служаки», «правильные сотрудники», «нормальные сотрудники» и т.п.)), при помощи методов анкетирования, уточняющей беседы, теста ЦТО и методики незаконченных предложений, определены особенности идентификации служащих с этими группами, лояльность к которым входит в структуру служебной лояльности.

Установлено, что в структуре идентичностей, существующих в служебной сфере, у 47,5% обследованных преобладают идентичности с формальными контактными группами (чаще всего группами, с членами которых сотрудник находится в постоянном взаимодействии). У 17,5% опрошенных доминируют идентичности с условными неформальными группами, у 22,5% – с неформальными контактными группами, для 12,5% – приоритетны формальные условные группы.

По механизмам идентификации выявлены следующие особенности:

- в механизмах идентификации с формальными контактными группами в 100% присутствует механизм идентификации «осознание сходства», в 37,5% – эмоциональный механизм чувства общности и в 10% – смысловой механизм личной значимости принадлежности к группе;

- в механизмах идентификации с формальными условными группами также доминирует механизм идентификации «осознание сходства» (100%), смысловой (13,75%) и эмоциональный (8,75%) присутствуют в меньшей степени;

- в механизмах идентификации с неформальными контактными группами когнитивные (72,5%) и эмоциональные (55%) механизмы выражены примерно одинаково, в то время как смысловой (8,75%) практически не выражен;

- в идентификации с неформальными условными группами сравнительно мало выражены когнитивные (56,25%), при сравнительно высокой выраженности эмоциональных (58,75%) и смысловых (61,25%) механизмов.

Указанные особенности идентификации с различными группами, предположительно, влияют на особенности их ситуативной актуализации в структуре служебной лояльности и реализации в служебной деятельности, в частности, отражаются на реализации неосознаваемых элементов группового порядка.

Григорова Т.П.

ТИП ПРИВЯЗАННОСТИ ЗАМЕЩАЮЩИХ РОДИТЕЛЕЙ КАК ФАКТОР ВЫБОРА ИМИ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ ДЛЯ СОВЛАДАНИЯ СО СТРЕССАМИ В ОТНОШЕНИЯХ С ПРИЕМНЫМИ ДЕТЬМИ

В данное время в нашей стране на государственном уровне поставлена задача передачи детей-сирот на воспитание в замещающие семьи. В связи с высокой стрессогенностью данного события для семьи, важно изучение специфики совладающего поведения замещающих

родителей и факторов, влияющих на их выбор копинга в контексте межличностных отношений с приемным ребенком.

В то время как успешное преодоления трудностей обеспечивает личность продуктивностью в близких отношениях, негативные особенности межличностных отношений в семье снижают выбор продуктивных копинг-стратегий (Сапоровская, 2002; Куфтяк, 2004). Поскольку совладание является значимым референтом социального адаптивного поведения человека (Крюкова, 2004; Крюкова, Сапоровская, 2014), мы предположили, что замещающие родители с надежной привязанностью менее подвержены стрессам в межличностных отношениях и чаще выбирают продуктивные стратегии для совладания с ними.

Выборку составили 38 замещающих родителей (21 мать и 17 отцов), средний возраст – 49 лет ($SD=5,2$). Выявлено, что в данной выборке ни один из типов привязанности значимо не преобладает над другими типами. У 12 замещающих родителей преобладает боязливый тип привязанности (29%); у 10 замещающих родителей – избегающий тип (24%); у 8 человек (19,5%) – тревожно-амбивалентный; у 8 человек (19,5%) – надежная привязанность.

Замещающие родители используют различные стратегии для совладания со стрессами в детско-родительских отношениях. Сравнение данных о нагрузке копинг-стратегий замещающих родителей с данными в русскоязычной выборке взрослых показал: замещающие родители реже используют конфронтационный копинг ($p=0,01$), дистанцирование ($p=0,01$), самоконтроль ($p=0,02$), бегство-избегание ($p=0,01$), планирование решения проблемы ($p=0,02$), чем русскоязычные взрослые. При этом они чаще обращаются к стратегиям поиска социальной поддержки ($p=0$) и положительная переоценка ($p=0$).

Выявлено влияние выраженности типов привязанности замещающих родителей на их выбор копинга: на выбор стратегии дистанцирование влияет тревожный тип привязанности ($p\leq 0,02$); на самоконтроль – надежный тип ($p\leq 0,02$); на поиск социальной поддержки – боязливый тип ($p\leq 0,01$); на копинг положительная переоценка – надежная привязанность ($p\leq 0,00$).

Найдены значимые связи между использованием замещающими родителями проблемно-ориентированного копинга и надежной ($p=0,03$), боязливой привязанностями ($p=0,001$). Чаще используют эмоционально-ориентированный копинг как надежно-привязанные ($p=0,03$), так боязливо-привязанные родители ($p=0,001$). Замещающие родители с надежной привязанностью чаще используют копинг социальное отвлечение ($p=0,001$), как и тревожно-привязанные родители ($R=p=0,03$).

Таким образом, подтверждено, что надежно-привязанные замещающие родители более гибки в выборе копинга: чаще выбирают как продуктивные стратегии (самоконтроль, положительная переоценка, проблемно-ориентированный копинг), так и копинг, направленный на отвлечение. Дистанцируются от стресса чаще тревожно-привязанные родители. Боязливая привязанность неожиданно оказалась связана с выбором продуктивных стратегий: планирование решения проблемы и поиском социальной поддержки.

Литература:

- 1) Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения. Монография. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова – «Авантитул», 2004.
- 2) Крюкова Т.Л., Сапоровская М.В. Индивидуальные и групповые тенденции совладания с трудностями в российских семьях // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. – Т. 20. – № 2 – С. 71-77.
- 3) Куфтяк Е.В. Совладающее поведение личности в контексте детско-родительских отношений // Методологические проблемы современной психологии: иллюзии и реальность. – Томск, 2004. – С.172-175.

- 4) Сапоровская М.В. Детско-родительские отношения и совладающее (копинг) поведение родителей как факторы школьной адаптации первоклассников: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Кострома, 2002.

**Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 15-06-10671/16.*

Гришина А.В.

ВЛИЯНИЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР НА РАЗВИТИЕ МЛАДШЕГО ПОДРОСТКА

Актуальность проблемы противодействия игровой компьютерной зависимости признана на государственном уровне. Исходные данные общероссийского мониторинга показали, что численность детей и подростков в возрасте 7-14 лет с различной степенью выраженности игровой компьютерной зависимости колеблется от 2% до 10% человек. Сложившаяся ситуация требует экстренного поиска эффективных методов и средств по предупреждению игровой компьютерной зависимости (ИКЗ), основанных на личностно-ориентированном подходе к каждому ребенку.

Для изучения индивидуально-личностных и социально-психологических факторов ИКЗ у младших подростков мы разделили выборку на две группы: в первую группу вошли младшие подростки с высоким уровнем ИКЗ, во вторую группу – с низким уровнем ИКЗ.

Сравнительный анализ результатов исследования показал, что индивидуально-личностный и социально-психологический факторы для подростков двух групп различны.

Дети с высоким уровнем ИКЗ имеют более низкие показатели умственных способностей, считают себя более уверенными и вместе с этим менее общительными.

Сравнительный анализ двух групп младших подростков с разным субъективным отношением к компьютерным играм по уровням самооценки показал значимые различия. В группе младших подростков с высоким уровнем ИКЗ детей с завышенной самооценкой больше (45%), чем в группе младших подростков с низким уровнем ИКЗ (33%). Завышенная самооценка указывает на определенные отклонения в формировании личности и может подтверждать личностную незрелость, неумение правильно оценить результаты своей деятельности, сравнивать себя с другими. Такая самооценка может указывать на существенные искажения в формировании личности – «закрытости для опыта», нечувствительности к своим ошибкам, неудачам, замечаниям и оценкам окружающих.

Выявлено преобладание высокой склонности к риску у младших подростков с высоким уровнем ИКЗ (25%), по сравнению с младшими подростками с низким уровнем ИКЗ (14%).

У детей с высоким уровнем ИКЗ низкие показатели по таким параметрам субъектности, как: осознание способности к рефлексии; осознание свободы выбора и ответственности за него; понимание и принятие другого, осознание саморазвития.

По выраженности компонентов субъектности были выделены младшие подростки со сбалансированным уровнем субъектности (при котором компоненты субъектности выражены в оптимальной зоне) и с несбалансированным уровнем субъектности (при котором некоторые компоненты субъектности выражены слабо и это в то же самое время, когда другие компоненты выражены достаточно сильно).

По результатам исследования социально-психологических особенностей младших подростков с разным субъективным отношением к компьютерным играм было выявлено, что в семьях младших подростков с высоким уровнем ИКЗ родители довольны тем, что их дети

часто играют в компьютерные игры. Большинство родителей не рассматривает факт злоупотребления ребенком компьютерными играми как проблему. Значительная часть родителей (62%) не имеет компьютерной грамотности, у них не сформирована культура общения с современной компьютерной техникой. Процесс игровой деятельности ребенка родителями часто поощряется, поддерживается и направляется.

При исследовании социометрического статуса младших подростков с разным уровнем ИКЗ было получено, что средние показатели социометрического статуса при переходе из одной группы младших подростков в другую отличаются на уровне статистической значимости ($p < 0,01$). У подростков с высоким уровнем ИКЗ социометрический статус выше.

Сравнительный анализ социометрического статуса отдельно мальчиков и девочек для групп младших подростков с разным уровнем ИКЗ позволил определить, что мальчики с высоким уровнем ИКЗ имеют более высокий статус по сравнению с мальчиками с низким уровнем ИКЗ. Среди девочек разных статусных категорий при переходе из группы с высоким уровнем ИКЗ в группу с низким уровнем ИКЗ значимых различий не обнаружено.

Грошев А.А., Баранова В.А.

ОБРАЗЫ ИДЕАЛЬНОГО И РЕАЛЬНОГО ПАРТНЕРА У ДЕВУШЕК 18-25 ЛЕТ

Проблема исследования. Темы, связанные с выбором романтического партнера, остаются популярными на протяжении длительного времени в силу личной важности для каждого человека и особой актуальности для настоящего времени: увеличение количества разводов, изменение романтических отношений, для которых более характерна тенденция количественного расширения, чем углубления. Содержание образов идеального партнера детерминировано различными причинами: от специфики детско-родительских отношений до мотивов поиска романтического партнера, самооценки, установок на брак и т.п. Исследователи отмечают, что реальный партнер наиболее близок к идеальному в период, предшествующий браку, что замужество «меняет» идеал супруга, который, скорее не обязан проявлять «силу» характера и иметь яркую внешность, может не иметь высокий доход и статус, но все же должен быть независим и весьма эмоционально устойчив [Маленова, 2015].

Ход исследования и основные результаты. Целью исследования являлось изучение образа идеального романтического партнера и сравнение его с образом фактического партнера, а также исследование взаимосвязей ценностей девушек с существующими образами. В исследовании участвовало 40 девушек (от 18 до 25 лет), проживающих в Москве и имеющих романтические отношения на момент опроса. Изучение образов фактического и идеального партнеров проводилось на основе модифицированного варианта «Методики семантического дифференциала» О.Л. Кустовой. Исследование ценностей – на основе методики Ш. Шварца. Для обработки данных использовался «SPSS» 21.

Полученные данные позволили сделать вывод о значимых отличиях в образах фактического и идеального романтического партнеров по характеристикам эмпатии, маскулинности, феминности, социального статуса, силы, зависимости, современности. Отличия по внешней привлекательности, эмоциональности, андрогинности статистически незначимы.

Наибольшее отличие фактического партнера от идеального выявляется по качеству эмпатии. Девушки хотят поддержки и понимания от своего реального партнера, но это отсутствует. Это объясняется тем, что в нашей культуре мужчины воспитываются в понимании того, что чувственность, эмоциональность, нежность – это типично женские характеристики,

и мужчина, проявляющий их, будет выглядеть слабым и немужественным. Отличие выявлено по фактору «маскулинность». Девушки хотят видеть рядом с собой ответственного, с сильным характером, зрелого мужчину, который мог быть надежной опорой в совместной жизни.

Наименьшим расхождением между фактическим и идеальным партнером является фактор привлекательности. Очевидно, что девушки выбирали своих партнеров на начальном этапе отношений по внешнему облику. В целом, можно охарактеризовать образ идеального партнера как привлекательного, сильного мужчину с высоким социальным статусом, ведущим современный образ жизни и способного к пониманию и поддержке. А образ фактического романтического партнера, как привлекательного и мужественного.

Выводы. В межличностных романтических отношениях девушка полагается в первую очередь на мужчину независимого, способного проявить свои мужские качества и обеспечить защиту. А идеальный партнер – это не только ответственный, двигающийся в ногу со временем, имеющий высокий социальный статус мужчина, но и человек, способный оказать моральную поддержку и эмпатичный человек. Девушкам, принявшим участие в нашем исследовании, в отношениях со своим реальным романтическим партнером не хватает понимания, заботы и тепла.

Девушки формируют образ мужчины, которого хотят видеть рядом с собой, ориентируясь на собственные ценности: склонные к власти выбирают властных мужчин, ценящие доброту, предпочитают открытых и эмоциональных партнеров, а для тех, кто ориентируется на собственные достижения, в большей степени важна внешность.

Литература:

1. Маленова А.Ю. Психологический пол личности и его взаимосвязь с брачно-семейными установками на разных этапах семейных, Журнал «Вестник Омского университета. Серия «Психология» Выпуск № 1, 2015 с.67-77

Дмитриева В.А., Волкова Е.Н., Веретинова Т.В.

ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ: ОБУЧЕНИЕ ЧЕРЕЗ РАБОТУ

Образовательная система наряду с семьей традиционно выступает ведущим институтом социализации молодежи. Однако трансформация образовательной системы привела к ослаблению воспитательной и социальной функции образования, поставив задачу поиска новых технологий и методов социализации (А.В. Мудрик, 2008; S. Salva, 2008; С.А. Данилов, 2012). ЮНЕСКО определяет задачу образования как формирование готовности к принятию решений и эффективных действиям в различных жизненных обстоятельствах (Unesco, 2003). С точки зрения онтопсихологического подхода, практическая цель образования состоит в том, чтобы научить человека понимать и создавать себя, развивать способность и умение достигать результата. Одним из успешных опытов социализации молодежи, признанных ООН, является Центр гуманистической культуры и искусства Реканто Маэстро в Бразилии, где реализуются различные социально-образовательные проекты. В рамках программ обучения молодые люди не только получают необходимые знания, но и начинают профессиональную деятельность. Такая модель называется «модель обучения через работу».

Целью нашего исследования явилось изучение целевого компонента модели, а именно изучение отношения к работе молодых людей и потенциала модели обучения через работу в центре Реканто Маэстро (В.А. Дмитриева, G. Rokkenbach, P. Wazlawick, 2015).

В исследовании приняли участие 60 студентов, средний возраст 23 года. Группа 1 – студенты государственных университетов традиционной формы обучения, группа 2 – студенты, которые учатся в университете AMF в Центре Реканто Маэстро (Бразилия) и задействованные в «модели обучение через работу».

Методы исследования: авторский опросник (оценка опыта работы и восприятие работы), тест ценностных ориентаций Ш. Шварца, тест жизнестойкости С. Мадди, оценка видеосюжетов, в которых показаны два стиля поведения молодых людей и их руководителей.

В результате исследования получены статистически значимые различия о том, какие причины, по мнению респондентов, побуждают начать работу: в группе 2 преобладает «желание независимости» ($p=0,003$). Представления о хорошей работе отличаются у двух групп: для группы 1 основное – экономическая выгода ($p=0,053$) и хорошие отношения (с коллегами и начальством), для группы 2 важнее возможность обучения ($p=0,008$) и свободы ($p=0,027$). Группа 2 концентрируется на значимости реализации, удовлетворения, самопознания и развития через работу (75%), а также на вопросах роста, опыта, обучения (25%); участники группы 1 делают акцент на признании, экономической свободе, независимости, обучении, опыте. Для описания работы группа 2 чаще применяет характеристики, связанные с удовольствием и творчеством ($p<0,05$).

Результаты исследования показали, что для группы 2 выше значимость ценности «самостоятельность» ($p=0,003$) и «власть» ($p=0,018$), и эти студенты обладают более высоким уровнем жизнестойкости по сравнению с теми, кто не имеет подобного опыта обучения ($p=0,007$).

По результатам оценки видео группа 1 склонна рассматривать положение подчиненного как жертвы, участники же группы 2 расценивают трудности в работе в качестве ресурса, характеризуются конструктивным видением отношений между подчиненным и руководителем, большей готовностью для вхождения в мир работы.

Модель обучения через работу способствует созданию условий для развития творчества, становления субъектной позиции молодого человека, формирования практических навыков в выбранной сфере деятельности. Россия и Бразилия имеют сходства по социально-экономическим характеристикам, в том числе похожие социальные проблемы молодежи. Данное исследование представляет интерес с точки зрения возможности заимствования опыта и переноса успешных социальных технологий, применяющихся в Реканто Маэстро.

Работа выполнена при финансовой поддержке СПбГУ (Проведение исследований по приоритетным направлениям Программы развития СПбГУ, проект № 8.37.222.2016 «Позитивная социализация молодежи в условиях социальной и экономической транзитивности»).

Дреев О.И., Крупнов Д.Ю.

РИСКИ ВНУТРИЛИЧНОСТНОГО КОНФЛИКТА ОСЕТИН В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ СОЦИУМЕ

Изучение влияния поликультурной среды на личность как на субъект межкультурного взаимодействия привлекает сегодня внимание специалистов своей актуальностью и нерешенностью ряда проблем. Противоречивый характер влияния поликультурного социума проявляется, с одной стороны, во взаимном обогащении культур вследствие возможностей «диалога культур». С другой стороны, в ситуациях, когда влияние поликультурного социума затрагивает «бессознательное ядро культуры» (С.В. Лурье), ставя под угрозу целостность неосознаваемых компонентов этнической культуры, то есть «коллективное бессознательное» (по К.Г. Юнгу),

возникает угроза утраты идентичности, прежде всего, этнической. Полагаем, что это может привести к росту рисков внутриличностного конфликта личности, проживающей в условиях полиэтнического региона и способствовать росту напряжения в межэтнических взаимоотношениях.

Целью исследования стало изучение представленности в сознании осетин различных возрастных групп базовых ценностей личности, а также выраженности внутриличностного конфликта. В исследовании предполагается, что полиэтнический социум ставит личность перед необходимостью выбирать между этническими, современными социокультурными, ценностями представителей других этносов, что с высокой степенью вероятности вызывает «ценностный» и «культурный» диссонанс, в результате чего возникает риск появления внутриличностного конфликта. Для изучения ценностей использовался «Ценностный опросник» Ш. Шварца, хорошо себя зарекомендовавший при исследовании динамики ценностей, связанных с изменениями в обществе. Для выявления внутриличностного конфликта применялась модифицированная методика «Тест Б.Д. Карвасарского». В опросник были внесены шкалы, которые наряду с уже имеющимися, выявляют конфликты между этнокультурными ценностями и реальным этнокультурным поведением, между социалистическими ценностями и реальным поведением, между собственным поведением и культурными нормами. Принцип построения этих шкал соответствует логике авторского варианта опросника. Исследование проводилось в 2015-2016 гг. в различных районах Республики Северная Осетия. Выборочную совокупность составили 543 человека, осетины, мужчины и женщины четырех возрастных групп: до 25 лет, от 25 до 40 лет, от 40 до 55 лет и старше 55 лет.

Проведенное исследование позволило прийти к определенным выводам: 1) В результате сравнения средних (по Т-критерию Стьюдента) было выявлено, что ценности в разных возрастных группах статистически различаются в соответствии со следующей тенденцией – полярные возрастные группы (до 25 лет и старше 55 лет) различаются практически по всему диапазону ценностей опросника Ш. Шварца, различия между смежными возрастными группами проявляются в меньшей степени. При этом сохраняется «преемственность» некоторых видов ценностей, обусловленная этнокультурными нормами. 2) Корреляционный анализ (по Пирсону) показал наличие средней выраженности прямой связи «конфликта между собственным поведением и культурными нормами» и ценностями в области «достижений» ($r=0,099$ при $p\leq 0,05$), а также ценностями в «сфере образования» ($r=0,089$ при $p\leq 0,05$). Полагаем, что ценность мотивации достижения высоких результатов и успешности в социуме вступает в противоречие с этническими традициями осетин, где важным является приоритет общегрупповых достижений над индивидуальными. 3) По-разному проявляется выраженность внутриличностного конфликта в сравнении разных поколений осетин: «конфликт между этнокультурными ценностями и реальным этнокультурным поведением» у представителей поколения в возрасте до 25 лет выражен значительно сильнее, чем у осетин в возрасте старше 55 лет ($t=2,182$, при $p\leq 0,05$), «конфликт между социалистическими ценностями и реальным поведением» выражен сильнее у осетин старше 55 лет ($t=-4,713$, при $p\leq 0,01$). Очевидным является то, что для молодых осетин исполнение реальных этнокультурных норм поведения (обычаев, обрядов и т.д.) не является личностной ценностью, а лишь нормой, навязанной традициями народа. То же и в сравнении групп до 25 лет и в возрасте от 40 до 55 лет. «Конфликт между социалистическими ценностями и реальным поведением» выражен сильнее у осетин второй группы ($t=-3,537$, при $p\leq 0,01$). Старшие поколения осетин в реальном поведении не всегда принимают ценности современного социума. Полагаем, что предположение о высоком риске внутриличностного конфликта в поликультурном социуме, как следствие «ценностного» и «культурного» диссонанса, нашло отражение в проведенном исследовании.

Екимова К.С., Яничева Т.Г.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВОСПРИЯТИЯ В ДИАДЕ

Особенности и закономерности формирования образа партнера по общению можно рассматривать в качестве ключевых в области исследований социальной перцепции. Образ партнера справедливо является существенным регулятором общения, на его основании партнеры (с разной степенью осознанности) прогнозируют поведение партнера, и, следовательно, выбирают стратегию собственного поведения во взаимодействии. От точности межличностного восприятия, адекватности формируемого образа другого человека в значительной степени зависит то, как сложатся отношения в дальнейшем. Не менее важным аспектом процесса межличностного восприятия является рефлексия собственного образа, формирующегося у партнера. В последней четверти XX века отмечается значительный интерес к исследованиям в этом направлении, который, однако, не столь заметен в последние годы.

Целью исследования было изучение социально-психологических характеристик межличностного восприятия в диадах. В частности, изучалось, какие личностные особенности воспринимающего способствуют более точному восприятию партнера и как состояние воспринимающего влияет на данный процесс. 80 человек (40 мужчин и 40 женщин) в возрасте от 18 до 36 лет были объединены в диады (20 однополюх и 20 разнополюх диад). Половина пар общалась очно друг с другом, вторая половина – знакомые люди, которые не взаимодействовали в процессе исследования, им предлагалось представить своего партнера.

Участникам предлагалось заполнить опросник САН для определения своего актуального состояния (в случае общения «лицом к лицу» опросник заполнялся и «за» партнера), личностный опросник «BigFive» и две авторские методики, направленные на оценку точности межличностного восприятия: «Атрибуция личностных качеств», где респондентов просили назвать пять качеств партнера, а также предположить, какие качества собеседник отметит у них и «Кейсы», где участникам предлагалось описать собственное поведение в описанной ситуации, а также сделать прогноз поведенческого выбора партнера.

Было выделено пять критериев точности межличностного восприятия: точность оценки самочувствия партнера по общению, точность оценки уровня активности партнера, точность оценки настроения партнера, точность предсказания качеств, «приписанных мне» партнером, точность прогноза поведения партнера.

В результате множественного регрессионного анализа были получены следующие результаты. Настроение воспринимающего является предиктором предсказания атрибуции качеств в свой адрес, а самочувствие точности оценки самочувствия и уровня активности партнера по общению. Таким образом, хорошее настроение и самочувствие повышают точность межличностного восприятия, что можно объяснить большей ориентацией воспринимающего на партнера, внимательностью к нему, позволяющей более точно улавливать невербальные сигналы.

Личностные характеристики воспринимающего (в соответствии со шкалами Большой Пятерки) также оказались влияющими на точность межличностного восприятия, но относительно иных исследуемых параметров образа партнера. В точности предположений о том, какие качества приписываются друг другу партнерами по общению, существенную роль сыграли показатели по шкале «Самосознание». Показатели по шкале «Личностные ресурсы» («BigFive») значимы для точности оценки активности партнера. А предикторами точности прогнозирования поведения партнера (по методике «Кейсы») оказались показатели по шкале «Эмоциональная стабильность».

Таким образом, результаты исследования подтверждают взаимодействие личностных и ситуационных детерминант точности межличностного восприятия, а также рефлексии относительно собственного образа, формирующегося у партнера.

Завгородняя Е.В.

ЗДОРОВЬЕ РЕБЕНКА В КОНТЕКСТЕ ТРУДНОСТЕЙ АДАПТАЦИИ К ШКОЛЕ

Именно в детстве состояние здоровья имеет тесную связь с влиянием социального окружения. Наиболее существенное влияние на детей оказывают острые и хронические психотравмирующие ситуации. Если для дошкольников наиболее травматичны ситуации, связанные с недостаточностью чувства защищенности в семье, то для детей школьного возраста, кроме этого, травмирующими могут стать сложные школьные ситуации. По мнению Б.Г. Ананьева (1980), даже в условиях качественной предварительной подготовки детей при их желании учиться, адаптация первоклассников к новым условиям происходит не без трудностей. От того, как будет осуществляться этот процесс, зависит не только успешность-неуспешность, но и особенности развития личности ребенка.

Существуют различия, а порой и противоречия между социальной адаптацией и персонализацией – становлением личности в перспективе ее самореализации (Тарр, 1988). Социализация осуществляется через отождествление с лидером, с группой, через присвоение ее норм, традиций, правил, ценностей. Задачи персонализации – автономность, выстраивание собственной иерархии ценностей, ориентация в соответствии со своим жизненным проектом, самореализация. Важно, чтобы адаптация и социальная интеграция не тормозили персонализацию.

Возвращаясь к проблеме развития личности ученика, следует отметить, что необходимость приспособления к школьной среде может деформировать развитие его личности, привести к потере подлинности, креативности, к росту обезличивающих конформных тенденций. Сложная ситуация, в которой оказывается первоклассник, состоит в том, что если раньше ребенок мог более или менее свободно играть, то теперь преобладают ««заданные»» действия, не связанные с его желанием и инициативой, мотивы этих действий находятся вне их содержания. Ситуация принуждения во многих случаях приводит к угасанию внутренней мотивации, любознательности, непосредственного интереса к предмету. Конфликт между силой принуждения и борьбой за самоопределение приводит к нежелательным последствиям. Среди них – моральные – ориентация только на оценки, склонность к подчинению, или поиск обходных путей, ложь, лень как сопротивление власти взрослых (Гиппенрейтер, 2005). Также негативная эмоциональная окраска навязанной умственной работы неблагоприятно отражается на здоровье ребенка (Сухомлинский, 1976). Трудности школьной адаптации связаны и с недостаточным учетом психофизиологических особенностей младших школьников, для которых естественным является обучение через творчество, движение, эмоционально и сенсорно насыщенные игры (Сиротюк, 2003).

Важное значение для психологического благополучия и здоровья ребенка имеет способность к креативному неразрушающему выражению своих переживаний – «кордосемии» (Завгородняя, 2008). Ребенок совершенствует свою способность к упорядочиванию опыта, обозначению внешних и внутренних событий, созданию их версий, овладевая семиотическими ресурсами культуры. Означивание реальности с помощью разного уровня культурных схем позволяет ребенку упорядочить то, что он воспринимает, оценивать его, выстраивая свою вер-

сию самой себя и мира. В этом контексте представляется перспективным путь «самоопределяемого учения» (Патяева, 2002). При таком учении взрослый, не теряя своей направляющей роли, проявляет чувствительность к свободе ребенка. Это происходит в процессе «мотивационного диалога»: взрослый активно слушает ребенка, помогая ему прояснить его чувства, потребности, желания и нежелания. в результате взрослый и ребенок приходят к общему решению, при этом в полной мере присутствует уважение к свободе ребенка, в частности он имеет право отказаться от того или иного действия, право сказать «нет».

Такой подход, ориентированный на сохранение психологического благополучия и здоровья ребенка, поддержание его творческих наклонностей, внутренней мотивации, способности к самовыражению, предусматривает значительные требования к личности и профессионализму учителя.

Защиринская О.В., Зуева В.С.

ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ СКАЗОЧНОГО ПЕРСОНАЖА КАК СРЕДСТВО РЕКЛАМНОГО ВЛИЯНИЯ НА ДЕТЕЙ

Актуальность исследования влияния рекламы, в частности, ее визуальной составляющей, обусловлена важностью изучения процессов формирования установок, взглядов, стереотипов у детей с применением эмоционально позитивных сказочных персонажей. Самоидентификация ребенка с героями сказок и мультфильмов может в дальнейшем отразиться на стратегиях принятия решений индивида. Стремительно растущий рынок привлекает внимание всевозможными визуальными средствами, и ребенку приходится с дошкольного детства учиться выбирать не только яркие и популярные, но и полезные для здоровья товары. Основная функция рекламы, в частности, заключается в подготовке детей к умению быть квалифицированным потребителем (С.С. Марочкина, Ю.С. Вегенер, 2014; А.М. Тупикова, В.А. Каменева, 2012; О. Ampuero, N. Vila, 2006; A.J. Elliot, 2015). В силу возрастной специфики развития детей наибольшее влияние в дошкольном возрасте оказывают феномены психологического заражения (воздействие на эмоциональную сферу личности), подражания (присваивание увиденных моделей поведения) и внушения.

В нашем исследовании мы основывались на проверке гипотез о том, что выбор детей связан с яркостью упаковки и площадью сказочного героя, расположенного на ней. Первое эмоциональное впечатление о продукте влияет на мотивацию выбора детских товаров. Ребенок при идентификации себя со сказочным героем на упаковке чаще наделяет его положительными характеристиками. Вербальные описания рекламных персонажей связаны с их личностными качествами и способностям, а не внешностью.

В число обследованных вошли 25 детей в возрасте от 3 до 7 лет (12 мальчиков и 13 девочек). Результаты исследования показали, что дети дошкольного возраста восприимчивы к рекламному воздействию. Их выбор преимущественно строится на эмоциональном восприятии товара, что позволяет оказывать существенное воздействие на мотивацию их выбора при потреблении определенных товаров. Основным способом визуального влияния на потребительский спрос ребенка является оформление упаковки. Особое влияние оказывает сказочный персонаж, используемый при презентации товара и его цвет. Наличие корреляции между цветом и площадью героя (метод Пирсона, $r=0,725$, $p<0,01$) является подтверждением статистически значимой связи между цветом и площадью изображения героя на упаковке товара. Существует взаимосвязь между количеством цветов и выбором детей ($r=0,641$, $p<0,05$), что также подтверждает наличие статистически значимой связи между этими показателями.

Таким образом, гипотеза о связи детского выбора с яркостью упаковки и площадью сказочного героя, расположенного на ней, подтвердилась.

Выбор детей, основанный на первом впечатлении, отличается устойчивостью предпочтений и находит свое выражение в желании приобрести конкретный продукт (шампунь, зубную пасту, макароны, шоколад, йогурт). Контент-анализ высказываний детей свидетельствует о наличии эффекта генерализации – положительное впечатление от упаковки распространяется на оценку самых различных качеств продуктов, включая его полезность для здоровья и общего развития. Рекламный герой становится образом для подражания детей, особенно если он ранее был знаком благодаря просмотру сказок или мультфильмов. Идентифицируя себя с такими рекламными персонажами, ребенок наделяет их положительными чертами характера и внешности. При опросе детей в выбранном товаре привлекает: герой на упаковке (55,2% ответов); яркое оформление (24% ответов); ранее просмотренная реклама (15,2%). На характеристики продукта (вкусный) сослались 4% опрошенных, а наличие такого купленного товара дома стало решающим при очередном выборе для 1,6% детей. Ребенок при идентификации себя с рекламным образом на упаковке товара чаще наделяет его положительными личностными качествами (67%). В этой категории ответов выделяются характеристики «веселый» и «смешной», что говорит об их значимости на фоне эмоционального развития дошкольников ($p < 0,01$).

Выполненное исследование может использоваться в консультационной работе с родителями детей дошкольного возраста.

Змеева А.С.

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗАЩИТ У УЧИТЕЛЕЙ С РАЗЛИЧНЫМИ ЛИЧНОСТНЫМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ

В статье приводятся результаты эмпирического исследования изучения особенностей психологических защит у учителей с различными личностными особенностями. В качестве таких особенностей изучается личностная беспомощность и самостоятельность в рамках концепции личностной беспомощности Д.А. Циринг [1]. Данная концепция предполагает теоретическое обоснование и эмпирическую верификацию влияния таких личностных особенностей как самостоятельность и личностная беспомощность на поведение и деятельность человека (Д.А. Циринг, Е.В. Веденеева, Ю.В. Яковлева, Е.А. Евстафеева, И.В. Пономарева).

В результате имеющихся данных по изучению психологических защит у лиц с личностной беспомощностью, мы предположили, что существуют особенности в психологических защитах у учителей с личностной беспомощностью и самостоятельностью. В исследовании приняли участие учителя общеобразовательных школ г. Челябинска в количестве 110 человек.

С целью выявления учителей с признаками личностной беспомощности и самостоятельности, нами был произведен кластерный анализ (К-средних). Расчеты производились в программе SPSS 12.0. Основанием для формирования кластеров являлись средние значения, полученные по методикам: тест на оптимизм Л.М. Рудиной, экспресс-диагностика уровня самооценки, шкала депрессии Г.И. Балашовой, шкала тревоги в адаптации Т.А. Немчинова и В.Г. Норакидзе.

Учителя, вошедшие в первый кластер, названные «беспомощные» ($N=43$), отличаются пессимистическим атрибутивным стилем, относительно высоким уровнем депрессивности и тревожности, заниженным уровнем самооценки, что свидетельствует о наличии у данных испытуемых признаков личностной беспомощности. Во второй кластер ($N=27$) вошли испыты-

емые, которым свойственны характеристики противоположные личностной беспомощности, что соответствует такой системной характеристике субъекта, как самостоятельность (Д.А. Циринг, Ю.В. Яковлева).

С целью проверки достоверности различий полученных кластеров было проведено сравнение средних значений посредством однофакторного дисперсионного анализа. Результаты анализа показали, что по всем диагностическим показателям личностной беспомощности существуют достоверные отличия: депрессивность ($F=42,536$ при $p=0,000$), тревожность ($F=183,204$, при $p=0,000$), самооценка ($F=65,840$, при $p=0,000$), показатель надежды ($F=6,172$, при $p=0,000$), атрибутивный стиль ($F=31,321$, при $p=0,000$).

С целью выявления особенностей психологических защит в группах «беспомощных» и «самостоятельных» была проведена методика СМИЛ (Л.Н. Собчик). В результате анализа с использованием метода математической статистики t -критерий Стьюдента, были получены значимые отличия в особенностях психологических защит в кластерах «беспомощные» и «самостоятельные».

По результатам методики СМИЛ были выявлены особенности психологических защит, таких как «бегство в болезнь» ($t=-7,460$, $p=0,000$), вытеснение (выраженное в функциональных нарушениях) $t=-4,487$, $p=0,000$; вытеснение ($t=-5,283$, $p=0,000$); рационализация ($t=-3,994$, $p=0,000$); уход в мир мечты и фантазии ($t=-8,532$, $p=0,000$). Это может говорить о сосредоточенности учителей с личностной беспомощностью на плохом самочувствии, что может привести к ипохондрии, неустойчивости эмоциональной сферы учителей с личностной беспомощностью, по сравнению с группой «самостоятельных», их повышенной импульсивности в каких-либо экстремальных ситуациях, а в некоторых случаях о неопозволительной в данных ситуациях ригидности мышления. Также действия учителей с личностной беспомощностью могут быть неуместными и необдуманными.

Полученные данные в ходе проведенного эмпирического исследования, вносят вклад в развитие концепции личностной беспомощности, дополняя представление о специфических особенностях проявления личностной беспомощности и психологических защит в зрелом возрасте (на выборке учителей с личностной беспомощностью).

Литература:

1. Циринг, Д. А. Психология личностной беспомощности [Текст] : исследование уровней субъектности / Д.А. Циринг. – М.: Академия, 2010. – 410 с.

Змиевская А.А., Курышева О. В.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЛИЧНОСТИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОТНОШЕНИЯ К РЕПРОДУКТИВНЫМ НОРМАМ

Современная социальная ситуация в России характеризуется возросшей свободой в организации семейной жизни: распространение таких практик, как сожительство, отказ от деторождения и пр., ставит под угрозу существование традиционного института семьи. В связи с этим большую популярность приобретают исследования репродуктивных установок, ценностной сферы современной молодёжи, ответственной за воспроизводство (А.И. Антонов, Ф.Н. Ильясов, В.В. Солодников и др.). Результаты этих исследований демонстрируют возросшее разнообразие оценок значимости существующих репродуктивных норм, отражающее явление «дестандартизации» семейной жизни современных россиян: для одних обязательным является создание семьи и рождение хотя бы одного ребёнка до 30 лет, для других важнее построение

карьеры и приемлемо проживание с партнёром вне брака без детей. Несмотря на актуальность данного явления, вопрос о психологическом благополучии личности, не разделяющей существующие репродуктивные нормы, остаётся мало освещённым. Обобщая теории, рассматривающие психологическое благополучие (Н. Брэдберн, Э. Дисси, К. Рифф и др.), мы определяем его как субъективное ощущение удовлетворённости и счастья, связанное с переживанием осмысленности и целостности собственной жизни. Позитивное или негативное отношение к репродуктивным нормам, выражаемое в степени согласия/несогласия с ними, может выступать в качестве значимого фактора, детерминирующего психологическое благополучие личности.

Целью нашего исследования стало установление взаимосвязи между психологическим благополучием личности и отношением к репродуктивным нормам. Выборку исследования составили 257 человек (134 женщины и 123 мужчины) в возрасте 30–40 лет. Используемые методики: 1) авторский опросник, содержащий перечень репродуктивных норм, которые необходимо оценить по степени согласия с ними; 2) показатель реализованности психологического времени жизни (Е.И. Головаха, А.А. Кроник); 3) тесты смысловых ориентаций (Д.А. Леонтьев); 4) психологическая автобиография (Е.Ю. Коржова); 5) шкала психологического благополучия (К. Рифф); 6) анкета для выявления социально-демографических характеристик респондента (семейное положение, возраст рождения детей и пр.). Полученные данные были обработаны с помощью корреляционного и дисперсионного анализа, обнаружены достоверные результаты.

Установлено, что чем более позитивное отношение к репродуктивным нормам демонстрирует респондент, тем выше уровень его психологического благополучия. В частности, выявлены более высокие значения по следующим показателям: реализованность психологического времени жизни, оценка результативности прошлого и осмысленности целей будущего, осмысленность жизни в целом, позитивные отношения с другими, открытость новому опыту (показатель «человек как открытая система»). Более того, позитивное отношение к репродуктивным нормам связано и с внешним, объективно наблюдаемым благополучием. Респонденты, демонстрирующие высокую степень согласия с существующими нормами, обладают следующими характеристиками репродуктивного поведения: состоят в браке, имеют хотя бы одного ребёнка, рождённого в нормативном возрасте, не имеют опыта развода. Согласно данным государственной статистики, именно такая картина считается нормативной для современного россиянина в возрасте 30–40 лет. В то же время, негативное отношение к репродуктивным нормам связано с меньшим психологическим благополучием личности по выше обозначенным параметрам, а также с ненормативным репродуктивным поведением (проживание с партнёром вне брака, опыт развода, отсутствие детей, позднее рождение детей). Таким образом, позитивное отношение к репродуктивным нормам связано с высоким уровнем психологического благополучия, а также с нормативностью репродуктивного поведения, что, в свою очередь, является показателем социального благополучия личности.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ и Администрации Волгоградской области номер №16-16-34004.*

Зуев К.Б.

СЕМЕЙНЫЙ КОНТЕКСТ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ ПОДРОСТКОВ

Современная наука характеризуется тенденцией к оперированию глобальными или как их еще называют зонтичными или сетевыми категориями, которые включают в себя большое количество аспектов изучаемой реальности. К таким категориям относится «жизнеспособ-

ность», операционализация которой осуществляется по-разному разными авторами. В западной литературе существует термин «resilience», переводимый нами в след за А.В. Махначем, как «жизнеспособность» [1]. Англоязычные авторы выделяют три социально-психологических контекста жизнеспособности: социальный (social) куда включаются глобальные процессы, происходящие в обществе, например, экономические изменения; контекст сообщества (community) – взаимодействие с церковной общиной, службами социальной поддержки, соседями и пр.; семейный (family) контекст. В значительной степени выделение данных контекстов опиралось на практические исследования, в следствии чего указанная классификация не имеет под собой единого основания. Кроме того, значительным числом авторов указывается на включение в жизнеспособность биологических контекстов, в частности генетического. Все вышесказанное, с одной стороны, позволяет говорить о жизнеспособности человека (а не личности или субъекта), а с другой стороны указывает на необходимость выделения ведущего контекста формирования жизнеспособности, которым, на наш взгляд, является семейный контекст. Именно семья может усилить или нивелировать внешние и внутренние (в том числе биологические) воздействия, как негативные, так и позитивные (см., например, [2]).

Мы провели исследование жизнеспособности подростков, которая была операционализирована на основании схемы, предложенной А.В. Махначем [1, с.144]. Были изучены локус контроля (тест «Уровень субъективного контроля»), семейные отношения (тест «Подростки о родителях»), уровень суверенности (тест «Суверенность психологического пространства»). Обоснование выбора методик представляет из себя отдельную задачу исследования и будет подробно представлено в докладе. Выборку исследования составили 356 подростков из двух московских школ. Возраст испытуемых – от 13 до 16 лет, средний возраст – 14,3 года. В исследовании приняли участие 110 мальчиков и 102 девочек из полных семей, 66 мальчиков и 78 девочек из неполных семей. Подростки из неполных семей выросли в неполной разведенной материнской семье.

Обработка данных проводилась при помощи двухфакторного дисперсионного анализа, где в качестве независимых переменных выступали тип семьи (является она полной или неполной) и представления подростков о воспитательных тактиках матери, в качестве зависимой – показатели жизнеспособности подростков.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Существует семейный контекст жизнеспособности подростка, который проявляется через тип семьи и воспитательные тактики матери.
2. Наиболее чувствительным к семейному контексту компонентом жизнеспособности является суверенность психологического пространства. Высокий уровень директивности, враждебности и непоследовательности матери приводят к снижению суверенности. Возрастающий позитивный интерес матери, напротив, обуславливает рост суверенности.
3. Общая суверенность и суверенность мира вещей подвержена совместному воздействию типа семьи и тактики материнского воспитания являются. Разница между подростками из полных и неполных семей проявляется при демонстрации матерью социально неодобряемого поведения, которое выражается в высоких показателях директивности и низких показателях позитивного интереса.

Литература:

1. Махнач А.В. Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016
2. Velma McBride Murry, Mia S. Bynum, Gene H. Brody, Amanda Willert, and Dionne Stephens African American Single Mothers and Children in Context: A Review of Studies on Risk and Resilience // Clinical Child and Family Psychology Review, Vol. 4, No. 2, 2001 pp. 133 – 155

Иванова Н.Л., Бикметова К.Н.

ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ЛИЦ С РАЗЛИЧНЫМИ ТИПАМИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Проблема конфликтного поведения в настоящее время остается актуальной, несмотря на многочисленные исследования в этой области. На разрешение конфликтов в организациях уходит много рабочего времени, что приводит к колоссальным финансовым и моральным потерям. В плане повышения эффективности управления организациями остаются открытыми вопросы причин конфликтов, особенностей их протекания, способов разрешения и предотвращения.

В связи с большим количеством исследований на тему конфликтов становится важным поиск новых подходов к пониманию причин проявления конфликтного поведения людей, того, какие последствия они имеют для них, а также анализу психологических предпосылок к выбору той или иной стратегии поведения в конфликте.

Однако, несмотря на такое большое количество психологических исследований конфликтов, до сих пор нет однозначного ответа на вопросы, связанные с изучением роли социального контекста изучаемых явлений. Например, нет объяснения тому, почему люди с похожими личностными качествами поступают по-разному в ситуации конфликта. Или, почему разные люди в некоторых ситуациях спланиваются и действуют совместными усилиями.

В данной работе предлагается новый подход к пониманию природы конфликтного поведения личности (Иванова, 2015). На основании этого подхода необходимо изучать опыт социального взаимодействия индивида, который был накоплен им в процессе жизнедеятельности. Этот опыт содержит социальные представления и сформированные категории, с помощью которых происходит оценка ситуации как конфликтной и определения индивидом своего места в ней. Поэтому поведение индивида в конфликте определяется не только его личностными особенностями, но и его субъективной интерпретацией ситуации, определении ее как конфликтной, и в связи с этим, выбором стратегии поведения в ней. Все вышесказанное формирует исследовательскую проблему самоопределения личности в ситуации конфликта, а следовательно, актуализации ее социальной идентичности.

Рассматриваются результаты исследования, направленного на выявление особенностей конфликтного поведения у людей с разными типами социальной идентичности.

Проверялась гипотеза о том, что конфликтное поведение людей различается в зависимости от типа их социальной идентичности.

Теоретическую базу исследования составили труды следующих авторов: по конфликтам – Андреева Г.М., Анцупов А.Я., Шипилов А.И., Гришина Н.В. Леонов Н.И., Килман Т., Платонов Ю.П.; по социальной идентичности – Берн Э., Иванова Н.Л., Мазилова Г.Б., Румянцев Т.В., Келли Д., Тернер Дж., Тэшфел А., Эриксон Э., Ядов В.А.; по социальной идентичности как фактора конфликтного поведения – Иванова Н.Л.

Основные методы исследования: тест Томаса-Киллмена на стратегию поведения в конфликте; тест «Кто Я?» (Кун, МакПартленд); методика «Жизненные ценности» (Н. В. Клоева, В. И. Чирков). Выборка – 81 респондент. Результаты исследования были обработаны с помощью программы SPSS 22.0, использовался метод сопряженных таблиц.

Результаты показали, что выбор стратегии поведения в конфликте различается у людей с разными типами социальной идентичности. В частности, люди с профессионально-деловым типом социальной идентичности преобладает стратегия поведения в конфликте – соперничество. А люди, работающие в должности уровня среднего менеджера и руководителя с профессионально-деловым типом идентичности, выбирают стратегию поведения – соперничество.

Иванова П.А., Чикер В.А.

ОСОБЕННОСТИ МОББИНГА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Тема моббинга или психологического террора на рабочем месте все чаще становится направлением исследований зарубежных (Ваниорек Л., Ваниорек А, 1996; Колодей К., 2007; Рулани Э. 2012; Cassitto, M. G, 2003; White, S., 2013, и др.) и отечественных (Караванов А.А., 2013; Кон И.С., 2006; Терещенко Г.Ф., 2012; Чикер В.А., 2015 и др.) авторов. Это определяется осознанием ее важности и растущей потребностью в решении проблемы, активном проявлении моббинга в организациях и серьезностью последствий, которые заключаются в нанесении непоправимого ущерба психологическому здоровью человека, существованию и развитию коллектива [2].

Согласно данным Х. Лейманна [цит. по К.Колодей], образовательная среда, по отношению к организациям с другой направленностью деятельности, отличается повышенным риском проявления моббинга как по отношению к ученикам, так и по отношению к учителям. Цель нашей работы – изучение актуальной ситуации моббинга в педагогических коллективах. Предметом исследования стали представления участников ситуаций моббинга о феномене моббинга и оценке его последствий для «жертвы» в образовательной среде. В опросе приняло участие 25 студентов 1 и 3 курса Санкт-Петербургского государственного университета в возрасте от 18 до 23 лет, которые недавно окончили школу. С помощью метода контент-анализа была проведена классификация наиболее ярких жизненных историй с ситуациями моббинга по отношению к учителю и ученику. Для их количественного анализа нами были выделены следующие качественные категории: инициатор моббинга (преследователь), жертва моббинга (ученик, учитель), проявления моббинга по отношению к жертве (игнорирование, доведение до слез, травля и т.д.), позиция испытываемого по отношению к жертве (свидетель, защитник) и последствия моббинга для жертвы.

Как показало исследование, инициаторами моббинга в образовательной среде в равной степени выступают как ученики, так и педагоги, но жертвой моббинга в 76 % случаев оказываются педагоги. Из основных моббинг-действий по отношению к учителю со стороны учеников можно выделить словесные пререкания, споры; по отношению к ученику со стороны учителей – вербальные оскорбления, распространение ложной информации, вмешательство в личную жизнь жертвы и др. Практически половина историй содержали в себе увольнение как способ решения жертвой проблемы психологического террора на работе, что, в свою очередь, усугубляет последствия моббинга для организации. Примечательно, что только 12% от общего числа опрошенных сообщили об отсутствии моббинга по отношению к учителям в их школе. Но, следует помнить, что этическая неприглядность происходящего для всех действующих лиц моббинга заставляет их скрывать свое участие в моббинге, замалчивать факты, прибегать к оправданиям своего поведения. Таким образом, можно предположить, что распространение моббинга в образовательной среде носит еще более широкий характер, чем это зафиксировано в нашем исследовании. Испытуемые чаще всего описывали свое отношение к жертвам словом «жаль» (28%), что отражает часто проявляемую пассивную позицию «свидетеля» среди учеников, а 8% опрошенных высказали мнение, что учитель заслужил такое отношение.

Проведенное нами исследование служит задаче установления основных характеристик моббинг-процессов, происходящих в образовательной среде, определению главных объектов моббинга, которые нуждаются в пристальном изучении с целью определения основных направлений психологических исследований в этой области.

Литература:

1. Колодей К. Моббинг: Психотеррор на рабочем месте и методы его преодоления. Харьков, 2007.
2. Чикер В.А., Почебут Л.Г. Социально-психологический анализ моббинг-процессов // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2015, №4, с. 136-141.

Капустина А.Н., Чернышев М. Г.

УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУКОВОДИТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В сегодняшних условиях новой социальной и экономической реальности и в новых условиях управленческих практик всё более возрастает необходимость изучения личности руководителя государственных организаций как субъекта управления. В исследовании (2015-2016 гг.) применялся комплекс тестовых методик, метод экспертных оценок (180°) и математико-статистические методы критерий различий U-Манна-Уитни и коэффициент корреляций г-Спирмена.

Выборку исследования составили две группы руководителей: 1-ая группа – экспериментальная – руководители государственных организаций (директора школ, главные врачи медицинских учреждений, руководители страховых компаний) – 37 человек (19 мужчин, 18 женщин, средний возраст 43,6 лет);

2-ая группа – контрольная – руководители организаций среднего бизнеса – 34 человека (18 мужчин и 16 женщин, средний возраст – 42, 4 лет). Экспертами по результатам методики «Командные роли» выступили их подчинённые – на каждого руководителя приходилось от 5 до 9 экспертов (всего 376 человек).

Сравнительный анализ личностных показателей (методика Кеттелла) в обеих группах выявил различия по полу, которые носят традиционный характер и касаются эмоциональной сферы личности ($p < 0,01$). Обнаружено, что обе группы руководителей, независимо от пола и типа организаций, обладают общими характеристиками: адекватной самооценкой, общительностью, ответственностью, эмоциональной стабильностью, невысоким уровнем социальной активности и независимости в принятии социальных и интеллектуальных решений.

Изучение якорей карьеры (методика Э. Шейна), не выявив различий ни по полу, ни между группами, определило, что обе выборки характеризуются равномерным и невысоким распределением оценок по всем карьерным ориентациям. Полученные факты говорят о том, что руководители обеих групп довольствуется своим социальным положением и не испытывают стремлений к повышению своей индивидуальной карьеры.

В изучении выбора командных ролей (методика Р. Белбина) наиболее показательным явился сравнительный анализ самооценочного определения ролей руководителями и оценок их выбора со стороны экспертов. Распределение ролей в обеих группах обнаружило различия по полу. Женщины-руководители предпочитают четыре ведущие роли, выбор и выполнение которых совпадает с мнением экспертов, что предполагает адекватность понимания ими своих управленческих ролей. Однако, эти роли более свойственны руководителям среднего звена управления. Для мужчин-руководителей характерным явилось рассогласование самооценок с мнением экспертов почти по всем управленческим ролям (0,05). Помимо этого, из восьми

ролей они выбирает семь, что определяет их неумение делегировать полномочия и выделять ведущие функции делового лидера.

Корреляционный анализ выявил взаимосвязи показателей экспериментальной выборки ($N=37$). Центральными признаками на 1% уровне ($r=0,41$) оказались показатели карьерных ориентаций «профессиональная компетентность» и «менеджмент», являющиеся основным ядром в карьерных установках руководителя и во многом определяющие его управленческий потенциал.

Исследование показало, что базовым конструктом в социально-психологических характеристиках личности руководителя является ценностно-мотивационная сфера, представленная в нашей выборке низкими оценками показателей карьерных ценностей, невысокой выраженностью социальной и личностной активности и недостаточной адекватностью соответствующих статусу ролевых предпочтений. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости повышения управленческих компетенций, обуславливающих развитие ценностно-мотивационных установок личности, которые, в свою очередь, способствуют реализации управленческого и личностного потенциала руководителей государственных организаций.

Капустина А.Н.

ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННАЯ СФЕРА ЛИЧНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ВОЛОНТЁРА

Актуальность изучения личности волонтера определяется, прежде всего, тем, что добровольческая деятельность является социально значимой как для развития общества, так и для успешного социального развития личности.

В исследовании 2015–16 года участвовали студенты различных вузов Санкт-Петербурга – 81 человек (средний возраст 22,3 года), составившие две группы: экспериментальную, в которую вошли социальные волонтеры (оказывающие помощь людям) – 39 человек (17 мужчин, 22 женщины) и контрольную – 42 человека (18 мужчин, 24 женщины). В исследовании применялись методы: контент-анализ, тестовые методики и математико-статистические методы – критерий различий U-Манна-Уитни и коэффициент корреляций r-Спирмена.

Контент-анализ показал, что имплицитные представления об образе волонтера у всех респондентов имеют общее синонимическое понимание, в котором отсутствуют какие-либо негативные характеристики, что говорит о позитивном восприятии образа волонтера и его деятельности у современной молодёжи.

Сравнительный анализ результатов исследования ценностных ориентаций (методика Ш. Шварца) не обнаружил статистически значимых различий по полу ни в одной из изучаемых групп. Выявлены различия между контрольной и экспериментальной выборками в предпочитаемых ценностях ($p<0,05$). Волонтеры выбирают ценности: доброта, смысл жизни, зрелая любовь, определяющие желания позитивных эмоциональных отношений с другими людьми. Контрольная группа – успешность, достижения, гедонизм – обуславливающие устремления к достижениям социального признания. Обе студенческие группы отвергают такие ценности как конформизм, власть и принятие своей участи, предпочитая её преобразование и выбирая активную жизненную позицию.

Сравнительный анализ результатов исследования смысложизненных ориентаций личности (методика СЖО Д.А. Леонтьева) во всех группах выявил различия по полу в шкалах «Лocus контроль-Я» и «Лocus контроль-жизнь» в пользу женской выборки ($p<0,01$). Полученный факт говорит о том, что женщины в большей степени, чем мужчины, уверены в своих си-

лах и могут контролировать события своей жизни. По этим же шкалам социальные волонтеры имеют более высокие показатели, чем контрольная группа ($p < 0,01$) – человек, занимающийся добровольческой деятельностью, более склонен к осмыслению своей жизни и верит в свои возможности влиять на её события.

Изучение мотивационно-потребностной сферы личности (методика О.Ф. Потёмкиной) не обнаружив различий по полу, выявило различия между группами по шкалам «ориентация на процесс» и «ориентация на альтруизм» ($p < 0,01$). Ориентация на процесс определяет то, что волонтеры испытывают удовлетворенность в самом процессе своей деятельности, оказывая помощь другим людям. Ориентация на альтруизм отражает их гуманистические принципы – «служить человечеству, улучшая самих себя», высказанные ими в ходе интервью во время волонтерской работы в аэропорту «Пулково» после гибели самолёта в результате теракта в Египте.

Корреляционный анализ результатов экспериментальной группы ($N=39$) выявил, что центральными признаками оказались показатели мотивационной сферы «ориентация на альтруизм», «ориентация на процесс» и показатели СЖО «Локус контроль-Я» и «Локус контроль-жизнь». Они находятся в тесной положительной взаимосвязи друг с другом и с показателями ценностей – доброта, традиции, самостоятельность ($p < 0,01$; $r = 0,407$), а также имеют обратные связи с отвергаемыми ценностями – власть и конформизм ($p < 0,01$), подтверждая тем самым, что эти ценности для социального волонтера не являются жизненными ориентирами.

Изучение ценностно-мотивационной сферы личности не выявило ни в одной из групп респондентов статистически значимых различий по полу. Данный факт говорит о том, что на формирование мировоззренческой сферы личности влияние пола не существенно. Её развитие определяют мотивационные потребности, смысложизненные ориентации и ценности личности, образующие у социального волонтера готовность к альтруистическому поведению.

Таким образом, добровольческая деятельность формирует альтруистическую направленность человека, которая является ведущей общественной мотивацией в его ценностно-мотивационной сфере, обуславливая саморазвитие и самореализацию личности социального волонтера.

Карпова Е.А.

РОЛЕВОЙ ПОДХОД ПРИ ФОРМИРОВАНИИ КОМАНД В УСЛОВИЯХ КОНКУРЕНЦИИ

Процесс командообразования является проблемой, которая сегодня активно обсуждается во всех сферах жизнедеятельности человека. Команды и рабочие группы, по мнению многих исследователей, считаются важным потенциалом при реализации проектов любой сложности. Существуют различные взгляды на процесс формирования и развития команд (К. Левин, Б. Такмен, М. Дженсен, М. Келли и др.). В существующей исследовательской практике есть немало доказательств целесообразности работы людей именно в команде.

Одним из наиболее успешных методов формирования команд в практической деятельности стал ролевой подход, разработанный Р.М. Белбиным. Идеальной командой, по его мнению, является команда, в которой реализуются 8 ролей. Это вовсе не означает, что группа должна иметь в своем составе непременно восемь человек, напротив, кто-то из членов группы может обладать несколькими необходимыми качествами. Соответствующий ролевой репертуар позволит ему совмещать командные роли, главное — чтобы все функции команды в целом могли реализоваться.

Основная цель исследования заключалась в определении оптимального состава команд, работающей в условиях конкуренции. Объем выборки составил 40 человек, которые были объединены в группы по 5 человек в каждой. Команды формировались экспериментальным образом и изначально участники не знали свой ролевой репертуар. Для активизации совместной работы была использована задача А. Эйнштейна. Команда – победитель награждалась привилегиями, команда – аутсайдер получала некоторые санкции в виде дополнительных заданий.

В результате проведенного исследования установлено, что для решения задачи А. Эйнштейна команде – победителю потребовалось 42 минуты. Потенциальным преимуществом этой команды явилось то, что роль Председателя (11,6) была хоть и не явно, но все же достаточно выражена. Приблизительно равны по значимости позиции Исполнителя (11,2) и Коллективиста (9,8). Полученные данные соответствуют результатам исследований Р.М. Белбина и подтверждают его концепцию. Кроме этого зафиксированы и некоторые проблемные зоны. Так в данной команде очень слабо выражена, например, роль Аналитика (6,8), что в конечном итоге не позволило показать команде более высокие результаты.

С решением этой задачи справились и другие команды. За счет каких же ресурсов удалось это сделать? Практически равные результаты показали две команды, 66 и 68 минут соответственно. В данных командах отсутствует ярко выраженная роль Председателя. Основанием для хорошего результата является высокий аналитический и исполнительский потенциал (9,6) и (12,2-12,6).

И наконец, результаты команды, которая показала самый низкий результат. Слабо выраженная лидирующая роль (6,8), еще более слабая роль аналитика (6,6) на фоне высокой исполнительности (14,6) и коллективизма (11,8) отбросили команду на последнее место. Можно предположить, что выше указанные потенциалы не способствуют достижениям в конкурентной среде.

Полученные данные свидетельствуют о том, что анализ средних показателей полной ролевой структуры каждой из групп позволяет нам констатировать только то, что ролевой профиль не однороден, суммарные роли имеют различную значимость. Анализируя каждый групповой профиль в отдельности, следует отметить присутствие роли Председателя только в одной группе. Если следовать концепции Белбина, то возможно, если бы все роли имели равную выраженность, командам удалось добиться лучших успехов. Результаты этого исследования с последующим определением ролевого репертуара каждого участника являются основанием для внесения корректив в реализацию групповой проектной деятельности.

Кирсанова А.Б., Парфенов Ю.А.

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКОГО И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗРАСТА В ОБЩЕСТВЕ

Возраст является одной из фундаментальных и сложных категорий психологии. В научной сфере различают основные типы возраста: биологический и психологический возраст [2]. Под биологическим возрастом понимается состояние обмена веществ человека, состояние его здоровья, функциональность его внутренних органов, а также, учитываются генетические, морфологические, физиологические и нейрофизиологические изменения в его организме [1]. Психологический возраст устанавливается путем соотношения уровня психического развития индивида, т.е. его интеллектуальные и эмоциональные способности, с соответствующим нормативным уровнем [3, 4].

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Предметом нашего исследования является психологический возраст, а именно, соотношение его с биологическим и социальным возрастом. На примере Санкт-Петербургского академического университета было проведено исследование среди сотрудников пожилого возраста, работающих в данном учреждении с помощью разработанного теста «Психологический возраст» из 25 вопросов, направленного на определение соответствия биологического возраста сотрудника его психологическому возрасту. Всего в исследовании приняли участие 100 человек, среди которых 35% – руководители подразделений и управлений в возрасте от 60 до 70 лет, 25% – специалисты и преподаватели университета от 55 до 60 лет, 40% – преподаватели университета в возрасте от 60 до 75 лет.

Анализ результатов тестирования показал, что у 60% испытуемых наблюдается тенденция несоответствия психологического возраста биологическому, а именно, психологический возраст намного меньше. В свою очередь у 15% сотрудников биологический возраст соответствует психологическому, и, наконец, у 25% опрошенных психологический возраст выше, чем их биологический.

Тенденция уменьшения психологического возраста у пожилого контингента университета связано в первую очередь со стремлением соответствовать психологическому возрасту своих клиентов, т.е. студентов. Поскольку исследование проводилось в образовательном учреждении, то накладывает отпечаток постоянное общение со студентами, как преподавателей, так и сотрудников, что вызывает выработку так называемого «гена молодости» у более старшего поколения, и тягу быть на одном уровне с молодым поколением.

Отсюда можно сделать вывод, что психологический возраст зависит в первую очередь от сферы деятельности человека, его позитивного взгляда на жизнь, ухода за своим здоровьем и стремлению к постоянному саморазвитию.

Литература:

1. Аверин В.А., Деркач А., Зыскин В.Г. Психология среднего возраста, старения, смерти. – М.: Прайм-Еврознак, 2003. – 108 с.
2. Малкина-Пых И.Г. Кризисы пожилого возраста. – М.: Эксмо, 2005. – 132 с.
3. Морозова Г. Психологическое сопровождение организации и персонала. – М.: Речь, 2006. – 400 с.
4. Пономаренко А.А., Лавриненко С.В. Управляй возрастом: живи дольше, зарабатывая больше. – М.: Эксмо, 2016. – 159 с.

Кисляков П.А., Силаева О.А.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ ИНТЕЛЛЕКТА

«Детство – это процесс, предполагающий постоянное психофизическое и социальное изменение растущего человека с помощью реализации им расширяющихся видов деятельности (игровой, учебной, трудовой, творческой, информационной и пр.) в системе многоплановых отношений со взрослыми». Безопасность детства есть результат взаимовлияния микросредовых факторов и внутренних личностных особенностей ребенка. По мнению многочисленных авторов, за последние 20 лет произошли большие изменения во взаимодействии Детства и Взрослого мира, характеризующиеся потерей их постоянного контакта между собой (Фельдштейн Д.И., 2013). К чему же приводит свобода ребенка от взрослого в контексте обеспечения его безопасности и психосоциального благополучия? Ребенок, отстраненный от мира взрослых может идти

по пути свободы и независимости, отказаться от связей с малым социумом, но вместе с тем обрести сопутствующие этому процессу базальную тревогу (в терминологии К. Хорни), психическое напряжение, чувство одиночества, беспомощности перед окружающим миром, полным с одной стороны возможностей, с другой – опасностей и угроз. Особой группой риска при этом выступают дети с нарушениями интеллекта. Социальная незрелость детей с нарушениями интеллекта ведет к поверхностным контактам, неустойчивости социальных взаимоотношений. Уровень благополучия взаимоотношений у таких детей в большинстве случаев оценивается как низкий; слабая структурированность механизмов психологических защит и их незрелость снижают адаптационные возможности. Дезориентация в социальной среде может привести к развитию у ребенка с нарушениями интеллекта опасного поведения (виктимного, асоциального, рискованного, агрессивного и пр.). И, если целенаправленно не создавать условия для полноценного его развития, не воспитывать соответствующих личностных качеств, не формировать способы социально безопасного, защитного, совладающего поведения, вряд ли его жизнь сложится успешно. Одной из существенных социально-психологических опасностей является неудовлетворение базовой потребности ребенка в личностно-доверительном взаимодействии со значимыми взрослыми (родителями, педагогами). Фактор доверия обусловлен уверенностью в искренности («другого», в его честности и надежности. Доверие является тем основанием, на котором субъект деятельности без тревоги и опасений вступает во взаимодействие с другими людьми. Такое взаимодействие включает когнитивные и эмоциональные стороны общения и образует единство системы «Я» и безопасной среды (Донцов А.И. с соавт., 2015). Развитие и становление доверия зависят от побуждений извне, поддержки и содействия. Детям с нарушениями интеллекта грозит опасность, что их не будут признавать, не будут устанавливать с ними контакты, активизировать их. Отто Шпек (2003) называет эту частную область психолого-педагогических задач открытием «доверия к жизни». Проведенное нами исследование показало, что младшие подростки с нарушениями интеллекта (легкая или умеренная умственная отсталость) чувствуют себя защищенными только дома. Подростки в большей или меньшей степени чувствуют себя незащищенными в местах массового скопления людей (городской транспорт, магазины, парки, площадки), что свидетельствует о превалировании установки «недоверия к миру» и социальной изолированности. Ведущую роль в формировании доверия как технологии обеспечения социально-психологической безопасности играет соответствующее психологическое сопровождение. Из деятельности педагога и психолога проистекают все те намерения и замыслы, которые повседневно, постоянно обнаруживаются в его мотивациях, в том, что он изыскивает, чтобы подарить ребенку радость и тот мог с доверием участвовать в совместных делах. При этом формируя картину мира подростка и форму его восприятия, значимые взрослые должны акцентировать внимание не столько на опасностях, сколько на возможностях, которые предоставляет мир при условии реализации социально безопасного поведения.

**Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 16-36-01088*

Ковалева Ю.В.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРОСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ И ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО, БЕЛОРУССКОГО И РУССКОГО ЭТНОСОВ

Важность исследования просоциального поведения как действий «...цель которых – сохранение, защита, облегчение функционирования или содействие развитию того или ино-

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

го «социального объекта» (другого человека, коллектива, общественной организации и т.д.)» (Рейковский, 1984) обусловлен реалиями современного российского общества и необходимостью развития позитивных форм взаимодействия индивидов.

Поиск детерминант такого поведения делает очевидным культурную его обусловленность, что объясняется пониманием культуры как общего контекста осуществления поведения личности, а доминирующих в ней ценностей, как внутреннего носителя регуляции поведения.

С целью изучения детерминации просоциального поведения индивидуальными ценностями предпринято исследование взаимосвязи характеристик просоциального поведения и индивидуальных ценностей у представителей этносов с близкой (белорусы и русские) и более далекой (азербайджанцы) культурной дистанцией.

Характеристиками просоциального поведения выступили: избирательность (объект), парциальность (форма), мера (частота оказания помощи); мотивация (альтруистическая, эгоистическая, социально-нормативная); тип просоциального поведения (уступчивый, публичный, анонимный, экстренный, эмоциональный, альтруистический); присвоение норм просоциального поведения (ответственности, взаимности, справедливости, «затраты-вознаграждения»). Измерение индивидуальных ценностей проводилось по методике Ш. Шварца.

В исследовании приняли участие 234 человека в возрасте от 18 до 26 лет, из них 79 человек – представители этнической группы «азербайджанцы», 70 человек – «белорусы» и 85 человек – «русские».

Данные, полученные путем регрессионного анализа, отражают наличие общих и особых взаимосвязей характеристик просоциального поведения с индивидуальными ценностями представителей азербайджанского, белорусского и русского этносов.

Общие взаимосвязи состоят в том, что для представителей всех исследуемых этносов характерна взаимосвязь ориентации на ценности, выражающие интересы группы («Сохранения» и «Самопреодоления») с оказанием помощи традиционным ее получателям, в основных сферах жизни и в присутствии других людей, следуя нормам социальной ответственности, взаимности и справедливости.

Просоциальное поведение представителей азербайджанского, белорусского и русского этносов связанное с ориентацией на ценности Изменения: «Самостоятельность», «Стимуляция», побуждается эгоистической мотивацией повышения образа «Я» в глазах других и направлено на оказание помощи людям, не являющихся традиционными ее получателями: мужчины, молодые люди, и в форме материальной помощи.

Оказание помощи, обусловленное ориентацией на ценности «Гедонизм» и «Власть» блока Самовозвышение, не связано с соблюдением норм социальной справедливости и взаимности, совершением поступков во благо других, а побуждается исключительно эгоистическими мотивами.

Особенные взаимосвязи просоциального поведения азербайджанцев состоят в том, что оказание помощи с эгоистическими мотивами у них связано как с ориентацией на ценности «Сохранения» и «Самопреодоления», тогда как оказание помощи, в основе которого лежит выполнение социальных норм: обусловлено следованием ценностям «Достижение».

Особенными чертами просоциального поведения белорусов и русских является то, что оказание помощи с эгоистическими целями, обусловлено ориентацией на ценности «Достижение», выражающими интересы индивида. Вместе с тем оказание помощи с целью выполнения общественных требований связано с ориентацией на ценности «Самостоятельность» и «Стимуляция».

Выделенные различия указывают на преимущественную ориентацию ценностей в культурах изучаемых этносов (индивидуалистическую/коллективистскую), а также связаны с их национальными особенностями представителей рассматриваемых этносов, существующими у них традициями и нормами взаимопомощи.

Козырева О.А., Доминяк В.И.

ЭКСПЛИЦИТНЫЕ И ИМПЛИЦИТНЫЕ УСТАНОВКИ СОТРУДНИКА К МИССИИ ОРГАНИЗАЦИИ

Данное исследование посвящено изучению эксплицитных и имплицитных установок сотрудника к миссии организации. Тема является актуальной, так как многие компании сейчас стремятся улучшить свои позиции на рынке не только благодаря новым технологиям и разработкам, но и правильному стратегическому планированию, чтобы сотрудники понимали суть организации. Это является важным для того, чтобы смыслы, которые несет в себе организация, совпадали с тем, что транслируют сотрудники, чтобы они действительно верили в то, что они делают.

Цель - изучить соотношения между личностными смыслами и смыслами организации с эксплицитными и имплицитными установками к миссии и к самой организации.

Предмет исследования – установки сотрудника к миссии организации и к самой организации в связи с персональными смыслами и организационной лояльностью.

Объект исследования – сотрудники организаций «Студенческое Научное Общество» и «Зимняя Психологическая Школа»

Гипотезы:

1. Эксплицитные и имплицитные установки к миссии различаются
2. Эксплицитные и имплицитные установки к миссии компании связаны с соответствием личностных смыслов смыслам компаний
3. Эксплицитные и имплицитные установки к миссии связаны с возможностью реализации мотивов в компании
4. Эксплицитные и имплицитные установки к миссии компании связаны с эксплицитными и имплицитными установками к самой компании

Для изучения соотношения личных и организационных смыслов сотрудника было обследовано 50 сотрудников волонтерских организаций «Студенческое Научное Общество» и «Зимняя Психологическая Школа». г.Санкт-Петербурга.

Были измерены: имплицитное отношение к организации и к миссии (модифицированный тест имплицитный ассоциаций ST-IAT), эксплицитное отношение к организации и к миссии (авторская анкета). А также показатели организационной лояльности (методика «Возможность реализации мотивов» В.И. Доминяка), как составляющая организационных смыслов сотрудника; и показатели личных смыслов в отношении организации (методика предельных смыслов Д.А. Леонтьева), как составляющая личных смыслов сотрудника.

С помощью корреляционного анализа (R-Спирмена) и множественного регрессионного анализа было обнаружено, что эксплицитная и имплицитная установки сотрудника связаны между собой только по поведенческому ($R=0,531$) и когнитивному ($R=0,395$) компоненту, а по аффективному они различаются. То есть, эксплицитные и имплицитные установки различны.

Также было выявлено, что эксплицитный компонент предсказывает примерно 50% имплицитного компонента ($R^2=0,47$). Когнитивная и поведенческая составляющие эксплицитной установки могут предсказать имплицитную установку, а аффективная не может. Это означает, что по внешней готовности действовать в соответствии с миссией и по тому, что сотрудник декларирует в ее отношении, можно предсказать его внутреннюю готовность действовать и то, что он будет думать в отношении миссии. Но невозможно предсказать, будет ли она действительно ему нравиться.

Был обнаружен хало-эффект – если сотруднику внутренне нравится организация, то ему нравятся многие объекты, которые ей принадлежат, в данном случае, миссия. Но как от-

дельно существующая формулировка она может не восприниматься сотрудниками положительно ($R=0,493$, $p=0,00026$).

С помощью контент-анализа методики предельных смыслов было обнаружено, что чем больше смыслы организации совпадают с личными смыслами сотрудника, тем меньше сотруднику нравится то, как она реализуется в компании. Это означает, что миссия не отражает реальную работу организации. Для сотрудника значимой будет миссия, которая действительно отражает работу организации, и он больше будет заинтересован в работе в организации, она ему будет нравиться, и он будет готов действовать в соответствии с ее принципами.

Подводя итоги, можно сказать, что миссия – это значимая часть стратегического планирования, которую необходимо выстраивать верно. Так, чтобы она реально отражала работу компании. Только тогда сотрудники будут ей руководствоваться и транслировать те смыслы, которые в ней заложены.

Колодина А.В.

СТИЛЬ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКОГО ОТНОШЕНИЯ КАК ИНДИКАТОР ТАКТИКИ ПОВЕДЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ В КОНФЛИКТЕ С ПОДРОСТКАМИ

Состояние современного российского общества характеризуется высоким уровнем социальной напряженности, что выражается в нарастающей агрессивности и нетерпимости людей друг к другу. Социально-экономические и политические проблемы общества приводят людей к необходимости повышения интенсивности труда, с целью обеспечения оптимального уровня существования семьи. Все это трансформирует модель взаимоотношений внутри семьи и видоизменяет отношения между супругами, родителями и детьми. Патриархальность, доминирующая в российском обществе, формирует ориентацию на авторитарно-подавляющий тип воспитания детей, что влечет за собой жесткость, требовательность, чрезмерный контроль и применение физической силы в воспитательных стратегиях. Подобный характер воспитательных стратегий приводит к обострению конфликтности в семье, а, как следствие, к эмоциональной холодности, отсутствию психологического контакта с детьми. Наиболее чувствительными к такому типу воспитательных и поведенческих стратегий родителей оказываются подростки.

Проведенное нами исследование было направлено на изучение стилей детско-родительских отношений в семьях современных подростков, а также анализ их связи с тактиками поведения родителей при конфликтах с детьми. В исследовании приняло участие 360 подростков 12-15 лет (учащиеся среднеобразовательных школ) и их родители – 189 человек.

При изучении взаимоотношений в семье было установлено, что 70% подростков отмечают высокий уровень контроля со стороны родителей, при этом характеризуют атмосферу в семье как доброжелательную и комфортную, тогда как 40% родителей не считают ее таковой, отмечая что обстановка в семье характеризуется конфликтностью ($\phi = 1,42$, при $p < 0,05$). Основными причинами конфликтов в семье с точки зрения родителей являются непослушание детей, школьная неуспеваемость, дружба с «плохой» компанией, позднее возвращение домой, невыполнение требований и вредные привычки подростков. С точки зрения подростков, причиной конфликтов с родителями является школьная неуспеваемость. Следует отметить, что 84,4% матерей и 68,6% отцов ответили, что в случае непослушания ребенка, самым действенным способом воспитательного воздействия является наказание (крик, лишение карманных расходов, проведение бесед о поведении, физические наказания).

Анализ стилей детско-родительских отношений в семьях подростков показал, что доминирует «автономность-контроль по отношению к ребенку», проявляющаяся в опеке, навязчивости, ограничениях. Наибольший контроль осуществляют матери. В целом, у родителей выявлена низкая удовлетворенность взаимоотношениями с подростками. Подростки отмечают требовательность и строгость родителей, эмоциональную дистанцию в отношениях, отсутствие ориентации родителей на сотрудничество ($U = 1260$, при $p < 0,01$). С позиции подростков, большую авторитарность проявляет мать, нежели отец.

Наиболее распространенными тактиками поведения матерей в детско-родительском конфликте являются дисциплинирование и психологическая агрессия ($U = 1403$, при $p < 0,05$). Для отца ведущей тактикой является дисциплинирование ($U = 1245$, при $p < 0,01$). Матери чаще применяют телесные наказания и проявляют жестокость по отношению к подросткам ($U = 1380$, при $p < 0,01$), чем отцы.

При изучении взаимосвязей стиля детско-родительских отношений с тактиками поведения в конфликте у родителей было установлено, что чем больше родители отвергают личностные и поведенческие качества подростка, тем в большей степени они реализуют физические наказания при воспитании ($r = -0,681$, $p < 0,01$).

Таким образом, результаты проведенного исследования указывают на необходимость профилактической психологической работы с родителями, направленной на формирование знаний о конструктивных способах взаимодействия с собственным ребенком, формированию толерантности, ориентации на принятие собственного ребенка, а также модернизации стилей коммуникативных и воспитательных стратегий при взаимодействии с детьми.

Кондратова Ю.Е.

ОБ ОТНОШЕНИИ К ОЧЕРЕДИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ КУЛЬТУР

В мультикультурной среде важность приобретают представления молодежи о явлениях, повседневно связанных с большой частотой контактов представителей различных культур. Таким явлением можно назвать очередь.

Очередь – компонент системы распределения благ. Очередь как социальное явление – объединение людей временем и местом с постоянно изменяющимся личным составом; в традиционном виде – линия людей, обладающая свойствами иерархического порядка.

В.Г. Николаев отмечает, что очередь в коллективистской советской культуре является «средой обитания». Д. Норман считает, что поведение в очереди определяется социальными и культурными причинами; отмечает, что форма очереди зависит от государства; указывает, что культурные особенности поведения в очереди могут быть умышленно изменены.

Поскольку до сих пор исследования очереди в соотношении с культурой имели преимущественно описательный характер, задача исследования – изучение связи между отношением к очереди и типом культуры. Объектом выступили студенты 17-25 лет из Ганы, Китая и этнические казахи, граждане Российской Федерации.

В качестве методов избраны:

1. Тест культурно-ценностных ориентаций Дж. Таусенд, адаптированный Л.Г. Почебут. В основе него представление о трех типах культуры: традиционной, современной и динамически развивающейся.

2. Опрос студентов, включающий утверждения, характеризующие эмоциональный, нормативный, поведенческий аспекты отношения к очереди.

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Полученные данные подвергнуты корреляционному анализу. По результатам сделаны выводы:

1. Корреляция между всеми типами культур и представлением об очереди как о необходимости в современном мире указывает, что очередь является повседневной практикой для молодежи из разных стран и успешным способом нормального распределения благ.

2. Из взаимосвязей между типами культуры следует, что «чисто выраженных» типов либо не встречается, либо не представлено в настоящей выборке.

3. У представителей динамически развивающейся культуры выявлена связь с умением взаимодействовать в очереди и успешно достигать цели.

4. «Современная культура» коррелирует с положительными отзывами об очереди.

5. Сильная корреляция между традиционной культурой и негативом в отношении очереди расходится с мнением В.Г.Николаева о том, что очередь является органической частью традиционных обществ. Можно предположить, что, в традиционных обществах человек зависит от ближайшего социального окружения, и очередь оказывается инструментом социального давления, неприятным и пугающим. С другой стороны, возможно, что определение, данное В.Г. Николаевым «традиционному обществу» расходится с понятием, которое заложено в методике Л.Г. Почебут. Поскольку очередь как феномен возникла значительно позже традиционных обществ, можно предположить, что в традиционных обществах нет очередей, поэтому они пугают представителей данных обществ.

6. Представители Ганы, считающие культуру традиционной, называют очередь необходимостью, однако не испытывают негативных эмоций по отношению к очереди, не оценивают очередь как явление, вызывающее эмоции.

7. У граждан Китая, считающих культуру государства традиционной, отражена связь со страхом очереди. Это объясняется эмоциональностью в отношении массовых явлений у студентов из Китая. По опыту известно, что они предпочитают решать задачи массово, как минимум вдвоем-втроем, а зачастую всем сообществом.

Полученные выводы позволяют дифференцировать представления об очереди у молодежи, которые являются следствием их принадлежности к определенной культуре; создать условия для старта межличностного и межкультурного диалога о нормах и правилах, начиная с очереди в стенах вуза.

Литература:

1. Николаев В.Г. Советская очередь как среда обитания: Социологический анализ. М.: ИНИОН РАН, 2000.
2. Почебут Л.Г. Кросс-культурная и этническая психология: Учебное пособие – СПб.: «Питер», 2012.
3. Norman, D. The Psychology of Waiting Lines URL: <http://www.jnd.org/ms/Norman%20The%20Psychology%20of%20Waiting%20Lines.pdf> (дата обращения: 12.02.2016).

Кондратьев М.Д., Толстых Н.Н.

ОСОБЕННОСТИ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИЧНОСТИ ОДАРЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

Изучение временной перспективы одаренных подростков позволяет не только охарактеризовать особенности их личности (в то время как в большинстве исследований одаренности акцент делается на особенностях мышления и интеллекта), но и выявить дополнительные

критерии для диагностики одаренности, для совершенствования инструментов выявления потенциально одаренных учащихся.

В настоящем исследовании приняли участие 120 подростков – учащихся 9-10 классов образовательных организаций г.Москвы. 60 из них были нами отнесены к категории одаренных. При этом мы ориентировались на Постановление Правительства РФ № 1239 (от 17 ноября 2015 г.), которое одаренными подростками предлагает считать обучающихся, достигших особых успехов при участии в предметных олимпиадах и других интеллектуальных и творческих конкурсах. Для определения одаренности обучающихся в нашем исследовании использовались анкетирование, беседы с педагогами, материалы сайта Всероссийской олимпиады школьников.

Методами изучения особенностей временной перспективы личности служили опросник временной перспективы ZTP1 (Ф. Зимбардо, Дж. Бойд), метод мотивационной индукции ММИ (Ж. Нюттен) и контент-анализ сочинений на тему «Мой день через 10 лет».

Сравнительный анализ временной перспективы подростков, отнесенных к категории одаренных, и их сверстников, не попавших в эту категорию, при помощи t-теста и критерия U-Манна-Уитни показал, что для одаренных обучающихся характерны следующие особенности. Выявляемые с помощью опросника ZTP1 ориентации на Негативное прошлое и Будущее у одаренных подростков выше, а ориентация на Гедонистическое настоящее ниже, чем в группе их сверстников, которые не были отнесены к категории одаренных. Содержательно временная перспектива будущего (по ММИ), если говорить о ближней перспективе, у одаренных подростков отличается сравнительно более частым упоминанием мотивационных объектов, относящихся к тематическим группам «Работа» и «Познание». При этом средняя протяженность ближней перспективы у одаренных подростков составляет 3,2 года (у их сверстников она короче – 2,2 года). Анализ сочинений дает информацию о расположенных в более отдаленном будущем мотивационных объектах: для одаренных подростков характерны сравнительно большая частота высказываний, относящихся к тематической группе «Работа», и меньшая – к группам «Досуг» и «Я».

Полученные данные свидетельствуют о том, что современный одаренный подросток в большей степени ориентирован на Негативное прошлое, что может объясняться в числе прочего наличием у него не только положительного опыта участия в олимпиадах и конкурсах. Это, однако, не мешает ему быть ориентированным на Будущее (ключевой здесь является способность вкладывать усилия для получения отсроченного во времени результата). Временная перспектива будущего у одаренного подростка отличается сравнительно большей наполненностью объектами, связанными с саморазвитием и профессиональной деятельностью, что указывает на ценность самореализации в разных видах деятельности. Заметим также, что ее протяженность у одаренных старшеклассников переходит психологически значимую точку сдачи ЕГЭ (у девятиклассников – 2,5 года, у десятиклассников – 1,5). В дальней перспективе обращает на себя внимание сравнительно большее число упоминаний работы и меньшее – досуга, причем такое сочетание воспринимается одаренными подростками в позитивном ключе.

Указанные выше особенности временной перспективы способствуют повышению успеваемости и успешному участию в предметных олимпиадах. В то же время, выявление обучающихся, не проявивших себя в олимпиадах, для временной перспективы которых также характерны черты, выявленные в группе одаренных, позволит сформировать группу потенциально одаренных учащихся. Работа с ними может быть особым образом организована педагогам и психологами-практиками. В ее основу лягут рекомендации, сформулированные по результатам наших будущих исследований.

Кочисов В.К., Хадикова И.М., Гобаева И.А.

МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Совокупность межличностных отношений человека в различных социальных группах с близкими и не очень близкими людьми представляет собой уникальную социальную систему, центром которой является сам человек, его потребности и мотивы, доминирующие индивидуальные особенности, социальные качества, цели и типичные шаблоны поведения.

В школьные годы круг друзей ребенка начинает быстро расти, а личные привязанности становятся более постоянными. Дети младшего школьного возраста по-прежнему много времени проводят в различных играх, но их партнерами по игре все чаще становятся не взрослые люди, а сверстники. В детских группах во время игры устанавливаются свои специфические взаимоотношения с более или менее выраженными мотивами межличностных предпочтений.

Одной из важных задач становления ребенка на данном возрастном этапе считается приобретение навыков общественного взаимодействия с группой ровесников и искусство заводить товарищей. Новая социальная ситуация и школьные правила поведения приводят к тому, что в первый год обучения увеличивается уровень конформности детей, что считается закономерным следствием вхождения в новую группу. Общение с ровесниками играет весомую роль в данном возрасте. Качественное общение формирует адекватную самооценку и помогает в социализации учеников в условиях нового коллектива ровесников, а так же стимулирует их учебу.

Отношения первоклассников почти во всем контролируются учителем через организацию учебного процесса. Поэтому во время выполнения социометрических замеров можно выделить в группе предпочитаемых тех детей, которые отлично успевают в учебе, которых восхваляет и выделяет учитель. Ко II и III классу значимость личности учителя снижается, а общение с одноклассниками становится наиболее тесным и дифференцированными.

Обычно дети начинают общаться по симпатиям и общности каких-то интересов. Большую роль играет близость их места жительства и половых признаков. Соответствующая черта отношений младших школьников заключается в том, что их дружба базирована, обычно, на общности внешних жизненных событий и случайных интересов; к примеру, они сидят за одной партой, вблизи живут, увлекаются чтением либо рисованием. Понимание младших школьников еще не достигло того уровня, чтобы подбирать приятелей по значимым качествам личности. Хотя, в общем, ученики III-IV классов начинают глубже понимать качества личности и особенности характера других людей. И уже в III классе при необходимости выбрать одноклассников для общей работы подходят исходя их критериев полезности для выполнения задания. Около 70% третьеклассников объясняют свой выбор явными высоконравственными качествами одноклассников.

Впервые именно в младшем школьном возрасте возникает социально-психологический феномен дружбы как индивидуально-избирательных глубочайших межличностных взаимоотношений детей, характеризующихся обоюдной привязанностью, основанной на чувстве симпатии и бесспорного принятия друг друга.

Дружеское – затрагивает большую группу детей как в классе, так и вне его, в этом возрасте также в основном с собственным полом, лишь 10% мальчишек и 8% девочек с противоположным полом. Главными признаками гуманистических взаимоотношений между мальчиками и девочками считаются симпатия, přátельство и дружба. При их развитии появляется потребность к общению.

Индивидуальная дружба в младшей школе устанавливается очень редко в сравнении с личностным приятельством и симпатией. В развитии данных действий особая роль принад-

лежит преподавателю. Типичными антигуманными отношениями между мальчиками и девочками считаются: отношение мальчишек к девочкам: развязность, драчливость, грубость, заносчивость, отказ от каких-то взаимоотношений; отношение девочек к мальчишкам: робость, претензии на поведение мальчишек либо в отдельных вариантах обратные действия, к примеру, ребяческий флирт. Отношения между мальчиками и девочками должны находиться в постоянном внимании и коррекции, ими следует разумно управлять, не рассчитывая на то, что они станут развиваться гармонично сами по себе.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что межличностные отношения ровесников младшего школьного возраста находятся в зависимости от множества причин, в том числе, успешность в учебе, обоюдная симпатия, общность интересов, внешние жизненные происшествия, половые признаки.

Кочисов В.К., Хасиева А.В., Маргиева К.Р.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ СТУДЕНТАМ В АДАПТАЦИИ К СТРЕССОВЫМ ВОЗДЕЙСТВИЯМ ЭКЗАМЕНАЦИОННЫХ СЕССИЙ

Адаптация личности студентов в динамично развивающейся социокультурной среде вуза приводит к необходимости активизации самой личности в образовательном процессе, актуализации возможностей личности в процессе освоения образовательной среды. В вуз приходят абитуриенты с разными возможностями адаптации, к тому же находящиеся в неравных социальных и бытовых условиях, что так же оказывает влияние на формирующиеся индивидуальные приспособительные механизмы адаптации. Прогнозирование стрессовых реакций, поэтому имеет практическое значение для оптимизации учебного процесса в вузе, так как позволяет заранее выявлять студентов, у которых возможно нарушение функционального состояния во время экзаменов, и проводить с ними соответствующую работу в плане психо-профилактики экзаменационного стресса. Для студента стресс – это часть его повседневной жизни. Учебный стресс и стрессовость экзаменационных сессий зачастую негативно влияют на студентов, вызывая их дезадаптацию.

Для выявления степени подверженности студентов негативным последствиям стресса была проведена диагностика среди студентов СОГУ с использованием следующих методик: опросник «Инвентаризация симптомов стресса», опрос «Стресс во время экзаменов», Исследование уровня психологической устойчивости к экстремальным условиям, симптоматический опросник «Самочувствие в экстремальных условиях».

На первом этапе был проведен опрос «Стресс во время экзаменов» среди 43 студентов 1-4 курсов. Результаты проведенного опроса показали: 12% студентов практически не ощущают стресс во время сессии, большая же часть студентов (88%) подвержены стрессу не только в период сдачи экзаменов, но и в межсессионный период. 76% студентов ответили, что снимают стресс с помощью прогулок или общения с друзьями, 65% опрошенных отметили, что у них повышается аппетит, и они начинают употреблять больше фруктов и шоколада.

На втором этапе эксперимента был исследован уровень тревоги и страха у 80 студентов 1-4 курсов в межсессионный период.

Анализ полученных результатов при проведении опросника «Инвентаризация симптомов стресса» свидетельствует о том, что все группы респондентов находятся в активной деятельности и напряжении.

Исследование уровня психологической устойчивости к экстремальным условиям у респондентов выявило высокий уровень и состояние хорошей адаптированности у большей ча-

сти испытуемых 1-4 курса, а также средний уровень и состояние удовлетворительной адаптивности у девушек 1 курса и юношей 3 курса.

Результаты, полученные в ходе опроса «Самочувствие в экстремальных условиях» показали предрасположенность студентов к психосоматическим и эмоциональным расстройствам в условиях экзаменационной сессии по следующим симптомам самочувствия: психофизическое истощение, нарушение волевой регуляции, неустойчивость эмоционального фона и настроения, вегетативная неустойчивость, нарушение сна, тревога и страхи, склонность к зависимости.

Повышенная психофизическая усталость наблюдается у юношей 3 и 4 курсов; большой процент нарушения воли отмечается у девушек 1 и 4 курсов; эмоциональной неустойчивостью отличаются юноши 3 курса; нарушением сна страдают юноши 4 курса.

На основании полученных результатов двух этапов исследования приходим к выводу о том, что: спрогнозировать стрессовые реакции студента на процедуру экзамена невозможно без детальной проработки как физиологических, так и психологических составляющих экзаменационного стресса с обязательным учетом индивидуальных личностных особенностей студентов.

Исходя из выше изложенного, можно сделать выводы: основными причинами экзаменационного стресса являются индивидуально-психологические особенности личности; для реализации своих внутренних способностей в период обучения, развития личностного потенциала, необходимо, чтобы состоялся процесс активного приспособления молодого человека к условиям социальной среды; основными направлениями психологической помощи студентам в адаптации к экзаменационным стрессам являются: психологическое просвещение, психологическая профилактика, психодиагностика, психологическое консультирование и необходимая психологическая коррекционная работа.

Крюкова Т.Л., Захарченко Д.Н.

ЗАВЕРШЕНИЕ РОМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ У ПОДРОСТКОВ: ОСОБЕННОСТИ СОВЛАДАНИЯ С ПЕРЕЖИВАНИЯМИ

Завершение первых романтических отношений, являясь распадом эмоциональных связей, — это реальная стрессовая ситуация и трудность на жизненном пути подростков, не имеющих достаточных развитых социальных навыков. Она требует совладания, эмоциональной, когнитивной и поведенческой перестройки поведения. Нередко юноши и девушки не справляются с сильными негативными переживаниями, которые появляются у них после завершения отношений, что ведет к таким последствиям как депрессия и суицид (Alexander, 2008; Крюкова, 2013).

Очень часто любовные отношения подростков заканчиваются расставанием. Независимо по какой причине — «не сошлись характерами», партнер не понравился (-лась) родителям — все равно период разрыва с любимым человеком рождает у подростка бурю эмоций. У них и так-то в период взросления эмоциональное состояние нестабильно, а тут еще «потеря» любимого человека.

Мы предположили, что некоторые подростки воспринимают «потерю» любимого человека/завершение первых романтических отношений как стресс, совладают с которым они по-разному. Их копинг-стратегии связаны со степенью психологической близости/интимности Другого по отношению к субъекту романтических отношений или с тем, насколько сильно испытуемый «впускал» романтического партнера в свою жизнь, и поменялось ли это с завершением отношений.

Выборка: 50 человек (25 юношей и 25 девушек) в возрасте 17-22 лет (средний возраст – 19,8 лет) с опытом завершенных первых романтических отношений. Методы: Опросник способов совладания Р. Лазаруса и С. Фолкман, 1988, адаптация Т.Л. Крюковой и др., 2004; рисуночная шкала включенности Другого в Я-концепцию (Inclusion of Other in the Self Scale, А. Арон, Э. Арон, и Д. Смоллан, 1992); интервью.

Основные результаты. Отметим, что после завершения отношений в большинстве случаев испытуемый, так или иначе, дистанцировался от своего бывшего романтического партнера, стал холоднее к нему, перестал жертвовать своим «Я» ради «Мы». Сопоставив результаты психодиагностики с ответами в интервью, оказалось, что данные Шкалы включенности Другого в Я-концепцию практически совпали с ответами интервью. Юноши и девушки, выбрав вариант рисунка «Дистанцирование» после завершения романтических отношений говорили о том, что они довольно долго и сильно переживали разрыв первых романтических отношений; отнеслись к завершению отношений не как к нормативной ситуации, расставание было острым стрессом. Завершение отношений сильно повлияло на их психическое состояние, они «были на грани», им было очень тяжело пережить сложившуюся ситуацию, не видели дальнейшего смысла в жизни. Другие испытуемые к завершению романтических отношений отнеслись с легкостью или даже с облегчением, восприняли это как норму.

Результаты измерения ведущих индивидуальных копинг-стратегий подростков показали, что в ситуации завершения романтических отношений более всего подросткам свойственны стратегия положительная переоценка, т.е. подростки прилагают усилия по созданию положительного смысла ситуации, включая также религиозный опыт; и дистанцирование, попытка отделиться от ситуации, уменьшить ее значимость. Такие стратегии, как конфронтативный копинг, самоконтроль, бегство-избегание, планирование решения проблемы выражены значительно ниже эмпирических норм; а дистанцирование и принятие ответственности значительно выше нормы; поиск социальной поддержки, положительная переоценка соответствуют нормам. Очевидно, что у подростков недостаточно развиты такие важные копинг-навыки, как самоконтроль, планирование решения проблемы (хотя это адекватно ситуации сильных переживаний), что и делает ситуацию завершения романтических отношений трудной.

В выводах отметим, что была выявлена значимая связь между возрастом и выбором копинг-стратегии дистанцирование: чем старше молодые люди, тем легче было им отстраниться от травмирующей ситуации ($p < 0,001$). Охлаждение романтической любви и разрыв первых отношений с партнером приводит к разочарованию. Однако все испытуемые совладали с ситуацией: старались больше времени проводить с друзьями, чтобы не оставаться наедине со своими мыслями, другие обращались к психологам. Самыми трудными были 3 случая, когда у молодых людей возникали мысли о суициде (но к специалистам они не обращались). *

** Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 15-06-10671*

Ксенда О.Г.

СОВРЕМЕННЫЙ СТУДЕНТ: ЖИЗНЕННЫЕ ЦЕННОСТИ И ПЛАНЫ

Современная ситуация в обществе характеризуется перманентными политическими, экономическими, социальными изменениями. После распада Советского Союза произошла смена идеологических позиций, начались процессы глобализации, развития мирового информационного пространства. В конце 90-х годов XX века российские ученые В. Лутовинов и Е. Радионов отметили резкое снижение ценностей духовной культуры, общий упадок кото-

рой признавали около 85% молодых людей, что вызвало деформирование исторически сложившихся ценностей на постсоветском пространстве. Основным обуславливающим фактором этого процесса названо воздействие массовой культуры Запада (или «вестернизация»). Студенты как социальная группа реагируют на перемены быстрее всего. Кризис в обществе, ломка сложившихся устоев, вызванная ими переоценка ценностей, вызывают изменения в сознании молодежи. Отсюда совершенно иное видение перспектив своей жизни. В науке для анализа поставленной проблемы существует несколько понятий: ценности и ценностные ориентации, жизненные стратегии и планы. Под ценностными ориентациями понимается система ценностей отдельного человека, обуславливающая основные ориентиры его поведения. Ценности – это положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира или символов. Выражаются в идеалах, нравственных нормах, установках, побуждая и регулируя деятельность. Ценности и ценностные ориентации имеют решающее значение при построении жизненных планов и выборе жизненных стратегий. Последние есть сложное и динамичное явление человеческой жизни, они отражают способность планировать и изменять собственную жизнь, направляют поведение личности в течение некоторого периода времени.

Мы исследовали жизненные ценности и планы студентов Белорусского Государственного Университета (124 человека 19 до 24 лет).

Использовались «Методика изучения внешних и внутренних ценностей личности», «Методика определения жизненных стратегий личности».

Результаты показали, что в структуру ценностей всех испытуемых входят: саморазвитие личности (60,5%); хорошее материальное благополучие (44,4%), физическая привлекательность (43,5%); высокое социальное положение (43,5%), уважение и помощь людям (42,7%); теплые, заботливые отношения с людьми (42,5%), творчество (33,9%), любовь к природе и бережное отношение к ней (33,1%), роскошная жизнь (25,8%). Для выделения жизненных стратегий студентам предлагалось определить свои наиболее значимые жизненные цели через 5, 10 и 20 лет, после чего был проведен статистический анализ методом выделения главных компонентов, который показал факторную нагрузку компонентов (жизненных целей). Она несколько изменяется со временем. Так, студенты, которые еще учатся, через 5 лет продолжают ставить на первые места жизненные цели, связанные с общением (иметь интересный круг общения, иметь хороших друзей). Потом появляются цели «Заботиться об экологии», «Развиваться как личность», «Путешествовать по миру», причем последняя и цель «Обрести своё призвание в жизни» выходят на первые места. Через 20 лет главной ценностью станет семья, что согласуется с исследованиями ценностей и жизненных целей взрослых. Жизненные стратегии и планы молодежи строятся исходя из материального благополучия и успеха, очень реалистичны, касаются себя или ближайшего окружения. Они связаны с получением образования, статусной работы и соотносятся с транслируемыми через СМИ и телевидение стереотипами.

Кубрак Т.А., Гребенищикова Т.А.

СВЯЗЬ ФАКТОРОВ КИНОПРЕДПОЧТЕНИЙ И ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Современное развитие информационных технологий оказывает все возрастающее влияние на видение людьми окружающего мира. Согласно модели «использования и зависимости» (Rubin&Windahl, 1986), массмедиа, в т.ч. кино, не только участвуют в формировании предпочтений субъекта, но и определяют их в дальнейшем. Взаимосвязи между личностными

особенностями, ценностями, воздействием и выбором кино остаются малоизученными в России. В данном исследовании была поставлена цель определить факторную структуру кинопредпочтений и ее соотношение с ценностями личности.

Была использована оригинальная анкета, выявляющая оценки 30 жанров кино, и опросник ценностей личности Ш.Шварца (Карандашев, 2004). Выборка состояла из 205 человек из России, возраст – от 16 до 28 лет ($M=21,7$). Применялся дискурсивный подход, рассматривающий кино как коммуникативное явление в реальном социальном, культурном, прагматическом контексте (Кубрак, 2014).

На I этапе в результате факторного анализа (метод главных компонент с Varimax-вращением) были получены 6 факторов кинопредпочтений: «интеллектуальность», или «драматичность», с положительной нагрузкой включает жанры: драма, биография, классика мирового кино, психологическая драма, историческое кино, документальное кино, авторское кино; «экстремальность» (триллер, фильм ужасов, черная комедия, фильм-катастрофа, мистика, эротика); «фантазийность» (фэнтези, фантастика, приключения); «маскулинность» (боевик, вестерн, военный, криминал); «легкость» (романтическая комедия, комедия, мелодрама, спортивный, мюзикл); «эксцентричность» (8% дисперсии, жанры: немое кино, анимация, аниме, авторское кино).

На II этапе были получены значимые ($p<0,05$, $p<0,01$) связи между 4 из 6 полученных факторов и 4 из 10 ценностей по Шварцу.

«Фантазийность» прямо связана с «универсализмом» и обратно – с поиском «стимуляции». Ценность понимания и терпимости, входящих в «универсализм», вкупе с избеганием «стимуляции» дает образ стремящегося к равновесию и пониманию типа. Обратная связь с поиском новизны может свидетельствовать скорее об избегании глубоких переживаний и стремлению к рационализации, чем о низкой познавательной активности.

«Маскулинность» обратно связана с «универсализмом», что согласуется с типичной для данного кино темой противостояния героя группе, активности, сценам борьбы и агрессии. Понимание и терпимость к группе, очевидно, не является типично социально проявляемой формой отношения для данного типа.

«Легкость» кино обратно связана с «универсализмом» и «самостоятельностью» и прямо с «безопасностью». Приоритет безопасности согласуется со стремлением к гармонизации отношений с окружающими, стабильности в обществе, взаимопомощи. При этом предпочитается «легкость» в кино избегают психоэмоционального напряжения, необходимого для проявления терпимости и самоконтроля в социальной жизни.

«Эксцентричность» прямо связана с «самостоятельностью» и обратно с «безопасностью». Первая связь характеризует самостоятельность мышления, исследовательскую активность и «самоуправление» зрителя, настроенного на интеллектуальную работу при просмотре кино. Вторая связь соотносится с независимостью, ориентацией в большей степени на познание и в меньшей – на межличностные отношения.

Выводы.

Полученная структура кинопредпочтений показывает, что оценка фильмов осуществляется на основании их базовых характеристик, которые формируют типологию основных жанровых предпочтений для молодежной аудитории. Обнаруженная общность выбранных жанров позволяет говорить об избирательности и активности зрителя при обращении к фильмам. Выявленная связь между кинопредпочтениями и ценностями показывает, что люди предпочитают фильмы, которые, в целом, соответствуют их ценностям. В перспективе планируется уточнение интерпретации полученных связей за счет факторизации исходных переменных – ценностей.

**Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 15-06-10702а*

Кузнецова И.В., Свенцицкий А.Л.

КРУГ ОБЩЕНИЯ ЛИЧНОСТИ КАК ОБЪЕКТА РЕАКТИВНОЙ ПОМОЩИ

Помогающее поведение в настоящее время привлекает серьезное внимание исследователей. Появляются работы, в которых личность рассматривается и как субъект, и как объект помощи. Изучаются различные стороны процесса помогающего поведения. Современные американские психологи выделяют два вида помощи: реактивная и проактивная (М. Спитцмюллер, Л. Ван Дайн, 2013). Реактивная помощь (в соответствии с теорией социального обмена) побуждается в ответ на потребности и интересы других людей. Проактивная помощь (основанная на теории функционального мотива) побуждается стремлениями удовлетворить личные функциональные потребности. И реактивная, и проактивная помощь имеют свои сильные и слабые стороны.

Задача исследования заключалась в том, чтобы выявить представления респондентов о своем ближайшем окружении и возможности помощи со стороны этого круга лиц. Поскольку мы сосредоточили свое внимание на ситуациях, в которых респонденты сами обращались за помощью к представителям своего окружения, то речь шла прежде всего именно о реактивной помощи.

В пилотажном исследовании, охватившем 41 человек (19 мужчин и 22 женщины) в возрасте от 22 до 68 лет, работающих в различных сферах, респонденты под руководством интервьюера рисовали сферу — круг своего общения. При этом респондент рисовал одних людей ближе к себе, других дальше и т.д. такая проективная методика позволяла выявить, как респондент структурирует свое социальное окружение.

Прежде всего, обнаружилось, что количество людей, включаемых респондентом в свой круг, составляет в среднем 18 человек (max-47, min-6). Окружение мужчин примерно на четверть шире окружения женщин (в среднем 21 и 16 соответственно).

Выборка последующего исследования охватила 113 человек, при сохранении тех же социально-демографических пропорций, что и в пилотажном интервью.

Анализ данных показал, что наиболее распространенными поводами для обращения за помощью являются следующие события: крупное изменение в условиях жизни (чаще всего респондентами понимаемое как ремонт или переезд) — для 57% опрошенных, поиск работы — 48%, появление нового члена семьи — 41%, серьезная личная травма — 35%, уход из родительского дома — 32%, событие в личной жизни — 29%.

Среди попросивших о помощи 26% респондентов обращаются к друзьям, 15% — к родителям или одному из них, 13% — к супругу, 5% — к коллегам и 7% — к знакомым.

Рассматриваемые жизненные события можно разделить на две группы: первая — где основная помощь поступает от родных и близких; вторая — где основная помощь приходит от коллег и знакомых. Второй тип событий требует более широкого социального окружения, а также инвестиций в него, т.е. оказания услуг, в то время как первый тип событий требует больше физической, интеллектуальной и моральной отдачи. Коллеги чаще привлекаются при поиске работы, к знакомым обращаются чаще всего, когда требуется их профессиональные навыки и связи.

Сопоставляя данные о видах помощи и степени близости людей, ее оказывающих, отметим, что обращение к друзьям наблюдается при всех рассматриваемых событиях, при этом родители чаще помогают в случае смены места жительства, изменения в финансовом положении, болезни близкого. Помощь со стороны супруга оказывается при изменении уровня жизни, появления нового члена семьи, уходе из родительского дома.

В повседневной жизни основные помощники — это супруг(а) и друзья, в чрезвычайных обстоятельствах дополнительную помощь оказывают прежде всего родители.

Полученные данные свидетельствуют о своеобразной иерархии жизненных событий у респондентов: с изменением характера событий меняется круг людей, к которым обращаются за помощью. При этом поддержка «ближнего» круга сохраняется всегда. Меняется и характер запрашиваемой помощи: от более близкого круга ожидают скорее физической и эмоциональной поддержки, от дальнего круга — информационной или профессиональной помощи (советы, консультации).

**Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 14-06-00662.*

Кузнецова С.А.

ВЗАИМОСВЯЗЬ МИГРАЦИОННЫХ УСТАНОВОК МАГАДАНСКИХ СТУДЕНТОВ И УРОВНЯ ИХ ДИСПОЗИЦИОННОГО ОПТИМИЗМА

Магаданская область, как регион с высоким миграционным оттоком населения, предоставляет особые возможности для изучения миграционных установок. Согласно разрабатываемой нами социально-психологической модели, миграционная установка представляет собой установочную полиобъектную и полисубъектную систему, включающую когнитивные, аффективные, интенциональные и поведенческие компоненты. Полиобъектность означает направленность на систему, состоящая из реального и потенциальных мест жительства, которые личность сравнивает на основе возможностей реализации системы мотивов — собственных и значимого окружения. Полисубъектность означает, во-первых, то, что в процессе формирования миграционной установки важную роль играет интериоризация установок значимых других и их ожиданий от личности; во-вторых, в силу сложности реализации и биографического масштаба миграционного поведения для личности и ее значимых других, субъектом миграционных установок в большинстве случаев является семья, или референтная группа [2,3].

Нами разработана шкала миграционных установок личности из 36 альтернативных утверждений в пользу как актуального, так и потенциального места жительства. В шкалу включены три типа утверждений, характеризующих когнитивные, аффективные, интенциональные и поведенческие компоненты установок: 1) самого респондента; 2) близких, с точки зрения респондента; 3) отношение близких людей к миграционным намерениям респондента. В соответствии с типом утверждения анализируются эти три показателя и общий интегральный показатель, характеризующий силу установок. Шкала имеет достаточно высокие показатели надежности-согласованности входящих в нее пунктов [4].

Цель - исследования связи миграционных установок студентов магаданского вуза с их диспозиционным оптимизмом.

Методы: универсальный вариант шкалы миграционных установок [4]; тест диспозиционного оптимизма (ТДО) [1]. Для статистической обработки результатов применялся коэффициент корреляции Спирмена.

Выборка: 100 студентов Северо-Восточного государственного университета (27 % мужчин, 73 % женщин в возрасте от 17 до 27 лет).

Результаты. Получены корреляции между пессимизмом (негативным отношением) и собственной установкой респондента ($r=0,226^*$; $p=0,034$), а также между пессимизмом и ожиданиями близких в отношении миграционных установок респондента ($r=0,293^{**}$; $p=0,006$). Видимо, эта переменная (пессимизм) распространяется на ситуацию на месте жительства, иначе бы не было стремления избежать негативного будущего путем переезда. Таким образом,

более пессимистичные студенты из миграционно-подвижного региона, скептически оценивающие место жительства с точки зрения будущих возможностей для реализации их мотивов, имеют более выраженные миграционные установки, и этот комплекс установок поддерживаются близкими. Выявлена менее тесная обратная связь между миграционной установкой субъекта и позитивным отношением ($r = -0,188$; $p = 0,079$). Видимо, позитивная оценка возможностей на месте жительства (по крайней мере, в миграционно-подвижном регионе) не гарантирует отсутствие миграционных установок. Результаты наших исследований показывают, что на их формирование серьезное влияние оказывают значимое окружение личности.

Литература:

1. Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Разработка русскоязычной версии Теста диспозиционного оптимизма (ЛОТ) // Психологическая диагностика, 2010, № 2. стр. 36 – 64.
2. Кузнецова С.А. Миграционные установки как специфический вид социальных установок // Вестник Российского университета дружба народов. Серия психология и педагогика. 2012, № 4. стр.61-65.
3. Кузнецова С.А. Миграционные установки как предмет социально-психологических исследований // Социальная психология и общество. 2013, № 4. с. 34-45.
4. Кузнецова С.А., Кузнецов И.Ю., Фещенко А.В. Разработка шкалы миграционных установок личности // Вестник Российского университета дружба народов. Серия психология и педагогика. 2014, № 1, стр.83-90.

Куликов Л.В., Пастушиук М.М.

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ БЛИЗОСТИ В ДРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

С использованием ряда методик проведено эмпирическое исследование гендерных различий в ощущении эмоциональной близости в дружеских отношениях. В набор методик вошел Опросник эмоциональной близости, разработанный М.М. Пастушиком. Опросник включает 47 пунктов. Факторный анализ помог выделить шесть шкал: самораскрытия, доверия, эмоциональной поддержки, субъективного взаимопонимания, сопереживания, субъективной легкости общения. По каждой шкале можно получить количественную оценку, сумму баллов по всем шкалы мы рассматриваем как интегральный показатель эмоциональной близости. Выборку составили 132 студента разных факультетов Петербургского государственного университета сервиса и экономики (57 мужчин и 75 женщин) в возрасте 18-24 лет.

Выявлены значимые различия у мужчин и женщин по нескольким коррелятам эмоциональной близости в дружеских отношениях – самораскрытию, доверию, эмоциональной поддержке и сопереживанию. Наибольшие различия обнаружены по показателям сопереживания и эмоциональной поддержки, то есть в показателях, характеризующих эмоциональные феномены личности. Кроме того, были обнаружены значимые различия по интегральному показателю эмоциональной близости у мужчин и женщин ($U = 23\ 850$, $p < 0,001$).

Существует точка зрения, согласно которой мужчины и женщины приходят к эмоциональной близости разными путями. Полученные данные согласуются с рядом данных других исследователей. Интересным представляется более высокий показатель доверия в дружеских отношениях женщин по сравнению с отношениями мужчин. Возможно, данный факт объясняется тем, что в шкале доверия Опросника эмоциональной близости содержится значительное количество утверждений, связанных с ощущением безопасности при обсуждении болезнен-

ных тем. Поскольку мужчины менее склонны говорить о своих слабостях с близким другом, их показатели по шкале доверие оказываются значимо ниже.

Гендерные различия были выявлены и в мотивационной основе дружеских отношений. Так, мотив легкого времяпрепровождения («поболтать, весело провести время») оказался более важным в отношениях с близким другом для мужчин ($F=14,3$; $p<0,001$). Мотив «рассказать о чем-то сокровенном» выступает как более значимый для женщин ($F=8,6$; $p<0,004$). Мотив эмоциональной разрядки более важен для женщин, поддерживающих дистанцированные дружеские отношения ($F=7,3$; $p<0,009$). Женщины, по сравнению с мужчинами, отмечают как более значимый для них мотив принятия со стороны друга ($F=5,0$; $p<0,03$).

Для женщин характерно переживание более тесной связи в дружеских отношениях, что выражается в большей выраженности таких сторон близости, как самораскрытие, доверие, сопереживание и эмоциональная поддержка. Для женщин оказался более значимым мотив принятия со стороны, возможность поделиться интимными переживаниями и получить эмоциональную разрядку. Мужчины отдали большее предпочтение возможности легкого, необременительного времяпрепровождения.

Курьшева О.В.

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВОЗРАСТНЫХ АСПЕКТОВ СОЦИАЛЬНОГО СРАВНЕНИЯ

Социальное сравнение является одним из фундаментальных процессов социального познания, играющим ключевую роль в построении социальной идентичности. Изучению социального сравнения посвящено значительное количество работ (Фестингер Л., 1999; Blalock, S., 1989; Buunk B. & Mussweiler T., 2001; Gilbert P., 1995; Wheeler L., 1991; Wood J., 1985 и др.).

Возрастная проблематика социального сравнения обсуждается в ряде исследований. Доказано, что сравнение используется родителями для оценки уровня развития детей, а его критериями выступают возрастные и образовательные стандарты (Бандура А., 2000; Masters J., 1987). Установлено, что взрослые люди склонны сравнивать себя с другими относительно важных событий жизненного пути (Neugarten B., 1986). Выявлено влияние возрастнo-ролевых диспозиций на процесс социального сравнения (Barrett A., 2005). Однако возрастные характеристики социального сравнения не являются специальным предметом исследования.

С целью выявить возрастные аспекты социального сравнения – его объекты, критерии и функции, а также их специфику в различных возрастных группах проведено эмпирическое исследование.

В качестве исследовательского метода использована диадическая модель техники репертуарных решеток, позволяющая выявить конструкторы при проведении сравнения в диаде «Я – социальный объект».

В соответствии с принципами применения репертуарных техник (Франселла Ф., Баннистер Д., 1987), исследование проходило в два этапа. Целью первого этапа являлось выявить объекты сравнения и составить ролевой список. На втором этапе установлены приоритетные объекты и соответствующие им критерии возрастного сравнения.

Для обработки данных применены контент-анализ, частотный анализ, сравнение средних (t -критерий Стьюдента).

Выборку испытуемых составили 120 человек (в равной степени представители подросткового, юношеского, взрослого и пожилого возрастов).

На первом этапе получено 542 семантические единицы, обозначающие объекты социального сравнения. По результатам анализа составлен общий ролевой список (25 единиц, в

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

т.ч. объекты с эксплицитными, имплицитными и неопределенными возрастными признаками, обобщенные объекты («Люди моего возраста», «Люди старше меня», «Люди младше меня»).

На втором этапе установлено, что в возрастном сравнении чаще используются объекты с имплицитными возрастными признаками («Друг / Подруга одного пола», «Мать» и др.).

Среди объектов с эксплицитными возрастными признаками наиболее популярным является объект «Люди моего возраста», что говорит о преобладании возрастного сравнения со сверстниками. Объекты, обозначающие членов возрастных групп, выбираются в единичных случаях

Объекты с эксплицитными возрастными признаками чаще выбирают респонденты подросткового и пожилого возраста, а с имплицитными и неопределенными – молодежной и взрослой групп ($p \leq 0,05$).

Для сравнения чаще используются социальные и психологические, а реже – телесные признаки объекта. При этом телесные критерии чаще используют подростки, социальные критерии – взрослые, психологические признаки – молодежная группа, а экзистенциальные – пожилые люди.

Полученные результаты доказывают, что возраст как характеристика объектов социального сравнения носит в большей мере имплицитный характер. Компаративным преимуществом обладает сравнение со сверстниками, что отражает приоритет когортных признаков отбора объектов сравнения над групповыми. «Маргинальные» возрастные группы в большей мере используют возрастное сравнение и, следовательно, имеют более выраженный процесс возрастной идентификации. Возрастное сравнение выполняет как нормативную, так и сравнительную функции. Оно служит для сопоставления индивида с социально-возрастными нормами и отражает степень соответствия телесных, психологических, социальных и экзистенциальных признаков социально разделяемым представлениям о нормативных характеристиках человека определенного возраста. Полученные выводы вносят теоретический вклад в исследование проблемы возрастной идентичности.

Курсаева И.М.

К ВОПРОСУ ВОСТРЕБОВАННОСТИ ВЫПУСКНИКА ВУЗА НА СОВРЕМЕННОМ РЫНКЕ ТРУДА

Молодые специалисты – наиболее активный и перспективный контингент с точки зрения кадрового резерва, они легче приспосабливаются и адаптируются в постоянно меняющихся условиях современной рыночной экономики. Но, в то же время, они являются одними из наиболее проблематичных участников рынка труда в силу своей некомпетентности, отсутствия практических навыков и опыта, завышенных амбиций и издержек современного российского профобучения.

Многие выпускники современных вузов, необходимые стране молодые специалисты, не находят своего «покупателя» на рынке труда и вынуждены работать не по специальности. Наиболее частыми причинами работы не по специальности являются: низкое качество подготовки специалистов, низкий уровень заработной платы, низкий спрос на полученную специальность, низкая привлекательность полученной специальности для самих специалистов, а также различные социальные факторы. Но, также отметим, что рынок выпускников вузов сейчас очень насыщен, и для молодых специалистов существуют хорошие возможности проявить широкий спектр знаний, свой потенциал и таланты.

В рамках проведенного лонгитюдного исследования динамики психологических детерминант профессионального становления студентов вуза, нами были опрошены студенты Северо-Осетинского государственного университета, в том числе и студенты 5 курса (1-этап,

всего 94 чел.) факультетов психологии, иностранных языков и искусств в количестве – 38, 35 и 21 человек соответственно. Студентам-выпускникам было предложено ответить на вопросы: «Укажите пожалуйста, на сколько процентов из 100% вы удовлетворены востребованностью специалистов выбранной профессии?»; «Как вы представляете свою трудовую перспективу по окончании вуза?»

Средние показатели удовлетворенности востребованностью специалистов выбранной профессии студентов 5 курса на выше указанных факультетах 65,4%, 52,1% и 39,4% соответственно. На вопрос «Как вы представляете свою трудовую перспективу по окончании вуза?» студенты 5 курса указанных факультетов в количестве 44,7%, 48,6% и 85,7% ответили, что знают, куда пойдут устраиваться на работу или полностью уверены в успешном трудоустройстве. Студенты же в количестве 55,3%, 51,4% и 14,3% выше указанных факультетов соответственно отметили, что все неопределенно или, что они «пока никак» не представляют свою трудовую перспективу по окончании вуза. Подобная же тенденция прослеживается в ответах студентов-выпускников, полученных на 2 и 3-м этапах исследования.

В целом, полученные результаты можно объяснить особой озабоченностью студентов 5 курса вопросами будущего в профессиональном и личностном отношении, в связи с трудным социально-экономическим положением республики, малым количеством рабочих мест и высоким уровнем безработицы, а соответственно низкой вероятностью реализации себя в выбранной профессиональной сфере. Все это приводит к неопределенности, отсутствию уверенности в завтрашнем дне.

В решении данной проблемы может помочь набирающая обороты система предпринимательства и частного бизнеса, естественно, никак не обойтись без помощи государства и поддержки местных органов самоуправления. Особенно необходима перестройка в образовательной деятельности современных учебных заведений. Сегодняшний вуз должен выпускать качественно иного специалиста с четкой профессиональной направленностью; выпускник должен быть уверен в востребованности своих знаний, для чего специальности должны подбираться с учетом перспективных тенденций на рынке труда; на базе любого современного вуза необходима кадровая служба по работе с выпускниками, которая будет обеспечивать устойчивые взаимосвязи с действующими предприятиями-работодателями; должны организовываться курсы дополнительной специализации и повышения квалификации, практиковаться распределение на предприятия хотя бы наиболее перспективных выпускников. Естественно, система мер по решению проблемы востребованности выпускников вузов не исчерпывается приведенным перечнем, существует огромное поле для творческого поиска путей выхода из сложившейся на рынке труда ситуации.

Подытоживая вышесказанное, подчеркнем, что вопрос востребованности молодых специалистов на современном рынке труда является одним из главных. По сути, это вопрос профессиональной судьбы выпускника вуза, конечный результат многолетней деятельности вуза; вопрос, который требует как государственных решений, так и совместных усилий вузов и работодателей, в соответствии со всеми реалиями социально-экономической ситуации в стране.

Кухтова Н.В.

ЭМПАТИЙНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ

Раскрытие актуальности и научной ценности проблемы эмпатии заключается в узловом характере феномена при интерпретации профессионально-важных качеств специалистов помогающих профессий, понимание которых имеет значение для педагогической, юридической, медицинской психологии.

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Теоретический анализ показывает, что в психологии термином «эмпатия» описываются разные психологические реальности, и эмпатия вводится в разряд способностей, свойств, умений, процессов и состояний. Причем подавляющее большинство характеризует ее как способность (Т.П. Гаврилова, С. Ю. Головин, М. Кордуэлл, Д. Бэтсон), как процесс или состояние (К. Роджерс), как гуманистическая установка на помогающие профессии (Hickson и Wispe), особый психический акт, целостное образование когнитивных, эмоциональных и моторных компонентов, которое включено в качестве особой формы (Н.А. Будаговская, С.В. Дубровская, Т.Д. Карягина). Ученые-психологи склонны выделять в эмпатии чаще всего два компонента: когнитивный (познавательный) и эмоциональный (аффективный), которые находятся в неразрывном единстве друг с другом (Т.П. Гаврилова, В.Н. Козиев, Г.Ф. Михальченко). Зарубежные исследователи рассматривают эмпатию как аффективные конструкции (Batson, 1987; Miller & Eisenberg, 1988) и концептуализируют ее как когнитивный механизм, через который люди способны представить себе внутреннее состояние кого-то другого (Borke, 1971; Deutsch & Madle, 1975).

Для изучения эмпатийных проявлений была использована методика «Межличностный индекс реактивности» (М. Дэвис, адаптация Н.В. Кухтовой) и «Измерение показателей заботы» (М.А.Н. Donius, адаптация Н.В. Кухтовой). Исследование было проведено на выборке 1531 специалиста, помогающих профессий (307 медицинских работников, 302 работника МЧС, 304 – психолога, 317 сотрудников охраны и 301 социальный педагог).

Сравнительный анализ (по критерию Манна-Уитни) показал, что в большей степени эмпатийные проявления (сострадание, децентрация, фантазирование, эмпатическая забота и др.) свойственны психологам и социальным педагогам, то есть специалистам педагогического профиля. Так, они чаще, чем другие специалисты могут принять точку зрения других людей, поставить себя на место другого человека и понять его эмоциональное состояние. Сопереживание может возникнуть не только по отношению к наблюдаемым, но и к воображаемым эмоциям других, к переживаниям персонажей. Сочувствие побуждает их к помощи другому при альтруистической мотивации. При этом у них могут возникать чувства личностной неловкости и дискомфорта на эмоции других в ситуациях оказания помощи.

Медицинские работники имеют по всем показателям средние значения. В свою очередь, специалистам (сотрудникам МЧС и охраны), чья помогающая деятельность связана с экстремальными условиями работы степень проявления эмпатии ниже.

Таким образом, теоретико-эмпирические подходы к изучению и определению эмпатии достаточно многогранны, что свидетельствует о том, что данная проблема актуальна в нашей современности и постоянно изучается российскими, белорусскими исследователями (проект РГНФ-БРФФИ «Развитие эмпатии в социномических профессиях», 2015) и зарубежными коллегами (M.C.N. Ramos, 1990; M. E. Miller, 1992; W. D. Hoisington, 2003 и др.) [2,3].

Эмпирический анализ эмпатийных проявлений специалистов помогающих профессий показал, что они отличаются по степени проявления в различных профессиональных группах, это позволяет свидетельствовать о том, что необходим индивидуальный подход при изучении данного контингента.

Литература:

1. Будаговская Н.А., Дубровская С.В., Карягина Т.Д. Адаптация многофакторного опросника эмпатии М. Дэвиса // Консультативная психология и психотерапия. - 2013. - №1.
2. Hoisington, W. D. An initial investigation into the possibility of advanced empathy: dis. ... doctor or philosophy. – Syracuse, 2003.
3. Miller, M. E. Effects of empathy and relatedness on willingness to help: dis. ... doctor or philosophy. – Louisville, 1992.

Лемин В.В.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ С РАЗЛИЧНЫМ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ СТАЖЕМ О ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СТАРЫХ ЛЮДЕЙ

Современная психология рассматривает старость как один из этапов развития человека. С этих позиций онтогенез происходит на протяжении всей жизни, ни один из возрастных периодов не имеет доминирующей роли (Александрова М.Д., 1965; Анцыферова Л.И., 2006; Балтес П., 1994 и др.). Возможность полноценной жизни на этапе старения обусловлена, с одной стороны, активностью и ресурсами самого человека, с другой – теми условиями, которые создает социальная среда.

Большую роль при этом играет социальный работник, оказывающий различные виды социальной и психологической поддержки. Характер взаимодействия во многом зависит от представлений социального работника о старости, которые формируются как на основе знаний, так и убеждений. Последние коренятся в культуре, традициях, языке и не требуют аргументов для своего опровержения или подтверждения. Социальные работники, обслуживающие старых людей на дому, ежедневно имеют дело с физической немощью, различными психологическими проблемами, поэтому есть серьёзная опасность укрепления негативных стереотипов старости, существующих в обществе, что увеличивает риск видеть всех в одинаковом свете – как инвалидов, беспомощных и т.п.

Целью нашего исследования было выявление представлений о личностных качествах старых людей у социальных работников с различным стажем профессиональной деятельности. Содержание представлений выявлялось с помощью психосемантической методики, разработанной нами на основе метода репертуарных решеток Келли (Лемин В.В., 2013).

Всего в исследовании приняли участие 534 социальных работника, обслуживающих пожилых людей на дому. Все респонденты – женщины. Возрастной диапазон: 24-65 лет. Из них 169 человек со стажем до 5 лет в возрасте 24-60 лет; 169 человек со стажем 5-9 лет в возрасте 27-65 лет; 131 человек со стажем 10-14 лет в возрасте 29-62 лет; 49 человек со стажем 15-19 лет в возрасте 34-63 лет; 16 человек со стажем 20 и более лет в возрасте 40-57 лет. Статистическая обработка данных проводилась с использованием программы SPSS Statistics 20.

В целом личностные качества старого человека оцениваются социальными работниками низко: 16 средних оценок из 25 лежат в отрицательной плоскости. С их точки зрения старые люди пассивны, плывут по течению, склонны винить других в своих проблемах. Исключение составляет шкала «Добрый-Злой»: все социальные работники, независимо от стажа, воспринимают старого человека как доброго. Среди респондентов более высоко оценили личностные качества старых людей социальные работники со стажем более 20 лет (кроме шкалы «Берет ответственность на себя-Винит других в своих проблемах»).

Проверка статистической значимости различий оценок с помощью непараметрического критерия Манна-Уитни показала, что стаж профессиональной деятельности мало влияет на представления социальных работников о личностных особенностях старых людей. По двум шкалам («Добрый», «Потерян смысл жизни») статистически достоверных различий не обнаружено.

Влияние стажа проявилось в следующем: социальные работники, проработавшие 20 лет и более, воспринимают старых людей как состоявшихся, успевших многое в жизни сделать. В то время, как те, кто только начинает свой профессиональный путь, не видят этого качества ($U=953,0$, при $p \leq 0,05$). А те, чей стаж составляет 5-9 лет считают, что старые люди многое не успели сделать ($U=902,0$, при $p \leq 0,05$). (Следует отметить, что данная тенденция

проявилась и в сравнении с проработавшими 10-14 лет и 15-19 лет. Здесь значения U-критерия близки к критическому.)

Таким образом, в представлениях социальных работников независимо от стажа доминируют отрицательные оценки личностных качеств старого человека, что свидетельствует о стойкости социальных негативных стереотипов. Наиболее лояльны в оценке старости те, чей стаж превышает 20 лет. Результаты исследования свидетельствуют о необходимости уделять особое внимание при профессиональной подготовке социальных работников психологической составляющей, умению выделять личностные ресурсы старых людей.

Попухова О.Г., Газизов К.К., Гизетдинова Г.Р.

ИППОВЕНЦИЯ – СОВРЕМЕННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ВОЗМОЖНОСТЯХ РАЗВИВАЮЩЕГО ЛИЧНОСТЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕК-ЛОШАДЬ

Термин «ипповенция» предложил Х-Дж. Барайсс, модель которого «Терапевтическое взаимодействие человек-лошадь (ТВЧЛ)» является в настоящее время ведущей в Германии. Ипповенция подразумевает достижение психологического развивающего и терапевтического эффекта в процессе специально организованного специалистом-психологом общения с лошадью. В России это направление только начало развиваться.

Включение лошадей в развивающие личность технологии позволяет человеку восстановить связь со своим подлинным Я. В отличие от человека лошадь дает непосредственную эмоциональную обратную связь, в то время как люди имеют тенденцию контролировать выражение эмоций, часто демонстрируя несовпадение вербальной и невербальной коммуникаций, что ведет к нарушению личностной гармонии и внутренним конфликтам. Установление контакта с лошадью помогает при перенесенных психологических травмах обрести чувства власти, контроля и успешности, побороть страх, развить эмпатию и уверенность. Чистка лошади, как и пребывание на природе, способствует готовности клиента к участию в конструктивном диалоге с психологом, что может представлять сложность в офисной обстановке.

Взаимодействия с лошадью могут включать разные варианты контакта, наблюдения, ухода, управления, что создает условия для ощущения близости, соблюдения дистанции, доверия и самопознания. Наиболее важно для ипповенции обеспечение рефлексии, осознания, анализа и сопоставления с внутриличностными и межличностными отношениями в реальной жизни полученного опыта. Для более эффективной организации рефлексивной деятельности могут применяться ассоциативные, проективные, арт-терапевтические техники. Достижение целей личностного развития, гармонизации и коррекции разного рода отношений эффективнее проходит при групповом взаимодействии; работа с разного рода психологическими нарушениями часто требует индивидуального подхода, или же, в зависимости от характера психологической динамики клиента, комбинации индивидуального и группового взаимодействия. Для личностного развития в обозначенных выше схемах фигурирует не одна лошадь, а группа лошадей.

При ипповенции большое значение придается не только физическим характеристикам лошади, но также и тому, как по своим внешним, половозрастным и психологическим характеристикам лошадь позволяет обеспечить процессы личностной динамики, выступая не просто как животное, но и выполняя символическую функцию, вызывая ассоциативные процессы, проекции, идентификацию с ней или субъектификацию ее клиентом. Поэтому особое значение уделяется возможности взаимодействовать с несколькими разными лошадьми, чтобы

выбирать в упражнениях «свою» лошадь. Лошадь в таких тренингах обеспечивает обратную связь, оказывает помощь личности в собственном позиционировании, в результате чего те механизмы саморегуляции и отношения с людьми, которые у участников не были осознаны, становятся видимыми и доступными для изменения.

Нами был разработан и апробирован в пилотном проекте тренинг развития личности на основе взаимодействия с лошадьми. Разработанный тренинг включал три этапа, реализующих последовательное приобщение к процессу установления контактов с собой и с миром посредством направляемого психологом общения с лошадью.

Методологической основой для данного тренинга выступил экопсихологический подход к развитию личности. В данном контексте развивающий потенциал общения с лошадью заключается в ее субъектификации, что позволяет осуществлять процессы идентификации и социальной рефлексии, используя полученный опыт для коррекции и развития самосознания. При апробации тренинга мы экспериментально подтвердили, что взаимодействие с лошадью в групповом тренинге позволяет стимулировать процессы самопринятия, личностного роста, управления собой и окружением, и способствует развитию базового доверия. Также показано, что субъектификация лошади способствует росту психологического благополучия личности в процессе данной тренинговой работы.

Мансурова М.В., Яничева Т.Г.

ВЛИЯНИЕ СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИИ НА ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ ВО ВНЕШНЕЙ СРЕДЕ

В настоящее время исследования в рамках трансгенерационного подхода (Бузормени-Надь И., Боуэн М., Штутценберг А.А.), посвященные тому, как семейное прошлое проявляется в настоящем человека, становятся все более популярными в России и за рубежом. Процесс межпоколенной передачи семейной истории, с одной стороны, является осознаваемым, проходящим через семейные тексты и нарративы, с другой — неосознаваемым, происходящим через наследование паттернов поведения и их бессознательное повторение (Сапоровская М.В., 2012).

В исследовании мы сосредоточились на осознаваемом компоненте межпоколенной передачи семейной истории, то есть социальных представлениях людей об истории своей семьи (в рамках нарративного подхода к исследованию семейных отношений).

Теоретической основой для проведения исследования послужила теория семейных систем М. Боуэна, в особенности, понятия дифференциации Я и эмоционального отрыва. Отрыв определяет степень контакта и его утраты между членами семьи (Бейкер К., Гиппенрейтер Ю.Б., 2012), дифференциация Я понимается как умение в значимых отношениях уравнивать индивидуацию (потребность в независимости) и совместность (потребность в связи с другим, сближении). В исследовании Гиппенрейтер Ю.Б. и Бейкер К. (2012), посвященном влиянию сталинских репрессий на жизнь семей в трех поколениях, было обнаружено, что те семьи, которые эмоционально отрывались от своих предков, забывали о них показывали менее успешное функционирование в третьем поколении (Сапоровская М.В., 2012). В нашем исследовании мы обратились к тому, как влияет знание семейной истории на особенности актуальной коммуникации личности во внешней среде.

Целью исследования было изучение связи между особенностями представлений об истории семьи и межпоколенных отношениях и спецификой коммуникации во внесемейном пространстве. Представления об истории семьи и межпоколенных отношениях изучались при

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

помощи методов генограммы, социограммы (Эйдемиллер Э.Г., Никольская И.М.), а также полуструктурированного интервью. Для изучения особенностей коммуникации использовались опросник межличностных отношений Лири и опросник для определения уровня дифференциации Я в отношениях (Боуэн М.).

В пилотажном исследовании приняли участие 20 человек в возрасте от 20 до 30 лет (12 женщин и 8 мужчин). При обработке результатов применялись контент-анализ ответов по результатам интервью и корреляционный анализ.

Результаты проведенного исследования показывают, что низкая осведомленность об истории семьи и наличие эмоционального отрыва от предыдущих поколений, проявляющееся в эмоционально-негативном отношении к предкам, пробелах в знаниях о предшествующих поколениях семьи, наличии незавершенных эмоциональных связей, связаны с менее успешной актуальной коммуникацией с другими. Представления респондентов о тесных, эмоционально слитных отношениях в семье (например, «Мы как семья – одно целое») отражаются в низком уровне дифференциации в отношениях с другими, склонности к подчинению.

В результатах исследования находит подтверждение теория Боуэна об отрицательном влиянии прерывания межпоколенных связей в семье на успешность функционирования личности в настоящем. Люди, в чьей семейной истории можно обнаружить паттерны эмоционального отрыва, менее адаптивны в построении коммуникации во внесемейном пространстве.

Исследование носило пилотажный характер, однако его результаты служат основанием для продолжения работы с использованием более обширной выборки.

Марарица Л.В., Казанцева Т.В., Почебут Л.Г.

РАЗРАБОТКА ШКАЛЫ

АЛЬТРУИСТИЧЕСКОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ

В современных исследованиях просоциального поведения особое внимание уделяется альтруизму второго уровня (забота об общем благе), который, в отличие от альтруизма первого уровня (забота о благе другого человека) не объясняется эволюционными теориями (Казанцева, 2016). Около 20% людей в сообществе поощряют и защищают кооперацию, отстаивая общественный интерес, для них возможен альтруизм вне перспективы сотрудничества и выигрыша в репутации (Fehr, Fischbacher, 2003). Возможно, именно это меньшинство выполняет важнейшую функцию по поддержанию социального капитала сообщества, социальной сети. Рассмотрение такого рода альтруизма в рамках «функциональных сетевых ролей» открывает возможность анализа индивидуального социального поведения в широком контексте: персональная нетворкинг-стратегия, стратегия управления социальным капиталом личности, служит механизмом поддержания баланса в социальной системе в целом. Этот баланс наблюдается в просоциальных и эгоцентрических интересах агентов, их стремлении использовать и приумножать социальный капитал.

Анализ феноменологии просоциального поведения и идея функциональных сетевых ролей позволили выделить стратегию «альтруистического инвестирования» – просоциальную стратегию, ориентированную на приумножение социального капитала, цель которой способствовать благополучию окружающих, улучшению качества социальной среды (Марарица и др., 2015). Стратегия имеет внутриличностное основание – ценностные предпочтения, и проявляется в поведении, направленном на достижение желаемого состояния социального окружения (Почебут и др., 2014). Поскольку стратегия выполняет определённую функциональную роль, она создает эффекты, выходящие за рамки персональной социальной сети.

Операционализация стратегии альтруистического инвестирования проводилась с опорой на эмпирические феномены нересiproчного альтруизма, альтруистического интереса, мотивации, компенсации и наказания. В результате сформулированы критерии стратегии, которые легли в основу нашей шкалы альтруистического инвестирования: 1 – готовность и расположенность помогать; 2 – доброжелательность как норма отношения к другим людям; 3 – нацеленность на общее благо, на улучшение ситуации для всех; 4 – готовность помогать бескорыстно, без отдачи и вне перспективы сотрудничества; 5 – важность общего блага по сравнению с личной репутацией.

В выборку онлайн-исследования вошли 267 респондентов в возрасте от 18 до 29 лет (городская молодежь), средний возраст 22,78 (станд. откл. 3,66), из них 55% женщины. После контроля по социальной желательности, связям пунктов между собой и с результирующей, конфирматорного факторного анализа в шкалу альтруистического инвестирования вошли 7 пунктов (из 22-х). Надежность шкалы составила 0,75 (альфа Кронбаха), корреляция с сокращенной версией шкалы социальной желательности Марлоу-Крауна не значима ($r=0,105$).

Конструктивная валидность подтверждается: 1 – ожидаемыми связями с ценностными ориентациями личности такими как доброта (коэфф. корр. Спирмена $r=0,241$, $p\leq 0,001$) и универсализм ($r=0,422$, $p\leq 0,001$); 2 – выбором предпочитаемой линии поведения в социальных дилеммах (желанием помочь «несправедливо обделённому» партнеру, с которым нет перспективы взаимодействия (t-критерий Стьюдента 4,784, $p\leq 0,001$, на выборке $n=163$), готовностью отдать незнакомому больше ($r=0,162$, $p\leq 0,05$, $n=163$), с нежеланием заканчивать игру, забрав себе все ($r=0,157$, $p\leq 0,05$, $n=163$) или втайне обманывать партнера ($r=0,166$, $p\leq 0,05$, $n=163$); 3 – связями шкалы с мотивировками поведения в социальных дилеммах (совпадающими с критериями стратегии, r от 0,209 до 0,318, $p\leq 0,001$); 4 – корреляцией с установкой на альтруизм по методике О.Ф. Потёмкиной ($r=0,523$, $p\leq 0,001$, $n=170$); 5 – отрицательной корреляцией с установкой на эгоизм по методике О.Ф. Потёмкиной ($r=-0,419$, $p\leq 0,001$, на выборке $n=170$) и шкалой диспозиционного эгоизма К. Муздыбаева ($r=-0,332$, $p\leq 0,001$, на выборке $n=101$).

**Исследование проводится при поддержке гранта РГНФ № 14-06-00662.*

Мизгирёва М.Ю., Фофанова Г.А.

ВЗАИМОСВЯЗЬ САМОПРЕЗАНТАЦИИ В ЭЛЕКТРОННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И РЕАЛЬНОЙ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МОЛОДЁЖИ

Преследуя разные цели, индивиды, так или иначе, самопрезентируются как в реальной жизни, так и в виртуальной [1]. Экспериментирование со своим «Я» в виртуальном пространстве выступает как новый вид деятельности современного человека, в особенности это является характерным для юношеского возраста [4;5].

Реальная самопрезентация (РС) – целенаправленный, осознаваемый или неосознаваемый процесс контролирования собственного образа в глазах других субъектов, способствующий реализации определенного мотива индивида в той или иной коммуникативной ситуации с учетом его личностных характеристик и с помощью различных стратегий, техник и тактик [2]. В свою очередь, самопрезентация в электронных социальных сетях (СЭСС) – это акт творчества и самовыражения посредством представленных программных сервисов ресурсов и их текстуальных и мультимедийных возможностей [4].

В проведенном нами эмпирическом исследовании проверялась гипотеза о том, что существует взаимосвязь РС и СЭСС студентов.

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Выявлена слабая положительная корреляция «аттрактивной стратегии» самопрезентации и нравственной потенциальной вариативной самопрезентации. Чем выше «аттрактивная стратегия» РС, тем выше нравственная потенциальная вариативность. При использовании такой стратегии субъекты стараются понравиться окружающим, пытаются стать примером для подражания. Возможность производить благоприятное впечатление на окружающих в реальном пространстве ведет к тому, что субъекты не демонстрируют нравственно-этических составляющих ЭСС. Нравственная потенциальная вариативность предполагает, что субъект редко прибегает к демонстрации нравственно-этических составляющих ЭСС. Следовательно, в реальном пространстве потребность в признании удовлетворяется, и перенесение ее в ЭСС не имеет смысла [3;5].

Выявлена слабая отрицательная корреляция «силовой стратегии» самопрезентации и инвариантной вариативностью. Чем выше «силовая стратегия» самопрезентации, тем ниже инвариантность. В ЭСС такой пользователь не имеет собственного стиля общения, не может занимать лидирующую позицию в Интернет-общении, не навязывает свой стиль самопрезентации другим пользователям. В реальном же пространстве такие субъекты характеризуются демонстрацией своей силы, чаще прибегая к тактике запугивания или негативной оценке окружающих, тем самым стремясь к власти и лидерству. Такие субъекты в реальном пространстве, реализуют свои потребности, относительно власти, лидерства, контроля, что позволяет им в ЭСС не прибегать к использованию инвариантной самопрезентации [3;5].

Других значимых корреляций выявлено не было. Таким образом, при доминировании остальных стратегий РС нельзя спрогнозировать, к какой стратегии в ЭСС студенты будут прибегать и наоборот. Следовательно, пространство ЭСС выступает площадкой для экспериментирования, проверки приемлемости и выбора той или иной самопрезентации.

Список использованных источников:

1. Войскунский, А. Е. Гуманитарные исследования в Интернете / под ред. А.Е. Войскунского. – М.: ООО «Можайск -Терра», 2000. – 431 с.
2. Дубских, А. Современные концепции самопрезентации и её роль в обществе / А. Дубских // Научная база данных: «Scientific World» [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://www.sworld.com.ua/konfer29/898.pdf/>. – Дата доступа: 29.02.2013.
3. Особенности самопрезентации в Интернет-сетях в период ранней юности и молодости / В.К. Уманская [и др.] // Вест. Костамского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Сер. Педагогика. Психология. Социальная работа. Социокинетика. – № 4. – С. 66-68.
4. Созанов, В. Введение в социальные сети и технологии / В. Созанов // Научная база данных: «Поделись» [Электронный ресурс]. – 2000. – Режим доступа: <http://podelise.ru:81/docs/index-49350.html?page=2>. – Дата доступа: 29.02.2013.
5. Шевченко И.С. Вариативность самопрезентации личности в Интернет-общении: дис. канд. псих. наук: 19.00.01/ Шевченко Ирина Сергеевна. – М., 2003. – 160 с.

Микляева А.В.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ИНФАНТИЛИЗМ ЛИЧНОСТИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

На протяжении полутора веков термин «инфантилизм» (после введения этого понятия в 1864 г. Э Ласегом и вплоть до конца 20 века) понимался как комплекс характеристик личности, свидетельствующих о психической патологии. Однако в последние десятилетия трактовка этого термина расширилась. Сегодня, помимо физического и психического инфантилизма,

которые по-прежнему рассматриваются как проявления патологии развития, большое внимание уделяется социально-психологическому инфантилизму. Социально-психологический инфантилизм выражается в различных социальной незрелости личности на фоне нормативного психического функционирования человека, что предполагает необходимость изучения этого феномена посредством анализа социально-психологических детерминант его формирования и проявления. Тем не менее, доминирующий методологический подход к исследованию феномена инфантилизма предполагает фокусировку внимания на личностных коррелятах социально-психологического инфантилизма, без учета широкого спектра детерминант, лежащий в системе отношений личности с собой, другими людьми и социумом в целом. Таким образом, можно зафиксировать противоречие между традиционной для психологии трактовкой инфантилизма как комплекса личностных особенностей человека, и социально-психологическими интерпретациями проявлений инфантилизма в регуляции отношений между людьми.

Социально-психологический подход к анализу инфантилизма личности можно обнаружить в работах многих отечественных и зарубежных авторов (Асмолов А.Г., Кон И.С., Мудрик А.В., Палаева Р.И., Собкин В.С., Eisenstadt S.N., James A., Quortrup A.P.J., Priestley M. и др.). Такой подход выражается в понимании инфантилизма как состояния разрыва между биологическим и социокультурным взрослением, связанное с нарушением механизмов социализации и выражающееся в неприятии, или, напротив, отказе от тех или иных форм социальной активности или социальных обязательств в связи с процессами взросления и/или старения.

Факторы, детерминирующие формирование и развитие социально-психологического инфантилизма, разнообразны, и проявляются в сфере самоотношения личности, прежде всего, ее возрастной идентичности и содержании принимаемых возрастных ролей, в сфере межличностных отношений, а также в сфере социальных отношений. Зарубежными исследователями показано, что инфантилизация отдельных социальных групп – это тенденция современного индустриального. В качестве основного социального инструмента инфантилизации рассматриваются СМИ, транслирующие образ типичного представителя той или иной социальной группы как эмоционально незрелого, неопытного, сохраняющего множество детских черт в поведении в определенных сферах жизни. В основе формирования и развития инфантилизма людей лежат социальные стереотипы, сопряженные в обыденном сознании с характеристиками тех или иных социальных групп. В целом, социально-психологический инфантилизм может рассматриваться как феномен, активно конструируемый социальной общностью.

Таким образом, в современной социально-психологической литературе имеется существенная база для организации и проведения исследования феномена социально-психологического инфантилизма. Теоретико-методологическую базу такого исследования могут составить ряд авторитетных психологических и социально-психологических концепций и подходов: культурно-историческая концепция, парадигма социального конструкционизма, теория социальной идентичности и концепции возрастной идентичности, сформировавшиеся на ее основе, исследования социально-психологических аспектов инфантилизма и социально-психологических факторов инфантилизации личности.

**Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 16-06-50031.*

Недошвина М.А.

ФАКТОРЫ ЛИЧНОСТИ И СИТУАЦИИ КАК ПРЕДИКТОРЫ АЛЬТРУИЗМА

Было проведено исследование с целью изучения личностных и ситуационных детерминант альтруистического поведения, которое, являясь частным случаем просоциального пове-

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

дения, как и любое поведение, подвержено влиянию не только глубинных мотивов, ценностей и направленности личности, но и факторов среды, ситуации и контекста [Росс, Нисбетт, 1999].

Актуальность данной темы диктуется характеристиками современной общественной жизни, требующими научно обоснованного и подтвержденного исследованиями подхода к решению повседневных вопросов, связанных с взаимодействием людей в обществе. В мировой практике психологические знания помогают эффективно решать фундаментальные жизненные проблемы [Zimbardo, 2007].

Исследование включало несколько этапов. Вначале было проинтервьюировано 50 студентов. Затем на основе полученных результатов была сконструирована анкета для выявления характерных особенностей социальных представлений молодежи об альтруизме (N=105). По результатам пилотажного этапа исследования было выявлено, что неотъемлемыми и ключевыми критериями альтруистического поступка являются искренность мотивов и бескорыстие, а также принесение в жертву собственных интересов, ценностей и ресурсов для помощи, спасения и благополучия других людей. Абсолютное большинство респондентов полагали, что совершали в своей жизни альтруистические поступки, но лишь немногие считали себя альтруистами. Значительное число респондентов отмечало потребность альтруиста в поддержке и одобрении, но не рассматривало это в качестве эгоистичного мотива деятельности.

Ситуации просоциального взаимодействия лишь тогда могут по праву считаться альтруистическими, когда присутствует полное бескорыстие мотивов деятельности. Совершение альтруистических поступков нередко может приводить к значимым личностным жертвам и потерям [Shepela и соавт., 1999], но имеет обыкновение компенсироваться, даже если это не было изначальной целью деятельности. От наиболее простых материальных ценностей до гораздо более эфемерных, но не менее важных, духовных, таких как повышение самооценки и собственной значимости в своих глазах и представлениях окружающих.

На основном этапе исследования (N=170, 55 мужчин и 115 женщин в возрасте от 18 до 35 лет, M=24) методом анкетирования были оценены такие личностные конструкторы как альтруистическая направленность личности, ценности и стремление к аффилиации с группой, исходя из их взаимосвязи с готовностью человека принимать участие в деятельности на благо других – людей и даже животных. Был сконструирован ряд сценариев, чтобы оценить готовность респондентов оказывать помощь в разных ситуациях и при изменении условий – уровня риска, наличия компенсации и потребности в помощи.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что альтруистическая направленность личности связана с ее готовностью к совершению альтруистического поступка в конкретных ситуациях, даже когда условия этому препятствуют. Ряд ценностей, таких как доброта и потребность в стимуляции со стороны внешнего мира показали значительную взаимосвязь с альтруистической направленностью личности, а ценности гедонизма и самостоятельности выступили в качестве «анти-предикторов». Стремление к аффилиации с группой и его компоненты показали значимую взаимосвязь с альтруистическими компонентами личности – установками и стратегиями взаимодействия с людьми.

В данном исследовании был вынесен на рассмотрение феномен альтруизма и поставлен вопрос о том, обладает ли альтруист осознаваемыми мотивационными тенденциями и ценностными ориентациями, или же он действует спонтанно, повинаясь стимулам внешней среды. Согласно теории запланированного поведения, намерения личности могут рассматриваться как сильнейшие предикторы ее поведения [Ajzen, 1991]. Это утверждение позволяет экстраполировать полученные данные о представлениях и готовности к совершению альтруистических поступков на реальные ситуации, возникающие в жизни человека.

**Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 14-06-00662.*

Нестерович Т.Б.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ

Одним из направлений оценки качества жизни населения рассматриваются государственные услуги, предоставляемые в соответствии с административными регламентами органов исполнительной власти. В интересах оценки качества оказания государственных услуг разработана анкета, состоящая из вопросов, характеризующих процесс обращения населения в территориальные органы исполнительной власти для получения государственной услуги. Основу анкеты составил вопросы, используемые при проверках работы территориальных органов исполнительной власти и дополнительно включались вопросы, характеризующие психологические аспекты оценки качества оказания услуг. Вопросы анкеты группировались по категориям, характеризующим процесс обращения за государственной услугой, условия ее получения и результат. В категорию «Определение места получения услуги» вошли вопросы, касающиеся информации о расположении ближайших центров оказания услуг, транспортной доступности мест их расположения, сведений о правилах обращения и графике работы. В категорию «Предварительное планирование» включены вопросы, касающиеся планирования обращения за получением услуги: удобство обращения, возможность записи по телефону, интернету или непосредственно в офисе, а также приемлемость сроков ожидания. Категория «Удовлетворение специальных требований» включала вопросы для оценки возможности и удобства получения услуги людьми с ограниченными возможностями или обладающими социальными льготами. Отдельная категория «Условия пребывания» вводилась для оценки комфортности ожидания приема в зале и, в частности, оплаты услуг через терминалы. Категория «Оперативность оказания услуги» характеризовала удобство размещения информации, сведения о достаточности и специализации окон и кабинетов для приема посетителей, работу автоматической системы очередности, возможность приема в день обращения, информирование о порядке предоставления услуг на стендах в зале приема-выдачи документов, а также информирование о должностях и функциях сотрудников. Возможность непосредственной оценки качества оказываемых услуг характеризовалась категорией «Оперативность реагирования» по ответам на вопросы о вышестоящих организациях, порядке обращений граждан и наличии книги жалоб и предложений. Отдельная категория «Электронные услуги» использовалась для оценки возможности получения услуг в электронной форме и удобства оформления заявки на услуги в электронной форме, а также о межведомственном информационном взаимодействии при оказании услуг. Категория «Работа персонала» включала вопросы, характеризующие вежливость и компетентность сотрудников при общении по телефону, возможность обратиться к консультанту в зале, внешний вид и поведение сотрудников. Кроме того, использовалась категория «Результат», оценивающая удобство получения документа об оказанной услуге и процедуру получения услуги в целом.

Апробация экспертного метода оценки качества услуг по 32 вопросам проводилась с участием 88 человек, обращавшихся за оказанием услуги в многофункциональные центры и отделы регистрации недвижимости. Оценка проводилась по 5-ти балльной шкале. Объем выборки составил 2716 оценок, обеспечивших получение статистически достоверных результатов. При опросах оценивалась значимость оценок по отдельным вопросам. Оценка значимости вопроса повышала объективность итоговой оценки качества услуги. Анализ полученных данных показал, что структура и содержание вопросов и ответов на них существенно влияют на объективность интегральной оценки качества оказания услуг. По результатам исследования получены количественные данные оценки качества оказания услуг населению по категориям оценки и сделаны выводы о важности, значимости и необходимости оценки качества оказания государственных услуг населению с учетом ее психологических аспектов.

Никифорова Д.М.

ОСОБЕННОСТИ БЕЗОПАСНОСТИ ЗАЩИТНОГО И СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ СУБЪЕКТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

В течение жизни каждый человек оказывается включенным в образовательную среду. Любая среда обогащает человека опытом, который может быть как позитивным, так и негативным. И тот, и другой опыты необходимы и важны, потому что в ходе их получения, можно наблюдать и корректировать те навыки и способы, которые использует человек для управления своим поведением в трудных ситуациях. Для этого необходимо развивать конструктивное защитное и совладающее поведение, которое призвано оградить человека от травмирующих ситуаций, тем самым обеспечивая его безопасность. Но в то же время, сами защиты и копинги могут быть небезопасными для человека, стимулируя его агрессию, асоциальные действия, уход от решения проблем и пр.

Целью исследования является определение особенностей безопасности защитного и совладающего поведения субъектов в образовательной среде. Эмпирической базой исследования выступают 338 студентов с первого по четвертый курс (от 16 до 22 лет) средних и высших образовательных учреждений города Екатеринбурга, а также 50 педагогов (от 19 до 43 лет).

Математико-статистическая обработка данных проводилась с использованием программы IBM SPSS Statistics 19.

У учащихся выделены четыре типа защитного и совладающего поведения: адаптивное, виктимное, невротичное и альтруистичное. Респонденты с адаптивным типом поведения используют такие механизмы психологических защит и совладания, как: отрицание травмирующей информации, контроль своего поведения, подбадривание себя, они действуют уверенно, не уходят от стрессовой ситуации и не замыкаются в себе. Учащиеся, реализующие виктимное поведение используют психологические защиты: подавление, проекция, замещение. Не прибегают к просоциальным стратегиям, ведут себя очень импульсивно, агрессивно, асоциально. Респонденты с невротичным поведением склонны к проявлению эмоциональной неустойчивости и раздражительности. Свои действия не одобряют и тянутся к людям за помощью и поддержкой, при этом реализуя агрессивное и асоциальное поведение. От стресса стараются отвлечься, уйти от решения проблем, действует неуверенно. Респонденты альтруистичного типа реализуют социальную модель поведения, не проявляют агрессивных и асоциальных действий, в происходящем склонны обвинять себя.

У педагогов выделено пять типов защитного и совладающего поведения: адаптивное, виктимно-невротичное, негативно-доминирующее, альтруистично-пассивное и просоциальное виктимно-активное. Респонденты с адаптивным типом защитного и совладающего поведения активно взаимодействуют с социальным окружением, ищут поддержки. Они способны контролировать себя и свое поведение, а также происходящую ситуацию. Педагоги, реализующие виктимно-невротичное защитное и совладающее поведение, склонны к проявлению эмоциональной неустойчивости и раздражительности. Люди с таким поведением используют много неконструктивных психологических защит. Респонденты с альтруистично-пассивным типом не проявляют асоциальных действий, в происходящем склонны обвинять себя, в трудной ситуации ищут социального взаимодействия и поддержки, чувствуют себя не в силах сопротивляться происходящему, пытаются найти всему логичное объяснение. Педагоги с просоциальным виктимно-активным типом часто вымещают свои эмоции на более слабых, незащищенных людях. Реализуя негативно-доминирующее защитное и совладающее поведение человек больше вреда наносит окружающим людям, нежели себе самому. Это поведение можно охарактеризовать как агрессивное, направленное против других.

По результатам исследования мы можем сказать, что и студенты и педагоги в своем поведении реализуют как безопасные (адаптивное, альтруистичное), так и небезопасные типы защитного и совладающего поведения (виктимное, невротичное, негативно-доминирующее и др.).

**Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ номер 16-36-01057 а2*

Новгородова Е.Ф., Яремчук С.В.

ПРОЯВЛЕНИЯ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УРОВНЯ СУБЪЕКТА

Поддержка конкурентных отношений в сфере образовательных услуг приводит к нарастанию перфекционизма учеников и их последующей дезадаптации. В настоящее время ряд ученых озадачились ролью образования в процессе развития перфекционного целеполагания молодых людей (А.Д. Андреева, Ю.В. Зеленцова, П.М. Тарханова и др). Идет верификация предположения о подверженности проявлений перфекционизма учащихся специфике обучающей деятельности и академическим стандартам учебных заведений (М.В. Ларских, Ю.Е. Васильева, Е.Ю. Бурлак). Однако до сих пор малочисленны исследовательские программы, позволяющие сопоставить перфекционные тенденции лиц, обучающихся в принципиально разных условиях.

В этой связи нами было проведено эмпирическое исследование на выборке из 657 респондентов. Среди них 326 юношей и 331 девушка в возрасте от 16 до 22 лет. Были обследованы лица, учащиеся в массовых школах (далее – СОШ), учреждениях среднего профессионального образования (далее – СПО) и университетах (далее – ВПО). Распределение испытуемых по уровню приобретаемого образования определило линии анализа и интерпретации данных.

Для диагностики перфекционизма применялся ряд психометрических инструментов: «Многомерная шкала перфекционизма» В.А. Ясной и С.Н. Еникополова, «Многомерная шкала перфекционизма» И.И. Грачевой и «Опросник перфекционизма» Н.Г. Гаранян и А.Б. Холмогоровой. Материалы обрабатывались с помощью программы SPSS Statistics 19. Оценка различий измеряемых признаков в независимых выборках производилась по t-критерию Стьюдента.

Опираясь на средние значения переменных, проанализируем обнаруженные отличия.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что ряд перфекционных признаков на много интенсивнее представлен в среде ВПО. В сравнении со школьниками, студенты вузов придают гораздо большее значение порядку (различия по шкале «Организованность» значимы при $p \leq 0,04$) и они имеют существенные претензии к другим людям (различия по шкале «Перфекционизм, ориентированный на других» достоверны при $p \leq 0,03$). Также контингент университетов более требователен к себе, чем представители других образовательных систем (по шкале «Завышенные притязания и требования к себе» различия значимы с СОШ при $p \leq 0,01$, а с СПО при $p \leq 0,02$). Эти данные сообщают о подверженности студентов высшей школы стрессовым переживаниям, связанным с собственными и посторонними изъятиями.

Замечено преобладание одного параметра («Родительская критика и сомнения в действиях») в образовательном пространстве СПО над остальными подвыборками (различия с СОШ и ВПО достоверны при $p \leq 0,00$). Очевидно, студенты училищ, колледжей и техникумов больше других опасаются оценок со стороны референтных лиц и обеспокоены качеством своей деятельности. Это позволяет засвидетельствовать фрустрацию потребности в признании и уважении со стороны близкого окружения респондентов из СУЗов.

Итак, проведенное исследование демонстрирует яркие особенности в проявлениях перфекционизма учеников разных образовательных учреждений. Перфекционное мышления наименее выражено в сознании школьников. В учреждениях среднего профессионального образования субъекты считают, что их действия критикуются родителями, а в социальной общности университетов студенты весьма дисциплинированы и самодетерминированы, но вместе с тем они больше других предвзяты к окружающим.

Результаты эмпирической проверки гипотезы о различиях перфекционистских устремлений в зависимости от образовательного уровня индивида демонстрируют, что по мере повышения будущей квалификации растет и перфекционизм учащейся молодежи. Такое положение дел может быть вызвано как социальными предписаниями (разницей в образовательных стандартах при посреднической роли родителей) и установками на конкуренцию, так и внутренней потребностью индивида соответствовать неким эталонам.

Открытые в ходе исследования факты представляют ценность для практического применения. Прежде всего, очевидна целесообразность дифференцированного подхода к психологическому сопровождению учащихся разных образовательных систем.

Новикова Е.С.

РАБОТА ИЛИ ДЕТИ? ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ РАБОТАЮЩИХ И НЕРАБОТАЮЩИХ МАТЕРЕЙ

В настоящее время уровень рождаемости снижается во всех развитых странах. Демографы оценивают подъем рождаемости в России как временный сдвиг графика повторных рождений. Является ли профессиональная занятость и реализация препятствием к рождению детей? Теории детерминации рождаемости сходятся во мнении, что слишком дорогая «цена ребенка» с точки зрения затрат и потерь обуславливает меньшее число детей у женщин с высоким уровнем образования и квалификации.

Мы предположили, что ограничение числа детей в семье связано не со стремлением женщины к профессиональной реализации, а с другими мотивами.

В рамках исследования ценностно-мотивационной сферы матерей мы сравнили работающих женщин и домохозяек. Выборку составили 111 замужних матерей 21-45 лет, проживающие в Санкт-Петербурге, с образованием не ниже среднего профессионального, не имеющие видимых признаков социального неблагополучия. Соотношение работающих / неработающих женщин среди малолетних матерей (1-2 ребенка) составило 42 чел./14 чел., среди многодетных матерей (3-7 детей) 24 чел./31 чел. Использованы методики УСИД Е.Б. Фанталовой и методика цветowych метафор И.С. Соломина.

Результаты методики УСИД показали, что интересная работа одинаково малозначима и для работающих, и для неработающих женщин. Следовательно, занятость по найму побуждается не базовыми потребностями, а иными, например, коммуникативными, на что косвенно указывает более высокая значимость и доступность хороших друзей для работающих женщин ($p \leq 0,05$).

У неработающих матерей ценности «Любовь» и «Счастливая семейная жизнь» оказались более доступными ($p \leq 0,05$). Творчество является и более значимым, и более доступным ($p \leq 0,05$) для неработающих женщин. С одной стороны, домохозяйки бывают более свободны в выборе занятий, с другой стороны, воспитание и развитие ребенка может восприниматься как творческая деятельность.

По общему показателю УСИД неработающие женщины больше удовлетворены жизнью ($p \leq 0,05$). Полагаем, это связано с уверенностью в прочности брака без страха остаться с детьми без обеспечения.

По результатам МЦМ также у обеих категорий женщин работа не попадает в список значимых понятий и не вызывает положительных эмоций. Базовые потребности неработающих женщин составляют семья и дети, любовь, самореализация, отдых, свободное время в настоящем и будущем. В базовые потребности работающих женщин входят здоровье, свобода и отдых, удовлетворение их не связано с настоящим и слабо связано с будущим. Показательно отношение к мужу: домохозяйки, для которых супруг – единственный кормилец семьи, с мужем связывают понятия «секс», «рождение ребенка», «радость» и даже «отдых»; у многих работающих женщин значимость супруга невысока, ни муж, ни замужество не ассоциируются с другими понятиями, что указывает на неудовлетворенность браком.

Актуальный образ Я неработающих матерей связан с замужеством, своей внешностью, здоровьем, домом, материальным благополучием, друзьями; у работающих женщин – с детьми, друзьями, самореализацией и счастьем. В идеальный образ Я неработающие женщины включают любовь, здоровье, отдых, свободу, работу; работающие – семью, любовь, секс, беременность и рождение ребенка, отдых и общение с друзьями. К отдыху стремятся и те, и другие, но отдых видится разным: неработающим хочется вырваться из дома; работающие воспринимают как возможность отдыха рождение ребенка («посидеть дома в декрете»). И та, и другая возможность достаточно иллюзорны; но при нехватке отдыха возникает надежда, что радикальная перемена образа жизни может его дать. У домохозяйек есть желание работать, но желание абстрактное, не связанное ни с профессией, ни с какими-либо реальными действиями. У работающих женщин работа ассоциируется с профессией и будущим, но никак не связана с базовыми потребностями, что указывает на оценку нынешней работы как незначимой и ожидание более интересных возможностей занятости.

Таким образом, препятствием к многодетности является не желание профессиональной реализации само по себе, а приоритет других мотивов.

Одинцова В.В., Дмитриева В.А., Намди Д.М.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФИЛЬМА В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Наряду с семьей и системой образования на сегодня к сильным регуляторам социализации относят средства массовой информации, в том числе кино и медиаконтент. Многие исследователи отмечают негативное воздействие кино на детей (Young, 2012), также демонстрируются возможности использования кино как инструмента повышения эффективности эстетического воспитания (Ю.Н. Усов, 1989), формирования ценностных ориентаций у детей и освоения способов поведения (В.С. Собкин, 1989). Обсуждаются методы использования фильмов в целях обучения и психокоррекции: медиаобразование и фильмообучение (Л.М. Баженова, 1993; Г.Ю. Франко, 2004; Alexander, Lenahan, 2005), групповые формы психотерапии с использованием фильмов (кинотерапия – Berg-Cross et al, 1990; синемалогия – Meneghetti, 1995; использование кино в позитивной психологии – Niemec, Wedding, 2008). Отмечается необходимость положительных примеров взрослых, модели поведения которых может заимствовать ребенок (В.С. Мухина, 1999) и которые могут быть представлены в том числе посредством кино.

Целью нашего исследования является изучение потенциала использования фильма в работе с детьми школьного возраста. В исследовании приняли участие 247 детей в возрасте

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

9-12 лет, которым демонстрировался фильм о реальном опыте побед в спорте. Использованные методики: тест дифференцированной самооценки функционального состояния «САН», методика самооценки эмоциональных состояний А.Уэссман и Д.Рикс, шкала безнадежности будущего (Back 1974), тест на самооценку уровня тревожности Спилберга-Ханина, карты эмоций.

Показано повышение мотивации к достижениям и улучшение психоэмоционального состояния после просмотра фильма. После просмотра было выявлено значимое улучшение показателей самочувствия, повышение активности, проявление мотивации к занятиям спортом. Среди причин симпатии к героям фильма респонденты отмечают любовь к спорту, целеустремленность, внешние данные, способность вдохновлять, искренность.

На экспериментальной группе из 30 детей, в групповой работе с просмотром и обсуждением фильма, было показано, что в результате просмотра фильма снижаются показатели по оценке безнадежности будущего (система негативных ожиданий относительно будущего, а соответственно и негативного образа себя), уровень реактивной тревожности. Корреляционный анализ показал, что изменения оценки безнадежности будущего ниже у детей с низким уровнем личностной тревожности. После просмотра фильма по шкалам «радость», «восторг», «удивление» среднее значение переменной на конец занятия оказалось статистически значимо выше среднего значения переменной на начало занятия ($p < 0,05$) и по шкале «скука», «уныние» и «злость» среднее значение переменной на конец занятия оказалось статистически значимо ниже среднего значения переменной на начало занятия ($p < 0,05$). В ходе просмотра фильма произошла позитивная динамика изменения эмоционального фона у участников эксперимента. Используемый фильм может быть отнесен к «мотивирующим фильмам» для группы детей школьного возраста.

Опыт проведения групповых кинопоказов позволяет сделать ряд рекомендаций. Во время просмотра рекомендуется обратить внимание детей на образы и выборы героев фильма, которые их затронули; эмоциональные переживания героев и самих участников; позитивные модели поведения героев и моменты принятия ими решений в сложных для них ситуациях. После просмотра фильма рекомендуется организовать свободное обсуждение, во время которого участники могут высказать мысли и чувства, вызванные разными эпизодами фильма. Ведущий должен помогать увидеть реальное содержание фильма, обращая внимание на факты и помогая проанализировать свои жизненные ситуации, осознать свои актуальные потребности. Подобная форма работы может помочь педагогам и психологам построить индивидуальную траекторию развития школьников. Результаты исследования использованы в курсе «Психология кино» факультета психологии СПбГУ и рекомендуются к использованию в программах подготовки психолого-педагогических кадров.

Озерина А.А.

СОДЕРЖАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ВОЗРАСТНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ НОРМ

Социально-возрастные профессиональные нормы регламентируют содержание и время решения основных профессиональных задач в процессе всего профессионального пути личности. При этом научных исследований по данной проблеме в отечественной психологии практически не проводилось.

Теоретической предпосылкой нашей работы явились зарубежные научные труды Б. Ньюгартен, В. Голдберга, Н. Шлоссберга, Р. Сеттерстейн и Дж. Хейгестада [2].

Целью данного исследования являлось определение содержания социально-возрастных норм в профессиональной сфере жизни человека.

Для сбора эмпирических данных мы использовали методы интервью и фокус-групп. Выборку составили около 150 представителей обоего пола трех возрастных периодов – ранней, средней и поздней взрослости. Для обработки полученного материала нами был использован метод прогрессивной категоризации [1].

В процессе интерпретации мы опирались на следующий список выделенных нами категорий: дескриптивность (описание того, что делают люди в профессии в определенном возрасте); дескриптивность (описание того, что должны делать люди в определенном возрасте); санкции (отношение общества к невыполнению профессиональных задач к определенному возрасту); мотивация (объяснение того, ради чего человек работает и делает карьеру).

Дескриптивные нормы отражают основные этапы профессионального пути личности. В период ранней взрослости происходят такие события, как окончание вуза, нахождение работы и утверждение себя в профессии. Профессиональные задачи и события средней взрослости в ответах респондентов концентрируются вокруг слов «стабильность», «опыт» и «результат». Основная нормативная задача этого возраста: иметь стабильную работу и стать профессионалом. Профессиональные задачи поздней взрослости не содержат требований к действиям в профессии. Человек работает, пока он может.

Прескриптивные профессиональные нормы оказались непривязанными к конкретному возрастному периоду. Возможно, они являются ключевыми для всего профессионального пути личности. Основная профессиональная норма для всего периода взрослости может быть определена следующим образом: вплоть до пенсии человек обязательно должен работать. Несмотря на существование норм, определяющих профессию как одну из основных сфер человека, нами была выявлена норма приоритета семьи, которая также актуальна на всех этапах взрослости и является обязательной (прескриптивной): в любом возрасте человек должен отдавать предпочтение семье, нежели работе. Также прескриптивность отражена в описании гендерных особенностей выполнения социально-возрастных профессиональных норм. Традиционным, по мнению респондентов, является необходимость решения профессиональных задач, прежде всего, мужчиной.

Особой группой можно выделить описания того, как должно относиться общество к несоблюдению возрастных профессиональных норм. В представлении респондентов безработные или неуспешные в профессии люди заслуживают порицания. При этом больше санкций применяется к мужчинам, нежели к женщинам, а критическим возрастом для их предъявления является сорок лет.

Вопрос о мотивации решения профессиональных задач сводится к инстинктам продолжения рода и заботы о потомстве: «Мы хотим, чтобы после нас что-то осталось».

Таким образом, социально-возрастные нормы в профессиональной сфере предписывают каждому человеку заниматься трудовой деятельностью с момента получения образования вплоть до старости с целью заботы о своей семье, особенный спрос по выполнению данной установки берется с мужчин. Данные нормы также определяют карьеру значимое, но второстепенное место в жизни человека. При этом существует специфика профессиональных задач на каждом возрастном этапе взрослости.

Литература:

1. Чернов А.Ю. Качественный подход в психологическом исследовании. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. 340 с.
2. Neugarten, B. L. The Changing Meanings of Age / B. L. Neugarten, D. A. Neugarten // Psychology Today. - 1987. - № 21. - P. 4-29.

Павлова О.С., Хухлаев О.Е., Миназова В.М.

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МУСУЛЬМАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Целью нашего исследования являлось изучение структуры и содержания различных компонентов религиозной идентичности у мусульманской молодежи по методам К. Лича и Д. Ван Камп, а также выявление взаимосвязи между различными компонентами религиозной идентичности и такими социально-психологическими категориями, как социальное доверие и социальная консолидация.

Социально-психологическое исследование, направленное на изучение религиозной идентичности мусульманской молодежи, было проведено в столице Чеченской Республики, городе Грозном, осенью 2015 года. В исследовании приняли участие 417 студентов первых-вторых курсов ЧГУ и ЧГПУ. Средний возраст респондентов 19 лет. Их них 164 студента – юноши, 253 – девушки. Для обработки результатов исследования использовалась программа IBM SPSS Statistics.

Для изучения религиозной идентичности, ее внешних и внутренних компонентов использовалась методика Д. Ван Камп «Измерение индивидуальных/социальных компонентов религиозной идентичности» (адаптация русскоязычной версии произведена В.А. Шороховой, исламской версии О.С. Павловой). Методика представляет собой опросник из 32 вопросов, по каждому из которых необходимо проставить балл в соответствии со шкалой Лайкерта от 1 (Полностью согласен) до 5 (Полностью не согласен).

Для изучения идентификации с религиозной группой использовалась методика измерения интрупповой идентификации К. Лича в адаптации Е.Р. Агадуллиной и А.В. Ловакова, которая представляет собой опросник из 14 вопросов, по каждому из которых необходимо проставить балл в соответствии со шкалой Лайкерта от 1 (Полностью согласен) до 7 (Полностью не согласен).

Кроме того, в исследование были включены вопросы, используемые для изучения категорий социальной консолидации (вопрос: «В какой степени Вы ощущаете близость с перечисленными ниже группами «в максимальной степени», «в большой степени», «в небольшой степени», «не ощущая совсем»?»), список групп: Люди Вашей веры, вероисповедания; Люди той же национальности, что и Вы; Жители Вашего города; Люди того же достатка, что и Ваша семья; Граждане России) и социального доверия (вопрос: «Как вы считаете, можно ли доверять большинству людей?»), используемые в социологических исследованиях.

Результаты проведенного исследования показали, что религиозная идентичность мусульманской молодежи из Чеченской Республики представляет собой четырехфакторную структуру, в которую вошли следующие параметры (в порядке убывания значимости):

- Индивидуальная духовная идентичность;
- Идентичность по вероисповеданию;
- Социальная духовная идентичность;
- Религия как способ социального взаимодействия.

Изучение идентификации с религиозной группой по методу К. Лича показало, что наибольший вес в структуре религиозной идентичности чеченской молодежи имеют такие компоненты как:

- Удовлетворенность членством в группе;
- Выраженность (центральность) интрупповой идентичности;
- Сплоченность/приверженность группе.

Изучение социальной консолидации показало, что наивысшую ее степень чеченские студенты ощущают с представителями своей религии (мусульманами) и своей национально-

сти (чеченцами), а также с жителями своего города, подавляющее большинство которых также являются чеченцами-мусульманами. Наименьшую степень социальной консолидации наши респонденты проявили в отношении граждан своей страны. Кроме того, исследование выявило низкую степень социального доверия респондентов.

Корреляционный анализ позволил выявить значимые взаимосвязи между различными параметрами религиозной идентичности и социальной консолидацией.

Значимых взаимосвязей не было обнаружено между параметрами религиозной идентичности и гражданской консолидацией. Это означает, что ни рост, ни снижение уровня религиозной идентичности не связаны со степенью ощущения близости с гражданами России.

**Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 15-06-10843*

Парфенова Д. А.

РИСК ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА

Социально уязвимые слои населения требуют особого внимания и социального сопровождения. Люди пожилого возраста и инвалиды, получающие обслуживание на дому, часто переживают дефицит общения, нуждаются в заботе и внимании социального работника. На сотрудника социального центра ложится большая ответственность, он оказывает помимо хозяйственно-бытовой помощи, эмоциональную поддержку, компенсирует дефицит общения клиентов. Поэтому социальные работники оказываются в зоне риска эмоционального выгорания.

Специалисты относят социальных работников, непосредственно взаимодействующих с клиентами, к группе риска по формированию признаков эмоционального выгорания (Бусикова, 2003, Асеева, 2008, Голубева, 2011 и пр.).

Эмоциональное выгорание, вслед за Бойко В.В. (Бойко, 1999), мы определяем как «выработанный личностью механизм психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций в ответ на избранные психотравмирующие воздействия».

В нашем центре были организованы и проведены занятия, направленные на выявление и профилактику профессионального выгорания социальных работников с целью повышения качества оказываемых услуг. Занятия проводились в 2013-2014 году. Участниками групп были 56 женщин. Все они являются социальными работниками и непосредственно взаимодействуют с клиентами. Средний возраст – 52 года. Возрастной диапазон 32-65 лет. Стаж работы от 0 до 24 лет, средний стаж – 12 лет. Занятия проходили в группах по 6-10 человек. Каждая группа встречалась 3 раза по 1,5 часа.

В качестве диагностики использовалась методика В. В. Бойко (Бойко, 1999). Методика Бойко включает оценку трех фаз стресса: напряжение, резистенция и истощение.

По результатам диагностики, путем анализа средних показателей выявлено, что данные по шкале напряжение соответствуют средним. Некоторые показатели стадии резистенции повышены, а именно эмоционально избирательное реагирование (12,2), эмоционально-нравственная дезориентация (14,2) и редукция профессиональных обязанностей (14,7). Помимо этого повышен показатель эмоциональной отстраненности (11,2) фазы истощения. Отмеченное повышение по этим шкалам оценивается как «складывающийся симптом», то есть тенденция к повышению, однако нельзя говорить о сформировавшейся личностной установке относительно профессиональных задач. Существует тенденция к экономии собственных сил

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

и эмоций. Возможно, это связано с тем, что обслуживаемые часто хотят больше внимания и заботы, чем это может дать социальный работник при выполнении профессиональных обязанностей.

В ходе корреляционного анализа взаимосвязи стажа работы социальным работником и показателей эмоционального выгорания не выявлено. Параметр возраста взаимосвязан с показателями экономии эмоций ($p \geq 0,05$) и избирательного эмоционального реагирования ($p \geq 0,01$), а также в целом с сопротивляемостью стрессу ($p \geq 0,05$). То есть чем старше сотрудник, тем в большей степени он склонен к экономии эмоций, а также для него актуальнее сопротивление стрессу.

После проведенной диагностики, которая показывает необходимость психологического сопровождения взаимодействия социального работника и клиента (в частности, в ситуациях конфликта и эмоционального напряжения с целью разрешения напряженной ситуации, дачи рекомендаций сотруднику) были проведены занятия по профилактике профессионального выгорания. В ходе занятий участники осваивали техники саморегуляции, управления своим эмоциональным состоянием, прояснялись личные границы в общении, рассматривались стратегии поведения в конфликте на примере конкретных ситуаций, а также способы снижения напряжения в конфликтной ситуации и актуализация ресурсов. Проведенные занятия показали необходимость тесного сотрудничества психологов и социальных работников для повышения качества обслуживания пожилых людей.

Попова Т.А.

ТРЕВОЖНОСТЬ, АГРЕССИВНОСТЬ И ПЕРЕЖИВАНИЕ ОДИНОЧЕСТВА У РУССКИХ И КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ ПОДРОСТКОВ

Эмоционально-личностные особенности подростков имеют длительную историю изучения в психологии. Тревожность переживается подростком особенно остро, отражаясь на самоотношении, и развитии рефлексии. Защитным механизмом подростковой тревожности является агрессия. Когда возникают трудности и сомнения в достижении успеха, отрицательный эмоциональный опыт личности усиливается, закрепляется в поведении, компенсации, способах защиты и становится устойчивым личностным свойством (А.М. Прихожан, 2000). Подростковый возраст становится предпосылкой возникновения агрессивных форм поведения, переживания одиночества, заброшенности, покинутости и отверженности из-за недостатка поддержки значимыми другими (Л.М. Семенюк, 2008).

В то же время, не так много кросс-культурных исследований, посвященных данной проблеме. Как известно, культура может влиять на проявление и переживание эмоций, а также на их оценку (Мацумото Д., 2003, Триандис Г., 1993). В нашем исследовании сравнивались показатели агрессивности, тревожности и субъективного переживания одиночества у подростков, принадлежащих к различным культурам (русские и коми-пермяки). Мы предположили, что существуют различия показателей эмоционально-личностной сферы русских и коми-пермяцких подростков. Диагностический инструментарий включал тест школьной тревожности Б.Н. Филиппса, методику диагностики уровня субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона, опросник изучения агрессивности Басса-Дарки. Исследование проводилось в феврале-марте 2016 г. Общая выборка составила 88 подростков в возрасте 13-14 лет (48 русских (г.Пермь)) и 40 коми-пермяков (Коми-пермяцкий национальный округ). Результаты исследования показали, что у коми-пермяцких подростков ниже показатели школьной тревожности (переживание социального стресса – $t\text{-кр.}=2,13^*$, страх ситуации проверки знаний

$t\text{-кр.}=4,79^{***}$, страх несоответствия ожиданиям окружающих $t\text{-кр.}=2,04^*$). Коми-пермяки также менее агрессивны, чем русские подростки (негативизм – $t\text{-кр.}=4,02^{***}$, обида – $t\text{-кр.}=2,02^*$), у них менее выражено чувство субъективного переживания одиночества ($t\text{-кр.}=4,03^{***}$). Можно предположить, что данные различия связаны с особенностями национального характера коми-пермяков (спокойные, сдержанные, уравновешенные, молчаливые, дружелюбные, трудолюбивые, но и тревожные, стеснительные, застенчивые, неуверенные (С.С. Шляхова, 2014). Характеристики национальных черт достаточно противоречивы. Чем же объяснить более низкие показатели изучаемых свойств? Большую роль могут играть социокультурные факторы (испытываемые подростки – коми-пермяки – сельские жители из многодетных семей, образ жизни и культура коми-пермяков в целом коллективистичны). Русские подростки – жители миллионного города, в котором формируется индивидуалистическая ориентация. Различия могут быть связаны также с разным уровнем формирования самооценки и рефлексии подростков, гендерными особенностями, личностной зрелостью в целом.

Пушкина А.В.

ИССЛЕДОВАНИЕ СВЯЗИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И ПРЕДПОЧТЕНИЙ В ИСКУССТВЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Ценностные ориентации, выступающие в качестве определенных образцов оценивания окружающего мира, создают основу выбора личностных предпочтений в различных сферах жизни молодого человека, в том числе в области художественной культуры и искусства. С точки зрения Д.А. Леонтьева, запросы, предъявляемые к искусству человеком, связаны с ценностно-смысловой организацией личности, а именно ее системой ценностей, установками, жизненным опытом и опытом общения с искусством. Не смотря на наличие большого количества эмпирического и теоретического материала, собранного в ходе исследований художественных интересов различных социальных групп, в том числе молодежи, проблема отношения молодых людей к различным видам искусства на основе связи с системой ценностных ориентаций, изучена недостаточно.

В рамках нашего исследования изучение связи художественных предпочтений и ценностных ориентаций проводилось на выборке представителей петербургской молодежи в возрасте от 17 до 30 лет: школьники старших классов, студенты, аспиранты, молодые специалисты. В общей сложности на разных этапах исследования в работе приняло участие 160 человек; на основном этапе — 104 человека (32 юноши, 72 девушки).

Для оценки отношения к различным видам и жанрам искусства была разработана авторская анкета. В качестве основной методики для выявления доминирующих ценностных ориентаций участников исследования использовался опросник Ш. Шварца. Для выявления смысловых ориентаций была использована методика Д.А. Леонтьева (тест СЖО).

По результатам исследования были выявлены особенности отношения к различным видам и жанрам в искусстве у разных социально-демографических групп, определены доминирующие ценностные ориентации, как по всей выборке, так и для респондентов разного пола и возраста.

Анализ средних показателей по пунктам опросника Ш. Шварца по группам респондентов, предпочитающих разные виды искусства, позволили выявить определённые различия в ценностных ориентациях. Наиболее ярко эти различия проявляются при разделении групп по полу.

Для того чтобы определить характер связи между предпочтениями в искусстве и ценностными ориентациями был проведен корреляционный анализ (с использованием коэффици-

ента корреляции г-Спирмена). Полученные результаты позволяют сделать вывод, что жанры в рамках различных видов искусства имеют определенную смысловую компоненту, вступающую в корреляцию с ведущими ценностными ориентациями личности.

В ходе исследования также были выявлены значимые корреляционные связи ($p=0,05$) между важнейшими характеристиками любимых персонажей произведений искусства и ценностными и смысловыми ориентациями респондентов.

Использованный в рамках нашего исследования социально-психологический подход, предполагающий включение ценностных ориентации в изучение художественных предпочтений, позволяет более полно охарактеризовать общую структуру личности молодого человека, приблизиться к прогнозированию его поведения.

Романов И.В.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК НОВАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Интенсивное развитие высоких технологий и микроэлектроники оказывает своё влияние на всех уровнях социального устройства. Создаются предпосылки для возникновения общества символической информационной культуры в планетарных масштабах. Жизнь отдельного человека и общества в целом всё больше погружается в контекст техносферы и информосферы. Это приводит к ускорению субъективного переживания времени современным человеком, интенсификации ритмов жизни [2]. Исследователями накоплено множество фактов в пользу того, что топологическое и метрическое свойство пространства и времени живых систем отличается от систем неорганических и тесно связано с информацией. По И. Земану, одинаковому количеству физического времени соответствует всё большее количество поглощаемой и накапливаемой информации. М. Хайдеггер в своих работах убедительно показал, что техника не просто конструирует «технический мир», она подчиняет своему императиву почти всё пространство социального бытия, оказывая влияние на осмысление истории, в частности на её периодизацию. Не вызывает сомнения, что последствия «вторжения» информационных технологий – невероятно многообразны, а в отдалённой перспективе и непредсказуемы [1]. Исследователи и создатели кибернетических систем полагают, что, создав компьютер, человек создал систему, моделирующую различные виды мыслительной деятельности – создал свой интеллектуально-информационный аналог, создал псевдосубъекта. Взаимодействуя с современными техническими средствами человек, испытывает на себе их непосредственное влияние, что является уже не столько технической, сколько гуманитарной стороной взаимодействия. Как отмечает Спирова Э.М., сама экзистенциальная ситуация современного человека искажена, вовлечена в парадоксальную симулятивную темпоральность [3]. Новые коммуникативные реальности, базирующиеся на основе современных информационных технологий, порождают, пользуясь терминологией Ж. Бодрийяра – симулякры и симуляции. Здесь симулякр – это нечто, за чем нет смысла и содержания. Фальшивка, обманка. С этой точки зрения, информационные технологии манипулируют временем. Симулякр – особый эффект времени, когда оно утрачивает свой линейный характер и разворачивается в бесчисленных копиях различных виртуальных, коммуникативных реальностей [4].

Принципиальной особенностью информационных технологий является необходимость создания искусственной, контролируемой среды для их существования. Другими словами, информационно-технологические процессы могут протекать только в контролируемой искусственной среде, только в этом случае возможна их полная автоматизация. С точки зре-

ния психологии и социальных ценностей, происходит постепенная специализация в развитии информационных технологий на Запад и Восток. Компьютерные технологии развиваются преимущественно на Западе, Восток (прежде всего, Китай) проявляет интерес к осмыслению самого понятия «информации», подразумевая при этом среду распространения технологий. Технологии не могут существовать без этой среды. Возможно конфуцианская мудрость уловила этот момент. Современными исследователями подчёркивается, что данная схема современного этапа развития информационных технологий может показаться надуманной, однако она с поразительной точностью реализуется в самых разнообразных ситуациях [5].

Литература:

1. Спиркин А.Г. Философия: учебник для бакалавров. – М: Издательство Юрайт, 2014, 828 с.
2. Богдановская И.М., Зайченко Т.П., Проект Ю.Л. Информационные технологии в психологии и педагогике: учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2015. – 304 с.
3. Спирова Э.М. Философско-антропологическое содержание символа. – М: «Канон+» РООИ «Реабилитация, 2012. – 336 с.
4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции; пер. с фр. А. Качалова. – М: ПОСТУМ, 2016. – 240 с.
5. Бубнов В.А. Информатика и информация. Знаково-символьный аспект. Монография – М: Бином. Лаборатория знаний, 2015, 320 с.

**Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 14-06-00457*

Рягузова Е.В.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ ЧУЖАКА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ КОНТЕКСТА

Социальная категоризация представляет собой сложный процесс отнесения человеком воспринимаемых им людей к тем или иным социальным категориям (Тэджфел, Тернер, 1986; Гулевич, 2007). Она имеет систему нелинейных детерминаций и зависит от множества факторов и их сочетаний: личностных и социально-психологических качеств субъекта категоризации (особенностей личности и когнитивных процессов, иерархии установок и ценностей, экзистенциальных смыслов и содержания опыта); специфики самой социальной категории (объем, доступность, четкое содержательное наполнение или размытость); своеобразия объекта категоризации (знакомый-незнакомый, приятный-неприятный, свой-чужой); характера отношений между субъектом и объектом категоризации; контекста, в рамках которого она осуществляется.

Цель эмпирического исследования: выявить особенности социальной категоризации Чужака в зависимости от контекста, который задается различными задачами: определение Чужака, атрибуция ему характерных свойств и исключения лишнего при предъявлении визуального ряда.

Методы исследования: опрос, проводимый по специально составленной анкете, направленный на рефлексии Чужака, его описание в различных ситуациях взаимодействия, а также метод айтрекинга, позволяющий фиксировать и распознавать позицию зрачка и изменять траекторию движения глаз при предъявлении визуальных стимулов.

Выборка: в исследовании принимали участие 75 человек – студенты факультета психологии СГУ им. Н.Г. Чернышевского (M=20,8; 1,76).

Результаты

Результаты анкетирования свидетельствуют о неоднородности смыслового контента понятия «Чужак»: респонденты относили к этой категории Другого, Иного, Постороннего, Незнакомца, Врага, соответственно, атрибутируя той или иной фигуре различные, порой амбивалентные качества, аффективная наполненность которых включает в себя тревогу, напряжение, раздражение, враждебность, иногда удивление, интерес и любопытство. Сдвиг ситуационного контекста (нахождение вместе с Чужаком на нейтральной территории; пребывание на его территории; Чужак в статусе Гостя; выполнение совместной деятельности; проведение досуга) приводит к трансформациям эмоциональных и функциональных характеристик Чужака и указывает на отсутствие универсальной качественной определенности репрезентации «Чужака».

Результаты, полученные при социальной категоризации визуальных изображений (представители разных возрастов, полов, расовых и этнических групп), указывают, что основными критериями исключения выступают самые доступные категории (возраст и раса), а также особенности оформления внешности (прическа, очки, одежда), характер улыбки, физическая аттрактивность. Не во всех предъявляемых рядах, где присутствует представитель другой расы, доступной оказывалась именно эта категория, что может свидетельствовать о том, что социальная категоризация осуществляется на основе целостной системы критериев, имеющих различные веса и субъективную значимость. Анализ полученных оculoграмм позволяет констатировать, что перцептивная активность и процесс социальной категоризации могут осуществляться как синхронно, так и асинхронно.

Выводы

Образ Чужака формируется в процессе развития, обучения, воспитания, в ходе социализации и инкультурации через усвоение правил, норм и стандартов, выработанных и транслируемых в обществе и культуре, к которым принадлежит личность. Содержательно этот образ многолик, гетерогенен и полифункционален. Он выступает как различительный маркер, дифференцирующий свое и чужое; обозначает границы ингруппы; представляет собой необходимый элемент Я-образа; регулирует реальные взаимодействия личности с Другими; является ресурсом для саморазвития и индикатором базового разделения «хороший-плохой», «опасный-безопасный», «мы-они».

При социальной категоризации личность использует целостную систему категориальных критериев, отличающихся доступностью, простотой, субъективной значимостью. Движения глаз, выступая предикторами познавательного процесса, не являются таковыми при социальной категоризации Чужака.

Сидоренко Е.В.

ВОЗМОЖНОСТИ ДИСТАНЦИОННОГО ТРЕНИНГА

Тренинг направлен на создание такой среды, в которой участники получают опыт применения новых концепций и технологий действия (методов достижения определенного результата). Тренинг традиционно считается активной и интерактивной формой обучения, то есть методом, предполагающим активное взаимодействие участников тренинга между собой и с ведущим (тренером). В связи с распространением дистанционных форм обучения наблюдается тенденция преобразовывать в дистанционные курсы не только лекционные, но и тренинговые программы. Возникает вопрос, как совместить интерактивность с дистанционной формой обучения. Рассмотрим эти возможности.

1. «Метод задач». Большая часть информации тренером переводится в задачи, кейсы, вопросы с несколькими вариантами ответов или в иные задания. Например, в тренинге эмо-

ционального интеллекта участникам предлагается определить, как базовые эмоции влияют на производительность, и идентифицировать соответствующие кривые на предложенном графике. После этого тренер в видео-лекции дает пояснения и «правильные ответы». В тренинге управления мотивацией участникам предлагается самостоятельно оценить мотивационные проблемы по степени их значимости для современных компаний, а затем тренер в видео-лекции приводит соответствующие статистические данные. У тренера должны быть готовы ответы на каждый из поставленных вопросов экспериментальные данные, статистика ответов, суждения экспертов, и т.п. Главная сложность состоит в том, что психологическое содержание трудно преобразовать в задачи с точно сформулированными ответами. Происходит неизбежное упрощение психологической реальности, вызванное необходимостью свести все многообразие человеческих реакций к трем-четырем вариантам ответа, без возможности что-то пояснить, смягчить или заострить в процессе выполнения упражнения, как это может сделать тренер в обычном, не дистанционном, тренинге. «Метод задач» характеризуется интерактивностью, однако он направлен на получение знаний, а не опыта.

2. «Метод игры». Это геймификация, то есть преобразование содержания тренинга в игру. От «метода задач» данный метод отличается тем, что в игре присутствуют сюжет, цель, действующие лица и временные ограничения. Участник должен достичь какой-то цели, например, кого-то спасти или кого-то победить. На пути возникают препятствия, которые нужно преодолеть, применяя технологии эмоционального интеллекта, психологического влияния, разрешения конфликтов и др. Решения нужно принимать быстро, и поэтому участник не только размышляет, но и «действует», быстро нажимая ту или иную комбинацию кнопок на клавиатуре. В играх обычно задаются разные уровни трудности, и если участник не набирает нужного количества баллов, то автоматически оказывается сброшенным к началу соответствующего уровня (этапа) игры, и вынужден проходить его заново. На первый взгляд, повторное прохождение одних и тех же препятствий должно развивать привычку выбирать «правильный» ответ. Наблюдение за игроками, однако, показывает, что гораздо быстрее они научаются выполнять задание формально, запоминая не суть ответа, а его номер или обозначение, например, а, б, в или г. Для того, чтобы избежать формального прохождения тренинга, необходимо сложное программное обеспечение, фактически компьютерная игра. Не справившийся с определенным этапом игрок должен будет проходить этап вторично уже по другому варианту, а в случае новых неудач – по третьему или четвертому вариантам. Множественность вариантов должна быть предусмотрена на каждом этапе, что в конечном итоге превращает тренинг в компьютерную игру. Можно предположить, что для создания дистанционного тренинга потребуется целая команда специалистов: сценариста, программиста, режиссера, оператора, актеров, мультипликаторов, специалистов по компьютерной графике и др.

Содержательные и технические трудности в создании дистанционного тренинга ставят перед социальными психологами особую научно-практическую задачу, которую предстоит решить в ближайшем будущем.

Ситников В.Л., Кедич С.И., Мынто К.С.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕРЦЕПЦИИ И ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ НЕФОРМАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖИ

Молодежь, имеющую отношение к различным субкультурам, отклоняющимся от «формальных» норм, принято называть «неформальной». Очень многие люди относятся к «неформалам» весьма осторожно, если не с опаской. Сегодня, когда в мире все активнее действуют террористические организации, такое настороженное отношение мало кого удивляет. Орга-

низация ИГИЛ (запрещена в России) ведет активную пропаганду своих ценностей и идеалов для привлечения в свои ряды молодых людей и прежде всего, они обращают свое внимание на представителей неформальных сообществ. Этим, в частности, определяется актуальность нашего исследования.

Для возраста, в котором активно пополняются ряды «неформалов» (как правило, подростковый и юношеский возраст), характерны две противоречивые, разнонаправленные тенденции: идентификация и эмансипация. Это противоречие приводит к тому, что у молодежи размыты ценности. Стараясь не быть «как все», они, в то же время, хотят быть частью какой-то группы. Возрастает вероятность того, что в поисках себя молодые люди будут выбирать в качестве референтной группы так называемые «контркультуры», которые нередко противопоставлены обществу [1].

Целью нашего исследования было изучение особенностей жизнестойкости и содержания образа Я, образов друга и недруга у неформальной молодежи, относящейся к группе «контркультуры».

Объектом исследования стали юноши и девушки в возрасте от 18 до 24 лет, принадлежащие к неформальным субкультурам (преимущественно панк и готической культурам) в количестве 46 человек.

Исследование проводилось с помощью методики С. Мадди «Тест жизнестойкости» (адаптация Д.А. Леонтьева) [2] и методики «СОЧ(И) – структура образа человека (иерархическая)» В.Л. Ситникова [3].

Результаты эмпирического исследования показали, что более 60% «неформалов» имеют средний уровень жизнестойкости по таким компонентам, как вовлеченность и контроль. Но по такому компоненту жизнестойкости, как принятие риска, 61% испытуемых имеют высокие значения. Они готовы рисковать в любом случае, даже если шанс на успех ничтожен или стремится к нулю, для них комфорт и безопасность не являются целью.

Сравнение структур Я-образов, образов друга и недруга «неформалов» показывает, что себя «неформалы» оценивают в основном позитивно или нейтрально, однако также замечают и негативные качества. По сравнению с другими образами, в Я-образах они отмечают значительно больше конвенциональных и деятельностных компонентов. Можно предположить, что эти молодые люди, все же, стремятся себя идентифицировать с принятыми в обществе социальными ролями.

Для образа недруга характерны не только негативные характеристики, но и позитивные. Т.е. неформалы считают неприятелей не закоренелыми негодьями, злодеями, а людьми, у которых, несмотря на большое количество негативных характеристик, есть свои плюсы. Именно это представление о недругах, которыми большинство из них считает террористов, может служить тем «ключиком», которым вербовщики пользуются для вовлечения молодежи в свои ряды.

Друг, как и положено антиподу недруга, является человеком с огромным количеством позитивных характеристик, однако, он не идеален, у него присутствуют и негативно окрашенные определения, что вполне соотносится со стереотипом представлений о представителях контркультуры. По мнению неформалов, образ друга является более позитивно окрашенным, нежели образ Я. Это может свидетельствовать как о том, что неформальная молодежь имеет тенденцию к занижению самооценки, так и о том, что её представители изначально стремятся выбирать друзей, в чем-то превосходящих их самих.

Литература:

1. Ермакова Е.С., Комарова А.В., Ситников В.Л. Психология и педагогика высшей школы: учебное пособие. – СПб.: Петербургский гос.ун-т путей сообщения, 2013. – 171с.
2. Ситников В. Л., Большухин А. А., Кедич С. И. Социальная зрелость и жизнестойкость студенческой молодежи // Карминские чтения / Под ред. В.Л. Ситникова. СПб.: ФГБОУ ВПО ПГУПС. 2015, С.31-37.

Скитневская Л.В.

ИССЛЕДОВАНИЕ МОТИВАЦИИ УПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ МОЛОДЕЖЬЮ

Современная цивилизация, к сожалению, не даёт уверенности человеку в успешном завтрашнем дне. Многие негативные явления, которые наблюдаются сейчас среди молодежи, являются результатом неблагоприятного социального развития. Тревожной тенденцией современности является рост девиантного поведения, в том числе и употребления алкоголя. Результаты современных исследований показывают, что среди молодежи потребление алкоголя приобретает массовый характер. По данным М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги, 65,6% респондентов в возрасте от 11 до 24 лет употребляют алкогольные напитки [2]. Согласно опросу фонда общественного мнения, 36% часто употребляющих алкоголь и 36% регулярно употребляющих алкоголь – лица в возрасте 18-30 лет [3]. Данные исследования Цветковой Л.А. показывают, что 86,8% молодежи в возрасте от 18 до 24 лет употребляют алкогольные напитки [4]. Кроме того, в современных условиях экономической ситуации, состояние молодежи становится еще более неоднозначным. Общественное благополучие отображается на состоянии самочувствия данной общественной группы населения. Велик процент молодых людей, не имеющих работу, половина работающей молодежи работает не по своей специальности, которую получила в процессе получения образования. Плюс ко всему пристрастие к спиртному, которое в ещё большей степени ухудшает положение молодежи. Отсюда у молодежи появляются беспокойство, отчаяние, недовольство, вандализм, что говорит о наличии социальной напряженности между молодыми людьми, ведущей, в свою очередь, к дальнейшему отречению от общества. Тесную связь личностных свойств с общественным устройством отмечал Б.Г. Ананьев. Он выделял совокупно действующие факторы формирования личности: наследственность, влияние среды, воспитание в широком и узком смысле слова, собственную практическую деятельность человека. При этом наследственные, врожденные, индивидуальные свойства, по мнению ученого, выступают как предпосылки формирования личности, в то время как социальные факторы играют решающую роль в усвоении индивидом социального опыта, в его социализации [1]. Многообразие связей личности с обществом, различными социальными группами и институтами детерминирует интраиндивидуальную структуру личности, ее внутренний мир. Сформировавшиеся личностные образования регулируют активность и направленность взаимодействия человека с внешним миром, обуславливают модальность его отношений с другими.

Для того, чтобы предотвратить развитие алкоголизации среди молодежи, необходимо создать меры высокой профилактической и агитационной работы, для этого мы должны знать, какие мотивы влияют на потребление алкоголя молодежью.

Выборку исследованиям составили 490 человек. В исследование были отобраны анкеты в которых содержался положительный ответ на вопрос «Употребляете ли Вы алкогольные напитки?». 419 респондентов сообщили, что употребляли алкогольные напитки в течении последних трех месяцев предшествующих опросу, что составило 86% от выборки респондентов. Возраст участников исследования варьировался от 18 до 24 лет, средний возраст испытуемых 20,8 лет. Для изучения мотивации потребления алкоголя использовалась методика МПА В.Ю. Завьялова.

Преобладающими мотивами употребления алкоголя у молодежи являются: традиционные; псевдокультурные и гедонистические мотивы. Мы выяснили, что для молодых людей референтный и гедонистический мотивы является более ярко выраженным и более значимыми, чем у девушек ($p \leq 0,05$).

Литература:

1. Ананьев Б.Г. О психологических эффектах социализации // Человек и общество. Л., 1971.
2. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет: монография. Изд-е 2-е. М.: ИС РАН, 2010. 592с.
3. Семенова В.Г., Антонова О.И. и др. Потери населения России в 2000–2008 гг., обусловленные алкоголем: масштабы, структура, тенденции // Социальные аспекты здоровья населения. 2010. Т. 14, № 2
4. Цветкова Л.А., Антонова Н.А. Распространённость рискованных форм поведения в сфере здоровья среди студентов младших курсов// Вестник СПбГУ.Сер.12.2010. Вып.4 С.83-93

Сланбекова, Г.К., Сланбекова Г.К., Кабакова М.П.

**ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ
СОВЛАДАНИЯ С ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАВМОЙ В СИТУАЦИИ
РАЗВОДА**

В рамках диссертационной работы (PhD) проведено исследование роли социально-психологических факторов в совладании с психологической травмой в ситуации развода. Исследование проведено в период с января 2014 по май 2015 года, в г. Алматы. Выборку составили 120 человек, на момент исследования разведенных или находящихся на заключительной стадии развода, в возрасте от 20 до 60 лет (87 женщин и 33 мужчины).

Методы исследования: 1) Разработанная авторами социально-психологическая анкета; 2) «Опросник эмоционального интеллекта» Д.Б. Люсина; 3) «Опросник общего здоровья» Д. Голдберга; 4) «Диагностическая шкала посттравматического стресса» Э. Фoa, в адаптации Сланбековой Г.К.; 5) «Шкала приспособления к разводу» Б. Фишера, в адаптации Сланбековой Г.К., Кабаковой М.П.; 6) Личностный опросник NEO PI-R П. Коста и Р. Мак-Крае, в адаптации В.Е. Орёл, И.Г. Сенина; 7) «Опросник способов совладания со стрессом» Ч. Карвера, в адаптации Т.О. Гордеевой, Е.Н. Осина. Методы математической статистики (U-критерий Манна-Уитни, H-критерий Крускала-Уоллиса, t-критерий Стьюдента, коэффициент линейной корреляции r Пирсона, регрессионный, факторный и медиационный анализы).

Выводы:

1. Анализ теоретических концепций и подходов в исследовании проблемы разводов и постразводного кризиса показал эффективность рассмотрения проблемы совладания с психологической травмой в ситуации развода с позиций системно-деятельностного подхода. Это позволило предложить концептуальную схему анализа ситуации развода и выявить социально-психологические факторы, влияющие на процесс совладания с психологической травмой в ситуации развода. Данную схему можно представить следующим образом: целостность семьи как социально-психологической системы обеспечивается формированием общего фонда информации (ОФИ) и общего фонда смысловых образований (ОФСО) в процессе общения и совместной жизнедеятельности супругов. В результате разрушения семейной системы прекращается совместная жизнедеятельность супругов, т.е. прекращается взаимодействие и общение супругов во всех сферах семейной жизни. На место совместной жизнедеятельности приходит псевдо-совместная и/или индивидуальная деятельность. Вследствие распада супружеских отношений возникает дефицит общения у каждого из супругов, требующий замещения и/или восполнения функций бывшего супруга/партнера в процессе взаимодействия и диалога.

Проведенное нами экспериментальное изучение роли субъект-субъектного «замещающего» общения со значимым другим позволило рассматривать его в качестве условия успешного совладания с психологической травмой в ситуации развода. Психологическая помощь разведенным и разводящимся строилась на принципах «замещающего общения».

2. Успешность постразводного совладания с психологической травмой в ситуации развода сопряжена с социально-психологическими характеристиками разведенных. В частности, мужчины по сравнению с женщинами более адаптивны; чем больше стаж семейной жизни, тем сложнее происходит адаптация к ситуации развода; чем старше по возрасту разведенный супруг, тем больше у него трудностей в физической и эмоциональной сфере; чем больше времени прошло с момента развода, тем более выражены негативные переживания; чем выше уровень нейротизма у разведенного, тем он менее адаптивен в ситуации развода; чем больше разведенный использует проблемно-фокусированный копинг, тем успешней протекает его постразводная адаптация.

3. Проведена работа по созданию русскоязычного варианта двух опросников, направленных на определение особенностей переживания и приспособления к постразводной ситуации, и их адаптации на казахстанской выборке.

Сланбекова Г.К.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРЕНИНГ В РАБОТЕ С РАЗВЕДЕННЫМИ СУПРУГАМИ

Актуальность и своевременность данного исследования обусловлена сложившимся противоречием между объективной необходимостью в осуществлении психологической поддержки и помощи членам семьи в ситуации развода и недостаточной разработанностью в отечественной психологической литературе и практике методологических основ и инструментария для их реализации. Насущная потребность в осуществлении консультативной работы с разведенными людьми связана с наблюдающейся в настоящее время тенденцией к увеличению количества разводов, и, как следствие, с увеличением числа людей, нуждающихся в квалифицированной психологической помощи в данной кризисной ситуации.

Исследование проведено в период с января 2014 по май 2015 года, на базе центра социальной поддержки семьи «Дана», психологического центра «Аялы» (г. Алматы).

Выборку составили 24 человека (N=24, средний возраст 32,5 лет), на момент исследования разведенных или находящихся на заключительной стадии развода, в возрасте от 25 до 52 лет (20 женщин и 4 мужчин). Экспериментальную группу составили 12 человек (N=12), которые приняли участие в тренинге; в контрольную группу вошли 12 человек (N=12), не принимавших участия в тренинге. Продолжительность постразводного периода участников исследования составила не более 2-х лет.

Методы исследования: 1) с целью определения особенностей переживания и приспособления к постразводной ситуации нами был использован Опросник «Шкала приспособления к разводу» Б. Фишера (FDAS), в адаптации Сланбековой Г.К., Кабаковой М.П. для русскоязычной выборки Казахстана; 2) для определения психологического благополучия и эмоциональной стабильности личности использован «Опросник общего здоровья» Д. Голдберга. В качестве метода математической статистики был использован t-критерий Стьюдента для независимых и зависимых выборок.

Проведенное исследование состояло из нескольких этапов: 1) Проведение 1-го психодиагностического замера в обеих группах; 2) Организация и проведение психологического

тренинга и консультаций с участниками экспериментальной группы; 3) Проведение 2-го психодиагностического замера в обеих группах через 1 месяц после тренинга; 4) Проведение 3-го психодиагностического замера в экспериментальной и контрольной группах через 3 месяца после тренинга.

Выводы:

1. Распад супружеских отношений приводит к возникновению дефицита общения между супругами, требующего замещения и/или восполнения функций бывшего супруга/партнера в процессе взаимодействия и диалога. Согласно нашему предположению, в роли замещающей фигуры может выступать любой другой человек, например, значимый другой – родственник, новый партнер или психолог. Результаты проведенного экспериментального исследования диалогического взаимодействия разведенных супругов и психолога в условиях специально организованного психологического тренинга, позволяют рассматривать данную форму работы в качестве условия совладания с постразводным кризисом. Психолог и другие участники тренинговой группы выступили в качестве значимых других, в результате взаимодействия с которыми у разведенного человека появляется возможность завершить развод с бывшим супругом на эмоциональном уровне. Вследствие этого участие в тренинге привело к повышению показателей успешности постразводного совладания, и, как следствие, к улучшению показателей физического и психического здоровья разведенных ($t=-3,29$; $p<0,001$). Следовательно, тренинг выступает эффективным средством в совладании с психологической травмой в ситуации развода.

2. На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что поскольку развод для многих является серьезнейшим испытанием, справиться с которым под силу не каждому человеку, своевременное обращение разведенного за помощью к специалисту, поможет пережить развод и сбалансировать эмоциональное состояние человека.

Смирнова Ю.С., Зайцева Ю.В.

СОЦИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ ЛЮДЕЙ С ХРОНИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ В ОТНОШЕНИИ ЗДОРОВЫХ ЛЮДЕЙ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИНГРУППЫ

Исследования предубеждений и стигматизации концентрируют внимание на изучении отношения «нормального» большинства к меньшинству, отклоняющемуся от нормы, в том числе на изучении отношения здоровых людей к больным. А каковы социальные установки людей, обладающих каким-то серьезным заболеванием, в отношении своей группы, а также аутгруппы? С целью определения их содержания было проведено эмпирическое исследование.

Для сбора данных использовались семантический дифференциал и специально составленная анкета. В исследовании приняли участие 57 человек с хроническими заболеваниями. По 42-м заранее выявленным на основе опроса биполярным шкалам респондентов просили оценить типичного здорового человека и типичного человека, имеющего хроническое заболевание. На основе этих оценок была определена факторная структура социальных установок по отношению к здоровым людям, состоящая из 4-х факторов (суммарная объясненная дисперсия равна 50,308%): «эмоциональное благополучие», «ответственность и сочувствие», «беспомощность», «самолюбие и неустойчивость». Факторная структура социальных установок по отношению к людям с хроническими заболеваниями также включает 4 фактора (суммарная объясненная дисперсия равна 45,216%): «эмоциональное и физическое благополучие», «неу-

стойчивость и слабость», «беспокойство о собственном здоровье и сочувствие окружающим», «угнетенность заболеваниями».

Характер и последствия предубеждений и стигматизации различны в зависимости от того, насколько стигма является заметной для других людей. Чтобы избежать отвержения, человек может попытаться скрыть наличие стигмы, если это возможно. Наиболее актуальной проблема стигматизации будет для людей, которые не имеют такой возможности. Было выдвинуто предположение, что люди со стигмой хронического заболевания разной степени очевидности для окружающих будут, в свою очередь, по-разному относиться к аутгруппе в лице здоровых людей, а также к ингруппе в лице людей с хроническими заболеваниями. Для проверки этого предположения выборка была разделена на три части: 39 человек оценили свое заболевание как «малоочевидное» (незаметное для окружающих; другим может стать известно о нем, только если сам болеющий расскажет); 13 человек имеют заболевание средней степени очевидности (оно заметно для постоянного круга общения; посторонние люди не могут отличить человека от здорового); 5 человек высоко оценили степень очевидности своего заболевания (из-за наличия внешних проявлений его сложно скрыть, окружающие легко узнают о его наличии).

Люди с хроническими заболеваниями средней степени очевидности для окружающих в сравнении с людьми, имеющими «малоочевидные» заболевания, более высоко оценивают самолюбие и неустойчивость здоровых людей, а также беспокойство о собственном здоровье, сочувствие окружающим, эмоциональное и физическое благополучие представителей своей группы. Установки в отношении членов аутгруппы здоровых людей содержат представления о них как в меньшей степени сочувствующих, заботливых и беспокоящихся об окружающих, менее внимательных к своему здоровью, чем представители ингруппы.

Таким образом, в восприятии людей с хроническими заболеваниями здоровые люди предстают как эмоционально благополучные, ответственные, сочувствующие окружающим, самолюбивые и неустойчивые, а представители ингруппы – как в целом благополучные, беспокоящиеся о собственном здоровье и сочувствующие окружающим, но при этом неустойчивые, слабые и угнетенные своим заболеванием. Причем, чем выше степень заметности недуга, тем менее позитивно отношение человека к здоровым людям и более позитивно – к больным. Иными словами, чем более очевидна для окружающих стигма хронического заболевания, тем более выражены проявления ингруппового фаворитизма и аутгрупповой дискриминации в социальных установках стигматизируемых.

Смирнова Я.К.

ОРИЕНТИРОВОЧНАЯ ОСНОВА СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОШКОЛЬНИКОВ

В науке произведен анализ представлений об понятие ориентировочной основы действий, что позволяет содержательно раскрыть данный феномен как систему репрезентаций субъекта о цели, программе, средствах и условиях осуществления предстоящего или выполняемого действия и поэтапности формирования ориентировочного действия (А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, Н.Ф. Талызина, В.В. Давыдов, А.Г. Лидерс, А.И., Л.С. Цветкова). Изучена роль ориентировки в произвольной регуляции деятельности (Запорожец А.В., Анохин П.К., Бирюкова Д.А., Д.Б. Годовикова), ориентировка анализируется как система условий, на которые ориентируется человек при выполнении действия (В.П. Зинченко), в том числе в ходе ознакомления с новой ситуацией (Д.Б. Годовикова), ориен-

тировочная основа действия осмыслена как синпрактическая поисковая деятельность, в процессе которой выделяются компоненты ситуации и существенные взаимоотношения между ними (Н.Н. Поддьяков). Проведён анализ ориентировочной основы действий в рамках проблемы «латентного обучения» (I. Deese, D. Thistlethwaite, Д.Б. Годовикова), показана роль речи и словесной инструкции как «дополнительной афферентации» в процессе ориентировочного действия («словесной организации ориентировки») (А.Р. Лурия, О.К. Тихомиров, Д.Б. Эльконин, Т.В. Ендовицкая, М.И. Лисина). Социально-психологический контекст представлен исследованиями ориентировки в структуре совместной деятельности (Е.И. Гамова, А.С. Чернышев, Р.С. Семенов, А.Н. Журавлёв). Однако остаётся мало изучена проблема отображения ориентировки в структуре совместной деятельности и верификации регуляционных возможностей ориентировочной основы действия в общей структуре совместной деятельности.

Методы исследования. Стандартизированные психодиагностические методики: методика «сделаем вместе», методика проблемных ситуаций «одень куклу», «мозаика», авторская методика, направленная на исследование подверженности влиянию сверстников. Создание экспериментальной ситуации группового взаимодействия для экспертной оценки методом шкалирования и ранжирования поведенческих индикаторов совместной.

Эмпирическая выборка. 136 респондентов (дети раннего возраста 5-7 лет).

Результаты исследования. Для нахождения структурной композиции структуры совместной деятельности применён разведочный факторный анализ методом главных компонент с варимакс вращением. Получено трёхфакторное решение структуры совместной деятельности дошкольников ($\lambda=43$). 1 фактор ($\lambda=22$) – блок ориентировочной основы совместной деятельности и контроля совместных действий. Блок включает собственно характеристики ориентации во взаимодействии (положительная направленность контакта и его продолжительность, заинтересованность в предложенной деятельности, помощь партнёру, работа вместе с партнёром, отслеживание работы партнёра), наличие у дошкольников информационного отображения необходимости коррекции совместных действий (количество попыток и сбой, количество ошибок, видит свои ошибки, негативная реакция при нарушении распределений действий между партнёрами), параметры речевой регуляции и контроля согласования совместных действий (реагирует действиями на советы партнёра, личностные изменения множественного числа, речь обращена к партнёру, даёт советы реплики по поводу работы). 2 фактор ($\lambda=11$) – блок моделирования, программирования и удержания совместных исполнительных действий. Данный блок в структуре совместных действий дошкольников раскрывается через понимание дошкольниками инструкции, распределении действий, преобладании совместных или индивидуальных операций, необходимость помощи и контроля, позиции лидерство/исполнитель. 3 фактор ($\lambda=10$) – блок мотивационного интереса и контроля согласования совместных действий, характеристики личностного контакта, достижение результата, интерес к совместной деятельности, регулирование поведения партнёра.

Таким образом, получена структура совместной деятельности дошкольников. При этом блок ориентировочной основы действий включает информационную основу контроля и обратной афферентации распределения средств и согласования совместных действий, за счёт чего достигается согласование операционально-технической сторон совместной деятельности дошкольников. Ориентировочная основа деятельности включает афферентный синтез и акцептор: условий среды, средств, состава деятельности, контроля (отслеживание совпадения предмета с представлением о продукте и с предметом и продуктом партнёров), оценка (сличение продукта с индивидуальной и групповой целью).

Сотникова Т.В.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ РАБОЧИХ КОМАНД

В социальной психологии существует множество различных позиций по решению проблем, связанных с феноменом рабочей команды, её типами и особенностями формирования. Общее мнение психологов состоит в том, что эффективность команд будет тем выше, чем качественнее будет проведён этап их формирования, чем точнее будут учитываться детерминанты, обуславливающие этот процесс.

Основная гипотеза нашего исследования: существуют общие социально-психологические факторы, обуславливающие формирование рабочих команд и частные факторные особенности, зависящие от типа рабочей команды, которые необходимо учитывать при комплектовании.

Объект исследования: 34 рабочие команды российских организаций, объем выборки составил 189 человек, различного гендерного состава, возраста и опыта работы, а также должностной и отраслевой направленности.

В процессе исследовательской работы для выявления и сравнительного изучения характеристик, обуславливающих процесс командообразования, использовался метод экспертной оценки. На основе теоретических психологических знаний и практического опыта экспертов (руководителей компаний/служб и лидеров команд) нами был разработан список характеристик, обуславливающих формирование рабочих команд различных типов. Всего в серии деловых игр, посвященных разработке социально-психологических характеристик, принял участие 71 эксперт.

В результате этих исследований были выявлены 60 характеристик, из которых были извлечены 27 социально-психологических параметров, набравших наибольшее количество средних баллов по десятибалльной шкале. С помощью процедуры факторного анализа и повернутой матрицы компонентов, было выделено семь факторных групп, которые задают и определяют процесс формирования рабочих команд: назначение (цель формирования команды, результаты командной деятельности), сплочённость (сработанность, социально-психологическая совместимость всех членов группы и их личная удовлетворённость), личностные характеристики (наличие определённых индивидуальных характеристик и специальных компетенций у каждого члена команды), нормы командной деятельности и коммуникаций (выработанные и разделяемые всеми членами), отраслевая (сфера деятельности, тип задач) и организационная принадлежность (формы управления и мотивации сотрудников), состав (оптимально сбалансированный для конкретного типа команды). В нашем исследовании мы столкнулись с отсутствием в социальной психологии отдельно выделенных типов рабочих команд, основанных на принципах их формирования. С точки зрения сравнения рабочих команд, нами совместно с экспертами, были выделены наиболее значимые факторы, на основании которых была разработана авторская классификация типов рабочих команд: по «составу» (интра/кросс функциональные, гомо/гетерогенные, целенаправленные/стихийные, моно/ мультикультурные), по «назначению» (исполнительская, проектная, оперативная, координирующая), по «отрасли» (производственная, коммерческая, сервисная, интеллектуальная).

В результате исследования были сделаны следующие выводы: существуют значимые различия в распределении значимости факторов в командах различного типа. Так в производственных командах в первую очередь необходимо учитывать отраслевые особенности и формализовать командные нормы, в коммерческое особое внимание необходимо уделять сбалансированному составу и организационным формам управления/мотивации, в сервисе приоритетным фактором является сплочённость (взаимозаменяемость) и отраслевые нормы, а в

интеллектуальных необходимо в первую очередь уделять внимание личностным характеристикам членов команд, а также отраслевой принадлежности.

В результате проведенного исследования, на наш взгляд, было показано, что технология формирования рабочих команд должна разрабатываться индивидуально для каждого объекта, исходя из его типа и приоритетных детерминант командообразования. Полученные результаты уже сейчас используются руководством организаций, в которых проводились исследования для управления персоналом и формирования рабочих команд.

Степанова Г.С.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ САМОСОЗНАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Духовное состояние общества в значительной степени зависит от степени его этнокультурного самоопределения. При этом сложности самоопределения национального большинства неизбежно будут сказываться и на проблемах самоощущения других народов, национальных меньшинств, проживающих в России.

Еще в начале XX века Д.Н. Овсяннико-Куликовский указывал, что национальность – есть явление по преимуществу интеллектуального порядка. Поэтому интеллигенция полнее других слоев населения выражает национальную «подоплеку» [2]. Современные студенты – это будущая интеллигенция, основная задача которой – обеспечить вхождение России в мировое сообщество, не теряя своего национального своеобразия. Можно утверждать, что будущее развитие России зависит от этнокультурного потенциала самосознания молодежи, или от осознания себя как гражданами, так и носителями национальной культуры. Понимание и познание самих себя определяет этнокультурное состояние современной России.

Этническое самосознание как рефлексивная характеристика личности проявляется в этнической идентичности и ее структурных компонентах. Исследование идентичности студентов (отнесших себя по самоопределению к русской национальности) по авторской анкете, включавшей вопросы, направленные на исследование когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов, продолжающееся с 1998 года, позволило выявить ряд устойчивых особенностей. Остановимся лишь на некоторых. Стабильными особенностями являются недостаточность проявления этнонима (самоназвания «Я-русский»), как структурного компонента идентичности (в пределах 10,5% от выборки), а также слабость вербализации или описания психологических особенностей общности. Опрос студентов вузов г. Воронежа, проведенный в 2015г. (N=125), показал, что студенты в качестве наиболее трудного задания единодушно отмечали описание типологических психологических особенностей русских. Также устойчивой характеристикой идентичности является недостаточность содержательной интеграции этнокультурных образов «Мы - русские», «Русские – сегодня» и «Я – как представитель общности». Интеграция образов является, на наш взгляд, показателем включенности молодого поколения в социокультурную ситуацию в обществе. По результатам исследования этнокультурный образ «Мы» в самосознании студентов является более критичным, чем «Я-образ». Автостереотип «Я – как представитель общности» представлен большим количеством положительных ответов (69,5%), чем стереотип «Русские сегодня» (47,1% ответов). Различия значимы ($F^*_{эм\pi} = 4.238$). Сравнение данных показало динамику – увеличение позитивных автостереотипов «Русские – сегодня» в 2015г. по сравнению с 1998г. (с 10,3% до 47,1%). Различия значимы ($F^*_{эм\pi} = 6.081$). Однако, как в 2015г., так и в 1998 г. практически отсутствует перенос на уровень «Я – как представитель общности» критичных характеристик общности.

Например, если «Русские сегодня» - непоследовательные, ленивые, непредсказуемые, то «Я – как представитель общности» – целеустремленный, дружелюбный, принципиальный. При этом известно, что индивид, который по тем или иным причинам недооценивает свой этнос, часто прибегает к психологической защите, считая образ этноса далеким от своих идеальных представлений. В таком случае ослабевает его чувство общности с этнической группой. Как утверждает К.А. Налчаджян, наличие в этносе большого числа носителей подобной установки свидетельствует о психологическом ослаблении этноса как своеобразной социально-психологической целостности [1].

Выявленные особенности ставят задачу интеграции «Я» и «Мы» образов в самосознании студенчества как этнокультурного потенциала развития общности. Образовательный процесс в вузе располагает такими возможностями.

Литература:

1. Налчаджян К.А. Этническое самосознание и его подструктуры на примере армянского этноса // Вопросы психологии. 2006. №5.
2. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Психология национальности. СПб., 1921.

**Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 15-16-36003 а/р. и правительства Воронежской области*

Татарко К.И., Смирнова Ю.С.

ВОЗРАСТНЫЕ АУТОСТЕРЕОТИПЫ МОЛОДЫХ СОТРУДНИКОВ С РАЗЛИЧНОЙ ВЫРАЖЕННОСТЬЮ МОТИВА МАТЕРИАЛЬНОГО ДОСТАТКА

Возрастные стереотипы, разделяемые человеком, предоставляют ему упрощенный образ той или иной возрастной категории. Исследователи отмечают, что черты, составляющие ядро стереотипного образа определенной группы, характеризуются стабильностью и устойчивостью. Данное утверждение побуждает к размышлению о причинах такой устойчивости и о том, что сложности изменения стереотипов, вероятно, связаны с преимуществом, которое они предоставляют субъекту в процессе межличностного познания и взаимодействия. Человек способен управлять, корректировать и изменять собственные стереотипы либо отказываться от них, когда это оказывается выгодным и необходимым для него. Поэтому было выдвинуто следующее предположение: содержание возрастных ауто- и гетеростереотипов сотрудников будет различаться в зависимости от их профессиональной мотивации. В данной работе представлены результаты о различиях в содержании возрастных аутостереотипов молодых сотрудников с различной выраженностью мотива материального достатка.

В исследовании принимали участие молодые сотрудники различных организаций (51 человек). Для сбора эмпирических данных использовалась авторская методика шкалирования, составленная на основе результатов предварительного исследования и предназначенная для изучения возрастных стереотипов сотрудников, а также методика «Мотивация профессиональной деятельности» (К. Замфир, модификация А.А. Реана) и тест «Мотивационный профиль» (Ш. Ричи, П. Мартин). Для статистической обработки данных использовались факторный анализ и критерий хи-квадрат для установления различий в распределении признака.

По результатам исследования было выявлено, что молодые сотрудники, для которых значимым мотивом профессиональной деятельности является материальный достаток (в от-

личие от тех, для кого этот мотив не значим), склоны считать, что представители их возрастной группы характеризуются отсутствием либо минимальной выраженностью характеристик, вошедших в фактор «профессиональная компетентность» ($p=0,024$), и яркой выраженностью характеристик, составивших фактор «энергичность» ($p=0,017$). По остальным факторам («настойчивость», «прогнозирование», «аффилиация», «устойчивость») статистически значимые различия не были обнаружены. Данные результаты частично подтверждают наше исходное предположение: содержание аутостереотипов отражает характеристики, необходимые для реализации ведущих мотивов профессиональной деятельности.

Можно предположить, что молодые сотрудники осведомлены о том, какие стереотипы относительно их возрастной группы являются распространёнными в современном обществе, как воспринимается молодёжь на рынке труда. Так, они могут считать, что работодатели не питают иллюзий относительно уровня их профессиональной компетентности, однако ожидают от молодых сотрудников проявления активности, энергичности, желания развиваться. Понимая это, молодые люди, для которых материальный достаток является важным мотивом их профессиональной деятельности, будут разделять соответствующий аутостереотип, так как это даёт им возможность оценивать представителей интруппы (и себя в том числе) как соответствующих требованиям работодателей. Такое соответствие необходимо для успешного трудоустройства и дальнейшего карьерного роста, обеспечивающего высокий уровень дохода. Иными словами, для реализации профессионального мотива материального достатка молодым людям необходимо соответствовать стереотипному образу их возрастной группы («молодые сотрудники ещё недостаточно компетентны, но полны сил, активны и энергичны»), и их возрастные аутостереотипы такое соответствие отражают.

Таким образом, возрастные аутостереотипы могут рассматриваться как своего рода средство, которое не просто формирует позитивный образ интруппы, но придаёт человеку уверенность, поскольку наделяет его характеристиками, повышающими вероятность реализации значимых профессиональных мотивов.

Толстых А. А., Садовникова Н. О.

СИСТЕМА УБЕЖДЕНИЙ И ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ДРУГИХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

Актуальность темы исследования обусловлена абсолютизацией убеждений, жизненных позиций, которая означает, что каждый человек свободен и должен придерживаться своих убеждений, а также признавать это право за другими, что делают далеко не все. Это и способствует радикализации взглядов молодого человека.

Цель исследования заключается в выявлении системы убеждений и отношения к лицам другой национальности каждого конкретного молодого человека, представленных в его реальном сознании, для понимания и возможности прогнозирования его поведения.

В исследовании участвовало 64 студента, из которых – 32 студента (6 мужчин и 26 женщин) представляли ступень высшего профессионального образования в возрасте от 19 до 21 года и 32 студента (23 мужчины и 9 девушек) – среднее профессиональное образование, в возрасте от 16 до 19-ти лет. Средний возраст выборки составил 18,2 лет. В выборку вошли представители 9 различных национальностей, что характерно для Российской Федерации как для поликультурной страны.

В качестве диагностического материала выступает первая часть анкеты Л.Б. Шнейдер [3], направленная на изучение убеждений молодых людей. В дополнение к основной методи-

ке, студентам предлагалось ответить на анкету М.А. Одинцовой и М.В. Тищенко, которая была разработана для исследования латентного экстремизма среди молодежи [1].

По результатам анкеты Л.Б. Шнейдер, около 70 % студентов продемонстрировали в ответах приверженность положительным социальным установкам. 1/3 часть выборки настроена более воинственно и нетерпимо как к «чужакам», так и к социальному нормотворчеству и общественному порядку в целом. Примерно такое же число респондентов затруднились в своих ответах и свои убеждения не продемонстрировали, что вовсе не значит, что таковых убеждений у них нет.

Исходя из анализа полученных результатов анкеты на исследование латентного экстремизма видно, что, несмотря на кажущееся на первый взгляд положительное отношение к представителям другой национальности, многие студенты затрудняются в ответе, занимая амбивалентную позицию (64,05%).

Подавляющее большинство респондентов отрицают, что отношения в их группе зависят от национальности (81%) и утверждают, что случаи религиозного преследования у них не встречаются (87,5%).

О единичных случаях психологического насилия и давления со стороны агрессивных студентов свидетельствуют ответы 58% респондентов.

Выявлено, что существуют и другие пути развития экстремистского поведения. Оно может развиваться вследствие полученных человеком психологических травм. Наиболее часто встречающимися являются травмы, связанные с тяжелыми жизненными событиями (смерть близких и т. п.) – 62%, затем идут события, связанные с некорректным поведением педагогов – 12,5%, а 7% – с агрессивным поведением одноклассников.

В заключение можно сделать вывод, что в большей мере отношение современной молодежи к представителям другой национальности положительно, но настораживает тот факт, что достаточно большое количество студентов выражает его, как и свои убеждения, неоднозначно. Это позволяет сделать вывод о том, что благоприятная почва для этноцентризма, расизма и прочих негативных проявлений экстремизма существует.

Литература:

1. Одинцова М.А. и Тищенко М.В. Исследование латентного экстремизма в образовательной среде колледжей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2014. – №122 (июль-август). URL: /2014/122.htm. – Гос. пер. Эл № ФС77-42115. – ISSN 2219-5467. – [Дата обращения: 17.05.2016].
2. Шнейдер Л.Б. Общая картина и гендерная специфика убеждений и социопатических воззрений молодежи / Л. Б. Шнейдер // Актуальные проблемы психологического знания. – 2014. – № 2 (31) – С. 116 – 132.
3. Шнейдер Л.Б. Сущность и содержание экстремизма: категорическое, героическое и трагическое / Л.Б. Шнейдер // Актуальные проблемы психологического знания. Теоретические и практические проблемы психологии. – 2013. – Вып. № 2 (27). – С. 120 – 131.

Троицкая Е.А.

РЕФЛЕКСИЯ КАК МЕХАНИЗМ ЭМПАТИИ

Эмпатия понимается нами как эмоциональная отзывчивость на состояние другого, формирующаяся у человека благодаря представлению им своих аналогичных переживаний, возникновение которых характерно для ситуации подобной той, в которой находится этот другой. Эмпатия включает в себя позитивный эмоциональный, негативный эмоциональный, когни-

тивный и действенный структурные компоненты. Наиболее дискутируемым остается вопрос механизмов эмпатии [2]. Одним из механизмов эмпатии считается рефлексия, поэтому целью нашего исследования стало выявление взаимосвязи эмпатии и рефлексии у учащихся подросткового и юношеского возраста.

Согласно дифференциальной модели рефлексии, предложенной Д.А. Леонтьевым, следует различать разные формы рефлексии, которые часто называют одним общим термином «рефлексия»: системная рефлексия, интроспекция, квазирефлексия [1].

Анализ различных исследований эмпатии и рефлексии позволяет сформулировать следующую гипотезу: эмпатия взаимосвязана с системной рефлексией (чем выше системная рефлексия, тем выше эмпатия) у учащихся подросткового и юношеского возраста. Можно предположить, что системная рефлексия будет в большей степени связана с когнитивной эмпатией и в меньшей степени связана с эмоциональными компонентами эмпатии. Эмоциональная эмпатия, особенно негативная эмоциональная эмпатия, по нашим предположениям, более тесно взаимосвязана с такой формой рефлексии как интроспекция.

Для проверки выдвинутых гипотез было проведено эмпирическое исследование, в качестве испытуемых в котором были привлечены 107 человек 14–18 лет, включая 75 девочек и 32 мальчика. Диагностика эмпатии проводилась по методике «Эмоциональная, когнитивная и действенная эмпатия» (Е.А. Троицкая) [3]. Для диагностики рефлексии применялся опросник «Дифференциальный тип рефлексии», разработанный Д.А. Леонтьевым и Е.Н. Осиным [1]. Статистическая обработка полученных данных проводилась при помощи теста Колмогорова-Смирнова, коэффициента корреляции Пирсона.

В результате статистической обработки полученных данных было показано, что у мальчиков подросткового и юношеского возраста более высокий уровень системной рефлексии связан с более высоким уровнем негативной эмоциональной эмпатии ($p = 0,02$), когнитивной эмпатии ($p = 0,04$), действенной эмпатии ($p = 0,01$) и с более высоким общим уровнем эмпатии ($p = 0,01$). Более высокий уровень когнитивной эмпатии был обнаружен у мальчиков с более высоким уровнем квазирефлексии ($p = 0,03$). У девочек с более высоким уровнем системной рефлексии также наблюдается более высокий уровень когнитивной эмпатии ($p = 0,01$). Кроме того, у девочек выявлена еще одна взаимосвязь: чем выше уровень интроспекции, тем выше уровень негативной эмоциональной эмпатии ($p = 0,03$).

Подводя итоги проведенного исследования, можно сказать, что различные компоненты эмпатии взаимосвязаны с отдельными формами рефлексии у учащихся подросткового и юношеского возраста. Полученные нами данные уточняют современные научные представления о механизмах эмпатии. Результаты исследования могут быть использованы для разработки тренинговых программ, направленных на повышение уровня эмпатии у учащихся подросткового и юношеского возраста. Перспективным нам представляется исследование особенностей взаимосвязи эмпатии и рефлексии у учащихся более младшего и более старшего возраста, так как это могло бы дать ответ на вопрос о возрастной динамике механизмов эмпатии.

Литература:

1. Леонтьев Д.А., Осин Е.Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике. – Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – Т. 11. – № 4. – С. 110–135.
2. Пашукова Т.И., Троицкая Е.А. Механизмы и функции эмпатии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 7 (586). – С. 197–209.
3. Троицкая Е.А. Особенности разработки методики исследования структурных компонентов эмпатии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 7 (640). – С. 144–157.

Удавихина У.А., Гуриева С.Д.

ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ НА ВЫБОР СТИЛЯ ВЕДЕНИЯ ПЕРЕГОВОРОВ

В современном глобализированном обществе практика ведения переговоров значительно усложнилась ввиду тесного взаимодействия людей, обладающими разными экономическими, культурными, законодательными и политическими интересами, установками и ценностями (Назарчук А.В., 2002). В связи с этим проблема ценностей и психологических механизмов регуляции поведения с помощью ценностных ориентаций важна как традиционная проблема социальной психологии. Однако на сегодняшний день существует очень немного работ, посвященных изучению влияния ценностей человека на предпочитаемый им стиль поведения в переговорном процессе (Журавлева Н.А., 1997; Позняков В.П., Вавакина Т.С., 2009).

Представленное нами исследование является вкладом в решение данной проблемы. Целью нашей работы было изучение влияния ценностей и личностных особенностей на предпочитаемый стиль ведения переговоров респондентами как субъектов делового взаимодействия. Объектом эмпирического исследования выступили студенты различных вузов и работающие люди. В исследовании приняли участие 50 человек, из них 23 мужчины и 27 женщин, в возрасте от 20 до 45 лет ($MD = 23.55$, $SD = 4.16$). Для сбора эмпирических данных были использованы: методика измерения ценностных ориентаций (S. Schwartz), методика многофакторного исследования личности (R.B. Cattell), опросник определения переговорного стиля (R.G. Shelly), тест «Самооценка делового общения» (Н.И. Леонов).

В ходе исследования были выявлены ключевые ценностные ориентации и личностные особенности для определения переговорного стиля. По результатам корреляционного и регрессионного анализов был сделан вывод о том, что такие личностные особенности, как стрессоустойчивость ($r = -0.279$, $p < 0.05$) и эмоциональная чувствительность ($r = -0.325$, $p < 0.05$) в большей степени определяют выбор переговорного стиля, ориентированного на процесс и действия. Ценностная ориентация «Щедрость» ($R^2 = 0.47$, $\beta = 0.3$, $p \leq 0.01$) может определять выбор переговорного стиля, ориентированного на людей, а «Гедонизм» ($R^2 = 0.54$, $\beta = 0.338$, $p < 0.01$) и «Достижения» ($R^2 = 0.54$, $\beta = -0.357$, $p < 0.01$) – стиля, ориентированного на идеи. В то же время большая или меньшая выраженность ценностной ориентации «Стимуляция» ($R^2 = 0.47$, $\beta = -0.29$, $p \leq 0.01$; $R^2 = 0.54$, $\beta = 0.3$, $p < 0.01$) определяет выбор между ориентациями на людей или на идеи.

Основным итогом исследования является модель выявления зависимости переговорных стилей от ценностных ориентаций и личностных особенностей и полученные с ее помощью результаты исследования. Все это доказывает необходимость более глубокого рассмотрения процесса ведения переговоров с учетом ценностных и личностных особенностей людей, по которым в дальнейшем может стать возможным предсказание избираемого человеком переговорного стиля по важным для него ценностям. В дальнейшем нами планируется расширение выборки респондентами, которые являются профессиональными переговорщиками, а также изучение современных исследований деловых переговоров и социально-психологических предикторов выбора стилей ведения переговорного процесса.

Литература:

1. Журавлева Н.А. Влияние типа ценностных ориентаций личности на установочное экономическое поведение // Теоретические и прикладные вопросы психологии (материалы юбилейной конференции «Ананьевские чтения – 97»), выпуск 3, часть 2. СПб, 1997. С. 226-233.

2. Назарчук А.В. Этика глобализирующегося общества. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2002. – 382 с.
3. Позняков В.П., Вавакина Т.С. Ценностные ориентации как фактор отношения российских предпринимателей к деловому партнерству // Психология в экономике и управлении, 2009, №1. С. 51-64.

Федоров В.Ф.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС ПРИМИРЕНИЯ ЭТНО-РЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЛИКТОВ

В третьем тысячелетии актуальность задачи примирения этно-религиозных конфликтов очевидна и о трудности миротворчества выразительно высказался Томас Мертон: «Если создание мира на земле – это одно из самых важных занятий нашего времени, оно же и самое трудное.» (On Peace, London, 1976.) Соглашаясь с этим утверждением необходимо подчеркнуть значение психологического ресурса наряду с духовным, религиозным, политическим ресурсом.

Ограничившись в данном исследовании религиозной традицией Православия, сошлемся на Концепцию миссионерской деятельности РПЦ, которая объявляет задачу служения примирению как миссию Церкви, как задачу для каждого члена Церкви быть свидетелем примирения. Это – религиозный ресурс. Понимание мира как ценности, стремление к примирению человека с Богом, человека с человеком и человека с природой – творением Божиим, присуще всем авраамическим религиям.

Среди пяти форм и методов современной миссионерской деятельности в Концепции провозглашается миссия примирения. В Концепции мы находим и упоминание психологического ресурса, а именно терпимости. При том, что воспитание толерантности – существенно важная стратегия примирения в этно-религиозных конфликтах, понятие религиозной толерантности не является достаточно знакомым религиозной общественности, в том числе богословам и пастырям различных религиозных общин. Очень часто раздаются голоса духовенства и мирян о неприемлемости этого понятия.

В разработке психологического ресурса миротворчества имеет смысл опереться на работы психолога Эдварда де Боно (Conflicts: A Better Way to Resolve them), специалиста по пастырскому душепопечению Давида Аугсбургера (Caring Enough to Confront: How to Understand and Express Your Deepest Feelings Toward Others) и Пособие «Peacebuilding: A Caritas Training Manual».

Был проведен эксперимент с группой студентов православного духовного учебного заведения. Группа (21 человек) анализировала внутриконфессиональный конфликт противостояния творческо-либерального крыла православных с фундаменталистским. В результате разбора с этой группой учебно-методического пособия «Мир дому твоему» (СПб, Изд. «Апостольский город», 2005, перевод пособия «Peacebuilding»), подготовленного группой католических профессоров, соотношение позиций сторонников упомянутого противостояния существенно изменилось. Если до разбора было 11 сторонников фундаменталистской позиции, то после занятий с пособием остались при своем мнении лишь 4 сторонника консервативного крыла.

Еще одна проблема, которая беспокоит общество – это феномен религиозного экстремизма. Под религиозным экстремизмом предлагается понимать проявление агрессии, разжигание ненависти, проявление фанатизма внутри вполне традиционных мировых религий.

Именно психология должна помочь понять, почему внутри той же самой религии возникают не просто напряжения, но и насильственные действия по отношению к инакомыслящему, хотя и пребывающему в пределах пространства той же самой религии.

Конструктивный подход к решению этих проблем требует новых идей и методов психолого-педагогической научной и практической активности. Представляется полезным в аналитическое исследование психологии религиозного экстремизма ввести категорию «религиозный интеллект». Понятие религиозный интеллект новое и почти не употребляемое в русской психологической литературе. Довольно популярным сегодня становится понятие «духовный интеллект» (Spiritual Intellect, S.Q). В начале XX в. разработана концепция когнитивного интеллекта, в 1990 г. эмоционального интеллекта, а в XXI в. признано уже наличие духовного интеллекта (Zohar&Marshall, "Spiritual Intelligence – The ultimate intelligence, 2000). Концепцию духовного интеллекта, соотносенную с вероучительной, литургической, канонической и другими аспектами традиции соответствующей религии имеет смысл понимать как концепцию религиозного интеллекта.

Фельсдорфф О.В., Егоров А.Ю.

ОСОБЕННОСТИ САООТНОШЕНИЯ ЖЕНЩИН С РИСКОМ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ОБЛАСТИ ЗАНЯТИЙ ФИТНЕСОМ

Сегодня занятия фитнесом приобретают характер массового социального явления. Посетители фитнес-центров обращаются к тренировкам по разным причинам. Несмотря на очевидные плюсы от занятий спортом, есть и негативные эффекты от интенсивных много-часовых тренировок. Существует мнение, что чрезмерные занятия спортом могут привести к аддикции упражнений (спортивной). В последние десятилетия в западной литературе все чаще появляются публикации, посвященные этому виду нехимической зависимости. Показано, что наибольший аддиктивный потенциал несут в себе профессиональный спорт или спорт высших достижений. Вместе с тем существуют исследования, доказывающие, что даже спорт для «здоровья» может вызывать аддикцию упражнений. Вместе с тем, одной из основных причин частого посещения спортивных занятий может быть не только формирующаяся аддикция упражнений, но и недовольство своей внешностью и фигурой. Целью данной работы было исследовать характеристики образа тела, личностные особенности, выраженность аддикции упражнений, а также наличие пищевых расстройств у женщин, регулярно занимающихся фитнесом.

Исследование проводилось на базе двух крупных фитнес-центров Санкт-Петербурга в период 2013-2015 гг. Всего в исследовании приняли участие 153 женщины в возрасте от 16 до 61 года, средний возраст составил $37,5 \pm 12,6$ года. В экспериментальную группу («спортсменки») вошли 100 женщин в возрасте от 16 до 61 года, средний возраст $34,9 \pm 1,3$ года, занимающиеся фитнесом от 1 раза в неделю до 7 и более раз. В контрольную группу вошли 53 женщины в возрасте от 21 до 61 года, средний возраст $42,4 \pm 1,6$ года, не занимающиеся фитнесом. Использовались следующие методики: 1. Специально разработанная социально-демографическая анкета, 2. Определитель аддикции упражнений (ЕАИ), 3. Опросник пищевых предпочтений (ЕАТ-26), 4. Фрайбургский личностный опросник (FPI), 5. Опросник Ч.Д. Спилбергера и Ю.Л. Ханина для оценки уровня тревожности, 6. Многокомпонентный опросник отношения к собственному телу (MBSRQ), 7. Опросник ситуативной неудовлетворенности собственным телом (SIBID), 8. Опросник влияния образа тела на качество жизни (BIQLI), 9. Опросник образа собственного тела О.А. Скугаревского, С.В. Сивухи. (ООСТ).

Оказалось, что женщины, регулярно посещающие фитнес-клуб, испытывают большее желание похудеть и проявляют большее недовольство своей фигурой, чем женщины, не занимающиеся спортом (согласно результатам социально-демографической анкеты). Они чаще других придерживаются различных диет, имеют более выраженные расстройства пищевого поведения и демонстрируют обеспокоенность своим весом, фигурой и питанием. Кроме того, они более склонны к риску по аддикции упражнений, а также имеют обобщенный личностный портрет: все они характеризуются невротичностью, спонтанной агрессивностью, депрессивностью, раздражительностью, застенчивостью и эмоциональной лабильностью, а также ситуативной тревожностью и демонстрируют неудовлетворенность как целостным образом собственного тела, так и отдельными его параметрами.

Холопова Е.С., Лонес Е.Г.

О ПРИЧИНАХ ДОБРОВОЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ САМОИЗОЛЯЦИИ ПОДРОСТКОВ И МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ

В настоящее время развитие информационных технологий позволяет ограничить круг социальных контактов, вплоть до полного отказа от них. Феномен добровольной социальной изоляции в мире известен давно, но в России проявился лишь в недавнее время.

Изучение социальной изоляции до сих пор продолжалось в контексте вынужденной изоляции, обусловленной какими-либо физическими ограничениями, например, А.И. Смирнов рассматривал самоизоляцию в аспекте критической жизненной ситуации физической инвалидности [1].

Однако, в данный момент феномен самоизоляции все чаще обусловлен не прямыми физическими ограничениями, а внутренними, психическими.

Целью данного исследования является выявление причин добровольной социальной самоизоляции подростков и молодых людей в возрасте от 12 до 23 лет (50 человек, 30% – юноши, 70% – девушки). Метод исследования контент-анализ эссе, содержащих ответ на вопрос о причинах, вынудивших респондента отказаться от социальных контактов.

Самые часто затрагиваемые темы в эссе респондентов это семейные отношения, отношения со сверстниками и обществом в целом, страх толпы, людей, их осуждения, комплексы, страх и ненависть к самому себе и собственному телу, компьютерная и другие зависимости.

Большая часть респондентов (76%) считают основной причиной своей самоизоляции отношения в семье: негативные отношения между ее членами, как родителями, например, развод, так и, родителями и детьми, завышенные ожидания, высокие предъявляемые требования, стиль воспитания, излишняя авторитарность или гиперопека, а также насилие в семье, как между родителями, так и в отношении детей.

Следующая по частоте встречаемости причина – школа (36%): буллинг, проявления вербальной и физической агрессии в отношении респондентов, недопонимание учителей и администрации школы, а также сложности в освоении школьной программы, приводили респондентов к снижению мотивации к посещению учреждения, общению со сверстниками, далее, усугубляясь в следствии иных причин, к полному отказу от социального взаимодействия.

Недопонимание, неприятие обществом и сверстниками (16%). В данную причину вкладывается общее недопонимание, как семьи, сверстников, так и других окружающих людей. В подростковом возрасте респонденты пытались стать частью какой-либо социальной группы, но не были приняты. Отличные интересы и мировоззрение в большинстве случаев приводили к поиску поддержки в сети Интернет и при нахождении ее, вся социальная жизнь переходила в виртуальное пространство, следствием чего и стала самоизоляция.

Также упоминались такие причины, как акт физического насилия, страх повторения (4%), отличное от общества мировоззрение (4%), неудачный опыт взаимоотношений, в том числе с противоположным полом (10%). Иные названные респондентами причины в контексте данного исследования являются скорее следствием, чем непосредственными причинами, или в некоторых случаях усугубляющими факторами, причинами продолжения самоизоляции.

Таким образом, самоизоляция подростков и молодых людей имеет под собой множество оснований, часто накладываемых друг на друга, а также факторов, обнаруживающихся уже после отказа от социального взаимодействия, но тем не менее оказывающих большое влияние. Результаты исследования могут послужить основой дальнейших изысканий, как расширения и конкретизации причин и факторов, влияющих на проявление стремления самоизолироваться, так и рассмотрения последствий самоизоляции в таких сферах как, мотивационная, эмоционально-волевая и других.

Хорошилов Д.А.

ОБЩЕНИЕ – ИГРА НА СЦЕНЕ, ДИАЛОГ ИЛИ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ?

Как хорошо известно, понятие «общение» в отечественной психологии включает в себя процессы социального познания, взаимодействия и коммуникации, что дает возможность интерпретировать их как «механизмы» конструирования образа социального мира, опосредующего деятельность людей в повседневной жизни (Г.М. Андреева). Подобная двойственность социально-психологического объяснения – в общении формируются intersubjectively разделяемые (социальные) представления, которые одновременно выступают в качестве смысловой структуры межличностных отношений – снимается с помощью категорий роли, диалога и позиционирования.

Рольевые теории эвристичны в преодолении старинной дихотомии личности и общества – от человека ожидается нормативное поведение в соответствии с его статусным положением в групповой иерархии (отсюда – знаменитая метафора общения как «игры на сцене», исполнения роли, предписанной театром социальной жизни). Однако имплицитно принимаемые характеристики роли – ее постоянство, формальное обозначение и стабильное существование во времени – не могут раскрыть «конвенции речи и деятельности, которые изменчивы, оспоримы и преходящи» (Р. Харре). В эпистемологии социального конструкционизма общение рассматривается как диалог сознаний – хрестоматийная метафора М.М. Бахтина призвана отразить принципиальное единство (полифоничность) «индивидуальных» и «коллективных» смысловых позиций, которые совпадают в языковых практиках повседневности и культуры.

Теоретическое допущение о диалогичности общения становится основанием для введения специального понятия «позиции» – репертуара локальных прав и обязанностей, производного от конкретных коммуникативных ситуаций. По мнению Р. Харре, «позиция» является концептуальной альтернативой «роли», ибо фиксирует подвижность и вариативность символических границ взаимодействия. Для анализа позиционирования – дискурсивного процесса распределения/принятия прав и обязанностей говорящими (без чего взаимодействие формально не состоится) – используются следующие три измерения: 1) собственно позиции; 2) иллюкативные силы (фактические смыслы сказанного здесь-и-сейчас); 3) фабулы (культурно заданные последовательности действий, иначе – нарративы человеческих отношений). Тем самым определение общения как позиционирования предполагает соотнесение локальных конвенций и регулирующих их культурных установок с помощью дискурс-анализа «словаря значений», используемого индивидами для установления и поддержания контакта, что может считаться перспективным методологическим решением проблемы микро- и макроуровневой объяснения социально-психологических явлений, которая была поставлена в начале настоящих тезисов.

Цветкова Г.Е.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР КАРЬЕРЫ

Особенности современного российского общества, в котором присутствует тенденция к трансформации коллективистских ценностей к индивидуалистическим, предъявляют новые требования к личности, основанные на повышении ее конкурентоспособности в спорте, бизнесе, учебе, карьере и т.д.

Конкурентоспособность личности является важным условием, позволяющим одержать победу в конкурентной борьбе, в том числе и в профессиональной сфере. В частности, успешная карьера в современном обществе автоматически причисляет человека к победителям, повышает его социальный статус и может выступать эталоном социального поведения. Анализ литературы показал, что к основным качествам личности, входящим в понятие конкурентоспособность, принято относить: четкость целей и ценностных ориентаций, творческое отношение к делу, независимость, трудолюбие, способность к риску, стремление к непрерывному саморазвитию, лидерство, стрессоустойчивость, стремление к постоянному профессиональному росту и высокому качеству продукта своего труда. В исследованиях В.М. Русалова, С.Д. Бирюкова, Е.В. Токаревой, Е.Л. Холодцевой, Дж. Грейсона, Р. Хауса и др., основные характеристики профессиональной конкурентоспособности – это активность, мотивация к успеху в профессиональной деятельности. Согласно К. Хорни конкурентоспособный человек, по сравнению со своими оппонентами, обладает лучшими профессиональными знаниями, навыками и способностями, необходимыми работодателю в данный период времени. Так же более высокой квалификацией, способностью достигать поставленных целей при умении решать широкий спектр профессиональных задач, умением правильно «подать» себя, свои таланты, способности, навыки. Необходимо отметить, что некоторые отечественные психологи (Е.А. Климов, В.В. Абраменкова) не относятся к явлениям профессиональной конкуренции и конкурентоспособности личности, как к полезным и необходимым в обществе. Считая, что с пропагандой идеи «конкурентоспособности» кадров, не все и не всегда чисто с моральной точки зрения. Так, ведущий специалист России в области психологии труда Е.А. Климов убежден, что намного правильнее будет говорить не о конкуренции кадров, а о выявлении наиболее ценных качеств и способностей сотрудников, их развитии и использовании на благо организации. Л.М. Митина же, напротив, считает, что нравственность входит в понятие конкурентоспособности личности. Она выделяет три сферы развития конкурентоспособности: сферу деятельности, сферу общения, сферу личности и ее самопознания.

Не смотря на различие во взглядах на проблему, профессиональная конкуренция существует в любой организации. Соперничество между специалистами способствует повышению их конкурентоспособности, так как сотруднику необходимо постоянно держать себя в тонусе, учиться, работать над своими навыками, достигать лучших результатов. Нередко именно готовность сотрудника к конкуренции помогает ему развиваться как профессионалу и успешно строить карьеру. Анализ проблемы позволил выявить основные личностные качества, влияющие на профессиональную конкурентоспособность личности и построение карьеры. Так, ряд авторов (Р.Бретц, Р. Брокхаус, Ц. Куль, П. Ламбинг, Л.М. Альбитер, Н.Н. Сапонина) указывают на то, что такие личностные качества, такие как интернальный локус контроля, активность, эмоциональная устойчивость, потребность в достижениях, уверенность в себе, непрерывное саморазвитие и обучение положительно влияют на построение карьеры, так как повышают профессиональную конкурентоспособность. В то время как мотивация избегания

неудач, отсутствие необходимых профессиональных качеств, нерешительность, тревожность, перфекционизм, нереалистичность целей, неумение доверять, отсутствие коммуникативной компетентности, эгоцентричность, чрезмерная зависимость от мнения окружающих являются деструкторами карьеры и препятствием к карьерному успеху.

Цветкова Л.А.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ И ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ

Интерес к проблематике психологии здоровья в России обусловлен преимущественно ухудшением здоровья населения и попытками определения причин такого положения с научной точки зрения. Сегодня в психологии здоровья существуют два основных направления исследований: место психологических факторов в этиологии заболеваний и поведение, связанное со здоровьем. Одной из бурно развивающихся областей психологии здоровья является социальная психология здоровья, основателем которой является выдающийся профессор, доктор психологических наук Иосиф Наумович Гурвич. Монография И.Н. Гурвича с одноименным названием (1999) стала знаковой для отечественной психологии, социологии, девиантологии. В ней подробным образом раскрывается проблема идентификации социально-психологических явлений и процессов, оказывающих существенное влияние на здоровье населения страны. До настоящего времени эта работа остается единственным в России углубленным научным трудом по заявленной проблематике, в которой изложены как теоретические основы социальной психологии здоровья, так и научно-методические основы социального проектирования.

В последние годы особое звучание данное направление психологической науки приобретает в условиях научно-технического прогресса медицины. Проведение социально-психологических исследований и получение на их основе достоверной научной информации о закономерностях поведения в сфере здоровья в меняющихся современных условиях является одним из обязательных, если не основных условий успешности внедрения любой биомедицинской технологии. Именно возможности социальной психологии здоровья призваны обеспечить здравоохранение инновационными социальными технологиями формирования приверженности просоциальному поведению в сфере здоровья среди разных слоев населения (донорство, вакцинапрофилактика и пр.), способствуя профилактике социально-значимых заболеваний и развитию доказательной медицины.

В России как и во всем мире в настоящее время предпринимаются попытки построения биобанков - специализированных хранилищ биологических материалов (например, образцов крови, костного мозга и др.) и ассоциированной с ними информации (физические, поведенческие, социально-психологические характеристики) для научных и медицинских целей. Биобанки являются важным ресурсом здравоохранения, поскольку актуальны для медико-биологических исследований, решения задач доказательной медицины, разработки новых методов диагностики и лечения. Успешность работы Биобанка напрямую зависит от готовности людей жертвовать свой биологический материал. В Санкт-Петербургском государственном университете впервые в России в 2014 г. были эмпирически изучены установки к донорству в биобанк среди российской студенческой молодежи (N=542) (исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект No14-50-00069), Санкт-Петербургский государственный университет). Результаты настоящего исследования, продемонстрировавшие относительно высокий уровень готовности российской молодежи к донорству в биобанк (74%), оказались

сопоставимы с результатами ряда международных исследований, выявляющих порядка 80% готовности населения быть донорами (Wendler D., 2006; Budimir D. et al, 2011; Porter et al., 2014). Готовность к донорству в биобанк коррелировала с обучением на биологическом факультете. Исследование показало крайне ограниченное влияние ценностных ориентаций на готовность к донорству. Важность продолжения изучения факторов готовности к донорству среди разных слоев населения не теряет своей актуальности, на наш взгляд, поскольку их знание обеспечивает жизнеспособность биобанков в долгосрочной перспективе.

Чикер В.А., Самосудова А.М.

РЕПУТАЦИЯ ВУЗА КАК ЕГО НЕМАТЕРИАЛЬНЫЙ РЕСУРС И КОНКУРЕНТНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО

Несмотря на понимание важности нематериальных ресурсов организационного развития, направленность на заботу о репутации высших учебных заведений России, отражающей их внешний и внутренний рейтинг, статус и имидж, остается крайне слабой. Необходимо учитывать, что сегодня высшие учебные заведения являются полноправными субъектами рыночной экономики, что обуславливает их возможность самостоятельно выбирать направление своего развития, а также способы достижения поставленных целей и задач, повышая свою конкурентоспособность на рынке образовательных услуг. Для достижения лидирующих позиций высшим учебным заведениям требуется постоянно повышать эффективность своей деятельности, совершенствовать организационные процессы и образовательные программы. В связи с этим возникает необходимость проработки вопросов формирования и управления репутацией высшего учебного заведения как одного из конкурентных преимуществ на рынке образовательных услуг.

Нами было проведено исследование, направленное на выявление мнений представителей Санкт-Петербургского государственного университета о его репутации, а также определение основных мотивов, влияющих на выбор высшего учебного заведения. Мы определили особенности сложившейся репутации организации (методика «Компоненты репутации организации», созданная А.Е. Посоховой и В.А. Чикер на основе концепции репутации Ч. Фомбрума [1]), провели анализ системы отношений к Санкт-Петербургскому государственному университету и его репутации (анкетный интернет – опрос), выявили проблемные зоны университета (методика «Незаконченные предложения») и определили уровень лояльности студентов и выпускников университета с помощью методики «Возможность реализации мотивов» В.И. Доминьяка [2]. Объектом исследования выступали студенты и выпускники Санкт-Петербургского государственного университета различных факультетов в количестве 227 человек. Для статистической обработки данных применялись следующие математические методы: U-критерий Манна-Уитни, непараметрический критерий Краскала-Уоллиса и коэффициент корреляции Спирмена.

Основной мотив выбора места обучения для большинства потребителей образовательных услуг – престижность высшего учебного заведения и его репутация. Репутация определяется представителями СПбГУ (студентами и его выпускниками) как общественное мнение об университете, сложившееся у различных групп потребителей образовательных услуг. Они также подчеркивают, что репутация университетов складывается десятилетиями и требует постоянной поддержки и развития. К абсолютным преимуществам университета все студенты и выпускники отнесли позиционирование СПбГУ и его социальную ответственность.

Результаты исследования показали, что репутация организации является условием формирования лояльности потребителей, однако существуют различия в оценке репутации Санкт-Петербургского государственного университета в зависимости от направления и факультета обучения студентов и выпускников, а также их пола. Основные выделенные аспекты репутации, требующие развития, это – качество образования, инфраструктура, отношение к студентам и преподавателям, организация учебного процесса, и, особенно, материальная поддержка, а также позиционирование (продвижение) университета. Наиболее реализуемые мотивы у студентов Санкт-Петербургского государственного университета это повышение собственной профессиональной компетентности, общение с коллегами, уважение со стороны окружающих и социальный престиж.

Литература:

1. Посохова А.Е., Чикер В.А. Репутация в деятельности человека и организации. // Вестник СПбГУ, серия 12, вып. 4., 2011, с.64-72.
2. Доминьяк, В.И. Опросник «Возможность реализации мотивов» 2003. Электронный ресурс: <http://dominiak.ru>

Р.М. Шамионов

СООТНОШЕНИЕ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И СТЕПЕНИ ПРИВЕРЖЕННОСТИ К ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЕ С ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ И ПСИХОДИНАМИЧЕСКИМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП

В результате множества исследований субъективного благополучия личности, проведенных за последние десятилетия, удалось выявить множественную детерминацию этого явления. При этом было обнаружено, что детерминанты разных уровней (культура, микро-социум, личность, психофизиологический статус) отличаются различиями «вклада» в вариации отдельных параметров субъективного благополучия. Тем не менее, остается достаточно острой проблема этнокультурной детерминации субъективного благополучия, а также проблема сочетания различных его факторов в различных социокультурных условиях бытия личности. Соответственно возникает вопрос о том, как отражается на субъективном благополучии личности не только степень «владения» этнической культурой, но степень приверженности к ней, приверженности к этнической группе и соотношение приверженности к этнической группе и стране в сравнении с психодинамикой. Цель настоящего исследования заключается в изучении соотношения субъективного благополучия и степени приверженности к этнической группе и гражданской идентичностью и психодинамическими характеристиками представителей контактирующих этнических групп Поволжья (русских, татар, казахов).

Логика исследования такова. В начале проводится сравнительный анализ уровни субъективного благополучия изучаемых этнических групп, затем на основе корреляционного анализа выявляются связи между характеристиками субъективного благополучия и эмоциональной приверженностью к этнической группе и гражданской идентичностью, наконец, определяются регрессионные уравнения и выявляется вклад переменных в вариации субъективного благополучия в разных этнических группах.

Результаты эмпирического исследования. В результате сравнительного анализа полученных данных по трем этническим группам были обнаружены различия удовлетворенности жизнью русских и казахов ($t=2,78$, $p<0,05$) и отрицательного аффекта русских и татар ($t=2,17$,

$p < 0,05$). Соответственно казахи характеризуются более высокими показателями удовлетворенности жизнью, татары более высокими показателями отрицательного аффекта на уровне невысокой значимости различий. Корреляционный анализ позволил выявить наличие взаимосвязей между изучаемыми характеристиками во всех группах, что свидетельствует о перспективности регрессионного анализа.

Исходя из результатов исследования, гражданская идентичность является более сильной переменной по отношению к силе этнических чувств и религиозности, поскольку при совместном включении в регрессионную модель она «перебивает» влияние других переменных на вариации показателей удовлетворенности жизнью и счастья. При этом необходимо иметь в виду, что это влияние не велико (всего 4-5% вариаций детерминировано этой переменной). Незначительность влияния данного фактора красноречиво прослеживается в сравнении со вкладом психодинамических переменных в вариации счастья и удовлетворенности жизнью, который измещается 17-19%. Это говорит о низких значениях детерминации благополучия со стороны переменных приверженности к религии, этнической группе и гражданству и более сильной роли психодинамических характеристик. Однако речь идет об исследовании изолированного вклада этих переменных. Исходя из полученных результатов, следует необходимость комплексного анализа различных факторов субъективного благополучия и выяснения их комбинаций не только на уровне внутрифункциональных связей, но и межфункциональных, позволяющих выявить сложные детерминационные комплексы этого явления.

Шахторина Е.В.

ИДЕНТИЧНОСТЬ УЧАСТНИКОВ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВ

В настоящее время практически невозможно представить жизнь без глобальной сети, мобильных устройств, электронных видео-, аудио-, информационных приложений. Развитие технологий обуславливает процесс создания некоего единого пространства, веб-пространства, включающего такие ключевые характеристики, как взаимозависимость, открытость, доступность, распространенность. Это снижает, в некоторых случаях – вовсе упраздняет, необходимость физических контактов между участниками ряда процессов.

При рассмотрении отмеченных трансформаций через призму культурно-исторической психологии (Коул, М.). Интернет-пространство в целом, его структурные и содержательные элементы выступают как группы артефактов, опосредующих освоение культурного процесса. В данном контексте под культурой понимается целостная совокупность артефактов, накопленных социальной группой в ходе ее исторического развития. Специфика артефактов опосредует процесс интериоризации, результатом которого является формирование ряда устойчивых социальных структур психики.

В этом случае теоретически можно предположить – специфика элементов Интернет-пространства качественно трансформирует сознание. Однако, прежде чем обратиться к исследованиям влияния самих артефактов на индивида, стоит проследить, насколько он «включен» во взаимодействие с веб-пространством, идентифицирует себя как его участника.

Целью исследования стало изучение социально-психологических особенностей идентичности участников Интернет-сообществ. Под идентичностью понималась «часть Я-концепции индивида, которая возникает из осознания своего членства в социальной группе (или группах) вместе с ценностным и эмоциональным значением, придаваемым этому членству» (Tajfel, H., Turner, J.). Мы предположили, что групповая идентичность участников таких сооб-

щества, включенных только в виртуальную среду соответствующей группы, имеет ряд социально-психологических особенностей.

В качестве Интернет-сообщества выступила веб-группа студенческого научного общества института социально-гуманитарных технологий и коммуникации БФУ им. И. Канта, зарегистрированная в социальной сети «ВКонтакте», включающая 397 виртуальных и 76 формальных участников.

Выборка включала две подгруппы: «виртуальных» и «реальных» участников. Первые лишь зарегистрированы в веб-сообществе, вторые кроме этого осуществляют активную деятельность в СНО.

В качестве основного метода исследования выступило глубинное интервью. Были разработаны три блока вопросов: на изучение когнитивного, аффективного, поведенческого компонентов (Бергер П., Лукман Т.; Стефаненко Т.Г.). Интерпретация, анализ и синтез данных осуществлялись в ходе контент-анализа.

При рассмотрении групповой идентичности с позиции индивидуального и группового субъекта (Гайдар К.М.), были получены следующие основные результаты:

1) С позиции индивидуального субъекта на аффективном уровне обе группы участников в полной мере чувствуют причастность к СНО, присутствует ощущение «единой волны», переживание принадлежности к группе. Однако, на позиции группового субъекта осознание общегрупповых эмоциональных переживаний присуще только «реальным» участникам, «виртуальные» слабо интересуются системой отношений группы к себе, другим группам.

2) На уровне когнитивного компонента «виртуальной» группе присуща информационная включенность в перечень групповых когнитивных структур, однако без принятия данных единиц культурной информации как собственных, восприятие их дистанционно, абстрактно, «формально». «Реальной» группе свойственна сформированность интеллектуального и перцептивного единства как на уровне индивидуального, так и группового субъекта.

3) На поведенческом уровне «виртуальная» группа в большей степени демонстрирует приобщенность участников к деятельности. Они фиксируют причастность своего вклада в успешную деятельность, реализуют наравне с «реальными» участниками поведенческие модели обсуждения и решения проблем при взаимодействии с другими группами.

Полученные данные позволяют заключить: групповая идентичность участников Интернет-сообществ формируется на уровне индивидуального субъекта в эмоциональном и поведенческом компонентах, касается сфер, которые связаны с укреплением собственных оценок и позиций (ощущение причастности к группе по причинам безопасности, статусности, престижности). Результаты открывают возможность более детального дальнейшего исследования идентичности, групповой сопричастности в иных Интернет-сообществах.

Шейнов В.П.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА АССЕРТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ

Ассертивность – это способность человека уверенно и с достоинством отстаивать свои права, не попирая при этом прав других. Ранее автором было показано [Шейнов, 2015 (а)], что это определение отражает главное, что объединяет взгляды авторов, внесших значительный вклад в изучение ассертивности.

Ассертивность создает оптимальные предпосылки для наиболее конструктивного подхода к межличностным отношениям, являясь альтернативой деструктивным способам поведения — манипуляции и агрессии.

Отечественные психологи приступили к изучению проблемам ассертивности значительно позднее зарубежных коллег, поэтому количество не разрешенных вопросов, касающихся ассертивности в русскоязычном социуме, достаточно велико. При этом сопоставление полученных результатов отечественных авторов с результатами зарубежных исследований выявлены ментальные отличия.

Так, ранее автором [Шейнов, 2015 (б)] выявлена положительная связь между ассертивностью и интернальностью как у мужчин, так и у женщин, в то время как в англоязычном социуме она имеет место лишь для мужчин ([Cooley, Nowicki, 1984] и др.). В соответствии с нашим исследованием [Шейнов, 2014 (а)], ассертивность не зависит от возраста взрослого человека, в то время как в зарубежных работах такая зависимость прослеживается.

Не совпали наши выводы [Шейнов, 2014 (а, б)] с зарубежными и относительно влияния пола на ассертивность. Автором было установлено [Шейнов, 2014 (а, б)], что среднее значение показателя ассертивности у мужчин статистически значимо ($p < 0.01$) больше среднего показателя ассертивности у женщин (по всем русскоязычным выборкам с общим числом испытуемых более 1500). В то же время в работе автора [Шейнов, 2014 (а)] приведены противоречивые результаты зарубежных исследователей о влиянии пола. Одни из них (например, в Ф. Икиз [Ikiz, 2011]) обнаружили, что пол не влияет на уровень ассертивности. Другие (например, Б. Муин с соавторами [Mueen et al, 2006]) — что мужчины более ассертивны по сравнению с женщинами.

Поэтому возникло предположение о возможном влиянии другого, не учитываемого исследователями фактора — социального пола испытуемых. Эта гипотеза в данном исследовании подтвердилась: оказалось, что ассертивность высока статистически значимо связана: положительно — с маскулинностью ($R = 0.596$, $p = 0.001$) и отрицательно — с феминностью ($R = -0.273$, $p = 0.003$).

Показано также, что ассертивность положительно связана с экстраверсией, коммуникативными умениями, самооффективностью, самоуважением, конструктивной агрессивностью и отрицательно — с нейротизмом, тревожностью, депрессией и зависимым поведением. Выявлено значительное влияние пола на наличие и уровень этих связей. В докладе приводятся количественные показатели, свидетельствующие о степени выраженности у ассертивной личности каждого из изученных качеств.

Всего на разных этапах данного квазиэкспериментального исследования задействовано более 1600 испытуемых в возрасте от 17 до 77 лет. Используются: авторская методика оценки ассертивности [2], Вопросник Сандры Бэм, Личностный опросник Г. Айзенка, Госпитальная шкала тревоги и депрессии (HADS), тест Л. Михельсона коммуникативных умений, методика Дж. Маддукс и М. Шеер определения уровня самооффективности, личностный опросник Розенберга измерения самоуважения. Статистическая обработка результатов тестирования осуществлялась с помощью пакета SPSS, версия 18.00.

Ширик М.С.

ПОНИМАНИЕ И РЕКОНСТРУКЦИЯ СМЫСЛА СИТУАЦИЙ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЖИВОПИСИ)

Психологический потенциал изобразительного искусства позволяет с помощью художественного образа раскрыть богатый информативный материал о взаимоотношениях людей, воплощенный в различных моделях их поведения.

В социальной психологии практически не обращались к вопросу о том, как происходит осмысление взаимоотношений между людьми в художественных образах, которые предполагают развитие субъектом способности к осмыслению и познанию объективной действительности [1, 2]. Отсутствуют исследования преобразующей функции воображения в познании социальной реальности [3, 4].

В этом контексте механизм познания социальной реальности на материале произведений живописи актуализирует приобретение навыков практической деятельности в создании ментального образа, формирование эстетического опыта и творческого потенциала личности.

Цель исследования – показать специфичность интерпретации ситуаций межличностного взаимодействия в произведениях живописи.

Концептуальная схема опирается на положения интегративного и структурно – ситуационного подходов к изучению социальных представлений, разработанные французскими психологами [5, 6].

Для решения задач исследования нами был разработан социально – психологический развивающий эксперимент.

В исследовании приняли участие 110 взрослых, в возрасте от 20 до 64 лет, группы профобразования, «наивные» зрители и лица с художественной подготовкой – любители искусства. Эксперимент проводился в лабораторных условиях, с группой 10 – 12 человек.

Были выбраны 12 картин русских художников (репродукций), в контексте понятий «Мир человека» и «Человек в мире», так, чтобы они максимально отличались (1) по параметру «позитивности – негативности» и включали ситуации (2) категории «активность» и эмоциональных отношений «разговор и чувства».

На этапе анализа двух картин применялась методика «погружения» в ситуацию для выявления смысла взаимоотношений героев, реальности – символичности образа.

На этапе предъявления 12 картин выявлялись коммуникативные способности участников к оценочному суждению.

Применялся Опросник (авторская разработка) с батареями из 4 – х методик (Л.Я. Дормана, Дж. Гилфрода, шкалы Лайкерта, самооценки SAM Manikin).

По результатам математической обработки участниками выявлены 4 модели статусных и эмоциональных отношений – нейтральные, проблемные, позитивные реальные и символические.

В каждом виде отношений выделены стереотипные и нетипичные ситуации, определены уровни их понимания – наблюдаемое поведение и смысл поведения и отношений.

Выявлены достоверные различия в понимании проблемных реальных и позитивных символических ситуаций (χ^2 239,472 $p=,000$; χ^2 472,599 $p=,000$).

Критерием понимания ситуации выступает успешность реконструкции смысла межличностных отношений на картине. Применялся метод инверсии. Различия по эмоциональным показателям реконструкции смысла на высоком уровне значимости зафиксированы у любителей искусства. Респонденты с высоким уровнем воображения и ассоциативного мышления чаще понимают смысл ситуаций.

Новизна и оригинальность подхода заключается в том, что в качестве интерпретируемых моделей были выбраны произведения живописи, активизирующие творческие ресурсы личности, в отличие от традиционного взгляда на процесс восприятия живописи, имеющий ярко выраженный арт-терапевтический эффект.

Методика изучения типологии ситуаций межличностного взаимодействия в произведениях живописи открывает новые возможности в познании социальной реальности, ее смысловой структуры, развития позитивного мышления в обществе.

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Литература:

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. Учебное пособие. □ М.: Аспект Пресс, 2004. □ 288 с.
2. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. – М., 1982.
3. Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1972.
4. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – 2-е изд., испр. – М.: Смысл, 2007. – 510с.
5. Abric J. 1989. Paris. Noyau central d'une représentation sociale.
6. Moliner P. 1994. Montpellier. Représentations sociales et iconographie.

Шумская Л.И.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ТРЕБОВАНИЙ К СПЕЦИАЛИСТУ НА СОВРЕМЕННОМ РЫНКЕ ТРУДА

Трансформация социальной жизнедеятельности государств постсоветского пространства, становление в наших странах рыночных отношений объективно влекут за собой изменение требований к специалисту на современном рынке труда.

Рыночное общество – общество прагматизма и конкуренции, ориентированное на высококвалифицированный труд во всех сферах. Работники низкой квалификации теряют перспективы динамичного профессионального и личностного роста. Закономерно возникает вопрос: каким требованиям со стороны рынка труда должен соответствовать выпускник университета сегодня, чтобы его профессиональная деятельность и карьера складывалась успешно? Получив обоснованный ответ на данный вопрос можно конструктивно решать проблему совершенствования образования путем внесения в образовательный процесс элементов инноваций.

С целью изучения данной проблемы в Центре развития молодежного предпринимательства экономического факультета БГУ под нашим научным руководством осуществляется исследовательская работа по выявлению релевантных качеств современного специалиста. На первом этапе исследования проводился опрос мнения 114 работодателей: респондентам было предложено высказать суждения относительно представленного перечня личностных характеристик, которым должен обладать выпускник вуза как востребованный на рынке труда специалист.

Полученные в результате проведенного контент-анализа суждений работодателей предварительные данные позволили выделить следующий перечень наиболее актуальных личностных характеристик современного специалиста: профессиональная подготовленность; опыт работы; обучаемость; информационная компетентность; знание иностранных языков; креативность и способность принимать решения в ситуации неопределенности; деловая репутация; интернальный локус контроля; мотивация достижения; стрессоустойчивость; толерантность к неопределенности; адекватность самооценки; достоинство; патриотизм; социальная ответственность; коммуникабельность; умение улыбаться; навыки общения; корпоративность; умение работать в команде; инициативность и четкая исполнительность; наличие конкретных личных целей и совпадение их с целями компании; инновационность; способность к созданию новшеств, порождающих значительные перемены в социальной практике.

Данные исследования позволяют сделать следующие заключения:

- в условиях современного рынка труда существенно возрастают требования не просто к качеству профессиональной подготовки специалиста, а к качеству его личности;

- наряду с непреходящей значимостью знаний, умений и навыков образовательный процесс должен быть нацелен на становление системных личностных качеств будущего специалиста как носителя комплекса актуальных профессиональных ролей, в том числе:

- менеджера, осуществляющего управленческие функции по превращению инновационной идеи в социально востребованный продукт и внедрению его в производство;
- маркетолога-специалиста, изучающего потребности рынка и возможности сбыта своей продукции;
- практикующего психолога, умеющего организовать оптимальное взаимодействие работников в процессе их совместной деятельности, уметь предупреждать и разрешать конфликты.

В методологическом аспекте речь идет о фундаментальном осмыслении миссии образования в переориентации молодого поколения с патерналистского на саморегулируемый тип жизнедеятельности.

Юшачкова Т.Б.

ЦЕННОСТЬ УМЕНИЯ ПРОЩАТЬ И ПОНИМАНИЕ ЛЮДЬМИ ДРУГ ДРУГА

В работах психологов неоднократно отмечалось, что условиями подлинного понимания другого человека является наличие гуманистической направленности личности, отношения к другому человеку как к ценности.

В целях более глубокого анализа факторов, определяющих понимание людьми друг друга, нами было проведено исследование, направленное на изучение ценности для субъекта познания умения прощать других людей и его способности к межличностному пониманию.

В число испытуемых вошли студенты Магнитогорского государственного технического университета в количестве 73 человек.

Были использованы разработанные в отечественной и зарубежной психологии методики и опросники. Анализ понимания субъектом других людей осуществлялся по трем параметрам, рассматриваемыми нами как составляющие способности к пониманию, среди них: точность прогнозирования развития ситуации межличностного взаимодействия; оценка субъектом собственной способности к пониманию других людей; понимание состояния другого человека по его невербальному поведению. Оценка значимости для личности умения прощать осуществлялась на основе одноименной ценности, входящей в ценностный ряд методики ценностных предпочтений Шварца (в модификации В.Н. Куницыной ЦО-36).

Согласно полученным результатам, для данной возрастной группы умение прощать имеет среднюю степень значимости. В ряду близких к умению прощать ценностных ориентаций выступают такие ценности как: честность, уважение старших, отсутствие стремления к достижению успеха и авторитетности. В ходе исследования нами были рассмотрены психологические особенности, характеризующие людей высоко ценящих умение прощать и, напротив, тех, для которых оно не представляется актуальным. Психологический портрет людей, для которых важно умение прощать, выглядит следующим образом. Они не считают себя людьми самодостаточными, чувствительны и ранимы, не очень уверены в себе, у них есть ощущение определенной зависимости от других, некоторая боязнь быть отвергнутыми ими. По отношению к людям в меру благожелательны, не склонны к агрессивным стратегиям разрешения сложных межличностных ситуаций, умеют контролировать свои эмоции и поведение, при этом способны к проявлениям сочувствия, сопереживания. Достаточно социально активны,

открыты к общению, однако коммуникативные навыки развиты на среднем уровне, мотивация достижений развита плохо, не отличаются практичностью. Как показал подсчет *t*-критерия Стьюдента, на уровне статистической значимости у людей, относящих умение прощать к числу ведущих жизненных принципов, в иерархии ценностей более высокие позиции занимают ценности, отражающие благожелательность, толерантность личности, наличие внутренней гармонии, жизненных целей, честность, верность в деле и слове. Они в большей степени ценят проявление уважения по отношению к старшим, соблюдение взятых на себя обязательств, хорошие манеры. Гораздо меньшее значение для них имеют ценности, связанные с властью: социальное признание, авторитетность, материальное благополучие и достижение успеха в деле. Они считают себя людьми оптимистичными. С негативными переживаниями чаще всего справляются рациональным путем, не склонны к мазохистским стратегиям разрешения сложных межличностных ситуаций. В большей степени стремятся к стабильности в отношениях, умеют ладить с людьми. Обращаясь к успешности в сфере понимания других людей, можно сказать следующее. Испытуемые обеих групп не всегда точны – их показатели колеблются на уровне от среднего до ниже среднего. Особые трудности у них вызывает прогнозирование развития ситуации межличностного взаимодействия, предполагающее понимание мотивов поведения ее участников. В качестве тенденции следует отметить чуть более высокие показатели по всем диагностируемым параметрам понимания у людей, высоко ценящих умение прощать.

Итак, проведенное исследование позволило выявить ряд психологических особенностей людей, для которых умение прощать представляет большую ценность, их способность к пониманию других людей.

Якунин А.П., Панферов В.Н.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА СТРУКТУРЫ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЛИЧНОСТИ

В исследованиях Ж.-К. Абрика (Abric, 1993) была представлена теоретическая двухуровневая структура «социального представления», а именно: «ядро» и «периферическая система». Другими авторами были представлены критерии определения данной структуры (Verges et al. 1994). Однако проблема поиска других статистических критериев контент-анализа структуры социального представления остается открытой. В данном докладе предлагается решение этой проблемы на основе применения статистических критериев, которые нами были апробированы ранее в эмпирических исследованиях. (Якунин, 2013).

На основе критерия Фишера (Еремеев, 2005) была установлена структура социального представления, отображающая частотное распределение слов-понятий «языкового тезауруса». При уровне значимости $P > 0,9999\%$ отображается «ядро» социального представления. Уровень значимости в пределах p ниже $0,9999\%$, но выше $0,95\%$ характеризует «периферическую систему» представления. Уровень $p < 0,95\%$ отображает «зону индивидуального смысла» данного представления. Такое частотное распределение на основании данных статистических критериев согласуется с мнением Т.П. Емельяновой (2013) по данной проблеме.

На следующем этапе исследования структуры социального представления проводится анализ парной корреляции Пирсона (Еремеев, 2005), позволяющий определить связность слов-понятий в каждой из конкретных структурных систем данного представления. Были установлены отсутствие связности слов в «зоне индивидуального смысла» и незначительного количества связей в «периферической системе», что доказывает положения теории Ж.-К. Абрика (Abric, 1993) об отсутствии согласованности (связанности) элементов этих систем со-

циального представления. В тоже время в «ядре» представления установлены устойчивые корреляционные связи между словами-понятиями (при уровне значимости $P < 0,01\%$). Например, были установлены следующие групповые высказывания подростков о роли «хозяин в «ядре» социального представления: «Хозяин – это человек, который владеет чем-то или чем-либо»; «Хозяин – это владелец чего-либо»; «Хозяин – это главный в доме»; «Хозяин – это человек, который имеет своё» (Якунин, 2013). Пример (Якунин, 2015) для «ядра» социального представления подростков о роли «супруги»: «Супруги – это женатые люди, которые живут вместе в браке»; «Супруги – это муж и жена»; «Супруги – это любящие люди, которые любят друг друга». В «ядре» социального представления о роли «мать» были получены следующие высказывания (Якунин, 2015): «Мать – это человек, который самый любимый, родной, близкий и который заботится, любит, помогает мне или тебе»; «Мать – это женщина, мама, та, которая родила и воспитывает меня и тебя»; «Мать – это главный человек, который заботится, помогает и любит детей»; «Мать – это мама, которая воспитывает по жизни ребенка»; «Мать – это родитель, который воспитывает тебя»; «Мать – это самый главный человек в жизни и семье». Данные примеры показывают, что на основе корреляционного анализа установлена дифференциация элементов (слов-понятий) в «ядре» социальных подростков о ролях взрослого человека.

Следующим шагом статистической обработки «тезауруса» ядерной структуры социального представления является построение корреляционных плеяд. В построении этих плеяд можно предложить два варианта: свободные корреляционные плеяды, предлагаемые французскими авторами (Verges. 1994; Flament. 1994) и корреляционные графы согласно работам Б.А. Еремеева (2005). В наших исследованиях (Якунин, 2013, 2015) представлены оба варианта построения корреляционных плеяд, демонстрирующих наглядно содержание «ядер» социальных представлений подростков.

Безусловно, представленные статистические критерии контент-анализа структуры социальных представлений требуют дальнейшей апробации на других группах, а именно на возрастных, гендерных, этнических, профессиональных.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Анисимова Т.В., Бакулева К.К., Самуйлова И.А.

ОБРАЗ ГОСУДАРСТВА У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Образ государства является сложным субъективным феноменом, представленным в сознании людей и во многим определяющим их мировоззрение и политическое поведение (Дейнека, 2002; Свешникова, 2011). Существенные флуктуации политической жизни страны и мира в период 2013-2016 гг. (изменение границ государства, рост экстремизма, миграционные проблемы, экономическая турбулентность и сдвиги векторов внешнеполитического сотрудничества), безусловно, отражаются на формировании образа государства. Научное психологическое описание образа государства у представителей разных поколений может быть использовано в работе над проектами стратегического развития государства.

Для изучения изменений в структуре образа государства в период 2013-2016 гг. проведено двухэтапное эмпирическое исследование. Методы исследования: методика «Образ страны» (Петренко, 2005), метод определения понятий, биографическая анкета. В исследовании приняли участие 220 жителей Санкт-Петербурга в возрасте от 19 до 66 лет (45,5% - мужчины, 54,5% - женщины), 128 из них участвовали в первом этапе исследования (2013 г.) и 92 – во втором (2016 г.). Участники исследования были отнесены к одной из трех возрастных групп: младшее поколение (19-29 лет), среднее поколение (30-49 лет), старшее поколение (от 50 лет и старше).

По результатам факторного анализа выделены 5 факторов оценки образа государства: Демократический потенциал, Достижения страны, Уровень духовной культуры, Отношение к стране, Уровень милитаризации. Следует отметить, что если данные 2013 г. отличаются четким разграничением элементов образа государства, то результаты исследования 2016 г. свидетельствуют о соединении культурных, политических и экономических характеристик России в сознании граждан.

По результатам дисперсионного анализа обнаружена тенденция ($p=0,7$) к статистической значимости различий в оценках России по фактору «Демократический потенциал» в 2013 г. и 2016 г. Представители старшего поколения оценивают демократический потенциал страны в 2016 г. значительно ниже ($M=-1,35$), чем в 2013 г. ($M=1,75$). В то же время представители среднего поколения в 2016 г. оценивают политическую стабильность и демократический потенциал России выше ($M=2,61$), чем в 2013 г. ($M=-1,38$).

Полученные данные ($p=0,04$) также свидетельствуют о том, что представители всех возрастных групп оценивают Россию по фактору «Уровень духовной культуры» в 2016 г. значительно выше ($M=4,62$), чем в 2013 г. ($M=2,84$). Таким образом, в настоящее время гражданам присущи представления о России как об открытой стране с глубокими историческими традициями и высоким уровнем духовной культуры.

Оценка России по факторам «Достижения страны» и «Уровень милитаризации» статистически значимо ($p=0,02$; $p=0,00$) различается в зависимости от возраста респондентов. Как в 2013 г., так и в 2016 г. граждане среднего возраста оценивают текущие достижения государства наиболее позитивно ($M=2,01$), тогда как представители младшего ($M=-0,34$) и старшего поколений ($M=-0,16$) затрудняются однозначно оценить уровень жизни и социально-экономические достижения страны. В то же время статистически значимая взаимосвязь ($p<0,05$ при $g>0$)

между возрастом респондентов и их оценкой России по фактору «Субъективное отношение к стране» свидетельствует о том, что наиболее позитивное отношение к своей стране присуще именно представителям старшего поколения. Представители старшей возрастной группы также характеризуют Россию как страну с низким уровнем милитаризации ($M=-2,12$), в то время как респонденты моложе 50 лет более склонны оценивать Россию как милитаризованную страну, проводящую имперскую политику ($M=0,58$).

Полученные результаты позволяют заключить, что к настоящему моменту у представителей среднего поколения сложился позитивный образ России, тогда как среди представителей младшего и старшего поколений в период 2013-2016 гг. наблюдается тенденция к снижению оценки социально-экономических достижений и политического потенциала государства.

Бугайчук Т.В.

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ

Гражданская активность становится действенным фактором в определении и росте возможностей каждого человека, а значит, и социума в целом. Именно поэтому сегодня актуально выделение гражданской идентичности в качестве особого предмета исследования не только как важного качества в характеристике личности, но и как условия формирования общества (Коряковцева О.А., Бугайчук Т.В., 2013). Целесообразно рассматривать гражданскую идентичность как осознанный процесс соотнесенности или тождественности человека с определенной государственной общностью в конкретном социально-политическом контексте.

В качестве примера, определяющего особенности развития гражданской идентичности студентов, приведем результаты исследования научной лаборатории «Изучение гражданской идентичности студенческой молодежи» Ярославского педагогического университета. В основе исследования лежит серия репрезентативных психологических исследований, анализ статистических данных.

При изучении гражданской идентичности использовалась психосемантическая методика «множественной идентификации», при помощи которой проводятся сопоставление ролевых позиций и выявление стоящих за ними идентификаций через описание характерных показателей гражданской идентичности. Формой обработки данных и одновременно формой их представления явилось построение субъективных семантических пространств с использованием факторного анализа.

Обратимся к результатам психосемантического исследования гражданской идентичности студенческой молодежи.

В представлении студентов, современный типичный человек, гражданин РФ далек от идеального гражданина. В то же время мы можем отметить, что они характеризуют себя по показателям гражданственности выше, чем типичных граждан, тем самым приближая себя к идеальному гражданину РФ. Студенты показывают высокий уровень представлений о себе как об идеальном гражданине РФ, что частично является показателем гражданской идентичности, но, при этом, при ответе на вопросы, связанные с другими, проявляют очень индивидуалистическую, ориентированную только на себя позицию, а также критикуют других граждан и принижают их гражданскую позицию, что противоречит понятию гражданской идентичности в целом.

Также мы увидели, что студенты не видят значимых изменений через 10 лет в своей гражданской позиции, а по такому критерию как «готовность участвовать в общественно-политической жизни страны» даже отмечают тенденцию к ее уменьшению. Данные результаты

еще раз подтверждают завышенную самооценку представлений их о себе как гражданах России. Также, к нашему сожалению, современное молодое поколение, несмотря на свою будущую педагогическую деятельность, не верит в то, что могут произойти значимые изменения в гражданской позиции у молодежи. Потенциал социально-психологической активности у наших испытуемых высок. Но для эффективного использования данного потенциала студенческой молодежи в интересах создания гражданского общества, прежде всего, необходимо формирование гражданской идентичности и гражданской позиции личности, поскольку при всех лидерских качествах и организаторских способностях только мотивация «жить и работать на благо семьи, общества и государства» присуща истинному Гражданину. Современная молодежь далека от этого, что подчеркивает крайнюю значимость рассматриваемой проблемы.

В этой связи перед наукой встает вопрос об отборе эффективных технологий и моделей формирования новой идентичности молодых граждан России, что имеет стратегическое значение для успешного будущего российской государственности.

Гайдар К.М., Кунаковская А.В.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Вовлеченность молодежи в общественную жизнь, освоение политических прав и практик их реализации, приобщение к определенным политическим ориентациям обуславливают устойчивость развития общества. Сказанное подтверждает актуальность психологического исследования политической социализации молодежи.

Целью исследования было изучение социально-психологических особенностей политической социализации современной молодежи. В нем впервые проведен сопоставительный анализ этих особенностей на материале российской и западноевропейской студенческой молодежи. Гипотезой служило предположение о том, что российские и западноевропейские студенты отличаются по таким социально-психологическим особенностям политической социализации, как уровень социально-психологической адаптированности, уровень активности в социально-политической сфере, доминирующие смысложизненные ориентации, а именно: у западноевропейских студентов уровни социально-психологической адаптированности и социально-политической активности выше, чем у российских, среди смысложизненных ориентаций доминируют цели в жизни и удовлетворенность самореализацией; у российских студентов уровни социально-психологической адаптированности и социально-политической активности ниже, чем у западноевропейских, доминирующими смысложизненными ориентациями являются цели в жизни, процесс жизни, ее насыщенность.

Базой эмпирического исследования являлись Воронежский государственный университет (Россия) (80 студентов), Католический университет г. Лёвен (Бельгия) и Университет им. Альберта-Людвига г. Фрайбург (Германия) (80 студентов). Использовались методики:

а) Purpose in life test (Crumbaugh & Maholick) и его русскоязычная адаптация «Тест смысложизненных ориентаций» Д.А. Леонтьева;

б) тест «Diagnostics of social and psychological adaptation» (K. Rogers, R. Daymond) и его русскоязычная адаптация А.К. Осницкого «Методика диагностики социально-психологической адаптированности»;

в) авторская анкета «Социально-политическая активность» («Social and Political Activity») на русском и английском языках.

Результаты эмпирического исследования позволили сделать выводы:

1. Западные и российские студенты достаточно социально и политически активны, что может быть объяснено возрастными особенностями юношества. Между ними не выявлено значимых различий в социально-политической активности.

2. По общему показателю осмысленности жизни студенты России и Западной Европы не отличаются друг от друга: в общей своей массе они направлены на достижение целей в жизни, довольно ясно осмысливают свою жизнь, осознают собственную свободу выбора.

3. У российских студентов доминирует смысловая ориентация «цели в жизни». У них выражены готовность и способность ставить и достигать цели, понимание того, что их ясность обуславливает большую структурированность и определенность жизни, является источником субъектной активности. У западноевропейских же студентов преобладает смысловая ориентация «процесс жизни»: именно в самом процессе жизни они видят смысл своего существования.

4. Значимых различий между российскими и западноевропейскими студентами по такой особенности политической социализации, как социально-психологическая адаптированность, не обнаружено. И те, и другие имеют достаточный потенциал для адаптации в обществе и, следовательно, успешной политической социализации в нем.

5. Обнаружены различия по отдельным показателям социально-психологической адаптированности – принятию других и эмоциональному комфорту. Западные студенты более терпимы к людям, склонны принимать их индивидуальные особенности, а также ощущают себя эмоционально более комфортно, спокойно и безопасно, чем их российские ровесники. Эти различия могут быть обусловлены присущими западному обществу воспитательными традициями и социокультурными установками.

Перспективой исследования политической социализации молодежи может стать анализ соотношения политической культуры личности и политической социализации, а также этнопсихологической специфики политической социализации.

Глазов Л.Г., Конфисахор А.Г.

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ПСИХОЛОГО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК УЧАСТНИКОВ НКО

Представление человека о своем будущем определяет его политическое поведение в настоящем. В 2012-2016 гг. в поле изучения политической психологии попадают участники некоммерческих организаций, НКО. В этот период НКО становятся политическими акторами после присвоения статуса «иностранный агент» НКО, занимающимся «политической деятельностью», и законодательного установления достаточно широкого определения термина «политическая деятельность», захватывающего аспекты участия граждан в деятельности НКО. Исследование «ЦИРКОН» 2012-го года показало, что словосочетание «иностранный агент» скорее вызовет отторжение и рост недоверия к некоммерческому сектору, воспринимаясь респондентами как «осведомитель», «шпион», а не как лицо, «действующее по поручению». Окажет ли завтра все это негативное влияние на гражданско-политическую ситуацию в стране - или же на развитие гражданского общества положительно повлияет значительное увеличение государственных субсидий на развитие некоммерческого сектора (с 4,7 млрд. р. в 2012 г. до 8,285 млрд. р. в 2013 г.) и официальная поддержка социально ориентированных НКО?

НКО являются элементами гражданского общества, формирующими его структуру. Под гражданским обществом нами понимается совокупность добровольных объединений граждан на основе общих идей, ценностей, убеждений и мировоззрения для удовлетворения ведущих потребностей, вне рамок властно-государственных, политических и коммерческих

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

структур, но в рамках государства как такового. Асоциальные объединения, такие как мафиозные структуры, не входят в гражданское общество, а располагаются в «негражданственном пространстве».

В четырехгодичном исследовании, охватившем 562 респондента и посвященном особенностям ценностно-мотивационной сферы (ЦМС) участников НКО, нами установлено преобладание в ней системы ценностей, ориентированной на творческое развитие, и «антигомеостатического» типа детерминации поведения. Смысл своей деятельности участники видят в создании общественно значимого результата, а в поведении ориентируются на будущее; склонны к повышенной значимости морального удовлетворения, к пренебрежению материальными ценностями и комфортом, тревожности, самокритичности и ориентации на оценку со стороны других.

Длительность участия в НКО связана со снижением уровня неконформизма в общественно-политической сфере. Выявлены сроки участия, до и после которых ЦМС участников статистически значимо отличается – один и три года. У участвующих более трех лет на уровне статистической тенденции проявляется значимость достижения материальных выгод при общественно-политической деятельности и активное участие в соответствующих мероприятиях, если они могут принести денежное вознаграждение и другие виды материального благополучия.

Определены региональные, гендерные, возрастные и соответствующие специфике направления деятельности особенности ЦМС участников. Например, участие в деятельности НКО в регионах воспринимается скорее как возможность для большей безопасности и защиты, а в столицах - как риск для текущего уровня комфорта и безопасности.

Несмотря на сокращение возможностей для НКО, они продолжают работу, направленную на модернизацию общества, т.к. их деятельность удовлетворяет ведущие потребности и отвечает главным ценностям участников. Полагаем, протестный потенциал участников низок, если ситуация не касается их сферы деятельности - в таких случаях протест возможен в косвенных формах (например, публичный отказ от деятельности). Налаженные доступы к НКО позволяют в дальнейшем упростить исследования.

Рекомендуется передавать НКО задачи, не закрепленные за государственными структурами, поскольку стремление участников к конкретным достижениям удовлетворяется именно решением локальных задач, а видимые результаты будут мотивировать их к дальнейшим усилиям.

Показанные особенности – это своего рода психологический портрет тех, кто сейчас активно участвует в жизни страны. Они имеют особую практическую значимость для установления позитивного контакта власти с участниками НКО.

Дейнека О.С.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА ОТ ЭКОНОМИКИ ВЫЖИВАНИЯ К ЭКОНОМИКЕ РАЗВИТИЯ (ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ)

Отечественная экономическая психология, чутко отзываясь на перемены в обществе, постепенно переходит от обслуживания экономики адаптации, выживания к обслуживанию экономики развития и экономики безопасности. Признаками экономики роста и развития являются наличие среднесрочных и долгосрочных проектов и планов в российской промышленности, ВПК, строительстве, сельском хозяйстве; повышение эффективности использования ресурсов власти, в перечень которых А.И.Юрьев (1996,2013) включает сырьевые, энергетические, финансовые, технологические, информационные, организационные, интеллектуаль-

ные, человеческие; тенденции выравнивания дисбалансов в региональной и структурной экономической политике; внимание к нематериальным активам хозяйствования (что нашло отражение, например, в нашем недавнем пилотажном исследовании экономико-политических установок жителей Крыма). Одним из важнейших нематериальных активов хозяйствования является такой экономико-политический фактор конкурентоспособности как единство или сплоченность нации. Как известно, документ, называемый «Лиссабонская стратегия», который разрабатывался для Европейского Союза с целью повышения его конкурентоспособности и ликвидации разрыва между экономикой ЕС, с одной стороны, и экономикой США и Японии, с другой стороны, включал этот показатель. Заложенная в нем стратегия была ориентирована на экономику, способную к устойчивому экономическому росту при создании большого количества более качественных рабочих мест, и повышение социальной сплоченности. Однако геополитические и ситуативные факторы внесли в настоящее время свои коррективы в развитие Европы, повлияли на ее благополучие (долговой кризис, миграционный кризис, деструктивные процессы в отношениях внутри ЕС и с РФ). В качестве нематериального актива конкурентоспособности и стабильности экономики целесообразно рассматривать экономический патриотизм, под которым на сегодняшний день понимают стремление защитить национального производителя, предпочесть отечественные товары импортным. Также в последнее время реализуются позитивные тенденции реанимации чувства собственного достоинства граждан РФ. У россиян уже в меньшей степени проявляется заниженная самооценка (один из предикторов бедности) на макросоциальном уровне, чему способствовали благоприятные перемены во внешней политике, признаки стабилизации в экономике и политике России и, главное, усиление ответственности власти за социальную политику. Согласно теории политической поддержки Д. Истона и Дж. Денниса, для стабильного развития общества необходима добровольная поддержка гражданами власти и лояльное к ней отношение (Easton D., Dennis J., 1969). Как доказано в выполненном под нашим руководством диссертационном исследовании Р.К. Хабибулина (2015), именно моральный ресурс повлиял в последние годы на повышение авторитета государственной власти. Продолжается работа по стимулированию развития прогрессивной рыночной экономики, призванной создавать и ценить духовные блага (Дейнека, 2013). Идеология экономики поступательно уходит от доминанты дерегулируемого рынка, стремясь к балансу в системе «бизнес – государство», «инновации – стабильность». В то же время на метаэкономическом уровне появились новые формы конкуренции на фоне информационных войн, угроз промышленно-технологического шпионажа и кибердиверсий. Применяются политические, религиозные и идеологические маскировки экономических интересов (политизация и идеологизация экономики), экономический экстремизм и терроризм. И в экономике страны, и в экономике семьи есть сферы, которые могут породить угрозы. Так, криминализация финансово-кредитной сферы жизнедеятельности общества является наиболее опасной для личности, общества и государства, поскольку она «заражает» все звенья экономической системы в целом. В условиях глобализации возрастает политическая ответственность за состояние экономики, поскольку более острой становится необходимость сохранения национальных интересов и сопряжения их с мирохозяйственными интересами.

Дейнека О.С., Якухнова А.С.

ОТНОШЕНИЕ К РОССИЙСКОЙ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКЕ У СТУДЕНТОВ АГРАРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Продовольственная безопасность является одной из самых важных составляющих национальной безопасности страны. В современной России при ненасыщенной потребности

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

в продовольствии имеет место аграрное перенаселение, безработица и излишки земли, при этом не хватает не только рабочих мест, но и работников, способных эффективно трудиться (Алпатов Г.Е., 2014). Процессы реализации политики импортозамещения и возрождения сельского хозяйства на новом уровне предполагают комплексный политико-психологический подход, работу с населением, включающую диагностику психологической готовности к преобразованиям граждан, и особенно молодежи. Недостаток понимания целей и средств, возможностей и рисков, последствий и перспектив поддержки населением политического курса и решений делает их неэффективными. Целью нашего исследования явилось изучение характеристик отношения к аграрной политике в Российской Федерации представителей студенческой молодежи с учетом их культурно-ментальных ценностей, уровня патриотизма и оценки личной конкурентоспособности. Объектом исследования стали студенты разных подразделений Санкт-Петербургского государственного аграрного университета (131 чел., средний возраст 19,5 лет, 77% юношей). Методологически работа опиралась на теорию отношений, междисциплинарный, типологический и корреляционный подходы. Методический инструментарий состоял из двух блоков. Основной блок включал авторские методики, направленные на изучение отношения к аграрной политике (опросник отношения к аграрной политике и методику ранжирования мотиваторов занятия сельскохозяйственной деятельностью). Блок дополнительных методик включал модуль исследования ценностей в культурах Г. Хофстеде; опросник ценностей Р. Инглхарта (в модификации Р.Хабибулина); опросник уровня патриотизма А. А.Максименко и методику самооценки конкурентоспособности (Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М., 2002). Студенты аграрного университета продемонстрировали в целом позитивное отношение к современной аграрной политике в России и к выбранному государством вектору импортозамещения. Факторный анализ данных опросника отношения к аграрной политике позволил получить матрицу из 6 факторов: фактор готовности к фермерской деятельности; фактор экономического оптимизма/пессимизма; фактор веры в сельское хозяйство; фактор индифферентного отношения к российским проблемам импортозамещения; фактор потребительской бдительности и фактор претензий к отечественным производителям продуктов питания. С помощью методики ранжирования мотиваторов сельскохозяйственной деятельности выявлены три наиболее важные для студентов аграрных специальностей стимула: прибыль, самореализация и государственная поддержка. Факторный анализ данных методики ранжирования позволил описать три мотивационных типа, которые можно условно назвать «индивидуалист», «новатор-карьерист» и «материалист». Исследование ценностей по Р. Ингларту показало, что в целом студентам аграрного вуза ближе традиционные ценности и ценности выживания, чем рационально/секулярные и ценности самовыражения. Носители традиционных ценностей в большей степени проявляют экономический патриотизм и веру в возрождение сельского хозяйства в стране. Студенты-носители ценностей выживания готовы заняться агробизнесом только в том случае, если государство возьмет на себя риски. Менее выраженный интерес к деятельности в аграрном секторе проявили студенты с ценностями индивидуализма, маскулинности и избегания неопределенности (по Хофстеде). Такие компоненты конкурентоспособности как трудолюбие, исполнительность, ответственность оказались благоприятными для деятельности в агробизнесе. Студенты аграрного вуза с высоким уровнем патриотизма проявили и экономический патриотизм: «потребительский» патриотизм (предпочтение отечественных продуктов питания); патриотизм-веру в потенциал страны (в возрождение сельского хозяйства и обеспечение продовольственной безопасности); патриотизм как привязанность к земле.

Митина О.В., Вахабжанова Ф.

АДАПТАЦИЯ МЕТОДИКИ «ЦЕННОСТНЫЙ ПОРТРЕТ» Ш. ШВАРЦА В УЗБЕКСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

За последние годы из множества работ, посвященных ценностным ориентациям, исследования Ш. Шварца выделились своей широкой масштабностью и известны во многих странах мира (Шварц, 2012). Последний модифицированный вариант методики, состоящий из 57 пунктов и позволяющий определить значимость 19 ценностей, был использован в большом количестве исследований в разных странах, включение во многие широкомасштабные исследования, что позволило проследить ценностные приоритеты в разных культурах.

Узбекистан остается неохваченным указанными исследованиями, хотя, с точки зрения кросс-культурных сравнений, является очень интересной страной. Советское прошлое и воспитание интернационального «советского человека» на базе множества национальностей, между которыми старательно стирались все различия, постсоветское независимое существование Узбекистана в условиях возрождения национальной и религиозной идентичности этих национальностей и необходимости этнической и религиозной толерантности, как основе бесконфликтной жизни страны, геополитическое положение в Центральном-азиатском регионе, делает Узбекистан местом как будто специально созданным для проведения сопоставительных кросс-культурных исследований. Несмотря на достаточно высокий процент русскоязычного населения в больших городах и областных центрах, использование методики Шварца даже на русском языке требует адаптации, не говоря уже об адаптации методики на узбекский язык. Живущее в маленьких районах и махаллях население практически не говорит по-русски и достаточно сильно различается в культурном плане от области к области.

Нами была предпринята попытка адаптации методики «Ценностный портрет» на узбекский язык. Опросник переводился из русскоязычной версии (Шварц 2012; Митина, Сорокина 2014) человеком, свободно владеющим и русским, и узбекским языком. Сопоставление первоначального текста опросника на русском языке и обратный перевод узбекского варианта на русский язык, который так же был выполнен билингом, позволил уточнить некоторые формулировки.

В качестве респондентов выступили студенты высших учебных заведений Республики Узбекистан. Всего было 250 респондентов обоего пола, из них 92 русскоговорящих, 76 – европеизированных узбеков, говорящих на узбекском и русском языках (заполняли опросник на русском языке) и 82 – традиционных узбеков, говорящих только на узбекском языке (заполняли опросник на узбекском языке).

Таблица 1.
Коэффициент надежности α -Кронбаха по объединенным шкалам опросника Шварца

Шкала	Говорящие на двух языках	Только узбекоговорящие	Только русскоговорящие
Открытость изменениям	0,79	0,77	0,87
Самоуважение	0,79	0,76	0,86
Консерватизм	0,81	0,86	0,88
Самопреодоление	0,85	0,86	0,91

Надежность, согласованность, измеряемая с помощью α -Кронбаха оказалась высокой по всем 19 шкалам только в группе русскоговорящих респондентов. У двух других групп в ряде случаев согласованность пунктов ниже удовлетворительной, что свидетельствует о необходимости именно культурной, а не языковой адаптации. Анализ семантики пунктов, удаление которых из шкал повышает надежность этих шкал, показывают перспективы модификации формулировок.

Согласно концепции Шварца, максимально дробные шкалы возможно объединять в более емкие мета-ценности (см табл. 1). Подсчет согласованности пунктов внутри таких объединенных шкал дает весьма хорошие показатели, что свидетельствует о возможности использовать опросник Шварца на узбекском языке на обобщенном уровне с перспективой улучшения согласованности дробных шкал.

Валидизация методики проводилась с использованием психосемантического метода множественных идентификаций (Митина, Горбунова 2011) с приписыванием утверждений различным ролевым позициям, ассоциируемых в массовом сознании с той или иной ценностью из списка Шварца. Анализ получаемых таким образом баллов соответствовал ожиданиям.

Неврюев А.Н.

КАК СПРАВЕДЛИВЫЙ МИР ПРЕДСКАЗЫВАЕТ ОБЩИЕ АТТИТЮДЫ К ВОЙНЕ? РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ, НАЦИОНАЛИЗМА И ПАТРИОТИЗМА

Проблема изучения аттитудов к войне интересовала психологов довольно давно. В последнее время проведено большое количество исследований, затрагивающих проблематику аттитудов к участию своей страны в войне, однако, не так много исследований проведено на тему изучения общих аттитудов к войне.

Идея веры в справедливый мир возникла на основании гипотезы справедливого мира, которая была сформулирована впервые в трудах М. Лернера [Lerner, 1965, 1980]. Он полагал, что большинство людей считают, что мир справедлив и, следовательно, все события и последствия в нем являются логичными и предсказуемыми.

Теория социальной идентичности в социальной психологии была разработана А. Тешфелом [Tajfel, 1978]. Социальная идентичность, по его мнению, была связана с принадлежностью человека к различным социальным категориям.

Социальная идентичность, которая рассматривается как чувство принадлежности к собственной нации, обозначается исследователями как национальная идентификация.

Патриотизм – это чувство позитивной привязанности к своей нации, которое не сопровождается негативным отношением к другим национальным группам [Kosterman & Feshbach, 1989].

Национализм – это чувство позитивной привязанности к своей нации, основанное на убеждении о том, что собственная нация превосходит другие и должна быть доминирующей [Kosterman & Feshbach, 1989].

Респондентами являлись 596 жителей России. В исследовании приняло участие 340 мужчин и 256 женщин. Возраст 18 до 69 лет ($M = 29,7$; $SD = 10,5$).

Для измерения веры в справедливый мир нами использовался опросник для изучения веры в справедливый мир [Dalbert, 2000] в адаптации [Нартова-Бочавер, Хохлова, Подлиппник, 2013]; национальной идентификации - опросник для изучения национальной идентификации

[Leach et al, 2008] в адаптации [Агадуллина, Ловаков, 2013]; общих аттитудов к войне – авторский опросник [Гулевич, Неврюев, 2016]; национализма и патриотизма – утверждения из международного социального опроса [The International Social Survey Program (ISSP)] в адаптации [Григорян, Лепшкова, 2012].

Получившиеся результаты показывают, что вера в справедливый мир вообще ($rs = .416^{***}$) и вера в справедливый мир по отношению к себе ($rs = .398^{***}$) положительно связаны с национальной идентификацией. Национальная идентификация оказалась положительно связана с патриотизмом ($rs = .575^{***}$) и национализмом ($rs = .660^{***}$). Патриотизм имел отрицательную корреляцию с общими аттитюдами к войне ($rs = -.221^{***}$). Однако связь между национализмом и общими аттитюдами к войне отсутствовала. С другой стороны, мы обнаружили корреляцию между национальной идентификацией и общими аттитюдами к войне ($rs = -.164^{***}$).

Затем мы использовали моделирование структурными уравнениями, которое проводили в MPlus 7.2 (Muthen & Muthen, 1998–2012). Модель, которую мы тестировали, включала в себя шесть переменных: вера в справедливый мир (к себе) и вера в справедливый мир (вообще) (независимые переменные), национальная идентификация, национализм и патриотизм (медаторы), общие аттитюды к войне (зависимая переменная). Кроме того, в данную модель были включены корреляции между верой в справедливый мир (к себе) и верой в справедливый мир (вообще). Также мы включили в модель корреляции между национализмом и патриотизмом. Данная модель показала хорошее соответствие исходным данным ($\chi^2 = 32.819$, $df = 7$, $p < 0.01$, $CFI = .959$, $TLI = .918$, $RMSEA = .079$, $SRMR = .040$, $AIC = 15930.050$, $BIC = 15995.903$).

Результаты проведенного тестирования модели демонстрируют, что вера в справедливый мир (к себе) и вера в справедливый мир (вообще) предсказывают национальную идентификацию. Т.е. чем больше люди считают, что мир справедлив по отношению к ним и другим, тем больше они идентифицируют себя с гражданами России.

Национальная идентификация предсказывает национализм и патриотизм. Чем сильнее у респондента выражена национальная идентификация, тем выше у него уровень патриотизма и национализма. Национальная идентификация действительно опосредует связь между верой в справедливый мир с одной стороны и национализмом и патриотизмом с другой.

Тем не менее, патриотизм и национализм по-разному предсказывают общие аттитюды к войне. Чем больше респонденты гордятся Россией, тем менее поддерживают войну как метод разрешения международных конфликтов. С другой стороны, чем больше респонденты считают, что Россия лучше других стран, тем больше они поддерживают войну как способ разрешения международных конфликтов. Национализм и патриотизм полностью опосредуют связь между национальной идентификацией с одной стороны и общими аттитюдами к войне с другой стороны.

Оконешникова О.В.

КОНФЛИКТ «ТЕЛЕВИЗОР VS.ХОЛОДИЛЬНИК» В ПОЛИТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ (НА ПРИМЕРЕ ЖЕНЩИН, РАБОТАЮЩИХ В СФЕРЕ ТОРГОВЛИ)

Проблемы в экономике и политике характеризуют состояние российского общества. Важным вопросом является то, как это может отражаться на политическом сознании. Примечательно, что существует временной разрыв между социально-экономической ситуацией и изменениями в сознании людей. Работники сферы торговли быстрее реагируют на то, что

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

происходит в обществе, поэтому выступают референтом тех изменений, которые происходят в обществе. Исследование проводилось на выборке женщин, работающих в сфере торговли, поскольку на их доходах раньше, чем у других, начинают сказываться экономические проблемы в силу изменения покупательной способности населения. Выборка состояла из 41 человека, возраст 18-55 лет.

Проверялась гипотеза о том, что информационная среда и экономические условия жизни в современной России являются факторами, определяющими социально-политическое сознание женщин, работающих в сфере торговли. Использовались методики: шкала F (Т.Адорно); методика УСК «Локус контроля» (Е.Ф.Бажин, Е.А.Голынкина, А.М.Эткинд); шкала социально-политической интернальности (О.В.Оконешникова); цветовой тест отношений (А.М.Эткинд); анкета для сбора биографической информации.

Методы статистической обработки: точный критерий Фишера (ТКФ, Фэмп); критерий U Манна-Уитни (Уэмп); бутстреп-моделирование (выводятся только значимые информационные коэффициенты Кульбака (Іэмп)). Далее приводятся те результаты, которые имеют значимость, по крайней мере, на 5% уровне.

39% респондентов отмечают новостные телепередачи в качестве источника информации об общественных событиях; 51% доверяют телевидению. Данные лица чаще отмечают доверие к государственным СМИ (Іэмп=0.666), их волнует проблема «курс рубля» (Іэмп=0.783); они являются сторонниками великой державы (Іэмп=0.538); чаще отмечают как важные ценности «любовь», «здоровье», «частная жизнь».

Влияние средств массовой информации сказывается на мнениях людей, но это верно, прежде всего, в отношении 44% респондентов, которые характеризуются тем, что их материальное положение не ухудшилось. Данные испытуемые доверяют государственным средствам массовой информации (1% уровень по критерию ТКФ); они же чаще одобряют внешнюю и внутреннюю политику; значимо чаще, чем ухудшившиеся материальное положение, доверяют президенту (Уэмп = 117, $p \leq 0,05$), судебной системе (Уэмп = 95,5 $p \leq 0,01$), государственной Думе (Уэмп = 94, $p \leq 0,01$), полиции (Уэмп = 88, $p \leq 0,01$).

Гипотеза о том, что экономические условия жизни в современной России являются факторами, определяющими социально-политическое сознание женщин, работающих в сфере торговли, подтвердилась. Критерий ТКФ позволяет, по крайней мере, на 5% уровне значимости утверждать, что, несмотря на влияние массовой пропаганды курса правительства со стороны телевидения, ухудшение материального положения (51% респондентов) ведет к тому, что теряется доверие к правительству, государственным СМИ, к судебной системе. Среди респондентов 27% тех, кто не поддерживает присоединение Крыма. Цветовой тест отношений показывает, что появляется недовольство действиями президента. Это касается, прежде всего, тех респондентов, у которых доход на среднем или ниже среднего уровня.

При этом 46% респондентов, отмечающих стабильное материальное положение, с доходом выше среднего уровня, доверяют правительству, судебной системе и даже Думе. У них положительное отношение к государственным СМИ. Они чаще поддерживают политику власти и, в силу влияния телевидения, проявляют более высокий уровень авторитаризма.

Таким образом, результаты исследования показывают, что в конфликте есть тенденция победы «холодильника» над «телевизором», снижается доверие к власти на неосознанном и даже на осознанном уровне. При этом политическое сознание характеризуется противоречивостью, и респонденты не готовы размышлять о причинах неблагополучия и активных действиях за свои права.

Самуйлова И.А., Зеленов А.С

РОЛЬ ХАРАКТЕРИСТИК ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ В РЕГУЛИРОВАНИИ ПСИХИЧЕСКИХ РЕАКЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ

«В наши дни общество проживает в очень сложном, динамичном и постоянно изменяющемся мире, где политическое лидерство является инструментом организации власти и отражается в сознании представителей различных социальных слоев». Осмысление роли и содержания деятельности политических лидеров, а также представлений граждан об их характеристиках, приобретает особую актуальность и становится все более необходимым в условиях осмысления потенциала страны и формулировки национальных приоритетов для преодоления последствий кризисных явлений.

В марте-мае 2016 г. было проведено эмпирическое исследование, основной целью которого стало изучение представлений респондентов о психологических характеристиках политических лидеров разных периодов истории России. В исследовании выявлялись представления респондентов о психологических характеристиках таких политических лидеров как И.В. Сталин, Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев, М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин, Д.А. Медведев, В.В. Путин. Выборку исследования составили жители г. Санкт-Петербург – представители младшего (18-29 лет), среднего (30-49 лет), старшего (от 50 лет) поколений. Всего: 108 человек, из них – 59 мужчин, 49 женщин. Были выдвинуты гипотезы о том, что представления респондентов о психологических характеристиках советских и российских политических лидеров, их политических взглядах и результатах политической деятельности различаются в связи с принадлежностью к определенному поколению, а также связаны со смыслонаправленными ориентациями респондентов, образом страны и психическими состояниями.

Гипотеза о том, что у российских лидеров выявляются иные черты, чем у советских лидеров подтвердилась значительно. Выявлены статистически значимые различия в представлениях респондентов о психологических характеристиках, политических взглядах и эффективности деятельности различных советских и российских политических лидеров. Обнаруженные различия связаны с принадлежностью респондентов к определенному поколению, а также с их смыслонаправленными ориентациями, образом страны и психическими состояниями. Представители младшего и среднего поколений более отчетливо оценивают психологические характеристики современных политических лидеров России (Д.А.Медведев, В.А.Путин), в то время как психологические характеристики советских лидеров (Н.С.Хрущев, Л.И.Брежнев) представлены в сознании данной группы респондентов более противоречиво, отрывочно и фрагментарно. Старшее поколение, напротив, лучше идентифицирует характеристики советских политических лидеров и более негативно оценивает политических лидеров, находящихся у власти в период разрушения Советского Союза и становления новой России (М.С.Горбачев, Б.Н.Ельцин). Данные лидеры оцениваются как глупые, безответственные, плохие. Ярче всего в сознании представителей всех трех поколений представлены характеристики И.В.Сталина и действующего Президента РФ В.В.Путина: оба политика оцениваются как харизматичные, сильные личности с прогрессивными взглядами и убеждениями, влияющими/повлиявшими на развитие страны. Выявлены статистически значимые взаимосвязи ($p \leq 0,05$, $p \leq 0,01$) между оценками характеристик политических лидеров и образом государства, существующим у респондентов, а также их психическими состояниями. Чем более положительными характеристиками наделяется политический лидер (сильный, ответственный, уверенный в себе), тем более позитивные психические состояния

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

приписывают себе респонденты (оптимизм, готовность, восхищение, терпимость, гордость, симпатия). Представители старшего поколения более всего приписывают себе спектр негативных психических состояний – тревожность, стресс, напряжение, утомление.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить представления респондентов о характеристиках, политических взглядах и эффективности деятельности национальных политических лидеров, а также их взаимосвязь с образом страны и психическими состояниями, что, в свою очередь, позволяет прогнозировать психические реакции населения в зависимости от специфики оценивания субъектов политики.

Свешникова Н.О., Воынская М.А.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГОСУДАРСТВЕ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ ГРАЖДАН РОССИИ С ИХ ЦЕННОСТЯМИ

В политической психологии появляется необходимость изучения современных проблем научного исследования идеи государства, ее будущего как с позиций исторического подхода, так и политического развития. Проблематика государства в психологических исследованиях актуализируется в связи с развитием теории психологических детерминант политического поведения и политической социализации. Научная рефлексия идеи современного государства сегодня происходит в условиях «столкновения» интересов глобальных, национальных и индивидуальных и приобретает особую значимость при определении роли и функций государства. Данные исследований показывают, что актуальным для жителей России остается желание «сильного государства» (ИС РАН, 2008). При этом наиболее дискуссионным является вопрос о содержании понятия «сильное государство».

В нашей работе мы исследуем представления о государстве разных поколений граждан России, которые являются носителями культуры и мировоззрения российского общества. На протяжении всей истории России государство играло важную роль в жизнедеятельности общества. Бердяев Н.А. (1990) называл русский народ «самым государственным», имея в виду почти сакральное отношение к государству. Представления о государстве опосредованы культурой общества и приобретают личностный смысл в процессе социализации. Нам представляется важным изучать представления разных поколений о государстве во взаимосвязи с ценностями личности. Каждое поколение уникально, так как опыт его представителей приобретен в конкретный исторический период в определенных условиях, которые зачастую не могут быть воссозданы позднее. Представители поколения являют собой исторический тип личности (Боброва, 1997).

Образ государства выполняет инструментальную функцию адаптации человека к жизни в конкретном государстве, а также является для человека образом будущего, выступает как неотъемлемое условие жизненного планирования как отдельного человека, так и целого поколения граждан страны (Гостев, 2007).

Исследование данной темы ведется нами с 2009 года, мы делаем акцент на изучении образа государства и его отличии от имиджа, а также связь представлений о государстве и ценностного профиля представителей разных поколений. В своих исследованиях мы использовали методику Ш.Шварца, а также авторские ассоциативные методики. Авторская ассоциативная методика основана на методе свободных ассоциаций, стимулом служат цитаты из классических произведений русских авторов, посвященные Родине и патриотическим чувствам, а также понятия «Родина», «Государство» и «Россия». По результатам данной методики нами были выявлены самые частотные понятия, составившие 18 семантических гнезд: корни чело-

века; патриотические чувства; защита родины; идеалы; перспектива; негативные эмоциональные проявления; тяжкая доля; особенности русской души; родные просторы; образ России через исторические персоналии; образ России через исторические события и явления; образ России через фольклор; формальное определение государства; обманутые ожидания; современные реалии; негативные определения; описательные характеристики; символы. У младшего поколения наблюдается более выраженное эмоционально окрашенное представление о государстве как Родине, для них характерна меньшая когнитивная сложность по сравнению со старшим поколением. Для среднего поколения характерна рациональность оценок и индифферентность отношения к государству. Выявлены взаимосвязи ценностного профиля поколения и особенностей образа государства.

Исследования представлений о государстве разных поколений граждан России во взаимосвязи с их ценностями свидетельствуют о сохранении значимости идеи суверенного государства и позволяют выявить особенности межпоколенческих различий отношения к государству. Наши исследования показывают, что современные политические идеи об устройстве государства не могут быть мобилизационными без учета общенационального опыта и ценностных особенностей разных поколений.

Синельникова Е.С., Зиновьева Е.В.

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ 90-Х У СТУДЕНТОВ

Эпоха 90-х – один из наиболее сложных и драматических периодов в истории нашей страны: распад СССР, переход к рыночной экономике, чеченские войны, экономические кризисы. В этот исторический период произошла трансформация социальных норм и ценностных ориентаций в российском обществе: значимость коллективистических ценностей снизилась, а индивидуалистических – возросла. Также повысилась толерантность к неопределенности (Почебут, 2012; Лебедева, Татарко 2007).

Настоящее исследование посвящено изучению коллективной памяти 90-х в сознании современной молодежи. М. Хальбвакс рассматривал коллективную память как особые формы присутствия прошлого (традиции, понятия, символы и др.), которые формируются и живут в недрах социальных институтов и коллективов (Хальбвакс, 2005). Т.П.Емельянова выделяет такие характеристики коллективной памяти, как предпочтительность запоминания важных, переломных событий истории, наиболее полное запоминание при активных попытках забыть ту или иную информацию, переосмысление событий в пользу своей группы в целях сохранения позитивной групповой идентичности (Емельянова, 2006).

Целью настоящего исследования было изучение представлений студентов об эпохе 90-х. Гипотеза исследования: в структуре представлений молодежи об эпохе 90-х преобладают эмоционально-оценочные компоненты. В исследовании приняли участие 30 студентов ПГУПС (56,7% девушек) в возрасте от 17 до 25 лет (средний возраст – 19,57 лет). В исследовании применялись следующие методики: методика «СОЧи» проф. В.Л. Ситникова (Ситников, 1996), анкета «Коллективная память» (Е.С.Синельниковой). Анкета «Коллективная память 90-х» содержала вопросы об ассоциациях, связанных с 90-ми, об оценке 90-х родителями респондентов, о роли 90-х в жизни семьи респондентов, о наиболее значимых событиях 90-х с точки зрения респондентов.

На основе контент-анализа были выделены следующие категории характеристик эпохи 90-х: семейно-автобиографические («счастливое детство»), эмоционально-моральные («страх», «грубое и некрасивое время»), экономические («разруха», «появление иностранных

товаров»), правовые («бандитизм») и культурные («панки», «музыка»). Эмоционально-моральные характеристики представлены в 100% анкет респондентов и встречаются в ответах респондентов чаще, чем другие типы характеристик ($t=6.57$; $p<0.01$), что подтверждает гипотезу исследования. Характеристики состояния экономической сферы российского общества эпохи 90-х в большей степени представлены в сознании юношей, чем в сознании девушек ($t=-2.261$; $p<0.05$).

С помощью факторного анализа (метод главных компонент) были выявлены 2 фактора в представлениях респондентов: оценка роли эпохи в жизни общества и субъективная оценка эпохи. В фактор «оценка роли эпохи в жизни общества» вошли эмоционально-моральные, экономические, правовые характеристики, в фактор «субъективная оценка эпохи» – семейно-автобиографические и культурные характеристики. Первый фактор объясняет 42.1% дисперсии, а второй – 24.3% общей дисперсии.

Анализ результатов по методике «СОЧи» показал, что в образе представителя эпохи 90-х чаще всего встречаются такие слова как «бандит» (63%), «умный» (43%), «богатый» (37%). Далее следуют слова «бедный» (33%), «вор» (33%). По сравнению с образом себя образ типичного представителя эпохи 90-х содержит больше отрицательных ($t=-6.16$; $p<0.01$) и нейтральных ($p<0.05$), и меньше положительных ($t=4.83$; $p<0.01$) характеристик.

Результаты исследования показали, что в представлениях студентов об эпохе 90-х преобладает обобщенная эмоционально-моральная оценка эпохи. В представлениях респондентов отражаются имущественное расслоение и рост преступности в эпоху 90-х. В то же время студенты высоко оценивают интеллектуальные способности представителей эпохи 90-х, что может быть связано с трудностями социальной адаптации в данный исторический период. Перспективы исследования связаны с изучением коллективной памяти нескольких поколений, переживших 90-е гг.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Адмакина Т.А., Беломестнова Н.В.

МЕСТО КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО МЕТОДА В СУДЕБНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ БРАКОРАЗВОДНОГО ПРОЦЕССА

Традиционная квалификация психологической экспертизы в судебном гражданском процессе по бракоразводным делам – анализ семейных отношений и детско-родительских отношений в контексте социальной психологии малых групп. Но, как показала практика, навык клинико-психологического анализа в таких судебных экспертизах крайне необходим. Наличие признаков нарушенной психики – психические заболевания; наркомания, включая алкоголизм; соматические заболевания, отражающиеся на психике и психологии человека; некомпенсированные посттравматические стрессовые расстройства, наличные или перенесённые неврозы или невротические состояния; психиатрические и неврологические диагнозы, связанные с разнообразными поражениями центрально нервной системы – предполагает оценку их влияния на поведение испытуемого и прогноз его отношений с детьми.

В нашей экспертной практике по судебным разбирательствам, связанным со спорами о праве на воспитание ребенка (100 судебных дел), было обнаружено, что в 8,3% случаев (количество подэкспертных семей, а не количество подэкспертных) встречается психопатология у одного из родителей, как правило, в спектре эндогенных заболеваний (шизофрения и циклический психоз). Если, помимо эндогенных, учитывать и остальные источники психических нарушений (см. выше), то количество судебных случаев, где имеется один из родителей с подобными проблемами, достигает 25%.

Не меньшую проблему представляют собой и родители с тяжёлыми формами искажений характера – психопатиями. Напомним, что психопатия – аномалия характера, которая относится к области психологического дефекта, а не к психопатологическим нарушениям. П.Б. Ганнушкиным предложены такие облигатные признаки психопатии как тотальность (проявление во всех видах деятельности), относительная стабильность во времени патологических черт характера и социальная дезадаптация. Принято выделять две крупных группы психопатий – экспансивного круга (например, эпилептоидный, истероидный, гипертимный, неустойчивый типы, которые объединяют несдержанность, резкость, напористость, пренебрежение к людям, резко завышенная самооценка своих личностных качеств, стеничность, директивность, конфликтность), и астенического круга (эмоционально-лабильный, сенситивный, астеноневротический, психастенический, шизоидный типы, характеризующиеся социальной робостью, стеснительностью, уступчивостью, сложностью приспособления к социуму). При этом проблемы в семье могут создавать не только лица с психопатией стенического, экспансивного круга, но и астенического круга в силу неспособности разрешить проблемную ситуацию. Таких случаев оказалось 42,8%.

Диагностика самого характерологического типа, его степени (тип характера, акцентуация или психопатия) и явление патохарактерологического развития также играют очень большую роль в прогнозе дальнейшего поведения родителей по отношению друг к другу и ребёнку. И самая опасная ситуация, когда эксперт, не имеющий клинико-психологических знаний, очень существенно недооценивает опасность патохарактерологического развития у шизо-истеро-эпилептоидного психопата с алкоголизмом и последствиями органического поражения головного мозга (любого генеза).

Дети с нарушениями психического развития – как задержанного, так и искаженного – встречаются также довольно часто (22,2%). Но в этой цифре следует учесть то обстоятельство, что в данное экспертное учреждение чаще обращаются судьи, видя «проблемного» ребёнка, ввиду того, что эксперты являются клиническими психологами, то есть действует определённый фактор избирательности.

Таким образом, для достаточно объективного и полноценного экспертного заключения необходимы как клинико-психологический метод в исследовании семьи (что изучается в вузах), так и реальные клинико-психологические знания, получаемые в практической деятельности.

Беляева Т.Б., Пацанская П.Е.

ОСОБЕННОСТИ ВИКТИМНОСТИ СОЗАВИСИМЫХ ВЗРОСЛЫХ

Созависимость – относительно новая проблема для отечественной психологической науки, хотя сам факт существования такого явления, без сомнения, всегда присутствовал в человеческом обществе. Впервые к изучению этого явления обратились американские ученые в процессе изучения зависимостей. Наряду с химическими были выделены и другие виды зависимостей: пищевая, игровая, интернет-зависимость, трудовголизм. Было замечено, что у многих людей, находящихся в тесных взаимоотношениях с зависимыми, развиваются формы реагирования, которые напоминают особенности поведения людей, имеющих тесные взаимоотношения с людьми, страдающими алкогольной зависимостью. Это явление было названо созависимостью и на конференции 1989 г. (Аризона, США) было признано заболеванием.

В 70-е годы XX столетия опубликованы первые серьезные исследования, посвященные проблеме созависимости (М. Beattie, С. Dlack, J. Bradshaw, S. Covey, W. Feuerlein, S. Karpman, С. Hurcom, Р. Melody, А. Miller и др.). В последние годы проявился интерес к созависимости у отечественных исследователей (Н.Н. Иванец, В.Д. Москаленко, Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева, В.П. Нужный и др.).

Определения созависимости очень разнообразны. Она понимается как паттерн поведения; нарушение адаптации; закрепившаяся реакция на стресс; концентрация мысли на объекте зависимости; потребность в постоянном контроле ситуации; эмоциональное, психологическое и поведенческое состояние, вызванное набором подавляющих правил; подчинение своего «Я» состоянию зависимого человека; провокация проблемы зависимости в семье, болезненное состояние.

В.Д. Москаленко считает, что созависимость – это патологическая, аффективно окрашенная зависимость от другого человека, когда центрация на его жизни приводит к нарушению адаптации и возникает на фоне длительного нахождения в стрессовой ситуации, когда используются подавляющие правила, которые не позволяют открыто выражать свои чувства и прямо обсуждать личные и межличностные проблемы. В любом случае можно сказать, что созависимый человек является жертвой отношений, возникших вследствие адаптации к семейной проблеме (В.Д. Москаленко, 2009).

В связи с этим нас заинтересовал вопрос о роли такого свойства личности как виктимность в формировании созависимости. Мы исходили из понимания виктимности как потенциальной способности человека оказаться в роли жертвы.

Д.В. Ривман определяет индивидуальную виктимность как состояние уязвимости отдельного лица, выражающееся в объективно присущей человеку (но не фатальной) способности стать жертвой преступления (Д.В. Ривман, 2002). Однако в настоящее время наряду с

криминальной виктимностью все чаще говорят о социальной виктимности как потенциальной предпосылке стать жертвой неблагоприятных социальных обстоятельств.

Выделяют следующие виды виктимности: реализованная виктимность, склонность к агрессивному виктимному поведению, склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению, склонность к гиперсоциальному поведению, склонность к зависимому и беспомощному поведению и склонность к некритичному поведению (О.О. Андронникова, 2005).

В ходе исследования с помощью теста «Проверка личных качеств на созависимость» (тест ЛКС, Б. Уайнхолд, Д. Уайнхолд) были сформированы 2 группы взрослых: «созависимые» (15 человек) и «несозависимые» (15 человек). В первой группе 16% имеют высокую степень созависимых моделей поведения и 84% имеют очень высокую степень созависимых моделей поведения, во второй группе оказались взрослые с низкой степенью созависимых моделей поведения. Далее испытуемым была предложена методика исследования склонности к виктимному поведению О.О. Андронниковой.

С помощью U-критерия Манна-Уитни выявлены следующие значимые различия в виктимности испытуемых двух групп: по шкале 7 (реализованная виктимность), по шкале 3 (склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению), по шкале 6 (склонность к некритичному поведению), а также на уровне тенденции по шкале 5 – склонность к зависимому и беспомощному поведению.

Таким образом, созависимые характеризуются наличием внутренней, часто неосознаваемой, готовности к виктимному поведению, в нашем случае, к роли жертвы в межличностных отношениях. Им присуще активное сознательное поведение, провоцирующее роль жертвы, а также склонность к некритичному поведению, которое может проявляться как на базе личностных негативных черт, так и положительных (щедрость, доброта, отзывчивость, смелость и т.п.), в ряде случаев у них наблюдается склонность к зависимому и беспомощному поведению.

Беркалиев Т.Н.

ОТДАЛЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ У ЖЕРТВ БУЛЛИНГА В ШКОЛЕ

«Буллинг» (травля, от англ. bully — задирать, запугивать) - длительное физическое или психологическое насилие со стороны индивида или группы в отношении человека, который не способен защитить себя в данной ситуации. Буллинг носит систематичный и длительный характер. Буллинг направлен против человека, заведомо более слабого психологически и физически. Такое поведение всегда является умышленным. Регулярные акты вербальной и физической агрессии, направленные на одних и тех же жертв, создают между ними стабильные отношения, в которых буллинг на одном полюсе может дополняться виктимизацией на другом полюсе. В исследованиях старшеклассников-участников буллинга были выявлены различия уровня жизнестойкости и ее компонентов (Петросянц В.Р., 2011). «Жертвы» обладали более низкой жизнестойкостью, чем их «обидчики». Буллинг, а также его групповая форма «моббинг», являются одним из сильнейших школьных стрессоров, которому подвергаются более 50% школьников, вследствие чего около 80% из них не считают школу безопасной (С.А. Хазова, Н.В. Останина, 2014). В средней школе проходит ключевой для приобретения чувства идентичности и первичного признания автономии личности этап возрастного развития. В это время подросток колеблется между положительным полюсом идентификации «Я» и отрицательным полюсом путаницы ролей. Одним из решающих факторов для процесса самоиден-

тификации подростка является их отношения со сверстниками, которые могут разделяться на два основных вектора: 1) принятие и поддержка; 2) отвержение и агрессия.

Поэтому ситуация травли и отвержения может стать кризисной для развития подростка, результатом которого будет спутанная идентичность, сопряженная с постоянными сомнениями относительно себя, своего места в группе, в обществе, с неясностью жизненной перспективы. В подростковом возрасте неблагоприятные воздействия социальной среды проявляются в виде затруднений в сфере межличностного общения и замедления становления личностных новообразований, нормативных для данного возраста. Во многих случаях провокационным фактором такой деформации выступают разнообразные формы психологического насилия. Продолжительный и тотальный опыт травли в этот период может закрепить паттерны негативных переживаний, реакций, когнитий (иррациональных убеждений) и поведения. Достаточно часто на этапе ранней взрослости, люди, пострадавшие от насилия в детстве и подростковом возрасте, не решаются обратиться за помощью к другим людям, поэтому социальные ресурсы психологической защищенности оказываются для них блокированными. В сравнительном исследовании 2-х групп молодых взрослых (от 18 до 26 лет) с опытом систематического буллинга в средней школе не менее 1 года и никогда не подвергающихся насилию и травле, были выявлены значимые различия уровня жизнестойкости (С. Мадди) - общая жизнестойкость и контроль в жизнестойкости, а также иррациональных установок (А. Эллис) - шкалы «долженствование в отношении других» и «самооценка и рациональность мышления». Полученные различия показали, что у молодых людей с опытом буллинга в средней школе общий уровень жизнестойкости ниже, чем у сверстников без такого опыта. Наиболее выражены различия по критерию контроля своей жизни. Это соотносится со шкалой Эллиса «долженствование в отношении других», что свидетельствует о наличии иррационального убеждения, что их благополучие зависит от других и иррациональной установки ожидания, что окружающие люди должны вести себя с ними так, как они бы хотели. Более низкий показатель по шкале Эллиса - «самооценка и рациональность мышления» - свидетельствует о выраженном иррациональном мышлении и низкой самооценке. Следовательно, опыт систематической травли в средней школе может быть устойчивым фактором затруднений в сфере активной коммуникации и установлении взаимоотношений во взрослом возрасте, а также блокировать конструктивный процесс самоидентификации молодых людей.

Бурина Д.А.

ЖЕНСКИЙ СУИЦИДАЛЬНЫЙ ТЕРРОРИЗМ В КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ РФ

Исламский экстремизм уже долгое время является серьезной проблемой в Кавказском Регионе России. Многие ученые подходят к вопросу разрешения данной проблемы сугубо через военный подход, направленный на уничтожение различных группировок боевиков. Однако, недавние события указывают, что после окончания военных действий в Чеченской Республике, центр террористической активности сместился в близлежащие республики, а именно в Дагестан. Более того, система рекрутирования в группировки подверглась серьезным изменениям, так как основной тактикой стал отбор женщин славянской внешности для проведения суицидальных террористических актов.

Данное исследование отмечает специфику рекрутирования, а именно психологическое давление, оказываемого на потенциальных рекрутов. Зачастую боевики используют схему социальных сетей: отбирают заинтересованных девушек из различных социальных платформ,

затем убеждают их сменить религию и вступить в брак, а далее порвать все связи с членами семьи. Из-за недостаточного понимания различий между исламом и исламизмом, отобранные девушки-жены далее подвергаются психологическому давлению и таким образом становятся террористками-суицидницами. Так же можно отметить, что некоторые девушки избирают суицидальный путь после потери мужа-боевика. Выбор девушек славянской внешности не случаен, так как во время проведения террористической операции их внешность будет привлекать наименьшее внимание. Такое решение основывается на профилировании потенциальных террористов правоохранительными органами РФ.

Подобное вовлечение женщин в террористическую войну является очень тревожным фактом. Психологи подчеркивают, что женщин, мотивированных подобными идеями, практически невозможно остановить путем прагматического переубеждения, соответственно требуется системный подход к разрешению данной проблемы.

Вартанян Г.А., Горбатов С.В.

К ВОПРОСУ О ФЕНОМЕНЕ ПОЛОВОГО САМОСОЗНАНИЯ

Социализация и регуляция поведения неразрывно связаны с психической адаптацией личности и требуют междисциплинарного подхода к своему изучению. Исследованию проблем адаптации посвящено множество работ. Особенно актуальным в ряде современных работ представляется изучение места психологического пола в структуре психической адаптации личности, поскольку пол является фундаментальной характеристикой, а его специфические особенности проявляются на всех уровнях функционирования каждого индивида. Половое самосознание является важным индикатором психологического здоровья и благополучия личности, а его изучение представляется актуальным и перспективным в области психологии здоровья и при решении научно-практических задач. В частности, большое значение оно имеет в решении ряда юридических вопросов (Н.В. Дворянчиков, 2013).

Рассматривая адаптационно-регулятивную систему и особенности поведения индивида, мы сталкиваемся с необходимостью оценки полового диморфизма, поскольку он дает возможность с другой стороны проанализировать механизмы дезадаптации личности, защитного поведения, вероятность компенсации нарушений, а также построить условно-вариативный прогноз. Важно отметить, что в структуре психической адаптации существуют специфические особенности, коррелирующие с полом.

Традиционно выделяют этапы пре- и постнатального формирования пола человека (Г.С. Васильченко, 1977). Однако нормальное пре- и постнатальное развитие само по себе не делает человека мужчиной или женщиной в социально-психологическом и личностном смысле, поскольку биологические характеристики должны быть дополнены психологическим полом – половой идентификацией, паттернами полоролевого поведения и психосексуальной ориентацией (М.А. Жуковский и др., 1989). Искажения одного из компонентов могут приводить к проблемам психического и соматического благополучия, защитных механизмов, супружеских отношений, проблемам нарушения полоролевого поведения, а также криминального поведения и половых отклонений. В частности, нарушения половой идентичности в онтогенезе выступают одним из условий формирования аномального сексуального влечения, при котором могут быть структурные и содержательные искажения полоролевой идентичности – фемининность полоролевой идентичности, идентификация с женскими полоролевыми стереотипами, недостаточная эмоциональная усвоенность мужской половой роли, недифференцированность паттернов полоролевого поведения по маскулинности и т.д. (Е.В. Белопасова, Н.В. Дворянчиков, 2005).

Наше исследование полового самосознания несовершеннолетних, отбывающих наказание в Ижевской воспитательной колонии за преступления сексуального характера, показало, что таким подросткам свойственны нарушения формирования полового самосознания (нарушения сексуального предпочтения и психосексуальной ориентации, Я-концепции), несформированность, структурные и содержательные искажения полоролевой идентичности (фемининность полоролевой идентичности, идентификация с женскими полоролевыми стереотипами), направленность полоролевых предпочтений на мужской пол. Подобные тенденции могут свидетельствовать о трудностях усвоения мужской половой роли и выступать одним из возможных факторов противоправного сексуального поведения.

Н.В. Дворянчиков и Е.В. Белопасова (2005) предполагают, что преобладающую роль в генезе нарушений становления полового самосознания у таких подростков, имеют нарушения фазы научения (искаженность усвоения половых различий) и фазы реализации (фемининная модель полоролевого поведения), что выражается в полоролевом конфликте, который подростки пытаются преодолеть при помощи гиперкомпенсаторного поведения.

Таким образом, диагностика полового самосознания важна при изучении нарушений сексуальной сферы, поведенческих сексуальных девиациях, прогноза регуляции сексуального поведения и позволит осуществить дифференциально-диагностические, прогностические, профилактические и коррекционные задачи, а также определить различные механизмы криминального поведения преступников.

Дементий Л.И.

ИМПУЛЬСИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР ШКОЛЬНОЙ ВИКТИМИЗАЦИИ

Актуальность исследований школьной виктимизации, к сожалению, по-прежнему остается острой. О значимости проблемы и степени ее распространенности как за рубежом, так и в нашей стране, пишут не только ученые, но и педагоги, юристы, родители и сами школьники. Нет необходимости сегодня в очередной раз доказывать степень значимости проблемы, особенно в контексте разрушительного влияния буллинга на личность учащегося. Этому вопросу посвящено достаточно много исследований в зарубежной и отечественной психологии (Баева, 2014; Зиновьева Н.О., Михайлова Н.Ф., 2003; Нартова-Бочавер С.К., 2005; Green A., 1998; Miller A., 1991; James D., 2005 и др). Закономерно возникает вопрос об объективных и субъективных факторах подверженности буллингу. Наши многолетние исследования показывают, что одним из важнейших факторов, препятствующих как возникновению буллинга и кибербуллинга, так и смягчающих их негативное воздействие на личность учащегося, является способность личности к самоконтролю. Среди личностных черт, напротив, «отягощающих» влияние насилия, а также выступающих одной из причин буллинга, мы выделяем импульсивность.

Чаше всего под импульсивностью понимается не способность личности сдерживать свои побуждения и прогнозировать последствия своих поступков. Возникая как особенность поведения на ранних этапах развития, импульсивность может стать чертой личности, определяя многие проблемы адаптации в обществе в целом или группе. Импульсивность часто сочетается с агрессивностью и оппозиционным поведением, приводит к трудностям в контактах и социальной изоляции. Таким школьникам трудно адекватно воспринимать и оценивать социальные ситуации, строить свое поведение в соответствии с ними (Дементий Л.И., 2015; Ениколопов С.Н., 2013; Нечаенко И.Я, 2015 и другие).

В научной литературе существуют указания на часто встречающиеся симптомы, свойственные импульсивным школьникам: агрессивность, негативность, упрямство, лживость, а также низкую самооценку (Куручкина И.А., 2015).

В нашей работе тестировалась гипотеза о том, что импульсивность снижается с возрастом и коррелирует с уровнем школьной виктимизации.

В качестве методов исследования использовались Шкала импульсивности Paul P. Hirschfield (1965) и Шкала виктимизации И.А. Фурманова (2007)

Исследование проводилось в одной из гимназий г. Омска. Всего в исследовании приняло участие 90 школьников.

Для выявления возрастных различий в показателях виктимизации и импульсивности были сформированы три группы по 30 человек: 1 группа – школьники 5-6 классов; 2 группа – школьники 7-8 классов; 3 группа – школьники 9-10 классов.

В исследовании обнаружено, что наибольшие показатели физической и вербальной виктимизации, социального манипулирования и нападения на собственность зафиксированы в 5-6 классах. Наименьшие показатели физической и вербальной виктимизации, социального манипулирования и нападения на собственность отмечены в 9-10 классах. Это подтверждает результаты других исследований, согласно которым уровень виктимизации уменьшается к старшей школе: учащиеся старших классов меньше подвержены виктимизации, чем учащиеся средних классов.

Сравнительный анализ показал, что три выделенные группы значимо и достоверно различаются по шкалам «физическая виктимизация», «вербальная виктимизация» и «социальное манипулирование» ($U=9,559$, $U=44,328$, $U=31,125$, $p \leq 0.05$).

По показателю импульсивности зафиксированы значимые и достоверные различия между учащимися разных классов ($N=24,018$, $p \leq 0.01$). Наиболее низкий уровень импульсивности выявлен у учащихся третьей группы (старшеклассников).

Корреляционный анализ показал, что существует значимая положительная взаимосвязь на уровне $p \leq 0.05$ между показателями физической и вербальной видами виктимизации и уровнем импульсивности ($r = 0,233$; $r = 0,242$ соответственно, $p \leq 0.05$).

Полученные результаты могут стать основой для коррекционной и профилактической работы с участниками буллинга.

Денисова К.С., Бочаров В.В.

ОСОБЕННОСТИ САМООЦЕНКИ МУЖЧИН-СОТРУДНИКОВ ВНЕВЕДОМСТВЕННОЙ ОХРАНЫ С ДОНОЗОЛОГИЧЕСКИМИ СОМАТИЧЕСКИМИ НАРУШЕНИЯМИ

Сотрудники вневедомственной охраны (ВО) являются особым контингентом для исследования процессов дезадаптации, так как их деятельность характеризуется хроническим стрессом в сочетании с периодическими экстремальными ситуациями. Нарушения адаптации сказываются на всем организме человека, в том числе на его соматическом здоровье. Снижение уровня здоровья приводит к развитию донозологических (предболезненных) нарушений, которые выражаются в субъективных жалобах и симптомах при отсутствии клинического диагноза. Актуальность исследования заключается в том, что данные состояния, как правило, выпадают из поля зрения врачей и не являются показаниями к реабилитации.

В нашем исследовании приняли участие 112 мужчин, служащих в строевых подразделениях вневедомственной охраны г. Санкт-Петербурга, со стажем службы от 7 до 15 лет. 1-ю группу составили 56 сотрудников с признаками донозологических соматических нарушений,

во 2-ю (контрольную) группу вошли 56 их коллег без каких-либо проблем со здоровьем. Все обследованные сотрудники признаны годными к службе на основании ежегодного медицинского освидетельствования и не имеют выявленных хронических заболеваний. Цель нашего исследования – изучение особенностей самооценки мужчин-сотрудников ВО с предположительными соматическими расстройствами. Для этой цели была использована методика Дембо-Рубинштейн (модификация Прихожан). Сотрудники отмечали свой уровень самооценки и уровень притязаний по следующим параметрам: здоровье, ум (способности), характер, авторитет у коллег, удовлетворенность службой, внешность и уверенность в себе. Сравнительный анализ был проведен с помощью U-критерия Манна-Уитни и T-критерия Стьюдента для независимых выборок после предварительной проверки нормальности распределения показателей.

Результаты выявили, что сотрудники 1-й группы имеют адекватную самооценку и оптимальный уровень притязаний по всем вышеперечисленным параметрам, кроме здоровья и уверенности в себе, по которым самооценка является завышенной, а высокий уровень притязаний отражает не критичное отношение к собственным возможностям. Между шкальными оценками мужчин 1-й и 2-й групп были выявлены достоверные различия по шкалам: удовлетворенность службой – самооценка ($p \leq 0,001$), удовлетворенность службой – уровень притязаний ($p \leq 0,01$) и уверенность в себе – самооценка ($p \leq 0,01$). Уровни самооценки и притязаний по шкале «удовлетворенность службой» у сотрудников с предположительными нарушениями здоровья значимо ниже, чем у коллег контрольной группы: они чувствуют себя менее довольными своей служебной деятельностью и притязают на меньшую профессиональную удовлетворенность. Различия по шкале «уверенность в себе - самооценка» показывают, что сотрудники 1-й группы чувствуют себя менее уверенными по сравнению с сотрудниками 2-й группы.

Настоящее исследование имеет несомненную практическую значимость для психологической работы с сотрудниками ВО по профилактике развития дезадаптационных проявлений и нарушений здоровья, а также может быть использовано в рамках психокоррекционных мероприятий и профессионально-психологического отбора на службу.

Диденко И.В., Андриянова Н.А.

ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТАЦИОННЫЕ ТИПЫ ОФИЦЕРСКОГО СОСТАВА ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

Трансформация социально-политических, экономических и духовных основ общества с 1990-х по 2006 год, по мнению ряда исследователей, отразилась на структуре индивидуальных ценностей и ценностных ориентациях военнослужащих-офицеров (Соловьев, 1996; Певень, 1997; Марусенко, 2008). Однако в большинстве исследований внимание уделялось только статическому аспекту ценностных ориентаций офицеров без учета специфики выполняемой военно-профессиональной деятельности, которая может осуществляться в различных условиях: повседневная служба, ситуативно-экстремальная, гарнизонная. Целью нашего исследования было изучить влияние условий службы закрытого военного гарнизона, на ценностные ориентации офицеров. В исследовании приняли участие 350 респондентов, из которых 150 офицеров, проходящих службу в гарнизоне на территории Чеченской республики. Методическое обеспечение исследования подразумевало включенное наблюдение, анкетирование и психологическое тестирование по методике «Ценностные ориентации» М. Рокича.

В ходе исследования было достоверно установлено (с применением метода Principal Components and Classification) восемь типов ценностно-ориентационной системы военнослужащих. 1 тип – «Интеллектуально прагматичный», характеризуется доминированием прагматиче-

ской ориентации (материально обеспеченная жизнь, любовь) в сочетании с ведущим средством достижения в виде образованности. 2 тип – «Продуктивно-эгоистический» характеризуется доминированием ценностей продуктивной жизни и познания в сочетании с ведущим средством достижения в виде воспитанности и аккуратности в делах. Им также свойственно ярко выраженное стремление к гедонизму, независимости, сохранению здоровья и прагматическим целям. 3 тип – «Социально-ответственный» демонстрирует доминирование терминальной ценности «Семья», в сочетании с ведущими средствами достижения в виде смелости в принятии решения и честности, чуткости, эффективности в делах. 4 тип – «Конформистский» определен сочетанием ведущей ориентации состоящей из терминальных ценностей «уверенность в себе», «счастье других», «красота природы и искусства» и инструментальных ценностей «чуткость», «честность», «исполнительность», «ответственность». Данному типу также свойственно стремление к сохранению здоровья, гедонизму в сочетании с такими средствами достижения как аккуратность и воспитанность. 5 тип – «Лидерский» определен доминирующей ориентацией, определяемой сочетанием терминальных ценностей уверенность в себе, счастье других, в сочетании с ведущими средствами достижения в виде независимости и смелости в отстаивании мнений. Также для него значимыми являются ценности «развлечения», «твердая воля», «рационализм». 6 тип – «Семье-центрический» характеризуется доминирующей ориентацией на семью, в сочетании с исполнительностью и ответственностью. Данному типу также присуще стремление к сохранению здоровья, близкого круга общения в виде друзей, достигаемого с помощью независимости и настойчивости. 7 тип – «Самореализующийся» характеризуется ориентацией на самореализацию в виде продуктивной жизни, сохранение собственного здоровья, достижения общественного признания, приятного времяпрепровождения, любви, материально обеспеченной жизни, достигаемого с помощью твердой воли, эффективности в делах и проявления просоциальных качеств в общении (честность, чуткость). 8 тип – «Утилитарный» определен сочетанием ценностей «материально-обеспеченная жизнь», «любовь» и «общественное признание» с ярко выраженным средством достижения в виде высоких запросов и непримиримости к недостаткам.

Проверка достоверности распределения восьми типов ценностных ориентаций по группам военнослужащих, различающихся условиями службы, по методу χ^2 – критерия Пирсона показало, что группы достоверно отличаются между собой ($p < 0,01$). Гипотеза о влиянии условий длительной службы в закрытом гарнизоне на изменение ценностных ориентаций подтвердилась.

Дозорцева Е.Г.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКСНОЙ СУДЕБНОЙ ПСИХОЛОГО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Комплексные судебные психолого-психиатрические экспертизы (КСППЭ) несовершеннолетних становятся все более востребованными, а их доля в общем количестве экспертиз в отделе судебно-психиатрической экспертизы детей и подростков ФМИЦПН им. В.П. Сербского приближается к 100%. Вместе с тем меняется структура объектов КСППЭ: если в прошлые годы большую часть составляли экспертизы обвиняемых, то в последний период растет число экспертных исследований потерпевших. Специфическим видом последних стали посмертные экспертизы, назначаемые в связи с суицидами детей и подростков.

Вопросы, которые ставятся следствием и судом перед экспертами, требуют четкой научной методологии, определения исследуемого предмета и стоящих за ним психологических

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

и клинических феноменов. Нередко эти феномены еще недостаточно изучены, отсутствуют эмпирические критерии их экспертной оценки.

Так, для выяснения, имеется ли у несовершеннолетнего обвиняемого «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством», которое могло затруднять руководство несовершеннолетним своими действиями при совершении правонарушения (в соответствии с ч.3 ст.20 УК РФ), необходимо иметь теоретическую модель такого психологического феномена, как личностная незрелость. При этом личностная незрелость может быть как естественной, возрастной, так и аномальной, и дифференциация этих состояний психического развития подростка, представляет собой самостоятельную задачу, которая лишь в настоящее время получает свое обоснованное решение. Новое направление в экспертизе несовершеннолетних обвиняемых, в том числе имеющих психические отклонения, образует также экспертное исследование их уголовно-процессуальной дееспособности как способности понимать свой правовой статус, предстать перед судом, давать адекватные показания, пользоваться услугами адвоката.

При проведении экспертизы несовершеннолетних потерпевших и свидетелей традиционным является вопрос о способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания. В последнее время появляются методические работы, в которых предлагается проведение психологической экспертизы достоверности показаний по видеозаписям допросов несовершеннолетних. Вместе с тем необходима критическая оценка такого рода подходов, а также дополнительные исследования в области свидетельских показаний, развивающие существующие и новые экспертные возможности.

Экспертиза несовершеннолетних потерпевших все чаще предполагает определение вреда здоровью, нанесенного потерпевшему правонарушением, в том числе, психическому здоровью. Обычно решение этого вопроса относится к компетенции психиатров. Однако клинически очерченные состояния психической травмы, возникшей в результате преступления (как правило, сексуального характера), не исчерпывают вредных последствий для психики ребенка или подростка. Последствия, находящиеся в психологическом регистре, также существенно снижают качество жизни несовершеннолетнего, но пока не находят своего отражения в правовом поле как основание для компенсации морального вреда. Исследование и систематизация таких феноменов, разработка предложений юридического характера – актуальная задача судебных клинических психологов.

Посмертная экспертиза по делам о суицидах подростков представляет собой новый и особенно сложный вид экспертного исследования. Тщательной разработки требует методология комплексного экспертного исследования психического развития и состояния несовершеннолетнего, предполагающая максимально точную реконструкцию событий и внутренней жизни подростка на основе материалов уголовного дела.

Описанные выше проблемы обозначают некоторые новые направления в развитии КСППЭ несовершеннолетних, в которых в настоящее время проводятся исследования в области клинической, возрастной, судебной психологии и психиатрии.

Дронова Е.Н., Мельникова А.В.

СОПРОВОЖДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ПРИВЛЕЧЕННЫХ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА СОДЕРЖАНИЯ

Реализация задач помощи в социальной адаптации, социальной и психолого-педагогической реабилитации личности, принципов гуманизации и непрерывности в социально-психолого-педагогическом взаимодействии с несовершеннолетними, в том числе и при-

влеченными к уголовной ответственности, актуализирует вопросы сопровождения данной целевой группы.

Категория «сопровождение» активно используется, однако, и об этом пишет Е.А. Чекунова, нет четкого ее определения [1]. В отечественных и зарубежных исследованиях, в широком смысле под сопровождением понимают непрерывную поддержку человека, который испытывает трудности личностного либо социального плана в процессе социализации. В работе с несовершеннолетним, привлеченным к уголовной ответственности, сопровождение нами рассматривается как технология работы со случаем, цель которой — поддержка в кризисной ситуации, профилактика личностных нарушений, содействие в разрешении внутренних и внешних конфликтов, восстановление утраченных социальных функций.

В 2015 году нами проведен экспертный опрос (экспертами выступили специалисты системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних Алтайского края), в процессе которого мы попытались выявить слагаемые — компоненты сопровождения и оценить их значимость. Обработка полученных данных позволяет выстроить следующие их рейтинг.

Первое место занимает психокоррекционный компонент (54,8) как вид помощи специалиста психолога, работающего на эмоциональном, когнитивном, поведенческом уровнях развития человека. Психокоррекция помогает осознать и принять произошедшее несовершеннолетнему и его семейному окружению. Второе место принадлежит социально-правовому компоненту (45,2%) как помощи со стороны специалиста по социальной работе, юриста, адвоката, что является важным с точки зрения защиты прав несовершеннолетнего, оценки условий смягчающих возможное наказание, а также реализации мер социальной поддержки. На третьем месте — 40,5% — консультационный компонент как слагаемое оперативного реагирования на вопросы со стороны несовершеннолетнего, его родителей или законных представителей к различным специалистам. Учебно-воспитательный компонент — 38,1% — занимает 4 место по востребованности, поскольку после решения оперативных задач важно также обеспечить реализацию права ребенка на образование. Диагностический компонент (35,7%) находится на 5 месте. При этом важно отметить, что он связан не столько с выявлением причин конфликта с законом и исследованием социально-психологических индикаторов развития личности, сколько с определением факторов риска и факторов защиты подростка в сложившейся конфликтной ситуации и последующей жизнедеятельности. Социально-аналитический компонент (26,2%), являясь логическим продолжением значимости диагностических процедур, занимает 6 место. Вопросы медицинской помощи, включенные в оздоровительный компонент (21,4%), находятся лишь на 7 месте, так как в исследуемой ситуации первоочередными являются аспекты психологического и социального здоровья личности. И замыкает рейтинг составляющих сопровождения данной целевой группы научно-методический компонент (16,7%), призванный вырабатывать комплекс методов, технологий, приемов адресного взаимодействия с несовершеннолетним и его ближайшим окружением.

На основании вышеизложенного можем заключить, что сопровождение несовершеннолетнего, привлеченного к уголовной ответственности, представляет собой технологию работы со случаем, выстраиваемую на основе межведомственного и профессионального взаимодействия с учетом вида конфликтной ситуации подростка с законом.

Литература:

1. Чекунова, Е.А. Психолого-педагогическое сопровождение личности в образовательном пространстве школы / Е.А. Чекунова // Гуманитарные и социальные науки. – 2010. – №6. – С. 239-247.

Евстафеева Е.А., Честюнина Ю.В.

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ С САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Профессиональная деятельность в уголовно-исполнительной системе предъявляет повышенные требования к личностным качествам сотрудника, обуславливающим психологическую готовность к действиям в экстремальных ситуациях.

Самостоятельность как целостное качество субъекта определяет высокую способность активно разрешать возникающие проблемные ситуации. В то время как личностная беспомощность, устойчивое специфическое образование личностного уровня, включающее в себя сочетание определенных личностных особенностей, пессимистического атрибутивного стиля и склонности к невротическим нарушениям (Д.А. Циринг, 2010), проявляется в поведении снижением активности, отсутствием интереса к выполняемой работе [2], что может неблагоприятно сказываться на деятельности сотрудников, особенно в стрессовых ситуациях.

Понимание механизмов управления поведением сотрудников УИС с самостоятельностью и личностной беспомощностью потребовало изучения особенностей их мотивационной сферы. В исследовании принимали участие сотрудники уголовно-исполнительной системы Челябинской области, непосредственно работающие с осужденными, всего 494 человека. Для описания особенностей мотивационного компонента самостоятельности использовались данные, полученные с помощью ММИЛ (Ф.Б. Березин); методики исследования мотивации достижения успеха и избегания неудач (Т. Элерс). Для диагностики самостоятельности / личностной беспомощности использовались показатели, полученные с помощью ММИЛ, прошедшие проверку валидности для исследования личностной беспомощности [1].

На основании полученных данных выделены группы сотрудников с самостоятельностью ($N=74$) и личностной беспомощностью ($N=115$), остальные группы – с промежуточными результатами. Между группами испытуемых по уровню исследуемых признаков установлены значимые различия ($p < 0,05$).

Представим выявленные различия в мотивационной сфере между группами сотрудников с самостоятельностью и признаками беспомощности по показателям ММИЛ. По шкале «Тревога и депрессивные тенденции» выше показатели у сотрудников с личностной беспомощностью ($t = 3,57$; $p = 0,001$). Их мотивационная сфера характеризуется постоянной потребностью в глубоких и прочных контактах с окружающими. Связь с мотивацией избегания неудач проявляется у таких лиц в стремлении избежать разочарования через уединенность. Для «самостоятельных» сотрудников характерна активность, общительность.

Полученные различия в значениях по шкале «Фиксация тревоги и ограничительное поведение» ($t = 3,55$; $p = 0,001$) свидетельствуют о стремлении «беспомощных» сотрудников избежать неудачи в своей деятельности. Поведение определяется страхом навлечь на себя опасность неверными действиями или потерпеть неудачу в результате допущенной ошибки, отсюда возможен отказ от деятельности. «Самостоятельные» сотрудники характеризуются решительностью, гибкостью поведения.

Полученные результаты по ММИЛ согласуются с данными, обнаруженными с помощью методики исследования мотивации достижения и избегания неудач Элерса. «Самостоятельные» сотрудники характеризуются низким уровнем мотивации к избеганию неудач. Для сотрудников с личностной беспомощностью характерен средний уровень мотивации к избеганию неудач ($t = 2,06$; $p = 0,03$).

Таким образом, мотивационная сфера сотрудников с признаками самостоятельности характеризуется повышенной активностью в деятельности и поведении, низкой мотивацией к избеганию неудач. Самостоятельность является интегративной характеристикой личности, способствующей профессиональному росту и достижению акме.

Литература:

1. Евстафеева, Е.А. Правосознание сотрудников уголовно-исполнительной системы с различными личностными характеристиками: дис канд. психол. наук: 19.00.13 / Евстафеева Евгения Александровна. – Москва, 2015. – 195 с.
2. Циринг, Д.А. Психология личностной беспомощности: исследование уровней субъектности / Д.А. Циринг. – М.: Академия, 2010. – 410 с.

Завязкина Н.В.

КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВВЕДЕНИЯ НОРМЫ ОГРАНИЧЕННОЙ ВМЕНЯЕМОСТИ

Необходимость изучения психологического критерия ограниченной вменяемости, как одного из доминирующих факторов в причинно-следственной цепи осуществляемого противоправного деяния, является сегодня одним из актуальных вопросов, решаемых специалистами в экспертной деятельности.

Неоднозначность этого понятия в историческом контексте, отсутствие четко определенной позиции в современных отечественных и зарубежных исследованиях, возможные правовые последствия - все это, а также многое другое, определяет как интерес, так и сложность данной проблемы, подчеркивает необходимость более глубокого исследования теоретических и практических аспектов с учетом требований современной психологии и судопроизводства.

Норма ограниченной вменяемости была введена в головное законодательство Украины в 2001г., что обусловило появление многочисленных исследований, в которых ставился вопрос о правомерности существования этой категории, что, в свою очередь, явилось одним из основных достижений современного законодательства и способствовало основательной разработке этой проблемы с целью усовершенствования нормативно-правовой регламентации судебно-экспертной деятельности.

Интерес к этой проблеме также связан с ее междисциплинарностью, поскольку уголовно-правовые категории вменяемости, невменяемости и ограниченной вменяемости тесно переплетаются с категориями психологии, психиатрии и философии. На сегодняшний день не вызывает сомнений тот факт, что решение этих проблем является комплексной задачей и возможно только на стыке наук, с широким применением знаний, разработанных ее представителями.

Так, например, уже в самом толковании в законодательстве термина «ограниченная вменяемость» заложены интеллектуальный и волевой критерии психологических признаков, которые определяются как «не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий», что, в свою очередь, выдвигает требования к учету и пониманию этих толкований в психологии.

Со времени вступления в действие нового уголовного кодекса Украины, с соответствующей статьей, регламентирующей уголовную ответственность лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, существенно расширился спектр задач, которые ставятся перед комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизой. Решение во-

просов, связанных с определением ограниченной способности субъекта преступления осознавать значение своих противоправных действий или руководить ими, способствовало развитию нового этапа теории и практики комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз. Стало понятно, что экспертная оценка психического состояния подэкспертного, по вынесению заключения об ограниченной вменяемости, не может основываться только на психопатологических условиях. Необходима оценка структуры личности испытуемого, когнитивной, эмоционально-волевой, мотивационной сферы, степени волевой регуляции поведения, рефлексии, способности к адекватному выбору целей и средств их достижения. Важным моментом является также изучение криминальной ситуации, что позволяет оценить степень актуализации и влияния психопатологического расстройства, имеющегося у подэкспертного.

Таким образом, введение нормы ограниченной вменяемости актуализировало новую для судебной психологии и психиатрии проблему - поиска объективных критериев оценки способности вменяемого лица осознавать свои действия и (или) руководить ими, а также возможности указания степени их нарушения в период совершения противоправных действий. Неоднозначность в подходах к проблеме ограниченной вменяемости определяет ее актуальность необходимость более глубокого исследования с учетом требований современной психологии и потребностей судопроизводства.

Киселев К.А.

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ РАБОЧЕГО МЕСТА СОТРУДНИКАМИ УИС

Эффективность сотрудников уголовно-исполнительной системы, как и сотрудников других организаций напрямую связана с установками личности, ее оценкой и восприятием ситуации [3]. Так, негативные установки могут касаться надежности рабочего места, риска потери работы, перспектив развития и т.п.

Субъективная ненадежность рабочего места (в англоязычной литературе – job insecurity) связывается исследователями с воспринимаемой невозможностью поддержания преемственности и стабильности в ситуации угрозы рабочему месту, статусу в сфере занятости. Негативные установки относительно надежности работы ведут как к кратковременным, так и долгосрочным последствиям.

Цель исследования: изучить влияние воспринимаемо состояния организации, рабочего места на субъективный уровень надежности работы.

Эмпирическая выборка: 45 человек – сотрудников УИС (ГУФСИН).

Методы исследования: Методика ордерной диагностики организационной культуры (Л.Н. Аксеновская); Методика измерения ненадежности работы (МИНР) Т. Пробст (адаптация А.Н. Дёмина); U-критерий Манна-Уитни.

Процедура исследования: Испытуемых разделили на две группы с высоким и низким значением воспринимаемого уровня ненадежности рабочей (методика МИНР Т. Пробст), далее с помощью U-критерия Манна-Уитни измерялась достоверность различия между группами по используемым методикам.

Полученные результаты.

Выявлены достоверные связи фактора «ненадежность работы» (методика МИНР) и таких факторов, как «Различие между желательным и реальным состоянием «семейного субордера» (Uэмп. = 134; Uкрит. ≤ 165 при $p \leq 0,05$; методика Л.Н. Аксеновской), «Различие между желательным и реальным состоянием «церковного субордера» (направленность на идею)»

(Уэмп. = 163; Крит. ≤ 165 при $p \leq 0,05$; методика Л.Н. Аксеновской). Из этого следует, что на восприятие рабочей среды как надежной и безопасной влияет соответствие ценностных установок по отношению к нормам и правилам поведения, принятых в организации, тем нормам и правилам, которые реализуются другими сотрудниками.

В результате проведенного исследования были получены данные, свидетельствующие о значимости соответствия воспринимаемого уровня развития организационной культуры ее желательному состоянию. Различие и соответствие между воспринимаемым и желательным состоянием влияет на удовлетворенность трудом, субъективную оценку работы как надежной и безопасной для сотрудника.

Неконгруэнтность желательной и существующей формы составляющих рабочей среды приводит к фрустрации, рассогласованности индивидуальных и групповых ценностей. В результате индивид начинает испытывать тревогу и воспринимать рабочее место как не соответствующее не только ожиданиям и этическим смыслам, но и как потенциально незащищенное от проблем извне. Это в свою очередь ведет к сниженной мотивации, неудовлетворенности трудом. В конечном итоге снижается продуктивность, ответственность работника.

Таким образом, с целью повышения воспринимаемого уровня надежности организации необходимо проводить меры по формированию моральной поддержки сотрудника, эмоционального комфорта и доверия между подчиненным и начальником, развитию таких норм в рабочей среде, как терпимость, любовь к труду. Также необходимым является развитие представлений о ценностях, этических отношениях, смысловом содержании деятельности, направленной на нечто большее, чем просто работа, развитие личностных и духовных качеств. Долгосрочная ориентация позволит актуализовать свой потенциал и удовлетворить потребности высшего ранга.

Коноплева И.Н.

СТРЕСС И ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ

Последствия стресса для полицейского могут быть различными: физиологические, эмоциональные, поведенческие, патопсихологические, проблемы в семейных отношениях, криминальные инциденты. Все они оказывают сильное влияние не только на личность сотрудника, но также на его профессиональную деятельность, семейные отношения, социальную адаптацию.

Нами были проведены исследования, касающиеся влияния стресса на работоспособность сотрудников и оценки копинг-стратегий в преодолении стрессовых ситуаций в деятельности сотрудников правоохранительных органов.

В первом исследовании приняли участие 40 сотрудников правоохранительных органов. Из них 29 мужчин и 11 женщин. Методики исследования: оценка умственной работоспособности по Э. Крепелину; опросник САН (самочувствие, активность, настроение); тест на профессиональный стресс Т.Д. Азарных и И.М. Тыртышников; шкала психологического стресса Лемура-Тесье-Филлиона, адаптированная Н.Е. Водопьяновой.

Во втором исследовании приняли участие 55 сотрудников правоохранительных органов, все мужчины. Нами были использованы: Методика «Стратегии совладающего поведения» (ССП), адаптирована и стандартизирована в лаборатории клинической психологии НИПНИ им. Бехтерева под руководством Л.И. Вассермана; опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) В.И. Моросановой; Анкета «Прогноз-2», разработанная В.Ю. Рыбниковым.

При проведении эмпирического исследования выраженности стрессового напряжения и работоспособности сотрудников правоохранительных органов, нами выявлено, что чем ниже уровень стресса человека, тем лучше он справляется с началом работы, быстрее включается, лучше осваивает новые навыки, тем выше его упражняемость, работоспособность и активность. Наличие стресса, наоборот, снижает умственную работоспособность и активность человека, он быстрее устает, не готов осваивать новый материал, показатели его упражняемости гораздо ниже показателей тех сотрудников правоохранительных органов, которые не подвержены стрессу, и это серьезно может осложнить выполнение должностных обязанностей. Интересным является тот факт, что чем выше работоспособность, тем больше ошибок совершает человек, тем выше его упражняемость и тем в большей степени он ориентирован на скорость выполнения заданий, нежели на точность (что подтвердили результаты корреляционного анализа). Такие данные, на наш взгляд, могут быть объяснены тем, что несмотря на большое количество ошибок, у человека и число решенных задач больше, поэтому ему легче научиться и адаптироваться к условиям тестирования.

С помощью опросника ССП (Стратегии совладающего поведения), разработанного в НИПНИ им. В.М. Бехтерева, мы определили частоту выбора сотрудниками правоохранительных органов копинг-стратегий в трудных или проблемных для них ситуациях. Наиболее используемыми копинг-стратегиями сотрудников правоохранительных органов для преодоления стрессовых, трудных и проблемных ситуаций являются «планомерное решение проблемы» и «положительная переоценка». Наименее часто сотрудники правоохранительных органов используют стратегии «бегство-избегание» и «принятие ответственности».

Для определения нервно-психической устойчивости, риска психологической дезадаптации в экстремальных ситуациях, нами была использована методика «Прогноз-2». Средний показатель нервно-психической устойчивости по выборке оценивается как хороший. При проведении корреляционного анализа, нами были выявлены статистически значимые обратные связи нервно-психической устойчивости с такими копинг-стратегиями как конфронтация, дистанцирование, бегство-избегание.

Полученные в нашем исследовании результаты показали, что стресс-преодолевающее поведение сотрудников правоохранительных органов является одним из важных психологических факторов обеспечения надежности, эффективности и успеха профессиональной деятельности в экстремальных условиях – как индивидуальной, так и совместной.

Короткина Т. И.

СИТУАТИВНЫЕ ФАКТОРЫ АГРЕССИВНОСТИ ФУТБОЛЬНЫХ ФАНАТОВ

В настоящее время агрессивное, провокационное поведение футбольных фанатов стало болезненной социальной проблемой, угрозой общественной безопасности.

Большинство работ, посвященных психологии футбольных фанатов, исследует индивидуально- и социально-психологические характеристики личности, а также фанатизм как групповой феномен в контексте психологии толпы [1, 2, 3, 4].

Целью проведенного Г. Ермаковой под нашим руководством эмпирического исследования явилось сравнение агрессивности, враждебности и эмоциональности футбольных фанатов, поддерживающих свою команду 1) во время матча на стадионе и 2) в спортивном баре. Исследование проведено в 2015-2016 гг. в г. Алматы на базе одного из футбольных клубов премьер-лиги Казахстана. Опрошено 50 муж'ч'и'н 18-35 лет.

Гипотеза: футбольные фанаты, поддерживающие команду во время матча на стадионе, отличаются от поддерживающих команду в спорт-баре большей агрессивностью, враждебностью и эмоциональностью.

Методы исследования: наблюдение, тестирование. Методики: тест агрессивности Л.Г. Почебут, «Диагностика враждебности» (по шкале Кука-Медлей), «Определение эмоциональности» В.В. Суворовой. Методы обработки: U-критерий Манна-Уитни, корреляционный анализ Пирсона.

Результаты.

Фанаты в спорт-баре проявляют в среднем в 1,5 раз более высокую агрессивность, эмоциональность и цинизма, на стадионе – высокий. Различия значимы при $p < 0,01$.

В структуре видов агрессии у фанатов, поддерживающих команду в баре, центральное место занимает цинизм. Чем выше степень цинизма, тем выше уровень самоагрессии ($r = 0,55$, $p < 0,01$), физической ($r = 0,45$, $p < 0,01$) и вербальной агрессии ($r = 0,35$, $p < 0,05$). Враждебность связана лишь с эмоциональной агрессией ($r = 0,41$, $p < 0,01$). В баре нет положительной корреляции между агрессией и враждебностью, поэтому враждебность проявляется лишь на уровне эмоций.

У фанатов на стадионе в структуре видов агрессии центральное место занимают эмоциональность и враждебность. При росте эмоциональности и враждебности усиливается агрессия (физическая, вербальная, предметная). Все коэффициенты корреляции значимы при $p < 0,01$. Поведение фанатов на стадионе отличается от поведения в баре враждебностью и эмоциональностью, которые усиливают агрессивность.

Объясняются эти различия глубинными социально-психологическими закономерностями, которые доминируют в одной ситуации (на стадионе) и не слишком очевидны в другой (в спорт-баре). На стадионе восприятие непосредственное, в баре – опосредованное. При непосредственном присутствии на фанатских трибунах (среди «своих») возникает чувство сопричастности и могущества – возможности совместно повлиять на исход матча.

На стадионе ярко проявляется чувство «мы»-«они», феномен группового фаворитизма и межгрупповой дискриминации, а также эмоциональное заражение как механизм поведения человека в толпе, факторами усиления которого являются сильные и ярко выраженные эмоции, близкая дистанция и физический контакт, а также групповая идентификация личности.

Настоящее исследование позволяет увидеть связь ситуационных факторов поведения футбольных фанатов с глубинными социально-психологическими закономерностями, на которые необходимо опираться при практическом решении актуальной проблемы агрессивного поведения футбольных фанатов.

Литература:

1. Короткина Т.И. Личностные и социально-психологические особенности футбольных фанатов. // Научные исследования: от теории к практике. Материалы международной научно-практической конференции. – Чебоксары, 2014. – с. 193-196.
2. Медников С. В. Психологические составляющие агрессивного поведения футбольных болельщиков. Автореф. дисс. к. пс. н. – СПб., 2012. – 21 с.
3. Скворцова Е.В. Психосоциальные характеристики футбольных фанатов как субъектов глобализационного сообщества // Экспериментальная психология, 2011, т. 4, № 2, с. 79–87.
4. Харламова Т.М. Психологическое содержание агрессивности футбольных фанатов // Международный журнал экспериментального образования, 2012, №5, с. 132-133.

Краснов В.В., Курбатова Т.Н.

КОГНИТИВНАЯ СЛОЖНОСТЬ И ДИНАМИКА АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Одним из серьезных вызовов для современного общества является проблема агрессии. Для поиска эффективного решения необходимо рассматривать агрессию в контексте личности, совершающей агрессивные действия. В совокупности личностных детерминант одной из существенных выступает самосознание как способность осознавать себя, переживать это осознание и управлять собой, опираясь на вышеуказанные механизмы. В качестве главной производной самосознания выступает когнитивная сложность (КС). Являясь содержательной характеристикой самосознания, она определяется как мера дифференциации и связанности независимых категорий, с помощью которых субъект формирует представление о себе и о реальности (Дж.Келли, Дж.Бьери). КС определяет зрелость личности, ее умение доводить до сознания свои, а значит и других, глубинные мотивы. Можно предположить, что более когнитивно сложная личность имеет больше возможностей для управления своим агрессивным поведением. В настоящем исследовании эта гипотеза эмпирически доказывается.

Сложность исследования динамики (проявления и изменения) агрессивного поведения заключается в существенных ограничениях по организации исследования. Это продиктовано, в том числе, широкой распространенностью агрессивного поведения и этическими соображениями. Исходя из этого, за основу был принят факт агрессии, установленный формально-официально. Именно поэтому контрольную группу составили лица, совершившие насильственные преступления, осужденные и отбывающие наказание в учреждениях УФСИН по С-Петербургу и области (N=125). В качестве группы сравнения выступали осужденные, совершившие ненасильственные преступления (N=125). Были поставлены задачи исследовать когнитивную сложность и уровень агрессии каждой группы и сравнить их между собой. Уровень склонности к агрессии изучался с помощью теста руки Э.Вагнера и опросника Басса-Перри в адаптации С.Н.Еникиколопова. Когнитивная сложность исследовалась с помощью методики свободного самоописания Палей-Курбатова. Данная методика предполагает количественный (количество названных конструктов) и качественный (количество использованных категорий) анализ когнитивной сложности личности (Курбатова Т.Н., 2000).

Сравнение уровня склонности к агрессии двух групп по критерию t-Стьюдента показало статистически значимые различия ($t = -3,315$, $p < 0,001$). Уровень агрессии по субшкале «физическая агрессия» опросника Басса-Перри у лиц, осужденных за насильственные виды преступлений, ниже ($M = 20,54$) аналогичных показателей тех, кто осужден за ненасильственные преступления ($M = 23,45$).

Исследование уровня когнитивной сложности двух независимых выборок позволяет сказать, что выборки различаются статистически достоверно на высоком уровне статистической значимости ($p < 0,01$) и по количеству описанных конструктов, и по количеству названных категорий. Уровень когнитивной сложности осужденных за насильственные преступления значимо ниже ($M = 11,52$) по сравнению с показателями осужденных за ненасильственные преступления ($M = 18,40$).

Выявлена взаимосвязь между уровнем когнитивной сложности и способностью управлять агрессивным поведением. Преступники, осужденные за ненасильственные преступления, демонстрируют больший уровень агрессии, являясь более когнитивно сложными, выбирают ненасильственные способы совершения преступлений. В свою очередь, преступники, осужденные за насильственные преступления, будучи более когнитивно простыми, имеют низкие показатели склонности к агрессии и совершают преступления насильственными методами.

Таким образом, статистически достоверно установлено, что когнитивная сложность выступает одним из факторов динамики агрессии, предоставляя субъекту больше возможностей для управления агрессивным поведением. Полученные данные могут не только использоваться в психотерапевтической и психокоррекционной практике с осужденными, но и с широкими слоями населения, которые нуждаются в психологической поддержке.

Кузмицкая Ю.Л., Фурманов И.А.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ И НАУЧЕНИЕ АГРЕССИВНОМУ ПОВЕДЕНИЮ

Современное состояние общества и науки свидетельствует о неуклонном интересе к изучению агрессии в ситуации межличностного взаимодействия. Негативное отношение к агрессивному поведению предопределяет огромное количество попыток его внешней социальной регуляции. Однако, несмотря на всю важность организации целенаправленной социализации личности, агрессия встречается достаточно часто. В связи, с чем актуальным является изучить, какую роль играет ситуация социального взаимодействия агрессивного содержания в исправлении нарушений поведения детей, в последующей адаптации и научении данной форме поведения. Актуально установить, усваивает ли ребенок из опыта социальной регуляции его поведения, способы агрессивного взаимодействия и является ли данный опыт фактором социализации агрессивных форм поведения.

Для проведения эмпирической части исследования были использованы методики: «Шкала тактики поведения в ситуации дисциплинирования» (М.А. Строоса и К. Меберта); «Стратегии поведения школьников в отношении одноклассников» (К. Бьерквит и К. Остерман). Эмпирическая база исследования: 515 школьников трех возрастных групп (младший школьный, подростковый и юношеский возраст) из них 285 мальчиков и 230 девочек. Испытуемые данных возрастных групп были разделены на три когорты по уровню агрессии по методу Р. Кеттелла. Результаты исследования представлены в юношеской группе.

Результаты корреляционного и ковариационного анализа свидетельствуют о существовании взаимосвязи между формами агрессии и дисциплинарными воздействиями родителей.

Физические формы агрессивного поведения у мальчиков определяются использованием родителями психологической агрессии ($r=0,52$, $p\leq 0,001$; $r=0,54$, $p\leq 0,001$), телесных наказаний ($r=0,38$, $p\leq 0,001$; $r=0,63$, $p\leq 0,001$) ($F=5,04$, $p=0,028$) и проявления жестокости ($r=0,25$, $p=0,029$; $r=0,48$, $p\leq 0,001$). Вербальные формы взаимосвязаны с психологической агрессией ($r=0,89$, $p\leq 0,001$; $r=0,55$, $p\leq 0,001$), телесными наказаниями ($r=0,39$, $p\leq 0,001$) и проявлением жестокости ($r=0,44$, $p\leq 0,001$; $r=0,25$, $p=0,029$). Модель поведения отца, а именно психологическая агрессия ($F=88,64$, $p\leq 0,001$) и проявление жестокости ($F=4,56$, $p=0,037$) определяют прямые вербальные способы взаимодействия с одноклассниками. Дисциплинарные воздействия, основанные на разъяснении неправильности совершенного проступка, уменьшают вероятность проявления мальчиками физической агрессии ($r=-0,42$, $p\leq 0,001$; $r=-0,31$, $p=0,007$). Проявление агрессии не прямым (косвенным) образом определяет отцовская модель: психологическая агрессия ($r=0,47$, $p\leq 0,001$), телесные наказания ($r=0,28$, $p=0,016$), проявление жестокости ($r=0,47$, $p\leq 0,001$) и физическая жестокость ($r=0,25$, $p=0,033$).

Физически агрессивное взаимодействие девочек положительно взаимосвязано с телесными наказаниями со стороны матери ($r=0,59$, $p\leq 0,001$), ($F=3,67$, $p\leq 0,050$) и отца ($r=0,30$, $p=0,017$). Вербальная агрессия определяется моделью поведения матери: психологическая агрессия ($r=0,86$, $p\leq 0,001$; $F=57,72$, $p\leq 0,001$), телесные наказания ($r=0,34$, $p=0,005$) и проявление жестокости ($r=0,26$, $p=0,036$). Психологическая агрессия отцов ($F=16,57$, $p\leq 0,001$) и мате-

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

рей ($F=4,64$, $p=0,036$), а также проявление жестокости матерями ($F=4,87$, $p=0,032$) влияет на то, что в межличностных отношениях наблюдаются реакции скрытой агрессии.

Обобщение полученных результатов позволяет сделать вывод, что форма дисциплинарного воздействия, организующая взаимодействие между родителями и детьми в социальной регуляции их поведения, во многом определяет характерный способ отношений вне семьи. Установленные взаимосвязи могут свидетельствовать о том, что дети научаются определенному агрессивному взаимодействию у своих родителей, а в последующем используют их в отношении других субъектов социального взаимодействия. Дисциплинарные тактики родителей могут выступать в качестве фактора научения и социализации агрессивного поведения, а также фактора формирования определенного типа агрессивного поведения.

Лопес С.В.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВИКТИМНОЙ ЛИЧНОСТИ

В последние годы проблема насилия подвергается глубокому междисциплинарному анализу, связанному с исследованием культуры насилия, выявлением социальных, культурных, психологических и биологических факторов, способствующих сохранению насилия и передачи его из поколения в поколение, актуальным становится рассмотрение второй стороны этого процесса - виктимного поведения жертвы. Изучением проблемы виктимного поведения жертвы занимались Д.В. Ривман, А.В. Мудрик, Н.Х. Сафуллин, Ю.М. Антонян, В.И. Полубинский, А.Л. Репецкая, В.Я. Рыбальская. Цель исследования: выявление специфики проявления виктимности у детей подросткового возраста в разной среде воспитания. Объект исследования: виктимность личности. Предмет исследования: психологические особенности виктимности у подростков разной среды воспитания. Анализ различных направлений научного знания, разрабатывающих проблему виктимологии, показал, что основными понятиями виктимологии являются такие понятия, как «жертва», «виктимность», «виктимизация», «виктимогенность». В исследовании применялись следующие методики: диагностический опросник «Проявление виктимности в Вашем поведении» М.А.Одинцовой, опросник направленный на исследование склонности к виктимному поведению О.О.Андронниковой, опросник социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда. В исследовании принимали участие 75 человек детей из детского дома и детей, воспитывающихся в семьях. Результаты сравнительного анализа показателей виктимности у детей, оставшихся без попечения родителей, воспитывающихся в условиях государственной системы воспитания, и подростками, проживающими и воспитывающимися в семье, показали следующие статистически значимые различия по шкалам: склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению, социальная роль «жертвы», статус «жертвы» у детей, воспитывающихся в государственных учреждениях. Статистические значимые различия по шкалам «Принятие других», «Доминирование» у детей, воспитывающиеся в семьях. Выявлена закономерность, что у подростков, воспитывающихся в семье, тоже есть проявления виктимности, но в другом аспекте. Таким образом, подростки, воспитывающиеся в государственном учреждении, склонны проявлять саморазрушающее поведение. Они ярко проявляют роль жертвы в отличие от подростков, проживающих в семьях. Подростки, воспитывающиеся в семье, отличаются от своих сверстников по шкале доминирование, что тоже способствует проявлению виктимности. Наиболее слабой категорией в данном случае являются дети-сироты, воспитывающиеся в детском доме. С одной стороны, в большинстве случаев это дети из неблагополучных семей, в которых они подвергались насилию (как психологическому, так и физическому), поэтому поведение жертвы для них

является привычным. С другой стороны, воспитательная система детского дома, будучи замкнутой, формирует такие личностные особенности детей, как беспомощность, некритичность, неосмотрительность, создавая тем самым предпосылки к проявлению виктимного поведения. По статистике, ежегодно в России около 16 тысяч выпускников образовательных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, начинают самостоятельную жизнь. Вступая в самостоятельную жизнь, они сталкиваются с проблемами жилья, поиска работы, организации быта, питания, обеспечения себя прожиточным минимумом, взаимодействия с широким социумом, организацией свободного времени, получения медицинской помощи, создания и сохранения собственной семьи. Одной из главных задач, стоящих перед государством в отношении выпускников, является обеспечение их социальной защищенности, как результата реализации социальной защиты, возможности полноценной жизни. Проблема чрезвычайно сложная, так как в отличие от ребенка из семьи выпускник, оставшийся без попечения родителей, должен быть гораздо раньше готовым к самостоятельной жизни, и остается он в ней без поддержки, «тыла» со стороны родственников.

Лупенко Е.А.

РОЛЬ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК НАБЛЮДАТЕЛЯ В ЗАДАЧАХ ВОСПРИЯТИЯ И ОПОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА ПО ПОРТРЕТНОМУ ИЗОБРАЖЕНИЮ

Довольно часто нам приходится иметь дело с восприятием личности человека, представленного на фотографии, портрете или скульптурном изображении. Подобная ситуация восприятия лица человека имеет свою специфику, однако, являясь по сути актом невербальной коммуникации, она принципиально сходна с точки зрения оценки индивидуально-психологических особенностей с ситуацией непосредственного общения (Барабанщиков, Носуленко, 2004).

По данным В.А. Барабанщикова (Барабанщиков, 2009) эффективная оценка целого лица опирается в терминах основных факторов 16 RF P. Кеттелла на эмоционально-волевые качества наблюдателя: Q3 – высокий самоконтроль ($p=0,007$). П. Боркенау и А. Лейблер (Borkenau, Leibler, 1992) показали наличие значимых корреляций между оценками изображений лица натурщиков и самооценками зрителей по параметру экстраверсия ($r=0,33$) и сознательность ($r=0,32$). Связь между типом темперамента и адекватностью межличностных оценок была показана в исследовании Ю.А. Тимохиной (Тимохина, Ананьева, 2015).

В исследовании, проведенном нами, проверялось влияние на эффективность восприятия и опознания личности такой индивидуально-психологической характеристики наблюдателя, как уровень эмпатии, а также наличие связи успешности опознания с данными методики «Личностный дифференциал». В качестве объектов исследования были выбраны 4 автопортрета двух русских художников, изобразивших себя в разные возрастные периоды жизни, соответственно два мужских автопортрета - Карла Брюллова и два женских автопортрета – Зинаиды Серебряковой.

Группе испытуемых на экране компьютерного дисплея последовательно предъявлялись четыре автопортрета; согласно инструкции, испытуемые должны были составить свободное семантическое описание индивидуально-психологических характеристик изображенных на автопортретах персонажей. Был проведен частотный анализ используемых при описании индивидуально-психологических характеристик, и для каждого автопортрета был составлен список качеств. В следующей серии эксперимента в качестве стимульного материала высту-

пали те же четыре автопортрета, но с частичной окклюзией либо верхней (глаза и брови), либо нижней (рот и подбородок) частей лица. Испытуемым необходимо было опознать автопортреты по предложенным спискам индивидуально-психологических характеристик в двух разных условиях: при окклюзии того или иного типа и при предъявлении целого лица, изображенного на портрете. Кроме того, в эксперименте использовались методика А. Меграбяна и Н.Эпштейна, а также методика «Личностный дифференциал» (ЛД).

Участники эксперимента: студенты различных вузов, общее количество 110 чел. в возрасте от 17 до 52 лет; 72,7% женщин, 27,3% мужчин.

Важным, на наш взгляд, результатом, явился факт незначительного снижения успешности опознания портретов при окклюзии. Причем чаще всего испытуемые демонстрировали либо одинаково точное, либо одинаково ошибочное опознание и в ситуации окклюзии (независимо от ее типа), и в ситуации полностью открытого лица. Кластерный анализ данных эксперимента позволил выделить два кластера, в которые вошли испытуемые, успешно опознающие лицо, изображенное на портрете, и неуспешно, вне зависимости от наличия и типа окклюзии. Было выдвинуто предположение о преимущественном влиянии на результаты опознания индивидуально-психологических характеристик участников эксперимента. Полученные корреляционные связи с данными уровня эмпатии по методике А. Меграбяна и Н. Эпштейна оказались низкими: корреляция по Спирмену $r=0,28$, $p>0,126$, т.е. на уровне тенденции. Корреляции между успешностью опознания и оценками, полученными по шкалам ЛД, свидетельствуют о значимых связях по трем шкалам: замкнутый-открытый ($r=0,37$, $p<0,05$); решительный-нерешительный ($r=-0,35$, $p<0,05$); честный-неискренний ($r=-0,36$, $p<0,05$), что говорит о связи индивидуально-психологических характеристик наблюдателя и эффективности восприятия и опознания личности человека по портретному изображению.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ номер 16-06-01100*

Мищенко В.В., Погорелова В.А.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Проблема мотивации является одной из центральных в психологии. Значение категории мотива в изучении закономерностей поведения, в том числе преступного безусловно велико. Исследования мотивации преступника позволяют взглянуть на преступление изнутри, не как на статистическую единицу во всем массиве преступности с ее собственными характеристиками и свойствами, а как на поведение реального человека (Шоткинов С.А., 2003).

Недостаточно разработанной в современной науке является проблема мотивации преступного поведения с точки зрения гендерного подхода. В настоящее время общеизвестным является факт наличия «гендерного разрыва» в структуре преступности: показатели женской преступности всегда и везде меньше, чем мужской.

С целью изучения мотивации преступного поведения с позиции гендерного подхода нами было проведено исследование на базе ФКУ «Исправительная колония № 5 Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Ставропольскому краю». В качестве испытуемых в нем приняли участие 30 человек в возрасте от 20 до 30 лет. Экспериментальную группу составили 20 преступников (10 корыстно-насильственных и 10 корыстных), в контрольную группу вошли 10 сотрудников ФКУ ИК-5.

Решение поставленных задач и проверка гипотезы обеспечивались следующим комплексом диагностических методик: тест «Диагностика мотивационной структуры личности» (В.Э. Мильман), опросник «МАС» (М. Кубышкина), методика «Диагностика уровня эмпатии» (И.М. Юсупова), методика «Диагностика ригидности» (Г. Айзенк), опросник «Мини-Мульт» (СМОЛ), Методика диагностики потребности в поисках ощущений (М. Цукерман), опросник для исследования акцентуированных свойств личности Леонгарда-Шмишека.

Анализ результатов в респондентских группах показал, что личностными характеристиками, обуславливающими мотивацию преступного поведения, у женщин являются ригидность установок и импульсивность поступков, а мужчинам свойственна логичность преступных действий и большая лабильность установок. Насильственные преступления женщин чаще опосредованы мотивами защиты, а у мужчин преобладают мотивы достижения цели с помощью инструментальной агрессии.

Корыстные мотивы женской преступности связаны со стремлением к комфорту. В личности корыстных мужчин-преступников преобладает потребность в поисках ощущений. И мужчинам и женщинам корыстной направленности свойственно потребительское отношение к собственности и стремление к социальному престижу.

В личности насильственных преступников независимо от гендерной принадлежности доминирующим является показатель импульсивности. У насильственных преступниц преобладает ригидность в обуславливании выбора мотива преступления. В личности насильственных мужчин-преступников высоким показателем является показатель потребности в поисках ощущений.

С целью изменения ценностных ориентаций, снижения уровня агрессивности, изменения преступных установок, повышения уровня эмпатии и самооценки нами была проведена психокоррекционная работа при помощи социально-психологического тренинга. По итогам тренинга у женщин, совершивших корыстные преступления, оптимизировались показатели стремления к жизнеобеспечению и комфорту (-7,7%, -9,5%), к соперничеству (-22%), повысился уровень эмпатии (+11,5%) и самооценки (+9,2%). У женщин, совершивших насильственные преступления, оптимизировались показатели импульсивности (-2,5%), эмпатии (+8,6%) и самооценки (+8,2%).

У мужчин, совершивших корыстные преступления, оптимизировались показатели стремления к социальному престижу (-5,2%), повысился уровень эмпатии (+13,2%) и самооценки (+9,2%). У мужчин, совершивших насильственные преступления, оптимизировались показатели импульсивности (-3%), стремление к соперничеству (-3,1%), потребность в поисках ощущений (-3,1%).

Таким образом, в результате исследования мы пришли к выводу, что необходимо комплексное воздействие на структуру личности преступников с целью устранения негативных качеств в структуре их личности.

Поздеева А. З., Бендас Т.В.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

В настоящее время, когда криминология имеет в распоряжении необходимее материалы о личности преступника и его поведении, продолжает ощущаться потребность в информации о тех, кто становится жертвой насилия или кражи.

Чем лучше правоохранительные службы, ведущие профилактику правонарушений и борьбу с преступностью, будут знать возможных «кандидатов» в пострадавшие, лиц, име-

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ющих специфическую предрасположенность становиться жертвой и проводить с ними и их окружением профилактическую работу, тем труднее будет правонарушителю реализовать свои преступные намерения.

Одним из факторов возникновения виктимного поведения выделяется пол. Девушки имеют ряд особенностей: доверчивость, легкая внушаемость, наивность, любопытство, а иногда просто физическая слабость, которые способствуют становлению их жертвами преступления.

И девочкам, и мальчикам одинаково часто родители и педагоги рассказывают правила поведения на улице, в школе, в магазинах и в незнакомых местах с незнакомыми людьми. Распространено мнение, что девушки чаще парней проявляют виктимное поведение и чаще становятся жертвами преступления.

В проведенном нами исследовании приняли участие 100 подростков 14-16 лет (50 юношей и 50 девушек). Мы использовали методику исследования склонности к виктимному поведению О.О. Андрониковой, тест СМЛЛ.

В результате математико-статистического анализа были выявлены половые различия в склонности к пассивному виктимному поведению (уровень значимости 0,01). Девочки превосходят мальчиков в склонности к пассивному виктимному поведению. Для девочек типично не оказывать сопротивления преступнику. Это может быть по различным причинам: в силу возраста, физической слабости, беспомощного состояния, трусости, робости, конформности и т.д. Можно сказать, что для девочек характерна склонность к зависимому и беспомощному виктимному поведению. Они проявляют пассивное подчинение и выполнение всех требований посягателя. При этом выделяют пассивно-оборонительный вариант и пассивно-безучастный. В первом случае потерпевшие предпринимают робкие попытки противостоять агрессору, проявляют отрицательное отношение к происходящему, высказывают просьбы их не трогать, стремятся вызвать жалость, однако активного сопротивления они не оказывают. Во втором варианте поведение потерпевших носит абсолютно пассивный характер и проявляется в полном подчинении любым требованиям, отсутствии высказываний или просьб, заторможенности вплоть до полной безучастности к происходящему. Женственность связана с нормативным поведением, особенно в православной культуре (ориентация на раскаяние). Отсюда следует, что девочки в качестве защитной реакции выбирают отрицание сопротивления.

Также выявлены половые различия в склонности к некритическому виктимному поведению (уровень значимости 0,01). Девочки превосходят мальчиков в склонности к некритическому виктимному поведению. Склонность к некритическому виктимному поведению у девочек объясняется тем, что девочки доверчивы, легкомысленны, неосмотрительны. В силу не сформировавшихся нравственных устоев девочки склонны к идеализации людей, оправданию негативного поведения других. И потому они не замечают опасности.

Проверка гипотезы о наличии/отсутствии связи между гендерной идентичностью и склонностью к виктимному поведению не выявила значимой корреляции. Можно говорить, что среди подростков биологический фактор более мощный, чем личностные черты. Значимо то, кем ты родился – девочкой или мальчиком, а не то, какие черты ты проявляешь – типичные девочкам или типичные лишь мальчикам.

Подростки бессознательно и сознательно наблюдают за взрослыми, чтобы усвоить внешнее поведение и внутренний духовный статус мужчины или женщины. При этом они перенимают не только образцы поведения представителей каждого отдельного пола, но и образцы взаимодействий мужчин и женщин. Современные подростки имеют возможность знакомиться с взаимоотношениями мужчин и женщин не только в жизни и искусстве, но также в литературе и кино.

Романова Н.М., Экедегва Р.О., Киселев К.А.

ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ОСУЖДЕННЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НИГЕРИЙСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ)

В рамках совместного исследования изучались социально- психологические особенности восприятия заключенными состояния своего психологического благополучия в условиях пребывания в местах лишения свободы. Научные изыскания выполнены интернациональным коллективом и проводились в Нигерийских тюрьмах Оба и Ибара штата Огун.

Исследование характеристик психологического здоровья и благополучия заключенных, отбывающих наказание в условиях неволи в других странах, отличаются научной и практической значимостью. Они позволяют использовать полученные результаты для улучшения качества психологической работы отечественной пенитенциарной системы.

Цель исследования: выявление особенностей психологического благополучия у заключенных (на материале исследования заключенных тюрем «Оба» и «Ибара»).

Методы исследования: анкетирование, интервьюирование, статистический анализ полученных данных.

Характеристика выборки: заключенные тюрем Оба и Ибара, возраст 18-49 лет, мужского и женского пола.

Проблема психологического благополучия заключенных в настоящее время имеет большую актуальность. Именно от качества восприятия себя, своего здоровья зависит самооценка, идентичность заключенного, что напрямую влияет на возможность его ресоциализации и интеграции в общество в последующем.

Только 35% респондентов согласились с тем, что в местах лишения свободы оказывают социальные услуги в виде медицинской помощи. При этом 86% респондентов согласились с тем, что наличие социальных объектов в тюрьме будет иметь положительное влияние на психологическое состояние осужденных. 73% опрошенных отметили, что в условиях лишения свободы у них возникали заболевания. При этом только 26% испытуемых указали на наличие соответствующего эффективного лечения.

54% исследуемых получают негативные эмоции от процесса общения с сокамерниками, а 30% заключенных заявили о том, что взаимоотношения с персоналом тюрьмы ухудшают их психологическое состояние. 70% заключенных не рассматривают тюрьму с точки зрения реабилитирующего воздействия. Они отмечают, что тюрьма оказывает на них негативное, в плане формирования правоуповенности, воздействие.

92% согласились, что наличие образовательной программы в тюрьме улучшает их психологическое состояние. При этом 53% респондентов отметили низкую доступность для заключенных подобных программ.

8% заключенных отметили позитивное влияние на них пенитенциарной системы – они испытывают позитивные эмоциональные переживания от того, что остаются в тюрьме.

На основе применения метода кластерного анализа были выделены симптомокомплексы основных психологических проблем внутриличностного и внешнего характера, связанных с психологическим неблагополучием заключенных: а) дезадаптация, связанная с взаимоотношениями заключенного с другими осужденными и тюремным персоналом, а также его острое переживание несвободы, эмоциональный дискомфорт, повышенная тревожность, опасение за состояние здоровья и соматического статуса (очень часто медико-социальные службы попросту недоступны в адекватном объеме), чувство одиночества и нехватки визитов супруга и близких; б) дезадаптация, связанная с факторами общественного характера, относительно взаимоотношения с социумом как таковым: отказ признать свою вину, восприятием тюрьмы

не как реабилитационного центра, а как источника психологического насилия и источника новых преступлений в дальнейшем, отсутствие семьи, обесцениванием образовательных программ, негативные установки к другим индивидам.

Таким образом, основными проблемами, вызывающими психологическое неблагополучие являются: беспокойство о здоровье, переполненность тюрем, взаимоотношения с другими заключенными и сотрудниками мест отбывания наказания. Для большинства заключенных тюрьма является не реабилитационным центром, позволяющим исправиться и вернуть в общество, а только лишь способом наказания и источником новых преступлений. Ситуация осложняется отсутствием самой психологической службы как таковой в пенитенциарной системе Нигерии.

Смирнова Т.Г. Смирнов В.П.

ПРОИЗВОДСТВО ЭКСПЕРТИЗ ОБ ОГРАНИЧЕННОЙ СПОСОБНОСТИ СУБЪЕКТА К ОСОЗНАННО-ВОЛЕВОМУ ПОВЕДЕНИЮ

Судебные экспертизы являются неотъемлемым элементом в процессе расследования преступлений, судебном рассмотрении уголовных и гражданских дел. В практике производства судебно-психологической, а чаще всего – комплексной психолого-психиатрической экспертизы, интерпретация экспертных решений нередко опосредуется особенностями формулировок, используемых в законодательстве и данной сфере экспертной деятельности. Как известно, одной из основных задач, решаемой судебными экспертизами с участием психолога, является определение меры способности субъекта к осознанно-волевому поведению в правозначимой ситуации - могло ли лицо осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими в юридически значимый период. Вариантами решения данной задачи выступают ответы «могло», «не могло» и «не могло в полной мере». Именно последняя формулировка, являющаяся составной частью различающихся правовых и психолого-психиатрических экспертных конструкций, вызывает неоднозначное понимание. Данная формулировка буквально отражена в двух уголовно-правовых конструкциях – так называемой возрастной невменяемости – ч. 3 ст. 20 УК РФ, и ограниченной вменяемости – ст. 22 УК РФ. Не ставя перед собой задачи всестороннего анализа этих конструкций, отметим, что в них одна и та же формулировка - «не мог (или не могло) в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими» - соотносится с разным уголовно-правовым статусом субъекта. В случае, описываемом ч. 3 ст. 20 УК РФ речь идет о варианте так называемой «возрастной невменяемости» вследствие отставания несовершеннолетнего в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, с закономерным итогом – освобождением от уголовной ответственности. Статья 22 УК РФ с той же формулировкой - «не могло в полной мере», устанавливает так называемую «ограниченную вменяемость», которая является вариантом вменяемости, в данном случае – лица, страдающего психическим расстройством и, как итог – подлежащего уголовной ответственности. Другими словами, при совпадении юридических критериев двух статей УК РФ (ч. 3 ст. 20 и ч. 1 ст. 22), законом предусматриваются принципиально различные правовые последствия (не привлечение и привлечение к уголовной ответственности), что в определенном смысле дискриминирует подростков с психическими расстройствами. К настоящему времени накоплен опыт применения положений ч.3 ст.20 УК РФ, который большинство специалистов оценивают как недостаточно удовлетворительный, связывая это в первую очередь с неоднозначностью формулировки и толкования

понятия «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством». При этом, необходимо подчеркнуть, что вывод эксперта-психолога о том, что несовершеннолетний не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность совершаемых им противоправных действий (бездействия) либо руководить ими в силу имеющегося у него отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, не противоречит выводу эксперта-психиатра о том, что у несовершеннолетнего не выявляется психического расстройства, которое лишало бы его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность совершаемых им противоправных действий (бездействия) либо руководить ими. Опыт взаимодействия экспертов со следственными, судебными органами показывает, что нередко подобные затруднения в интерпретации экспертных выводов встречаются и в случаях производства комплексных экспертиз в рамках ст. 107, 113 УК РФ. В частности, сочетание выводов эксперта-психиатра о том, что «в период инкриминируемого деяния ... хроническим, временным психическим расстройством, слабоумием, иным болезненным состоянием психики не страдалмог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими...» с выводами эксперта-психолога о том, что индивидуально-психологические особенности обвиняемого и/или состояния физиологического аффекта, иного выраженного эмоционального состояния «оказали существенное негативное влияние на сознание и поведение обвиняемого, снизив его способность к осознанно-волевой регуляции своих действий» вызывает у правоведов дополнительные вопросы в связи с тем, что они оценивают такое сочетание выводов психиатра и психолога как противоречивое. Вследствие этого, нередко требуются дополнительные разъяснения со стороны экспертов о том, что психиатр оценивает полную сохранность к осознанию и руководству своими действиями исходя из психопатологического (болезненного) критерия (т.е. на основании наличия или отсутствия какого-либо психического расстройства), что не выступает препятствием для утверждения экспертом-психологом вывода об ограничении и снижении способности обвиняемого к осознанно-волевому поведению вследствие фактора психологической природы, представленного юридически релевантным эмоциональным состоянием и/или особенностями структуры личности обвиняемого. Другими словами, с экспертной точки зрения, сочетание подобных формулировок не является противоречивым и взаимоисключающим. Анализ практики применения статей УК РФ, выступающих правовым основанием для экспертной оценки ограничения способности субъекта к осознанно-волевому поведению, свидетельствует, что наиболее распространенной формой комплексирования психиатрических и психологических знаний являются параллельные исследования, когда каждый из экспертов реализует собственную компетенцию. Другими словами, психиатр и психолог проводят исследование в рамках своей специальности, при этом психопатологические (болезненные) и психологические факторы, лежащие в основе ограничения способности к осознанно-волевому поведению, исследуются психиатром и психологом параллельно, после чего каждый из экспертов формулирует выводы, которые входят в компетенцию лишь одной специальности. Как показано выше, такая форма параллельных выводов и даёт основание правоведам расценивать их, в некоторых случаях, как противоречащие друг другу. Экспертная оценка ограниченной способности к осознанно-волевому поведению (ч.3 ст.20, ст.22, ст.ст.107, 113 УК РФ), являясь методологически сложной вследствие необходимости одновременного учёта факторов различной природы (болезненной, личностной, эмоциональной), требует совместного психолого-психиатрического определения юридической релевантности особенностей психической сферы. В этом случае, наиболее полно интегративный анализ экспертов разных специальностей может быть реализован при объединении выводов психолога и психиатра в единое обоснование в виде интегративных (совместных), а не параллельных выводов.

Суворова О.В., Сорокоумова С.Н., Лебедев М.Н.

**ВЛИЯНИЕ ОПЫТА ФИЗИЧЕСКОГО И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
НАСИЛИЯ НА СУВЕРЕННОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
ПРОСТРАНСТВА В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ**

Опыт переживания насилия создает отсроченные риски развития в более взрослом возрасте: нарушает телесные и психологические границы, порождает диффузию Я, актуализирует неэффективные психологические защиты, формирует созависимость, снижает защищенность личности от насилия [1], [2], [3], [4].

Выбор стратегий и успешность совладания с трудными жизненными ситуациями связываются с личностными ресурсами человека: сопротивляемостью и субъектностью личности, внутренним локусом контроля, суверенностью психологического пространства (Л.А. Анцыферова, Е.Н. Волкова, С.К. Нартова-Бочавер).

Целью нашего исследования явилось изучение специфического влияния вариантов сопряженного физического и психологического насилия на суверенность психологического пространства личности. Мы использовали: ICAST-R - ретроспективный опросник для изучения опыта пережитого насилия у молодежи 18-24 лет (Е.Н. Волкова, О.М. Исаева); копинг-тест Р. Лазаруса, С. Фолкмана (адаптирован Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой); опросник «Суверенность психологического пространства» (С.К. Нартова-Бочавер); опросник «Проверка личных качеств на созависимость» (Б. Уайнхолд, Д. Уайнхолд); опросник «Локус контроля» Дж. Роттера. Выборка составила 57 студентов второго курса дневного отделения социномических специальностей вуза.

Анализ результатов исследования показал, что у испытуемых с опытом физического насилия (11%) наблюдается высокий уровень созависимости (50%); преобладают рациональные защиты - самоконтроль, планирование поведения, положительная переоценка опыта, принятие ответственности (66%); отмечается умеренная суверенность психологического пространства с обратной средне значимой связью ($r = -0,288^*$); половина студентов имеют интернальный и нормальный локус-контроль.

Респонденты с опытом психологического насилия (19%) показывают в основном высокий уровень созависимости (70%); преобладание средних уровней психологических защит; умеренные значения СПП, причем, СПП дает обратные значимые связи с опытом насилия ($r = -0,383^{**}$); половина студентов имеют интернальный и нормальный локус-контроль.

Респонденты с сочетанным опытом насилия (36%) показывают в основном высокий уровень созависимости (80%); преобладание высоких уровней защит дистанцирования, бегства и поиска социальной поддержки (38%); СПП дает обратные средне значимые связи с опытом насилия ($r = -0,294^*$); половина студентов имеют интернальный и нормальный локус-контроль.

Студенты, не имеющие опыта насилия (34%), демонстрируют отрицательную связь с созависимостью ($r = -0,332^*$), а также с психологическими защитами; СПП находится в зоне умеренной суверенности и сверхсуверенности (50% / 50%) и положительно коррелирует с отсутствием насилия ($r = 0,421^{**}$); половина испытуемых относится к экстернальному, четверть к нормальному и четверть к интернальному типу локус-контроля.

Таким образом, две трети студентов социномических специальностей вуза имеют опыт физического и психологического насилия, который проявляется в специфических рисках развития личности: недостаточной суверенности психологического пространства, неэффективных психологических защитах и локус-контроле, созависимости. Студенческий возраст является сензитивным для осознанной переработки психотравматического опыта личности,

обогащения сознания преобразующими стратегиями совладания, создает условия для профилактики личностных деформаций в рамках психологической службы вуза.

Литература:

1. Ильина, С.В. Эмоциональный опыт насилия и пограничная личностная организация при расстройствах личности: Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.04: Москва, 2000. - 241 с.
2. Соколова, Е.Т., Николаева В.В. Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях. М.: SvtArctus, 1995.
3. Холл, З. Последствия сексуальных и психологических травм детства // Психол. журнал, № 5. – т.13, 1992. – С.120-129.
4. Herman J. L., Russel D., Trocki K. Longterm effects of incestuous abuse in childhood // Am. J. Psychiatry. 1986. V. 143. P. 12931296.

Сулицкий В.В.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АУТОПСИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЗА УМЫШЛЕННОЕ УБИЙСТВО

Психологическая аутопсия (ПА) – один из видов судебных экспертиз, которая назначается судом в случае возникновения неразрешенных противоречий в определении роли, места жертвы в уголовном (-ых) событии (-ях).

Психологическая аутопсия один из видов экспертиз, которая назначается посмертно.

Основание для ее проведения является ст. 310 УПК Украины и постановление суда. Для проведения ПА эксперту отправляется уголовное дело, после изучения которого, он составляет план работы, определяет формы, методы диагностики, круг интересующих его сведений и лиц, которые могут предоставить данную информацию.

Вначале эксперт знакомится с обстоятельствами дела, вопросами, которые поставил суд на его разрешение.

Основные требования к эксперту при его выборе:

- специалист в области юридической психологии (психология криминального поведения, аномальная психология, патопсихология, психология суицидального поведения);
- наличие ученой степени и звания. Защищенное диссертационное исследование должно затрагивать проблемы, связанные с аномальным поведением;
- имеет опыт научной и практической работы с преступниками, осужденными, суицидальными клиентами и жертвами преступлений не менее 10 лет;
- стаж работы по специальности (психология) не менее 20 лет и стаж экспертной работы не менее 15 лет.

Перед проведением ПА, эксперт предупреждается об уголовной ответственности по ст. 384, 385 УК Украины.

Психологическая аутопсия в уголовном деле об умышленном убийстве имеет такую структуру:

1. Постмортальные психологические исследования. Они включает:

- прижизненный психологический анамнез жертвы;
- уголовный анамнез жертвы (при наличии такового);
- психологические характеристики жертвы (как личностные, так и социальные);
- медицинская карта психического и соматического здоровья жертвы.

При изучении материалов дела, эксперту необходимо придерживаться таких правил:

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

- делать ссылки по уголовному делу, которые характеризуют жертву;
- опираться на сведения участников процесса, при выводах, характеризующие поведение жертв;
- делать выводы об психологических особенностях и склонностях жертвы на основании описания ее поведения до уголовного события;
- сопоставлять и анализировать показания свидетелей и других участников судебного процесса, что касается особенностей жертвы как личности и ее поведения;
- опираться на показания свидетелей, которые передают самохарактеризующие слова жертвы;
- обращать внимание на расхождения в оценках и описании психологических особенностей и поведения жертвы разными участниками судебного процесса и досудебного следствия;
- делать предположения и выводы только из достоверно установленной информации и сведений, не имеющих принципиальных разногласий;
- опираться на информацию других судебных экспертиз, которые могут способствовать более полной психологической характеристике личности жертвы;
- анализировать любые данные, которые позволяют дать психологическую характеристику жертве, понять и объяснить ее поведение (например: татуировки украшения со смыслом (перстень с изображением хищника), характеристики с места жительства;
- обращать внимание на детали поведения жертвы в последний день перед смертью;
- учитывать влияние психического и соматического здоровья жертвы на ее поведение и проявление психологических особенностей;
- обращать внимание на действия родственников после смерти потерпевшего, которые характеризуют их отношения к жертве, и являются более правдоподобными в оценке последнего как личности;
- при составлении уголовного анамнеза жертвы (при наличии такового), учитывать характер предыдущих характеристик, характеристики с мест отбытия наказаний;
- использовать дополнительные источники и сведения, которые могут охарактеризовать ее поведение и психологические особенности.

2. Выбор методов исследования в процессе проведения психологической аутопсии:

Для более объективной оценки психологических особенностей жертвы и ее поведения, целесообразно использовать такие методы исследования:

1. Анализ независимых характеристик с целью изучения особенностей поведения и психологических особенностей личности.
2. Метод синтеза и сравнительного анализа материалов уголовного дела с целью установление или опровержения закономерностей и особенностей в поведении жертвы.
3. Психологический анализ татуировок с целью выявления и установления вероятных психологических особенностей личности (если татуировки сделаны до начала 90-х годов 20 века).
4. Биографический метод.
5. Типологический метод, как вариант визуальной психодиагностики, с целью изучения вероятных психологических особенностей личности.
6. Сравнительный анализ поведенческих особенностей жертвы с целью объяснения ее поведения и поступков в состоянии алкогольного опьянения.
7. Психологический анализ характера предыдущих преступлений.
8. Физиогномический метод как вариант невербальной психодиагностики.

Методы и формы исследования определяются экспертом в зависимости от поставленных вопросов и проблем, требующих разрешения.

3. Результаты психологической аутопсии.

Данный раздел является описательным и строится по принципу порядка использования методов исследования, в котором дается развернутая психологическая характеристика жертве. Например: «В ходе использования методов психологической аутопсии можно сделать вывод, что потерпевший Х вероятнее всего, имел такие психологические особенности характера и поведения. Далее идет описание полученных данных.

4. Сопоставление данных.

В данном разделе эксперт делает выводы по результатам проведенного исследования. Например: «Анализируя полученные результаты в ходе проведенной психологической аутопсии, необходимо учитывать, что существенную роль в виктимном поведении Х сыграли... Далее идут общие выводы.

5. Заключение

В данном разделе, на основании вышеизложенного, практический психолог, проводящий психологическую аутопсию, дает ответы на вопросы, поставленные судом, в порядке их задаваемости.

Федонкина А.А.

СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТНОЙ НЕЗРЕЛОСТИ ПРИ АНОМАЛЬНОМ ВАРИАНТЕ РАЗВИТИЯ И ИХ ПРОЯВЛЕНИЕ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПОДРОСТКАМИ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ

Подростковый возраст – ключевой период для становления личности, характеризующийся формированием самосознания, волевых качеств. Проявления личностной незрелости у подростков могут быть нормальным явлением для данного возрастного периода, вместе с тем, достаточная выраженность таких проявлений, встречающаяся в юношеском возрасте, может свидетельствовать о наличии психопатологии. Слабая сформированность личностной сферы может являться одним из факторов, влияющим на совершение подростками и юношами общественно опасных действий, в связи с этим, изучение данного феномена как в нормальном, так и аномальном его варианте является важной и актуальной задачей.

Целью нашего исследования является выявление и описание структурно-содержательной характеристики личностной незрелости в ее нормативных и аномальных вариантах у несовершеннолетних, совершивших общественно опасные деяния. Было проанализировано 179 экспериментально-психологических заключений, выполненных в Лаборатории психологии детского и подросткового возраста ФГБУ «ФМИЦПН» Минздрава России в рамках комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз (КСППЭ) несовершеннолетних обвиняемых в 2007 – 2016 годах. Из общей выборки были выделены группы подростков с личностной незрелостью и проанализированы результаты 30 заключений ЭПИ, проведенного на контингенте несовершеннолетних с нормативным поведением.

Данные клинической диагностики несовершеннолетних с личностной незрелостью показывают, что около 70% таких подростков обнаруживают психопатологию органического генеза. В ходе исследования заключений ЭПИ, проведенных в рамках КСППЭ было выявлено, что у подростков с квалифицированной личностной незрелостью наиболее часто встречаются психологические особенности, отражающиеся в 14 признаках, которые были выделены в результате контент-анализа как специфические для личностной незрелости. Для определения взаимосвязей между выявленными признаками аномальной личностной незрелости, был про-

веден кластерный анализ. В результате было выделено несколько групп взаимосвязанных признаков: бедность мотивов и трудности организации деятельности, слабая усвоенность социальных норм и пониженный уровень морального развития, недифференцированность оценок. Все названные кластеры образуют общую интегративную группу, к которой присоединяется обобщенное качество, отвечающее за регуляцию поведения – трудности волевого контроля активности.

Результаты исследования интеллектуальной и личностной сфер несовершеннолетних с личностной незрелостью как эмпирических индикаторов выделенных ранее обобщенных характеристик личностной незрелости демонстрируют, что у несовершеннолетних с аномальной личностной незрелостью выявляется пониженный уровень интеллектуального развития, характеризующийся тенденцией к конкретности мышления, трудностями установления причинно-следственных связей, передачи условных смыслов, трудности организации собственной деятельности, проявляющиеся при выполнении методик на исследование конструктивного процесса в затруднениях планирования деятельности, недостаточно эффективной стратегии решения задачи, что выявляется в меньшей степени у несовершеннолетних с нормальной личностной незрелостью и её отсутствием. Для несовершеннолетних с аномальной личностной незрелостью характерна слабая сформированность и дифференцированность смыслов, самооценка отличается слабой содержательностью и дифференцированностью, являясь при этом завышенной. В целом, мотивационно-смысловые характеристики и представления о себе отражают невысокий уровень критичности, поверхностность оценок, их ситуативность, что свидетельствует о слабой сформированности смысловой сферы и самосознания в целом.

Таким образом, аномальная личностная незрелость представляет собой структуру из трех групп личностных характеристик, в сочетании с пониженным уровнем интеллектуального развития, трудностями организации деятельности. Данная структура признаков может рассматриваться в качестве патопсихологического симптомокомплекса личностной незрелости.

Фесенко Ю.А., Шигашов Д.Ю.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ И АНОМАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ РЕЙПИРЕНТНЫХ ПОДРОСТКОВ

Психологическое изучение рейпирентных (подвергшихся какому-то насилию, в частности, сексуальному: гаре (англ.) - изнасилование) подростков является актуальной задачей в связи с ростом количества детей и подростков, страдающих сегодня от негативных социальных явлений, в том числе и насилия, возникающего в семье, школе, формальных и неформальных социальных группах. Вопросы виктимного поведения рейпирентных подростков становятся значимыми в психокоррекционной и психотерапевтической работе лечебных и образовательных учреждений.

Проблема формирования личности в детском и подростковом возрасте является одной из центральных в психологии развития как науки. Рассмотрение особенностей нормального и аномального развития связано с понятием об онто- и дизонтогенезе в психологии и психиатрии. В психологической периодизации подросткового возраста акцент делается не только на особенностях физического, полового созревания, но, прежде всего, на смене ведущих форм деятельности, общественном положении, уровне социализации личности в обществе в целом.

Аномалии личности, формирующиеся вследствие различных типов дизонтогенеза, обусловлены влиянием биологических и социальных факторов. Возникновение и развитие

аномалий личности у реппирентных подростков связаны с нарушениями онтогенеза и влиянием социальных факторов, изучение которых является предметом клиницистов, психологов, социальных педагогов.

Все известные классификации периодов онтогенетического развития и возрастных кризисов в детском и подростковом возрасте свидетельствуют об отсутствии единого подхода к проблеме формирующихся позитивных и негативных образований в психической сфере и их последствиях. При решении проблемы взаимовлияния биологического и социального в развитии и формировании личности одни авторы пытаются уделить больше внимания биологическим условиям, отстаивая генетическую предрасположенность индивида к тем или иным проявлениям психического развития, другие же акцентируют внимание на значении социальных факторов, считая условия воспитания и обучения доминирующими. Отечественные психологи Б.Г. Ананьев, П.П. Блонский, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, Д.Б. Эльконин и другие рассматривали онтогенез психического развития с позиций комплексного подхода к человеку, где влияния и тех, и других факторов не уравниваются и в то же время не акцентируются как доминирующие.

В наших исследованиях (в условиях детского психиатрического стационара), посвященных норме и аномалиям в формировании личности, приводящему к виктимному поведению детей и подростков, мы исходили из того, что соматическое и психическое здоровье человека детерминировано образом его жизни, преобладанием в статусе поведения определенных жизненных норм, выработанных обществом. Используя метод поперечного наблюдения, мы попытались изучить особенности усвоения социального опыта, проявляющегося в общении, деятельности и других сферах у реппирентных подростков с различными вариантами психического развития.

Наряду с изучением особенностей психического развития пострадавших детей, обнаруживающих различные варианты дизонтогенеза психики, были исследованы психические процессы и свойства личности с учетом психологических, патопсихологических и психопатологических симптомокомплексов. При этом речь идет не столько о соотношении психологического и клиничко-психопатологического диагнозов, сколько о возможностях более тонкой дифференциальной диагностики типов психической патологии средствами и методами, доступными в работе патопсихолога и психиатра.

Квалификация психологических симптомов поведения, интеллектуальной деятельности является одной из главных практических задач работы психолога в условиях детского психиатрического стационара. Дифференциация патопсихологических регистр-синдромов, возникающих у подростков, подвергшихся насилию, имеет важное значение в клинической диагностике психопатологических симптомокомплексов, выборе терапевтической, психокоррекционной и социально-профилактической тактики.

Шаболтас А.В., Гранская Ю.В., Халеева М.В.

РАСПОЗНАВАНИЕ СИГНАЛОВ ОБМАНА В ПРОЦЕССЕ ИНТЕРВЬЮ С УЧАСТИЕМ ПЕРЕВОДЧИКА: РЕЗУЛЬТАТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящее время количество судебных разбирательств с участием иностранных граждан заметно увеличивается, зачастую участники данного процесса не говорят на языке судопроизводства, поэтому возникает необходимость привлечь переводчиков.

Цель исследования состояла в изучении различий между людьми, говорящими правду и обманывающими при проведении интервью с переводчиком и оценке методов, стимулиру-

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ющих участников сообщать больше информации во время следственного интервью. Данное исследование является частью международного совместного проекта СПбГУ с университетом Портсмута. Кросс-культурное сравнение проводилось в России, США, Южной Кореи и Великобритании.

Выборка: 246 человек (90 мужчин и 156 женщин), в возрасте 17-41 лет ($M = 21,5$ лет), 80 участников из Кореи, 65 из России, 60 из Великобритании и 41 из США.

Данное исследование включало экспериментальное моделирование и состояло из нескольких этапов: просмотр видеоролика, интервью о содержании видеоролика с англоговорящим интервьюером на английском языке или с помощью переводчика. Во время интервью участникам предлагалось прослушать аудиозапись-образец (пример подробного рассказа на отвлеченную тему как метод стимулирования участников сообщать больше информации), после которого интервьюер предлагал еще раз воспроизвести содержание ролика, но уже настолько детализировано, как это было на записи.

Случайным образом 122 участникам давалась инструкция говорить правду о содержании видеоролика, остальным 124 участникам было необходимо обманывать интервьюера. 60 участников взаимодействовали с интервьюером на родном для обоих английском языке, 61 участник – на неродном для себя английском языке, 125 человек – при участии переводчика. Весь процесс интервью был записан на видео- и аудио носители, ответы участников анализировались с помощью критерияльного контент-анализа.

Результаты: Длительность интервью с говорящими правду участниками ($M = 23$ мин. 26 сек.) значительно превышала длительность интервью с обманывающими ($M = 18$ мин. 47 сек.) на статистически значимом уровне ($p < 0.001$) во всех условиях проведения интервью, таким образом, можно заключить, что говорящие правду участники сообщали больше информации, тогда как обманывающие говорили меньше.

Количество информации, сообщаемой участниками (говорящими правду и обманывающими) в интервью на неродном языке, было значимо меньше. Результаты исследования показали, что участие переводчика также сокращает количество сообщаемой информации, несмотря на то, что участники говорят на родном языке.

Использование аудиозаписи – образца показало свою эффективность как стимул для дачи более развернутых ответов. 58% участников сообщали, что, услышав запись, осознали, что их собственный рассказ был недостаточно подробным. Количество деталей о содержании видеоролика, сообщаемых участниками после прослушивания образца, заметно увеличивалось ($p < 0.001$), причем этот эффект был ярко выражен в условиях интервью на родном языке, менее – при участии переводчика, и в гораздо меньшей степени – в процессе интервью на неродном языке. Таким образом, можно заключить, что инструкции говорить как можно более подробно бывает недостаточно, а использование записи-образца дает возможность допрашиваемому понять, насколько детализированной и подробной должна быть его речь, и строить ее по предложенному примеру. Предыдущие исследования показали, что количество сообщаемых деталей может служить характеристикой обмана.

В нашем исследовании различий между говорящими правду и обманывающими участниками по количеству деталей рассказа выявлено не было. Возможным объяснением служит низкая когнитивная сложность задания (обманывающие участники лишь изменяли некоторые детали видеоролика, но не придумывали собственную историю).

Полученные в рамках данного исследования результаты имеют большое научное и прикладное значение, способствуют изучению механизмов распознавания лжи, а также развитию юридической психологии и применимы в деятельности правоохранителей и специалистов других сфер.

СПИСОК АВТОРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЯМ

ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

Аверьянова Ольга Юрьевна	Санкт-Петербург, СПбГИПСР, ст. преподаватель
Алёшичева Анна Васильевна	Рязань, РГМУ им. И.П. Павлова, доцент
Аликин Игорь Анатольевич	Красноярск, КГПУ им. В.П. Астафьева, доцент
Аликин Марк Игоревич	Красноярск, КГПУ им. В.П. Астафьева, студент
Анисимов Алексей Игоревич	Санкт-Петербург, СПбГИПСР, доцент
Белик Вероника Валерьевна	Москва, МИРЭА, аспирант
Блинова Екатерина Николаевна	Санкт-Петербург, ПГУПС, студент
Бражникова Антонина Николаевна	Брянск, БГУ им. И.Г. Петровского, доцент
Бызова Валентина Михайловна	Санкт-Петербург, СПбГУ, профессор
Валеева Галина Валерьевна	Челябинск, ЧГПУ, доцент
Ванюхина Надежда Владимировна	Казань, КИУ, зам. декана
Власова Алла Юрьевна	Ростов-на-Дону, ЮФУ, студент
Водошнянова Наталья Евгеньевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Воищева Надежда Михайловна	Санкт-Петербург, НТЦИТ, зам. директора
Григорьева Ольга Витальевна	Казань, КИУ, декан психологического факультета
Дудченко Зоя Фадеевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Евстафьева Ванда Артуровна	Новосибирск, НИИ физиологии и фундаментальной медицины, доцент
Ельникова Оксана Евгеньевна	Елец, ЕлГУ им. И.А. Бунина, зав. каф.
Ермакова Елена Сергеевна	Санкт-Петербург, ПГУПС, профессор
Захарова Анна Александровна	Санкт-Петербург, СПбГУ, студент
Калашникова Юлия Александровна	Санкт-Петербург, СПбГУ, студент
Киреева Нина Николаевна	Санкт-Петербург, СПбГУ доцент
Колесников Вадим Николаевич	Петрозаводск, ПетрГУ, зав. каф.
Константинова Анна Анатольевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, аспирант
Корчуганова Ирина Павловна	Санкт-Петербург, ЦТиО Фрунзенского района, методист
Лукьяненко Наталья Владимировна	Красноярск, СГТУ, доцент
Маркеева Елена Александровна	Санкт-Петербург, СПбГИПСР, студент
Мельник Юрий Иванович	Петрозаводск, ПетрГУ, доцент
Морозов Александр Владимирович	Москва, ИУО РАО, гл. научн. сотрудник
Муралова Анна Владленовна	Санкт-Петербург, ИСПИП, ст. преподаватель
Натаров Владимир Иванович	Санкт-Петербург, Центр комплексной защиты информации КПК СЗ УФСБ РФ, доцент

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Никифоров Герман Сергеевич	Санкт-Петербург, СПбГУ, профессор, зав. каф.
Нурлыгаянов Ильшат Назифович	Москва, МПГУ, доцент
Панов Андрей Юрьевич	Москва, ЗАО «Пронто Медиа Холдинг», директор по продажам
Пилишина Анастасия Владимировна	Санкт-Петербург, СПИВВ МВД РФ, доцент
Полозова Виктория Владимировна	Санкт-Петербург
Портнова Алла Георгиевна	Санкт-Петербург, СЗГМУ им. И.И. Мечникова, доцент
Правдина Лидя Ромуальдовна	Ростов-на-Дону, ЮФУ, доцент
Разумникова Ольга Михайловна	Новосибирск, НИИ физиологии и фундаментальной медицины, гл. научн. сотрудник
Самаль Елена Викторовна	Минск, филиал РГСУ, зав. каф.
Самойлов Николай Григорьевич	Рязань, РГМУ им. И.П. Павлова, зав. каф.
Семёнова Елена Михайловна	Минск, филиал РГСУ, доцент
Сивуда Оксана Александровна	Санкт-Петербург, СПбГУ, ассистент
Соколовская Татьяна Владимировна	Санкт-Петербург, СЗГМУ им. И.И. Мечникова, доцент
Соловьева Светлана Леонидовна	Санкт-Петербург, СЗГМУ им. И.И. Мечникова, зав. каф.
Соломина Елена Николаевна	Москва, МГПУ, профессор
Старовойтова Светлана Юрьевна	Казань, КИУ, ст. преподаватель
Старченкова Елена Станиславовна	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Толочек Владимир Алексеевич	Москва, ИП РАН, вед. научн. сотрудник
Фукин Анатолий Иванович	Казань, КИУ, профессор
Ходырева Наталия Валериевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Цмыг Таисия Александровна	Минск, филиал РГСУ, студент
Шаповал Валентин Анатольевич	Санкт-Петербург, СПбУ МВД России, нач. каф.
Шевлякова Светлана Александровна	Тверь, ТГСА, проректор
Шингаев Сергей Михайлович	Санкт-Петербург, СПБАППО, зав. каф.
Шклярчук Сергей Павлович	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Юсупова Гузель Валимухаметовна	Казань, КИУ, доцент

КОГНИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И НЕЙРОНАУКИ

Абашева Ксения Андреевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, студент
Аванесян Марина Олеговна	Санкт-Петербург, СПбГУ, ст. преподаватель
Акбировая Резеда Раисовна	Казань, КФУ, студент
Александров Юрий Иосифович	Москва, ИП РАН, зав. лаб.

СПИСОК АВТОРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЯМ

Алексеева Екатерина Михайловна	Казань, КФУ, доцент
Аллахвердов Михаил Викторович	Санкт-Петербург, СПбГУ, ассистент
Аллахвердов Виктор Михайлович	Санкт-Петербург, СПбГУ, профессор, зав. каф.
Ананьева Кристина Игоревна	Москва, МИП, зав. каф.
Андриянова Наталья Владимировна	Санкт-Петербург, СПбГУ, инженер-исследователь
Антропова Людмила Кондратьевна	Новосибирск, доцент
Арутюнова Карина Ролландовна	Москва, ИП РАН, соискатель
Балин Виктор Дмитриевич	Санкт-Петербург, СПбГУ, профессор
Басюл Иван Андреевич	Москва, МИП, научн. сотрудник
Баулина Мария Евгеньевна	Москва, МГПУ, доцент
Бахчина Анастасия Владимировна	Москва, ИП РАН, научн. сотрудник
Башмакова Яна Павловна	Санкт-Петербург, СПбГУ, студент
Беловол Елена Владимировна	Москва, МПГУ, профессор
Берлов Дмитрий Николаевич	Санкт-Петербург, СПбГУ, мл. научн. сотрудник
Болотова Алла Константиновна	Москва, НИУ ВШЭ, зав. каф.
Бунькова Лидия Германовна	Москва, ГАУГН, студент
Бурмистров Сергей Николаевич	Самара, СНИУ им. С.П. Королева, ассистент
Бызова Валентина Михайловна	Санкт-Петербург, СПбГУ, профессор
Быкова Екатерина Евгеньевна	Санкт-Петербург, ПСПбГМУ им. И.П. Павлова, студент
Варганов Александр Валентинович	Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, ст. научн. сотрудник
Воробьева Елена Юрьевна	Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, ст. научн. сотрудник
Галанина Александра Николаевна	Владивосток, ТГМУ, ст. преподаватель
Гершкович Валерия Александровна	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Горбунов Иван Анатольевич	Санкт-Петербург, СПбГУ, ст. научн. сотрудник
Громова Дарья Сергеевна	Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, студент
Гурьев Василий Сергеевич	Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, студент
Давыдова Елизавета Андреевна	Москва, МГППУ, доцент
Демидов Александр Александрович	Москва, МИП, доцент
Дикая Людмила Александровна	Ростов-на-Дону, ЮФУ, доцент
Дикий Игорь Сергеевич	Ростов-на-Дону, ЮФУ, ст. преподаватель
Добрин Александр Викторович	Елец, ЕГУ им. А.И. Бунина, доцент
Душабаев Зафаржан Раимжанович	Санкт-Петербург, ГУАП, доцент
Заширинская Оксана Владимировна	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Зябброва Дамира Зиннатовна	Москва, МПГУ, доцент
Иванова Елена Ивановна	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Иванчей Иван Иванович	Санкт-Петербург, СПбГУ, мл. научн. сотрудник

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Кирий Валерий Николаевич	Ростов-на-Дону, НИИ Нейрокибернетики ЮФУ им. А.Б. Когана, директор
Клочкова Ольга Ивановна	Владивосток, ТГМУ, доцент
Ковш Екатерина Михайловна	Ростов-на-Дону, ЮФУ, преподаватель
Королькова Ольга Александровна	Москва, МГППУ, ст. научн. сотрудник
Костина Дарья Игоревна	Санкт-Петербург, СПбГУ, аспирант
Котов Алексей Алексеевич	Москва, НИУ ВШЭ, ст. научн. сотрудник
Котова Татьяна Николаевна	Москва, РАНХиГС, ст. научн. сотрудник
Кувалдина Мария Борисовна	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Кулиева Алмара Кудрат-кызы	Санкт-Петербург, СПбГУ, лаборант-исследователь
Куликов Вячеслав Юрьевич	Новосибирск, НГМУ, зав. каф.
Лаврешина Анастасия Юрьевна	Ростов-на-Дону, ЮФУ, аспирант
Лазарева Наталья Юрьевна	Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова, студент
Малкова Елена Евгеньевна	Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, профессор
Менжинский Роман Сергеевич	Москва, НИЭ ФШЭ, студент
Михайленко Анна Валерьевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, студент
Моргунова Виктория Алексеевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, студент
Морошкина Надежда Владимировна	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Науменко Ольга Владимировна	Санкт-Петербург
Нелюбов Матвей Игоревич	Санкт-Петербург, СПбГУ, студент
Немировская Ксения Анатольевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, студент
Никифорова Елизавета Андреевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, студент
Николаева Елена Ивановна	Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, профессор
Новикова Анастасия Викторовна	Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, аспирант
Осорова Мария Владимировна	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Первушина Ольга Николаевна	Новосибирск, НГУ, зав. каф.
Перикова Екатерина Игоревна	Санкт-Петербург, СПбГУ, аспирант
Петрович Дарья Леонидовна	Москва, ИП РАН, научн. сотрудник
Попова Агата Сергеевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, студент
Прилишко Максим Александрович	Санкт-Петербург, СПбГУ, студент
Прохоров Александр Октябрьнович	Казань, КФУ, зав. каф.
Рудик Екатерина Андреевна	Казань, КФУ, студент
Садов Василий Алексеевич	Москва, ИП РАН, ст. научн. сотрудник
Сейферт Ирина Викторовна	Санкт-Петербург, ИТМО, доцент
Сергеев Сергей Фёдорович	Санкт-Петербург, СПбГУ, профессор

СПИСОК АВТОРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЯМ

Сергеева Анастасия Сергеевна	Санкт-Петербург, ИТМО, ст. преподаватель
Скиртач Ирина Анатольевна	Ростов-на-Дону, ЮФУ, преподаватель
Созинов Алексей Александрович	Москва, ИП РАН, ГАУГН, научн. сотрудник
Соколова Ирина Михайловна	Москва, ИП РАН, аспирант
Соколова Людмила Владимировна	Санкт-Петербург, СПбГУ, профессор
Стародубцев Алексей Сергеевич	Санкт-Петербург, СПбГУ, аспирант
Старцева Марина Сергеевна	Владивосток, ТГМУ, ст. преподаватель
Столетний Александр Сергеевич	Ростов-на-Дону, ЮФУ, инженер, аспирант
Тихонов Роман Вадимович	Санкт-Петербург, СПбГУ, аспирант, инженер-исследователь
Устинова Валерия Андреевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, аспирант
Ушакова Ольга Васильевна	Санкт-Петербург, ПСПбГМУ им. И.П. Павлова, ассистент
Фёдорова Валерия Дмитриевна	Казань, КФУ, студент
Хасанзянова Василя Мидехатовна	Казань, КФУ, студент
Холодная Марина Александровна	Москва, ИП РАН, зав. лаб.
Целяева Светлана Игоревна	Санкт-Петербург, ППС-центр «Развитие» Центрального района, педагог-психолог
Чевренди Анастасия Андреевна	Москва, НИУ ВШЭ, учебный ассистент
Чепикова Карина Андреевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, аспирант
Чердниковая Татьяна Владимировна	Санкт-Петербург, ПНД Фрунзенского района, мед. психолог
Черенкова Людмила Викторовна	Санкт-Петербург, СПбГУ, профессор
Чивиксина Мария Сергеевна	Санкт-Петербург, выпускник СПбГУ
Чилигина Юлия Александровна	Санкт-Петербург, НГУ им. П.Ф. Лесгафта, доцент
Шабалин Алексей Павлович	Новосибирск, НГУ, студент
Шаманова Светлана Викторовна	Москва, НИУ ВШЭ, студент
Шевырёва Татьяна Вячеславовна	Москва, МПГУ, доцент
Шпагонова Наталия Григорьевна	Москва, ИП РАН, ст. научн. сотрудник
Щербакова Ольга Владимировна	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Аванесян Марина Олеговна	Санкт-Петербург, СПбГУ, ст. преподаватель
Авдеева Марина Вячеславовна	Санкт-Петербург, СПбГУ, экстерн
Аршуляк Анастасия Евгеньевна	Барнаул, АлтГУ, студент
Асанова Наталья Владимировна	Новосибирск, НГТУ, ассистент
Афиногенова Виктория Алексеевна	Москва, ИП РАН, ассоциированный сотрудник
Балянина Екатерина Евгеньевна	Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, студент
Басимов Михаил Михайлович	Москва, РГСУ, профессор

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Баянова Лариса Фаритовна	Казань, КФУ, профессор
Боголюбова Ольга Николаевна	Нью-Хейвен, Йельский университет, Санкт-Петербург, СПбГУ
Бучек Альбина Александровна	Белгород, Департамент внутренней и кадровой политики Белгородской области, начальник управления, БелГУ, профессор
Бычкова Ирина Михайловна	Минск, БГПУ им. М. Танка, преподаватель
Валуйская Татьяна Леонидовна	Минск, БГПУ им. М. Танка, доцент
Ванданова Эльвира Леонидовна	Москва, ФИРО, вед. научн. сотрудник
Водяха Сергей Анатольевич	Екатеринбург, УрГПУ, доцент
Глушинский Александр Вячеславович	Новосибирск, НГУ, студент
Горбатов Сергей Владимирович	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Гришина Наталия Владимировна	Санкт-Петербург, СПбГУ, профессор
Даниленко Ольга Ивановна	Санкт-Петербург, СПбГУ, профессор
Данилина Мария Владимировна	Тверь, ТГУ, аспирант
Долгих Алена Игоревна	Санкт-Петербург, СПбГУ, ООО «Капсовая шкатулка», директор магазина
Есманская Наталья Евгеньевна	Воронеж, ВГУ, доцент
Жижилина Мария Викторовна	Саратов, СГУ им. Н.Г. Чернышевского, доцент
Зайцева Юлия Евгеньевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Зачесова Ирина Анатольевна	Москва, ИП РАН, ст. научн. сотрудник
Зиновьева Елена Викторовна	Санкт-Петербург, СПбГУ, преподаватель
Злобина Марина Владимировна	Новосибирск, НГУ, психолог
Иванова Надежда Александровна	Санкт-Петербург, СПбГУ, ст. преподаватель
Ильиных Анастасия Евгеньевна	Новосибирск, НГТУ, ст. преподаватель
Исаева Ангелина Николаевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, студент
Ишанов Сергей Александрович	Москва, РАНХиГС, психолог
Кабрин Валерий Иванович	Томск, ТГУ, профессор
Калугин Алексей Юрьевич	Пермь, ПГГПУ, ст. преподаватель
Карина Ольга Витальевна	Балашов, СГУ им. Н.Г. Чернышевского, зав. каф.
Коробова Евгения Николаевна	Екатеринбург, УрГУ
Короткина Елена Дмитриевна	Тверь, ТГУ, зав. каф.
Кошеvníк Иван	Санкт-Петербург, АО «Адмиралтейские верфи», КПП
Ледовая Янина Александровна	Санкт-Петербург, СПбГУ, ст. преподаватель
Малюшкина Ольга Евгеньевна	Владивосток, ДФУ, студент
Манёров Валерий Хайдарович	Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, профессор
Марцинковская Татьяна Давидовна	Москва, ПИ РАО, зав. лаб.

СПИСОК АВТОРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЯМ

Медведева Ирина Александровна	Москва, РА «Алькасар-Медиа», менеджер департамента
Меньшикова Лариса Владимировна	Новосибирск, НГТУ, преподаватель
Миассарова Эльмира Рустемовна	Казань, КГМУ, преподаватель
Мишкевич Арина Михайловна	Пермь, ПГУ, ассистент
Молчанова Ольга Николаевна	Москва, НИУ ВШЭ, профессор
Муругов Александр Сергеевич	Ростов-на-Дону, ЮФУ, студент
Нгуен ВанУт Ньн	Воронеж, ВГУ, студент
Некрасова Татьяна Юрьевна	Москва, НИУ ВШЭ, преподаватель
Никишов Сергей Николаевич	Саранск, МГУ им. Н.П. Огарева, доцент
Олькина Оксана Игоревна	Москва, ИП РАН, аспирант
Осин Евгений Николаевич	Москва, НИУ ВШЭ, доцент
Осипова Ирина Станиславовна	Саранск, МГУ им. Н.П. Огарева, доцент
Панкратова Ксения Николаевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, студент
Первушина Ольга Николаевна	Новосибирск, НГУ, декан факультета психологии
Пляскина Алиса Сергеевна	Москва
Погребницкая Виктория Евгеньевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, ст. преподаватель
Поддяков Александр Николаевич	Москва, НИУ ВШЭ, вед. научн. сотрудник, профессор
Попов Леонид Михайлович	Казань, КФУ, зав. каф.
Пронькина Елена Геннадьевна	Саранск, МГУ им. Н.П. Огарева, студент
Пушкина Анна Викторовна	Новосибирск, НГУ, преподаватель
Резазадех Захра	Тегеран, КФУ, аспирант
Розум Сергей Иванович	Санкт-Петербург, СПбГУ, преподаватель
Рябикина Зинаида Ивановна	Краснодар, КубГУ, зав. каф.
Савина Ольга Олеговна	Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, доцент
Савченко Татьяна Николаевна	Москва, ИП РАН, вед. научн. сотрудник
Сергеева Алла Владимировна	Одесса, ЮНПУ, профессор
Смирнова Татьяна Леонидовна	Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова, студент
Соколович Екатерина Аркадьевна	Минск, БГУ, студент
Сорокина Светлана Евгеньевна	Казань, КФУ, научн. сотрудник
Субботина Лариса Юрьевна	Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова, профессор
Сыченко Юлия Анатольевна	Екатеринбург, УрГИ, доцент
Тарасова Дарья Дмитриевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, студент
Турушева Юлия Борисовна	Москва, ПИ РАО, аспирант
Тучина Оксана Роальдовна	Краснодар, КубГУ, доцент
Федорова Елена Прокопьевна	Москва, МПГУ, доцент
Фурманов Игорь Александрович	Минск, БГУ, зав. каф.
Чумаков Михаил Владиславович	Курган, КГУ, зав. каф.

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Чурилова Анастасия Геннадьевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, лаборант-исследователь
Шелонина Татьяна Валериевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, ст. преподаватель
Шкуратова Ирина Павловна	Ростов-на-Дону, ЮФУ, доцент
Шустова Наталья Евгеньевна	Балашов, СГУ им. Н.Г. Чернышевского, декан социально-гуманитарного факультета
Щебетенко Сергей Александрович	Пермь, ПГУ, профессор
Щукина Мария Алексеевна	Санкт-Петербург, СПбГИПСР, зав. каф.
Юревич Оксана Ивановна	Санкт-Петербург, СПбГУ, аспирант

ПСИХОЛОГИЯ СПОРТА

Абрамович Ирина Романовна	Минск, БГУФК, доцент
Алборова Ксения Альбертовна	Санкт-Петербург, НГУ им. П.Ф. Лесгафта, аспирант
Андреев Виталий Владимирович	Санкт-Петербург, НГУ им. П.Ф. Лесгафта, доцент
Анцупова Галина Леонидовна	Ростов-на-Дону, ПАО Сбербанк, менеджер
Бандурка Татьяна Никифоровна	Иркутск, ИГУ, доцент
Ветвицкая Татьяна Владимировна	Санкт-Петербург, Центр «Динамика», рук-ль психологической службы
Гиринская Анастасия Юрьевна	Витебск, ВГУ им. П.М. Машерова, аспирант
Дамадаева Анжела Сергеевна	Махачкала, ДИРО, зав. каф.
Ивашко Светлана Геннадьевна	Минск, БГУФК, доцент
Ивченко Елена Анатольевна	Санкт-Петербург, НГУ им. П.Ф. Лесгафта, доцент
Ильина Наталья Леонидовна	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Исраилова Зарина Камчибек кизи	Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова, студент
Климанова Наталья Георгиевна	Казань, КИУ им. В.Г. Тимирязева, доцент
Климанова Алла Владленовна	Казань, КФУ, студент
Корниенко Дмитрий Сергеевич	Пермь, ПГНИУ, профессор
Крыжко Елена Владимировна	Санкт-Петербург, Центр «Динамика», рук-ль мед. службы
Кузьмина Татьяна Ивановна	Москва, МГППУ, доцент
Кухтова Наталья Валентиновна	Витебск, ВГУ им. П.М. Машерова, доцент
Леус Эльвира Викторовна	Архангельск, САФУ им. М.В. Ломоносова, доцент
Маришук Людмила Владимировна	Минск, РГСУ, профессор
Масиянская Александра Максимовна	Санкт-Петербург, СПбГИПСР, студент
Мастренко Александра Сергеевна	Архангельск, САФУ им. М.В. Ломоносова, студент
Медников Степан Викторович	Санкт-Петербург, СПбГУ, ст. преподаватель
Милюхина Екатерина Алексеевна	Иркутск, ИГУ, студент
Москвин Виктор Анатольевич	Москва, РГУФКСМиТ, профессор

СПИСОК АВТОРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЯМ

Москвина Нина Викторовна	Москва, РГУФКСМиТ, доцент
Нахлеков Эркин Ильясович	Москва, нац. сборная России Тхэквондо ВТФ, СК «Сонсудан», тренер
Огородова Татьяна Вячеславовна	Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова, доцент
Павлова Любовь Денисовна	Санкт-Петербург, СПбГУ, бакалавр
Родыгина Юлия Кимовна	Санкт-Петербург, НГУ им. П.Ф. Лесгафта, зав. каф.
Самыкина Наталья Юрьевна	Самара, Самарский университет, доцент
Сибирев Владимир Владимирович	Санкт-Петербург, НГУ им. П.Ф. Лесгафта, доцент
Тиунова Ольга Владимировна	Москва, ФНЦ ВНИИФК, вед. научн. сотрудник
Тихонина Валерия Сергеевна	Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова, студент
Уляева Лира Гаязовна	Москва, ФНКЦСМ ФМБА России, психолог
Фоминых Анна Яновна	Москва, Психологический институт РАО, мл. научн. сотрудник
Шнайдер Валерия Дмитриевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, бакалавр
Яковлева Ирина Васильевна	Санкт-Петербург, СПбГИПСР, доцент
Янова Наталья Геннадьевна	Барнаул, АлтГУ, зав. баз. каф.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ МЕНЕДЖМЕНТА

Аверьянова Ольга Юрьевна	Санкт-Петербург, СПбГИПСР, ст. преподаватель
Алетдинова Антонина Альбертовна	Санкт-Петербург, СПбГУ, студент
Барышева Екатерина Владимировна	Санкт-Петербург, СПбГУ, студент
Бочкарева Екатерина Николаевна	Новосибирск, НГТУ, ассистент
Верещагина Лада Александровна	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Воронина Ольга Васильевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Гижук Татьяна Васильевна	Гродно, ГрГУ им. Я. Купалы, ст. преподаватель
Горюнова Людмила Николаевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, ст. преподаватель
Грачев Александр Алексеевич	Москва, ИП РАН, гл. научн. сотрудник, МосГУ, профессор
Гринев Александр Александрович	Санкт-Петербург, ГУП «Петербургский Метрополитен», электромеханик
Дворянчиков Николай Викторович	Москва, МГППУ, декан факультета юридической психологии
Дикая Людмила Александровна	Ростов-на-Дону, ЮФУ, доцент
Дикая Лариса Григорьевна	Москва, ИП РАН, зав. лаб.
Дикий Игорь Сергеевич	Ростов-на-Дону, ЮФУ, ст. преподаватель

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Доминьяк Владислав Игоревич	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Жданова Полина Рафаэльевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, студент
Иванова Оксана Михайловна	Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, студент
Иванова Наталья Львовна	Москва, НИУ ВШЭ, профессор
Ивутина Елена Петровна	Киров, ВятГУ, доцент
Калашникова Татьяна Владимировна	Томск, ТПУ, доцент
Котлярова Любовь Николаевна	Москва, МИФИ, доцент
Круглова Марина Анатольевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Крюкова Татьяна Леонидовна	Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, профессор
Кудрявцева Елена Игоревна	Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ, доцент
Лаврешина Анастасия Юрьевна	Ростов-на-Дону, ЮФУ, аспирант
Левченкова Карина Рамилевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, студент
Лепехин Николай Николаевич	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Лукьяненко Наталья Владимировна	Красноярск, СибГТУ, доцент
Львова Ольга Владимировна	Санкт-Петербург, СПбГУ, аспирант
Маничев Сергей Алексеевич	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент, зав. каф.
Мельник Юрий Иванович	Петрозаводск, ПетрГУ, доцент
Мельник Ольга Фёдоровна	Петрозаводск, ПетрГУ, ст. преподаватель
Осипова Елена Борисовна	Санкт-Петербург, СПбГУ Петра Великого, ст. преподаватель
Погребницкая Виктория Евгеньевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, ст. преподаватель
Преснякова Светлана Александровна	Минск, БГПУ им. М. Танка, студент
Родионова Елена Анатольевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Сапрыкина Юлия Алексеевна	Москва, ИП РАН, соискатель
Семенова Елена Михайловна	Минск, филиал РГСУ, доцент
Семянищева Полина Андреевна	Москва, ЗАО «ЭКОПСИ Консалтинг», консультант по оценке персонала
Столярчук Елена Анатольевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, ст. преподаватель
Флоровский Сергей Юрьевич	Краснодар, КубГУ, доцент
Хотемской Никита Александрович	Москва, МИФИ, студент
Шалаев Константин Викторович	Киров, ВятГУ, студент
Шияневская Инна Анатольевна	Краснодар, КубГУ, студент

СПИСОК АВТОРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЯМ

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Volkova Natalia	Санкт-Петербург, National Research University Higher School of Economics in St.-Petersburg, Head of HR department
Агадуллина Елена Рафиковна	Москва, НИУ ВШЭ, доцент
Алишев Булат Саямович	Казань, КФУ, профессор
Аллахвердова Ольга Викторовна	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Антонова Наталья Викторовна	Москва, НИУ ВШЭ, доцент
Астрейко Наталья Сергеевна	Мозырь, МГПУ им. И.П. Шамякина, ассистент
Атагунов Роберт Ильгизарович	Новосибирск, Мин. обороны РФ, зам. ком. дивизии
Баранова Виктория Анатольевна	Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, ст. научн. сотрудник
Басимов Михаил Михайлович	Москва, РГСУ, профессор
Басимова Полина Михайловна	Москва, РГСУ, студент
Бикметова Камила Наилевна	Москва, ООО «ТрейдИнфо», директор отдела
Блинова Елена Евгеньевна	Херсон, ХГУ, зав. каф.
Борисова Мария Михайловна	Санкт-Петербург, СПбГУ, аспирант
Бражник Юлия Владимировна	Смоленск, СГУ, доцент
Буркова Светлана Алексеевна	Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, доцент
Веретиннова Татьяна Владимировна	Москва, СПбГУ, инженер-исследователь
Волкова Елена Николаевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, профессор
Вопилова Ирина Евгеньевна	Москва, НИУ ВШЭ, аналитик
Гагарина Мария Анатольевна	Москва, ФУ РФ, доцент
Газизов Каюм Касимович	Казань, МКСК, клин. психолог, тренер
Гизетдинова Гульназ	Казань, КФУ, студент
Гобаева Ира Ахсартаговна	Владикавказ, СОГУ им. К.Л. Хетагурова, студент
Горностаев Станислав Викторович	Рязань, Академия ФСИН России, докторант
Гребенщикова Таисия Александровна	Москва, Институт психологии РАН, ст. научн. сотрудник
Григорова Татьяна Петровна	Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, сотрудник лаб.
Гриценко Валентина Васильевна	Смоленск, СГУ, профессор
Гришина Анна Викторовна	Нижний Новгород, НГПУ им. К. Минина, нач. упр. научн. исследований
Грошев Артур Алексеевич	Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, выпускник
Гуриева Светлана Дзахотовна	Санкт-Петербург, СПбГУ, и.о. зав. каф.
Дмитриева Виктория Александровна	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Доминьяк Владислав Игоревич	Санкт-Петербург, СПбГУ, преподаватель

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Дреев Олег Иванович	Владикавказ, СОГПИ, доцент
Егоров Алексей Юрьевич	Санкт-Петербург, СПбГУ, преподаватель
Екимова Кристина Сергеевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, магистрант
Завгородняя Елена Васильевна	Киев, Институт психологии им. Г.С. Костюка, ст. научн. сотрудник
Зайцева Юлия Владимировна	Минск, БГУ
Захарченко Дарья Николаевна	Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, студент
Заширинская Оксана Владимировна	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Змеева Анастасия Сергеевна	Челябинск, ЧелГУ, ассистент
Змиевская Анастасия Александровна	Волгоград, ВолГУ, аспирант
Зуев Константин Борисович	Москва, Институт психологии РАН, нач. отдела
Зуева Вероника Сергеевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, студент
Иванова Полина Александровна	Санкт-Петербург, СПбГУ, аспирант
Иванова Наталья Львовна	Москва, НИУ ВШЭ, профессор
Ивашкина Татьяна Александровна	Москва, НИУ ВШЭ, магистрант
Казанцева Татьяна Валерьевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, ст. преподаватель
Капустина Александра Николаевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Карпова Елена Алексеевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Кендич Светлана Игоревна	Санкт-Петербург, ПГУПС, доцент
Кирсанова Анна Борисовна	Санкт-Петербург, СПбГУ, аспирант
Кисляков Павел Александрович	Москва, РГСУ, профессор
Ковалева Юлия Викторовна	Смоленск, СмолГУ, ассистент
Козырева Ольга Александровна	Санкт-Петербург, СПбГУ, выпускник
Колодина Анастасия Викторовна	Омск, ОГУ им. Ф.М. Достоевского, доцент
Кондратова Юлия Евгеньевна	Тюмень, ТИУ, нач. отдела
Кондратьев Михаил Дмитриевич	Москва, МГППУ, аспирант
Кочисов Валерий Константинович	Владикавказ, СОГУ им. К.Л. Хетагурова, профессор
Крайнова Олеся Сергеевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, магистрант, секретарь
Крупнов Дмитрий Юрьевич	Владикавказ, СОГПИ, ст. преподаватель
Крюкова Татьяна Леонидовна	Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, профессор
Ксенда Ольга Григорьевна	Минск, БГУ, доцент
Кубрак Тина Анатольевна	Москва, Институт психологии РАН, научн. сотрудник
Кузнецова Ирина Викторовна	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Кузнецова Снежана Анатольевна	Магадан, СВГУ, доцент
Куликов Леонид Васильевич	Санкт-Петербург, СПбГУ, профессор

СПИСОК АВТОРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЯМ

Курешева Ольга Васильевна	Волгоград, ВолГУ, доцент
Кусраева Ирина Мерабовна	Санкт-Петербург, СПбГУ, аспирант
Кухтова Наталья Валентиновна	Витебск, ВГУ им. П.М. Машерова, доцент
Лемиш Вера Васильевна	Омск, ОГУ им. Ф.М. Достоевского, доцент
Лопес Елена Геннадьевна	Екатеринбург, РГППУ, доцент
Лопухова Ольга Геннадьевна	Казань, КФУ, доцент
Мансурова Мария Викторовна	Санкт-Петербург, СПбГУ, аспирант
Марарица Лариса Валерьевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, ст. преподаватель
Маргиева Кристина Руслановна	Владикавказ, СОГУ им. К.Л. Хетагурова, студент
Мизгирёва Мария Юрьевна	Минск, БГУ, студент
Микляева Анастасия Владимировна	Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, профессор
Мишарина Анна Владимировна	Москва, Com-Dental, менеджер по персоналу
Муращенкова Надежда Викторовна	Смоленск, СГУ, доцент
Недошвина Мария Александровна	Санкт-Петербург, СПбГУ, выпускник
Нестерович Татьяна Борисовна	Москва, МАИ, ст. преподаватель
Никифорова Дарья Михайловна	Екатеринбург, УрГПУ, ст. преподаватель
Новгородова Екатерина Федоровна	Комсомольск-на-Амуре, АмГПГУ, аспирант
Новикова Елена Сергеевна	Санкт-Петербург, ПГУПС, ст. преподаватель
Одинцова Вероника Викторовна	Санкт-Петербург, СПбГУ, ст. преподаватель
Озерина Анна Александровна	Волгоград, ВолГУ, доцент
Павлова Ольга Сергеевна	Москва, МГППУ, доцент
Панферов Владимир Николаевич	Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, профессор
Парфенов Юрий Александрович	Санкт-Петербург, РАНХиГС, профессор
Парфенова Дина Андреевна	Санкт-Петербург, КЦСОН Калининского района, психолог
Пастушик Мария Михайловна	Воронеж, психолог
Попова Татьяна Ананьевна	Пермь, ПГГПУ, доцент
Почебут Людмила Георгиевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, профессор
Пушкина Алена Владимировна	Санкт-Петербург, СПбГУ, специалист
Романов Игорь Владимирович	Москва, АО «КБ «Связь», ИвГУ, доцент
Рягузова Елена Владимировна	Саратов, СНИГУ им. Н.Г. Чернышевского, зав. каф.
Садовникова Надежда Олеговна	Екатеринбург, РГППУ, зав. каф.
Самосудова Анна Михайловна	Санкт-Петербург
Свенцицкий Анатолий Леонидович	Санкт-Петербург, СПбГУ, профессор
Сидоренко Елена Васильевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Силаева Ольга Александровна	Иваново, ИвГУ, аспирант

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Ситников Валерий Леонидович	Санкт-Петербург, ПГУПС, зав. каф.
Скитневская Лариса Витальевна	Нижний Новгород, НГПУ им. К. Минина, доцент
Сланбекова Гульнара Кобылановна	Караганда, КарГУ им. Е.А. Букетова, доцент
Смирнова Юлия Сергеевна	Минск, БГУ, доцент
Смирнова Яна Константиновна	Барнаул, АлтГУ, ст. преподаватель
Сотникова Татьяна Владимировна	Санкт-Петербург, СПбГУ, ст. преподаватель
Степанова Галина Семеновна	Воронеж, ВГПУ, доцент
Татарко Кристина Игоревна	Минск, БГУ, магистрант
Толстых Анастасия Андреевна	Екатеринбург, РГППУ, студент
Толстых Наталия Николаевна	Москва, МГППУ, зав. каф.
Троицкая Елена Авериновна	Москва, МГЛУ, ст. преподаватель
Удавихина Ульяна Андреевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, магистрант
Федоров Владимир Филиппович	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Фельсдорфф Ольга Владимировна	Санкт-Петербург, СПбГУ, аспирант
Фофанова Галина Александровна	Минск, БГУ, ст. преподаватель
Хадикова Инесса Муратовна	Москва, СОГУ им. К.Л. Хетагурова, доцент
Хасиева Алина Витальевна	Владикавказ, СОГУ им. К.Л. Хетагурова, студент
Холопова Екатерина Сергеевна	Екатеринбург, РГППУ, студент
Хорошилов Дмитрий Александрович	Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, ст. науч. сотрудник
Хухлаев Олег Евгеньевич	Москва, МГППУ, профессор
Цветкова Галина Евгеньевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, психолог
Цветкова Лариса Александровна	Санкт-Петербург, СПбГУ, профессор
Чернышев Максим Геннадьевич	Санкт-Петербург, СПбГУ, слуш. отд. переподготовки
Чикер Вера Александровна	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Шамионов Раиль Мунирович	Саратов, СНИГУ им. Н.Г. Чернышевского, зав. каф.
Шахторина Екатерина Валентиновна	Калининград, БФУ им. И. Канта, доцент
Шейнов Виктор Павлович	Минск, РИВШ, профессор
Ширяк Мария Семеновна	Санкт-Петербург, ГРМ, исследователь
Шумская Любовь Ивановна	Минск, БГУ, нач. Центра развития молодежного предпринимательства
Юшачкова Татьяна Борисовна	Магнитогорск, МГТУ им. Г.И. Носова, доцент
Якунин Анатолий Павлович	Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена
Яничева Татьяна Гелиевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Яремчук Светлана Владимировна	Комсомольск-на-Амуре, АмГПУ, доцент

СПИСОК АВТОРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЯМ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Анисимова Татьяна Викторовна	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Бакулева Карина Камелевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, ассистент
Бугайчук Татьяна Владимировна	Ярославль, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, доцент
Вахабжанова Феруза	Ташкент, филиал МГУ им. М.В. Ломоносова, выпускник
Волынская Мария Алексеевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, аспирант
Гайдар Карина Марленовна	Воронеж, ВГУ, зав. каф.
Глазов Леонид Геннадьевич	Санкт-Петербург, СПбГУ, аспирант
Дейнека Ольга Сергеевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, профессор
Зиновьева Елена Владимировна	Санкт-Петербург, ПГУПС, студент
Зеленов Александр Сергеевич	Санкт-Петербург, СПбГУ, студент
Конфисахор Александр Григорьевич	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Кунаковская Анна Владиславовна	Воронеж, ВГУ, студент
Митина Ольга Валентиновна	Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, вед. научн. сотрудник
Неврюев Андрей Николаевич	Москва, МГМУ им. И.М. Сеченова, ассистент
Оконешникова Ольга Викторовна	Санкт-Петербург, БИЭПП, доцент
Самуйлова Ирина Алексеевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Свешникова Наталья Олеговна	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Синельникова Елена Семёновна	Санкт-Петербург, ПГУПС, ассистент
Якухнова Анастасия Сергеевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, студент

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Адмакина Татьяна Анатольевна	Санкт-Петербург, СПбГУП, доцент
Андриянова Наталья Алексеевна	Ростов-на-Дону, СКРК ВВ МВД РФ, офицер
Беломестнова Нина Васильевна	Санкт-Петербург, СПбСУ, рук-ль лаб.
Беляева Татьяна Борисовна	Великий Новгород, НовГУ им. Ярослава Мудрого, доцент
Бендас Татьяна Владимировна	Оренбург, ОГУ, профессор
Беркалиев Тимур Ниязбекович	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Бочаров Виктор Викторович	Санкт-Петербург, СПбГУ, НИПНИ им. В.М. Бехтерева, рук-ль лаб.
Бурина Дарина Александровна	Монтерей, Монтерейский институт международных исследований, магистрант

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Вартанян Гаянэ Аршалуйсовна	Санкт-Петербург, СПбГУ, аспирант
Горбатов Сергей Владимирович	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Гранская Юлияна Викторовна	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Дементий Людмила Ивановна	Омск, ОГУ им. Ф.М. Достоевского, декан ф-та психологии
Денисова Ксения Сергеевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, аспирант
Диденко Ирина Валерьевна	Аксай, НПИ им. М.И. Платова, доцент
Дронова Елена Николаевна	Барнаул, АлтГУ, доцент
Евстафеева Евгения Александровна	Челябинск, ЧелГУ, ст. преподаватель
Завязкина Наталия Владимировна	Киев, КНУ, доцент
Киселев Константин Анатольевич	Саратов, НИСГУ им. Н.Г. Чернышевского, инженер лаб.
Коноплева Инга Николаевна	Москва, МГППУ, доцент
Короткина Татьяна Ильинична	Санкт-Петербург, СПбГУП, доцент
Краснов Владислав Валерьевич	Санкт-Петербург, СПбГУ, соискатель
Кузмицкая Юлия Леонидовна	Гродно, БГУ, аспирант
Курбатова Татьяна Николаевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент
Лебедев Михаил Николаевич	Нижний Новгород, НГПУ им. К. Минина, студент
Лопес Елена Геннадьевна	Екатеринбург, РГППУ, доцент
Лупенко Елена Анатольевна	Москва, МГППУ, ст. научн. сотрудник
Мищенко Владимир Васильевич	Ставрополь, СКФУ, студент
Мыльникова Анна Викторовна	Барнаул, АлтГУ, магистрант
Пацианская Полина Евгеньевна	Великий Новгород, НовГУ им. Ярослава Мудрого, студент
Погорелова Виктория Александровна	Ставрополь, СКФУ, ст. преподаватель
Поздеева Альфира Завдатовна	Оренбург, ОГУ, аспирант
Романова Наталья Михайловна	Саратов, НИСГУ им. Н.Г. Чернышевского
Смирнов Василий Петрович	Санкт-Петербург, СПбЮИ (ф) АГП РФ, ст. преподаватель
Смирнова Татьяна Геннадьевна	Санкт-Петербург, СПбГУ, ст. преподаватель
Сорокоумова Светлана Николаевна	Нижний Новгород, НГПУ им. К. Минина, профессор
Суворова Ольга Вениаминовна	Нижний Новгород, НГПУ им. К. Минина, профессор
Сулицкий Вадим Владимирович	Горловка, психолог

СПИСОК АВТОРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЯМ

Федонкина Анастасия Александровна	Москва, ФМИЦПН им. В.П. Сербского Минздрава России, научн. Сотрудник
Фесенко Юрий Анатольевич	Санкт-Петербург, СПб ГКУЗ ЦВЛ «Детская психиатрия» имени С.С. Мнухина, зам. глав. врача
Фурманов Игорь Александрович	Минск, БГУ, зав. каф.
Халеева Мария Владимировна	Санкт-Петербург, СПбГУ, ст. преподаватель
Честюнина Юлия Владимировна	Челябинск, ЧелГУ, доцент
Шаболтас Алла Вадимовна	Санкт-Петербург, СПбГУ, декан ф-та психологии
Шигашов Дмитрий Юрьевич	Санкт-Петербург, СПб ГКУЗ ЦВЛ «Детская психиатрия» имени С.С. Мнухина, глав. врач
Экедегва Ринго Окпачу	Саратов, НИСГУ им. Н.Г. Чернышевского, аспирант

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

<i>Алёшичева А.В., Самойлов Н.Г.</i>	3
НЕОБХОДИМОСТЬ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ УПОРЯДОЧЕННОСТИ И СТРУКТУРИРОВАННОСТИ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ	
<i>Бражникова А.Н.</i>	4
ДОБРОТА КАК ОСНОВА ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА	
<i>Бызова В.М., Калашникова Ю.А.</i>	5
ПСИХИЧЕСКАЯ РИГИДНОСТЬ И РЕФЛЕКСИВНОСТЬ КАК ФАКТОРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ	
<i>Валеева Г.В.</i>	6
ДИНАМИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ОЗДОРОВЛЕНИЮ – КРИТЕРИЙ ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ	
<i>Ванюхина Н.В., Григорьева О.В.</i>	7
СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДЕТЕЙ	
<i>Власова А.Ю., Правдина Л.Р.</i>	8
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ У ЛИЦ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ	
<i>Водопьянова Н.Е., Шевлякова С.А.</i>	10
РЕСУРСЫ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ РЕГУЛЯЦИИ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ВЫГОРАНИЮ	
<i>Вошчева Н.М.</i>	11
ВЛИЯНИЕ ИЕРАРХИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПРОАКТИВНЫХ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ ЭКОЛОГОВ	
<i>Ельникова О.Е.</i>	12
ИНТЕРНАЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ МОДЕЛЬ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ	
<i>Ермакова Е.С., Блинова Е.Н.</i>	13
ОТНОШЕНИЕ К ЗДОРОВЬЮ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТАРШЕКЛАССНИКОВ И СТУДЕНТОВ	
<i>Киреева Н.Н., Анисимов А.И.</i>	14
РЕСУРСЫ ДУХОВНОГО ЗДОРОВЬЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ (НА ПРИМЕРЕ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ)	

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Колесников В.Н., Мельник Ю.И.</i>	16
СИСТЕМНОЕ ОПИСАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ	
<i>Константинова А.А., Шклярчук С.П.</i>	17
К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ЗДОРОВЬЕ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ	
<i>Корчуганова И.П.</i>	18
УСЛОВИЯ СОХРАНЕНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ ПЕДАГОГА	
<i>Лукьянченко Н.В., Аликин И.А., Аликин М.И.</i>	19
ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ С ЭМОЦИОНАЛЬНЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ И ДИСПОЗИЦИОННЫМ ОПТИМИЗМОМ У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН	
<i>Маркеева Е.А., Аверьянова О.Ю.</i>	20
ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ РАБОТНИКОВ ПОЖАРНОЙ ОХРАНЫ	
<i>Морозов А.В.</i>	22
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ ЛИЧНОСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЕЁ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	
<i>Муралова А.В., Полозова В.В.</i>	23
СТЕПЕНЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЦ, СКЛОННЫХ К ЗАВИСИМОСТИ ОТ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ	
<i>Натаров В.И. (Александров)</i>	24
РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЗРЕЛОСТИ – ПРОФИЛАКТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ РУКОВОДИТЕЛЯ	
<i>Никифоров Г.С., Дудченко З.Ф.</i>	25
ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ В РОССИИ	
<i>Никифоров Г.С.</i>	27
В.М. БЕХТЕРЕВ И СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ	
<i>Нурлыгаянов И.Н., Соломина Е.Н.</i>	28
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ И МЕХАНИЗМЫ СОВЛАДАНИЯ У УЧИТЕЛЕЙ-ДЕФЕКТОЛОГОВ	
<i>Пилишина А.В.</i>	29
ВЛИЯНИЕ ЗАВИСТИ НА ПСИХИЧЕСКОЕ, ФИЗИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ	
<i>Портнова А.Г.</i>	30
ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ КАК РЕСУРС ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ	
<i>Разумникова О.М., Евстафьева В.А.</i>	31
ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИОРИТЕТОВ МОТИВАЦИОННЫХ ИНДУКТОРОВ ПОВЕДЕНИЯ ПРИ СТАРЕНИИ	

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Самаль Е.В.</i>	32
ПРОБЛЕМА ПСИХИЧЕСКОГО ВЫГОРАНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ	
<i>Семёнова Е.М., Цмыг Т.А.</i>	33
ВЛИЯНИЕ СТАЖА РАБОТЫ НА ПРОЯВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У МЕДИЦИНСКИХ СЕСТЕР	
<i>Сивуда О.А.</i>	35
ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА ОТНОШЕНИЯ К ЗДОРОВЬЮ УЧАЩИХСЯ КАДЕТСКОГО КОРПУСА ИНТЕРНАТНОГО ТИПА РАЗНЫХ ЛЕТ ОБУЧЕНИЯ	
<i>Соколовская Т.В.</i>	35
РОЛЬ ЛИЧНОСТИ ПСИХОЛОГА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
<i>Соловьева С.Л.</i>	37
ОСНОВЫ ПСИХОТЕРАПИИ ДЛЯ ПРАКТИЧЕСКИ ЗДОРОВЫХ	
<i>Старовойтова С.Ю., Фукин А.И.</i>	38
ОТНОШЕНИЕ К ЗДОРОВЬЮ СТУДЕНТОВ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ	
<i>Старченкова Е.С., Захарова А.А.</i>	39
ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ У СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИОНОМИЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ	
<i>Толочек В.А., Белик В.В., Панов А.Ю.</i>	40
АКТУАЛИЗАЦИЯ РЕСУРСОВ, ДИНАМИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ И ДЕСТРУКЦИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОЦИОНОМИЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ	
<i>Ходырева Н.В.</i>	41
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В РАМКАХ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ ЗДОРОВЬЯ	
<i>Шаповал В.А.</i>	42
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ КАК ПСИХОДИНАМИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ	
<i>Шингаев С.М.</i>	43
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ МЕНЕДЖЕРОВ НА ЭТАПЕ «ВЫХОДА» ИЗ ПРОФЕССИИ	
<i>Юсупова Г.В.</i>	44
ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ ПОДРОСТКОВ: ПРОБЛЕМЫ ДИАГНОСТИКИ И КОРРЕКЦИИ	

КОГНИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И НЕЙРОНАУКИ

<i>Акбирова Р.Р., Прохоров А.О.</i>	46
ИССЛЕДОВАНИЕ ПОНЯТИЙНЫХ СТРУКТУР МЕНТАЛЬНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ У ШКОЛЬНИКОВ	

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Алексеева Е.М., Рудик Е.А.</i>	47
АССОЦИАТИВНЫЕ ПОЛЯ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ	
<i>Аллахвердов М. В., Стародубцев А. С.</i>	48
ВЛИЯНИЕ ПРЕДСКАЗУЕМОСТИ СТИМУЛА НА ЭФФЕКТ СТРУПА	
<i>Аллахвердов М.В.</i>	49
НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ ТЕКСТА КАК УСЛОЖНЕНИЕ ПРОЦЕССА ИГНОРИРОВАНИЯ В ИНТЕРФЕРЕНЦИОННОЙ ЗАДАЧЕ	
<i>Ананьева К.И., Басюл И.А., Демидов А.А.</i>	50
ОСОБЕННОСТИ ОКУЛОМОТОРНОЙ АКТИВНОСТИ В ЗАДАЧАХ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ДОВЕРИЯ К ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ РАЗНЫХ РАСОВЫХ ГРУПП	
<i>Андрянова Н. В.</i>	52
ВЛИЯНИЕ ВРЕМЕННОГО ИНТЕРВАЛА НА ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОВТОРЯЮЩИХСЯ ОШИБОК	
<i>Антропова Л.К., Куликов В.Ю.</i>	53
КАРДИОВАСКУЛЯРНАЯ РЕАКТИВНОСТЬ, ВЫЗВАННАЯ КОГНИТИВНОЙ НАГРУЗКОЙ, У СТУДЕНТОВ МЛАДШИХ КУРСОВ С РАЗНЫМ ЛАТЕРАЛЬНЫМ ПРОФИЛЕМ	
<i>Арутюнова К.Р., Бахчина А.В., Александров Ю.И.</i>	54
РЕШЕНИЕ МОРАЛЬНЫХ ДИЛЕММ И ДИНАМИКА СЕРДЕЧНОГО РИТМА ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ АЛКОГОЛЯ	
<i>Балин В.Д., Абашева К.А., Прилипо М.А.</i>	55
СТАБИЛИЗИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ	
<i>Басюл И.А.</i>	56
ИНТЕРФЕЙС МОЗГ-КОМПЬЮТЕР НА ВОЛНЕ Р300: ДИНАМИКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОКУЛОМОТОРНОЙ АКТИВНОСТИ И КОМПОНЕНТ N200 И Р300 ВЫЗВАННОГО ПОТЕНЦИАЛА	
<i>Баулина М.Е.</i>	58
ОСОБЕННОСТИ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ГИПЕРКИНЕТИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ	
<i>Башмакова Я. П., Аванесян М. О.</i>	59
СТРАТЕГИИ ПОСТРОЕНИЯ СЕРИИ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ	
<i>Беловол Е.В.</i>	60
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К КОГНИТИВНЫМ СТИЛЯМ: ЭМПИРИЧЕСКОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ МОДЕЛИ	
<i>Берлов Д.Н.</i>	61
ПРОЯВЛЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ПРОТЕКАНИИ БИНОКУЛЯРНОЙ КОНКУРЕНЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СТРУКТУРЕ ЭНЦЕФАЛОГРАММЫ	
<i>Болотова А.К., Чеверениди А.А.</i>	62
ВРЕМЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ И ЛИЧНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ПРЕДИКТОРЫ КАРЬЕРНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ	

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Бунькова Л.Г., Созинов А.А.</i>	64
НЕОДНОРОДНОСТЬ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НЕРВНЫХ КЛЕТОК, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ВЫПОЛНЕНИЕ ПОВЕДЕНЧЕСКОГО АКТА	
<i>Бурмистров С.Н.</i>	65
РОЛЬ ЭКСПЛИЦИТНОГО ЗНАНИЯ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ИМПЛИЦИТНОГО ВЫБОРА	
<i>Бызова В.М., Перикова Е.И.</i>	66
РОЛЬ ПОЛЕЗАВИСИМОСТИ-ПОЛЕНЕЗАВИСИМОСТИ В ВОСПРИЯТИИ НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ ВИЗУАЛЬНЫХ СТИМУЛОВ	
<i>Быкова Е.Е., Ушакова О.В.</i>	67
КОГНИТИВНЫЕ НАРУШЕНИЯ У ПАЦИЕНТОВ С РАССЕЯННЫМ СКЛЕРОЗОМ	
<i>Вартанов А.В., Громова Д.С.</i>	69
ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ОЗНАЧИВАЕМОГО СТИМУЛА	
<i>Галанина А.Н., Вартанов А.В.</i>	70
ЗРИТЕЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫРАЖЕНИЯ АСИММЕТРИЧНОГО ЛИЦА	
<i>Гершкович В.А., Нелюбов М.И., Попова А.С.</i>	71
АТРИБУЦИЯ ИСТОЧНИКА ИЛЛЮЗОРНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ	
<i>Горбунов И.А.</i>	72
НЕЙРОДИНАМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КАК ОСНОВА МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ И МОДЕЛИРОВАНИЯ ПСИХИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ	
<i>Давыдова Е.Ю.</i>	74
МНОГОУРОВНЕВАЯ ОЦЕНКА КОГНИТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ОПТИМИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ	
<i>Дикий И.С., Дикая Л.А., Лаврешина А.Ю.</i>	75
НЕЙРОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ ТВОРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СФЕРЫ ИСКУССТВА С РАЗЛИЧНЫМ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ УРОВНЕМ	
<i>Добрин А.В.</i>	76
ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ТОНУСА У ДЕТЕЙ 7-8 ЛЕТ С РАЗЛИЧНЫМ ТИПОМ ПРОФИЛЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СЕНСОМОТОРНОЙ АСИММЕТРИИ	
<i>Душабаев З.Р.</i>	77
К ВОПРОСУ ОБ ОТЛИЧИИ ИНТЕЛЛЕКТА И ПАМЯТИ	
<i>Защиринская О.В., Немировская К.А.</i>	78
ПОНИМАНИЕ ТЕКСТОВ СТАРШЕКЛАССНИКАМИ С ЛЕГКОЙ УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ	
<i>Зябирова Д.З., Шевырёва Т.В.</i>	80
РАЗВИТИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ С УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ	

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Иванова Е.Н.</i>	81
КОГНИТИВНАЯ ДИНАМИКА ПРИ ОБУЧЕНИИ МЕДИАТОРОВ	
<i>Иванчей И. И., Михайленко А. В.</i>	82
НЕОСОЗНАВАЕМЫЙ ПЕРЕНОС ПОБОЧНОГО ПРОДУКТА РЕШЕНИЯ ОДНОЙ ЗАДАЧИ НА ДРУГУЮ	
<i>Клочкова О.И.</i>	83
ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ БЕТА – СПЕКТРА ПРИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ НАГРУЗКЕ	
<i>Клочкова О.И., Воробьёва Е.Ю., Старцева М.С.</i>	85
ЧАСТОТНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ВОЗРАСТНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ БЕТА СПЕКТРА БИОЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЗГА В ПРОЦЕССЕ ПОЗИЦИОННОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЫ	
<i>Королькова О.А.</i>	86
ЭФФЕКТ АДАПТАЦИИ КАК СПОСОБ ИЗУЧЕНИЯ СТРУКТУРЫ ПЕРЦЕПТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА ЭКСПРЕССИИ ЛИЦА	
<i>Костина Д.И., Аллавердов В.М.</i>	87
ВЛИЯНИЕ ВЕРНЫХ И ОШИБОЧНЫХ ОТВЕТОВ В ОДНОЙ ЗАДАЧЕ НА НЕГАТИВНЫЙ ПРАЙМИНГ В ДРУГОЙ	
<i>Костина Д.И., Моргунова В.А., Науменко О.В.</i>	88
ВЛИЯНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ САТИАЦИИ НА ПОСЛЕДЕЙСТВИЕ НЕГАТИВНОГО ВЫБОРА	
<i>Котов А.А., Менжинский Р.С.</i>	90
КАТЕГОРИАЛЬНАЯ РАЗЛИЧИМОСТЬ В ЗРИТЕЛЬНОМ ПОИСКЕ ПОДДЕРЖИВАЕТ ПАМЯТЬ ОБ ОБЪЕКТЕ	
<i>Кулиева А.К., Кувалдина М.Б.</i>	91
ВЛИЯНИЕ КОНГРУЭНТНОСТИ ПРАЙМИНГА НА «ЧУВСТВО КОНТРОЛЯ»	
<i>Лазарева Н. Ю.</i>	92
ВЛИЯНИЕ ПЕРЕГРУЗКИ ПОДСИСТЕМ РАБОЧЕЙ ПАМЯТИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЭФФЕКТА СЕРИИ	
<i>Малкова Е.Е., Гурьев В.С.</i>	93
ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МЫШЛЕНИИ КАК ФУНКЦИИ ПОЛУЧЕНИЯ ПОЛЕЗНОГО РЕЗУЛЬТАТА В РАМКАХ ТРАДИЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ	
<i>Морошкина Н.В., Иванчей И.И., Карпов А.Д., Овчинникова И.В., Тихонов Р.В.</i>	94
РОЛЬ КРИТИЧЕСКОЙ УСТАНОВКИ В УСВОЕНИИ НЕЯВНЫХ КОВАРИАЦИЙ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ПЕРВОГО ВПЕЧАТЛЕНИЯ	
<i>Николаева Е.И., Новикова А.В.</i>	96
СООТНОШЕНИЕ УРОВНЕЙ ИНТЕЛЛЕКТА И КРЕАТИВНОСТИ У ДЕТЕЙ РАЗНОГО ВОЗРАСТА	

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Осорина М.В., Устинова В.А.</i>	97
ПОСТЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮИРОВАНИЕ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ПОНЯТИЙНОГО МЫШЛЕНИЯ (ОБОСНОВАНИЕ МЕТОДА)	
<i>Первушина О.Н., Шабалин А. П.</i>	98
ВЛИЯНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРАЙМИНГА НА РЕШЕНИЕ МОРАЛЬНЫХ ДИЛЕММ	
<i>Прохоров А.О.</i>	99
МЕНТАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ	
<i>Сейферт И.В., Осорина М.В.</i>	100
ИССЛЕДОВАНИЕ СПОСОБНОСТИ К ПОНИМАНИЮ И ПРЕОБРАЗОВАНИЮ ЛОГИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ У СТУДЕНТОВ-«ТЕХНАРЕЙ» И У СТУДЕНТОВ-«ГУМАНИТАРИЕВ»: В ЧЕМ СХОДСТВО ИХ ТИПИЧНЫХ ЗАТРУДНЕНИЙ	
<i>Сергеев С.Ф., Чивиксина М.С.</i>	101
ОСОБЕННОСТИГЛАЗОДВИГАТЕЛЬНОЙАКТИВНОСТИПОЛЯРНЫХПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОГНИТИВНОГО СТИЛЯ «ПОЛЕЗАВИСИМОСТЬ - ПОЛЕНЕЗАВИСИМОСТЬ» В ЗАДАЧАХ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОИСКА	
<i>Сергеева А.С., Сергеев С.Ф.</i>	103
ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ В ОБУЧАЮЩИХ СИСТЕМАХ	
<i>Скиртач И.А., Ковишье Е.М.</i>	104
ОСОБЕННОСТИ МЕДЛЕННОВОЛНОВОЙ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЗГА В ПРОЦЕССЕ МУЗЫКАЛЬНОГО ТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА, ИНИЦИИРОВАННОГО СТИМУЛЬНЫМ МАТЕРИАЛОМ РАЗЛИЧНОГО ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА: АГРЕССИВНОГО ИЛИ МИРОЛЮБИВОГО	
<i>Созинова И.М., Бахчина А.В., Александров Ю.И.</i>	105
ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ СЕРДЕЧНОГО РИТМА ПРИ РЕШЕНИИ МОРАЛЬНЫХ ДИЛЕММ НА РАЗНЫХ СТАДИЯХ ОНТОГЕНЕЗА	
<i>Стародубцев А. С., Аллаhverдов В. М.</i>	106
ВЛИЯНИЕ ПРЕДСКАЗУЕМОСТИ СТИМУЛА НА ЭФФЕКТ СТРУПА	
<i>Столетний А. С., Киров В. Н.</i>	107
ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОГО ЭЭГ – БОС ОБУЧЕНИЯ	
<i>Тихонов Р.В., Морошкина Н.В.</i>	108
РОЛЬ ИМПЛИЦИТНОГО НАУЧЕНИЯ В ВЕРОЯТНОСТНОМ ПРОГНОЗИРОВАНИИ НА ОСНОВЕ НЕСКОЛЬКИХ ПАРАМЕТРОВ	
<i>Федорова В.Д., Прохоров А.О., Хасанзянова В.М.</i>	109
ДИНАМИКА АССОЦИАТИВНЫХ И ОБРАЗНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК МЕНТАЛЬНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ	
<i>Холодная М.А.</i>	111
ПОНЯТИЙНЫЕ СПОСОБНОСТИ КАК ОСНОВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ И ЛИЧНОСТНОЙ ПРОДУКТИВНОСТИ	

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Целяева С.И.</i>	112
ВЫДЕЛЕНИЕ КРИТЕРИЕВ КОГНИТИВНОЙ УСПЕШНОСТИ РЕСПОНДЕНТОВ НА ПРИМЕРЕ ОЦЕНКИ ИХ РАБОТЫ С РИСОВАННЫМИ СИТУАЦИЯМИ	
<i>Чепикова К.А., Горбунов И.А.</i>	113
ОСОБЕННОСТИ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЕЙ СОБЫТИЙ ПРИ ШИЗОФРЕНИИ	
<i>Чередникова Т.В.</i>	114
СВЯЗЬ НАРУШЕНИЙ ФОРМАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ С ЭМОЦИОНАЛЬНО-МОТИВАЦИОННЫМИ И ЛИЧНОСТНЫМИ РАССТРОЙСТВАМИ ПРИ ШИЗОФРЕНИИ	
<i>Черенкова Л.В., Соколова Л.В.</i>	116
ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБРАБОТКИ ИНФОРМАЦИИ С УЧАСТИЕМ МАГНО- И ПАРВОЦЕЛЛЮЛЯРНЫХ КАНАЛОВ ЗРИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ТИПИЧНЫМ И АТИПИЧНЫМ РАЗВИТИЕМ	
<i>Чилигина Ю.А.</i>	117
ВЛИЯНИЕ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО СТРЕССА НА АУТОХРОНОМЕТРИЧЕСКУЮ ТОЧНОСТЬ СТУДЕНТОВ	
<i>Шаманова С. В., Котова Т. Н., Котов А. А.</i>	118
РОЛЬ ОСТЕНСИВНОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ В ОБОБЩЕНИИ НАЗВАНИЙ ОБЪЕКТОВ У ДЕТЕЙ 2-3 ЛЕТ	
<i>Шпагонова Н.Г., Садов В.А., Петрович Д.Л.</i>	119
СВЯЗЬ ФИЗИЧЕСКИХ, СЕМАНТИЧЕСКИХ И ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПАМЯТИ	
<i>Щербакова О.В., Никифорова Е.А.</i>	120
РОЛЬ IQ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ В ПОНИМАНИИ ПЕРЕНОСНОГО СМЫСЛА ВЕРБАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ	

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

<i>Аванесян М.О., Тарасова Д.Д.</i>	122
СФОРМИРОВАННОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИЧНОСТИ И ОПЫТ БЛИЗКИХ ОТНОШЕНИЙ	
<i>Авдеева М.В., Курбатова Т.Н.</i>	123
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ИСПОЛНЕННОСТЬ ЖЕНЩИН В ПЕРИОД «ПОЗДНЕЙ ВЗРОСЛОСТИ»	
<i>Ариуляк А.Е.</i>	124
ПЕРЕЖИВАНИЕ ЛИЧНОСТНОГО ВЫБОРА ЮНОШАМИ И ДЕВУШКАМИ С РАЗНЫМИ СТРАТЕГИЯМИ АДАПТАЦИИ	
<i>Басимов М.М.</i>	125
НЕЛИНЕЙНАЯ ПСИХОЛОГИЯ НА ПРИМЕРЕ ПЯТИФАКТОРНОЙ МОДЕЛИ ЛИЧНОСТИ	

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Боголюбова О.Н., Ледовая Я.А., Чурилова А.Г.</i>	126
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ДИСТРЕССА В СЕТИ «ИНСТАГРАМ»	
<i>Бучек А.А.</i>	127
ОТНОШЕНИЕ К ЭТНИЧЕСКОМУ ПРОСТРАНСТВУ КАК СПОСОБ САМООСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ	
<i>Бычкова И.М.</i>	129
ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ МУЗЫКАЛЬНО ОДАРЕННЫХ ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕЙ	
<i>Валуйская Т.Л.</i>	129
ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ СТУДЕНТОВ С РАЗНЫМИ МУЗЫКАЛЬНЫМИ ПРЕДПОЧТЕНИЯМИ	
<i>Ванданова Э.Л.</i>	131
МАРГИНАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ: ПОИСКИ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ	
<i>Водяха С.А.</i>	132
КРЕАТИВНОСТЬ КАК ПРЕДИКТОР СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА	
<i>Волкова Е.Н.</i>	133
КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА Б.Г.АНАНЬЕВА И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ	
<i>Глушинский А.В., Меньшикова Л.В.</i>	134
СООТНОШЕНИЕ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА И МЕЖЛИЧНОСТНОЙ ПРИВЯЗАННОСТИ	
<i>Гришина Н.В.</i>	135
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ	
<i>Даниленко О.И., Юревич О.И.</i>	137
ВЗАИМОСВЯЗЬ ХАРАКТЕРИСТИК АНТИЦИПАЦИОННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И УРОВНЯ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ	
<i>Даниленко О.И.</i>	138
СВЯЗЬ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ ЛИЧНОСТИ У РОССИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ	
<i>Долгих А.И., Розум С.И.</i>	139
ВЗАИМОСВЯЗЬ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И САМООТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ	
<i>Есманская Н.Е., Нгуен Ван Ут Ньи</i>	140
ЛИЧНОСТНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ РОССИЙСКИХ И ВЬЕТНАМСКИХ СТУДЕНТОВ	
<i>Жижина М.В.</i>	141
ИМИДЖ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ В СВЯЗИ С ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ ВОЗРАСТОМ ЛИЧНОСТИ	

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Зайцева Ю.Е., Исаева А.Н.</i>	142
СТРАТЕГИИ И СТИЛИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ Я-НАРРАТИВАХ	
<i>Зачесова И.А., Афиногенова В.А.</i>	143
ОРГАНИЗАЦИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПОВСЕДНЕВНОГО ДИСКУРСА НЕЗНАКОМЫХ ЛЮДЕЙ	
<i>Злобина М.В., Первушина О.Н.</i>	145
ТОЛЕРАНТНОСТЬ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И СТАТУСЫ ИДЕНТИЧНОСТИ	
<i>Иванова Н.А.</i>	146
КУЛЬТУРНЫЕ И ВОЗРАСТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ВЫБОРЕ ЦЕННОСТЕЙ У ИГРОКОВ В МАССОВЫЕ ОНЛАЙН-ИГРЫ	
<i>Ильиных А.Е., Асанова Н.В.</i>	147
КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КРЕАТИВНОСТИ И ШИЗОТИПИЧЕСКИХ ЧЕРТ ЛИЧНОСТИ	
<i>Ишанов С.А., Осин Е.Н.</i>	148
ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ ЭГО НА ПЕРЕЖИВАНИЕ ОДИНОЧЕСТВА И УЕДИНЕНИЯ	
<i>Кабрин В.И.</i>	149
НА ПУТИ К НОМО NOETICUS: УПРАВЛЕНИЕ НООДИНАМИКОЙ КРЕАТИВНЫХ СОСТОЯНИЙ СОЗНАНИЯ	
<i>Калугин А.Ю.</i>	150
СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ АКТИВНОСТЬ И ВАРИАНТЫ СМЫСЛА ЖИЗНИ	
<i>Карина О.В.</i>	151
ПРОКРАСТИНАЦИЯ И САМОЭФФЕКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	
<i>Короткина Е.Д., Данилина М.В.</i>	152
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЦ, ПРАКТИКУЮЩИХ ВОСТОЧНЫЕ ДУХОВНЫЕ ПРАКТИКИ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ	
<i>Кошеvníк И.Г.</i>	154
МЕХАНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОТРЕБНОСТНЫХ И ВОЛЕВЫХ ПРОЦЕССОВ	
<i>Малюшкина О.Е.</i>	155
ВРЕМЕННАЯ ТРАНССПЕКТИВА ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ С РАЗНЫМИ АКТУАЛЬНЫМИ СМЫСЛОВЫМИ СОСТОЯНИЯМИ	
<i>Манёров В.Х.</i>	156
СОВЕСТЬ В СВЕТЕ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ СХОДСТВ И МЕЖКУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ	
<i>Марцинковская Т.Д., Турушева Ю.Б.</i>	157
НАРРАТИВ КАК МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В СИТУАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ	

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Марцинковская Т.Д.</i>	158
ПРОБЛЕМА «СУБЪЕКТ/ЛИЧНОСТЬ» В ТРАНЗИТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ	
<i>Медведева И.А.</i>	159
КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕОРИИ АРХЕТИПОВ	
<i>Миассарова Э.Р.</i>	161
РОЛЬ И ЗНАЧИМОСТЬ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯНОК В ПРОЦЕССЕ ИХ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ ЖЕНЩИН С РАЗНЫМ ТИПОМ МЕНТАЛЬНОСТИ).	
<i>Мишкевич А.М., Шебетенко С.А.</i>	162
ИЗМЕНЧИВОСТЬ ЭКСТРАВЕРСИИ И УСТАНОВКИ НА ЭКСТРАВЕРСИЮ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА	
<i>Молчанова О.Н., Некрасова Т.Ю.</i>	163
ДИНАМИКА САМООЦЕНКИ В СИТУАЦИИ «УГРОЗЫ Я»	
<i>Осипова И.С., Никишов С.Н., Пронькина Е.Г.</i>	164
ВЕРБАЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ	
<i>Панкратова К.Н., Зиновьева Е.В.</i>	165
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ У МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ, СКЛОННЫХ К ЛЮБОВНОЙ АДДИКЦИИ	
<i>Пляскина А.С., Поддьяков А.Н.</i>	166
ОСОБЕННОСТИ РЕШЕНИЯ МОРАЛЬНОЙ ДИЛЕММЫ ОБ АЛЬТРУИСТИЧЕСКОМ ПОЖЕРТВОВАНИИ БЛИЗКИМ У ЛЮДЕЙ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА	
<i>Погребницкая В.Е.</i>	168
ХАРАКТЕРИСТИКИ СИТУАЦИИ КАК ПРЕДИКТОРЫ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА	
<i>Попов Л.М., Сорокина С.Е.</i>	169
О ВЗАИМОСВЯЗИ ЛИЧНОСТНОЙ САМООЦЕНКИ И СПОСОБНОСТИ К САМОРАЗВИТИЮ.	
<i>Пушкина А.В., Меньшикова Л.В.</i>	170
ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА И ПОЛНОТЫ СОЗНАНИЯ	
<i>Резададез З., Баянова Л.Ф.</i>	171
ВЛИЯНИЕ МОРАЛЬНОЙ НОРМАТИВНОСТИ НА ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ	
<i>Рябикина З.И.</i>	172
ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОТРЕБНОСТИ В ПРИВАТНОСТИ С УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬЮ БРАКОМ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН РАЗЛИЧНОЙ ЭТНИЧНОСТИ	
<i>Савина О.О., Балянина Е.Е.</i>	174
ПРОЯВЛЕНИЕ СТОЙКОСТИ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ЛЮДЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ ЗРЕНИЯ)	

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Савченко Т.Н., Олькина О.И.</i>	175
РАЗРАБОТКА И АПРОБАЦИЯ МЕТОДИКИ ИЗМЕРЕНИЯ СКЛОННОСТИ К ЭСКАПИЗМУ	
<i>Сергеева А.В.</i>	176
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНТЕГРАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	
<i>Смирнова Т.Л., Субботина Л.Ю.</i>	177
РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ ДИАГНОСТИКИ ПРЕДПОЧТЕНИЯ СОСТОЯНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ	
<i>Соколов Е.А., Фурманов И.А.</i>	178
ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНЫМИ ВИДАМИ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА	
<i>Сыченко Ю.А., Коробова Е.Н.</i>	179
ВЗАИМОСВЯЗЬ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ ЖЕНЩИН И ИХ САМООТНОШЕНИЯ	
<i>Тучина О.Р.</i>	180
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ЛИЧНОСТИ: СУБЪЕКТНЫЙ ПОДХОД	
<i>Федорова Е.П.</i>	182
К ВОПРОСУ ИССЛЕДОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМНОЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	
<i>Чумаков М.В.</i>	183
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ШКАЛЫ РЕЛИГИОЗНОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА	
<i>Шелонина Т.В., Горбатов С.В.</i>	184
ХАРАКТЕРИСТИКИ СУБЪЕКТНОСТИ ЛИЦ С АДДИКТИВНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ	
<i>Шкуратова И.П., Муругов А.С.</i>	185
ОСОБЕННОСТИ САМОПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ЮНОШЕЙ-СТУДЕНТОВ В СВЯЗИ С ИХ СОЦИАЛЬНОЙ И ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ	
<i>Шустова Н.Е.</i>	186
ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ЛИНИЯ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА: ПОСТРОЕНИЕ И ПРОЯВЛЕНИЕ	
<i>Щукина М.А.</i>	187
СОБЫТИЯ РОЖДЕНИЯ И СМЕРТИ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ОПЫТА ЛИЧНОСТИ	

ПСИХОЛОГИЯ СПОРТА

<i>Абрамович И.Р.</i>	189
ВЛИЯНИЕ РОДИТЕЛЬСКОГО ОТНОШЕНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ ЮНЫХ СПОРТСМЕНОВ	
<i>Алборова К.А., Родыгина Ю.К.</i>	190
ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЮНЫХ СПОРТСМЕНОВ И ЕГО ВЗАИМОСВЯЗЬ С ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТЬЮ	

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Андреев Вит.В., Андреев Вл.В.,</i>	<i>191</i>
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В СПОРТЕ И МЕТОДЫ ИХ РЕШЕНИЯ	
<i>Анипутова Г. Л.</i>	<i>192</i>
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПСИХОЛОГИИ СПОРТА: КОУЧИНГ	
<i>Ветвицкая Т.В., Крыжко Е.В.</i>	<i>193</i>
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СПОРТСМЕНОВ С ДЕТСКИМ ЦЕРЕБРАЛЬНЫМ ПАРАЛИЧОМ В ИГРЕ БОЧЧА	
<i>Гиринская А.Ю., Кухтова Н. В.</i>	<i>194</i>
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБЪЕКТИВНОГО КОНТРОЛЯ И СПОСОБНОСТИ К БЕЗОШИБОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У СТУДЕНТОВ СПОРТИВНОГО ПРОФИЛЯ	
<i>Дамадаева А.С.</i>	<i>195</i>
КОНЦЕПЦИЯ ГЕНДЕРНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ СПОРТСМЕНА	
<i>Ивашко С.Г.</i>	<i>196</i>
ВЗАИМОСВЯЗЬ АГРЕССИВНОСТИ И УСПЕШНОСТИ СОРЕВНОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЕДИНОБОРСТВАХ	
<i>Ильина Н.Л.</i>	<i>197</i>
РЕАЛИЗАЦИЯ СПОРТСМЕНОМ ДВОЙНОЙ (ПАРАЛЛЕЛЬНОЙ) КАРЬЕРЫ	
<i>Исраилова З.К., Огородова Т.В.</i>	<i>199</i>
СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ СПОРТСМЕНОВ ВОЛЕЙБОЛИСТОВ ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА	
<i>Климанова Н.Г., Климанова А.В.</i>	<i>200</i>
УПРАВЛЕНИЕ МОТИВАЦИЕЙ СПОРТСМЕНОВ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ КОМАНДЫ	
<i>Корниенко Д.С., Фоминых А.Я.</i>	<i>201</i>
ВЗАИМОСВЯЗЬ ОБЩЕЙ И СПОРТИВНОЙ САМОЭФФЕКТИВНОСТИ: ГРУППОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В СВЯЗИ С ВИДОМ СПОРТА	
<i>Кузьмина Т.И., Нахпекоев Э.И.</i>	<i>202</i>
КОМПЛЕКСНЫЙ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ МЕТОД СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДВИГАТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ В УЧЕБНО-ТРЕНИРОВОЧНЫХ ГРУППАХ (13-14 ЛЕТ) ТХЭКВОНДО ВТФ В ПРЕДСОРЕВНОВАТЕЛЬНОМ ПЕРИОДЕ ПОДГОТОВКИ	
<i>Леус Э.В., Мاستренко А.С.</i>	<i>204</i>
ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ЭКСТРЕМАЛЬНЫМИ ВИДАМИ СПОРТА	
<i>Марищук Л.В.</i>	<i>205</i>
ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ В СПОРТЕ (ПАМЯТИ В.Л. МАРИЩУКА)	

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Медников С.В., Ивченко Е.А., Павлова Д.Д.</i>	206
ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ ЖЕНЩИН, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ФИТНЕСОМ	
<i>Милыхина Е.А., Бандурка Т.Н.</i>	207
ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЧУВСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ У СТУДЕНТОВ-СПОРТСМЕНОВ	
<i>Москвин В.А., Москвина Н.В.</i>	208
ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОСОБЕННОСТЕЙ ВОЛЕВОЙ РЕГУЛЯЦИИ У ЮНЫХ СПОРТСМЕНОВ	
<i>Родыгина Ю.К., Сибирев В.В.</i>	209
ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ В ПОДГОТОВКЕ ДЕВУШЕК – ХОККЕИСТОК	
<i>Тиунова О.В.</i>	211
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СПОРТИВНОЙ ПОДГОТОВКИ: СОДЕРЖАНИЕ И ПРИНЦИПЫ РЕАЛИЗАЦИИ	
<i>Тихонина В.С., Огородова Т.В.</i>	212
ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СВОЙСТВ ВНИМАНИЯ В СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
<i>Уляева Л.Г.</i>	213
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРОЦЕССА САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В СПОРТЕ - ОСНОВНАЯ ФОРМА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПОРТИВНОГО ПСИХОЛОГА	
<i>Шнайдер В., Медников С.В., Самыкина Н.Ю, Ивченко Е.А.</i>	215
ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ФУТБОЛЬНЫХ БОЛЕЛЬЩИКОВ	
<i>Яковлева И.В., Масиянская А.М.</i>	216
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ОБУЧЕНИЯ СПОРТСМЕНОВ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ВИДОВ СПОРТА	
<i>Янова Н.Г.</i>	217
ПСИХОДИАГНОСТИКА КОМАНДОФОРМИРОВАНИЯ В ИГРОВОМ СПОРТЕ	

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ МЕНЕДЖМЕНТА

<i>Барышева Е.В., Аверьянова О.Ю.</i>	219
ПСИХОДИАГНОСТИКА ЛИЧНОСТНЫХ РЕСУРСОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ НА ПРИМЕРЕ СОТРУДНИКОВ КОМИТЕТА ПО ЭНЕРГЕТИКЕ И ИНЖЕНЕРНОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ	
<i>Бочкарева Е.Н.</i>	220
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ОПЕРАТОРОВ КОНТАКТНЫХ ЦЕНТРОВ	

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Верещагина Л.А., Круглова М.А., Погребницкая В.Е.</i>	221
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ УЧИТЕЛЕЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ	
<i>Воронина О.В.</i>	223
СТРУКТУРА МОТИВАЦИИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ В ОРГАНИЗАЦИЯХ С РАЗЛИЧНЫМИ ВИДАМИ ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ РЕСУРСОВ	
<i>Гижук Т.В.</i>	224
ЛИЧНОСТНЫЙ СМЫСЛ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ УСПЕШНОСТЬ	
<i>Горюнова Л.Н., Верещагина Л.А., Алетдинова А.А.</i>	225
ВЗАИМОСВЯЗЬ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ТРУДОМ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В УСЛОВИЯХ НИЗКОЙ ОПЛАТЫ ТРУДА И ОТСУТСТВИЯ ВОЗМОЖНОСТИ КАРЬЕРНОГО РОСТА	
<i>Грачев А.А.</i>	226
КАРЬЕРНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ И ИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ТИПИЧНОМ И ИДЕАЛЬНОМ РАБОТНИКЕ	
<i>Дворянчиков Н.В., Калашиникова Т.В.</i>	227
ОТ ЭКСПЕРТНОГО К ОБЫДЕННОМУ ПОНИМАНИЮ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА РУКОВОДИТЕЛЯ	
<i>Дикая Л.А., Дикий И.С., Лаврешина А. Ю.</i>	229
ВЗАИМОСВЯЗЬ КРЕАТИВНОСТИ И СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ МЕНЕДЖЕРОВ ПО РАБОТЕ С КЛИЕНТАМИ С ИХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ	
<i>Доминяк В.И., Родионова Е.А.</i>	230
МОТИВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ УВЛЕЧЕННОСТИ РАБОТОЙ	
<i>Иванова Н.Л.</i>	231
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СТРУКТУРА И ОСОБЕННОСТИ	
<i>Иванова О.М., Крюкова Т.Л.</i>	232
ЖИЗНЕННЫЙ СТИЛЬ МУНИЦИПАЛЬНОГО СЛУЖАЩЕГО ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ЕГО СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ	
<i>Изутина Е.П., Шалаев К.В.</i>	234
МОТИВАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ	
<i>Котлярова Л.Н., Хотемской Н.</i>	235
АНАЛИЗ ПРИЧИН УВОЛЬНЕНИЯ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПРИ ПЕРВИЧНОМ ТРУДОУСТРОЙСТВЕ В СФЕРЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА	
<i>Кудрявцева Е.И.</i>	236
ИНДИВИДУАЛЬНАЯ СЕТЬ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ	

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Левченкова К.Р.</i>	237
СПОСОБЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СОБСТВЕННИКОВ ПРЕДПРИЯТИЙ)	
<i>Лепехин Н.Н, Гринев А.А.</i>	238
ЛИЧНОСТНЫЕ ПРЕДИКТОРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СОТРУДНИКОВ	
<i>Лукьянченко Н.В.</i>	240
ВЗАИМОСВЯЗЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК РУКОВОДИТЕЛЯ	
<i>Львова О.В, Маничев С.А.</i>	241
ИДИОМАТИЧЕСКИЕ ПРОФИЛИ РАБОЧИХ СИТУАЦИЙ ДЛЯ РАЗНЫХ ВИДОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
<i>Маничев С.А.</i>	242
МОДЕЛИ РАБОЧЕГО КОНТЕКСТА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
<i>Мельник Ю.И, Мельник О.Ф.</i>	243
ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И КАЧЕСТВО УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ МОТИВАЦИИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ	
<i>Осипова Е.Б.</i>	244
К ВОПРОСУ ОБ УПРАВЛЕНИИ ПЕРСОНАЛОМ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ	
<i>Преснякова С.А.</i>	246
ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КРИЗИСОВ СОТРУДНИКАМИ В СИТУАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ	
<i>Родионова Е.А, Жданова П.Р.</i>	247
ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ВЫБОР ФОРМЫ ЗАНЯТОСТИ	
<i>Сапрыкина Ю.А., Дикая Л.Г.</i>	248
ВЗАИМОСВЯЗЬ ОЦЕНКИ ТРУДНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ УСПЕШНОСТИ У СПЕЦИАЛИСТОВ СТРАХОВОЙ ОТРАСЛИ	
<i>Семёнова Е.М.</i>	249
СПЕЦИФИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП	
<i>Семянничева П.А.</i>	251
ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В АРМИИ КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ФАКТОРОВ СТРЕССА У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ	
<i>Столярчук Е.А.</i>	252
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ВОСТРЕБОВАННОСТЬ И ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ	
<i>Флоровский С.Ю., Шияневская И.А.</i>	253
КОПИНГ-ПОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР ТРУДОВОЙ И ОРГАНИЗАЦИОННОЙ АДАПТАЦИИ	

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА
МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Флоровский С.Ю.</i>	254
ЛИЧНОСТНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ СОВМЕСТНОЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРОБЛЕМА ПРЕДИКЦИИ ОРГАНИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ	

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Volkova N.</i>	256
CAREER ANCHORS AND SELF-MONITORING AS PREDICTORS OF CAREER MOTIVATION – A STUDY OF RUSSIAN STUDENTS	
<i>Агадуллина Е.Р.</i>	257
ЦЕЛОСТНОСТЬ ГРУППЫ КАК МУЛЬТИКОМПОНЕНТНЫЙ КОНСТРУКТ	
<i>Алишев Б.С., Атагунов Р.И.</i>	258
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНОГО МИРА МОЛОДЕЖИ ПРИЗЫВНОГО ВОЗРАСТА	
<i>Аллахвердова О.В., Крайнова О.С.</i>	259
СИТУАЦИИ, ВЫЗЫВАЮЩИЕ СОСТОЯНИЕ ФРУСТРАЦИИ У МОЛОДЕЖИ	
<i>Антонова Н.В., Ивашкина Т.А.</i>	260
ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	
<i>Астрейко Н.С.</i>	262
ВЗАИМОСВЯЗЬ АГРЕССИИ И СТИЛЕЙ ВОЖДЕНИЯ АВТОМОБИЛЯ ДЛЯ МУЖЧИН-ВОДИТЕЛЕЙ	
<i>Баранова В.А.</i>	263
КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ	
<i>Басимов М.М., Басимова П.М.</i>	264
ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА И ТОЛЕРАНТНОСТИ	
<i>Блинова Е.Е.</i>	266
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ВЫНУЖДЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ	
<i>Борисова М.М., Гуриева С.Д.</i>	267
ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДОВЕРИИ У ДЕТЕЙ	
<i>Бражник Ю.В., Гриценко В.В., Муращенкова Н.В.</i>	268
ДИНАМИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РУССКИХ ШКОЛЬНИКОВ О СВОЕЙ И ДРУГИХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУППАХ ПОД ВЛИЯНИЕМ ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОР	
<i>Буркова С. А.</i>	269
РОЛЬ СЕМЬИ В ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИИ РЕБЕНКА	

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Вопилова И.Е., Мишарина А.В.</i>	270
КОЛЛЕКТИВНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ПЕРВОМ ПОЛЕТЕ ЧЕЛОВЕКА В КОСМОС: АНАЛИЗ СВОБОДНЫХ АССОЦИАЦИЙ	
<i>Гагарина М.А.</i>	272
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДОЛГОВОГО ПОВЕДЕНИЯ	
<i>Горностаев С.В.</i>	273
СОЦИАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В СТРУКТУРЕ СЛУЖЕБНОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ)	
<i>Григорова Т.П.</i>	274
ТИП ПРИВЯЗАННОСТИ ЗАМЕЩАЮЩИХ РОДИТЕЛЕЙ КАК ФАКТОР ВЫБОРА ИМИ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ ДЛЯ СОВЛАДАНИЯ СО СТРЕССАМИ В ОТНОШЕНИЯХ С ПРИЕМНЫМИ ДЕТЬМИ	
<i>Гришина А.В.</i>	276
ВЛИЯНИЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР НА РАЗВИТИЕ МЛАДШЕГО ПОДРОСТКА	
<i>Грошев А.А., Баранова В.А.</i>	277
ОБРАЗЫ ИДЕАЛЬНОГО И РЕАЛЬНОГО ПАРТНЕРА У ДЕВУШЕК 18-25 ЛЕТ	
<i>Дмитриева В.А., Волкова Е.Н., Верейтинова Т.В.</i>	278
ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ: ОБУЧЕНИЕ ЧЕРЕЗ РАБОТУ	
<i>Дреев О.И., Крупнов Д.Ю.</i>	279
РИСКИ ВНУТРИЛИЧНОСТНОГО КОНФЛИКТА ОСЕТИН В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ СОЦИУМЕ	
<i>Екимова К.С., Яничева Т.Г.</i>	281
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВОСПРИЯТИЯ В ДИАДЕ	
<i>Завгородняя Е.В.</i>	282
ЗДОРОВЬЕ РЕБЕНКА В КОНТЕКСТЕ ТРУДНОСТЕЙ АДАПТАЦИИ К ШКОЛЕ	
<i>Защиринская О.В., Зуева В.С.</i>	283
ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ СКАЗОЧНОГО ПЕРСОНАЖА КАК СРЕДСТВО РЕКЛАМНОГО ВЛИЯНИЯ НА ДЕТЕЙ	
<i>Змеева А.С.</i>	284
ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗАЩИТ У УЧИТЕЛЕЙ С РАЗЛИЧНЫМИ ЛИЧНОСТНЫМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ	
<i>Змиевская А.А., Курьшьева О. В.</i>	285
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЛИЧНОСТИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОТНОШЕНИЯ К РЕПРОДУКТИВНЫМ НОРМАМ	
<i>Зуев К.Б.</i>	286
СЕМЕЙНЫЙ КОНТЕКСТ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ ПОДРОСТКОВ	

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Иванова Н.Л., Бикметова К.Н.</i>	288
ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ЛИЦ С РАЗЛИЧНЫМИ ТИПАМИ ИДЕНТИЧНОСТИ	
<i>Иванова П.А., Чикер В.А.</i>	289
ОСОБЕННОСТИ МОББИНГА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ	
<i>Капустина А.Н., Чернышев М. Г.</i>	290
УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУКОВОДИТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ	
<i>Капустина А.Н.</i>	291
ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННАЯ СФЕРА ЛИЧНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ВОЛОНТЁРА	
<i>Карпова Е.А.</i>	292
РОЛЕВОЙ ПОДХОД ПРИ ФОРМИРОВАНИИ КОМАНД В УСЛОВИЯХ КОНКУРЕНЦИИ	
<i>Курсанова А.Б., Парфенов Ю.А.</i>	293
ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКОГО И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗРАСТА В ОБЩЕСТВЕ	
<i>Кисляков П.А., Силаева О.А.</i>	294
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ ИНТЕЛЛЕКТА	
<i>Ковалева Ю.В.</i>	295
ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРОСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ И ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО, БЕЛОРУССКОГО И РУССКОГО ЭТНОСОВ	
<i>Козырева О.А., Доминяк В.И.</i>	297
ЭКСПЛИЦИТНЫЕ И ИМПЛИЦИТНЫЕ УСТАНОВКИ СОТРУДНИКА К МИССИИ ОРГАНИЗАЦИИ	
<i>Колодина А.В.</i>	298
СТИЛЬ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКОГО ОТНОШЕНИЯ КАК ИНДИКАТОР ТАКТИКИ ПОВЕДЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ В КОНФЛИКТЕ С ПОДРОСТКАМИ	
<i>Кондратова Ю.Е.</i>	299
ОБ ОТНОШЕНИИ К ОЧЕРЕДИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ КУЛЬТУР	
<i>Кондратьев М.Д., Толстых Н.Н.</i>	300
ОСОБЕННОСТИ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИЧНОСТИ ОДАРЕННЫХ ПОДРОСТКОВ	
<i>Кочисов В.К., Хадикова И.М., Гобаева И.А.</i>	302
МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ	
<i>Кочисов В.К., Хасиева А.В., Маргиева К.Р.</i>	303
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ СТУДЕНТАМ В АДАПТАЦИИ К СТРЕССОВЫМ ВОЗДЕЙСТВИЯМ ЭКЗАМЕНАЦИОННЫХ СЕССИЙ	

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Крюкова Т.Л., Захарченко Д.Н.</i>	304
ЗАВЕРШЕНИЕ РОМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ У ПОДРОСТКОВ: ОСОБЕННОСТИ СОВЛАДАНИЯ С ПЕРЕЖИВАНИЯМИ	
<i>Ксенда О.Г.</i>	305
СОВРЕМЕННЫЙ СТУДЕНТ: ЖИЗНЕННЫЕ ЦЕННОСТИ И ПЛАНЫ	
<i>Кубрак Т.А., Гребениčkова Т.А.</i>	306
СВЯЗЬ ФАКТОРОВ КИНОПРЕДПОЧТЕНИЙ И ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ	
<i>Кузнецова И.В., Свенццкий А.Л.</i>	308
КРУГ ОБЩЕНИЯ ЛИЧНОСТИ КАК ОБЪЕКТА РЕАКТИВНОЙ ПОМОЩИ	
<i>Кузнецова С.А.</i>	309
ВЗАИМОСВЯЗЬ МИГРАЦИОННЫХ УСТАНОВОК МАГАДАНСКИХ СТУДЕНТОВ И УРОВНЯ ИХ ДИСПОЗИЦИОННОГО ОПТИМИЗМА	
<i>Куликов Л.В., Пастушик М.М.</i>	310
ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ БЛИЗОСТИ В ДРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ	
<i>Курышева О.В.</i>	311
ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВОЗРАСТНЫХ АСПЕКТОВ СОЦИАЛЬНОГО СРАВНЕНИЯ	
<i>Курсаева И.М.</i>	312
К ВОПРОСУ ВОСТРЕБОВАННОСТИ ВЫПУСКНИКА ВУЗА НА СОВРЕМЕННОМ РЫНКЕ ТРУДА	
<i>Кухтова Н.В.</i>	313
ЭМПАТИЙНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ	
<i>Лемин В.В.</i>	315
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ С РАЗЛИЧНЫМ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ СТАЖЕМ О ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СТАРЫХ ЛЮДЕЙ	
<i>Лопухова О.Г., Газизов К.К., Гизетдинова Г.Р.</i>	316
ИППОВЕНЦИЯ – СОВРЕМЕННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ВОЗМОЖНОСТЯХ РАЗВИВАЮЩЕГО ЛИЧНОСТЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕК-ЛОШАДЬ	
<i>Мансурова М.В., Яничева Т.Г.</i>	317
ВЛИЯНИЕ СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИИ НА ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ ВО ВНЕШНЕЙ СРЕДЕ	
<i>Марарица Л.В., Казанцева Т.В., Почебут Л.Г.</i>	318
РАЗРАБОТКА ШКАЛЫ АЛЬТРУИСТИЧЕСКОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ	
<i>Мизгирёва М.Ю., Фофанова Г.А.</i>	319
ВЗАИМОСВЯЗЬ САМОПРЕЗАНТАЦИИ В ЭЛЕКТРОННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И РЕАЛЬНОЙ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МОЛОДЕЖИ	

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Микляева А.В.</i>	320
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ИНФАНТИЛИЗМ ЛИЧНОСТИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ	
<i>Недошвина М.А.</i>	321
ФАКТОРЫ ЛИЧНОСТИ И СИТУАЦИИ КАК ПРЕДИКТОРЫ АЛЬТРУИЗМА	
<i>Нестерович Т.Б.</i>	323
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ	
<i>Никифорова Д.М.</i>	324
ОСОБЕННОСТИ БЕЗОПАСНОСТИ ЗАЩИТНОГО И СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ СУБЪЕКТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ	
<i>Новгородова Е.Ф., Яремчук С.В.</i>	325
ПРОЯВЛЕНИЯ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УРОВНЯ СУБЪЕКТА	
<i>Новикова Е.С.</i>	326
РАБОТА ИЛИ ДЕТИ? ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ РАБОТАЮЩИХ И НЕРАБОТАЮЩИХ МАТЕРЕЙ	
<i>Одинцова В.В., Дмитриева В.А., Намди Д.М.</i>	327
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФИЛЬМА В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА	
<i>Озерина А.А.</i>	328
СОДЕРЖАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ВОЗРАСТНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ НОРМ	
<i>Павлова О.С., Хухлаев О.Е., Миназова В.М.</i>	330
РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МУСУЛЬМАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ	
<i>Парфенова Д. А.</i>	331
РИСК ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА	
<i>Попова Т.А.</i>	332
ТРЕВОЖНОСТЬ, АГРЕССИВНОСТЬ И ПЕРЕЖИВАНИЕ ОДИНОЧЕСТВА У РУССКИХ И КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ ПОДРОСТКОВ	
<i>Пушкина А.В.</i>	333
ИССЛЕДОВАНИЕ СВЯЗИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И ПРЕДПОЧТЕНИЙ В ИСКУССТВЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ	
<i>Романов И.В.</i>	334
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК НОВАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ	
<i>Рягузова Е.В.</i>	335
ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ ЧУЖАКА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ КОНТЕКСТА	

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Сидоренко Е.В.</i>	336
ВОЗМОЖНОСТИ ДИСТАНЦИОННОГО ТРЕНИНГА	
<i>Ситников В.Л., Кедич С.И., Мынто К.С.</i>	337
ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕРЦЕПЦИИ И ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ НЕФОРМАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖИ	
<i>Скитневская Л.В.</i>	339
ИССЛЕДОВАНИЕ МОТИВАЦИИ УПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ МОЛОДЕЖЬЮ	
<i>Сланбекова, Г.К., Сланбекова Г.К., Кабакова М.П.</i>	340
ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ СОВЛАДАНИЯ С ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАВМОЙ В СИТУАЦИИ РАЗВОДА	
<i>Сланбекова Г.К.</i>	341
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРЕНИНГ В РАБОТЕ С РАЗВЕДЕННЫМИ СУПРУГАМИ	
<i>Смирнова Ю.С., Зайцева Ю.В.</i>	342
СОЦИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ ЛЮДЕЙ С ХРОНИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ В ОТНОШЕНИИ ЗДОРОВЫХ ЛЮДЕЙ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИНГРУППЫ	
<i>Смирнова Я.К.</i>	343
ОРИЕНТИРОВОЧНАЯ ОСНОВА СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОШКОЛЬНИКОВ	
<i>Сотникова Т.В.</i>	345
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ РАБОЧИХ КОМАНД	
<i>Степанова Г.С.</i>	346
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ САМОСОЗНАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ	
<i>Татарко К.И., Смирнова Ю.С.</i>	347
ВОЗРАСТНЫЕ АУТОСТЕРЕОТИПЫ МОЛОДЫХ СОТРУДНИКОВ С РАЗЛИЧНОЙ ВЫРАЖЕННОСТЬЮ МОТИВА МАТЕРИАЛЬНОГО ДОСТАТКА	
<i>Толстых А. А., Садовникова Н. О.</i>	348
СИСТЕМА УБЕЖДЕНИЙ И ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ДРУГИХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ	
<i>Троицкая Е.А.</i>	349
РЕФЛЕКСИЯ КАК МЕХАНИЗМ ЭМПАТИИ	
<i>Удавихина У.А., Гуриева С.Д.</i>	351
ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ НА ВЫБОР СТИЛЯ ВЕДЕНИЯ ПЕРЕГОВОРОВ	
<i>Федоров В.Ф.</i>	352
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС ПРИМИРЕНИЯ ЭТНО-РЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЛИКТОВ	
<i>Фельсендорфф О.В., Егоров А.Ю.</i>	353
ОСОБЕННОСТИ САМООТНОШЕНИЯ ЖЕНЩИН С РИСКОМ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ОБЛАСТИ ЗАНЯТИЙ ФИТНЕСОМ	

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Холопова Е.С., Лопес Е.Г.</i>	354
О ПРИЧИНАХ ДОБРОВОЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ САМОИЗОЛЯЦИИ ПОДРОСТКОВ И МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ	
<i>Хорошилов Д.А.</i>	355
ОБЩЕНИЕ – ИГРА НА СЦЕНЕ, ДИАЛОГ ИЛИ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ?	
<i>Цветкова Г.Е.</i>	356
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР КАРЬЕРЫ	
<i>Цветкова Л.А.</i>	357
СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ И ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ	
<i>Чикер В.А., Самосудова А.М.</i>	358
РЕПУТАЦИЯ ВУЗА КАК ЕГО НЕМАТЕРИАЛЬНЫЙ РЕСУРС И КОНКУРЕНТНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО	
<i>Р.М. Шамионов.</i>	359
СООТНОШЕНИЕ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И СТЕПЕНИ ПРИВЕРЖЕННОСТИ К ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЕ С ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ И ПСИХОДИНАМИЧЕСКИМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП	
<i>Шахторина Е.В.</i>	360
ИДЕНТИЧНОСТЬ УЧАСТНИКОВ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВ	
<i>Шейнов В.П.</i>	361
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА АССЕРТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ	
<i>Ширяк М.С.</i>	362
ПОНИМАНИЕ И РЕКОНСТРУКЦИЯ СМЫСЛА СИТУАЦИЙ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЖИВОПИСИ)	
<i>Шумская Л.И.</i>	364
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ТРЕБОВАНИЙ К СПЕЦИАЛИСТУ НА СОВРЕМЕННОМ РЫНКЕ ТРУДА	
<i>Юшачкова Т.Б.</i>	365
ЦЕННОСТЬ УМЕНИЯ ПРОЩАТЬ И ПОНИМАНИЕ ЛЮДЬМИ ДРУГ ДРУГА	
<i>Якунин А.П., Панферов В.Н.</i>	366
СТАТИСТИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА СТРУКТУРЫ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЛИЧНОСТИ	

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Анисимова Т.В., Бакулева К.К., Самуйлова И.А.</i>	368
ОБРАЗ ГОСУДАРСТВА У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ	

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Бугайчук Т.В.</i>	369
ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ	
<i>Гайдар К.М., Кунаковская А.В.</i>	370
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ СТУДЕНТОВ	
<i>Глазов Л.Г., Конфисахор А.Г.</i>	371
К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ПСИХОЛОГО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК УЧАСТНИКОВ НКО	
<i>Дейнека О.С.</i>	372
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА ОТ ЭКОНОМИКИ ВЫЖИВАНИЯ К ЭКОНОМИКЕ РАЗВИТИЯ (ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ)	
<i>Дейнека О.С., Якушова А.С.</i>	373
ОТНОШЕНИЕ К РОССИЙСКОЙ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКЕ У СТУДЕНТОВ АГРАРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ	
<i>Митина О.В., Вахабжанова Ф.</i>	375
АДАПТАЦИЯ МЕТОДИКИ «ЦЕННОСТНЫЙ ПОРТРЕТ» Ш. ШВАРЦА В УЗБЕКСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКОГО ПОДХОДА	
<i>Неврюев А.Н.</i>	376
КАК СПРАВЕДЛИВЫЙ МИР ПРЕДСКАЗЫВАЕТ ОБЩИЕ АТТИТЮДЫ К ВОЙНЕ? РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ, НАЦИОНАЛИЗМА И ПАТРИОТИЗМА	
<i>Оконешникова О.В.</i>	377
КОНФЛИКТ «ТЕЛЕВИЗОР VS.ХОЛОДИЛЬНИК» В ПОЛИТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ (НА ПРИМЕРЕ ЖЕНЩИН, РАБОТАЮЩИХ В СФЕРЕ ТОРГОВЛИ)	
<i>Самуйлова И.А., Зеленов А.С.</i>	379
РОЛЬ ХАРАКТЕРИСТИК ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ В РЕГУЛИРОВАНИИ ПСИХИЧЕСКИХ РЕАКЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ	
<i>Свешишникова Н.О., Волынская М.А.</i>	380
ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГОСУДАРСТВЕ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ ГРАЖДАН РОССИИ С ИХ ЦЕННОСТЯМИ	
<i>Синельникова Е.С., Зиновьева Е.В.</i>	381
КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ 90-Х У СТУДЕНТОВ	

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Адмакина Т.А., Беломестнова Н.В.</i>	383
МЕСТОКЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО МЕТОДА В СУДЕБНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ БРАКОРАЗВОДНОГО ПРОЦЕССА	
<i>Беляева Т.Б., Пацанская П.Е.</i>	384
ОСОБЕННОСТИ ВИКТИМНОСТИ СОЗАВИСИМЫХ ВЗРОСЛЫХ	

ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Беркалиев Т.Н.</i>	385
ОТДАЛЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ У ЖЕРТВ БУЛЛИНГА В ШКОЛЕ	
<i>Бурина Д.А.</i>	386
ЖЕНСКИЙ СУИЦИДАЛЬНЫЙ ТЕРРОРИЗМ В КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ РФ	
<i>Вартанян Г.А., Горбатов С.В.</i>	387
К ВОПРОСУ О ФЕНОМЕНЕ ПОЛОВОГО САМОСОЗНАНИЯ	
<i>Дементий Л.И.</i>	388
ИМПУЛЬСИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР ШКОЛЬНОЙ ВИКТИМИЗАЦИИ	
<i>Денисова К.С., Бочаров В.В.</i>	389
ОСОБЕННОСТИ САМООЦЕНКИ МУЖЧИН-СОТРУДНИКОВ ВНЕВЕДОМСТВЕННОЙ ОХРАНЫ С ДОНОЗОЛОГИЧЕСКИМИ СОМАТИЧЕСКИМИ НАРУШЕНИЯМИ	
<i>Диденко И.В., Андриянова Н.А.</i>	390
ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТАЦИОННЫЕ ТИПЫ ОФИЦЕРСКОГО СОСТАВА ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ	
<i>Дозорцева Е.Г.</i>	391
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКСНОЙ СУДЕБНОЙ ПСИХОЛОГО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	
<i>Дронова Е.Н., Мыльникова А.В.</i>	392
СОПРОВОЖДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ПРИВЛЕЧЕННЫХ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА СОДЕРЖАНИЯ	
<i>Евстафеева Е.А., Честюнина Ю.В.</i>	394
ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ С САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬЮ	
<i>Завязкина Н.В.</i>	395
КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВВЕДЕНИЯ НОРМЫ ОГРАНИЧЕННОЙ ВМЕНЯЕМОСТИ	
<i>Киселев К.А.</i>	396
ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ РАБОЧЕГО МЕСТА СОТРУДНИКАМИ УИС	
<i>Коноплева И.Н.</i>	397
СТРЕСС И ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ	
<i>Короткина Т. И.</i>	398
СИТУАТИВНЫЕ ФАКТОРЫ АГРЕССИВНОСТИ ФУТБОЛЬНЫХ ФАНАТОВ	
<i>Краснов В.В., Курбатова Т.Н.</i>	400
КОГНИТИВНАЯ СЛОЖНОСТЬ И ДИНАМИКА АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ	

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Кузмицкая Ю.Л., Фурманов И.А.</i>	401
СОЦИАЛИЗАЦИЯ И НАУЧЕНИЕ АГРЕССИВНОМУ ПОВЕДЕНИЮ	
<i>Лопес С.В.</i>	402
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВИКТИМНОЙ ЛИЧНОСТИ	
<i>Лупенко Е.А.</i>	403
РОЛЬ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК НАБЛЮДАТЕЛЯ В ЗАДАЧАХ ВОСПРИЯТИЯ И ОПОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА ПО ПОРТРЕТНОМУ ИЗОБРАЖЕНИЮ	
<i>Мищенко В.В., Погорелова В.А.</i>	404
ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ	
<i>Поздеева А. З., Бендас Т.В.</i>	405
ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ	
<i>Романова Н.М., Экедегва Р.О., Киселев К.А.</i>	407
ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ОСУЖДЕННЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НИГЕРИЙСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ)	
<i>Смирнова Т.Г. Смирнов В.П.</i>	408
ПРОИЗВОДСТВО ЭКСПЕРТИЗ ОБ ОГРАНИЧЕННОЙ СПОСОБНОСТИ СУБЪЕКТА К ОСОЗНАННО-ВОЛЕВОМУ ПОВЕДЕНИЮ	
<i>Суворова О.В., Сорокоумова С.Н., Лебедев М.Н.</i>	410
ВЛИЯНИЕ ОПЫТА ФИЗИЧЕСКОГО И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ НА СУВЕРЕННОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ	
<i>Сулицкий В.В.</i>	411
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АУТОПСИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЗА УМЫШЛЕННОЕ УБИЙСТВО	
<i>Федонкина А.А.</i>	413
СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТНОЙ НЕЗРЕЛОСТИ ПРИ АНОМАЛЬНОМ ВАРИАНТЕ РАЗВИТИЯ И ИХ ПРОЯВЛЕНИЕ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПОДРОСТКАМИ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ	
<i>Фесенко Ю.А., Шигашов Д.Ю.</i>	414
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ И АНОМАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ РЕЙПИРЕНТНЫХ ПОДРОСТКОВ	
<i>Шаболтас А.В., Гранская Ю.В., Халеева М.В.</i>	415
РАСПОЗНАВАНИЕ СИГНАЛОВ ОБМАНА В ПРОЦЕССЕ ИНТЕРВЬЮ С УЧАСТИЕМ ПЕРЕВОДЧИКА: РЕЗУЛЬТАТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	
СПИСОК АВТОРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЯМ	
417	

АНАНЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2016
ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА
Том 2.

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Отпечатано в типографии ООО «Айсинг»
ИД «ФАРМиндекс»
199106, Санкт-Петербург, Средний пр., 99/18 лит. А
Тел /факс (812) 327-05-12 www.icing.ru
Тираж 100 экз. Заказ № 11.